

М. В. Бибиков

BYZANTINOROSSICA

Свод византийских свидетельств о Руси

II

STUDIA PHILOLOGICA

BYZANTINOROSSICA

Свод византийских свидетельств о Руси

Нарративные памятники

II

Составитель

М. В. Бибиков

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2009

ББК 63.3(2)4
Б 59

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 07-01-16105

Бибиков М. В.

Б 59 BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники. II / Рос. Академия наук; Ин-т всеобщей истории. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 528 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0333-4

Второй том Свода византийских письменных свидетельств о Руси содержит тексты переводов исторических сочинений византийских авторов VI — начала XIII вв. Материалы книги являются дополнением к Ономастикону первого тома серии «Byzantinogossica». Публикация каждого фрагмента в известных русских переводах сопровождается вступительной статьей и историко-филологическими комментариями.

Для исследователей средневековой истории Руси и народов Восточной Европы, студентов гуманитарных вузов.

ББК 63.3(2)4

*В оформлении переплета использован
диптих Барберини (ок. IV в.) из собрания Лувра*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0333-4

© Бибиков М. В., 2009
© Рукописные памятники Древней Руси, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Раннеславянская «предыстория»: Скифы, готы, анты, склавины

Прокопий Кесарийский	5
Иоанн Малала	43
Евагрий Схоластик	47
Менандр Протектор	51
Пасхальная Хроника	53
Маврикий	57
Феофилакт Симокатта	61
Георгий Писида	81
Феодор Синкелл	85
Феофан Исповедник	89
Патриарх Никифор	123

Русь в нарративных памятниках

Житие Георгия Амастрийского	125
Фотий	139
Никита Давид Пафлагон	191
Константин Багрянородный	199
Воинский Трактат	255
Продолжатель Феофана	261
Хроника Псевдо-Симеона	269
Малые (краткие) хроники	271
Иоанн Геометр (Кириот)	275
Лев Диакон	291
Иоанн Скилица	315
Михаил Пселл	325

Кекавмен.	347
Список епископий	349
Анна Комнина	355
Никифор Вриенний	421
Иоанн Киннам	425
«Тимарион»	489
Никита Хониат.	491

РАННЕСЛАВЯНСКАЯ «ПРЕДЫСТОРИЯ»: СКИФЫ, ГОТЫ, АНТЫ, СКЛАВИНЫ

ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ

Прокопия Кесарийского (ок. 500—560-е гг.) следует считать центральной фигурой ранневизантийской историографии. Он был автором многочисленных объемных сочинений в жанре исторической прозы: его «Истории», или «Войны», включают в себя два тома описаний войн с Сасанидским Ираном (530—532, 540—549 гг.), два тома войн с вандалами (533—534 гг.), три — с готами (535—550 гг.) и завершаются еще одной книгой. Строительной деятельности Юстиниана посвящено сочинение «О постройках». На Прокопия ссылаются, его тексты используют, компилируют, цитируют все последующие поколения византийских историков вплоть до XIV—XV вв. Но дело не только в объеме написанного Прокопием и не только в уникальности его исторических свидетельств, имеющих исключительное значение для историка. Интересна неоднозначность его личности как автора: выдержанные в духе политической ортодоксии, его основные исторические труды резко контрастируют с еще одной, очень важной его книгой. Это так называемая «Тайная история», в которой раскрытие истинной сущности описываемых событий, восхваляемых в официальной историографии, доходит до грани политического памфлета.

Подобно многим ранневизантийским литераторам, Прокопий происходил с востока — он родился в Палестине, в Кесарии Понтийской (или Стратоновой), в знатной, по всей видимости, семье, а образование — риторическое и, возможно, юридическое — получил также в одном из главных центров культуры византийского Востока — в Бейруте. Его дальнейшая жизнь — секретаря, советника, посланни-

ка — тесно связана с судьбой могущественного полководца Велисария, с которым Прокопию довелось обойти многие земли — Сицилию, Карфаген в Африке, Италию, участвовать в многочисленных войнах и дипломатических переговорах — с вандалами, готами, персами. Естественно, Велисарий становится главным героем «Войн» Прокопия; его победы представлены решающими для судеб государства, а неудачи извинительными.

Напротив, император Юстиниан, воспринимаемый входившим в круг высшей senatorской аристократии писателем, скорее всего, как парвеню, оценивается в значительно более сдержанных тонах, а в «Тайной истории» и резко критикуется. Причем Юстиниан здесь представляется не только виновником несчастий варварских вторжений, но и чуть ли не причиной природных катастроф.

Однако, при всей резкости оценок Прокопия, он вполне привержен идее исключительности императорской власти в Византии. Действительно, византийские завоевания при Юстиниане вновь раздвинули пределы ромейских границ почти до размеров Римской империи Августов: вновь внутренними провинциями стали (пусть на время) и Италия, и Северная Африка, и Малая Азия, и Армения.

Существенным для оценки мировидения историка является то, что описываемые им земли и события он видел сам: принцип автопсии был для него основой «истины» — главной цели исторического познания, по утверждению автора (1.1,3), противопоставлявшего в духе античной традиции «миф» и «историю» (VIII.1,13). Именно эффекту авторского присутствия обязаны мы и пространными экскурсами, описаниями народов, их обычаев, дальних земель; Прокопий донес до нас и уникальные сведения о древних народах Восточной Европы — склавинах и антах.

Древняя топка архаизированной этнонимии и образной стереотипии у Прокопия — дань литературным нормам исторического описания — не противоречит реальности свидетельств очевидца: этикетность словоупотребления при описании «этнического портрета» варвара лишь оттеняется характерными индивидуальными деталями, подмеченными историком в

описываемом явлении. Это кажущееся противоречие снимается, если принять во внимание культивируемый Прокопием, как ученым литератором, принцип мимесиса (подражания) античным образцам прозы. Многочисленные параллели или скрытые цитаты из Геродота и Фукидида, стилистический аскетизм не превращают в беллетристическую фикцию описание чумы (ср. аналог у Фукидида) или идеализацию мира варваров (ср. скифский экскурс у Геродота).

Вместе с тем большее, чем дань античному классицизму у Прокопия, — это место, занимаемое античным божеством судьбы — Тихи, ставшим и впоследствии в византийской литературе одним из главных действующих лиц в человеческой жизни. Прокопий, верный христианин, лояльный в религиозном и нравственном отношении (что дало повод некоторым исследователям даже видеть в нем конформиста и приспособляющегося карьериста), представляет Тиху в качестве силы, чуть ли не соперничающей с Богом. Неслучайно Прокопия многие считают религиозным скептиком, агностиком, фаталистом.

Прокопий стал одним из первых историков, создавших особые формы критики императоров в условиях византийского политического униформизма. Скорее всего, это также отвечало требованиям раскрытия «истины» исторического процесса, декларировавшимся автором «Войн». При всем традиционализме идеи римской государственности у Прокопия им фактически осуждается юстиниановская политика реконквисты. Этим объясняются и его примирительные настроения по отношению к миру «варваров».

Изд.: Procopii Caesariensis opera omnia. Rec. J. Haury. Abd. G. Wirth. Lipsiae, 1962—1964. Vol. 1—4.

Пер.: Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1996. Т. 1—2 (О постройках); Прокопий Кесарийский. История войн; Тайная история; О постройках / Пер. Л. А. Гиндина, В. Л. Цымбурского, С. А. Иванова // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. I (переизд. 1995). С. 175—207; Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. / Пер. А. А. Чекаловой. М., 1993.

Лит.: Основную литературу см.: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. 1. S. 496—50; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 300.

См. также: *Adshead K.* The Secret History of Procopius and its Genesis // Byzantion. 1993. Т. 63. Р. 5—28; *Greatrex G.* The Dates of Procopius' Works // Byzantine and Modern Greek Studies. 1994. Vol. 18. Р. 101—114; *Karpozelos A.* Βυζαντινοί ιστορικοί και χρονόγραφοι. Athens, 1997. Т. 1. Р. 369—419.

ВОЙНЫ

ВОЙНА С ГОТАМИ

(перевод С. П. Кондратьева)

VII. Кн. 3. 13. [*Конец 545 г. Юстиниан готовится к новому походу в Италию.*]

...Нарзеса евнуха¹ император послал к начальнику герулов² с тем, чтобы он убедил их в возможно большем числе отправиться походом в Италию. Многие из герулов выразили желание следовать за ним, в числе прочих и те, которыми командовал Филемут, и вместе с ним направились во Фракию³. Перезимовав там, с наступлением весны они собирались отправиться к Велизарии⁴. С ними был и Иоанн, которому дано было прозвище Фага («Обжора»). На этом пути им было суж-

¹ Византийский полководец Нарсес (ок. 478—568), одержавший в 551 г. решительную победу над готами.

² Северо-восточно-германские племена, мигрировавшие в сер. III в. в направлении Галлии (западные герулы) и на Дунай (восточные). На территории Подунавья вместе с готами совершали регулярные набеги на Империю. В эпоху Великого переселения народов покорены гуннами, после распада державы которых создали свое королевство на Дунае. К началу VI в. герулы занимали западные земли современной Словакии (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1991. С. 210; *Буданова В. П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 199).

³ Область в северной части Греции.

⁴ Византийский главнокомандующий, возглавлявший в конце 520—540-х гг. многочисленные походы на персов в Малой Азии, Ван-

дено совершенно неожиданно оказать римлянам великое благодеяние. Случилось, что незадолго перед тем большое полчище склавинов¹, перейдя реку Истр, стало грабить тамошние места и забрало в рабство большое количество римлян. Герулы неожиданно напали на них и, сверх ожидания, победили их, хотя склавины намного превосходили их численностью. Они перебили их, а всех пленных отпустили, дав им возможность возвратиться домой. Захватив тут некоего человека, присвоившего себе имя Хильбудия², человека знатного, некогда бывшего у римлян претором, Нарзес легко уличил его в самозванстве. Как это все было, я сейчас расскажу.

14. Был некто Хильбудий, близкий к императорскому дому, в военном деле человек исключительно энергичный и настолько чуждый жажды стяжательства, что вместо величайших богатств он не приобрел никакого состояния. На четвертом году своей единодержавной власти³ император, назначив этого Хильбудия начальником Фракии, поставил его для охраны реки Истра, приказав ему следить за тем, чтобы жившие там варвары не переходили реку. Дело в том, что (<...>) гунны, анты⁴ и склавины⁵, часто совершая такие переходы, наносили римлянам непоправимый вред. Хильбудий настоль-

дальское королевство в Африке, Остготское королевство в Италии, против готов и славян в Подунавье.

¹ Осенью 545 г.

² Обычно считается славянином, хотя прямых свидетельств об этом нет (*Брайчевский М. Ю.* К истории расселения славян на византийских землях // *Византийский временник.* 1961. Т. 19. С. 129; ср. *Литаврин Г. Г.* О двух Хилбудах Прокопия Кесарийского // *ВВ.* 1986. Т. 47. С. 28). Хотя этимология имени свидетельствует о германских его корнях, сам Хилбудий мог считать себя антом (*Свод...* Т. I. С. 215).

³ 530/531 г.

⁴ Племенное образование, считавшееся в науке славянским (или близким к славянам), обитавшее восточнее других славянских племен. Все идентификации с известными археологическими культурами дискуссионны: от пражско-пеньковской группы на юго-западе вплоть до Приазовья на востоке, до предков балканских славян и днепровцев — предков восточных славян (*Древняя Русь в свете зарубежных источников.* М., 1999. С. 79—90). Река Истр — совр. Дунай.

⁵ Византийский стереотип объединял обычно упоминание гуннов, антов и склавинов (славян) в единую формулу, что, возможно, явля-

ко был страшен варварам, что в течение трех лет, пока он был облечен званием военачальника, не только никто из варваров не осмеливался перейти Истр для войны с римлянами, но сами римляне, неоднократно переходя под начальством Хильбудия в земли по ту сторону реки, избивали и забирали в рабство живших там варваров. Спустя три года после своего прибытия Хильбудий по обычаю перешел реку с небольшим отрядом, славяне же выступили против него все поголовно. Битва была жестокая; пало много римлян, в том числе и их начальник Хильбудий. После этого река навсегда стала доступной для переходов варваров по их желанию и римская область совершенно открытой для их вторжения. Таким образом, оказалось, что вся Римская держава в этом деле совершенно не может равняться доблести одного человека.

Спустя некоторое время анты и склавины рассорились между собой и вступили в войну. Случилось так, что в этой войне анты были побеждены врагами. В этом столкновении один склавин взял в плен юношу, едва достигшего зрелости, по имени Хильбудия, и отвел его к себе домой. С течением времени этот Хильбудий оказался очень расположенным к своему хозяину и в военном деле очень энергичным. Не раз подвергаясь опасностям из-за своего господина, он совершил много славных подвигов и смог добиться для себя великой славы. Около этого времени анты сделали набег на Фракийскую область и многих из бывших там римлян ограбили и обратили в рабство. Гоня их перед собою, они вернулись с ними на родину. Одного из этих пленников судьба привела к человеколюбивому и мягкому хозяину. Сам же этот пленник был очень коварным и способным обмануть любого встречного. Так как при всем желании он не находил никаких средств вернуться в римскую землю, он придумал следующее. Придя к хозяину, он рассыпался в похвалах его милосердию, утверждая, что за это ему от бога будет много всяких благ, что сам он ни в коем случае не окажется неблагодарным своему добрейшему господину, и что если хозяин захочет послушать его добрых советов, которые он очень хорошо обду-

ется репликой вероятного факта вхождения славян в гуннский союз племен сер. V в. (Свод... Т. I. С. 209—210).

мал, то в скором времени он сделается обладателем большой суммы денег. У одного склавинского племени на положении раба находится Хильбудий, бывший военачальник римлян, скрывающий от всех варваров, кто он такой. Если ему будет угодно выкупить Хильбудия и доставить его в землю римлян, то вполне естественно, что он получит великую славу и очень много денег от императора. Такими речами римлянин тотчас убедил своего хозяина и вместе с ним отправился к склавинам. У этих народов был заключен мирный договор, и они без страха общались друг с другом. И вот, предложив хозяину Хильбудия большую сумму, они купили этого человека и с ним быстро вернулись домой¹. Когда они вернулись к себе, на свое местожительство, купивший стал его спрашивать, правда ли, что он Хильбудий, римский военачальник? Он не отказался рассказать все, как было, и со всей откровенностью изложил по порядку всю свою жизнь, что он сам родом ант, что, сражаясь вместе со своими родичами со склавинами, бывшими тогда их врагами, был кем-то из неприятелей взят в плен, теперь же, придя в родные земли, он в дальнейшем согласно закону² будет уже свободным. Заплативший за него деньги остолбенел, лишившись даже речи от изумления, и впал в величайший гнев, потеряв столь великую надежду на выгоду. Но римлянин, желая его утешить и скрыть истину, чтобы не сделать своего возвращения домой более затруднительным, продолжал настаивать, что этот человек тот самый римский Хильбудий, но что он, находясь в среде варваров, боится открыть все, когда же окажется в римской земле, не только не будет скрывать правды, но, естественно, будет гордиться этим именем. Вначале все это делалось тайно от остальных варваров.

Когда же этот слух, распространяясь в народе, стал достоянием всех, то по этому поводу собрались почти все анты, считая это дело общим и полагая, что для них всех будет боль-

¹ Важное свидетельство о денежном обращении как средстве торговли у ранних славян.

² Ссылка на «законы» у славян в византийском тексте — важное свидетельство, возможно, о существовании раннеславянского законодательства.

шим благом то, что они — хозяева римского полководца Хильбудия. Племена эти, склавины и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии¹, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща. А также одинаково и остальное, можно сказать, все у тех и у других, и установлено исстари у этих варваров. Ибо они считают, что один из богов — создатель молнии — именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков² и всяких жертвенных животных. Предопределения же они не знают и вообще не признают, что оно имеет какое-то значение, по крайней мере в отношении людей, но когда смерть уже у них у ног, схвачены ли они болезнью или выступают на войну, они дают обет, если избегнут ее, сейчас же совершить богу³ жертву за свою жизнь; а избежав [смерти], жертвуют, что пообещали, и думают, что этой-то жертвой купили себе спасение. Однако почитают они и реки, и нимф, и некоторые иные божества и приносят жертвы также и им всем, и при этих-то жертвах совершают гадания. А живут они в жалких хижинах, располагаясь далеко друг от друга и каждый меняя насколько можно часто место поселения. Вступая же в битву, большинство идет на врага пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают; некоторые же не имеют [на себе] ни хитона, ни [грубого] плаща, но, приспособив только штаны, прикрывающие срам[ные части], так и вступают в схватку с врагами. Есть у тех и других и единый язык, совершенно варварский. Да и внешностью они друг от друга ничем не отличаются, ибо все и высоки, и очень сильны, телом же и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются и к черноте, но все они чуть

¹ Термин не идентичен у Прокопия понятию системы власти античного полиса; «народовластие» здесь — лишь подчеркнутое противопоставление властной структуры славян византийской «монархии» и восточным «деспотиям».

² Свидетельство о развитой скотоводческой и земледельческой культуре у славян.

³ Очевидно, имеется в виду верховный бог, в чем Прокопий соотносит представления славян и древних греков (ср.: *Łowmiański H. Religia słowian I jej upadek* (w. V—XII). Warszawa, 1979. S. 227; Свод... Т. I. С. 222).

красноватые. Образ жизни [их] грубый и неприхотливый, как у массагетов¹, и, как и те, они постоянно покрыты грязью, — Впрочем, не менее всего коварны и злокозненны, но и в простоте [своей] они сохраняют гуннский нрав. Да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали «спорами»², как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища. Именно поэтому они и занимают неизмеримо обширную землю: ведь они обретаются на большей части другого берега Истра.

Собравшись, как сказано выше, анты заставили этого человека признать, как они хотели, что он Хильбудий — римский военачальник. Они грозили, что накажут его, т. к. он это отрицал. В то время, когда все это происходило, император Юстиниан, отправив некоторых лиц послами к этим варварам, предлагал им поселиться в древнем городе, по имени Туррис³, расположенном за рекой Истр. Этот город построил римский император Траян, но он уже издавна был покинут, так как местные варвары его постоянно грабили. Император Юстиниан соглашался одарить их этим городом и окружающей его областью, так как искони она принадлежала римлянам, обещает, что будет жить с ними, всячески стараясь сохранить мир, и даст им много денег с тем только, чтобы на будущее время они клятвенно обещали быть с ним союзниками⁴ и всегда бы выступали против гуннов, когда те захотят

¹ В античной традиции — собирательное наименование кочевников. У Прокопия идентифицируются с гуннами.

² Термин, отражающий какое-то наименование славян и одновременно представляющий в сочинении византийского автора славян, тесно связанных по месту пребывания и образу жизни с гуннами, как «полу-кочевников».

³ Точной идентификации не существует. Предполагаются Турну-Магурела, Галац, Барбоши, Буржак или даже античная Тира (совр. Белгород-Днестровский).

⁴ Этот статус, по византийским представлениям, предполагает политическую независимость, союзничество, не ограниченное лишь военной сферой, длительность срока сорабничества и упорядоченность взаимоотношений, включавшую, в частности, регулярные денежные выплаты Империей союзным иноземцам, которыми в описываемую эпоху были лангобарды, гепиды, готы, кутигуры, крымские готы, анты и др. (Иванов С. А. Понятия «союза» и «подчинения» у Прокопия

сделать набег на римскую империю. Варвары все это выслушали, одобрили и обещали сделать все это, если он восстановит начальником римского вождя Хильбудия и даст ему жить вместе с ними, утверждая, как они и задумали, что этот человек и есть Хильбудий. Возымев надежды на столь высокое положение, уже и сам этот человек пожелал быть им и утверждал, что он Хильбудий, римский военачальник. Его, отправленного с этой целью в Византию, Нарзес захватил на своем пути. Встретившись с ним и найдя, что он обманщик (хотя он говорил на латинском языке и искусно притворялся, узнав уже наперед многое из того, чем можно было воспользоваться в качестве примет Хильбудия), он заключил его в тюрьму и принудил рассказать все дело. После этого отступления возвращаюсь к продолжению своего рассказа¹.

22. [*Начало 547 г.*] В то время как эти послы отправляются в Византию и потом назад в Италию, вот что произошло в области луканов. Собрав местных крестьян, Туллиан сторожил дорогу в эту страну, где она сужалась, с тем чтобы враги не могли войти в Луканскую область и причинить ей разорение. Вместе с ним сторожили триста антов, которых еще раньше оставил тут Иоанн² по просьбе Туллиана; эти варвары лучше всех других умели сражаться в гористых и трудных местах. Когда об этом узнал Тотила³, он решил, что посылать готов на это дело бесполезно, но, собрав толпу крестьян и прислав к ним нескольких готов, он велел им всеми силами попытаться взять теснины. Когда они столкнулись друг с другом, между ними произошел сильный бой; анты благодаря своей доблести, так как к тому же им благоприятствовала гористая местность, вместе с крестьянами Туллиана обратили врагов в бег-

Кесарийского // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987; Свод... Т. I. С. 230).

¹ Несмотря на историю с Псевдо-Хилбудием, антско-византийский союз был, по-видимому, заключен в 545 г., после чего не было больше ни одного антского нападения на Византию, а после 612 г. имя антов вообще больше не встречается (Свод... Т. I. С. 232).

² Византийский полководец, соперник главнокомандующего Велисария, его преемник в качестве командующего армией в Италии.

³ Тотила, или Бадуила (ок. 512—552) — король остготов.

ство, произведя большое избиение (...) Узнав, что Тотила идет на него, Иоанн не счел возможным оставаться в Апулии, он быстро двинулся к Дриунту [Гидрунту]¹. Из патрициев те, которые были отправлены в Кампанию, послав в Луканию некоторых доверенных людей, согласно желанию Тотилы, велели своим крестьянам не принимать участия в том, что там делается, и возделывать поля, как они привыкли. Они объявили, что за это им будут все блага от хозяев (*Другое чтение (у Диндорфа): «что они снова станут их хозяевами».*). Тогда они ушли из римского войска и спокойно сидели на своих полях. Туллиан бежал, а триста антов решили удалиться к Иоанну.

29. [Весна 548 г.] Приблизительно в это время войско склавинов, перейдя реку Истр, произвело ужасающее опустошение всей Иллирии вплоть до Эпидамна², убивая и обращая в рабство всех попадавшихся навстречу, не разбирая пола и возраста, и грабя ценности. Даже многие укрепления, бывшие тут и в прежнее время казавшиеся сильными, т. к. их никто не защищал, склавином удалось взять; они разбрелись по всем окрестным местам, свободно производя опустошения. Начальники Иллирии с пятнадцатитысячным войском следовали за ними, но подойти к неприятелю близко они нигде не решались.

38. [549/550 г.] Около этого же времени войско склавинов, собравшись не больше чем в три тысячи человек, перешло через реку Истр, не встретив ни с чьей стороны противодействия, и затем без большого труда, перейдя реку Гевр³, разделилось на две части. В одной части было тысяча восемьсот человек, вторая включала всех остальных. Начальники римского войска в Иллирии и Фракии вступили с этими войсками в открытое сражение, но хотя эти части и были разъединены, однако римляне были разбиты благодаря их внезапному нападению, одни из них были убиты, другие в беспорядке бежали. После того как начальники римлян были таким образом разбиты обоими отрядами варваров, хотя варвары по численности были намного слабее римлян, один из неприятель-

¹ Совр. г. Отранто в Калабрии.

² Или Диррахий, совр. г. Дуррес в Албании.

³ Или Эвро, совр. р. Марица.

ских отрядов вступил в сражение с Асбадом. Это был воин из отряда телохранителей императора Юстиниана, зачисленный в состав так называемых кандидатов; он командовал регулярной конницей, которая издавна пребывала во фракийской крепости Тзуруле и состояла из многочисленных отличных всадников. И их без большого труда склавины обратили в бегство и во время этого позорного бегства очень многих убили, Асбада же взяли живым в плен, а потом убили, бросив в горящий костер, предварительно вырезав из кожи на спине этого человека ремни. После этого они стали безбоязненно грабить и все эти местности и во Фракии, и в Иллирии, и много крепостей и тот и другой отряд склавинов взял осадой; прежде же склавины никогда не дерзали подходить к стенам или спускаться на равнину [для открытого боя], так как эти варвары никогда прежде даже не пробовали проходить по земле римлян. Даже через реку Истр, по-видимому, за все время они перешли только один раз, как я выше об этом рассказывал.

Эти склавины, победители Асбада, опустошив подряд всю страну вплоть до моря, взяли также приступом и приморский город, по имени Топер¹, хотя в нем стоял военный гарнизон. Город этот был первым на фракийском побережье и от Византии отстоял на двенадцать дней пути. Взяли же они его следующим образом. Большая часть врагов спряталась перед укреплением в труднопроходимых местах, а немногие, появившись около ворот, которые обращены на восток, беспокоили римлян, бывших на стене. Римские воины, находившиеся в гарнизоне, вообразив, что врагов не больше, чем те, которых они видят, взявшись за оружие, тотчас же вышли против них все. Варвары стали отступать, делая вид, что, испуганные их нападением, они обратились в бегство; римляне же, увлеченные преследованием, оказались далеко впереди укреплений. Тогда поднялись находившиеся в засаде и, оказавшись в тылу у преследующих, отрезали им возможность возвратиться назад в город. Да и те, которые делали вид, что отступают, повернувшись лицом к римлянам,

¹ Топир, или Ксанти — самый западный населенный пункт Фракии в Эгейском приморье.

поставили их между двух огней. Варвары всех их уничтожили и тогда бросились к стенам. Городские жители, лишенные поддержки воинов, были в полной беспомощности, но все же стали отражать, насколько они могли в данный момент, нападающих. Прежде всего, они лили на штурмующих кипящее масло и смолу и всем народом кидали в них камни; и они, правда, чуть было не отразили грозящую им опасность. Варвары, пустив в них тучу стрел, принудили их покинуть стены и, приставив к укреплениям лестницы, силой взяли город. До пятнадцати тысяч мужчин они тотчас же убили и ценности разграбили, детей же и женщин обратили в рабство. Вначале они не щадили ни возраста, ни пола, оба эти отряда с того самого момента, как ворвались в область римлян, убивали всех, не разбирая лет, так что вся земля Иллирии и Фракии была покрыта непогребенными телами. Они убивали попадавшихся им навстречу не мечами и не копьями или какими-нибудь обычными способами, но, вбив крепко в землю колья и сделав их возможно острыми, они с великой силой насаживали на них этих несчастных, делая так, что острие этого кола входило между ягодицами, а затем под давлением тела проникало во внутренности человека. Вот как они считали нужным обращаться с ними. Иногда эти варвары, вбив глубоко в землю четыре толстых кола, привязывали к ним руки и ноги пленных и затем непрерывно били их палками по голове, убивая их таким образом, как собак, или как змей, или других каких-либо диких животных. Остальных же вместе с быками или мелким скотом, который они не могли гнать в отеческие пределы, они запирали в помещениях и сжигали без всякого сожаления. Так сначала склавины уничтожали всех встречающихся им жителей. Теперь же они и варвары из другого отряда, как бы упившись морем крови, стали некоторых из попадавшихся им брать в плен, и поэтому все уходило домой, увозя с собой бесчисленные десятки тысяч пленных.

40. Пока Герман¹ собирал свое войско в Сардике², городе Иллирии, и приводил его в порядок, заготовляя усиленно все, что нужно было для войны, огромная толпа склавинов, какой никогда раньше не бывало, явилась на римскую территорию. Перейдя реку Истр, они подошли к городу Наису³. Когда немногие из них, отделившись от войска, стали блуждать в одиночку по этим местам, некоторые из римлян захватили их и, связав, стали допытываться, чего ради это войско перешло через Истр и что они собирались сделать. Склавины твердо заявили, что явились сюда, чтобы осадить и взять Фессалонику и города вокруг нее. Когда об этом услышал император, он пришел в большое беспокойство и тотчас приказал Герману отложить поход на Италию и защищать Фессалонику и другие города и отразить, насколько он сможет, нашествие склавинов. Из-за этого Герман задержался. Склавины же, узнав точно от пленных, что Герман находится в Сардике, почувствовали страх. Среди этих варваров Герман пользовался большой известностью по следующей причине. Когда Юстин, дядя Германа, вступил на престол, анты, ближайшие соседи склавинов, перейдя Истр, с большим войском вторглись в пределы римлян. Незадолго перед тем император назначил Германа начальником войск всей Фракии. Герман вступил в бой с войском неприятелей и, нанеся им сильное поражение, почти всех их перебил. За это дело Герман получил великую славу среди всех, а особенно среди этих варваров. Боясь его, как я сказал, и полагая, что он ведет с собою весьма значительную силу, как посланный императором против Тотилы и готов, они тотчас прервали свой поход на Фессалонику и не дерзали больше спускаться на равнину, но, повернув назад и пройдя по горам через всю Иллирию, оказались в Далмации. Избавившись от этой заботы, Герман велел всему войску готовиться, чтобы через два дня начать

¹ Патрикий, известный византийский полководец в Сев. Африке и Азии. Двоюродный брат императора Юстиниана. Назначенный примерно летом 550 г. главнокомандующим, со свежей армией сменил в Италии потерпевшего неудачу Велисария.

² Совр. г. София в Болгарии.

³ Совр. г. Ниш в Сербии.

поход на Италию (...) Иоанн¹ с императорским войском, прибыв в Далмацию, решил провести зиму в Салоне², чтобы с окончанием зимы³ двинуться прямо в Равенну. В это время склавины, которые перед тем оказались в пределах владений императора, как я только что рассказывал, и другие, немного позднее перешедшие через Истр и соединившиеся с прежними, получили полную возможность беспрепятственно вторгаться в пределы империи. Многие подозревали, что Тотила, подкупив этих варваров крупными денежными суммами, направил их на римлян, с тем чтобы императору было невозможно хорошо организовать войну против готов, будучи связанным борьбой с этими варварами. Я не могу сказать, явились ли эти склавины, делая угодное Тотиле, или пришли сами, никем не призванные. Разделившись на три части, эти варвары причинили всей Европе неслыханные бедствия, грабя эти местности не просто случайными набегами, но зимую здесь, как бы в собственной земле, не боясь неприятеля. Позднее император послал против них отборное войско, во главе которого, между прочим, стояли Константиан, Аратий, Назерес, Юстин, другой сын Германа, и Иоанн по прозвищу «Фага» («Обжора»). Главным начальником над ними он поставил Схоластика, одного из дворцовых евнухов. Это войско захватило часть варваров около Адрианополя⁴, города, который лежит посреди Фракии на расстоянии пяти дней пути от Византии. Дальше уже варвары двинуться не могли; ведь они имели с собой бесчисленную добычу из людей, всякого скота и ценностей. Оставаясь там, они решили вступить с врагами в открытый бой, но собирались сделать это так, чтобы те даже и не предчувствовали, что они этого хотят. Склавины стояли лагерем на горе, которая тут возвышалась, римляне — на равнине, немного поодаль. Так как уже прошло много времени, как они сидели так друг против друга, то римские воины стали выражать нетерпение и позволять себе недопустимые по-

¹ Иоанн после смерти Германа стал главнокомандующим в Иллирике.

² Совр. г. Сплит в Хорватии.

³ 551 г.

⁴ Совр. г. Эдирне в Турции.

ступки, упрекая вождей, что вот они, как начальники римского войска, имеют для себя продовольствие в изобилии, и не обращают внимания на солдат, мучимых недостатком в предметах первой необходимости, и не хотят вступить с врагами в бой. Под их давлением военачальники начали сражение. Произошел сильный бой, и римляне были разбиты наголову. Здесь погибло много прекрасных воинов; военачальники, которым грозила близкая опасность попасть в руки врагов с остатками армии, с трудом спаслись бегством, кто куда мог. Варвары захватили знамя Константиана и, не обращая внимания на римское войско, двинулись дальше. Они получили возможность ограбить местность, так называемую Астику¹, с древнейших времен не подвергавшуюся разграблению, и поэтому им удалось получить отсюда большую добычу. Таким образом, опустошив большую область, варвары подошли к «Длинным стенам»², которые отстоят от Византия немного больше одного дня пути. Немного позже римское войско, идя следом за этими варварами, захватило одну часть их и, неожиданно напав на них, обратило их в бегство. Из врагов они многих убили, спасли огромное количество римских пленников и, найдя в числе добычи знамя Константиана, вновь его вернули себе. Остальные варвары со всей другой добычей возвратились домой.

VIII Кн. 4. 1. Все то, о чем я до сих пор рассказывал, я написал, насколько это было возможно, с таким расчетом, чтобы разделить содержание и распределить его по книгам в соответствии со странами, где приходилось вести военные действия. Эти книги уже вышли в свет и распространены повсеместно в Римской империи. Но отныне в своем рассказе я не буду придерживаться этого порядка. К изданным мною произведениям, уже совершенно законченным, я не могу присоединить описание новейших событий, но обо всем том, чему суждено было совершиться в течение этих войн, равно и о

¹ Астика — область между Адрианополем и Филиппополем (совр. г. Пловдив в Болгарии).

² Оборонительные крепостные сооружения, воздвигнутые на ближних подступах (ок. 50 км) к Константинополю в 512 г. на протяжении от Черного моря (Деркос) до Мраморного (Силимврия).

войне против мидийского племени, о войнах, о которых я уже писал раньше в прежних книгах, я напишу и в этой книге — обо всем, что случилось нового. Таким образом, рассказ мой о событиях по необходимости будет «пестрой» всеобщей историей. В моих прежних книгах изложено уже все то, что произошло до четвертого года того пятилетнего перемирия, которое было заключено между римлянами и персами. В следующем за тем году большое полчище персидского войска вторглось в землю Колхиды. Во главе их стоял некто по имени Хориан, родом перс, человек очень опытный во всех военных делах; за ним в качестве союзников следовало много варваров из племени аланов. Когда это войско прибыло в область Лазики, которая называется Мохересис, оно остановилось, став лагерем на удобном месте. Протекает там также река Гиппис, небольшая и несудоходная, но доступная для перехода и для всадников и для пехотинцев. На правом берегу ее они поставили укрепленный лагерь, но не у самого берега, а довольно далеко в стороне. Чтобы читающие эти строки могли вполне ясно представить себе все места в области лазов и то, какие племена живут в этой стране, и чтобы читатели не были принуждены слушать все эти рассказы, как будто сражаясь с какими-то тенями, мне показалось вполне современным описать в этой части своей книги, как и какие люди живут по так называемому Эвксинскому Понту. Я хорошо знаю, что и более древними писателями все это было описано, но я думаю, что все то, что ими сказано, не вполне точно (*Ксенофонт*, «*Анабасис*», IV, 8. 22; *Арриан*, «*Перипл*», гл. XI). Некоторые из них называли соседей трапезунтцев или санами (*Конъектура Я. Хаури*) (мы их теперь называем тзанами), или колхами, назвав лазами других, к которым еще и теперь применяется это имя. На самом деле не верно ни то, ни другое. Тзаны, находясь очень далеко от берега моря, живут рядом с армянами в середине материка. Между ними и морем вздымаются цепи высоких гор, труднопроходимых и совершенно отвесных, большая область, искони бывшая пустынной и безлюдной, русла горных рек, из которых трудно выбраться, непроходимые пропасти и холмы, покрытые густыми лесами. Все это отделяет тзанов от берега, не давая им

права считаться приморским народом. Что же касается лазов, то невозможно, чтобы они не были колхами, так как они живут по берегу реки Фазиса: как это бывает и у многих других племен, они только имя колхов переменили на имя лазов. Но помимо этого, многие века, которые протекли со времени тех, кто раньше писал об этих вопросах, внеся новое в положение дел, могли изменить то, что было прежде, в силу ли переселения племен, в силу ли следовавшей одна за другой перемены властей и названий; поэтому я счел крайне важным все это точно расследовать и изложить, а не те всем известные мифические легенды или древние сказания, не заниматься расследованием, в каком месте Эвксинского Понта, по словам поэтов, был прикован Прометей; я ведь полагаю, что между историей и мифологией большая разница. Но я хочу точно изложить и историю названий, и описать материальную культуру и отношения, какие доныне присущи каждой из этих местностей.

2. Этот Понт начинается от Византии и Калхедона (Халхедона) и кончается в земле колхов. Если плыть по нему, держась правого берега, то здесь по его берегам живут вифинцы и соседние с ними гонориаты и пафлагоняне, у которых, кроме других приморских местечек, есть города Гераклея и Амастрис. За этими племенами идет Понтийская область до города Трапезунта и его границ. Затем идет ряд небольших приморских городков, в том числе Синоп и Амис, а поблизости от Амиса так называемый Темискур и река Термодонт, где, говорят, был военный лагерь амазонок. Об амазонках я буду писать немного ниже. Границы Трапезунта простираются до поселка Сусурмен и до местечка, носящего название Ризей, которое отстоит от Трапезунта на расстоянии двух дней пути вдоль берега по направлению к Лазике. Раз я упомянул о Трапезунте, то не следует пропустить возможности указать на то, что там встречается особенность, совершенно противоречащая общераспространенным представлениям, а именно: мед во всех этих местностях около Трапезунта бывает горьким, опровергая, таким образом, только в этом месте общее мнение о сладости меда. Направо от этих мест сплошь высятся горы страны тзанов, по другую сторону которых живут ар-

мяне, подданные римлян. Из этих гор тзанов вытекает река, называемая Боас, которая, протекая по густым и обширным зарослям и по холмистой (*Другое чтение: «лесистой»*) местности, проходит очень близко от страны лазов и впадает в Эвксинский Понт, но уже не носит имени Боаса. Дело в том, что, когда он подходит к морю, он теряет свое имя, приобретая в этих местах другое название, которое он получает в силу следующих физических свойств. Местные жители в остальном его течении называют его «Акамписис» («Несклоняющийся») по той причине, что там, где он смешивает свои воды с водами моря, он не меняет своего течения: со столь огромной силой и быстротой он впадает в море, вызывая сильное волнение и бурное течение; вливаясь очень далеко в море, он делает недоступным плавание в этих местах. Те, которые плавают в этих местах Понта, направляясь ли прямо в страну лазов, или снявшись оттуда и направляясь в открытое море, не могут плыть ближайшим путем; они не в состоянии пересечь течения реки, но, свернув в этом месте очень далеко в открытое море, они плывут почти посередине Понта и только таким образом могут избавиться от силы этого течения. Вот что я хотел сказать о реке Боас.

За Ризеем начинаются пределы независимых племен, которые живут между римлянами и лазами. Тут расположен некий поселок, по названию Афины, не потому, чтобы здесь осели выселившиеся афиняне, как некоторые думают, в качестве колонии, но потому, что в стародавние времена властительницей этой страны была некая женщина, по имени Афинейя, гробница которой существовала еще до моего времени. За Афинами лежит Архабис и старинный город Апсарус, который отстоит от Ризея приблизительно на три дня пути. В древности он назывался Апсиртом (*Арриан, «Перипл», гл. 6.*), получив название, одинаковое с именем человека, которого тут постигла кончина. Местные жители рассказывают, что по злому умыслу Медеи и Ясона погиб здесь Апсирт и что вследствие этого данное место получило такое название. Он в этом месте скончался, оно же в память о нем стало так называться. Но слишком много времени протекло от этого события до наших времен, бесчисленны были тут смены народов: время

дало возможность явиться новому названию, ему укрепиться и стереть память о тех событиях, из-за которых получилось это имя, благодаря чему имя этого места могло начать звучать по-новому. И могила этого Апсирта была в восточной части этого города. В древности этот город был многолюдным, его окружала могучая стена, украшен он был театром и ипподромом и всем остальным, что обычно указывает на обширность и значение города. Теперь же от всего этого не остались ничего, если не считать фундаментов зданий.

Так что, конечно, можно было бы удивляться тем, которые говорят, что колхи — соседи жителей Трапезунта. Ведь ясно, что, похитив вместе с Медеей золотое руно, Ясон этой дорогой мог бы бежать не в Элладу и не в родные места, но назад к реке Фазису и к живущим в глубине страны варварам. Говорят, что во времена римского императора Траяна здесь стояли лагерем римские легионы вплоть до страны лазов и сагин. Живущие ныне здесь люди не являются подданными ни римского императора, ни царя лазов: только в силу того, что они являются христианами, епископы лазов назначают им священников. Эти племена по доброй своей воле являются в силу договора друзьями и той и другой стороны, причем они согласились все время безотказно служить проводниками тем, кого обе стороны взаимно посылали друг к другу. По-видимому, они так поступали и до моего времени. Тех, которых оба властителя посылают друг к другу в качестве вестников, они перевозят на своих легких судах. Но до сего времени они еще никому не платили дани. Направо от этих мест поднимаются очень отвесные горы, и на огромное пространство простирается пустынная страна. За ней живут так называемые персо-армяне и армяне, подданные римлян, занимающие пространство вплоть до самых пределов Иберии.

От города Апсарунта до города Петры и границ лазов, где кончается Эвксинский Понт, пути один день. Упираясь в эти места, Понт образует береговую линию в виде полумесяца. Длина пути при переезде по этому заливу-полумесяцу составляет приблизительно пятьсот пятьдесят стадий, а все, что лежит за этой береговой линией, является уже страной лазов и

носит название Лазики¹. За этими местами внутри страны лежат области Скимния и Суания. Живущие здесь племена являются подчиненными лазам. Они управляются начальниками из числа местных жителей: и когда для того или другого из начальников наступает роковой час его жизни — его смертный час, то по обычаю, раз навсегда установленному, царь лазов ставит над ними другого взамен умершего. В областях, граничащих с этой страной, главным образом вдоль самой Иберии, живут месхи, издревле являющиеся подданными иберов. Живут они в горах, но горы месхов не кремнисты, не страдают от бесплодия; напротив, они изобилуют всякими благами, а сверх того и сами месхи — искусные земледельцы и хорошие для этих мест виноградари. В этой стране поднимаются очень высокие горы, покрытые лесом и труднодоступные. Они тянутся до самых Кавказских тор, позади же них по направлению к востоку лежит Иберия, простирающаяся до пределов персо-армян. Через эти горы, уходящие высоко в небо, течет река Фазис, начинаясь с гор Кавказа и впадая в середину этого «полумесячного» залива Понта. Некоторые считают, что в этом месте река Фазис служит границей двух материков. Места, которые идут налево, если смотреть вниз по течению, являются Азией, а направо лежащие называются Европой. В той части, которая принадлежит Европе, находятся все населенные места лазов, на другой же стороне лазы не имеют ни городов, ни укреплений, ни заслуживающего какого-либо внимания поселка, если не считать, что раньше римляне выстроили здесь крепость Петру. По преданиям местных жителей, в этой части Лазики находилось и то золотое руно, из-за которого в своих мифах поэты заставили элинов строить «Арго». Но это, по моему мнению, совсем неверно. Думаю, что Ясон с Медеей, захватив руно, не мог бы уйти отсюда тайно от Ээта, если бы река Фазис не отделяла царский дворец и другие жилища колхов от того места, где считали, что находилось это руно, на что ведь действительно мимоходом указывают и поэты, писавшие на эти темы. Так вот, река Фазис, протекая той дорогой, как я описал раньше, впадает в конечную часть

¹ Область юго-восточного Причерноморья (в т. ч. в районе совр. Аджарии и припонтийской Грузии).

Эвсинского Понта, на краях залива-полумесяца; на одной его стороне, принадлежащей Азии, находился город Петра, а на противоположной стороне берега, принадлежащего уже Европе, находится область апсилиев: они подданные лазов и с давних уже времен христиане, как и все остальные племена, о которых я упоминал в этом рассказе.

3. Над этой страной лежит горный хребет Кавказа. (Ср.: *Иордан*, «Гетика», 52 сл.) Эти Кавказские горы вздымаются так высоко, что их вершин не касаются ни дожди, ни снегопады: они выше всяких туч. Начиная от середины и до самой вершины, они сплошь покрыты снегом; предгорья же их и у подошвы очень высоки, их пики ничуть не ниже, чем у других гор. Отроги Кавказских гор, обращенные к северо-западу, доходят до Иллирии и Фракии, а обращенные к юго-востоку достигают тех самых проходов, которыми живущие там племена гуннов проходят в землю персов и римлян; один из этих проходов называется Тзур, а другой носит старинное название Каспийских ворот. Всю эту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы; это племя независимое, по большей части оно было союзным с персами и ходило походом на римлян и на других врагов персов. Этим свой рассказ о Кавказском хребте я считаю оконченным.

Тут живут гунны, так называемые сабиры, и некоторые другие гуннские племена. Говорят, что отсюда же вышли амазонки и разбили свой лагерь около Темискура на реке Термодонте, как я говорил немного выше, там, где теперь находится город Амис. Теперь в окрестностях Кавказского хребта нигде не осталось ни воспоминания, ни имени амазонок, хотя и Страбон (Ср.: *Страбон*. X, 5; XII, 3, 21) и другие писатели много рассказывают о них. Мне кажется наиболее верным относительно амазонок мнение тех, которые утверждали, что никогда не существовало такого «отдельного» племени храбрых женщин и что законы человеческой природы не могли быть нарушены только в области Кавказского хребта; они говорили, что огромное войско варваров двинулось из этих мест на Азию со своими женами; став лагерем у реки Термодонта, варвары мужчины, оставив здесь своих жен, ста-

ли бродить, грабя и опустошая большую часть земель Азии. Когда против них поднялись жившие здесь народы, они были все перебиты, и никто из них, ни один человек, не вернулся в лагерь к своим женам. Эти женщины в дальнейшем под влиянием страха перед окружающими их жителями, вынужденные к этому недостатком продовольствия, приняли волею-неволею мужской облик, надев на себя оружие и воинские доспехи, оставленные мужчинами в лагере; вооружившись таким образом, они доблестно совершили много славных подвигов, так как их толкала на это необходимость. Это продолжалось до тех пор, пока они все не погибли. Я и сам думаю, что это было так, что амазонки шли походом вместе со своими мужьями, основываясь на том, что происходило фактически и в мое время: обычаи, дошедшие до позднейших потомков, являются отражением природных свойств и привычек предков. Так ведь гунны не раз делали набеги на Римскую империю и вступали в рукопашный бой с теми, кто выходил против них: конечно, некоторым из них приходилось здесь пасть убитыми. После удаления варваров, подбирая и осматривая тела убитых, римляне находили среди них и тела женщин. Ведь другого женского войска нигде, насколько известно, не было найдено ни в одном месте — ни в Азии, ни в Европе. Да и поскольку нам известно по слухам, и горы Кавказа никогда не были лишены мужского населения. Вот что хотел я рассказать относительно мужского населения. Вот что я хотел рассказать относительно амазонок.

За Апсилиями и за вторым краем этого «полумесячного» залива по берегу живут абасги¹, границы которых простираются до гор Кавказского хребта. Эти абасги издревле были подданными лазов, начальниками же искони они имели двух из своих соплеменников: из них один властвовал над западной частью их страны, другой занимал восточную. Эти варвары еще в мое время почитали рощи и деревья. По своей варварской простоте они полагали, что деревья являются богами. Со стороны своих властителей из-за их корыстолюбия эти племена испытывали неслыханные вещи. Дело в том, что оба эти царя замеченных ими красивых и лицом и фигурой маль-

¹ Абасги, или авасги, — северокавказские племена.

чиков без малейших угрызений совести отнимали у родителей и, делая евнухами, продавали в римские земли тем, кто хотел купить их за большие деньги. Родителей же этих мальчиков тотчас же убивали для того, чтобы кто-нибудь из них не попытался в будущем отомстить царю за несправедливость по отношению к их детям и чтобы царь не имел в числе своих подданных людей, для него подозрительных. Таким образом, красота их сыновей осуждала их на гибель; эти несчастные погибали, имея несчастье родить детей, обладавших роковой для них и смертоносной красотой. Поэтому-то большинство евнухов у римлян и главным образом в царском дворце были родом абасги. При ныне царствующем императоре Юстиниане все отношения у абасгов облеклись в более мягкие формы. Они приняли христианскую веру, и император Юстиниан, послав к ним одного из императорских евнухов, родом абасга, Евфрата именем, решительно запретил их царям на будущее время лишать кого-нибудь из этого племени признаков мужского пола, железом насилуя природу. С удовольствием абасги услышали этот приказ императора. Получив смелость в силу такого приказанья императора, они уже решительно воспротивились таким действиям своих властителей. А до этого времени каждый из них боялся, как бы ему не стать отцом красивого сына. Тогда же император Юстиниан воздвиг у абасгов храм Богородицы и, назначив к ним священников, добился того, чтобы они приняли весь христианский образ жизни. В скором времени абасги, низложив своих царей, решили жить на свободе. Так шли дела здесь.

4. За пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абасгов и аланов¹. По берегу же Понта Эвксинского утвердились зихи². В древности этим зихам римский император назначил царя, теперь же эти варвары ни в чем уже не повинуются римлянам. За ними живут сагины³;

¹ Аланы — северокавказские племена, граничившие с запада с брухами.

² Зихи, или джихи, — северокавказское племя.

³ Сагины, или сагиды, — причерноморское племя, на земле которого были основаны римско-византийские города-крепости Питуунт (совр. Пицунда) и Севастополь (совр. Сухуми).

приморской же частью их страны издревле владели римляне. Для их устрашения они выстроили два приморских укрепления, Севастополь и Питиунт, находящиеся друг от друга на расстоянии двух дней пути, и с самого начала держали здесь военный гарнизон. В прежнее время, как я сказал (гл. 11, § 16), легионы римских войск занимали все местечки по побережью от Трапезунта до страны сагинов; теперь же у них оставались только эти два укрепления, в которых еще в мое время стояли гарнизоны. Но когда персидский царь Хосров был призван лазами в Петру, он очень хотел послать сюда персидское войско, с тем чтобы оно захватило эти укрепления и само заняло их своим гарнизоном. Когда об этом заблаговременно узнали римские солдаты, то, предупреждая врагов, они сожгли дома и до самого основания разрушили стены и, без малейшего промедления сев на суда и переправившись на противоположащий материк, ушли в город Трапезунт. Правда, они причинили ущерб Римской империи разрушением этих крепостей, но этим же они доставили ей и большую пользу, потому что враги не смогли завладеть этой страной; не достигнув никакого результата вследствие разрушения крепостей, враги вернулись в Петру. Вот какие дела были здесь.

За сагинами осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия¹; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого «Меотийского Болота»² и до реки Танаиса [Дона], который впадает в «Болото». Само это «Болото» вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами³, теперь же зовутся утигурами. Дальше, на север от них, занимают земли бесчисленные племена антов. Рядом с теми местами, откуда начинается устье «Болота», живут так называемые готы тетракситы; они немногочисленны и тем не менее не хуже многих других с благого-

¹ Единственное упоминание подобного топонима, идентифицируемого с совр. областью Краснодарского края.

² Азовское море.

³ Этноним впервые встречается у Гомера. В греческой традиции становится обобщенным наименованием степных причерноморских кочевников.

вением соблюдают христианский закон. (Танаисом местные жители называют и то устье, которым начинается от Меотийского Болота Танаис и, простираясь, как говорят, на двадцать дней пути, впадает в Понт Эвксинский, и даже тот ветер, который дует тут, они называют Танаитой). Принадлежали ли эти готы когда-нибудь к арианскому исповеданию, как и все другие готские племена, или в вопросах исповедания веры они следовали другому какому-нибудь учению, этого я сказать не могу, так как и сами они этого не знают, да и не задумывались над этим: но донныне с душевной простотой и великой безропотностью чтут свою веру. Незадолго перед этим, а именно когда исполнился двадцать один год единодержавного правления императора Юстиниана, они прислали в Византию четырех послов, прося дать им кого-либо в епископы, потому что тот, который у них был священнослужителем, незадолго перед тем умер: они узнали, по их словам, что и абасгам император прислал священника. Император Юстиниан, очень охотно исполнив их просьбу, отпустил их. Эти послы вследствие страха перед гуннами-утигурами открыто, в присутствии многочисленных слушателей, говорили довольно туманно, из-за чего они пришли, и ничего другого не объявили императору, кроме просьбы о назначении священнослужителя, но в беседе совершенно тайной, встретившись с глазу на глаз, они изложили все, насколько Римской империи будет полезно, если соседние с ними варвары будут находиться в вечных распрях друг с другом. Каким образом и поднявшись откуда осели здесь тетракситы, я сейчас расскажу.

5. В древности великое множество гуннов, которых тогда называли киммерийцами, занимало те места, о которых я недавно упоминал, и один царь стоял во главе их всех. Как-то над ними властвовал царь, у которого было двое сыновей, один по имени Утигур, другому было имя Кутригур. Когда их отец окончил дни своей жизни, оба они поделили между собою власть, и своих подданных каждый назвал своим именем. Так и в мое еще время они наименовались одни утигурами, другие кутригурами. Они все жили в одном месте, имея одни и те же нравы и образ жизни, не имея общения с людьми,

которые обитали по ту сторону «Болота» и его устья [Керченского пролива], так как они никогда не переправлялись через эти воды, да и не подозревали, что через них можно переправиться; они имели такой страх перед этим столь легким делом, что даже никогда не пытались его выполнить, совершенно не пробуя даже совершить этот переезд. По ту сторону Меотийского болота и его впадения в Эвксинский Понт, как раз на этом берегу и живут с древних времен так называемые готы-тетракситы, о которых я только что упоминал; значительно в стороне от них осели готы-визиготы, вандалы и все остальные племена готов. В прежние времена они назывались также скифами, так как все те племена, которые занимали эти местности, назывались общим именем скифов; некоторые из них назывались савроматами, меланхленами [«чернонакидочниками»] или каким-либо другим именем. По их рассказам, если только это предание правильно (*Никифор Калликс XI, 48; Иордан, «Гетика», 123*), однажды несколько юношей киммерийцев, предаваясь охоте с охотничьими собаками, гнали лань: она, убегая от них, бросилась в эти воды. Юноши из-за честолюбия ли, или охваченные азартом, или их побудила к этому какая-либо таинственная воля божества, последовали за этой ланью и не отставали от нее, пока вместе с ней они не достигли противоположного берега. Тут преследуемое ими животное (кто может сказать, что это было такое?) тотчас же исчезло (мне кажется, оно явилось только с той целью, чтобы причинить несчастье живущим там варварам); но юноши, потерпев неудачу в охоте, нашли для себя неожиданную возможность для новых битв и добычи. Вернувшись возможно скорее в отеческие пределы, они тотчас же поставили всех киммерийцев в известность, что для них эти воды вполне проходимы. И вот, взявшись тотчас же всем народом за оружие, они перешли без замедления «Болото» и оказались на противоположном материке. В это время вандалы уже поднялись с этих мест и утвердились в Ливии, а визиготы поселились в Испании. И вот киммерийцы, внезапно напав на живших на этих равнинах готов, многих из них перебили, остальных же обратили в бегство. Те, которые могли бежать от них, снявшись с этих мест с детьми и женами, покинули

отеческие пределы, перейдя через реку Истр, оказались в землях римлян. Сначала они причинили много зла живущему здесь населению, но затем с соизволения императора они поселились во Фракии. С одной стороны, они сражались вместе с римлянами, являясь их союзниками и получая от императора, как и другие воины, ежегодное жалованье и нося звание «федератов»: так называли их тогда римляне этим латинским словом, желая, думаю, тем показать, что готы не были ими побеждены на войне, но заключили с ними договор на основании известных условий. Условия, касающиеся военных дел, по-латыни называются «федора» (foedera), как я это указывал раньше в прежних книгах (III, гл. II, § 4). С другой стороны, часть этих же готов вела с римлянами и войны без всякого основания со стороны римлян, до тех пор пока не ушла в Италию под начальством Теодориха. Таков ход событий в истории готов.

Перебив одних, заставив других, как я сказал выше, выселиться из страны, гунны заняли эти земли. Из них кутригуры, вызвав своих жен и детей, осели здесь и до моего еще времени жили на этих местах. И хотя они ежегодно получали от императора большие дары, но тем не менее, переходя через реку Истр, они вечно делали набеги на земли императора, являясь то союзниками, то врагами римлян. Утигуры со своим вождем решили вернуться домой, с тем чтобы в дальнейшем владеть этой страной одним. Недалеко от Меотийского Болота они встретили так называемых готов-тетракситов. И сначала готы, устроив преграду из своих щитов против наступавших на них (...), решились отражать их нападение, полагаясь на свою силу и на крепость своих позиций [Перекопский перешеек]; они ведь были самыми сильными из всех тамошних варваров. Кроме того, начало устья Меотийского Болота, где в то время обосновались готы-тетракситы, образует залив в виде полумесяца, окружая их почти со всех сторон, и поэтому дает для наступающих против них один, и при этом не очень широкий, путь. Но потом (так как ни гунны не хотели тратить здесь на них время, ни готы никак не могли надеяться с достаточным успехом сопротивляться такой массе врагов) они вступили друг с другом в

переговоры, с тем чтобы, соединив свои силы вместе, совершить переход; они решили, что готы поселятся на противоположном материке у самого берега пролива, там, где они живут и теперь, и, став на дальнейшее время друзьями и союзниками утигуров, будут жить там все время, пользуясь с ними равными и одинаковыми правами. Вот каким образом основались здесь готы, (так как кутригуры, как я уже сказал, остались в землях по ту сторону «Болота» на запад), то утигуры одни завладели страной, не доставляя римлянам никаких затруднений, так как по месту жительства они совершенно не соприкасались с ними: между ними жило много племен, так что волей-неволей им не приходилось проявлять против них никаких враждебных действий.

За Меотийским Болотом и рекой Танаисом¹ большую часть лежащих тут полей, как мною было сказано, заселили кутригуры-гунны. За ними всю страну занимают скифы и тавры, часть которой еще и ныне называется Таврикой²; там, говорят, был храм Артемиды, главной жрицей которого некогда была Ифигения, дочь Агамемнона. Говорят, однако, что и армяне в своей так называемой Келесенской области имели такой храм, а скифами в то время назывались все тамошние народы; доказывают они это тем, о чем я в ходе своего исторического изложения рассказывал относительно Ореста и города Коман (I, гл. 17, § 13 сл.). Но пусть относительно этого каждый придерживается своего собственного мнения; ведь многое, что случилось в другом месте, а иногда и вовсе нигде не случалось, люди любят присваивать себе, выдавая за исконные родные обычаи, негодую, если не все следуют их точке зрения. За этими племенами расположен приморский город по имени Боспор, не так давно ставший подчиненным римлянам. Если идти из города Боспора в город Херсон, который лежит в приморской области и с давних пор тоже подчинен римлянам, то всю область между ними занимают варвары из племени гуннов. Два других небольших городка поблизости Херсона, называемые Кепы и Фанагурис, издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время. Но

¹ Совр. р. Дон.

² Совр. Крым.

недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания. От города Херсона до устьев реки Истра, которую называют также Дунаем, пути дней десять; все эти места занимают варвары. Река Истр течет с гор страны кельтов и, обойдя северные пределы Италии, протекает по области даков, иллирийцев, фракийцев и впадает в Эвксинский Понт. Все же места отсюда, вплоть до Византия, находятся под властью римского императора. Такова окружность Понта Эвксинского от Калхедона (Халхедона) до Византия. Но какова величина этой окружности в целом, этого я точно сказать не могу, так как там живет такое количество, как я сказал, варварских племен, общения с которыми у римлян, конечно, нет никакого, если не считать отправления посольств. Да и те, которые раньше пытались осуществить подобное измерение, ничего не могли сказать нам в точности. Одно только ясно, что правая сторона Понта Эвксинского, т. е. от Калхедона (Халхедона) до реки Фазиса¹, имеет в длину пятьдесят два дня пути для человека налегке. Делая вполне возможное заключение, можно было бы сказать, что и другая, левая часть Понта немногим меньше.

б. Так как в своем рассказе я дошел до этих мест, мне оказалось совершенно уместным рассказать о границах Азии и Европы, т. е. о том, о чем спорят друг с другом люди, занимающиеся этим вопросом. Некоторые из них говорят, что оба эти материка разделяет река Танаис; они при этом настойчиво утверждают, что нужно придерживаться природных физических разделов, опираясь на то, что будто Средиземное море продвигается с запада на восток, а река Танаис вытекает с севера и, двигаясь к югу, протекает между двумя материками. Так, в свою очередь, египетский Нил, вытекая с юга, течет на север и служит границей между Азией и Ливией. Другие же, возражая им, утверждают, что их положение не верно. Они говорят, будто эти материки искони разделяет пролив в Гадейрах (Гибралтар), образуемый океаном, а равно и море, которое, вливаясь через него, продвигается вперед, и что места, находящиеся вправо от пролива и моря, называются Ливией и Азией, а налево все пространство получило имя

¹ Совр. р. Риони.

Европы, вплоть до крайних пределов так называемого Понта Эвксинского. В таком случае река Танаис берет свое начало в Европе (*Иордан, «Гетика», 32, 45*) и впадает в Меотийское Болото, а «Болото» изливается в Эвксинский Понт; при этом, конечно, это не конец Понта и, конечно, не его середина, но море двигается и разливается дальше. Левая часть этого моря относится уже к Азии. Кроме этого, река Танаис вытекает из так называемых Рипейских гор, которые находятся на территории Европы, как утверждают и те, которые еще в древности касались этих вопросов. Установлено, что от этих Рипейских гор океан находится очень далеко. Поэтому все местности, находящиеся позади этих гор и реки Танаиса, необходимо должны быть и с той и с другой стороны причислены к европейским. С какого же места в этом случае Танаис начинает разделять оба эти материка, сказать нелегко. Если же нужно сказать, что какая-то река отделяет оба эти материка, то это может быть только река Фазис. Она течет как раз напротив пролива в Гадейрах и разделяет между собою оба эти материка, так как пролив, идущий из океана, образует это море и по обеим его сторонам располагает оба материка; скатываясь к этому морю, Фазис впадает в Эвксинский Понт, в самую середину полукруглого залива, и таким образом совершенно явно продолжает деление земли, произведенное морем. Выдвигая такие положения, спорят между собою ученые и с той и с другой стороны. Что касается лично меня, то я докажу, что не только приведенное мною первым положение, но и эта последняя точка зрения, только что приведенная мною, может похвалиться и давностью своего происхождения, и славою очень древних, выставивших ее, писателей. При этом я знаю, что по большей части все люди, проникшись каким-либо учением, восходящим к древним временам, упорно придерживаются его, не желая уже работать над дальнейшим исследованием истины и переучиваться и этом вопросе, и принимать во внимание новые точки зрения: для них всегда все более древнее кажется правильным и заслуживающим уважения, а то, что является в их время, они считают достойным презрения и смехотворным. К тому же вопрос сейчас идет не о каких-либо вещах отвлеченных и умозри-

тельных, исследовать которые иначе никак не возможно, но о самой реальной реке и стране, чего, конечно, время не могло ни изменить, ни скрыть. Исследование этого вопроса совершенно просто и не может представить затруднения ни для кого, кто серьезно захочет найти истину, так как для доказательства вполне достаточно зрения. Таким образом, Геродот Галикарнасский в четвертой книге своих «Историй» говорит, что вся земля едина, но что установлено делить ее на три части и давать ей три названия — Ливии, Азии и Европы. Из них Ливию и Азию разделяет египетская река Нил, протекающая между ними, а Азию от Европы отделяет река Фазис в стране колхов. Он знал, что некоторые думают это и относительно реки Танаиса, и в конце он об этом упоминает. Я считаю совершенно своевременным привести здесь подлинные слова Геродота (IV, 45). Они таковы: «Я не могу понять, почему земле, раз она едина, дано тройное название, заимствовавшее свои имена от трех женщин, и почему их границами назначен египетский Нил и Фазис, река Колхиды. Другие же такой границей считают реку Танаис, Меотийское Болото и Киммерийский пролив». С другой стороны, автор трагедии Эсхил (*Прокопий заимствует дальнейшую цитату из «Перипла» Африана, гл. 19*) в самом начале своей трагедии «Прометей освобожденный» называет реку Фазис гранью земель Азии и стран Европы.

Пользуясь данным случаем, я хочу указать еще вот на что. Из ученых, занимающихся этими вопросами, одни считают, что Меотийское Болото образует Эвксинский Понт, который и растекается частью налево, частью направо от этого «Болота»: потому-то оно и называется «матерью Понта». Утверждают они это, основываясь на том, что из так называемого Гиерона¹ проток этого Понта идет как некая река до Византия, и поэтому думают, что именно здесь-то и есть конец Понта (...).

7. (...) Потерпев неудачу, как я сказал, в этой попытке, Хозров пришел к убеждению, что если бы даже ему удалось взять другой какой-либо город римлян, он все-таки не мог бы

¹ Местечко в Вифинии, на берегу Босфора, с храмом Зевса, откуда название: «Священное».

утвердиться в середине римских земель, так как в тылу у него осталось бы много неприятельских укреплений. Поэтому, разрушив до основания Антиохию, когда ему удалось взять ее, он ушел из римских пределов. Теперь мыслями он уже вознесся до небес, и надежды заносили его очень далеко; он задумывал уже необычайные вещи. Услыхав, как варвары, жившие по левому берегу Понта Эвксинского и осевшие вокруг Меотийского Болота, бесстрашно нападают на землю римлян, он говорил, что и персам, если они завладеют Лазикой, возможно будет без большого труда, всякий раз как они этого пожелают, идти прямо на Византий¹, нигде не переправляясь через море, как это постоянно делают и другие варварские племена, которые живут там. Из-за этого персы стремились подчинить себе Лазику. Теперь я возвращаюсь к началу своего рассказа.

О ПОСТРОЙКАХ

(перевод С. П. Кондратьева)

VII. Кн. 3. 8. (...) Мною рассказано и о том, что на противоположной стороне, если идти по направлению к Меотидскому Болоту, напротив Лазики были два укрепления — Севастополь и Питиунт; их уничтожили сами римляне, услышав, что Хозрой спешно посылает сюда войско с тем, чтобы оно захватило эти укрепления. 9. Ныне же император Юстиниан этот Севастополь, который прежде был только крепостью, заново весь перестроил, окружил его такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным, украсил его улицами и другими постройками; таким образом, и по красоте и по величине он сделал его теперь одним из самых замечательных городов.

10. Сверх того, что касается городов Боспора² и Херсона³, которые являются приморскими городами на том же берегу [Эвксинского Понта] за Меотидским болотом, за таврами и

¹ Константинополь.

² Совр. г. Керчь в Крыму.

³ Имеется в виду античный город Херсонес Таврический, или византийский Херсон, на территории г. Севастополя в Крыму.

тавроскифами, и находятся на краю пределов римской державы, то, застав их стены в совершенно разрушенном состоянии, он сделал их замечательно красивыми и крепкими. 11. Он воздвиг там и два укрепления, так называемое Алушта и в Горзубитах¹. 12. Особенно он укрепил стенами Боспор; с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян. 13. Здесь же, на этом побережье есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию. Они добровольно остались здесь и в мое еще время были в союзе с римлянами, отправлялись вместе с ними в поход, когда римляне шли на своих врагов, всякий раз, когда императору было это угодно. 14. Они достигают численностью населения до трех тысяч бойцов, в военном деле они превосходны, и в земледелии, которым они занимаются собственными руками, они достаточно искусны; гостеприимны они больше всех людей. 15. Сама область Дори лежит на возвышенности, но она не камениста и не суха, напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды. 16. В этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любили они жить всегда в полях. 17. Так как казалось, что их местность легко доступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами и таким образом отстранил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов. Таковы были его дела здесь {...}

24. Таковы те укрепления, которые воздвигнуты императором Юстинианом в восточных землях, в Армении, в стране тзанов и вокруг Эвксинского Понта. Затем мне нужно перейти к описанию тех построек, которые им произведены в остальной Европе.

Книга 4. 1. Переплыть огромное море на неприспособленном для этого судне я считаю делом тяжелым и, уж конечно, исполненным великих опасностей. То же самое — в простом рассказе измерить величие строительства императора

¹ Совр. Алушта и Гурзуф в Крыму.

Юстиниана. 2. Благодаря величию своей души этот император, как во всем остальном, да будет мне позволено это сказать, так и в деле строительства совершил больше, чем можно передать на словах. 3. Так, в Европе, стремясь свою деятельность согласовать с требованиями необходимости, он быстро совершил дела несказуемые и неопишуемые. 4. Были они достойны как соседства с рекой Истром, так и необходимости защищаться от нападающих из-за этой реки [на империю] варваров. 5. Жить по соседству с этой рекой досталось на долю племенам гуннов и готов; поднимаются [против нас] племена, живущие в пределах Тавриды и Скифии; а затем склавины, равно и другие племена, называть ли их савроматами-кочевниками или переселенцами, как называли эти племена самые древние писатели-историки, равно как и всякое другое звероподобное племя, которому приходилось тут или пасти свой стада, или поселиться на постоянное жительство. 6. Так как императору Юстиниану предстояло воевать с ними бесконечное время и так как он не привык ничего делать кое-как, то для него было необходимее выстроить неисчислимое количество укреплений и поставить в них несказанное количество военных гарнизонов, а также заготовить и все другое, что могло бы помешать движению врагов, начинающих войну безо всякого сообщения и не признающих общественных законов. 7. Ведь у этих врагов закон — начинать войну не по какой-либо причине, или выступать в поход после отправления посольства, или тем более заканчивать ее каким-либо договором, или на время [перемирия] воздерживаться от военных действий, но они приступают к делу безо всякого повода и прекращают его только силой оружия. Но даже и при таких трудностях стоящей передо мною задачи я должен буду перейти к остальной части своего рассказа. 8. Начав дело каким бы то ни было способом, лучше двигаться вперед и достигнуть конца, чем, оставив его неоконченным, вернуться назад. 9. Ведь наш поступок подвергся бы вполне заслуженному обвинению: наш император совершил свои [великие] дела, мы же, испугавшись, отказались от намерения рассказать о них. 10. Раз мы собираемся перечислить все постройки этого им-

ператора в Европе, надо предварительно кое-что сказать об этой стране.

VII. 10. Есть три укрепления, идущие подряд вдоль берега Истра, — Сальтупирг, Доростол¹ и Сикидаба. 11. Все их изъязны император поправил с большой тщательностью. 12. Такое же внимание обратил он и на Квестрис, который находился в стороне от берега. Лежащее в ущелье укрепление Пальматис он сделал сильнее и значительно обширнее, хотя оно лежало не у самого берега реки. 13. Близко от него он выстроил вновь крепость Адина, так как варвары-славяне постоянно скрывались тут и, устраивая тайно засады против идущих этим путем, делали здешние места совершенно непроходимыми. 14. Он выстроил здесь также крепость Тиликион и налево от нее лежащее передовое укрепление.

15. Таковы были укрепления в Мизии по берегу реки Истра и вблизи него. 16. Теперь в дальнейшем я направляюсь в страну скифов. Там первым было укрепление, носящее имя св. Кирилла; пострадавшие от времени его части император Юстиниан отстроил со всей тщательностью. 17. Вслед за ним было старинное укрепление, по имени Ульмитон. Так как варвары-славяне долгое время устраивали здесь свои засады и очень долго жили в этих местах, то оно стало совершенно безлюдным, и от него не осталось ничего, кроме имени. 18. И вот, выстроив его вновь с самого основания, император сделал эти места свободными от нападений и злоумышлений славян.

XI. 14. Есть в Родопе древний город, по имени Топер; большую часть его окружала река своими волнами, а над ним отвесно поднимался холм. Незадолго перед тем овладев им, этот город взяли варвары-славяне. 15. Но император Юстиниан namного увеличил высоту его стен, так что они настолько превосходили высоту холма, насколько прежде они были ниже его. 16. Он выстроил еще галерею на сводах стены, откуда защитники города могли безопасно сражаться с теми, кто шел на приступ стен, а из башен каждую он сделал сильным укреплением. 17. Пространство же от крепостных

¹ Дристра, совр. г. Силистра в Болгарии.

укреплений до реки он укрепил поперечной стеной. Вот что сделал здесь император Юстиниан.

18. Сейчас я расскажу о тех укреплениях, которые он возвел в остальной Фракии и в ныне так называемом Гемимонте. 19. Прежде всего со всей тщательностью он исправил все то, чего недоставало или что пришло в разрушение в Филиппополе и Плотинуполе; ведь по своим укреплениям они были очень слабы, хотя были по соседству со многими варварскими племенами.

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ

(перевод Л. А. Гиндина и В. Л. Цымбурского)

(Попытки Юстиниана купить дружбу варваров побуждают тех, напротив, совершать все новые набеги.)

XI. (10) Вот поэтому ни одного места — ни горы, ни пещеры, ничего другого — на земле ромеев в это время не осталось нигде неограбленного, а многим местностям случилось быть захваченными более чем по пяти раз. (11) Однако и это, и все, чему повелось произойти из-за мидийцев¹, и сарацинов², и склавинов, и антов, и других варваров, изложено у меня у предыдущих книг. Но, как я и обещал, начиная этот труд, здесь мне необходимо изложить причину случившегося.

(Варвары при Юстиниане опустошают всю империю.)

XVIII. (20) Иллирик же и всю Фракию, считая от Ионийского залива³ до предместий Византия, включая и Элладу и область херсонесцев⁴, гунны, и склавины, и анты [разоряли], совершая набеги почти что каждый год с тех пор, как Юстиниан воспринял власть над ромеями, [и] творили ужасное зло тамошним людям. (21) Ибо думаю, что при каждом вторжении оказывалось более чем по 200 000 погублен-

¹ Персы.

² Арабы.

³ Ионийское или Адриатическое море.

⁴ Херсонес Фракийский, совр. Галлиполи.

ных и порабощенных там ромеев, [поэтому] «Скифская пустыня»¹ впрямь стала повсюду в этой земле.

(25) Однако ни персам, ни сарацинам, ни гуннам, ни племени склавинов и никому из прочих варваров не довелось не-вредимыми удалиться из земли ромеев — (26) ведь и во время вторжений и гораздо больше еще в осадах и схватках [их], наталкивающихся на частое сопротивление, истреблено было одновременно ничуть не меньше, [чем ромеев].

XXIII. (6) И потом, когда мидийцы и сарацины грабили обширные земли в Азии, и гунны, склавины и [анты] — всю Европу и когда они одни города разрушили до основания, а другие обложили в высшей степени строго [взимаемой] податью, людей же обратили в рабов со всем [их] имуществом и каждую область, что ни день, набегами обращали в пустыню, лишенную обитателей — он, [Юстиниан], никому не отпустил подати, кроме разве захваченным [варварами] городам, да и то лишь за год ⟨...⟩ (8) И тем людям, которым он отпустил эту соль смехотворную [долю] подати, и всем остальным, многократно принимавшим на своей земле мидийское войско, в то время как гунны и сарацины постоянно грабили восточные земли и ничуть не меньше в Европе варвары всегда и всякий день творили то же над тамошними ромеями, император этот впрямь стал тягостнее всех варваров.

¹ Аристофановское выражение, распространившееся затем в литературе как обозначение опустошенной в войнах земли.

ИОАНН МАЛАЛА

Хронист Иоанн Малала (ок. 491—578 гг.) — выходец из Малой Азии, происходил из, вероятно, сирийской семьи в древней Антиохии. Малала стал автором произведения, отличающегося от трудов современников как по объему, так и по характеру изложения. Он создает всемирную хронику, начинающуюся с библейской истории, включающую в себя греческие мифологические сказания, охватывающую историю Римской империи — как эпохи древних царей, так и эллинистических монархий, — и доходящую до 560-х гг. Исследователями отмечался антиохийский местный колорит оценки мировых событий хрониста (он не упускает случая упомянуть в удобном случае об Антиохии) и, в связи с этим, несколько монофиситский характер его историко-философских воззрений. Конец же повествования писался, видимо, в Константинополе, куда перебрался Малала, с уже вполне ортодоксальных христианских позиций.

«Хронография» Иоанна Малалы представляется обычно характерным примером «тривиальной литературы» византийцев, типичной в качестве источника исторических сведений, а поэтому много и охотно переписываемой византийскими хронистами следующих поколений и переведившейся на другие языки. К Иоанну Малале обращались затем Феофан Исповедник и Георгий Монах в IX в., Константин Багрянородный в X в., Лев Грамматик и Иоанн Скилица в XI в., Иоанн Цец и Иоанн Зонара — в XII в., Феодор Скутариот — в XIII в., а судя по Мовсесу Хоренаци, достаточно рано распространилась и армянская версия памятника; т. наз. «Палестинская хроника» VIII — IX вв. представляет собой не что иное, как латинскую переработку хроники Малалы. Наконец, древнеславянские ее переводы легли в основу древнерусского летописания, став одним из главных источников «Повести временных лет».

Малала описывает то, что интересно было «среднему» византийцу: военные походы, возвышение монархов, строительство городов и крепостей; он чуток к знамениям природных явлений — появлению комет и метеоритов, внимателен к слухам о диковинных событиях — сюжетам так называемой «народной культуры». Характеристики персонажей представляют собой нормативный набор «качеств», причем положительному герою соответствуют одни характерные черты, отрицательным — также свой определенный набор. Портретные описания здесь близки агиографическим принципам формирования образа. Ориентация на широкий круг читателей сказывается и в определенной наивности оценок, подмеченной исследователями, и в частых случаях анахронизма, когда современные реалии применяются для описания глубокой древности. Включение в лексику хрониста народноязычных выражений — явление того же происхождения. Непосредственность восприятия языковой стихии хронистом сказывается и в частом употреблении им латинских транслитерированных терминов, не «преобразуемых» автором в какой-либо греческий литературный эквивалент.

Иоанну Малале свойствен исторический провиденциализм, преклонение перед абсолютной Божественной волей. Отсюда на первое место в повествовании выходят проявления стихии, чудеса, бедствия, массовые движения — бунты; зато нет собственных многим его современникам этно-географических и религиозно-культурных экскурсов. Правда, в заключительной, «константинопольской» книге сюжет расширяется, что приводит к изменениям и в структуре памятника.

Изд.: Johannis Malalae Chronographia / Ed. L. Dindorf. Bonnae, 1831; Ioannes Malalas. Chronographia. Rec. I. Thurn. Berlin; New York, 2000.

Пер.: Иоанн Малала / Пер. и коммент. Г. Г. Литаврина // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1. С. 265—275.

Лит.: Основную литературу см.: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. 1. S. 329—334; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 319—326; *Karpouzelos A.* Βυζαντινοί ιστορικοί και χρονόγραφοι.

Athens, 1997. Т. 1. P. 538—558; Studies in John Malalas / Ed. E. Jeffreys, B. Croke, R. Scott. Sydney, 1990; Scott R. Diplomacy in the Sixth Century: The Evidence of John Malalas // Byzantine Diplomacy / Ed. J. Shepard, S. Franklin. London, 1992. P. 159—165; *Idem*. The Imagewe of Constantine in Malalas and Theophanes // New Constantines. The Rhythm of Imperial Renewal in Byzantium, 4th — 13th Centuries / Ed. P. Magdalino. London, 1994. P. 57—71; The Chronicle of John Malalas / A Translation by E. Jeffreys, M. Jeffreys, R. Scott with B. Croke, J. Ferber, S. Franklin, A. James, D. Kelly, A. Moffat, A. Nixon. Melbourne, 1986; Самуткина Л. Концепция истории в «Хронографии» Иоанна Малалы. Иваново, 2001.

ХРОНОГРАФИЯ (перевод Г. Г. Литаврина)

(Текст следует за сообщением о прибытии в Константинополь в начале 558 г. аварского посольства, об эпидемии чумы в столице и о частичном разрушении храма Св. Софии от землетрясения.)

В марте месяце седьмого индикта¹ поднялись гунны² и склавы³ на Фракию⁴ и придя войною, многих убили, а некоторых взяли как добычу. Захватили они также в качестве добычи стратилата⁵ Сергия⁶, сына Вакха⁷, и Эдерму⁸, старшего [сына] Калоподия⁹, взяв их как пленников¹⁰. Обнаружив к

¹ Это соответствует 559 г.

² По другим источникам, в составе «гуннского» войска были и кутигуры, булгары и др.

³ Славяне, принявшие участие в нашествии войска гуннского вождя Забергана.

⁴ Историческая область Балкан, примыкающая с северо-запада к Константинополю.

⁵ Византийский военачальник.

⁶ Бывший византийский наместник в Африке.

⁷ По Феофану, — «пресвитер», т. е. священник.

⁸ Византийский военачальник.

⁹ Известный византийский чиновник.

¹⁰ С целью выкупа.

тому же обрушившиеся места в стене¹ Константинополя и войдя здесь внутрь, они совершили набег вплоть до [церкви] Святого Стратоника².

¹ «Длинные стены» в предместье Константинополя, обветшавшие, по Агафию Миринейскому, и частично развалившиеся ок. 559 г.

² В местечке Декатон, в 14—15 км от Золотых ворот Константинополя (*Janin R. Constantinople byzantin. Paris, 1963. P. 107*).

ЕВАГРИЙ СХОЛАСТИК

Формально примыкает к сочинениям в жанре церковных хроник «Церковная история» Евагрия Схоластика (535/6 — кон. VI в.), охватывающая период с 431 до 594 г. Выходец из богатой семьи сирийских ортодоксальных христиан, он почти всю свою жизнь был связан с Антиохией, где учился, занимался юридической практикой и богословием, будучи приверженцем патриарха Григория; был главой большой семьи, которая почти вся, включая детей и внука, погибла во время эпидемии чумы, когда историк вступил в преклонный по византийским меркам возраст.

Сочинение Евагрия отличается от многих церковных хроник, приближаясь к исторической прозе мемуарного жанра: историк-богослов повествует о перипетиях своей жизни, радостях и бедах, общественных и частных занятиях, пропуская все события через призму собственной судьбы. Он дает оценку и своим предшественникам — от древнегреческих и римских историков — Полибия, Аппиана, Диодора — до византийских — Зосима, Приска, Малалы, Менандра и Прокопия. О событиях правления Тиберия и Маврикия Евагрий повествует как проницательный их свидетель.

Показательна антиохийская ориентация религиозно-политических воззрений автора. Антиязыческая традиция воплотилась в полемику с Зосимом в связи с оценкой Константина Великого, с проблемой причин упадка Римской империи, с характеристикой роли дохристианских императоров Рима. В своей аргументации Евагрий следует за Евсевием, поддерживая его идею гармонии между христианским государством и церковью.

Социальная и политическая история интересует автора в меньшей степени, чем обстоятельства борьбы с язычеством и ересями. Им формируется образ идеального правителя, создается политическая теория государственной власти. Воплощением идеала государя представлен Константин,

в то время как антигероем, незаконным и порочным, выведен император Зенон, а также малодушный Юстин II. Юстиниан же оценивается сдержанно — в духе ремарок «Тайной истории» Прокопия. Из современников наиболее благоприятно представлен Маврикий — в образе благочестивого и благородного монарха.

Изд.: The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia / Ed. J. Bidlez, L. Parmentier. Amsterdam, 1964.

Пер.: *Евагрий Схоластик*. Церковная история. М., 1997; *Евагрий Схоластик*. Церковная история / Пер. И. В. Кривушина. СПб., 1999—2003. [т. 1—3].

Лит.: Основную литературу см.: *Allen P.* Evagrius Scholasticus: The Church History. Louvain, 1981; *Karpozelos A.* Βυζαντινὸ ἱστορικὸ καὶ χρονόγραφον. Athens, 1997; *Кривушин И. В.* Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998.

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ (перевод И. В. Кривушина)

III. 38. Этот царь¹ построил во Фракии также нечто великое и заслуживающее памяти — так называемую «Длинную стену»², расположенную чрезвычайно удачно: она находится на расстоянии более двухсот восьмидесяти стадий³ от Константинополя и соединяет два моря наподобие пролива длиной в четыреста двадцать стадий; она делает из города почти остров вместо полуострова, надежнейшим образом переправляя желающих из так называемого Понта⁴ в Пропонтиду и Фракийское море⁵ и в то же время препятствуя варварам⁶, появляющимся из так называемого Эвксинского

¹ Анастасий I (491—518).

² «Длинные стены» — комплекс оборонительных сооружений на подступах к Константинополю (см. прим. 3 на стр. 48).

³ Ок. 80 км.

⁴ Т. е. Черного моря.

⁵ Северная часть Эгейского моря.

⁶ Скорее всего, булгарам.

Понта, из [страны] колхов¹, из Меотийского болота², из [областей] по ту сторону Кавказа и разливающимися волнами по всей Европе.

IV. 23. Этот же муж повествует³, что жители Танаиса — а Танаисом местные жители называют выход из Меотидского болота в Понт Эвксинский⁴ — просили Юстиниана прислать им епископа, что Юстиниан исполнил эту просьбу и прислал им с радостью священника. Он также рассказывает весьма красноречиво, что во времена Юстиниана имели место нападение готов⁵ из Меотиды⁶ на землю римлян и невиданные землетрясения в Элладе, что Беотия⁷, Ахайя⁸ и области вокруг Крисейского залива⁹ испытали сотрясения, что множество городов и деревень было снесено до основания, что во многих местах земля разверзлась и что кое-где снова сошлась, а кое-где и нет.

V. 1. Будучи рабом пороков дерзости и трусости, он¹⁰ первым делом призывает [к себе] своего родственника Юстина¹¹, пользовавшегося у всех великой славой за воинский опыт и за другие достоинства, который стоял лагерем у Истра и отражал попытки авар переправиться [через реку]. Авары — скифское племя из тех, кто живет на повозках и кто обитает на равнинах по ту сторону Кавказа; они всем племенем бежали от своих соседей турок, так как претерпели от них немало зла, и пришли к Боспору; и, покинув берег так называемого Эвксинского Понта — там [живет] много варварских племен и в то же время там основаны римлянами города, военные лагеря и пристани или потому, что [там селились] воины,

¹ Западная Грузия.

² Азовское море (см. стр. 29).

³ Прокопий Кесарийский, Гот. в. IV, 4.

⁴ Танаисом обычно на самом деле назывался Дон.

⁵ Прокопий Кесарийский, Гот. в. IV, 19; 25.

⁶ Приазовье.

⁷ В Центральной Греции.

⁸ Географическая область, включавшая также и Беотию.

⁹ Коринфский залив.

¹⁰ Император Юстиниан I (527—565).

¹¹ Будущий император Юстин II (565—578) был сыном сестры Юстиниана, Вигилиции.

утратившие способность сражаться, или же потому, что цари выводили туда колонии, — [авары] проделали путь, сражаясь со всеми повстречавшимися им варварами, до берегов Истра и отправили посольство к Юстиниану¹.

VI. 10. Царь² вознаграждает войско деньгами, Германа же и других вызывает на суд. И все они были приговорены к смерти; однако [Маврикий] не только не допустил, чтобы они претерпели что-либо ужасное, но даже удостоил их почетных даров.

Когда дела находились в таком состоянии, авары, дважды доходя³ до так называемой «Длинной стены», принудили осадой к сдаче и пленили Сингидон⁴, Анхиал⁵, всю Элладу⁶ и другие города и крепости⁷, все уничтожив и предав огню, в то время как большая часть [римских] войск находилась на Востоке.

¹ Посольство аварского кагана Баяна во главе с Кандихом в Константинополь в 558 г. для заключения военного союза.

² Маврикий (582—602).

³ Весной 583 г. и в 584 г. (вместе со славянами).

⁴ Город в верхней Мезии при впадении Саввы в Дунай.

⁵ Совр. Ахело. Место ставки кагана.

⁶ В других источниках о разорении аварами «всей Греции» в эти походы не сообщается.

⁷ В 583 г. — Виминакий в Верхней Мезии и Августу в Дакии, в 584 г. — Акис, Маркианополь, Паннасы в Нижней Мезии и Тропей в Скифии.

МЕНАНДР ПРОТЕКТОР

«История» Менандра Протектора, сохранившаяся фрагментарно и описывающая события вплоть до воцарения Маврикия (август 582 г.), стала непосредственным продолжением сочинений Агафия Миринейского. В центре интересов автора прежде всего оказываются внешнеполитические отношения империи с аварами, тюрками, славянами, гуннскими народами. Составной частью повествования становятся географические, этнографические, историко-культурные экскурсы о них. Менандр стремится к точности следования источнику своей информации, не столько опираясь на слухи и легенды, сколько прибегая к текстам документов, посланий, договоров, военных и дипломатических донесений. Возможно, но труднодоказуемо, что Менандр переработал и «Историю» своего (старшего?) современника Феофана Византийского, дошедшую до нас лишь в кратких эскизах.

Отрывочность сохранившихся текстов Менандра затрудняет реконструкцию мировоззренческих особенностей его историзма. Обычно отмечается его общая лояльность к византийской имперской системе, несмотря на критические мотивы в отношении тех или иных монархов.

Для этнополитических взглядов Менандра характерна его терпимость в отдельных случаях по отношению к иноплеменным народам — редкая для византийца-ортодокса. Так, тюрки не называются в «Истории» «варварами», а иноземный правитель может фигурировать в качестве «брата» (в фигуральном смысле) византийского василевса. Такое отношение к бывшим противникам Византии могло бы пониматься как отражение новой ориентации византийской внешнеполитической доктрины в условиях реалий конца VI в., когда на смену гордому имперскому изоляционизму приходило осознание партнерства и соседства с окружающим политически сильным миром. Однако Менандру свойственны и многочисленные негативные оценки варваров.

Изд.: Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri Historiarum quae supersunt / Ed. I. Bekker, V. G. Niebur. Bonnae, 1829; *Blockley R. C.* The History of Menander the Guardsman. Liverpool, 1985.

Пер.: Менандр Протектор / Пер. и коммент. И. А. Левинской, С. Р. Тохтасьева // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1. С. 311—356.

Лит.: Основную литературу см. в: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. I. S. 422—426; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 309—312; *Karpozelos A.* Βυζαντινοί ιστορικοί και χρονόγραφοι. Athens, 1997. Т. 1. Р. 455—462.

ИСТОРИЯ

(перевод И. А. Левинской, С. Р. Тохтасьева)

(578 г. Император Тиверий побуждает вождя авар Баяна к войне со склавинами.)

48. Так самонадеянно сказали склавины¹, но и авары продолжали говорить не менее высокомерно. Затем отсюда — оскорбления и грубости, и, как это присуще варварам, они из-за своенравного и надменного образа мыслей затеяли ссору друг с другом. И склавины, не способные обуздать свою досаду, прибывших к ним послов убивают, как это — разумеется, со стороны — стало известно Баяну². Потому-то Баян, издавна упрекая в этом склавинов и питая к ним затаенную вражду, вообще гневаясь [на то], что не подчинились ему, а тем более — что [он] жестоко от них потерпел, а вместе с тем и желая выказать кесарю³ благодарность и надеясь также найти страну [склавинов] весьма богатой, так как издавна [земля] ромеев [опустошалась] склавинами, их же собственная [склавиновская] земля каким-либо другим из всех народов — никоим образом (*фрагмент обрывается*).

¹ Склавины во главе с вождем Даврентием отказываются подчиниться аварам, надменно отвечая их послу.

² Хакан (или хаган) (аварский правитель).

³ Официальный титул императора Тиверия I Константина (578—582).

ПАСХАЛЬНАЯ ХРОНИКА

Значителен хронологический охват — от Адама до правления Ираклия (ок. 629 г.) — у известного произведения хронографического жанра VII в., так называемой «Пасхальной хроники». Ее анонимный автор был, очевидно, клириком, интересовавшимся вопросами литургии, церковно-каноническими проблемами. Значительное место в произведении уделено пересказу библейской истории, евангельским событиям, в рассказе о которых хронист опирался на ранневизантийскую патристическую литературу. Как усердный хронист, автор «Пасхальной хроники» ведет скрупулезную датировку событий — по индиктам, годам императорского правления, консульства и даже по олимпиадам. Вообще календарю и отсчету времени уделяется особое внимание. Компилятивный характер текста во многом определяет и зависимость литературных качеств хроники от тех источников, на которые опирался ее составитель.

Изд.: Chronicon Paschale / Ed. L. Dindorf. Bonnae, 1832. Vol. 1—2.

Пер.: Пасхальная Хроника / Пер. и коммент. С. А. Иванова // Свод древнейших письменных свидетельств о славянах. М., 1995. Т. 2. С. 75—82; Пасхальная хроника / Пер., ст. и коммент. Л. А. Самуткиной. СПб., 2004.

Лит.: Основную литературу см.: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. 1. S. 241—243; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 328—330; *Karpozelos A.* Βυζαντινοὶ ἱστορικοὶ καὶ χρονόγραφοι. Athens, 1997. P. 403—410.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ВРЕМЕН ОТ АДАМА,
ПЕРВОСОЗДАННОГО ЧЕЛОВЕКА, ДО ДВАДЦАТОГО ГОДА
ЦАРСТВОВАНИЯ БЛАГОЧЕСТИВЕЙШЕГО ИРАКЛИЯ
(перевод С. А. Иванова)

(29 июня 626 г. авангард аварской армии появился у стен Константинополя. 31-го произошли первые стычки, но до 8 июля передовые части врага оставались в удалении от города. Авары с помощью костров-сигналов координировали действия со своими союзниками персами, стоявшими на другом берегу Босфора, у Хрисополя.)

29 июля сам богомерзкий хаган¹ подступил к стене со всем своим сбродом и показал себя горожанам. Через день, то есть 31 числа того же июля месяца, он явился, готовый к бою, и вел его с раннего утра и до 11 часа² [у городской стены] от так называемых Полиандрийских ворот до ворот Пемпта и даже дальше <...> Там он расположил свои огромные полчища, а вдоль остальной части стены, так, чтобы их было видно, выставил славян. Он оставался там, осаждая [стены], от рассвета и до 11 часа. В первой линии [у него были] пешие легковооруженные славяне, а во второй — тяжеловооруженная пехота. А к вечеру он поставил несколько осадных машин и «черепях» от Врахиалия и до Врахиалия³.

(Горожане сжигают некоторые орудия. Магистр Вонос предлагает хагану дань, но он требует себе весь город.)

<...> Он⁴ попробовал спустить на воду моносилы⁵, которые привез с собой, но ему не позволили [этого ромейские] военные корабли. В конце концов на третий день осады он подготовил их к спуску у моста св. Каллиника⁶. Он подготовил

¹ Аварский правитель, предводитель аваро-славянского войска, осадившего Константинополь.

² Т. е. до 17 часов.

³ Территория между Золотыми воротами стен Константинополя и Мраморным морем. Другой Врахиалий — на севере города, у залива Золотой Рог.

⁴ Хакан.

⁵ Лодки-однодеревки.

⁶ Сев. часть Золотого Рога, совр. Кагитане-Дереси.

моноксилы к спуску именно там потому, что места там были мелкие, и военные суда не могли туда подойти. Корабли остались в пределах видимости с моноксил, [расположившись] от св. Николая¹ до св. Конона², что на стороне Пиг, и не позволили моноксилам проскользнуть.

(В субботу 2 августа к хагану прибыло византийское посольство. Он опять требовал отдать ему город, указывая на присутствующих персидских послов и говоря, что персы пришлют ему трехтысячное подкрепление. Переговоры прервались. Византийцы захватили персидских послов при их возвращении и убили.)

В это воскресенье проклятый хаган отправился в Халы³ и спустил на море моноксилы, которые должны были переправиться на другую сторону [пролива] и привезти ему персов, согласно их обещанию. После того как это стало известно, вечером и с нашей стороны, несмотря на встречный ветер, отплыло в Халы около 70 кораблей, дабы воспрепятствовать моноксилам переправиться.

(Переговоры горожан с аварским военачальником Гермицисом.)

В понедельник, когда начало светать, их моноксилы безуспешно пытались обмануть наши дозоры и переправиться к [персам. Ромеи] потопили и перерезали всех находившихся на моноксилах славян.

А армяне вышли за Влахернскую стену и разожгли огонь на близлежащем портике [храма] св. Николая. Те славяне, которые вплавь спаслись с моноксил, из-за [этого сигнала] огнем решили, что стоящие у моря [люди] — это авары. Они выбрались [на берег] в этом месте и были перебиты армянами. А те немногие славяне, кто, спасшись вплавь, вышел [на берег] в том месте, где стоял безбожный хаган, были убиты по его приказу. [Так] по велению Божию, чрез предстательство Владычицы нашей Богородицы в мгновение ока потерпел [хаган] поражение на море. Наши выгнали все моноксилы на сушу. После того как все это случилось, проклятый хаган возвратился в свой лагерь. Он отвел от стены осадные при-

¹ Во Влахернах, на берегу Золотого Рога.

² На противоположном берегу Золотого Рога, в районе Пиги, совр. Казинпаша.

³ На Босфоре, совр. Бебеке.

способления, которые там поставил, а также заграждение, которое строил, и принялся разбирать осадные башни, которые изготовил, а ночью сжег свой лагерь и башни, содрал шкуры с «черепях» и ушел.

Некоторые же говорили, что, увидев происшедшее, снялись и ушли славяне — потому-то и проклятый хаган был вынужден уйти и последовать за ними.

(8 августа авары сожгли предместья и отступили. Хаган заявил, что видел на стене Богородицу.)

МАВРИКИЙ

Под именем византийского императора Маврикия (539—602), занимавшего престол два десятилетия вплоть до свержения с трона в результате мятежа (582—602), сохранился выдающийся памятник византийского воинского искусства — «Стратегикон», относящийся к распространенному в ранне-византийской книжности жанру тактик. Первоначальная идентификация автора трактата с императором-воином в течение долгого времени вызывала в науке скептическое отношение (в византиноведение вошло понятие «Стратегикон» Псевдо-Маврикия), однако в последнее время (В. В. Кучма и др.) получила новое подтверждение.

Будущий василевс происходил из Каппадокии и, перебравшись в Константинополь, начал путь по лестнице служебной карьеры хотя и гражданским чиновником, но связанным с воинскими поручениями, в частности, в связи с иноземными контингентами. Так, ему поручается создать из «варваров» боеспособные соединения для войны с персами, а в 577 г. императором Тиверием II он назначается магистром войск Востока. В новом качестве он совершает поход в Армению (578/9), осаждает персидскую крепость (580), идет к Евфрату, откуда, впрочем, из-за персидского вторжения, вынужден был ретироваться в оставленную Месопотамию; однако в следующем году армия Маврикия наголову разбивает персов под Теллой-Константиной в Малой Азии, после чего следует триумф полководца в византийской столице и назначение его умирающим Тиверием наследником престола.

Вступив во власть, Маврикий прославился как любитель искусства и литературы, поощрявший гуманитарные занятия. С этими увлечениями связано и его предполагаемое авторство «Стратегикона», где сочетается его воинский опыт с литературно-историческими пристрастиями.

Ведение с переменным успехом персидских кампаний вплоть до заключения мирного договора с Хосровом II в 591 г.

чередовалось с постоянной борьбой Маврикия и его военачальников с успешными частыми вторжениями в 583—599 гг. в пределы империи славян и аваров, доходивших подчас до пригородов столицы, осаждавших второй по значению город Византии — Фессалонику (Солунь). Откупаясь в течение этого времени от славяно-аварских нашествий часто непосильной для казны данью, Маврикий не смог в 599 г. выкупить у авар двенадцать тысяч своих пленных, чем обрек себя на ненависть армии, усугубленную экономической разрухой в результате эпидемии чумы, землетрясений, и засухи и, как следствие, голода. В результате мятежа в столице Маврикий был свергнут, был вынужден бежать, оставив власть военачальнику Фоке — предводителю дунайской армии, провозглашенному ею императором и триумфально вошедшему в столицу. Маврикий же и пятеро его сыновей были в 602 г. казнены в Халкидоне.

В «Стратегиконе» отразился не только военный опыт автора, описывающего устройство лагеря, тактические схемы боя, детали воинской организации. Самая пространная XI книга произведения посвящена этнологическим характеристикам «варваров» — противников Византии — персов, «скифов» (или «гуннов»), франков и лангобардов, а также «склавинов» и антов. При этом дается как характеристика черт боевого искусства иноплеменников — деталь, новая в византийской традиции, отказывавшей «варварам» в знании военной теории и обладании навыками «искусства войны», — так и описание общественного строя, быта, нравов, внешности «варваров». В этом контексте первостепенное значение имеют свидетельства «Стратегикона» о славянах, не только восходящие к античной традиции подобных описаний, но воспроизводящие непосредственные наблюдения и знания византийца рубежа VI—VII вв.

Изд.: Das Strategikon des Maurikios / Ed. ... v. G. Dennis, Übers. von E. Gamillscheg. Wien, 1981; Mauricius. Arta militară / Ed. H. Mihăescu. București, 1970.

Пер.: Стратегикон Маврикия / Под ред. В. В. Кучмы. СПб., 2004.

Лит.: Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI—X вв. как исторический источник // Византийский временник. 1979.

Т. 40; *Он же*. «Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон Маврикия»: опыт сравнительной характеристики // Византийский временник. 1982. Т. 43; *Zasterová B.* Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971; *Avenarius A.* Die Awaren in Europa. Bratislava, 1974; *Левченко М. В.* Византия и славяне в VI—VII вв. // Вестник древней истории. 1936. № 4; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1991. С. 364—393.

«СТРАТЕГИКОН»
(перевод В. В. Кучмы)

XI. 4. (1) Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле. (2) Они многочисленны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи. (3) К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщение за него священным долгом¹. (4) Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена², но, определив для них точный срок, предоставляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья. (5) У них множество разнообразного скота и злаков, сложенных в скирды, в особенности проса и полбы³. (6) Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве. (7) Живут они среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озер, устраивая много с разных сторон

¹ Закон гостеприимства у славян-язычников.

² Скорее всего, утигуры и кутигуры.

³ Свидетельство о земледелии у славян.

выходов из своих жилищ из-за обычно настигающих их опасностей; (8) все ценное из своих вещей они зарывают в тайнике, не держа открыто ничего лишнего. (9) Ведя разбойную жизнь, они любят совершать нападения на своих врагов в местах лесистых, узких и обрывистых. С выгодой для себя пользуются засадами, внезапными нападениями и хитростями, ночью и днем, выдумывая многочисленные уловки.

⟨...⟩ (12) Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показаться в местах открытых и ровных не желают.

⟨...⟩ (14) Они вообще вероломны и ненадежны в соглашениях, уступая скорее страху, нежели дарам. Так как господствуют у них различные мнения, они либо не приходят к соглашению, либо, даже если и соглашаются, то решенное тотчас же нарушают другие, поскольку все думают противоположное друг другу и ни один не желает уступить другому.

⟨...⟩ (30) Поскольку у них много вождей¹, и они не согласны друг с другом, нелишне некоторых из них прибрать к рукам с помощью речей или даров, в особенности тех, которые ближе к границам, а на других нападать, дабы враждебность ко всем не привела бы к [их] объединению или монархии.

¹ Термином, заимствованным из латыни («рикс» — царь), называются племенные вожди.

ФЕОФИЛАКТ СИМОКАТТА

Продолжателем повествования Менандра стал происходивший из Египта, ставший затем императорским секретарем и епархом при Ираклии историк Феофилакт Симокатта (ок. 580-х гг. — после 641 г.), посвятивший свою «Вселенскую историю» правлению Маврикия (582—602 гг.). Он был автором и других произведений — «Диалога о природных и физических проблемах», сборника писем — реальных и аллегорических.

Предисловие-прооймион исторического труда составляет диалог Философии и Истории. Здесь подчеркивается практическое, этическое и педагогическое значение изучения истории; проводится сопоставление истории и поэзии. Таким образом, историописание помещается в широкий литературно-культурный жанровый контекст. Риторические принципы подачи материала доминируют у Феофилакта как в декларациях, так и в самой ткани повествования.

Внутренний смысл сочинения Феофилакта заключается в реабилитации императора Маврикия. По контрасту с этим персонажем формируется образ Фоки — тирана, узурпатора, полуварвара, описываемого в категориях античной топики: он сопоставляется с Киклопом, Кентавром — словом, с получудовищами, полулюдьми. Подобным же образом — *vice versa* — персона императора-современника (Ираклия) обозначена созвучным именем античного героя (Геракла).

В центре описываемых исторических событий — столкновение Византии с подошедшими к Балканам и начавшими процесс их заселения славянами и другими «варварами». Успехи и неудачи Маврикия в этих взаимоотношениях драматически переживаются историком, который сам, в отличие, скажем, от Прокопия, не был ни участником, ни очевидцем всего происходившего в Константинополе в то время — в условиях грозящей опасности.

Другой полюс историко-политических интересов эпохи и автора — на востоке: это — сасанидское пограничье Византии. Другие же области ойкумены — Апеннины, Африка, даже родной Египет — лишь упоминаются вскользь.

Специальное внимание Феофилакт уделяет вопросам генеалогии иноземных правящих родов — персидских, «скифских», ранней истории народов — в т. ч. алтайских племен. «Скифский экскурс» Феофилакта является одним из наиболее интересных с исторической точки зрения свидетельств византийской историографии в целом. Свидетельства историка становятся еще более ценными при его обращении к государственным документам, доступ к которым он имел, будучи императорским секретарем в столице. В этом отношении такие материалы «Истории», как древности гуннов, аваров, алтайских племен, просто уникальны в мировой историографии. Это относится и к славянским древностям.

Однако «Вселенская история», как и другие сочинения ее автора, — в не меньшей степени, чем собрание исторических фактов, является и литературным произведением, построенным по законам эллинского красноречия, украшенного риторическими фигурами, аллегориями и метафорами; это во многих случаях ритмически организованная проза. Именно литературно-риторической спецификой памятника, а не некомпетентностью историка-фактографа, следует объяснить и многие из указываемых обычно современными исследователями неточностей и ошибок Феофилакта.

Изд.: Theophylacti Simocattae Historiae / Ed. C. De Boor, corr. P. Wirth. Stuttgart, 1972.

Пер.: Феофилакт Симокатта. История / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1996; Феофилакт Симокатта / Ст., пер. и коммент. С. А. Иванова // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. 2. С. 10—64.

Лит.: Основную литературу см.: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. I. S. 544—548; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 313—319; *Karpozelos A.* Βυζαντινοί ιστορικοί και χρονόγραφοι. Athens, 1997. Т. 1. P. 475—483.

ИСТОРИЯ (перевод С. П. Кондратьева)

Книга I. [После 584 г.]

VII. 1. Они¹ подослали племя славян, и огромное пространство римских земель было опустошено². Славяне дошли вплоть до так называемых «Длинных стен», прорвавшись через которые на глазах у всех, произвели страшную резню. 2. Император в страхе защищал «Длинные стены» и вывел сюда из города все бывшее при нем войско, создавая из него в спешном порядке как бы самое надежное укрепление вокруг города. 3. Вот тогда-то Коментиол со славой выполнил свою обязанность начальника армии: наступая на Фракию, он отогнал полчища славян. Он дошел до реки, называемой Эргиния³, и, неожиданно напав на славян, подверг варваров сильному избиению. 4. За это, опять назначенный императором главнокомандующим, он вновь был направлен против них. Он показал блестящий пример ромейской доблести и получил титул, который ромеи называют пресентий, даваемый за военное командование⁴. 5. Затем в конце лета, собрав силы ромеев, он двинулся к Адрианополю⁵ и встретился там с Ардагастом, который вел по этим местам большие отряды славян и огромные толпы пленных с богатой добычей. Переждав ночь, рано утром он продвинулся к укреплению Ансину⁶ и смело вступил в сражение с варварами. 6. Врагам пришлось отступить, они обратились в бегство, и он гнал их до самой Астики⁷. Этот подвиг ромеев дал пленным возмож-

¹ Авары.

² Славяне и авары вторглись в провинции к югу от Дуная. С появлением аваров на Дунае часть славян оказывается у них в подчинении.

³ Левый приток р. Гебра (Марицы).

⁴ Соответствует термину *magister militum praesentialis*.

⁵ Город во Фракии, совр. Эдирне в Турции.

⁶ Крепость близ Адрианополя.

⁷ Местность во Фракии между Адрианополем и Филиппополем (совр. Пловдив в Болгарии).

ность увидеть светлый день. Стратиг их воспел победную песнь и воздвиг трофей.

Книга III. [*Весна 589 г.*]

IV. 7. И вот война между ромеями и персами стала принимать более деятельный и ожесточенный характер. Войска гетов, а иначе говоря, — толпы славян сильно опустошали область Фракии, мидяне же, встретившись с предводителями ромеев, были истреблены, явившись лишнею жертвою в этой войне.

Книга VI. [*591/592 г.*]

II. 10. На другой день трое людей из племени славян, не имеющие никакого железного оружия или каких-либо военных приспособлений, были взяты в плен телохранителями императора. С ними были только кифары, и ничего другого они не несли с собой. 11. Император стал их расспрашивать, какого они племени, где назначено судьбой им жить и по какой причине они находятся в ромейских пределах. 12. Они отвечали, что по племени они славяне, что живут на краю западного Океана, что каган отправил к ним послов с тем, чтобы собрать военную силу, и прислал почетные дары их племенным владыкам. 13. Дары они приняли, но в союзной помощи ему отказали, настойчиво указывая на то, что их затрудняет дальность расстояния. А их отправили к кагану в качестве заложников, как бы в доказательство того, что это путешествие длится пятнадцать месяцев. Но каган, забыв все законы по отношению к послам, решил чинить им всякие затруднения при возвращении. 14. Они слышали, говорили они, что ромейский народ и по богатству, и по человеколюбию является, так сказать, наиславнейшим; поэтому, обманув [кагана], они выбрали удобный момент и удалились во Фракию. 15. Кифары они носят потому, что не привыкли облекать свои тела в железное оружие — их страна не знает железа, и потому мирно и без мятежей проходит у них жизнь, что они играют на лирах, ибо не обучены трубить в трубы. Тем, для кого война является вещью неведомой, естественно, говорили они, более усиленно предаваться музыкальным занятиям.

16. Выслушав их рассказы, император пришел в восхищение от их племени, и самих этих варваров, попавших в его руки, он удостоил милостивого приема и угощения. Удивляясь величине их тел и красоте членов, он направил их в Гераклею.

III. 9. Каган стал требовать от кесаря увеличения договорной суммы взносов, когда же император не обратил внимания на эти речи варвара, каган тотчас решил начать против него войну. Поэтому он приказал славянам построить большое число легких судов, чтобы подготовить переправу через Истр.

[593 г.]

IV. 1. Жители Сингидуна своими частыми набегами разрушали работы славян, предавая огню все, что было ими изготовлено для устройства переправы. 2. Вследствие этого варвары осадили Сингидун. Город был уже доведен до крайне тяжелого положения и имел весьма слабые надежды на спасение. 3. Как вдруг на седьмой день каган приказал варварам прекратить осаду и явиться к нему. Послушавшись его приказа, варвары сняли осаду с города, взяв с него в качестве выкупа две тысячи золотых дариков, выложенный золотом стол и одежду. 4. Каган, пройдя пять парасангов, стал лагерем под городом Сирмием, а толпы славян стали готовить из дерева челноки, чтобы каган мог на них переправиться через реку, называемую Саос¹. 5. Он торопился с этим походом, они же, согласно его приказу, изо всех сил старались доставить ему возможность переправы: страх перед поставленными над ними начальниками заставил их это сделать. Когда эти легкие суда были сделаны и переданы кагану, варварское войско перешло через соседнюю реку.

[594 г.]

VI. 2. С наступлением весны стратиг² был отправлен императором к Истру, чтобы племена славян, встретив с его стороны помеху в переправе через Истр, волей-неволей оставили Фракию в покое. Император³ не раз говорил Приску, что вар-

¹ Река Сава, приток Дуная.

² Приск.

³ Маврикий.

вары не будут держаться спокойно, если ромейское войско не будет со всей тщательностью сторожить Истр. 3. Приск взял на себя командование конными силами, а во главе пеших войск императором был поставлен Гентзон. Таким образом, в середине весны ромейское войско собиралось около Гераклеи. 4. На седьмой день стратиг велел сняться с лагеря. Подвергнув тщательному обследованию союзные войска и закончив подсчет сил, он произвел раздачу годового жалованья. 5. Двинувшись оттуда, он после четырех остановок в укрепленных лагерях подошел к Дризиперам. Промедлив в этом месте пятнадцать дней, он через двадцать остановок явился в Доростол. 6. Каган по слухам узнал о походе ромеев и поэтому отправил послов к Приску. Когда эти послы прибыли к Приску, то Кох (это был один из варваров) от имени всех послов выступил с такими словами: 7. «Что это значит, бессмертные боги? Для тех, которым было так свойственно говорить о своем благочестии, выполнение нечестивых дел стало столь легким! Ромеи нарушили мир, нарушили святость договоров; смыта соль договорная, уничтожено уважение к слову верности, погибла клятва, посредник между людьми. 8. Истр видит военное зрелище, укрепленный лагерь и железом опоясанного Приска, незадолго перед тем, как невесту, приведшего мир к аварам и ромеям. Грешешь ты, кесарь, тайно замышляя незаконную войну. Не царское это предприятие, недостойное императора намерение — разбойничий это план, явно проклятое народом действие. 9. Или сложи прекрасный царский венец, или не позорь достоинства своего высокого звания. Вы научили варваров низости. Мы не знали бы нарушения клятв, если бы в вас не нашли учителей лжи. Никогда во время войны не желали вы покоя, никогда очи мира не выдали вас отказавшимися от битв. 10. Воюя, ты нарушаешь правду, заключая договор, ты готовишь несчастья, и можно ли еще верить, будто любишь ты спокойствие от военных бурь? Проникнись, стратиг, уважением к тому человеколюбию, которое мы вчера к тебе проявили. Мы сохранили вас невредимыми как будущих друзей, а не врагов. О человеколюбие, полное печали и опасности! 11. Те, которые получили от нас спасение, теперь готовят нам безбожное возмездие. Идут на

нас войной, равно и на богов. Сокрушается крепость клятв, более сильный совершает насилие над более слабым, хитрости предоставлена свобода действий, лжи доверено руководство, и преступление явно ведет войну. 12. Если ты, стратег, уважая [наши силы], изменишь свое мнение, твои неприятности ограничатся лишь стыдом; иначе же ты получишь возмездие, которое, как некий учитель, вместе с несчастиями приведет тебя и к раскаянию». 13. Такая речь произвела на войско очень тяжелое впечатление, но Приск отнесся снисходительно к дерзости варваров и позволил им высказать эти слова. 14. Поэтому, не допустив возражений на их дерзость, он сказал, что война предпринята против славян и что при этом остаются в силе клятвы и договоры с аварами, равно как и война с гетами.

VII. 1. Наступил после этого двенадцатый день, и стратег, построив суда, переправился через реку. Услышав, что Ардагаст собрал толпы пришлых славян, желавших поживиться добычей, Приск среди ночи начал поход. 2. Ардагаст, распростившись со своими сновидениями вследствие все нарастающего шума, быстро проснулся, вскочил на неоседланного коня и устремился в бегство. Затем варвар внезапно напал на ромеев и, соскочив с коня, попробовал попытать счастья в пешей битве. 3. Но не имея сил выдержать ответное нападение, он обратился в бегство, спасаясь через какое-то непроходимое место. В этих привычных для него передвижениях Ардагаст обогнал своих противников. 4. Но тут ему не повезло: по какому-то несчастному случаю варвар налетел на ствол огромного дерева и упал. Здесь он стал бы весьма желанной добычей для преследователей, если бы река не послужила ему спасением: переплыв ее, он избежал опасности. 5. Ромеи, сделав огромные толпы славян пищей мечей, опустошили страну, бывшую под властью Ардагаста, а пленных, взятых живыми, они, отягчив деревянными колодками, послали в Византий.

VIII. 3. И вот Приск, одержав верх своими речами, стал отправлять плоды трудов войска, поручив охрану добычи тремстам воинам и поставив во главе их Татимера¹. 4. И вот

¹ Крещеный славянин, служивший Византии.

Татимер стал двигаться в Византию; на шестой день наткнувшись на славян, он попал в неожиданно опасное положение: когда ромеи в полдень стояли лагерем беззаботно и без всяких предосторожностей, а кони щипали траву, внезапно напал на них отряд варваров. 5. Поднялся крик, и так как ромеи были без коней, то Татимер с немногими бросился вперед и, оказавшись лицом к лицу с варварами, подвергся большой опасности. Не имея сил выдержать битву лицом к лицу, он обратился в бегство и, получив несколько несмертельных ран, с трудом избежал опасности. 6. Тут появилась ромейская пехота и спасла Татимера; затем она вступила в рукопашный бой со славянами. 7. Бой был сильный; ромеи одолели славян и произвели огромное избиение, а пятьдесят человек взяли живыми в плен, отвели в лагерь и спасли от славян ромейскую добычу. 8. Татимер, кое-как подлечив свои раны, прибыл в Византию, привозя с собой замечательные трофеи. Император был обрадован всем шедшим; он велел совершить в величайшем храме города¹ всенощное бдение, а затем, вместе со всем народом совершив молитву, просил Бога дать еще более славные трофеи.

9. На следующий день стратиг Приск велел воинам пойти вперед на разведку и узнал, что вражеского войска на том месте нет. Поэтому он поручил Александру, двинувшись дальше, совершить утром переход через реку Иливакию². 10. Александр, перейдя через соседнюю реку, встретил славян. Варвары, увидав военный строй ромеев, бежали в ближайшие болота и дикие леса. Ромеи попытались захватить их там. 11. Но попав в эти топи, они подверглись непреодолимому бедствию, и весь отряд погиб бы целиком, если бы Александр как можно скорее не вывел ромеев из этого болота. 12. Окружив это место, таксиарх Александр попытался предать славян огню, но пламя, не имея сил разгореться вследствие влажности, слабело и гасло. Эта попытка нападения не принесла Александру никакой славы. 13. Однако среди варваров был один гепид, бывший некогда христианского вероисповедания. Перебежав к ромеям, он пальцем указал на

¹ Храм св. Софии.

² Левый приток Дуная (иначе — Яломица).

место, где они могут пройти. Овладев этим проходом, ромеи одолели варваров. Александр допытывался, какого племени взятые в плен варвары. 14. Но варвары, впав в отчаяние и ожидая смерти, не обращали внимания на мучения, как будто эти страдания и удары бича относились к чужому телу.

IX. 1. Но этот гепид рассказал все и самым точным образом осветил дело. Он сказал, что пленные являются подданными Мусокия, которого варвары на своем языке называют царем, что этот Мусокий находится от них в тридцати парасангах, что взятых в плен он послал в качестве разведчиков, для того чтобы высмотреть римские силы, что он слышал, какое поражение недавно понес Ардагаст. 2. Он советовал ромеям немедленно совершить нападение и, пользуясь неожиданностью, захватить варвара. Александр, явившись к Приску, доставил и этих варваров, а военачальник предал их смерти. 3. Явился к стратигу и этот гепид. Изложив Приску все, что думают варвары, он советовал ему напасть на варвара, обещая его обмануть, причем ручался честным словом в успехе. 4. С радостью услышал Приск эти речи; он щедро наградил перебежчика прекрасными дарами и, подкрепив это лестными обещаниями, отослал, для того чтобы тот обманул варвара. 5. И вот гепид явился к Мусокию и попросил дать ему большое число лодок-однодеревок, чтобы переправить на них тех людей Ардагаста, которые потерпели поражение. 6. Мусокий, сочтя для себя счастливой находкой то, что затевалось против него обманном образом, дал ему однодеревки, с тем чтобы гепид спас людей, бывших с Ардагастом. Получив сто пятьдесят судов и тридцать гребцов, он переправился на противоположный берег реки, которую местные жители называют Паспирием¹. 7. Приск, как было условлено, ранним утром начал наступление. Гепид, обманув бдительность прибывших с ним, в полночь пришел к ромейскому военачальнику и просил дать ему сто тяжеловооруженных воинов, чтобы остриями их мечей он мог погубить варваров, бывших на стороже. 8. Главнокомандующий, дав ему двести тяжеловооруженных, поставил их под начальство таксиарха Александра. Когда ромейский отряд приблизился к реке Паспирию, ге-

¹ Предположительно приток Иливакии.

пид поставил в засаду Александра. 9. Была ночь, варвары, очень склонные ко сну, крепко спали, будучи пьяными. Гепид же смеялся, думая о предстоящей гибели варваров. 10. В третью стражу, немного отойдя от берега и подойдя к засаде, он тайно вывел Александра из его убежища. Затем, направив ромеев к реке Паспирию и уговорившись о взаимных сигналах, он ушел к варварам. Варвары были еще охвачены сном, когда гепид дал знак Александру, напевая аварскую мелодию. 11. Тогда Александр, напав на варваров, наказал их и за сон, и за их образ жизни. Овладев мелкими судами, он послал к стратигу вестников, настойчиво побуждая его к стремительному нападению. 12. Приск, отобрав три тысячи человек и посадив их на эти легкие суда, переправился через реку Паспирий; этот поход он начал в полночь. Варвар, будучи пьяным, потерял всякое соображение; дело в том, что у него в этот день были поминки по умершему брату, как это у них в обычае. 13. Великий страх охватил всех. Вождь варваров живым был взят в плен. Всю ночь ромеи провели за этим кровавым делом. Когда же рассвело и начался день, стратиг велел прекратить избиение. На третий день после этого вождь вывез оттуда добычу и войска. 14. После этого ромеи, возгордившись такими удачными набегами, предались роскоши, а затем пристрастились к пьянству; вследствие этого у них расшаталась дисциплина, и они перестали обращать внимание на несение сторожевой службы, которая обычно у ромеев называлась на их родном языке скупка. 15. Побежденные славяне, собравшись вместе, в свою очередь отплатили ромеям за это нападение. И эта расплата была бы тяжелее, чем предшествующее нападение ромеев, если бы их не победил в сражении Гентзон, собрав вокруг себя пешие войска. Утром Приск нескольких из начальников отрядов посадил на кол, да и иных из тяжелооруженных солдат подверг жестокому бичеванию.

X. 1. В это время император посылает Татимера к главнокомандующему с посланием, которое содержало требование, чтобы ромеи зимовали в этих местах. Когда прибыл Татимер и стали известны императорские предписания, шум и смятение охватило войско. 2. Не обращая внимания на императорские слова, множество ромейских воинов подняли мятеж; же-

лая провести время холодов дома, они отказались поселиться на этой варварской земле. Они говорили, что холода здесь невыносимые, а бесчисленные толпы варваров непобедимы. 3. Стратиг сумел смягчить необузданность войска тактичными словами убеждения. Когда войска стали послушными, он снял укрепленный лагерь на неприятельской земле.

XI. 2. Затем император снял Приска с должности главнокомандующего, а вождем ромейских войск сделал своего брата Петра. 3. Приск об этом ничего еще не знал. Поэтому, снявшись с войсками, он перешел через реку; войска отказывались дальше оставаться в варварской стране — они боялись, как бы варвары, внезапно восстав, не унесли их добычу. 4. Каган, услышав об уходе ромейского войска, очень удивился. Затем он отправил послов к Приску, желая узнать о причине обратного похода. Приск, насколько было возможно, убедительными словами обманул кагана. 5. Дня через три Приску было дано знать, что каган хочет напасть на ромейские земли и что он приказал толпам славян переправиться через Истр; в страшном гневе он едва мог перенести, что ромейские войска покрыли себя столь великой славой. 6. Таргитий и наиболее знатные из варваров советовали кагану не затевать войны с ромеями; они говорили, что он сердится на них несправедливо. 7. И Приск с большой находчивостью отправил кагану посла (имя ему было Феодор), по своим природным дарованиям человека ловкого и остроумного, по специальности — врача, умевшего свободно говорить. Он пришел к кагану в сознании своей силы. 8. Варвар, полный гордости вследствие сопутствовавших ему удач, держал себя очень надменно; он говорил, что является владыкой всего племени и что, где бы ни сияли лучи солнца, нет никого, кто бы осмелился ему сопротивляться...

17. «Умею я властвовать над своим пылом, когда волны его поднимаются чересчур высоко; умею я и пустить в ход свой гнев, но тогда, когда раздражение бывает своевременным. Я примиряюсь с Приском, Феодор. Пусть и он станет мне искренним другом. Пусть каган не останется лишенным доли добычи. Ведь он вторгся в мою землю и совершал незаконные нападения на моих подданных. Пусть же и плоды удачи

будут общими». 18. С такими дружественными и разумными предложениями он отправил Феодора к Приску. Явившись к Приску, Феодор передал ему речи варвара; на другой день Приск созвал собрание воинов и убеждал ромеев поделиться добычей и с варварами. 19. Ромейские воины, и раньше не очень разбиравшиеся в вопросах, касавшихся пользы, тут восстали против стратига. Но стратиг многими изворотливыми, соответствующими данным обстоятельствам речами убедил свои войска дать варвару что-либо из добычи. 20. В силу этого ромей отдали кагану военнопленных варваров, лишив его доли в другой добыче, и на этом закончили споры. Каган с удовольствием принял возвращенных ему варваров и разрешил ромеям пройти через его землю. 21. Итак, ромей отдали даром кагану пять тысяч варваров и вернулись в Дризиперы. А стратиг прибыл в Византию. За все это Маврикий бранил Приска и упрекал его в легкомыслии и ошибках, считая, что он безрассудно отдал варвару добычу.

Книга VII. [595 г.]

II. 1. Таким образом, стратиг¹, несмотря на такие горестные события, вновь заслужил расположение войска. На четвертый день он дал знать императору о мятеже в войсках. Затем, оставив Одесс², он пошел в левую часть этой страны и, прибыв в Маркианополь, приказал тысяче воинов двинуться впереди войска. 2. Они столкнулись с шестьюстами славянами, везшими большую добычу, захваченную у ромеев. Еще недавно были опустошены Залдапы, Акис и Скопис³, и теперь они вновь ограбили несчастных. Они везли добычу на огромном числе повозок. 3. Когда варвары увидели приближающихся ромеев и в свою очередь были ими замечены, они тотчас же бросились убивать пленных. Из пленников мужского пола были убиты все бывшие в цветущем возрасте. 4. Так как это столкновение для варваров было неизбежным, то они, составив повозки, устроили из них как бы укрепление лагеря и

¹ Петр, брат императора Маврикия.

² Город на черноморском побережье, совр. Варна в Болгарии.

³ Предположительно в Нижней Мезии.

в центре этого лагеря укрыли женщин и детей. 5. Приблизившись к гетам (так в старину называли этих варваров), ромеи не решились вступить с ними в рукопашный бой: они боялись копий, которые бросали варвары в их коней с высоты этого укрепления. 6. Тогда начальник этого отряда (имя ему было Александр) на родном для ромеев языке велел ромеям сойти с коней и пешими схватиться с врагами в опасном бою. 7. И вот ромеи сошли с коней и подошли к укреплению, нанося и отражая удары копий. 8. Таким образом, битва стала затягиваться и для той, и для другой стороны. Тут кто-то из ромеев, подскочив с разбега и напрягши все силы, влез на одну повозку, связанную в одно целое с укреплением и охранявшую варварское войско, а затем, став на ней, начал поражать мечом всех приближавшихся. 9. Тут пришла к варварам неизбежная гибель — ромеи разрушили их укрепление. Варвары, отчаявшись в спасении, уничтожили оставшуюся часть пленных. Ромеи, наступая и усилив натиск, ворвались — к сожалению, поздно и с трудом — в центр укрепления и уничтожили находившихся там варваров. 10. На другой день возвратившиеся победители рассказали стратигу об этом происшествии. Стратиг оставался в этих местах пять дней и, видя подвиги передового отряда, наградил их дарами за доблесть. 11. На другой день, собираясь поохотиться, Петр углубился в густой лес. В этой горной лощине скрывался огромный вепрь, и когда поднялся сильный лай собак, зверь выскочил из своего логова и бросился на Петра. 12. Стратиг повернул своего коня, собираясь бежать, и раздробил себе левую ногу о высокое дерево. Страдая от невыносимой боли, Петр остался на этом месте и вследствие этого несчастного случая сильно занемог. 13. Кесарь, гневаясь на медлительность стратига и удивляясь его бездеятельности в военных делах, написал ему письма, полные упреков. 14. Тогда Петр, не вынеся порицаний, высказанных императором в письмах, еще мучимый резкими болями, снялся с укрепленного лагеря и за четыре перехода пришел в те места, где находились славяне. 15. На десятый день после этого император Маврикий послал своему единоутробному брату царское письмо с приказанием оставаться во Фракии, ибо Маврикий получил све-

дения, что большие толпы славян готовят нападение на Византию. 16. Поэтому стратиг направился к крепости Писту¹, затем прибыл в Залдапы. После этого он двинулся к городу Иатру² и, сменив гарнизон в Латаркии³, направился с войском в Новы⁴. 17. Услыхав, что к ним прибудет стратиг, тамошние жители вышли из города и, оказав ему замечательно пышный прием, очень просили Петра принять с ними участие в празднестве в честь мученика Лупша; в этот день у них был канун праздника мученика Луппа с ночным бдением⁵. 18. Стратиг ответил им, что, вынужденный спешно выступить, он не может промедлить в этих местах ни одного дня. Но жители города, беспрестанно усиливая свои настойчивые просьбы, принудили стратига принять участие в их празднике. 19. Пробыв в этом городке два дня, Петр снялся отсюда и стал лагерем у Феодорополя⁶, а рано на рассвете двинулся к Куриске⁷.

III. 1. На третий день он остановился в городе Асиме⁸.

IV. 1. На шестой день Петр для разведки послал отряд, состоявший из тысячи человек. Они наткнулись на десять сотен болгар. 2. Так как между ромеями и каганом был мир, то варвары двигались без всяких предосторожностей. Ромеи по указанию стратига пустили в ход против варваров копья. Булгары отправили к ним послов; через них они передали, что отказываются от битвы, и убеждали ромеев не нарушать мира. 3. Начальник отряда отправил этих послов к стратигу, находившемуся от этого места в восьми милях. Петр, отвергнув мирные переговоры, приказал своему передовому отряду, вступив в рукопашный бой, мечами истребить варваров. 4. Булгары, приготовившись, как у них в обычае, к битве, тес-

¹ Крепость в Верхней Мезии.

² Город в Верхней Мезии, у впадении реки Иатр (совр. Янтры) в Дунай.

³ Крепость на Дунае между Иатром и Новы.

⁴ Наиболее значительная крепость и город на Дунае в Нижней Мезии, в 3 км от г. Свиштов в Болгарии (селение Стаклен).

⁵ 23 августа.

⁶ Город в Нижней Мезии.

⁷ Крепость на Дунае, к западу от Новы.

⁸ Город и крепость в Нижней Мезии.

ными рядами вступили в рукопашный бой и, защищаясь с большим героизмом, заставили ромеев обратиться в бегство. 5. Немного времени спустя после этого варвары, медленно и не раз оборачиваясь назад, ушли, «тихо колено коленом сменяя», чтобы мне в своем историческом изложении процитировать что-либо из песен Гомера; они боялись, как бы к побежденным не подошли вспомогательные силы и, объединившись, вновь не начали сражения. 6. Потерпев неудачу в своем намерении, Петр, совлекши одежды с таксиарха передового отряда, приказал, как раба, наказывать его бичом. В это время варвары явились к кагану и подробно рассказали о происшедшем. Варвар направил к Петру послов и жестоко порицал его за то, что он нарушает мир. 7. Петр обманул послов убедительными словами и сослался на то, что он не знал об этом печальном обстоятельстве. С помощью блестящих даров, предоставив в виде возмещения часть добычи, он вновь убедил варвара остаться с ним в дружеских отношениях. 8. На четвертый день Петр с войском подошел к берегу протекавшей поблизости реки и, выбрав двадцать человек, послал их, перейдя реку, выследить движение врагов. 9. Но переправившись через реку, они все попали в плен. Это произошло следующим образом. Обычно те, которые назначаются в разведку, совершают переходы ночью, а днем спят. 10. Эти разведчики, совершив накануне большой переход, устали и поэтому в предрассветных сумерках решили отдохнуть в каких-то ближайших зарослях. 11. В третьем часу дня, когда они все спали и не поставили никого сторожить, к этой заросли явились варвары. Соскочив с коней, славяне решили немного передохнуть, а также дать некоторый отдых и своим коням. 12. Вследствие этого случайно были обнаружены ромеи. Взятые живыми в плен, несчастные были подвергнуты допросу с требованием рассказать, что задумывают ромеи. Отчаявшись в своем спасении, они рассказали все. 13. Тогда Пирагаст (так звался глава этого племени варваров), взяв крупные силы, направился к переправам через реку и скрылся в лесах, словно какая-то невидимая кисточка винограда.

V. 1. Стратиг, брат императора¹, не веря, чтобы тут могли быть неприятели, велел войску переходить через реку. Первую тысячу человек, перешедших реку, варвары уничтожили. 2. Узнав об этом, стратиг приказал войску совершать переправу, не разделяясь на маленькие отряды, а совместно, чтобы, переходя реку, не становиться ненужной жертвой врагов. Когда таким образом ромейское войско выстроило свои ряды, варвары, в свою очередь, сгруппировались на берегу реки. 3. И вот ромеи стали поражать варваров со своих судов стрелами и копьями. Варвары не смогли выдержать массы посылаемых стрел и покинули осиротевший берег. 4. Тут был убит и их начальник Пирагаст, о котором я раньше упоминал в своем рассказе. Он был поражен стрелой в пах и, так как эта рана была смертельной, скончался. Когда пал Пирагаст, все неприятельское войско обратилось в бегство. 5. Ромеи завладели берегом реки. Затем, напав на большие толпы врагов и произведя страшную резню, они принудили их к бегству. Не имея возможности преследовать их на большом расстоянии из-за неимения лошадей, ромеи вернулись в свой лагерь. 6. На другой день проводники, ведущие войска, сильно заблудились, вследствие чего войско тяжело страдало из-за отсутствия воды. Это бедствие продолжалось и на следующий день. Не имея сил выносить недостаток воды, войско утоляло жажду вином. Такое же тяжелое положение продолжалось и на третий день. И все бы войско погибло, если бы какой-то варвар, взятый в плен, не сказал, что на расстоянии четырех парасангов от них находится река Иливакия. 7. Таким образом, ромеи утром добрались до воды. И вот одни, преклонив колена, жадно пили воду прямо губами, другие, выгнув ладони, черпали воду горстями, а иные наполняли влагой сосуды. 8. На другом берегу реки был густой лес, где скрылись варвары. И снова на ромеев обрушилось бедствие: варвары издали поражали копьями тех, кто пил воду, и многих из них убивали. 9. Приходилось выбирать одно из двух: отказаться от воды и умереть от жажды или же вместе с водой испить и смерть. И вот ромеи, возводя переправу, перебрались через реку, чтобы схватиться с

¹ Петр, брат Маврикия.

врагами в открытом бою. 10. Когда же войско оказалось на противоположном берегу, варвары всей массой тотчас напали на ромеев и одолели их. Побежденные ромеи бросились бежать. Так как Петр был наголову разбит варварами, то стратигом был назначен Приск, а Петр, отстраненный от командования, вернулся в Византию.

[596 г.]

VII. 1. С наступлением весны Приск тронулся в путь из Византии. Затем, собрав все войска у Астики и произведя смотр и подсчет сил, он нашел, что большое число ромеев погибло. 2. Он хотел выяснить все ошибки Петра перед императором Маврикием, однако некоторые из его советников убедили его скрыть эти погрешности. 3. Затем после пятнадцати остановок он перешел реку Истр, и на четвертый день стратиг с войском явился в Верхние Новы. Узнав об этом, каган отправил послов к Приску и старался узнать причину прибытия ромеев. 4. Стратиг ответил ему, что эти места очень хороши для охоты, очень удобны для конницы и богаты водою. Тогда каган предложил ромеям пойти в другие земли; он указал, что Приск нарушает договор и незаметно разрывает мир. 5. На возражение Приска, что это ромейская земля, варвар ответил, что оружие и законы войны отняли у ромеев право на нее. И говорят, что, когда у кагана шли с ним споры по поводу этой земли и они обменивались такими речами, Приск обидел кагана оскорбительным замечанием, заявив, что тот — беглец с востока.

[600 г.]

XV. 12. На другой день варвар заключил мир¹ и стал думать о возвращении. Каган не раз говорил буквально следующее: «Пусть бог будет судьей между Маврикием и каганом, между аварами и ромеями». 13. Он обвинял императора в том, что тот разрушил мир. И эти слова не были совсем несправедливыми. Действительно, ромеи, нарушив мир и завязав войну, подверглись вышеуказанным несчастиям: недостойное начало в конце концов всегда приведет к тяжелым последствиям. 14. Ромеи и авары договорились, что Истр яв-

¹ В начале лета 600 г.

ляется их пограничной рекой, но против славян дается право переходить эту реку. В силу договора вносятся еще другие двадцать тысяч золотых. На этом была окончена война между ромеями и аvaraми.

Книга VIII.

III. 13. На двадцатый день варвар вновь собрал силы у этой реки. Поэтому Приску пришлось снова вернуться сюда. И в этом месте произошла самая большая и замечательная битва. 14. Варвары, разбитые, можно сказать, наголову, в этот день были потоплены в волнах реки. Вместе с ними погиб и очень большой отряд славян. 15. После поражения варварское войско было взято в плен, из них аваров было захвачено три тысячи, остальных варваров — шесть тысяч двести и славян восемь тысяч. На этих пленных были наде- ты оковы, и стратиг послал захваченных варваров в качестве добычи в город Томис.

IV. 1. Тогда каган, прежде чем император узнал о чем-либо случившемся, отправил послов к Маврикию, пытаясь получить назад пленников. 2. Маврикий, пораженный угрозами варвара и обманутый их словами, приказал Приску вернуть кагану взятых в плен аваров. Таким образом, варвары были выданы из Томиса кагану.

[602 г.]

V. 8. С наступлением лета до императора Маврикия дошел слух, что каган умышленно затягивает войну, чтобы, когда разойдутся ромейские войска, каким-либо быстрым движением напасть на Византию. 9. Поэтому он приказал стратигу оставить Адрианополь и перейти через Истр. 10. Тогда Петр стал готовить поход против славян и написал Воносу. Это был один из телохранителей императора, человек очень видный, которого обычно в народе называют скрибоном. 11. Он в это время должен был помогать стратигу Петру. В этом письме было требование, чтобы он приготовил суда для перевозки ромейских войск через реку. 12. Ипостратигом боевых сил Петр назначил Гудуина. Гудуин, переправившись через реку,

острием меча погубил множество врагов и захватил большое количество пленных, чем приобрел великую славу. Ромеи старались вновь переправиться через реку на свою сторону, но Гудуин некоторое время препятствовал им в этом. 13. Тем временем каган, получив известие о набегах ромеев, направил сюда Апсиха с войском и приказал истребить племя антов, которые были союзниками ромеев.

VI. 1. При таких обстоятельствах авары в большом числе отпали и спешно, как перебежчики, перешли на сторону императора. Слухи об этом привели кагана в замешательство; его охватил страх, он и упрашивал их и придумывал много различных средств, чтобы вернуть себе назад отпавшие силы. 2. Когда наступила осень, император Маврикий настойчиво требовал от Петра, чтобы ромейские войска провели зиму во владениях славян. Но сами ромейские войска были очень недовольны таким планом императора как из-за малой надежды на добычу, так и из-за недостатка лошадей. Кроме того, их пугало бесчисленное множество варваров, которые, как волны, заливали всю страну на той стороне Истра. Так как стратиг признавал власть императорского приказа над своими действиями, среди войск вспыхнул сильный мятеж. 3. В частых письмах Маврикий настаивал, чтобы Петр заставил ромеев поступить таким образом, ромеи же держались другого мнения и решительно отказывались от этого. Тем временем они переправились через реку и, когда это произошло, прибыли в Паластол, охваченные величайшим гневом. 4. Петр остановился в десяти милях от лагеря. Стратиг, негодуя на свои войска, смотрел на это как на бессмысленное безумие, и не считая возможным для себя находиться вместе со своим войском. 5. На третий день он обратился к Гудуину и сказал, что он будто бы видел во сне, как ему было прислано императорское письмо, а в заглавии письма буквально было следующее: 6. «Владыка наш Иисус Христос, истинный бог и божественная милость, стоящий во главе всех церквей, исполняет все, чего недостает, на благо всем и в настоящее время вновь ставит владыку над этим новым (Римом)». Петр был в недоумении и печали; охваченный всяческим волнением, он беспокоился и горевал, не зная, к чему приведут все эти ночные

видения. 7. Да и Гудун, пораженный и этим мятежом войск и вещими указаниями сновидений, не мог ничего сказать. На другой день войска снялись с лагеря и, минуя Асим (так называлось укрепление), остановились в Куриске, откуда они собирались переправиться в места, где стояли палатки варваров, ибо немного уже успокоились в своей заносчивости. 8. За эти дни они стали строить лодки. Но в это время начались проливные дожди, и вместе с ними ударили холода. Из-за этого воины вновь подняли мятеж, не желая переправляться через реку. 9. Они отправили к Петру, который жил от лагеря на расстоянии двадцати миль, в качестве послов восемь ромеев, в числе которых был и Фока, самый жестокий тиран. Они требовали отвести войска домой и там провести зимнее время. 10. Но император прислал письмо, где настойчиво добивался, чтобы Петр перешел через реку и с войсками вступил в неприятельскую землю, с тем чтобы ромей добывали там средства для пропитания войск и тем дали возможность прекратить их снабжение из государственных запасов.

ГЕОРГИЙ ПИСИДА

Один из виднейших византийских поэтов первой половины VII в., Георгий Писидас родился в Антиохии Писидийской, служил в Константинополе при храме Св. Софии — диаконом, скевофилаком, референдарием. Он принимал участие в первом персидском походе 622—623 г. императора Ираклия, к ближайшему кругу которого принадлежал. Значительная часть стихов Георгия Писиды относится к панегиристическим восхвалениям подвигов Ираклия. Среди дошедших до нас сочинений — «На возвращение Ираклия из Африки» (ок. 619—620 г.), «Персидская война» (622—623 г.), «На патрикия Воноса» (625—626 г.), «Аварская война» (626 г.), «На воздвижение Честного Креста», «Ираклиада» (629 г.), «Шестоднев», «Против безбожного Севира Антиохийского» (после 629 г.), «На святое Воскресение Христово» (после 629 г.) и др. Поэмы содержат важнейшие свидетельства о славянах, об аваро-славянской осаде Константинополя в 626 г.

Изд.: Giorgio di Pisida. Poemi. I. Panegirici epici / Ed. A. Pertusi. Ettal, 1959.

Пер.: Свод древнейших письменных известий о славянах. [Пер. С. А. Иванова]. Т. 2. М., 1995. С. 65—74.

Лит.: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. Berlin, 1958. S. 288—289; Speck P. Zufälliges zum «Bellum Avaricum» von Pisida. München, 1980; van Dieten J.-L. Zum «Bellum Avaricum» des Georgios Pisides // Byzantinische Forschungen. 1985. Bd. 9; Культура Византии. Т. 1. М., 1986. С. 327.

ГЕОРГИЯ ПИСИДЫ, ДИАКОНА И СКЕВОФИЛАКА
 ВЕЛИКОЙ БОЖИЕЙ ЦЕРКВИ [ПОЭМА] О СЛУЧИВШЕМСЯ
 НАШЕСТВИИ ВАРВАРОВ И ИХ БЕЗРАССУДСТВЕ, ИЛИ
 ИЗЛОЖЕНИЕ ПРОИСШЕДШЕЙ У СТЕН
 КОНСТАНТИНОПОЛЯ
 ВОЙНЫ МЕЖДУ АВАРАМИ И ГОРОЖАНАМИ [626 г.]
 (перевод С. А. Иванова)

- 194 Ибо то была не простая и не однородная битва,
 но на многообразные и многосторонние
 начала она разделилась, смешав вместе их:
 ведь славянин [столковался] с гунном, а скиф¹ с бул-
 гаром,
 198 и опять же мидиец² сталкивался со скифом,
 будучи разделены языком и местами [обитания]
 и находясь далеко друг от друга, и помогая друг дру-
 гу издалека,
 они двинулись против нас единой войной,
 решив свое безбожие
 203 противопоставить нашей твердой вере.
 С одной стороны бросалась вскармливающая ски-
 фов,
 бурно кипящая Сцилла, а со стороны Персии,
 с противоположного конца, поднималась во всей сво-
 ей мощи
 навстречу ей Харибда ⟨...⟩
 409 Полчища славян, смешанные с булгарами, варварский
 ум, посадив на челны
 (ибо у него были выдолбленные лодки наподобие
 чаш),
 добавил [этим] к сухопутной битве — морскую ⟨...⟩
 446 И там они, словно в рыбачью сеть
 связав, раскинули выдолбленные лодки.
 И когда они согласованно друг с другом все

¹ Скифами Георгий Писсида называет аваров.

² Наименование персов.

- напали с криком на наши корабли,
в этот момент в земную битву вмешалась невидимая
сила.
- 451 Думаю, что одна лишь Родившая без зачатия
натягивала луки и ударяла в щиты и,
незримо вступив в бой,
стреляла, ранила, раздавала ответные удары мечом,
опрокидывала и топила челны, делая прибежищем для
них всех морскую пучину.
- 457 Чему удивиться, когда воительствует Дева! <...>
462 И вот для этих выдолбленных челнов
по необходимости сделалось гаванью бурное море.
Ведь великая неразбериха, страх и смятение
охватили сражавшихся на море варваров.
- 466 Где-то один из них, выпав с корабля,
пробовал плыть, будучи моряком, но был схвачен.
Другой, изображая в воде умершего,
надеялся [так] спастись, но захлебнулся [во время]
лицедейства.
- А кто-то из них, за килем, как за башней,
471 тайно скрывшись и пробыв [там] долгое время,
по необходимости был вынужден терпеть несчастья
<...>
- 478 Внезапно удачным образом [все] превратилось в
пепел,
когда огонь пожрал выдолбленные бревна.
Вестники высылались один за другим,
они охажками несли хагану известия
- 482 о том, что с суши на море и снова
на сушу с моря [обрушивается] буря несчастий <...>
- 488 Где-то земля прорастала порослью непогребенных
варваров,
которых было больше, чем деревьев,
а где-то море, под тяжестью трупов
изнемогшее и [ими] усталое,
492 покраснело от иноплеменной крови,
и теперь его по праву называют красным,
ибо великолепно окрасилось оно кровью варваров.

II. ИРАКЛИАДА, или НА ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПАДЕНИЕ ХОСРОЯ, ЦАРЯ ПЕРСИДСКОГО

- II. 71. А кроме того, фракийские тучи
принесли нам бури войны:
с одной стороны питающая скифов Харибда,
прикинувшись молчаливой, встала на дороге, как
разбойник, с другой же стороны внезапно выбежав-
шие волки-славяне
76. перенесли на землю морскую битву.
И с [выпущенной] из них кровью смешавшись,
поток сделался красным от убийства.
А с третьей стороны, словно пытаясь соперничать
[с первыми] в воинственности,
прямо против вас невыносимое зрелище
81. явилось Горгоны Персеевой,
и весь мир пришел в замешательство...
90. И часто, желая натянуть лук
и поразить Харибду, — ты против Горгоны,
превращавшей в камень образ зрящих [ее],
[вынужден бывал] обратиться и [потому] удерживал-
ся от готового обрушиться удара.
Но и от нее, пуская со своей стороны в вас стрелы,
95. отвращали вас любящие разбой волки.
Недолго сдерживая себя, ты начал
против них одну битву, таившую троякую опас-
ность.

III. НА ВОЗДВИЖЕНИЕ ЧЕСТНОГО КРЕСТА

78. Парфяне сжигают персов, скиф же
убивает славянина, а тот убивает его.
Они залиты кровью от взаимных убийств,
и их великое возмущение выливается в битву¹.

¹ Свидетельство о междоусобицах, в частности, между аварами («скифами») и славянами.

ФЕОДОР СИНКЕЛЛ

Византийский ритор, священник, автор, судя по леммам рукописной традиции, речи в честь Ризы Богородицы, чудесно избавившей Константинополь от аварской осады в 626 г. В речи нашествие варваров осмысляется через библейские образы «архонта Рос, Месох и Фувал» (19,6—7). Естественно, «князь Рош» из Книги пророчеств Иезекииля не имеет никакого прямого отношения к Руси. Этнонимом в житии Георгия Амастридского, где говорится о нашествии росов, обыгрывается созвучие византийского названия Руси с библейским именем. Текст жития и речи Феодора Синкелла очень близки между собой.

Проблематичной, однако, остается датировка как сочинения, так и жизни самого Феодора Синкелла. Д. Моравчик вслед за Л. Штернбахом датирует произношение речи 7 августа 627 г., однако Г.-Г. Бек датирует составление речи «пресвитером и синкеллом» Феодором IX в.: в этом случае сопоставление текстов речи и жития обретают конкретный исторический смысл как упоминание набегов росов около 842 г., если атрибутировать авторство жития Георгия Амастридского диакону Игнатию (770/80—после 845 гг.). В. Г. Васильевский относит информацию гомилии Феодора Синкелла к нашествию аваров в 619 г.

Изд.: Sternbach L. *Analecta Avarica*. Cracoviae, 1900. S. 1—38 (*Rozprawy Akademii Umiejetnosci. Wydzial folologiczny. Ser. II. T. 15. S. 297—334*).

Пер.: Феодор Синкелл / Ст., пер. и коммент. С. А. Иванова // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. 2. С. 83—90.

Лит.: Mai A. *Nova Patrum bibliotheca*. Roma, 1853. Т. VI, 2. P. 423—437; Beck H.-G. *Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich*. München, 1977. S. 545; Бибииков М. В. и др. *Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой*. М., 1999. С. 90—94, 100—102;

Васильевский В. Г. Авары, а не русские, Феодор, а не Георгий // Византийский временник. Т. III. СПб., 1896. С. 83—95; *Makk F.* Traducteur et commentaire de l'homélie écrite probablement par Théodore Syncelle sur le siège de Constantinople en 626. Szeged, 1975.

«О БЕЗУМНОМ НАПАДЕНИИ БЕЗБОЖНЫХ АВАРОВ
И ПЕРСОВ НА БОГОХРАНИМЫЙ ГРАД»
(перевод С. А. Иванова)

(626 г. Рассказ о прибытии к хагану византийского посольства, в котором участвовал автор. Хаган хвалится, что вскоре к нему придут подкрепления от его союзников персов.)

«(...) и действительно, мы своими глазами видели персов, посланных от Сарвараза¹ и принесших хагану дары. Мы слышали также, что они заключили соглашение о том, чтобы были посланы славянские моноксилы, и в них персидское войско из Халкидона пересекло море».

Так сказали послы. А варвар² просил у персов войско не потому, что нуждался в союзниках — ведь и земля, и море были заполнены подвластными ему свирепыми племенами, — но дабы показать нам единогодушие, которым отличался его союз с персами против нас. И вот этой ночью посланы были моноксилы к персам, и на них множество славян отплыло, чтобы привезти персидское союзное войско. Ведь славяне приобрели большой навык в отважном плавании по морю с тех пор, как они начали принимать участие в нападениях на ромейскую державу.

(Штурм 7 августа.)

На море были снаряжены славянские моноксилы, чтобы в одно время и в один час против города началась одновременно и сухопутная, и морская война. [Хагану] удалось превратить в сушу весь залив [Золотой] Рог, [заполнив] его моноксилами, везущими разноплеменные народы. Он считал, что именно это место подходит для падения на город (...)

¹ Персидская армия Шахрвараза.

² Аварский хаган.

И по всей стене и по всему морю раздавался неистовый вопль и боевые кличи <...> А в заливе [Золотой] Рог [хаган] заполнил моносилы славянами и другими свирепыми племенами, которые он привел [с собой]. Доведя число находившихся там варварских гоплитов до огромного множества, он приказал [флоту] налечь на весла и с громким криком двинуться против города. [Сам он] начал приступ, мечтая о том, что его воины на суше низвергнут стены города, а моряки проложат легкий путь к нему по заливу. Но повсюду Бог и Дева Владычица сделали его надежды тщетными и пустыми. Такое множество убитых врагов [пало] на каждом участке стены и столько повсюду погибло неприятелей, что варвары не смогли даже собрать и предать огню павших.

А в состоявшемся на море сражении Богородица потопила их моносилы вместе с командами перед собственным ее Божиим храмом во Влахернах, так что весь этот залив наполнился мертвыми телами и пустыми моносилами, которые носились по воле волн, плавали бесцельно, если не сказать бессмысленно. Всего этого было так много, что по заливу можно было [ходить], словно посуху. Что одна только Дева вела это сражение и одержала победу, несомненно явствовало из того, что сражавшиеся на море в наших судах были обращены в бегство первым же натиском вражеских полчищ. Дело уже шло к тому, чтобы [они] поворотили корму и открыли врагам легкий доступ [к городу], если бы человеколюбивая Дева не упредила этого Своим могуществом и не явила бы Свою силу. Не так, как Моисей, который растворил Черное море жезлом, а потом снова [сдвинул воды], — но [одним только] мановением и велением [Богородица] опрокинула в море фараоновы колесницы и все его воинство и потопила в воде разом всех [варваров] вместе с их плотами и лодками. Некоторые говорят, что наши [воины] были подвигнуты к отступлению не страхом перед противником, но что сама Дева, желая показать Свою власть творить чудеса, приказала им притворно отступить, чтобы варвары потерпели полное крушение около Ее святого храма, нашей спасительной пристани и тихой гавани — Влахернского храма Богородицы. И можно было видеть дивное зрелище и великое чудо: весь

залив сделался сушей от мертвых тел и пустых монокил, и по нему текла кровь. А те немногие из варваров, которым удалось благодаря умению плавать добраться до северного берега и избежать гибели в море, — они бежали в горы, хотя никто их не преследовал.

Говорят, что нечестивый тиран [хаган], сам ставший свидетелем этого позора ⟨...⟩, бил себя кулаками в грудь и в лицо. Прошло много дней, прежде чем наши сумели с большим трудом поднять находившихся в воде мертвых варваров и собрать для сожжения их монокилы. Когда те, кто противостоял врагам со стен, услышали радостную весть о гибели варваров на море и тем более увидали множество голов, [насаженных] на копья, [они совершили вылазку].

ФЕОФАН ИСПОВЕДНИК

Вторая половина VII—VIII вв. — эпоха глубоких экономических, социальных и политических перемен в жизни Византии. В условиях складывания по сути новой, средневековой Византии, после спада культурной жизни империи в период так называемых «темных веков», развитие средневековой историографической традиции протекало в условиях острых иконоборческих споров. Наиболее крупным хронистом того времени, запечатлевшим основные противоречия эпохи, был Феофан Исповедник (ок. 760—818 гг.), «Хронография» которого охватывает события от Диоклетиана (284 г.) до конца царствования Михаила (813 г.). Творчество Феофана представляет собой значительный этап в развитии исторической литературы Византии не только потому, что, будучи ортодоксом, сосланным императором-иконоборцем Львом V на о. Самофракию (где вскоре и умер), он описал в изгнании события важного периода византийской истории — эпохи иконоборчества. И даже не потому, что материал «Хронографии» лег в дальнейшем в основу произведений последующих византийских хронистов — от Георгия Монаха до Зонары. Творчество Феофана стало этапом в силу утверждения, как показали современные исследования, нового по сравнению с ранневизантийской историографией стиля мышления, оказавшего влияние и на средства художественного отражения действительности, формы видения мира. Дальнейшее отступление от античных традиций, сохранявших еще свое решающее значение в ранневизантийский период, знаменовало для Феофана и его современников, например, Иоанна Дамаскина и Феодора Студита, окончательное утверждение в полном смысле слова средневековых норм осмысления и отображения истории.

Во всей византийской историографии Феофан представляет собой редкий (особенно если сравнивать с западноевропейской анналистикой) случай введения погодного принципа

повествования: в «Хронографии» указывается год, затем следует перечисление (с описанием) происшедших в этот год событий, сцепление которых носит случайный, за единичными исключениями, характер. В один раздел попадают войны, свержения императоров, землетрясения, появление комет, небесные затмения, другие астрономические явления, рождение уродцев, церковная борьба, засуха, свадьбы, рассказы о появлении льда в проливе у Константинополя, сновидения, охоты, притчи об изменчивости человеческой судьбы, строительство дворцов, церквей, монастырей, бань, цистерн, смерти, посольства, варварские набеги, торжественные молебны, пожары, эпидемии, церковные соборы и догматические споры. События в описании равнозначны, «Хронография» в целом лишена какой бы то ни было сюжетной структуры и композиции.

Сопоставление географических представлений Феофана с его источниками позволяет определить неоднозначность пространственных характеристик хрониста. С одной стороны, мы встречаем у Феофана описания и арабского мира, и Запада, и столицы, и провинции, и ромеев, и варварского мира, что свидетельствует, казалось бы, об универсализме и индифферентности к конкретно-пространственным характеристикам. Деконкретизация пространства порождает и географические неточности, вернее, пренебрежение географической точностью. С другой стороны, очевидным исключением в формализованном пространственном мире Феофана становится Константинополь. Такая локальная ограниченность географического кругозора Феофана свидетельствует об усилении символики пространственных представлений у хрониста. Столица, не сопоставимая ни с чем в мире, оказывается олицетворением империи, ее символом, причем, как многие средневековые символы, этот символ формализуется с потерей реальности оценок и ориентаций.

Герои «Хронографии» также наделяются чертами средневековой символики. Для Феофана героем становится император — утвердитель христианства — Константин I. Под пером Феофана завершается в византийской историографии формирование ортодоксального образа «христианнейшего» императора, ставшего символом для всей византийской литературы.

Монах, вышедший из среды провинциального богатого чиновничества, Феофан создает произведение последовательно ортодоксальное, но в условиях возрождения в 815 г. при Льве V иконоклазма оно оказалось оппозиционным официальной политической идеологии. Образ идеального правителя, каким выведен Константин, столь же далек от современного Феофану мира, сколь и нереален. Герой становится символом, идеалом, легендой.

Изд.: Theophanis Chronographia / Rec. C. De Boor. Lipsiae, 1883—1885. Vol. 1—2 (repr. Hildesheim, 1963).

Пер.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.

Лит.: Основную литературу см. в кн.: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. I. S. 531—537; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 334—339; *Karpozelos A.* Βυζαντινοί ιστορικοί και χρονόγραφοι. Athens, 2002. T. 2. P. 137—141; *Mango C., Scott R.* The Chronicle of Theophanes the Confessor. Oxford, 1997. *Чичуров И. С.* Указ. соч. С. 21—23; *Он же.* Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV — начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. Мат-лы и исслед. М., 1983; *Каждан А. П.* История византийской литературы (650—850 гг.). СПб., 2002. С. 266—304.

ХРОНОГРАФИЯ

(перевод И. С. Чичурова)

325/326 г.

В этом году благочестивейший победитель Константин¹, отправившись походом на германцев, сарматов² и готов³, силой креста одержал великую победу и, разорив их, обратил в жалкое рабство. (27, 31—28, 2)

¹ Император Константин I (306—337).

² В IV в. известны сарматы в Приазовье, а также в Паннии и за Дунаем.

³ В Северном Причерноморье готы известны со второй половины II в. — в Валахии, Молдове, совр. Бессарабии, а также к востоку от Днестра до Дона.

327/328 г.

В этом году благочестивый Константин, переправившись через Дунай, соорудил на нем каменный мост и подчинил скифов¹. (28, 19—20)

367/368 г.

Валент², совершая поход на готов, зазимовал в Маркианополе. (57, 14—15)

375 г.

Савроматы, племя маленькое и ничтожное, восстав против Валентиниана³, потерпели поражение и послали к нему послов, прося мира. Валентиниан спросил послов, все ли савроматы столь ничтожны телом, и когда они ответили: «Ты видишь самых сильных из нас», — он громко воскликнул: «Горе империи ромеев, доставшейся Валентиниану, если столь жалкие савроматы восстают против ромеев».

Валент посылает против готов стратига Траяна, который бесславно вернулся, потерпев поражение. (61, 26—33, 62, 10—11)

405/406 г.

Иоанн⁴ был изгнан из города⁵ и сослан в Кукус, а оттуда переведен в Питиунт⁶. (79, 16—18)

438/439 г.

Тогда многочисленные готские племена селились по ту сторону Дуная⁷, в северных областях. Из них наиболее достойны упоминания четыре [племени]: готы, визиготы, гепиды и вандалы, ничем другим, кроме имени, не отличающиеся друг от друга, говорящие на одном наречии. Все они придер-

¹ Имеются в виду готы.

² Император Византии Валент (364—378).

³ Император Рима Валентиниан (364—375).

⁴ Константинопольский Патриарх Иоанн Златоуст (398—404).

⁵ Константинополь.

⁶ Совр. Пицунда.

⁷ Левобережье Дуная.

живаются зловерия Ария¹. При Аркадии и Гонории² перейдя Дунай, они поселились на землях ромеев. Гепиды, от которых позднее отделились лонгигбарды и авары, заселили области вокруг Сингидуна³ и Сермия⁴. Изиготы же, разрушив вместе с Аларихом⁵ Рим, отправились в Галлию и подчинили тамошних жителей. (94, 9—19)

459/460 г.

Он⁶ же и там⁷ начал устраивать запрещенные сходки и беспорядки, узнав о которых император⁸ перевел его в Херсон⁹. (112, 7—8)

468/469 г.

Стратигом и экзархом флота он¹⁰ поставил Василиска¹¹, брата августы Верины¹², имевшего титул ипата и часто побеждавшего скифов¹³ во Фракии. (115, 29—116, 1)

474 г.

В трудном [положении оказался] Зионн¹⁴, взяв власть: в начале [правления] сарацины нападали на Месопотамию, гунны¹⁵ — на Фракию, принося большой вред государству, в то время как император предавался неуместным наслаждениям и несправедным деяниям. (120, 9—12)

¹ Александрийский пресвитер Арий (IV в.) — родоначальник ереси. Готы исповедовали арианство.

² Императоры Аркадий (395—408) и Гонорий (395—423).

³ Совр. Белград.

⁴ Совр. Срем.

⁵ Готский предводитель Аларих (ок. 370—410), захвативший Рим в 410 г.

⁶ Монофизитский патриарх Александрии Тимофей Элур.

⁷ В Ганграх — месте ссылки Тимофея.

⁸ Лев I (457—474).

⁹ Совр. Херсонес в Севастополе.

¹⁰ Император Лев I.

¹¹ Консул в 465 г., с января 475 г. по август 476 г. — император.

¹² Императрица, жена Льва I.

¹³ Т. е. готов.

¹⁴ Император Зионн (474—475, 476—491).

¹⁵ Возможно, имеются в виду остготы, нападавшие на Фракию.

476 г.

Петр¹, сосланный в Питуинт, обманув сопровождавших его, бежал к святому Феодору Евхайтов². (125, 17—19)

501/502 г.

В этом же году так называемые булгары³ совершают набег на Иллирик и Фракию и возвращаются назад, прежде чем о них узнали. (143, 26—27)

513/514 г.

В этом году Виталиан, захватив всю Фракию, Скифию и Мизию, имея при себе полчища гуннов и болгар, захватил Анхиал и Одиссополь⁴, пленив Кирилла, стратилата Фракии, и, грабя, дошел до Византия⁵. (160, 13—17)

516/517 г.

В этом году гунны, именуемые савир⁶, переправившись через Каспийские ворота⁷, совершили набег на Армению, разграбив Каппадокию, Галатию и Понт, чуть было не подступили к Евхайту. (161, 28—30)

622 г.

В этом году, когда разразилась война между персами и ромеями, Юстин⁸ направил послов и дары Зилгивину, царю гуннов. Отеческими клятвами скрепил [Зилгивин] договор об оказании военной помощи императору против персов. Послал и Кавад⁹ к нему [послов], и с ним заключил [Зилгивин]

¹ Антиохийский патриарх Петр Кнафей (470 и 485—489).

² Город на Геллеспонте, где находился храм св. Феодора.

³ Появляются в 480 г. как византийские союзники, но затем в 493, 499, 502 гг. нападают на Иллирик, Мезию и Фракию.

⁴ Совр. города Поморие и Варна.

⁵ Т. е. Константинополя.

⁶ Племена савиров были вытеснены из Западной Сибири (между Уралом и Алтаем) и переселились к северу от Кавказа. В VI в. нападают на восточные области Византии.

⁷ Дербентский проход.

⁸ Император Юстин I (518—527).

⁹ Шах Ирана Кавад (488—531).

договор. Узнав об этом, Юстин разгневался. А Зилгивин отправился к персам с двадцатью тысячами, чтобы воевать против ромеев. Юстин же дал знать Каваду, императору персов, направив к нему послов для переговоров о мире, и написал, как бы между прочим, о Зилгивине, что он дал клятву воевать на стороне ромеев, что получил богатые дары и собирается предать персов и что «следует нам, братьям, заключить дружественный [союз] и не подвергаться насмешкам этих псов». Кавад допросил Зилгивина наедине, брал ли он дары от ромеев, обратившись против персов? Тот ответил: «Да». И Кавад, разгневавшись, убил его, а ночью послал множество персов, уничтожил его войско, заподозрив, что они с хитростью пришли к нему. Те же, кто смог спастись бегством, вернулись восвояси. (167, 4—20)

527/528 г.

В этом же году пришла к ромеям некая женщина из гуннов, именуемых савир, варвар, по имени Боарикс, вдова, имея при себе сто тысяч гуннов. Она стала править в гуннских землях после смерти своего мужа Валаха. Эта [Боарикс] захватила двух царей другого племени внутренних гуннов по имени Стиракс и Глона, склоненных Кавадом, императором персов, оказать ему военную помощь против ромеев и проходящих по ее землям в [пределы] Персии с двадцатью тысячами. Их-то она и разбила: одного царя из них, именуемого Стиракс, схватив, она отослала в Константинополь императору¹, Глону же убила в сражении. Таким образом она стала союзницей и [была] в мире с императором Юстинианом.

В этом же году пришел к императору царь гуннов, [живущих] поблизости от Босфора², по имени Горда, стал христианином и был просветлен. Император принял его и, дав ему много даров, отослал в его страну охранять ромейское государство и город Босфор. А назван он был так из-за того, что выплачивал ромеям ежегодно налог вместо денег быками —

¹ Юстиниану I (527—565).

² Крымские гунны или, по другим идентификациям, оногуры в районе Меотиды.

дань быками. Император назначил туда арифм¹ ромейских стратиотов и трибуна охранять город от гуннов и взимать налог быками. В этом городе происходила оживленная торговля между ромеями и гуннами. Царь гуннов, став христианином и отправившись в свою страну, нашел своего брата и рассказал ему о расположении и щедрости императора и о том, что он стал христианином. Взяв статуи, которые гунны почитали, он переплавил их, а были они из серебра и электрона. Гунны, разъярившись, сговорились с его братом и убили Горду, царем же сделали его брата Муагериса. Но, убоявшись, как бы ромеи не взыскали за него, они внезапно подступили к городу Босфору, убили трибуна Далмация и стратиотов. Услышав об этом, император послал апоипата² Иоанна, внука Иоанна Скифа; сына патрикия³ Руфина, с большим вспомогательным скифским⁴ [войском] и одновременно отправил в поход против них по суше от Одиссополя Годилу и стратига Бадурия⁵. Услышав об этом, гунны обратились в бегство и скрылись. В Босфоре наступил мир, и ромеи владели им безбоязненно. (175, 12—176, 17)

538 / 539 г.

В этом году напали болгары, два царя со множеством болгар и друнгом⁶, на Скифию и Мизию; стратилатом Мизии в это время был Юстин, а Скифии — Баударий. Они-то, выступив против болгар, и завязали [с ними] бой. Стратилат Юстин был убит в сражении, а вместо него стал [стратилатом] Константин, сын Флоренция. Болгары же дошли до областей Фракии. Тогда против них выступил стратилат Константин, Годида и услышавший [об этом] стратилат Иллирика Акум, гунн, которого император воспринял от купели. Окружив болгар, они разгромили их и уничтожили огромное множество [болгар], отняли всю добычу и одержали большую победу, убив двух их царей. Но когда они радостные возвраща-

¹ Одно из подразделений византийского войска.

² Экс-консул.

³ Один из высших византийских титулов.

⁴ Возможно, готским.

⁵ Стратилат Фракии. Годида — византийский полководец.

⁶ Подразделение в византийской армии.

лись, навстречу им вышли другие болгары, и изнуренные стратилаты обратились в бегство. Болгары преследовали их и поймали бегущих Константина, Акума и Годилу арканом. Годила, обрубив петлю своим мечом, освободился, а Константин с Акумом были схвачены живьем. Константина они выдали, взяв [за него] тысячу номисм¹, и он вернулся в Константинополь, Акума же держали на собственной родине с другими пленными. (217, 36—218, 17)

539/540 г.

Как только Мунд² появился в Иллирике, выступили болгары, огромное множество, и, напав на них, он всех истребил. Из полона он отослал в Константинополь их предводителя с другими [болгарами], и они прошли в триумфальном шествии по ипподрому. Во Фракии наступил прочный мир, так как гунны не осмеливались более переправляться через Дунай. Пленных же болгар император³ послал в Армению и Лазику, где они были приписаны к числовым арифмам. (219, 8—16)

557/558 г.

В этом же году в Византию вступило необыкновенное племя так называемых аваров, и весь город сбежался посмотреть на них, так как никогда не видели такого племени. Сзади волосы у них были очень длинными, связанными пучками и переплетенными, остальная же их одежда подобна [одежде] остальных гуннов. Они, бежав из своей страны, пришли в области Скифии и Мизии⁴ и направили Юстиниану послов, прося принять их. (232, 6—13)

559 г.

В том же году огромные полчища гуннов⁵ и славян напали на Фракию, завоевали ее, многих убили и взяли в плен. Они схватили стратилата Сергия⁶, сына пресвитера Вакха, и стра-

¹ Византийская золотая монета.

² Предводитель гетидов.

³ Юстиниан I.

⁴ Нижняя Мезия.

⁵ Гунны из Западного Приазовья и Подунавья.

⁶ Византийский полководец, отозванный из Африки.

тига Едерма, [сына] славного кувикулярия¹ и препозита² Калоподия. Найдя некоторые места Анастасиевой стены³ разрушенными землетрясением, они вторглись и полонили [все] до Дрипии, Нимф и деревни Хиту⁴. Все бежали в город⁵ со своим имуществом. Узнав об этом, василевс⁶ вооружил многих горожан и послал их к Длинным стенам. Завязав там бой, многие из ромеев и схоляриев погибли. Тогда по приказу василевса были снесены [в город] серебряные сосуды и серебряные святые алтари, те, что вне города, а схолы⁷, протикторы, арифмы и весь синклит⁸ охраняли все ворота Феодосиевой стены⁹. Василевс же, увидев, что варвары не отступают, приказал патрикию Велисарию выступить против них с другими синклитиками. Велисарий собрал всех лошадей — императорских, с ипподрома, из богоугодных домов и у каждого человека, у кого только были лошади, и, вооружив войско, выступил в деревню Хиту. [Там] он соорудил ров и начал захватывать [в плен] и уничтожать [варваров]. [Затем] Велисарий приказал рубить деревья и тащить за их войском. Ветер поднял тучи пыли и понес их на варваров. Они же, решив, что это огромное полчище [воинов], обратились в бегство и прибыли в окрестности святого Стратоника, в Декатон¹⁰. Узнав от разведчиков, что стены Константинополя хорошо охраняются, они отправились в окрестности Цурула¹¹ и Аркадиуполя¹² и

¹ Императорский спальничий — высокая придворная должность.

² Начальник евнухов двора.

³ Иначе — «Длинные стены», сооруженные ок. 512 г. императором Анастасием I (491—518), охранявшие византийскую столицу от Мраморного моря до Черного на протяжении почти 75 км.

⁴ Селения в пригороде Константинополя.

⁵ Константинополь.

⁶ Юстиниан I.

⁷ Подразделения византийской армии.

⁸ Сенат — высший государственный совет при императоре.

⁹ Оборонительные стены Константинополя, построенные императором Феодосием II (408—450) в 413—447 гг.

¹⁰ Поселение недалеко от Константинополя с храмом св. Стратоника.

¹¹ Совр. Чорлу.

¹² Совр. Люлебургаз.

святого Александра Зупарского¹. Осев, они оставались там до Святой Пасхи². А после праздника Пасхи василевс и все жители города вышли вместе с ним в Силимврию³, с тем чтобы восстановить Длинные стены [в том месте], где прорвались варвары. Там василевс оставался до августа месяца. Равным образом и варвары до августа блуждали вокруг города. Наконец, василевс приказал готовить спаренные корабли, для того чтобы отправиться на Дунай, выступить навстречу переправляющимся варварам и вступить с ними в сражение. Узнав об этом, варвары просили через посла позволить им беспрепятственно переправиться через Дунай. Василевс послал своего племянника, куропалата⁴ Юстина, и пощадил их. (233, 4—234, 12)

562 г.

В том же году Овасиополь⁵ был захвачен гуннами. Василевс послал стратилата Маркелла, своего племянника, с большим войском отвоевать город и Персиду. В апреле же месяце теми же самыми гуннами был захвачен во Фракии Анастасиуполь. (236, 24—237, 1)

563 г.

В этом же месяце в Константинополь пришли послы Аскила, царя гермихионов⁶, племени, обитающего среди варваров, поблизости от океана. (239, 20—23)

572 г.

Была у Хосрова и другая причина для беспокойства. В это время гунны, которых мы обычно называем турками, направ-

¹ Базилика в честь св. мученика Александра Зупарского в Дризипере.

² 13 апреля.

³ Совр. Силиври.

⁴ Высокий титул, жаловавшийся родственникам императора.

⁵ Не локализуется.

⁶ Или ермихионы. По Д. Моравчику — персидское название тюрок. Возможно, алтайские кочевые племена, обитавшие к востоку от оз. Балхаш.

ляют посольство к Юстину¹. Дослав [его] через земли аланов. Испугавшись этого, Хосров под предлогом восстания армян против него и их перехода к Юстину потребовал перебежчиков. Дело в том, что василевс ромеев выплачивал ежегодно пятьсот литр золота, чтобы персы охраняли прилежащие к этим местам крепости, дабы вторгающиеся племена² не причиняли ущерба обоим государствам. Крепости эти охранялись на общие расходы. Юстин же расторг мир, говоря, что для ромеев позорно платить дань персам. Из-за этого имела место та самая великая война персов и ромеев. Юстин, назначив стратигом востока своего родственника, патрикия Мартина³, послал его против персов. (245, 13—26)

573/574 г.

В этом году авары подступили к Дунайским областям. Узнав [об этом], василевс⁴ послал против них комита эскувиторов⁵ Тиверия⁶, который, столкнувшись с аварами, потерпел поражение, застигнутый ими врасплох, и, потеряв многих [воинов], повернул назад. (246, 32—247, 3)

583/584 г.

Хаган поспешил хитростью нарушить мир. Он вооружил против Фракии племена славингов, которые дошли до Длинных стен, захватив большую добычу. Василевс, выведя дворцовые войска из города, приказал димам⁷ охранять Длинные стены. Назначив стратигом Коментиола⁸, [василевс] вооружил его и послал против варваров. Неожиданно напав на них, он множество варваров уничтожил, а [остальных] прогнал. Придя в Адрианополь, Коментиол столкнулся с Ардагастом, который вел с собой полчища славингов с добы-

¹ Император Юстин II (565—578).

² Кавказские гунны, в частности — сабыры.

³ На самом деле имя патрикия было Маркиан.

⁴ Юстин II.

⁵ Командующий подразделением дворцовой гвардии.

⁶ Будущий василевс Тиверий I Константин (578—582).

⁷ Цирковые (и политические) партии в столице.

⁸ Полководец у императора Маврикия, воевавший с аварами, славянами и персами.

чей. Напав на него, Коментиол освободил пленных и одержал большую победу. (254, 3—13)

588 г.

Хормисд, император персов¹, назначив стратигом Варамом, послал [его] с большими силами на Сванию. [Варам] неожиданно напал на нее, и, после того как турки были побеждены персами, Хормисд стал столь могущественным, что взял с турок налогами сорок тысяч золотом — [количество], равное [тому], что он прежде выплачивал туркам.

Хормисд напомнил персам ⟨...⟩, что он заставил турок платить дань Персии ⟨...⟩.

Хосров не знал, что делать: одни советовали ему отправиться к туркам, другие — к ромеям. (262, 14—19, 264, 21—24, 265, 17—18)

588/589 г.

Нарсес², безудержно преследуя, уничтожил персов. Шесть тысяч он взял живьем и привел связанными к Хосрову. Хосров всех казнил, а бывших [среди них] турок он отослал автократору в Византии. Когда же автократор спросил турок, у которых на лбу черным было наколото изображение креста, зачем они носят этот знак, турки ответили, что много лет назад в Турции была чума и что некоторые христиане из турок предложили это сделать, и таким образом страна была спасена. (266, 39—267, 4)

591 г.

На другой день ромеями были схвачены три мужа, родом славяны, не имеющие на себе никакого железного [оружия], носящие лишь кифары. Василевс спросил [их], откуда они и где живут? Они же отвечали, что родом они славяны, а живут у оконечности западного океана. Хаган направил послов и дары их вождам, чтобы они заключили с ним военный союз против ромеев. Но предводители славянов отправили их от-

¹ Шах Ирана Хормизд IV (579—590), правивший после смерти Хосрова I.

² Командующий византийской армией.

ветить хагану, что они не могут послать ему военную помощь из-за длительности пути. Дело в том, что [слагивны], по их словам, были в пути восемнадцать месяцев и лишь после этого попали к ромеям. Они носят кифары, но им незнакомо ношение оружия, так как страна их не знает железа. Автократор, пораженный их возрастом и ростом, отблагодарив, направил их в Гераклею¹. (268, 24—269, 8)

593 г.

В этом году автократор Маврикий послал Приска со всеми ромейскими войсками к реке Истр, с тем чтобы он помешал племенам слагивнов переправляться. Когда же он пришел к Доростолу², хаган, узнав [об этом], выслал к нему послов и упрекал ромеев, положивших начало войне. Но Приск отвечал: «Я пришел не для того, чтобы воевать с аварами, но был послан автократором против племен слагивнов». И вот Приск, услышав о том, что Ардагаст разослал полчища слагивнов для грабежа, в полночь, переправившись через Истр, неожиданно напал на Ардагаста. Ардагаст почувствовал опасность и, вскочив на неоседланного коня, едва спасается. А ромеи, уничтожив полчища слагивнов, опустошили земли Ардагаста и, захватив полон, многих послали с Татимером в Византию. Татимер же, безмятежно путешествуя, предаваясь пьянству и невоздержанности, вел себя беззаботно. На третий день полчища слагивнов нападают на него. Охваченный страхом, Татимер, бежав, прибыл в Византию. Тем временем бывшие с ним ромеи, завязав ожесточенное сражение со слагивнами, чудесным образом одерживают победу над варварами и благополучно доставляют василевсу в Византию полон. Обрадованный автократор вместе со всем городом возносил богу благодарственные молитвы. Между тем Приск, осмелев, продвигался во внутренние области слагивнов. [И вот тогда] некий муж, гепид, приверженец христианской веры, перебежал на сторону ромеев и показал ромеям дорогу [в земли слагивнов]. [Ромеи] одержали верх над варварами. Гепид сказал также, что Мусукий, царь варваров, находится в тридцати ми-

¹ Совр. Монастир во Фракии.

² Дристра во Фракии.

лях¹. Приск благодаря предательству гепида переправляется через реку и в полночь застаёт Мусукия мертвецки пьяным, так как он справлял тризну по своему брате. Схватив его живьем, Приск учинил побоище среди варваров. Овладев большой добычей, [ромей] предались пьянству и наслаждениям. [В это время] варвары, собравшись, нападают на победителей. И было бы им жестокое воздаяние за недавнюю храбрость, если бы Гензон не пришел [на помощь] с пешим войском ромеев и не сдержал бы в жестоком бою натиска варваров. А тех, кому была поручена его охрана, Приск посадил на кол. (270, 21—271, 27)

593/594 г.

В этом году, после того как Приск вновь пришел к Истру и, пограбив племена славин, отправил василевсу² большую добычу, василевс послал к Приску Татимера и приказал ромеям провести зиму на том же месте. Узнав об этом, ромей возражали, что это невозможно из-за множества варваров, [из-за того, что] страна неприятельская и [из-за] невыносимых холодов. Но Приск вескими доводами убедил их перезимовать там и выполнить приказ василевса. (272, 11—19)

594/595 г.

Василевс отрешает Приска от должности стратига и назначает стратигом войска ромеев своего брата Петра. Но Приск, подняв войска до прихода Петра, переправляется через реку³. Услышав о переправе ромейского войска, хаган очень удивился и послал к Приску узнать причину [перехода], а также получить часть добычи и таким образом [разрешить] переправиться через реку. Дело в том, что его очень тяготили успехи ромеев. В связи с этим Приск направляет к хагану послом врача Феодора, украшенного разумом и находчивостью. Феодор, видя, что хаган возгордился и отвечает хвастливо, — а хаган похвалялся, что он властитель всех народов, — старинной историей умерил варварскую спесь (...).

¹ Приблизительно 48 км.

² Маврикию (582—602).

³ Дунай.

Выслушав это, хаган улыбнулся и сказал, что блюдет мир, а на усмотрение Приска [предоставляет], если он захочет чем-нибудь из добычи почтить хагана. Приск отдал хагану пленных за переправу и, взяв всю добычу, в безопасности переправился через реку. Получив это, хаган очень обрадовался. Приск вернулся в Византию, а Петр принял командование войском. (273, 1—13; 273, 27—274, 4)

596/597 г.

[Петр] посылает вперед на разведку тысячу [воинов]. Они наталкиваются на болгар¹ числом в тысячу. Булгары, полагаясь на мир с хаганом, шли беззаботно, ромеи же напали на них. Тогда булгары послали [к ромеям] семь мужей, уговаривая не нарушать мир. Выслушав их, авангард оповещает об этом стратига. Но стратиг сказал: «Даже если автократор придет [сюда], я не пощажу их». Когда же произошло сражение, ромеи были обращены в бегство. Но варвары не преследовали их, с тем чтобы, побеждая, не подвергнуться опасности. А стратиг жестоко высек таксиарха авангарда. Узнав об этом [сражении], хаган направил послов к Петру, обвиняя [его] в [том, что он] начал [войну], и в нарушении ромеями мира без надлежащих причин. Но Петр, прибегнув к обману, утверждал, что не знает о нападении и что отдаст захваченную добычу в двойном размере. И так варвары, получив в двойном размере добычу, заключают мир. [Тем временем] Петр отправляется против Пирагаста, экзарха славинов, но варвары, выйдя навстречу ромеям к берегу реки, мешали переправе. Ромеи, стреляя с плотов из луков, отбросили их, и когда они были обращены в бегство, Пирагаст был ранен в пах и умер. Переправившись, ромеи овладели большой добычей и вернулись восвояси. Войску, однако, угрожала опасность, так как проводники заблудились, очутившись в безводных местах. Продвигаясь ночью, они оказались у реки Иливакий². На другой же стороне реки были заросли, и варвары, спрятавшись в них, стреляли из луков в тех, кто черпал воду. Поскольку это было большим бедствием для ромейских войск, они обрати-

¹ Вероятно, подвластные аварам болгары.

² Совр. Яломица.

лись в бегство, побежденные варварами. Услышав об этом, Маврикий отрешил Петра от должности стратига и снова послал стратигом Фракии Приска. (275, 13—276, 11)

602 г.

[Василевс]¹ услышал, что у Катаракт² собрались полчища варваров под предводительством Апсиха. Петр послал Апсиху посла [для переговоров] о мире. Но Апсих решил захватить у ромеев Катаракты, [в то время как] хаган двинулся на Константиюлу. [Тогда] ромеи вернулись во Фракию и прибыли к Адрианополю. Василевс, узнав, что хаган направляется против Византия, пишет Петру, [чтобы он] вернулся к Истру, и посылает скрибона Боноса с флотом для переправы войска. Петр, послав ипостратига³ Гудуина за Истр, захватил большую добычу. Узнав об этом, хаган послал Апсиха с войском уничтожить племя антов как союзников ромеев. После того как это случилось, часть варваров перешла к ромеям. (284, 8—21)

624 г.

Василевс⁴ спешил в земли гуннов⁵ и в их теснины по гористым, непроходимым местам. (310, 19—20)

625/626 г.

[Хосров]⁶ послал Сарвароса⁷ с остальным его войском на Константинополь, для того чтобы он заключил союз западных гуннов, которых называют аварами, с булгарами, славами⁸ и гепидами и чтобы они выступили против города и осадили его. Узнав об этом, василевс разделил свое войско на три части: одних он послал охранять город, другим, передав их своему брату

¹ Маврикий.

² Железные ворота на Дунае.

³ Заместитель командующего (стратига).

⁴ Ираклий (610—641).

⁵ Гуннами Феофан мог называть тюркские народности, обитавшие к северу от Кавказа.

⁶ Шах Ирана Хосров II Парвиз (590—628).

⁷ Персидский военачальник Шахрвараз.

⁸ Этномим, обозначающий славян.

Феодору, приказал воевать с Саином¹, третью же часть Ираклий взял сам и отправился к Лазике². Находясь там, он призывал к союзу восточных турок, которых называют хазарами (<...>).

[Между тем] хазары, прорвавшись через Каспийские ворота³, в Персии, нападают на земли Адраига⁴ со своим предводителем Зиевилом⁵, вторым человеком по достоинству после хагана. Всюду, где только проходили, они забирали персов в плен, а города и деревни предавали огню. Покинув Лазик, василевс вышел им навстречу. Завидев Ираклия, Зиевил поспешил к нему, поцеловал его в плечо и распростерся перед ним на виду у персов из города Тифлис. Все войско турок упало на землю, простершись лицом вниз, и почтило василевса почестью, незнакомой варварам. Равно и вожди их, взойдя на камни, пали таким же образом. Зиевил привел своего старшего сына к василевсу, наслаждаясь его речами, поражаясь его виду и разуму. Отобрав сорок тысяч мужей, отдал их Зиевил василевсу в помощь, а сам повернул домой. Ираклий, взяв их, двинулся на Хосрова.

Между тем Сарварос напал на Халкидон⁶, и авары, приблизившись к городу⁷ из Фракии, хотели захватить его. Они направили против Константинополя множество осадных сооружений, а на долбленные лодки погрузили с Истра бесчисленные полчища⁸ и заполнили весь залив Золотой Рог. Десять дней осаждали они город с суши и с моря, но благодаря Божьей помощи, могуществу и заступничеству непорочной Девы Богоматери потерпели поражение. Потеряв на земле и

¹ Шахин, один из военачальников Хосрова.

² Область в Восточном Причерноморье, древняя Колхида.

³ Дербентский проход.

⁴ Южный (Иранский) Азербайджан, северо-западная провинция Персии (древней Мидии-Атропатены).

⁵ Скорее всего, тождествен Ябгу-Хагану западных тюрков Тунг ши-ху (подробнее см.: *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения... С. 101—102).

⁶ Город на малоазийском берегу Боспора, предместье Константинополя; совр. Кадыкёй.

⁷ Подход аваров к Длинным стенам Константинополя произошел 29 июня 626 г.

⁸ Экипаж лодок-однодеревок состоял из гепидов и болгар.

на море много войска, с великим позором вернулись они в свои пределы. А Сарварос, осаждая Халкидон, не отступил¹, но зазимовал здесь же, грабя и разоряя области и города на противоположном берегу. (315, 7—16, 26—316, 27)

626 г.

В этом году, в месяце сентябре, Иракий, напав неожиданно зимой вместе с турками² на Персию, привел Хосрова, узнавшего об этом, в исступление. Но турки, принимая во внимание зиму и непрестанные набеги персов, будучи не в состоянии вынести общие с василевсом трудности, понемногу начали разбегаться и наконец все, бросив его, вернулись домой. (317, 11—16)

629/630 г.

Констант³, узнав об этом⁴, исполнился гнева; доставив в Константинополь святого Мартина⁵ и Максима⁶, он предал их пыткам, а затем сослал в Херсон⁷ и климаты⁸. (332, 2—4)

658/659 г.

В этом же году был сослан Мартин, святейший папа Рима, доблестно боровшийся за истину, ставший исповедником и умерший в климатах востока. (347, 21—23)

668 г.

⟨...⟩ Византийцы⁹ возненавидели [Константа] и более всего за то, что он бесчестно привел в Константинополь святей-

¹ Шахрвараз после поражения от славян на море покинул Халкидон и направился в Сирию.

² Хазары.

³ Император Константин II (641—668).

⁴ Имеется в виду Латеранский собор в Риме в октябре 649 г., осудивший монофелитство.

⁵ Папа Римский (649—655), вызванный в Константинополь и сосланный в Крым.

⁶ Св. Максим Исповедник (ок. 580—662), византийский богослов, полемист. Сослан в горы Западной Грузии, где и умер.

⁷ Херсонес в Севастополе.

⁸ Крымское южное побережье.

⁹ Жители Константинополя.

шего папу Рима Мартина и выслал его в климаты Херсона (...). (351, 16—19)

679/680 г.

В этом году народ болгар напал на Фракию. Но [прежде] следует рассказать о древности унногундуров¹, болгар и котрагов². В северных, противоположных частях Эвксинского Понта³, у озера, называемого Меотидой⁴, в которое впадает величайшая река, стекающая от океана по земле сарматов и называемая Атель⁵, в которую [Атель] впадает река, называемая Танаис⁶, сама вытекающая от Ивирийских ворот⁷, что в Кавказских горах, а от слияния Танаиса и Ателя выше уже названного Меотидского озера, когда Атель разделяется, течет река, называемая Куфис⁸, и впадает в край Понтийского моря поблизости от Некропил⁹ у мыса, называемого Баранья морда. А от уже названного озера течет подобное реке море и впадает в море Эвксинского Понта через земли Босфора Киммерийского¹⁰; в этой реке ловится [рыба], называемая мурзули, и ей подобная; в [землях], прилегающих к восточным частям озера, у Фанагории и живущих там евреев обитает множество народов; от самого же озера и до реки, называемой Куфис где ловится болгарская рыба ксисстон, простирается древняя Великая Булгария¹¹ и живут соплеменные болгары.

¹ Тюркско-болгарский вариант этнонима «оногуры» (дословно «десять племен»), переселились к западу от Азовского моря, затем в Дакию, Мезию и Фракию. В сер. V в. вернулись в Северное Причерноморье и частично осели на Северном Кавказе. Родственны протоболгарам.

² Вероятно, тождественны кутигурам.

³ Черное море.

⁴ Азовское море.

⁵ Или Итиль — древнее (тюркское) название Волги.

⁶ Р. Дон.

⁷ Аланский проход Дарьял.

⁸ Р. Кубань.

⁹ Каркинитский залив Черного моря.

¹⁰ Керченский пролив.

¹¹ В Восточном Приазовье.

рам котраги. Во времена Константина Западного¹ умер властитель упомянутой Булгарии и котрагов Крват. Он оставил пять сыновей, завещав им ни в коем случае не отделяться друг от друга и жить вместе, так чтобы они властвовали надо всем и не попадали в рабство к другому народу. Но спустя недолгое время после его смерти, разделились пять его сыновей и удалились друг от друга каждый с подвластным ему народом. Первый же сын [Крвата], по имени Батбаян², храня завет отца своего, оставался на земле предков донныне. А второй его брат, по имени Котраг, перейдя реку Танаис, поселился напротив первого брата. Четвертый же и пятый, переправившись через реку Истр, называемую также Дунай, один оставался в подчинении вместе со своим войском, у хагана аваров в Паннонии Аварской, а другой, достигнув Пентаполя³, что у Равенны, попал под власть империи христиан⁴. Наконец, третий из них, по имени Аспарух⁵, переправившись через Днепр и Днестр и дойдя до Огла⁶ — реки севернее Дуная, поселился между первыми и последним, рассудив, что место это отовсюду укрепленное и неприступное: спереди болотистое, с других же сторон окруженное, как венцом, реками, оно позволяло народу, ослабленному разделом, отдохнуть от нападений врагов⁷. Так вот, после того как они разделились таким образом на пять частей и стали малочисленны, из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря. [Этот народ], сделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне. Василевс Константин⁸, узнав о том, что неожидан-

¹ Может иметься в виду император Констант II (641—668) или Константин IV (668—685).

² Иногда отождествляется с известным ханом Безмером.

³ Дословно — «Пятиградье», т. е. Анкона, Римини, Пезаро, Фано и Сенгалия в окрестностях Равенны.

⁴ Т. е. Византийской империи.

⁵ Болгарский хан Аспарух (644—702).

⁶ Местность между дельтой Дуная и реками, текущими к северу от него, возможно, в районе совр. Галаца.

⁷ Хазар.

⁸ Император Константин IV (668—685).

но племя мерзкое и нечистое поселилось за Дунаем на Огле и совершает набеги на [селения], прилежащие к Дунаю, разоряет их, то есть земли, которыми теперь владеют они и которыми тогда¹ владели христиане², был очень обеспокоен. Он приказал всем фемам³ переправляться во Фракию. Снарядив флот, Константин отправился по земле и по морю против них, пытаясь войной изгнать варваров. С одной стороны, на суше, [прилегающей] к так называемому Оглу и Дунаю, он построил в боевом порядке пешее войско, а с другой — приказал кораблям стать на якорь поблизости от берега. Булгары, увидев войско, собранное в полном боевом порядке, утратив надежду на спасение, бегут в описанное выше укрепление и принимают меры к защите. В течение трех-четырех дней они не осмеливались выйти из этого укрепления, но, поскольку и ромей не вступали в сражение из-за простирающихся перед ними болот, мерзкое племя, заметив вялость ромеев, воспряло духом. Когда же василевс, страдая от подагры, был вынужден повернуть с пятью дромонами⁴ и своей свитой в Месемврию⁵, чтобы по обыкновению принимать ванны, он оставил стратигов и войско, приказав им вызывать болгар на бой и выманивать их из укрепления, завязать с ними сражение, если случится, что они выйдут, если же нет, то осаждать и стеречь их в крепости. Но конница, распустив слух, что василевс бежал, охваченная страхом, сама обратилась в бегство, хотя никто ее и не преследовал. Булгары, увидев это, начали преследовать ромеев. Многих они погубили мечом, а многих ранили. Преследуя ромеев до Дуная и переправившись через него, [булгары] дошли до так называемой Варны, поблизости от Одисса⁶ и здешнего материка. Они увидели местность, хорошо укрепленную: сзади — рекой Дунаем, спереди и с боков — ущельями и Понтийским морем. Покорив из живущих там племен славянов так называемые семь родов, севе-

¹ До прихода болгар.

² Византийцы.

³ Административно-территориальная и военно-территориальная единица Византийской империи.

⁴ Длинный и вместительный военный корабль.

⁵ Совр. Несебар.

⁶ Милетская колония у совр. Варны, на северо-востоке от нее.

ров болгары расселили от начала ущелья Берегава до восточных областей, а на юге и на западе до Аварии¹ — остальные семь родов, которые платили им дань. Распространившись в этих [местах], они возгордились, начали нападать на крепости и поселения, находящиеся под властью ромейского государства, и захватывать их. Тогда василевс был вынужден заключить с ними мир, согласившись, к стыду ромеев, выплачивать им ежегодную дань из-за множества прегрешений. Удивительно было слышать и ближним и дальним [народам], что тот, кто сделал себе всех данниками и на востоке, и на западе, и на севере, и на юге, потерпел поражение от этого мерзостного и новоявленного племени. Но [василевс], уверовав, что случилось это с христианами по Промыслу Божию, рассудил по-евангельски и заключил мир. (356, 18—359, 26)

695 г.

С наступлением дня Юстиниана² вывели на ипподром и, отрезав ему нос и язык, выслали в Херсон³. (369, 24—26)

704/705 г.

(Нападение арабов на Киликию, их поражение в сражении с ромеями.)

Когда Юстиниан, живший [в то время] в Херсоне, заявил, что вновь собирается царствовать, тамошние жители, убоявшись опасности со стороны империи, решили либо убить его, либо выслать василевсу⁴. А он, проведая [об этом], смог спастись бегством и, достигнув Дараса⁵, потребовал свидания с хаганом хазар⁶. Узнав [об этом], хаган принял Юстиниана с великими почестями и отдал ему в жены Феодору, свою кровную сестру. Спустя некоторое время Юстиниан, отпросившись у хагана, уехал в Фанагорию и жил там с Феодорой. Услышав про это, Апсимар послал хагану [посла], обещая ему множество да-

¹ Болгария Аспаруха занимала территорию двух Мезий — Верхней и Нижней, на юге ограничивалась течением реки Тича (Камчия).

² Император Юстиниан II (685—695 и 705—711).

³ Херсонес в Крыму.

⁴ Т. е. императору Тиверии III Апсимару (698—705).

⁵ Иногда идентифицируется с Доросом в Крыму (совр. Мангуп).

⁶ По анонимной хронике X в., это Ивузир Глиаван.

ров, если он перешлет ему живого Юстиниана, если же нет, то хотя бы его голову. Хаган уступил такой просьбе и послал Юстиниану охрану под предлогом, как бы его собственные соплеменники не устроили против него заговор, а [сам] приказал Папацу, бывшему в Фанагории от его лица¹, и Валгицу, архонту Босфора, убить Юстиниана, как только им дадут знать. Но, так как через слугу хагана об этом была извещена Феодора, [все] стало известно и Юстиниану, он, призвав упомянутого Папаца для беседы наедине, задушил его струной; так же [Юстиниан поступил] и с архонтом Валгицем. [Затем] он немедленно отправляет Феодору в Хазарию, а сам, тайно сбежав из Фанагории, прибыл в Томы². Найдя там снаряженную галиаду³, Юстиниан погрузился на нее и, проплыв мимо Ассады, дошел до Символа⁴, недалеко от Херсона. Послав тайно в Херсон, он взял с собой Барисбакура и его брата, а также Салива и Стефана, Моропавла с Феофилом. Отплыв вместе с ними, Юстиниан прошел маяк Херсона, потом проплыл также Некропилы, устье Днепра и Днестра, а когда поднялась буря, все отчаялись в спасении. Тогда Миак, слуга его, сказал: «Вот, господин, погибаем мы, так дай Богу обет во имя твоего спасения не наказывать никого из твоих врагов, если Бог вернет тебе царство». Но в гневе отвечал ему Юстиниан: «Да потопит меня Бог на этом месте, если я пощажу кого-нибудь из них». Невредимым вышел он из этой бури и вошел в реку Дунай. [Вслед за этим] Юстиниан послал Стефана к Тервелю⁵, владыке Булгарии, с тем чтобы он дал ему помощь для овладения империей его предков, и обещал Тервелю множество даров и свою дочь в жены. Тот клятвенно пообещал во всем повиноваться и дать помощь, принял Юстиниана с почестями и двинул весь подвластный ему народ болгар и славин. Вооружившись, на следующий год они появляются у царственного града⁶. (372, 26—374, 8)

(На этом завершается повествование о событиях года.)

¹ Т. е. наместником хагана.

² Совр. Констанца в Румынии.

³ Рыбацкое судно.

⁴ Иногда отождествляется с совр. Балаклавой.

⁵ Болгарский хан Тервел (702—719).

⁶ Константинополь.

706/707 г.

(Юстиниан II возвращает себе власть, отпускает с дарами Тервеля и преследует своих противников: казнь Леонтия и Апсимафа, ссылка константинопольского патриарха Каллиника I, рукоположение в патриархи Кира.)

[Затем] Юстиниан послал флот, чтобы привезти из Хазарии свою жену, но многие корабли затонули вместе с людьми. Хаган, услышав об этом, пишет ему: «О неразумный, неужели тебе было недостаточно двух или трех кораблей, чтобы забрать свою жену и не погубить [при этом] столько людей? Или ты считаешь, что и ее возьмешь в сражении? Знай, у тебя родился сын, пошли за ними! и возьми их». Юстиниан, послав кувикулярия¹ Феофилакта, привез Феодору и Тиверия, ее сына, короновал их, и они воцарились вместе с ним. (375, 21—28)

(Этим фрагментом завершается повествование о событиях года.)

711/712 г.

(Поход арабов в Киликию и захват византийских крепостей.)

Юстиниан отправил в Херсон по злопамятству патрикия Мавра с патрикием Стефаном по прозвищу Асмикт. Помня о заговоре против него херсонитов, босфориан и остальных климатов, он снарядил большой флот на средства жителей города² — синклитиков, ремесленников, димотов³ и прочих должностных лиц — из всевозможных кораблей: дромонов, триер, скафов, вмещающих десять тысяч галиад, и даже хеландий⁴. Отослав их, василевс приказал истребить мечом всех жителей в тех крепостях и никого не оставлять в живых. Юстиниан передал им также спафария⁵ Илью, которого должны были поставить архонтом Херсона. Ромеи, прибыв в Херсон, захватили крепость, так как никто им не воспроти-

¹ Императорский спальничий — придворный вельможа высокого ранга.

² Константинополя.

³ Члены цирковых партий-димов.

⁴ Среди названных различных видов судов хеландии представляли собой тяжелый военный корабль.

⁵ Высокий военный титул.

вился, и уничтожили всех мечом, кроме подростков, пощадив их как неразумных и годных в услужение. А Тудуна — архонта Херсона, бывшего там от лица хагана, и Зоила, первого гражданина¹ по роду и племени, также и сорок других знатных мужей, протевонов² Херсона, вместе с семьями, связанными отослали василевсу. Других же семерых протевонов Херсона ромеи подвесили на деревянных вертелех и зажарили на огне; остальных двадцать, связав им руки за спиной и привязав к ремням хеландии, наполнили ее камнями и потопили в пучине. Когда Юстиниан узнал об этом, разъярившись из-за спасения подростков, он приказал [ромеям] немедленно вернуться к нему. В октябре месяце флот отплыл и, выйдя в [открытое] море на восходе созвездия, называемого Таврура, чуть было весь не затонул: погибших при кораблекрушении насчитали 73 тысячи. Когда Юстиниан узнал об этом, то ничуть не опечалился, но, напротив, еще больше преисполнился радости, и был уже в высшей степени одержим безумием, и, крича, угрожал, что вышет другой флот, распшет и сровняет с землей все вплоть до стен. Это услышали жители крепостей, приняли меры к безопасности и, вынужденные задумать [что-то] против василевса, послали к хагану в Хазарию просить войско для своей охраны. Между тем восстает спафарий Илья и изгнанник Вардан³, которого к тому времени отозвали с Кефалинии и который был с флотом в Херсоне. Узнав об этом, Юстиниан послал [в Херсон] с небольшим числом дромонов патрикия и логофета геникона⁴ Георгия, по прозвищу Сириец, эпарха⁵ Иоанна и турмарха⁶ Фракисийцев⁷ Христофора с тремястами вооруженными воинами, передав им Тудуна и Зоила, которым они должны были

¹ Протополит.

² Городской голова.

³ Армянин, сосланный на Кефалинию (остров в Ионическом море) императором Тиверием II.

⁴ Глава государственной сокровищницы.

⁵ Эпарх города, или префект — глава Константинополя, обладавший административной и судебной властью.

⁶ Командир воинского подразделения — турмы.

⁷ Область (фема) на юго-западе Малой Азии, включавшая Смирну (совр. Измир) и о. Хиос.

вернуть их прежнее [положение] в Херсоне; а через послов они должны были оправдаться перед хаганом, Илью же и Вардана — привести к василевсу. Когда ромеи переправились в Херсон, херсониты отказались вступить с ними в мирные переговоры. На следующий день горожане, склонив войти в город только [Георгия, Иоанна и Христофора], закрыли ворота, логофета геникона вместе с епархом зарубили мечом, а Тудуна, Зоила и упомянутого турмарха с тремястами стратиотами¹ выдали хазарам и отослали хагану. Когда в дороге умер Тудун, хазары принесли ему жертву, убив турмарха с тремястами стратиотами. Тогда херсониты и жители других крепостей свергли Юстиниана и провозгласили василевсом сосланного туда Вардана-Филиппика². Узнав это, еще больше неистовствовал Юстиниан: детей спафария Ильи он заколол на груди матери, а ее заставил выйти замуж за своего повара, родом индийца. Вслед за этим Юстиниан, снарядив второй флот, посылает патрикия Мавра Бесса, дав ему для осады таран, манганики³ и другие осадные машины, и приказывает ему сровнять с землей стены Херсона и весь город, ни единой души не оставлять в живых, а о происходящем извещать его часто донесениями. Мавр, как только переправился, разрушил башню, называемую Кентенарисий, и ближнюю к ней, называемую Сиагр⁴, но тут пришли хазары, и наступило перемирие. Вардан, бежав, прибыл к хагану. Покуда флот бездействовал и в то же время не осмеливался вернуться к василевсу, ромеи низложили Юстиниана, а Вардана провозгласили василевсом и попросили хагана выдать им Филиппика. Но хаган потребовал с них обещание не предавать Вардана и доставить ему за каждого человека по номисме. Тотчас дав это, они получили василевсом Филиппика. Между тем, поскольку флот медлил и не приходили донесения, Юстиниан догадался о причине и, взяв с собой людей из Опсикия⁵ и часть

¹ Воинами.

² Император Вардан — Филиппик (711—713).

³ Вид осадного орудия.

⁴ Башня Зенона в укреплениях Херсонеса.

⁵ Византийская фема (округ) на северо-западе Малой Азии. На севере ее, в Вифании, селились славяне.

Фракисийцев, поднялся к Синопе¹. Когда он всмотрелся в противоположный берег, то увидел, что флот поднимает паруса против Константинополя, и, зарывчав, как лев, сам направился в город. (377, 22—380, 8)

(Вступление Филиппика в Константинополь, бегство и казнь Юстиниана II, история предсказания Филиппику о его воцарении, отрицательная характеристика Филиппика.)

717 г.

В этом году воцарился Лев², родом из Германикии³, а по правде, из Исаврии⁴. Василевсом Юстинианом⁵, в первое его правление, он был переселен вместе с родителями в Месемврию во Фракии, а во второе его правление, когда шел Юстиниан с булгарами⁶, Лев вышел ему навстречу с даром в 500 овец. Умиловивленный Юстиниан назначил его тотчас спафарием и держал при себе, как близкого друга. Но какие-то завистники оклеветали Льва, сказав, что он домогается престола. Когда же произошло расследование этого дела, то доносчики были посрамлены. Однако молва об этом не умолкала. И вот Юстиниан, если и не хотел явно чем-нибудь причинить вред Льву, злобу все же некоторую против него затаил и отсылает его в Аланию с деньгами, чтобы поднять аланов против абасгов⁷. В то время в Абасгии, Лазике и Иверии господствовали сарацины. Лев, прибыв в Лазику, деньги оставил на хранение в Фасисе⁸. Взяв с собой немного местных жителей, он отправился в Апсилию⁹ и, преодолев Кавказские

¹ Город в Пафлагонии.

² Император Лев III (717—741), начавший политику иконоборчества.

³ Город в Киликии (совр. Мараш в Турции).

⁴ Область на юго-востоке Малой Азии.

⁵ Юстиниан II.

⁶ С ханом Тервелом.

⁷ Или авасги (совр. абхазы). Распространялись на область вдоль побережья Черного моря от Псоу до Ингури, на севере и востоке — до пределов Кавказского хребта.

⁸ Река (совр. Риони) и одноименный город.

⁹ Часть Абасгии, расположенная по течению р. Кодори, впадающей в Черное море южнее совр. Сухуми.

горы, пришел в Аланию. [Тем временем] Юстиниан, желая погубить спафария, послав, забрал деньги из Фасиса. Аланы же, приняв спафария со всяческими почестями и послушавшись его речей, напали на Абасгию и полонили ее. Тогда властитель абасгов¹ заявляет аланам: «Думаю, что нет другого такого лжеца у Юстиниана, кроме этого человека, которого он должен был послать, [чтобы] поднять вас против нас, ваших соседей. Обманул он вас, пообещав деньги. Ведь Юстиниан, послав, забрал их. Выдайте нам его, и мы дадим вам три тысячи номисм, и да не иссякнет наша старинная друг к другу любовь». Но аланы ответили: «Не ради денег послушались мы спафария, но из любви к василевсу». И снова шлют абасги послов со словами: «Выдайте нам его, и мы дадим вам шесть тысяч номисм». Аланы, желая изучить земли абасгов, договорились взять шесть тысяч номисм и выдать спафария; [в то же время] они доверились во всем спафарию и сказали ему: «Как видишь, дорога, ведущая на Романию², закрыта, и как пройти туда, ты не знаешь. Так давай лучше притворимся и договоримся с ними выдать тебя. Мы отпустим вместе с абасгами наших людей, изучим их ущелья, разграбим и опустошим их земли, [а тем самым] послужим и вам». После того как послы аланов пришли в Абасгию и договорились передать спафария, они получили от абасгов много подарков, в ответ же [абасги] посылают еще больше послов с золотом, чтобы забрать спафария. А спафарию аланы говорят: «Люди эти, как мы уже сказали, пришли забрать тебя, ждет тебя Абасгия. Но, поскольку мы соседи им, отправятся к ним и купцы. Наконец, чтобы не выдать наш план, мы тебя открыто передадим. Когда же вы тронетесь в путь, мы тайно пошлем вслед [своих людей], уьем послов, а тебя укроем, пока не соберется наше войско и мы не нападём внезапно на их земли». Так оно и случилось. Послы абасгов, взяв спафария вместе с его людьми, связали их и удалились. Между тем аланы со своим предводителем Итаксием, напав на абасгов с тыла, убивают их и прячут спафария. Собрал затем войско,

¹ Возможно, Феодор или, может, Констанций I — последние из известных по имени абхазские князья.

² Византийская империя.

[он] двинулся против Абасгии и, напав неожиданно на ущелья, захватил большую добычу и опустошил их страну. Юстиниан, услышав о том, что даже без денег поручение его было выполнено, шлет послание абасгам [следующего содержания]: «Если вы спасете нашего спафария и если вы позволите ему невредимым пройти через ваши земли, то мы простим вам все ваши прегрешения». Абасги, с радостью приняв это [послание], вновь шлют послов в Аланию со словами: «Мы дадим вам в заложники наших детей, вы же выдайте нам спафария, с тем чтобы мы отослали его к Юстиниану». Но спафарий не принял этого [предложения], сказав: «Бог может растворить врата для выхода, так как через Абасгию я не пойду». Спустя некоторое время войско ромеев и армян напало на Лазику и осадило Археополь¹, но, услышав о нашествии сарацин, отступило. От него отделились около двухсот человек, которые с грабежами поднялись к областям Апсилии и Кавказских [гор]. Когда же сарацины захватили Лазику, войско ромеев и армян, обратившись в бегство, повернуло к Фасису. А те двести человек остались в Кавказских горах и предавались грабежам, отчаявшись [в надежде на спасение]. Узнав об этом, аланы решили, что ромеев очень много на Кавказе, и, возрадовавшись, говорят спафарию: «Ромеи приближаются, ступай к ним». Спафарий, взяв пятьдесят аланов, в мае месяце на круглых лыжах перешел снега Кавказа, нашел, к великой радости, ромеев и спросил их: «Где войско?» Они ответили: «После нападения сарацин войско повернуло в Романию. Поскольку мы не смогли вернуться в Романию, то пришли в Аланию». [На это] Лев сказал им: «Что мы теперь будем делать?» Они ответили: «Через эти земли нам пройти невозможно». Спафарий сказал: «Невозможно выйти и другой дорогой». [Дело в том, что] там была крепость, называемая Сидерон², топотеритом³ которой был некто по имени Фарасманий. Он попал под власть сарацин, но сохранял мир

¹ Город и крепость к северу от Фасиса, самый крупный центр в Лазике.

² Отождествляется с Цебельдой в долине р. Кодори, впадающей в Черное море южнее совр. Сухуми.

³ Местоблюститель, здесь — комендант крепости.

и с армянами. Спафарий, послав к Фарасманию, заявляет ему: «Раз ты в мире с армянами, то замирись и со мной. Подчинись власти империи, помоги нам спуститься к морю и переправиться в Трапезунд». Так как Фарасманий не взялся это сделать, то Лев посылает своих людей и армян, приказав им устроить засаду [и сказав]: «Когда они выйдут из крепости на работы, хватайте из них, сколько сможете, и держите снаружи ворота [открытыми], пока мы не подоспеем». Они ушли и устроили засаду, а когда народ вышел на работу, внезапно напали, овладели воротами и многих взяли живьем. Фарасманий с немногими оставался в крепости, и тогда Лев подошел [к Сидерону] и обратился к Фарасманию, чтобы он с миром открыл ворота, но тот не захотел и начал сражение. Крепость, однако, была мощной, и ромеи не могли ее захватить. [В это время] Марин, первый из апсильцев¹, узнав об осаде крепости, был охвачен страхом, думая, что со спафарием большое войско. Взяв с собой триста человек, он пришел к спафарию со словами: «Я проведу тебя невредимым до побережья». И Фарасманий, узрев опасность, обращается к спафарию: «Бери в заложники моего ребенка, я согласен служить империи». Лев взял ребенка Фарасмания и отвечает ему: «Как же ты называешь себя слугой империи, если разговариваешь с нами, запершись в крепости? Нельзя нам уйти отсюда, пока мы не захватим крепость». Тогда Фарасманий говорит: «Дай мне слово». Спафарий дал Фарасманию слово не причинять ему ни в чем вреда и только с тридцатью воинами войти в крепость. Но слова своего Лев не сдержал, а приказал своим тридцати спутникам: «Когда мы будем входить, захватите ворота, и пусть входят все». Как только это произошло, спафарий приказал метать огонь в крепость. Начался большой пожар, и семьи стали выходить, взяв с собой, что только могли они унести из своего имущества. Пробыв там еще три дня, Лев разрушил стены до основания, [затем], отправившись в путь, спустился в Апсилию с Марином, первым из них, и с великими почестями был принят апсильцами. Оттуда он

¹ Местные племена, население Апсии, обитавшее в долине Кодори между лазами и абасгами.

спустился к побережью, переправился через море и пришел к Юстиниану¹. (391, 5—395, 2)

728/729 г.

В этом году сын хагана, владыки Хазарии, отправился походом на Мидию² и Армению. Застав в Армении Гараха, стратига арабов, он убил его вместе с бывшим при нем войском. Разграбив страну армян и мидийцев, он повернул назад, нагнав великий страх на арабов. (407, 5—9)

729/730 г.

В этом году Маслама³ отправился походом в землю турок⁴. Они⁵ завязали сражение друг с другом, и многие пали с обеих сторон. Маслама, испугавшись, обратился в бегство и повернул назад через горы Хазарии⁶. (407, 11—14)

731/732 г.

В этом году Маслама отправился походом в Турцию⁷ но, достигнув Каспийских ворот, повернул обратно, испугавшись. (409, 27—28)

732/733 г.

В этом году василевс Лев⁸ женил сына Константина⁹ на дочери хагана, властителя скифов¹⁰, обратив ее в христианство и

¹ Вся экспедиция Льва III на Кавказ подолжалась в течение двух-трех лет; возвращение состоялось до 711 г.

² Персия, но здесь речь идет о землях, занятых арабами.

³ Арабский полководец, предводитель арабской армии, осаждавшей Константинополь в 717 г.

⁴ Хазары.

⁵ Арабы и хазары.

⁶ Т. е. Кавказ.

⁷ Хазария.

⁸ Лев III.

⁹ Будущий василевс Константин V Копроним (741—775).

¹⁰ В данном случае — хазар.

назвав Ириной¹. Она же, изучив Священное Писание, отличалась благочестием, порицая их нечестие². (409, 30—410, 3)

743/744 г.

В этом году ⟨...⟩ произошло землетрясение у Каспийских ворот. (418, 14—15)

750 г.

25 января того же 3-го индикта³ у василевса Константина⁴ родился сын от дочери хагана Хазарии⁵ которого он назвал Львом⁶. (426, 14—16)

763 г.

В этом же году турки⁷ вышли из-за Каспийских ворот. Многих в Армении они убили, а многих взяли в плен и повернули назад.

В этом же году, в начале месяца октября, начались жестокие, суровые морозы, не только в наших землях, но и того более — на востоке, на севере и на западе, так что море у северного побережья Понта окаменело от холода на 100 миль и на 30 локтей в глубину⁸; от Зинхий⁹ и до Дуная, реки Куфиса, Днестра и Днепра, до Некропил, и на остальном берегу до Месемврии и Мидии¹⁰ претерпели то же самое. А когда такой лед покрылся еще и снегом, то толщина его увеличилась на 20 локтей, и уподобилось море суше, и ходили пешком по льду от Хазарии и Булгарии и остальных соседних племен люди, дикие и домашние животные. (433, 26—28, 434, 6—17)

¹ До крещения именовалась Чичак («Цветок»).

² Иконоборческую политику Льва III и Константина V.

³ Пятнадцатилетний цикл налогообложения, элемент датировки.

⁴ Константин V.

⁵ Ирины.

⁶ Будущий император Лев IV Хазарин (775—780).

⁷ Хазары.

⁸ Т. е. около 18 м; скорее всего — преувеличение.

⁹ Территория расселения зихов на северо-восточном побережье Черного моря.

¹⁰ Город на Фракийском побережье Черного моря.

764/765 г.

В этом году турки снова вышли к Каспийским воротам¹ и к Иверии. В войне с арабами погибли с той и другой стороны многие. (435, 20—22)

774 г.

В этом году, в месяце мае, 12-го индикта Константин двинул флот из двух тысяч хеландий против Булгарии и сам, взойдя на пурпурные хеландии, отправился к [устью] реки Дунай, оставив стратегов кавалерийских фем за клисурами, с тем чтобы они могли проникнуть в Булгарию, покуда болгары будут заняты самим василевсом. (446, 27—447, 1)

776 г.

Василевс² высек мятежников³, остриг их и выслал в Херсон и климаты⁴ под стражу и для безопасности. (450, 31—451, 2)

¹ Вероятно, Аланский проход (Дарьял).

² Лев IV.

³ Участников мятежа брата императора (Никифора) против Льва.

⁴ В Крыму.

ПАТРИАРХ НИКИФОР

Никифор (758—828 гг.) был современником Феофана. Он автор как ряда богословских полемических сочинений и писем, так и двух историографических трудов. Если хорошо известны антииконоборческие трактаты были созданы в период, когда Никифор стал в 806 г. константинопольским патриархом (правда, затем, с новой переменой власти, последовали ссылка и смерть в изгнании), то основное историческое произведение — «Бревиарий» («Краткая история») — создано еще в то время, между 775 и 787 гг., когда Никифор, выходец из семьи сосланного за иконофильство бывшего императорского нотариуса, служил в императорской канцелярии, став также царским секретарем. «Бревиарий» сохранился в двух версиях, отличающихся друг от друга и хронологически (лондонский список IX/X в. содержит изложение событий до 713 г., ватиканский XI/XII в. — до 769 г.), и стилистически, и даже отчасти фактологически.

Сходство «Бревиария» с «Хронографией» Феофана в описаниях одних и тех же событий обычно объясняется опорой на общий источник, сохранившийся во фрагментах Большой хронографии конца VIII в., или на хронику Траяна патрикия (или на другой, неизвестный источник VII—VIII вв.). Однако за внешним сходством показательны различия у двух хронистов в методах и принципах исторического описания мира. При программной беспристрастности изложения у Феофана очевидна, его тенденция идеализировать образ Константина, создавая модель образцового василевса, как очевидна и его «правка» своих источников, имеющая также идеологическую подоплеку. Никифор в переработке исходного материала не столь избирателен. В еще большей степени, чем у Феофана, выделение тех или иных событий политической истории никак не определяется их значимостью: правление Фоки укладывается в несколько предложений, в то время как Ираклию посвящена добрая треть хроники. Даже церковные и богос-

ловские проблемы, которым будущий патриарх посвятит жизнь, у него не акцентированы. «Бревиарий», примыкающий к хронике Феофилакта Симокатты (изложение начинается с 602 г.), хотя и более ограничен тематически и сюжетно, чем «Хронография» Феофана, но не столь тенденциозно сосредоточен на Константинополе (применение к нему термина «полис» не имеет столь почти монопольного характера, как это наблюдается у Феофана), не столь ограничены и его географические рамки, включающие и (выпущенные Феофаном) экскурсы о болгарях, аварах и других иноземных народах. Отсутствуют у Никифора и временные вехи: его сочинение не разделено на какие-либо «главки», не обозначено годами. Но вместе с тем хронист стремится установить связи между отдельными историческими событиями, представить факты в их взаимосвязи, пусть эти связи часто определяются лишь чисто временной близостью. История у Никифора — не распадающаяся на фрагменты мозаика фактов, но, словно книжная миниатюра, картина, в которой соседствуют начало и конец действия, одна сцена переходит в последующую.

В социокультурном отношении интересно, что наибольшее распространение в обществе получил не «Бревиарий», а другое сочинение Никифора — «Летописец вкратце», представляющее собой лишь сводную хронологическую таблицу, начинающуюся от Адама и перечисляющую ветхозаветных царей, восточных римских императоров, патриархов, пап. Доведенный до 828 г., «Летописец» сохранился в очень большом количестве списков, неоднократно перерабатывался и дополнялся (до 944, или до 976 гг.), был переведен, как и «Хронография» Феофана, на латынь уже в начале IX в., а в виде славянского перевода во многом определил хронологические системы древнеславянских летописей.

Изд.: Mango C. Nikephoros, Patriarch of Constantinople, Short History. Text, Translation, Commentary. Washington D. C., 1990.

Пер.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 145—184; Липшиц Е. Э. Никифора патриарха Константинопольского Краткая история со времени после царствования Маврикия // Византийский временник. 1950. Т. 3. С. 349—387.

Лит. Основную литературу см.: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. I. S. 456—459; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I S. 344—347; *Karpozelos A.* Βυζαντινοί ιστορικοί και χρονόγραφοι. Athens, 2002. Τ. 2. Ρ. 60—61; *Каждан А. П.* История византийской литературы (650—850 гг.). СПб., 2002. С. 275—279.

«БРЕВИАРИЙ»
(перевод И. С. Чичурова)

626 г.

Но так как авары все же нарушили перемирие¹ (дело в том, что Ираклий, прежде чем отправиться в поход на персов, закрепил договор с аварами дарами, пообещав им выплатить двести тысяч номисм и дав им в заложники одного из [своих] сыновей, по имени Иоанн, которого он назвал также Аталарихом — он был его незаконным сыном от наложницы своего племянника Стефана — сына своей сестры Марии и Евтропия, другого Иоанна, сына патрикия Бона, — и он был от наложницы), они выступили в поход, приблизились к стенам Византия и тотчас же подожгли все пригороды. И вот, словно поделив между собой Фракийский Боспор, персы захватили [его] азиатскую часть, а авары опустошали земли Фракии. Дав друг другу слово, авары сговорились согласованно² захватить Византий. Авары соорудили осадные машины, а это были такие устройства: деревянные башни и черепахи. Когда же они подвели к стенам эти орудия, божественная сила внезапно разрушила их и истребила бывших в них воинов-аваров. Но так как авары привели с собой полчища славинов и использовали их в совместных военных действиях, то они дали им знак: как только те увидят сигнальные огни на Влахернской стене, называемой Птерон, они должны будут выступить на лодках-однодеревках и, появившись с флотом, привести город в сильное смятение, с тем чтобы сами

¹ Мир был заключен не позже 620—621 г.

² Совместная осада византийской столицы осуществлялась аварами, наступавшими из Фракии, по договору совместно с персами, занявшими азиатскую часть, и славянами, осаждавшими город с моря.

[авары] получили возможность проникнуть от [сухопутных] стен внутрь города. Это стало известно патрикию Бону, который снарядил диеры и триеры¹, вооружил их и стал на якорь в том месте, где был дан сигнал. Он также подвел диеры к противоположному берегу и приказал тотчас же дать сигнал огнем. Увидев этот сигнал, славы вышли из реки, называемой Барбисс², и направились к городу. Но корабли ромеев вышли им навстречу, окружили их и сразу же уничтожили. От пролитой крови море стало багряным. Среди тел погибших были обнаружены и женщины-славинки. Увидев это, варвары отказались от осады и повернули домой. А патриарх города³ вместе с императором Константином⁴, прибыв в храм Богоматери, сооруженный во Влахернах, воздали Богу благодарственные молитвы, сразу же соорудили стену вокруг этого святого храма и поставили охрану. Так обстояли дела с аварами. (15, 11—16, 20, 16, 26—19, 2)

634—640 гг.

В это время Куврат, племянник Органа⁵, государь уногундуров, восстал против хагана аваров и, подвергнув оскорблениям, изгнал из своих земель бывший при нем от хагана народ. А к Ираклию [Куврат] посылает посольство и заключает с ним мир, который они хранили до конца своей жизни. [В ответ Ираклий] послал ему дары и удостоил его сана патрикия. (24, 9—15)

679/680 г.

Но пора уже рассказать о начале так называемых гуннов и болгар и их положении. У Меотидского озера, по реке Кофис, располагаются называвшаяся в древности Великой Булгария и так называемые котраги, их соплеменники. Во времена Константина, который умер на западе⁶, некто по имени

¹ Суда с двумя и тремя рядами весел соответственно.

² Совр. Кадыситанесу.

³ Сергей I (610—638).

⁴ Император Константин III (соправитель Ираклия с 613 г., самостоятельно правил с 11 февраля по 24 мая 641 г.).

⁵ Болгарский хан (приблизительно в 603—605 гг.).

⁶ Имеется в виду Констант II (641—668).

Коврат, бывший государем этих племен, переменял жизнь, оставив пять сыновей, которым завещал ни в коем случае не отделяться друг от друга, с тем чтобы они взаимным благорасположением оберегали свою власть. Но они, ничуть не заботясь об отеческом наставлении, по истечении недолгого времени расстались друг с другом, и каждый из них отделился с собственной частью народа. Первый из них, именуемый Баян, по завету отца оставался донине на земле предков; второй, именуемый Котраг, переправившись через реку Танаис, поселился напротив них; четвертый же, перейдя реку Истр, осел в Паннонии, находящейся теперь под властью аваров, и заключил союз с местным народом¹; пятый, обосновавшийся у Равеннского Пентаполя, стал данником ромеев. Наконец, третий их брат, по имени Аспарух, переправившись через реки Днепр и Днестр, поселился у Истра, достигнув места, удобного для поселения, сурового и неприступного для противника, называемого на их языке Оглом. Спереди оно было укреплено непроходимыми болотами, сзади — ограждено неприступными кручами. И так как этот народ разделился и рассеялся, племя хазар, поскольку оно поселилось поблизости от сарматов², из глубины страны, называемой Верилия, стало с тех пор безнаказанно совершать набеги. Они подвергли нападениям все селения в землях за Понтом Эвксинским и достигли моря³. Затем, подчинив Баяна, они заставили его платить дань. Когда Константин⁴ узнал, что расположившийся у Истра народ, нападая на близлежащие селения, подвластные ромеям, подвергает их опустошению, он, переправив пешее войско во Фракийскую область, снарядил к тому же флот и отправился отомстить этому народу. Но болгары, увидев множество конницы и кораблей, пораженные внезапностью и неожиданностью [их появления], бежали в свои укрепления и оставались там в течение четырех дней. А так как ромеи не могли вступить с ними в сражение из-за непро-

¹ Т. е. с аварами.

² Здесь, скорее всего, имеются в виду северокавказские аланы.

³ Речь идет о Восточном Черноморье, т. е. о землях Баяна в Восточном Приазовье, на Кубани.

⁴ Император Константин IV (668—685).

ходимости [тех] мест, они оправались [от испуга] и стали смелее. Тем временем император, болевший подагрой и жестоко от нее мучившийся, отплыл в город Месемврию для лечения, приказав архонтам и войску осаждать укрепление и сделать все для мести этому народу. Но прошла молва, будто император бежал, и приведенные ею в смятение ромеи дружно обратились в бегство, хотя никто и не преследовал. Завидев это, болгары пустились в упорное преследование, и тех из войска, кого они настигли, уничтожили, а многих ранили. Переправившись через Истр, болгары располагаются у так называемой Варны, поблизости от Одисса и лежащего выше материка, увидев, что это место укреплено и защищено со всех сторон рекой и недоступностью. Они подчиняют живущие поблизости славянские племена и одним из них поручают охранять [области], прилежащие к аварам, другим — смотреть за соседними с ромеями [землями]. Укрепившись и умножившись благодаря этому, они нападают на села и города Фракии и опустошают их. Императору, видевшему все это, пришлось заключить с ними договор об уплате дани. (33, 13—35, 25)

695 г.

(Заговор стратига Анатолика Леонтия против Юстиниана II, освобождение заключенных из константинопольской тюрьмы претория, сбор восставших в церкви св. Софии.)

Толпа поносила Юстиниана¹. И вот все отправились к ипподрому. С наступлением дня к ним выводят Юстиниана. И хотя толпа требовала предать императора мечу, Леонтий², пощадив кровь Юстиниана из-за любви к его отцу Константину³, отрезав ему язык и нос, выслал в город Херсон⁴, на десятом году его правления. А толпа провозгласила Леонтия императором. (38, 26—39, 5)

(Далее рассказывается о казни приближенных Юстиниана II — евнуха Стефана и монаха Феодота.)

¹ Император Юстиниан II (685—695; 705—711).

² Император Леонтий (695—698).

³ Император Константин IV.

⁴ Античный Херсонес в Крыму (совр. Севастополь).

704/705 г.

(Византийско-арабская война за Карфаген 697 г., поражение византийского флота в 698 г., возвращение в Константинополь, провозглашение Тиверия Апсимафа императором, свержение Леонтия на третьем году его правления.)

Юстиниан, покуда он жил в Херсоне, часто выступая перед народом, открыто заявлял, что вновь захватит власть. Но тамошние горожане, заподозрив [в этом] опасность для себя, решили либо убить его, либо связанным отослать Апсимапу¹. Юстиниан, проведав об этом, бежал из Херсона и скрылся в крепости, называемой Дорос и лежащей в готской земле. [Затем] он просит вождя хазар (сами они называют их хаганами) принять его. Тот уступил просьбе, принял Юстиниана с почестями и, став ему другом, дал Юстиниану в жены свою сестру по имени Феодора. С согласия хагана Юстиниан отправился в Фанагорию и жил там с Феодорой. Узнав об этом, Апсимап часто и настоятельно просил архонта хазар, обещая ему много денег и даров, если он вышлет Юстиниана живым или [хотя бы] его голову. Хаган уступил многочисленным просьбам и пообещал исполнить это. Он послал людей для охраны Юстиниана под видом того, как бы он не подвергся козням со стороны своих соплеменников, а на самом деле — стеречь Юстиниана, чтобы он не скрылся, стремясь заранее себя обезопасить. Архонту из единоплеменников, жившему при Юстиниане, а также архонту Скифского Боспора хаган приказывает выжидать, пока он не поручит им убить Юстиниана как можно быстрее. Но об этом извещает Феодору один из слуг ее отца, а она донесла о заговоре мужу. Тогда Юстиниан, призвав того местного хазарина [к себе] и уединившись с ним, задушил его петлей; таким же образом он убивает и архонта Боспора. Затем Юстиниан тотчас отсылает жену Феодору к отцу, а сам, покинув [город], спустился в приморское селение, именуемое Томы. Взойдя там вместе с некоторыми другими мужами на корабль и проплыв мимо Том, Юстиниан дошел до Символа, приблизившись к городу Херсону. Став на якорь в тамошней гавани, он посылает в город одного из своих товарищей, и тот приводит к нему оттуда

¹ Император Тиверий III Апсимап (698—705).

Варасвакурия, его брата Салива и некоторых других мужей. Отплыв вместе с ними, Юстиниан прошел так называемые Некропилы и оказался у реки Истр. Оттуда он послал из своих спутников некоего Стефана к Тервелю, бывшему в то время государем тамошних болгар, призывая [Тервеля] присоединиться к нему, для того чтобы вернуть императорский престол, обещая при этом множество даров и заверяя, что даст ему в жены свою дочь. Тервель охотно на все согласился, принял Юстиниана с большими почестями и, вооружив весь подвластный ему народ, отправился вместе с ним на царственный град. (40, 17—42, 5)

(Юстиниан II осаждают и захватывают Константинополь, возвращают себе престол и расправляются со своими противниками, а Тервеля провозглашают кесарем.)

706/707 г.

Между тем Юстиниан посылает в Хазарию за своей женой Феодорой и рожденным у него от нее сыном Тиверием и венчает их на царство. (43, 6—9)

711/712 г.

Юстиниан, удерживая в памяти донос херсонитов на него Апсимуру, собрал множество различных кораблей, посадил на них своих мужей числом до ста тысяч, обученных из стратиотских каталогов, а кроме того, из крестьян, ремесленников, из совета синклита и димов города; во главе этого флота он поставил некоего патрикия Стефана, по прозвищу Асмикт, и послал его с приказом истребить мечом весь народ в Херсоне, Босфоре и других архонтствах, а своего дорифора Илью, отправляющегося вместе со Стефаном, поставить архонтом Херсона, а также оставить там изгнанником Вардана¹, родом армянина. И вот Стефан, переправившись через Понтийское море в тамошние [области], исполнил приказание, оставив в живых несколько подростков, якобы пленников для бывшего при нем войска. Тондуна же — архонта Херсона, Зоила, называемого протополитом, и прочих сорок мужей известных вместе с женами и детьми связанными по-

¹ Будущий император Вардан-Филиппик (711—713).

слал к Юстиниану; других семь мужей из первенствующих Херсона, привязав к деревянным вертелам, он поджарил на огне. До двадцати мужей, управляющих другими городами, Стефан, погрузив на суденышко и привязав к нему множество камней, утопил в пучине. Но Юстиниан, посчитав Стефана из-за спасения подростков человеколюбивым вопреки полученному им приказу, повелевает [Стефану] срочно вернуться к нему. Тогда Стефан, как было приказано, отправился оттуда в начале месяца октября, но попал в сильную бурю и кораблекрушение, причем утонувших насчитывалось до семидесяти трех тысяч, а тела их море разбросало от города Амастриды¹ до Гераклеи. Ничуть этим не опечаленный, но, напротив, очень обрадованный, Юстиниан решает вновь послать туда другой флот. Архонты же тех областей, проведав о такой молве, как могли укрепились, а [кроме того], направили послов к хазарам, чтобы они прислали войско для их охраны и спасли тех из них, кто остался в живых. Узнав об этом, Юстиниан посылает [в Херсон] патрикия Георгия и епарха города Иоанна с другими архонтами и войском, [насчитывающим] до трехсот мужей, передав им Тондуна и Зоила, с тем чтобы восстановить их в прежней власти, а Илью привести к нему. Когда же они прибыли в Херсон, горожане сочли нужным впустить в город лишь Георгия и бывших с ним архонтов. После того как это произошло, они закрыли за ними ворота и уничтожили мечом Георгия и Иоанна. Оставшихся за стенами стратиотов, а также Тондуна и Зоила они передали подступившим туда хазарам и отправили к хагану. Взяв [ромеев], хазары убили их по дороге. А жители Херсона Юстиниана позорили и поносили, Вардана же, бывшего там в изгнании, провозгласили императором. Прослышав об этом, Юстиниан еще больше распалился гневом: детей Ильи он убивает на груди матери, а жену его заставляет вступить в брак с собственным поваром, родом индийцем и безобразным с виду. Затем Юстиниан снова посылает другой большой флот, назначив командовать им патрикия Мавра и приказав разрушить город Херсон, а его жителей безжалостно уничтожить.

¹ Город в Пафлагонии на черноморском побережье.

И вот он, переправившись в Херсон, взялся за дело. Но когда [на ромеев] внезапно напало войско хазар, город был спасен, а Вардан бежал к государю хазар. Тогда патрикий Мавр, не зная, как продолжать осаду, и в то же время опасаясь возвращаться к Юстиниану, переходит на сторону города херсонитов. Они отреклись от Юстиниана, а Вардана провозгласили императором, переименовав его в Филиппика, и направили послов хазарину, с тем чтобы он прислал им Вардана. Тот связал ромейское войнство клятвами в безопасности Вардана и обратил их в деньги, высквав с каждого мужа по сто номисм. Прошло некоторое время, и Юстиниан начал подозревать, что они его свергли. Поэтому он и на сей раз избирает себе в союзники Тервеля, архонта болгар. Тервель посылает ему около трех тысяч мужей. Приняв их, Юстиниан переправляется вместе с ними и приказывает им вместе с так называемым войском Опсикия обосноваться на равнине, именуемой Даматри¹. Сам же, взяв своих архонтов и другое тяжеловооруженное войско, выступил к Понтийским селениям, [дойдя] до приморской деревни, называемой Гингилисс, чтобы разузнать, что там у него творится в Херсоне. Пробыв здесь некоторое время и увидев, что флот с царствующим Филиппиком спускается к Византию, Юстиниан возвращается к оставленному им в Даматри войску. Тем временем Филиппик без сражения вступил в город² и сразу же послал Илью с вооруженным войском против Юстиниана. (44, 14—47, 17)

Ок. 730—732 гг.

(Император Лев III заставляет патриарха Германа подписать-ся под эдиктом о запрещении икон, патриарх отказывается сделать это без созыва Вселенского собора; низложение патриарха Германа в 730 г., рукоположение в патриархи Константинополя Анастасия.)

¹ Область в Вифинии недалеко от Константинополя.

² Константинополь.

Покуда все это так происходило, император¹ послал к предводителю племени хазар, пригласил к себе его дочь и обручил ее со своим сыном Константином². (58, 28—59, 2)

756 г.

Вскоре Константин с войском и флотом отправился в поход на болгар. Ромеи имели кораблей числом до пятисот. Проплыв Эвксинским [Понтом] и очутившись у реки Истр, они предали огню земли болгар и взяли немало пленных (...). (66, 21—25)

(Победа Константина V над болгарами у Маркелл в 756 г., посылство болгар о мире.)

Ок. 763 г.

В добавление к этому нельзя обойти вниманием и следующее. Пришла осенняя пора, погода стала ненастной, [наступил] поистине леденящий холод, так что на виду у всех произошло странное и необыкновенное явление — затвердела влажная материя, причем не только в пресных водах, но и, что еще удивительнее, это имело место в соленых водах и во многих других местах вселенной, а более всего замерзли северные и близкие к северным области. И настолько [все это] уплотнилось и затвердело, что противоположный берег Эвксинского моря обледенел на сто миль в открытое море, а затем и множество находящихся выше рек; окаменела ото льда и прибрежная область у городов Месемврии и Мидии, причем в глубину лед достигал тридцати локтей. К тому же, когда выпал обильный снег, лед поднялся вверх, возвысившись над поверхностью еще локтей на двадцать. Море как бы срослось с сушей, так что нелегко было различить, где одно отделяется от другого. Желаящие могли пройти пешком по поверхности моря, по всем уподобившимся на севере материк-у водам: везде там можно было пройти — и в далеких пределах земли хазар, и у живущих поблизости скифских племен³, и не только людям, но и скоту, и другим животным. В ту пору

¹ Лев III (717—741).

² Будущий император Константин V (741—775).

³ Вероятно, дунайские болгары.

Понтийское море стало несудоходным. Прошло несколько дней, и эта необъятная ледяная полоса разорвалась на отдельные куски, которые достигли такой высоты, что казались высочайшими горами. Некоторые из этих отколовшихся частей были отнесены силой ветра к Дафнусии¹, неприступнейшей крепости Понтийской части, сбились с прямого пути и приплыли к устью Эвксинского Понта² {...}. (67, 4—68, 9)

(Некоторые из этих льдин прибывает к стенам Константинополя, далее о переселении славян из Первого Болгарского царства в Малую Азию и о смене династий в Первом Болгарском царстве.)

763 г.

(Новый болгарский хан Телец, собрав войско, совершает набеги на пограничные крепости и земли империи.)

Константин³, видя дерзость и упорство Телессия⁴, снарядил около восьмисот кораблей для перевозки лошадей, погрузил на них конное войско и отправил по Эвксинскому [Понту] к Истру. А сам, взяв другое войско, появляется у Анхиала. (69, 9—14)

(Вслед за Константином у Анхиала появляется и Телец со славянами. Константин одерживает над болгарами победу, с триумфом возвращается в Константинополь; восставшие болгары убивают Телеча и ставят на его место Савина.)

¹ Остров у вифинского побережья Черного моря и город там.

² К Босфору.

³ Император Константин V.

⁴ Хан Телец.

РУСЬ В НАРРАТИВНЫХ ПАМЯТНИКАХ

ЖИТИЕ ГЕОРГИЯ АМАСТРИДСКОГО

Исследовательская традиция, идущая от В. Г. Васильевского, позволяет считать «Житие Георгия Амастридского» сочинением Игнатия, написанным до 842 г. и, следовательно, первым упоминанием «росов» в византийских источниках. Из современных ученых этой точки зрения придерживается прежде всего И. Шевченко, основывающийся на стилистической близости «Жития» к другим произведениям Игнатия и на органичности в «Житии» пассажа о «росах», хотя он и выделен композиционно. Ряд исследователей считает фрагмент о «росах» позднейшей интерполяцией, относя его данные к событиям 860 г. или даже 941 г. М. Нистазопулу, Э. Арвейлер, А. Маркопулос видят фразеологическое и идейное сходство этого текста с сочинениями Фотия. Невозможность датировать описанное в «Житии» нашествие временем до 842 г. объясняется, по их мнению, дружественным характером русско-византийских отношений около 840 г., засвидетельствованным Бертинскими анналами под 839 г. Отметим, однако, локальность события, описанного в «Житии», которая не исключает возможности нападения росов на отдаленный от столицы византийский город (Амастриду). Молчание других византийских источников о русско-византийском конфликте до 842 г. также не может служить контраргументом.

Изд. и пер.: Васильевский В. Г. Русско-византийские исследования. Вып. 2. Житие св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. СПб., 1893.

Лит.: Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm. Birmingham, 1977. P. 122, n. 63; Da Costa-Louillet G. Y eut-il des invasions Russes dans l'Empire Byzantin avant 860? // Byzantion. 1941. T. 15. P. 231—248; Idem. Saints de Constantinople

aux VIII-e, IX-e, X-e siècles // Byzantion. 1954. Т. 24. P. 479—492; *Vasiliev A.* The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge (Mass.), 1946. P. 70—89; *Ahrweiler H.* Les relations entre les Byzantins et les Russes au IX-e siècle // Bulletin d'information et de coordination. 1971. № 5. P. 55; *Marcopoulos A.* La vie de Saint Georges d'Amastris et Photius // Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik. Bd. 28. 1979. S. 75—82; *Nystazopoulou M.* La Chersonese taurique à l'époque byzantine. Paris, 1960 (These dactylogr.). P. 106, n. 1; *Mango C.* Eudocia Ingerina, the Normans, and the Macedonian Dynasty // ЗРВИ. 1973. Кн. 14/15. С. 17.

ЖИТИЕ ГЕОРГИЯ АМАСТРИДСКОГО (перевод В. Г. Васильевского)

Было нашествие варваров, росов — народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они — этот губительный и на деле и по имени¹ народ, — начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достигнул наконец и до отечества святого² посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [нечестивые] алтари, незаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоять. Лугам, источникам и деревьям воздается покло-

¹ Аллюзия на пророчество Книги пророка Иезекииля о северных варварах, предводительствуемых князем Рош (Иез. 38:2—3; 39:1), Гог и Магог, которые во главе бесчисленных войск сатаны подойдут к «священному граду» (Откр. 20:7—8).

² Георгия, т. е. — Амастриды, важного города в Пафлагонии на черноморском побережье.

нение. Верховный Промысл допускает это, может быть, для того, чтобы умножилось беззаконие, что, как мы знаем из Писания, много раз испытал Израиль.

Варвар, пораженный этим, обещал все сделать как можно скорее. Дав вольность и свободу христианам, он поручил им и ходатайство перед Богом и пред святым. И вот устраивается щедрое возжжение светильников, и всенощное стояние, и песнопение; варвары освобождаются от Божественного гнева, устраивается некоторое примирение и сделка их с христианами, и они уже более не оскорбляли святыни, не попирали Божественных жертвенников, уже не отнимали более нечестивыми руками Божественных сокровищ, уже не оскверняли храмы кровью. Один гроб был достаточно силен для того, чтобы обличить безумие варваров, прекратить смертоубийство, остановить зверство, привести [людей], более свирепых, чем волки, к кротости овец и заставить тех, которые поклонялись рощам и лугам, уважать Божественные храмы. Видишь ли силу гроба, поборовшего силу целого народа? (64).

ФОТИЙ

Будущий константинопольский патриарх (858—867 и 877—886) родился ок. 810 г. в знатной семье (более поздние датировки ныне пересмотрены). Его дядей был известный патриарх Тарасий (784—806). Фотий получил прекрасное образование, причем дополнительно сам занимался логикой, диалектикой, философией, математикой и богословием. Сначала был протоспафарием и протасекритом императора, а в 858 г. стал наместником смещенного патриарха Игнатия на константинопольском патриаршем престоле. Конфликт в 863 г. с папой римским привел к первому расколу между Церквями Рима и Константинополя. С этими событиями связано изданное Фотием в 867 г. «Окружное послание» («Энциклика») восточным иерархам, направленное против папы Николая I. В том же году патриарх Фотий был смещен и вновь вернулся на патриарший престол после смерти патриарха Игнатия, с которым Фотий вел непрерывную борьбу. С именем Фотия связана активная проповедническая деятельность по обращению в христианство народов Хазарии, славян в Моравии и Болгарии, а также начало систематической антилатинской полемики. Год смерти Фотия точно не известен; считается, что он окончил свою жизнь ок. 893 г. в Армении.

Среди богословских сочинений патриарха важнейшим является «Слово об исхождении святого Духа», направленное против латинян. Авторство Фотия приписываемого ему в рукописях сочинения «К говорящим, что Римский престол первый» оспаривается. Из других подобных сочинений следует выделить антипавликианский трактат, схолии к «Лестнице» Иоанна Синайского («Лествичника»), каноны, другие произведения. Из других памятников выдающимся является так называемый «Мириовивлион» («Тысячекнижие»), или «Библиотека» Фотия, где даются краткие сведения о греческих историках, античных и византийских, с аннотацией содержания их сочинений (в том числе не до-

шедших до нас и сохранных лишь в выписках Фотия), а также «Лексикон» Фотия.

Корпус писем патриарха Фотия включает в себя десятки объемных и важных по содержанию посланий, содержащих материалы по политической и церковной истории, богословию, философии. В важнейшем из посланий — «Окружном» («Энциклике») 867 г. — вспоминается об осаде росами Константинополя в 860 г., при этом подчеркивается, что «народ, ставший у многих предметом частых толков, превосходящий всех жестокостью и склонностью к убийствам, — так называемый (народ) рос» стал ныне «подданным и дружественным» Византии (№ 2. Р. 50, 293—296). В одном из писем «Рос» фигурирует в качестве антропонима (№ 103. Р. 143. 125, 129).

Из почти двух десятков гомилий — бесед Фотия на разные исторические, богословские, канонические и др. темы — две содержат в рукописном заглавии (лемме) упоминания о нашествии росов на Константинополь, имея в виду известный поход 860 г. Правда, текст лемм не обязательно принадлежит всегда автору сочинений, но часто создается или дополняется редакторами или переписчиками (Ном. 3. Tit. 2; 4. Tit. 2). В этих гомилиях в экспрессивной форме описаны обстоятельства обороны Константинополя и передана атмосфера, царившая в столице империи перед лицом неведомого вражеского народа. Оба памятника приводятся в переводе и с комментариями П. В. Кузенкова.

Изд.: Mango C. The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople. Cambridge (Mass.), 1958; Photii epistulae / Ed. L. G. Westerink. Lipsiae, 1983. Vol. 1.

Изд., пер., комм.: Кузенков П. В. Святитель Фотий, патриарх Константинопольский. Окружное послание // Альфа и Омега. 1999. № 3 (21). С. 85—102; Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных памятниках // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г. М., 2001. С. 15—84; Lum.: Heigenröther J. Monumenta graeca ad Photium eiusque historian pertinentia. Regensburg, 1860; Idem. Photius, Patriarch von Konstantinopel. Regensburg, 1867—1869. Bd. 1—3; Papandopulos-

Kerameus A. Monumenta graeca et latina ad historian Photii Patriarchae pertinentia. Petropoli, 1899—1901; *Он же.* Святейшего патриарха Фотия, архиепископа Константинопольского, 45 неизданных писем: Sanctissimi patriarchae Photii archiepiscopi Constantinopoleos epistolae XLV. Petropoli, 1896; *Он же.* Акафист Божией матери, Русь и патриарх Фотий // Византийский временник. 1903. Т. X. С. 357—401; *De Boor C.* Der Angriff der Rhos auf Byzanz // Byzantinische Zeitschrift. 1895. Bd. 4. S. 445—466; *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 73—79, 515—524; *Balletas J. N.* Photii epistolae. London, 1864; *Palmieri P. A.* La conversione dei Russi al cristianesimo e la testimonianza di Fozio // Studi religiosi. 1901. Vol. 2. P. 133—161; *Gerland E.* Photius und der Angriff der Russen auf Byzanz // Neue Jahrbücher für das classische Altertum. 1903. Bd. 1. S. 718—722; *Sonarn R.* L'exégèse de Photius // Bessarione. 1898. An. 3. Vol. 4. P. 35—47; *Красносельцев Н.* Патриарх Фотий и византийское богослужение его времени. Одесса, 1892; *Vogt A.* La jeunesse de Photius // Revue de Fribourg. 1905. P. 1—9; *Bury J. B.* The relationship of Photius to the Empress Theodora // English Historical Review. 1890. P. 252—258; *Boll F.* Die Verbannung des Photios // Byzantinische Zeitschrift. 1899. Bd. 8. S. 158; *Martini E.* Textgeschichte der Bibliothek des Patriarchan Photios von Konstantinopel. I. Leipzig, 1911; *Ruinaut J.* Le schisme de Photius. Paris, 1910; *Jugie M.* Photius et l'Immaculée Conception // Echos d'Orient. 1910. Vol. 13. P. 198—201; *Idem.* Photius et la primauté de saint Pierre et du pape // Bessarione. 1919. Vol. 23. P. 121—130; 1920. Vol. 24. P. 16—76; *Idem.* De Photii morali effigie // Bessarione. 1921. Vol. 25. P. 1—32; *Idem.* Le schisme byzantin. Paris, 1941. P. 101—155; *Россейкин Ф. М.* Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. Сергиев Посад, 1915; *Симеон, митр.* Посланието на Цариградския патриарх Фотия до български княз Бориса // Български Старини. София, 1917. Т. 5. С. 1—138; *Freese J. H.* The library of Photius. London, 1920. Vol. 1; *Dvornik F.* Les Slaves Byzance et Rome au IXe siècle. Paris, 1926; *Idem.* The Photian Schism. History and Legend. Cambridge, 1948; *Idem.* Photius et la réorganisation de l'Académie Patriarcale // Analecta Bollandiana. 1950. Vol. 68. P. 108—125; *Idem.* The

Patriarch Photius and Iconoclasm // *Dumbarton Oaks Papers*. 1953. Vol. 7. P. 67—97; *Idem*. Le second schisme de Photios — nue mystification historique // *Byzantion*. 1933. T. 8. P. 425—474; *Idem*. Etudes sur Photios // *Byzantion*. 1936. T. 11. P. 1—19; *Idem*. L'affaire de Photios dans la littérature latine du moyen-âge // *Seminarium Kondakovianum*. 1938. T. 10. P. 69—93; *Idem*. Photius, père du schisme on apôtre de l'union // *Vie intellectuelle*. 1945. Vol. 13. P. 16—28; *Jorga N.* Médaillons d'histoire littéraire byzantine. Photius // *Byzantion*. 1926. T. 3. P. 17—27; *Златарску В.* История на Българската държава през средните векове. София, 1971. Т. 1. Ч. 2. С. 71—84; *Orth E.* Photiana, Rhetovische Forschungen. 1. Leipzig, 1928; *Idem*. Die stilistik des Photius. Leipzig, 1929; *Cantarella R.* Il testo della «Biblioteca» di Fozio // *Rivista indo-greco-italica*. 1929. Vol. 13. P. 131—140; *Hartmann G.* Photios' Literarästhetik. Leipzig, 1929; *Grumel V.* Jent-il un second schisme de Photios? // *Revue des sciences philosophiques et théologiques*. 1933. Vol. 32. P. 432—457; *Idem*. Les registes des actes du patriarcat de Constantinople. Chalkedon, 1936. Vol. 1. P. 2. P. 72—129; Les lettres de Jean VIII pour le rétablissement de Photius // *Échos d'Orient*. 1940. Vol. 39. P. 138—156; *Idem*. La genèse du schisme photien // *Atti V Congresso Internazionale di Studi Byzantini*. 1939. Vol. 1. P. 177—185; *Idem*. La liquidation de la querelle photienne // *Échos d'Orient*. 1934. Vol. 33. P. 257—288; *Idem*. Le décret du synode photien de 879—880 sur le Symbole de foi // *Échos d'Orient*. 1938. Vol. 37. P. 357—372; *Idem*. Photius et l'addition du filioque // *Revue des Études Byzantines*. 1947. Vol. 5. P. 218—234; *Idem*. Un nouveau document sur la question photienne. La lettre intégrale d'Étienne V à Basile I-er // *Actes du VIe Congrès Internationale d'Études Byzantines*. Paris, 1950. Vol. 1. P. 241—242; *Idem*. La lettre du pape Étienne V à l'empereur Basile I // *Revue des Études Byzantines*. 1953. Vol. 1. P. 129—155; *Grégoire H.* Du nouveau sur le patriarche Photius // *Bulletin de la Classe des lettres de l'Académie Rey. De Belge*. 1934. Vol. 20. P. 36—53; *Slipyi J.* Die Trinitäts lehre des byzantinischen Patriarchen Photius // *Zeitschirift für katholischen Theologie*. 1920. Bd. 44. S. 538—562; 1921. Bd. 45. S. 66—95, 370—404; *Gordillo M.* Photius et primatus romanus. Num Photius habendus sit auctor opusculi Πρὸς τοὺς λέγοντας ὡς ἡ Ῥώμη θρόνος πρῶτος //

Orientalia Christiana Periodica. 1940. Vol. 6. P. 1—39; *Ziegler K.* Photius // Realenzyklopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1942. Bd. XX. H. 1. S. 667—737; *Vasiliev A.* The Russian Attack on Constantinople in 869. Cambridge (Mass.), 1946; *Hussey J. M.* The Photian Question // *Byzantinoslavica*. 1949. T. 10. P. 285—288; *Aubert R.* Le rôle de Photius dans le schisme oriental // *Collectanea Mechliniensia*. 1950. T. 50. P. 301—307; *Laourdas B.* A new letter of Photius to Boris // *Ἑλληνικά*. 1954. T. 13. P. 263—265; *Idem.* Φωτίου ὁμιλία. Thessalonice, 1959; *de Moreau É.* La réhabilitation de Photius // *Revue Théologique*. 1950. T. 72. P. 174—183; *Dujcev I.* Au lendemain de la conversion du peuple bulgare. L'épître de Photius // *Mélanges de Science Religieuse*. 1951. Vol. 8. P. 211—226; *Grivéc P.* De ss. Cyrilli et Nothodii amicitia dubia cum Photio // *Orientalia Christiana Periodica*. 1951. Vol. 17. P. 192—203; *Scharf J.* Zur Echtheitsfrage der Manichäerbücher des Photios // *Byzantinische Zeitschrift*. 1951. Bd. 44 (Festschrift F. Dögler). S. 487—494; *Leib B.* Saggio sulla psicologia di Fozio // *Unitas*. 1953. № 3. P. 69—75; *Trudel J. P.* Historians and History in Photius Myriobiblon // *Culture*. 1954. № 15. P. 29—45; *Darrouzès J.* Un nouveau manuscrit des homélies et des lettres de Photius // *Revue des Etudes Byzantines*. 1954. Vol. 12. P. 183—186; *Stéphanon P.* La violation du compromis entre Photius et les Ignatiens // *Orientalia Christiana Periodica*. 1955. Vol. 21. P. 291—307; *Jenkins R. J. H., Mango C.* The Date and Significance of the Tenth Homily of Photius // *Dumbarton Oaks Papers*. 1956. Vol. 9—10. P. 123—140; *Scheidweiler F.* Paulikianer probleme // *Byzantinische Zeitschrift*. 1950. Bd. 43. S. 10—39, 366—384; *Loos M.* Deux contributions à l'histoire des Pauliciens // *Byzantinoslavica*. 1956. T. 17. P. 19—57; *Karmires I.* Ὁ πατριάρχης Φώτιος καὶ ἡ ἐν Κωνσταντινουπόλει σύνοδος τοῦ 867 // *Ἑλληνικά*. 1954. T. 31. P. 226—229; *Moravcsik Gy.* *Byzantinoturcica*. Berlin, 1983. Bd. 1. S. 475—477; *Beck H.-G.* Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1977. S. 520—528; *Tatakis B. N.* Φώτιος ὡς φιλόσοφος // *Byzantinische Forschungen*. 1968 (1971). Bd. 3. S. 185—190; *Wortley J.* The date of Photius fourth homily // *Byzantion*. 1969 (1970). T. 39. P. 199—203; *Shepard J.* Some Problems of Russo-Byzantine Relations c. 860—1050 // *The Slavonic and East European Review*. 1974. Vol. 52.

Р. 12—16; *Hanak W. R.* Photius and the Slavs: 855—867 // Acts of the XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Vol. 1. P. 250 ff.; *Буланин Д.* «Окружное послание» Константинопольского патриарха Фотия в древнерусских летописях XVI—XVII вв. // Старобългаристика. 1981. Т. 5. С. 35—54; *Фонкич Б. А.* К вопросу о происхождении Ивирского списка гомилии Фотия о нашествии россов на Константинополь // *Byzantinoslavica*. 1981. Т. 42. P. 151—158; *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII вв.). СПб., 2000;

ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ ФОТИЯ,
ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО,
К ВОСТОЧНЫМ АРХИЕРЕЙСКИМ ПРЕСТОЛАМ,
А ИМЕННО — К АЛЕКСАНДРИЙСКОМУ И ПРОЧАЯ
(перевод П. В. Кузенкова)

В коем речь идет об отрешении некоторых глав и о том, что не следует говорить об исхождении Святого Духа «от Отца и Сына»¹, но только «от Отца».

Как видно, воистину не бывало злодею пресыщения от зол, а равно и какого-либо предела ухищрениям и козням его, которые искони старался он учинить против рода человеческого; и как до пришествия Господа во плоти обольщал он человека столькими тысячами уловов, выманивая его на дела чуждые и незаконные — благодаря которым и навязал силу тиранию над ним, — так и после этого не перестал он тысячами обманов и приманок ставить препоны и западни доверившимся ему. Отсюда множились Симоны и Маркионы, Монтаны и Мани, пестрое и многообразное богоборчество ересей; отсюда и Арий, и Македоний, и Несторий, и Евтих с Диоскором, и прочая нечестивая рать, против коих были созваны семь святых и Вселенских соборов и собраны со всех краев отряды священных и богоносных мужей, лезвием духа (ср. Еф. 6:17) отсекавшие самосейные дурные сорняки и угото-

¹ Имеется в виду латинская формула Символа веры с добавлением *filioque*.

вившие в чистоте возрастать ниве Церковной. Но после того, как они были извергнуты и преданы умолчанию и забвению, благочестивые стали питать добрую и глубокую надежду, что не явится более изобретателей новых нечестий, ибо помыслы всех, кого бы ни искушал злодей, обернулись бы против него; и что, конечно, уж не объявится никаких покровителей и заступников у уже получивших соборное осуждение, от чего удержат крах и участь зачинщиков и тех, кто старался им подражать. В подобных надеждах и пребывал благочестивый рассудок, особенно же что касается царствующего града, в коем при содействии Божиим свершается многое из того, на что нельзя было и надеяться, и многие языки, презрев прежнюю мерзость, научены были воспевать вместе с нами общего для всех Творца и Создателя, когда царица, испуская будто с некоего места высокого и вознесенного источника Православия и изливая во все концы вселенной (см. Пс. 18:5; Рим. 10:18) чистые потоки благочестия, наполняет, словно моря, догматами тамошние души, которые, иссушенные за долгое время воспалениями нечестия или самовольного служения (ср. Кол. 2:23) и ставшие пустыней и бесплодной землей, словно снискав дождь учения, процветая, плодоносят пашней Христовой. Ибо и жители Армении, закосневшие в нечестии яковитов и дерзко относящиеся к истинной проповеди благочестия — а именно той, ради которой собрался многолюдный и святой Собор отцов наших в Калхидоне, — при содействии нам молитв Ваших обрели силы оставить столь великое заблуждение; и сегодня в чистоте и Православии исполняет удел армян христианское служение, гнушавшись Евтиха, и Севира, и Диоскора, и «камнеметов» благочестия Петров, и Юлиана Галикарнасского, и всего их многосейного рассеяния, предавая их, как и Кафолическая Церковь, несокрушимым оковам анафемы. Но даже и варварский и христоненавистный народ болгар склонился к такому смирению и богопознанию, что, отойдя от бесовских отеческих оргий и отстав от заблуждений языческого суеверия, паче чаяния перепривит был к христианской вере. Но — ох уж этот злой умысел и проделки клеветника и безбожника! Ибо такое повествование, будучи темой евангельской, превращает-

ся в повод к печали, поскольку веселье и радость обернулись скорбью и слезами. Ибо еще и двух лет не чтит этот народ истинную христианскую веру, как мужи нечестивые и мерзкие — ведь как только ни назвал бы их всякий благочестивый! — мужи, из мрака вынырнувшие, — ибо были они порождением края западного — о, как поведаю о прочем?! — оные, напав на народ новоутвержденный в благочестии и новоустроенный, словно молния или землетрясение, или обильный град, а точнее сказать — как дикий вепрь, подрывая и копытами, и клыками (см. Пс. 79:9—14), то есть путем гнусной политики и извращения догматов — до чего дошли в дерзости своей! — разорили, истребив, лозу Господа возлюбленную и новонасаженную. Ибо замыслили они отвратить их и отвлечь от истинных чистых догматов и безупречной христианской веры. И сперва переучили их неблагочестиво на субботний пост: ведь и малое из допущенных отступлений способно довести до полного пренебрежения догматом. А затем, оторвав от Великого Поста первую постную седмицу, совлекли к молочному питию и сырной пище и тому подобному объединению, распростерши отсюда для них путь преступлений и совратив со стези прямой и царской. Более того, пресвитеров, украшенных законным браком, — это те, кто сами являются многих дев без мужей женами, и женами, растящими детей, отцов которых нельзя узреть! — они, как «истинно Божий иереи», настроили их гнушаться и сторониться, рассеивая среди них семена манихейского земледелия и посевом плевелов (см. Мф. 13:25) вредя душам, только-только начавшим прозябать зерном благочестия. Но даже и тех, кто миропомазан пресвитерами, не содрogaются они помазывать заново, именуя себя епископами и мороча головы, будто помазание пресвитеров бесполезно и совершается всуе! Разве есть кто-нибудь, кто слышал бы о таком безумии, на которое не смогли бы осмелиться эти сумасброды, перепомазывающие уже однажды помазанных и выставляющие чудесные и Божественные таинства христиан предметом долгой пустой болтовни и всеобщего посмешища? Вот уж мудрость поистине непосвященных! Нельзя, говорят, иереям святить миром посвящаемых, ибо принято делать это лишь архиереям. Откуда этот закон?

Кто же законоположник? Который из Апостолов? Или из Отцов? А из Соборов — где и когда состоявшийся? Чьими голосами утвержденный? Нельзя иерею миром запечатлевать окрещаемых? Значит, и вообще крестить; нельзя, выходит, и священнодействовать — чтоб уж не наполовину, а целиком был у тебя иерей изгнан в непосвященную часть! Священнодействовать над Телом Господним и Кровью Христовой и освящать ими некогда посвященных в таинства — и при этом не святить миропомазанием ныне посвящаемых? Иерей крестит, воздействуя очистительным Даром на окрещаемого; как же ты лишишь то очищение, коему начало полагает сей священнослужитель, его охраны и печати? Но ты лишаешь печати? Так не допускай ни служить над Даром, ни воздействовать Им на кого-либо — чтобы этот твой иерей, красуясь пустыми званиями, показал бы тебя епископом и верховодителем этого с ним хоростояния. Но ведь не только в этом проявили они свое безумие, но если есть какой-либо предел злу — устремились к нему. Ибо, в самом деле, вдобавок к упомянутым нелепостям сам священный и святой Символ веры, несокрушимо утвержденный всеми соборными и вселенскими постановлениями, покусилась они — ох уж эти происки злодея! — подделывать фальшивыми умствованиями и приписанными словами, измыслив в чрезмерной наглости своей новшество, будто Дух Святой исходит не только от Отца, но и от Сына. Кто слышал когда-либо, чтобы подобные речи проносил хоть кто-то из нечестивых? Какая коварная змея (ср. Ис. 27:1) изрыгнула такое в сердца их? Кто вообще вынес бы, когда у христиан на деле вводят две причины в Святой Троице: с одной стороны, Отца — для Сына и Духа, с другой, опять же для Духа, — Сына, и разрушают единоначалие в двоебожие, и растерзывают христианское богословие в нечто, ничуть не лучшее эллинской мифологии, и высокомерно обращаются с достоинством Сверхсущей и Живоначальной Троицы? Почему же это Дух исходит и от Сына? Ведь если исхождение от Отца совершенно (а оно совершенно, ибо Бог совершенный от Бога совершенного), что это за «исхождение от Сына» и для чего? Ведь оно было бы излишним и бесполезным. К тому же если Дух исходит от Сына, как от Отца, по-

чему же и Сын не рождается еще и от Духа — чтоб уж было у нечестивых нечестиво все, и мысли, и слова, и ничто не осталось бы у них не затронуто дерзостью! Обрати внимание и на другое: ведь если в тот момент, когда Дух исходит от Отца, возникает Его особенность, точно так же как в момент рождения Сына — особенность Сына, а Дух, согласно их болтовне, исходит и от Сына, то оказывается, что большими особенностями отличается от Отца Дух, чем Сын, ибо для Отца и Сына общим является исхождение от Них Духа, а у Духа — особое порождение от Отца и особое же — от Сына. Если же Дух отличается большими особенностями, чем Сын, то Сын был бы ближе сущности Отца, чем Дух: и так вновь проглянет дерзновение Македония против Святого Духа, вкравшееся в их деяния и обиталище. А иначе, если все общее для Отца и Сына и Духа является общим совершенно (как то: Бог, Царь, Господь, Творец, Вседержитель, Сверхсущее, Простое, Бесформенное, Бестелесное, Беспредельное и вообще все прочее), а для Отца и Сына обще происхождение от Них Духа — значит, Дух исходит и от Самого Себя, и будет Он началом Самому Себе, равно и причиной, и следствием. Подобного не измышляли даже эллинские мифы! Но и если одному лишь Духу свойственно возводиться к различным началам — неужто свойственно одному Духу иметь началом многоначалие? К тому же если в чем-то новом ввели они общность Отца и Сына, то отделяют от этого Духа; Отец же связан с Сыном общностью по сущности, а не по какому-либо из свойств — следовательно, ограничивают они Дух от сродства по сущности. Видишь, сколь безосновательно — скорее для более удобного уловления всех — присвоили они себе имя христиан? «Дух исходит от Сына». Откуда ты услышал это? Из каких Евангелистов такие слова? Какому Собору принадлежит это богохульное выражение? Господь и Бог наш говорит: Дух, иже исходит от Отца (см. Ин. 15:26), а отцы этого нового нечестия: «Дух, — говорят, — иже исходит от Сына». Кто не заткнет уши свои от чрезмерности такого богохульства? Оно восстает против Евангелий, противится святым Соборам, противоречит блаженным и святым Отцам — великому Афанасию, знаменитому в богословии Григорию, «цар-

скому убору» Церкви великому Василию, златым устам вселенной, бездне мудрости, истинному Златоусту. Но что я говорю — тому и другому? Вообще каждому из святых пророков, апостолов, иерархов, мучеников, да и самих изречений Господних прекословит это богохульное и богоборческое выражение. Дух исходит от Сына? То же ли это исхождение или противоположное отеческому? Если то же — почему не обобщаются особенности, из-за которых только и говорится, что Троица является и почитается Троицей? Если же противоположное ему — разве не окажутся они для нас Мани и Маркионами, снова посягающими своим богоборческим языком на Отца и Сына? Ко всему сказанному, если Сын рожден от Отца, а Дух исходит от Отца и Сына, то, как восходящий к двум началам, Он неизбежно был бы составным. Кроме того, если Сын рожден от Отца, а Дух исходит от Отца и Сына, что это за нововведение Духа? Уж не исходит ли нечто отличное от Него? Так что вышло бы по их безбожному мнению не три, но четыре ипостаси, а точнее — бесконечное множество, ибо четвертая прибавит к ним другую, та — снова иную, пока не впадут они в эллинское многообилие. К сказанному же мог бы кто-либо заметить и другое: если происхождения Духа от Отца совершенно достаточно для бытия, что добавляет Духу исхождение еще и от Сына, раз для бытия достаточно Отцовского? Ведь ничто другое из сущего не дерзнул бы никто назвать совершенно достаточным, поскольку эта блаженная и Божественная природа наиболее далека от всякой двойственной и составной. Помимо же сказанного, если все, что не является общим для Вседержительной и Единосущной и Сверхприродной Троицы, принадлежит только Одному из трех Лиц, а исхождение Духа не является общим для Трех — значит, оно свойственно лишь Одному из Трех. Скажут ли, что Дух исходит от Отца? Почему же тогда не откажутся клятвенно от любезного им и новоявленного «тайноводительства»? Или — что от Сына? Что ж тогда сразу не осмелились они обнажить все свое богоборчество, поскольку не только назначили Сына для исхождения Духа, но и лишили этого Отца! Соответственно, должно полагать, поставив рождение на место исхождения, будут они рассказывать сказки о том, что не

Сын рожден от Отца, но Отец от Сына — чтобы стояли они во главе не только безбожников, но и безумцев. Посмотри же и вот откуда — как оказывается изболоченным их безбожное и безумное намерение. Ведь поскольку все, что усматривается и говорится о Всесвятой и Единоприродной и Сверхсущей Троице, есть либо общее вообще, либо — Одного и Единственного из Лиц Троицы, а исхождение Духа не есть общее, но и не есть, как они утверждают, принадлежащее какому-то Одному и Единственному Лицу, выходит — да будет милостива Она к нам и обратит это богохульство на их голову! — и вообще нет исхождения Духа в Живоначальной и Всесовершенной Троице. И еще тысячи обличений мог бы добавить кто-либо к сказанному против их безбожного мнения, чего мне закон послания не позволяет ни помещать, ни излагать. Поэтому и то, что сказано, выражено кратко и в общих чертах, в то время как обстоятельное опровержение и полное наставление приберегается, даст Бог, для всеобщего собрания. Такое вот нечестие эти епископы тьмы — ибо сами объявили они себя помраченными — насадили среди прочих беззаконий в этом юном и новоустроенном народе болгар. Молва о них дошла до слуха нашего, и мы поражены были в самое сердце смертельным ударом, как если кто увидел бы порождения чрева своего терзаемыми и раздираемыми (ср. Втор. 28:53) у него на глазах птицами и зверьми. Ибо изнурительные труды и реки пота принесены были для их возрождения и посвящения, и такой же невыносимой вышла печаль и беда, как при гибели порожденных. Ибо столь же сильно зарыдали мы от испытанного страдания, сколь сильно наполнились радостью, видя их избавившимися от старого заблуждения. Но если этих мы оплакивали и оплакиваем, и не дадим сна очам своим и веждам дремания (см. Пс. 131:4), покуда не исправлено несчастье, пока не водворим их в меру сил наших в Господне обиталище, — то новых предтеч отступничества, прислужников супостата, виновников тысяч смертей, всеобщих губителей, растерзавших столькими муками сей юный и недавно утвержденный в благочестии народ, этих обманщиков и богоборцев осудили мы соборным и Божественным решением: не теперь определяя их отвержение, но из уже при-

нятых соборных и апостольских постановлений выявляя и делая всем известным predetermined им приговор. Ибо человеческой природе свойственно не столько укрепляться прошлыми возмездиями, сколько вразумляться зримыми, а подтверждением наступившего является согласие с уже установленным. Почему и объявили мы тех, кто придерживается их извращенного заблуждения, изгнанными из всякого христианского стада. Ибо и шестьдесят четвертое Правило святых Апостолов, словно бичуя предающихся посту по субботам, гласит так: «Если какой-либо клирик окажется постящимся в воскресенье или субботу, кроме одной только [Великой Субботы], да будет извержен; если же мирянин, да будет отлучен». Более того, и пятьдесят пятое Правило Шестого святого и Вселенского собора постановляет следующим образом: «Поскольку мы узнали, что во граде Риме во Святый пост Четыредесятницы постятся по субботам вопреки преданному церковному последованию, святой собор решает, чтобы и в римской церкви неколебимо соблюдалось правило, говорящее: Если какой-либо клирик окажется постящимся в воскресенье или субботу, кроме одной только [Великой Субботы], да будет извержен; если же мирянин, да будет отлучен». Да и кроме этого правило Гангрского собора гласит следующее о гнушающихся брака: «Если кто о вступившем в брак пресвитере рассуждает, что не следует принимать причастие, когда он совершает литургию, да будет анафема». Точно так же подобное решение выносит о них и Шестой Собор, начертавший следующим образом: «Поскольку в римской церкви, как мы узнали, предано в виде правила, чтобы имеющие удостоиться рукоположения во диакона или пресвитера соглашались не сообщаться более со своими супругами, мы, последуя древнему правилу апостольской строгости и порядка, желаем, чтобы законные сожития священников и отныне оставались нерушимыми, никоим образом не разрывая их союза с женами и не лишая их взаимного в подобающее время общения. Так что если кто окажется достойным рукоположения во диакона или иподиакона, тому никоим образом да не будет препятствием к возведению в эту степень сожительство с законной супругою; и да не требуется от него

во время рукоположения обещания, что будет воздерживаться от законного общения со своею супругою, дабы из-за этого не были бы мы вынуждены оскорбить Богом узаконенный и благословенный Его присутствием брак, ибо евангельское изречение гласит: “Кого Бог сочел, человек да не разлучает” (см. Мф. 19:6; Мк. 10:9), и Апостол учит, что почтен брак у всех и ложе непорочно (см. Евр. 13:4), и: “Соединен с женою? Не ищи развода” (см. 1 Кор. 7:27). Если же кто дерзнет, идя против Апостольских Правил, лишать кого-либо из священников, то есть пресвитера, или диакона, или иподиакона, связи и союза с законной женою, да будет извержен; точно так же и если какой пресвитер или диакон отвергнет свою жену под предлогом богобоязненности, да будет отлучен, а упорствующий — да будет извержен». Отмена же первой седмицы и перепомазание уже окрещенных и помазанных, думаю, не будет нуждаться в приведении правил, ибо из одного только повествования видно превосходящее всякую чрезмерность нечестие этого. Но и не осмелся они ни на что другое из перечисленного, одного богохульства в отношении Святого Духа — а точнее, всей Святой Троицы, — которое не оставляет уже места большему, хватило бы, чтобы подвергнуть их тысячам анафем! Их мысли и представления мы, по древнему обычаю Церкви, сочли справедливым довести до Вашего во Господе Братства; и просим, и призываем стать с готовностью соратниками в деле ниспровержения этих нечестивых и безбожных «глав», и не отступать от отеческого порядка, блюсти который завещали нам предки свершениями своими, и со всем усердием и готовностью избрать и послать от Вас каких-нибудь местоблюстителей, мужей, представляющих Ваше лицо, украшенных благочестием и святостью мыслей и жизни, дабы исторгли мы новоявленную вкрадшуюся гангрену этого нечестия из среды Церкви, а безумствующих вносить подобное семя порока в новоустроенный и недавно утвержденный в благочестии народ — вырвать с корнями и через общее отвержение предать огню, коему подвергнутся они, сойдя во ад, как прорицают Господни речения (ср. Мф. 13:30; 25:41). Ибо так, изгнав нечестие и утвердив благочестие, питаем мы добрые надежды возвратить новооглашенный во

Христа и недавно просвещенный сонм болгар к переданной им вере. Ибо не только этот народ переменял прежнее нечестие на веру во Христа, но и даже для многих многократно знаменитый и всех оставляющий позади в свирепости и кровопролитии, тот самый так называемый народ Рос — те, кто, поработив живших окрест них и оттого чрезмерно возгордившись, подняли руки на саму Ромейскую державу¹! Но ныне, однако, и они переменяли языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя с любовью поставив в положение подданных и гостеприимцев вместо недавнего против нас грабежа и великого дерзновения. И при этом столь воспламенило их страстное стремление и рвение к вере (вновь восклицает Павел: Благословен Бог во веки! (ср. 2 Кор. 1:3; 11:31; Еф. 1:3)), что приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием встречают христианские обряды². Таким вот образом по милости человеколюбивого Бога, желающего, чтобы все люди были спасены и достигли познания истины (см. 1 Тим. 2:4), переменяются у них старые верования, и принимают они веру христианскую; и если бы, Ваше Братство, и Вы сподвиглись усердно сослужить вместе с нами и совершать искоренение и выжигание сорной поросли, уверены мы во Господе Иисусе Христе, истинном Боге нашем, что еще более приумножится стадо Его и исполнится сказанное: Узнают Меня все, от малого их до великого их (Иер. 31:34), и по всей земле прошло слово апостольских учений, и до пределов вселенной — речи их (см. Пс. 18:5; Рим. 10:18). Итак, следует, чтобы посланные от Вас заместители, представляющие Ваше священное и святейшее лицо, облечены были полномочиями Вашей власти, коей удостоились Вы во Святом Духе, дабы беспрепятственно могли они говорить и действовать от имени апостольского престола по поводу этих «глав» и тому подобного. Ибо кроме того получено нами из италийских краев некое «соборное послание», полное несказанных обвинений, которые жители Италии с вели-

¹ Намек на поход росов на Константинополь в 860 г.

² Данные свидетельства — уникальная характеристика первых шагов Руси к Христианской Церкви.

ким осуждением и тысячами клятв выдвинули против собственного их епископа, дабы не были оставлены без внимания ни они, столь прискорбно губимые и притесняемые такой тяжелой тиранией, ни те, кто презирает законы священства и ниспровергает все церковные установления, — о чем давно уже доходили до всех слухи через спешно прибывших оттуда монахов и пресвитеров (были же это Василий, Зосима, Митрофан, а с ними и другие, сетовавшие на эту самую тиранию и со слезами призывавшие Церкви к отмщению), а теперь, как я уже сказал, пришли оттуда и разные письма от разных людей, исполненные всей этой великой трагедии и великих скорбей. С коих копий мы по их ходатайству и просьбе — ибо со страшными клятвами и призывами увещевали они передать об этом и всем архиерейским и апостольским престолом, предоставив все это им для прочтения, — включили в это наше послание, дабы, когда соберется Святой и Вселенский во Господе собор, решенное Богом и соборными правилами было бы подтверждено всеобщим голосованием, и Церковь Христову объял бы глубокий мир. Ибо мы обращаемся с этим не только к Вашему Святейшеству, но и от других архиерейских и апостольских престолов иные представители уже прибыли, иные ожидают в скором времени. Пусть же Ваше во Господе Братство из-за какой-либо отсрочки или затягивания времени не заставит сверх должного задерживать Ваших собратьев, сознавая, что если из-за опоздания совершено будет какое-нибудь неподобающее упущение, не что иное, как само оно навлечет на себя упрек. И еще сочли мы необходимым добавить к написанному, дабы предоставлено было всей полноте Церкви Вашей присовокупить и причислить к шести святым и Вселенским соборам святой и Вселенский Седьмой собор. Ибо дошел до нас слух, будто некоторые подчиненные Вашему апостольскому престолу церкви считают до шести Вселенских соборов и не знают Седьмого; и хотя утвержденное на нем проводят с усердием и благочестием как ничто другое, но провозглашать его в церквях наряду с прочими не вошло в обычай — несмотря на то, что повсюду сохраняет он равное прочим достоинство. Ведь этот Собор покончил с величайшим нечестием, имея заседавшими

и голосовавшими на нем прибывших от четырех архиерейских престолов: ибо от Вашего апостольского престола, то есть Александрии, присутствовал, как известно, пресвитер монах Фома и его спутники, от Иерусалима и Антиохии — Иоанн с его спутниками, ну а от старшего Рима — богобоязненнейший протопресвитер Петр и другой Петр, пресвитер, монах и игумен пречистой обители святого Савы близ Рима. И все они, собравшись вместе с нашим во Бозе отцом, святейшим и трижды блаженнейшим мужем Тарасием, архиепископом Константинопольским, составили великий и Вселенский Седьмой собор, торжественно покончивший с нечестием иконоборцев — или христорборцев. Однако деяния его, поскольку варварский и иноплеменный народ арабов овладел землями, оказалось нелегко доставить вам; по каковой причине большинство здешних жителей хотя и чтит и уважает его порядки, не ведает, как говорит, что они установлены им. Итак, должно, как мы сказали, и сей великий святой и Вселенский собор провозглашать вместе с предыдущими шестью. Ибо не совершать и не делать этого — значит, во-первых, бесчестить Церковь Христову, пренебрегая столь важным Собором и в такой мере разрывая и разрушая ее связь и общение, а во-вторых, разверзать пасть (ср. 1 Цар. 2:1; Пс. 34:21) иконоборствующих (которых, хорошо знаю, гнушаетесь вы ничуть не менее, чем прочих еретиков), уничтожив их нечестие не Вселенским собором, но осуждением одного престола, и предоставляя законный предлог стремящимся морочить умы. По всем этим причинам мы и требуем, и как братья братьев увещеваем, советуя приличное, причислять и приписывать его как в соборных документах, так и во всех прочих церковных историях и исследованиях к шести святым и Вселенским соборам, помещая после них Седьмым. Христос же, истинный Бог наш, первый и великий Архиерей (см. Евр. 4:14), добровольно принесший Себя в жертву за нас и отдавший кровь Свою за нас во искупление, да предоставит Вашей архиерейской и почтенной Главе оказаться сильнее наступающих отовсюду варварских племен; и да позволит завершить жизненный путь в мире и спокойствии; и да удостоит снискать и вышний жребий в невыразимом ликовании и веселье (Пс. 86:7)

там, где жилище всех наслаждающихся, откуда бежала всякая боль, и стенание, и скорбь (см. Ис. 35:10; 51:11): в Самом Христе, истинном Боге нашем, Коему слава и сила во веки веков. Аминь! Усердно молимся за Вас по долгу отеческого благочестия; не премените и Вы помянуть нашу мерность.

СВЯТЕЙШЕГО ФОТИЯ
 АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО
 ПЕРВАЯ ГОМИЛИЯ «НА НАШЕСТВИЕ РОСОВ»¹
 (перевод и комментарий П. В. Кузенкова)

1. Что это? Что за гнетущий и тяжкий удар и гнев? Откуда обрушилась на нас эта страшная гроза гиперборейская?² Что

¹ В рукописи выдержки из этой гомилии озаглавлены «На нашествие варваров». Следует особо отметить, что имя нападавшего народа приводится только в заглавии и ни разу не упомянуто в самом тексте обеих гомилий. Высказывалось мнение, что Фотий считал оскорбительным для «чистой эллинской речи» само произнесение варварского имени (*Chassang A. Deux homélies de Photius au sujet de la première expedition des Russes contre Constantinople // Annuaire de l'Association pour l'encouragement les études grecques en France. 1871. T. 5*). А. А. Васильев в связи с этим приводит место из «Алексиады», где Анна извиняется перед читателем за то, что ей приходится приводить варварские имена (*Vasiliev A. The Russian Attack... P. 93*; см.: *Анна Комнина. Алексиада / Вступит. ст., пер. и коммент. Я. Н. Любарского. СПб., 1996. С. 280. Примеч. 1007*). Возможно и иное объяснение: во время произнесения проповедей в осажденном городе патриарх еще мог не знать, как именовали себя сами нападавшие, а в заглавии имя появилось позднее, при составлении сборника. На позднейшее происхождение заголовков может указывать и используемый в них полный официальный титул патриарха; сам Фотий в официальных посланиях титуловал себя «епископом Константинополя, Нового Рима» (*Regestes... № 468, 472*).

² Гиперборейцами в античности именовались легендарные жители крайнего севера. В этом можно видеть указание на то, что Фотию было известно, откуда пришли нападавшие (*Peri V. La brama e lo zelo della Fede... P. 117, n. 8; 126*). Видеть в этом выражении чисто риторический прием (*Tinnefeld F. «Der furchtbare Blitzschlag»... P. 243*) кажется недостаточно обоснованным: слово «гиперборейский» имеет весьма устойчивое географическое значение (ср.: *Photii Biblioth. Cod. 243; Photii*

за сгустившиеся тучи горестей, каких осуждений суровые скрежетания исторгли на нас эту невыносимую молнию? Откуда низвергся этот нахлынувший сплошной варварский град — не тот, что срезает пшеничный стебель и побивает колос, не тот, что хлещет по виноградным лозам и кромсает недозревший плод, и не ломающий стволы насаждений и отрывающий ветви — что часто для многих бывало мерой крайнего бедствия, — но самих людей тела плачевно перемалывающий и жестоко губящий весь род [человеческий]? Откуда или отчего излился на нас этот мутный отстой — чтобы не сказать сильнее — таких и стольких бед? Разве не из-за грехов наших все это постигло нас?¹ Разве не обличение это и не торжественное оповещение о наших проступках? Не знаменует ли ужас настоящего страшные и неподкупные судилища будущего?² Не все ли мы ждем — скорее, каждому очевидно, — что даже огненосец не спасется³ для потомков от этого несчастья и больше никто не окажется оставшимся в живых?

Lexicon, «Alpha» 29, 579, 1051), кроме того, оно вряд ли может быть синонимом понятий «суровый, страшный», поскольку, по античным представлениям, прекрасно известным Фотию, гиперборейцы считались пребывавшими в вечном блаженстве именно потому, что жили за пределами холодного северного ветра — Борея.

¹ Восприятие варварских нашествий как Божьей кары за насилия самих христиан над своими ближними было широко распространено в ту эпоху. Так, западнофранкский капитулярий 884 г. говорит о норманнских набегах: «Что же удивительного в том, что язычники и иноплеменники вторгаются к нам и расхищают наши богатства, когда каждый из нас сам обирает своего ближнего?» (*Teñc A. Наследие Каролингов: IX—X века. М., 1993. С. 75*). Во всяком случае, представляется необоснованным видеть в словах Фотия намек на насилия константинопольцев не над своими согражданами, а над приезжими русскими, что будто бы и вызвало «международный инцидент».

² В оригинале множественное число: «настоящих» и «будущих»; по-видимому, речь идет о времени (под «неподкупными судилищами будущего» естественно разуметь Страшный суд); однако не исключено и иное понимание: «нынешние» и «будущие» как поколения.

³ Пословица: в древней Греции огненосец со священным факелом сопровождал войска и считался неприкосновенным; его гибель означала гибель всеобщую (ср.: Herodot. Hist. VIII, 6; Theoph. Cont. II, 25; Leo Diacon. Hist. VI, 10).

Воистину, беззакония — бесчестие народов¹ и как обоюдоострый меч² для всех прибегающих к нему. Мы были избавлены от зол, которыми бывали часто застигнуты, надо благодарить — но мы не заблагорассудили. Мы были спасены — и не радели. Были охраняемы — и пренебрегали тем, за что следовало опасаться возмездия. О разум жестокий³ и безрассудный, разве не достоин он претерпеть ужасы и бедствия! Мы строго взыскивали с задолжавших нам какую-либо малость, хотя бы пустяк, и наказывали их, мы не вспоминали о благодарности, когда благодеяние минуло, мы не жались над ближними, поскольку получили прощение, но как только избавлялись от грозивших ужасов и опасностей⁴, делались для них еще свирепее, не считаясь ни с обилием и тяжестью собственных долгов, ни со снисхождением к ним Спасителя, не постыдившись ничтожности долга таких же, как и мы, рабов, даже мысленно не сопоставимого с нашим, мы, человеколюбиво освобожденные от многого и великого, за малое бесчеловечно поработили других⁵. Мы радовались — и приносили горе, были прославляемы — и бесчестили, мы окрепли, достигли процветания — и возгордились, стали безумствовать. Мы утучнели, отолстели и разжирели и если и не оставили Бога, как некогда

¹ Притч. 14:34.

² Сир. 21, 4.

³ Характерно, что эпитет «жестокий, дикий», столь часто употребляемый византийцами в отношении руси, применен здесь Фотием для описания образа мыслей и поведения его сограждан.

⁴ Фотий напоминает своей пастве о каких-то чудом миновавших бедах и опасностях, не образумивших грешников: трудно определить, какие именно события (возможно, из недавней политической истории империи?) он имеет в виду.

⁵ Ошибочное прочтение того места в первом издании о. Порфирия (Успенского) «мы поработили (...) немногих молотильщиков» привело к появлению гипотезы о том, что нападение росов было вызвано обидами, причиненными неким русским работникам («молотильщикам») в Константинополе. Хотя эта ошибка и была вскоре обнаружена (Appendix duas Photii homilias et alia opuscula complectens // Lexicon Vindobonense / Rec. A. Nauk. Petropoli, 1867. P. XXX. Nota 29; Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки // ЖМНП. 1878. Ч. 196. С. 175, примеч. 2), она продолжала встречаться время от времени в работах историков (см.: *Vasiliev A. The Russian Attack...* P. 185—186).

Иаков, то, как *возлюбленный, оттолкнули, насътившись*¹, и, как *упрямая теллица*, упорны стали² к заповедям Господа и пренебрегли требованиями Его.

Из-за этого *шум брани на земле нашей и великое разрушение*, из-за этого Господь *открыл хранилище Свое и взял сосуды гнева Своего*³, из-за этого *выполз*⁴ народ с севера, словно устремляясь на другой Иерусалим, и народ поднялся от краев земли, держа лук и копьё; он жесток и немилосерд; голос их шумит, как море. Мы услышали весть о них — точнее, увидели воочию скопище их⁵, — и руки у нас опустились, скорбь объяла нас, муки, как женщину в родах. Не выходите в поле и не ходите по дорогам, ибо меч витает со всех сторон⁶! Что мне сказать тебе — воскликнет ныне со мной Иеремия, — град царственный? Кто спасет тебя и утешит тебя, ибо великим сделалось жерло раны твоей? Кто исцелит тебя?⁷

Теперь вы рыдаете... И меня едва не поглотила скорбь, прервав мою речь. Но что вы кричите мне? Что сетуете? Послушайте меня, уймите немного вопль и дайте путь словам. Ведь и я лью слезы с вами — но как пламя, разгоревшееся со временем, не тушат мелкие капли (надо ли говорить, что только еще сильнее разжигают его?), так и гнев Божий, воспламененный нашими грехами, не удастся умиловить преходящими слезами. И я лью слезы с вами, но презрели мы⁸ слезы многих несчастных —

¹ Вт. 32:15.

² Ос. 4:16.

³ Иер. 50:22; 25.

⁴ В библейском тексте вместо глагола ἐξείρθη «выполз» стоит ἔρχεται «идет»; как свидетельствует проделанный мной анализ метода цитации Фотия (на примере гомилий и «Окружного послания»), он приводит места из Библии, как правило, по памяти, но весьма точно (отличия от оригинала сводятся к синонимичным приставкам и перестановке слов). Очевидно, здесь сознательно употреблен иной глагол, выражающий впечатление от высадки десанта непосредственно у стен города.

⁵ О том, что весть о нападении пришла вместе с явью, говорится и во второй гомилии.

⁶ Ср: Иер. 6:22—25.

⁷ Плач. 2:13.

⁸ Прибегая к местоимению первого лица, Фотий как бы присоединяется к своей пастве, разделяя ее скорби в минуту опасности.

не говорю уже, что опустошили¹ их. И я лью слезы с вами, если только настоящее время — время для слез, но не слишком ли велико случившееся несчастье для пролития слез? Ибо бывают, подлинно бывают превыше слез многие несчастья, когда все внутри воспалено укоренившимся [горем] или же сильно стиснуто и сжато, так что источаемая из глаз влага зачастую не может излиться². Не вижу я ныне пользы от плачущих: ведь когда на наших глазах вражеские мечи утопают в крови наших соотечественников, мы же, видя, что нужно прийти на помощь, в растерянности не решаемся сделать это и пускаемся в слезы — какое утешение приносит это несчастным³? Кровь, хлынувшая из расчлененных тел, потекла бы бóльшими реками, чем слезы, источаемые из наших глаз, но в то время, как скверна прегрешений не счищается истекающими оттуда потоками крови, неужели смогут смыть ее струи из глаз?

Не теперь рыдать следовало бы, возлюбленные, но изначала ненавидеть грех, не теперь горевать, но издавна избегать наслаждений, от которых произошло наше горе. Ибо все равно что поработанным жестокими господами не желать терпеть наказание бичеванием, так и нам, предавшим самих себя постыдным деяниям, — умолять о пощаде от кар, попущенных по правосудию Божию⁴. Не теперь надо бы сетовать, но всю жизнь

¹ Не вполне ясное место. Мюллер вместо «опустошили, лишили, оставили» предлагает читать «привели в движение», в смысле «мы сами вызвали эти слезы».

² Непростой пассаж, где Фотий, видимо, прибегает к медицинской терминологии. Ср. перевод С. Манго: «When the inward parts are inflamed by deap-seated [ill], or else violently contracted and stopped up, so that oftentimes even the moisture that distils from the eyes does not flow down» — «когда внутренние части воспалены глубоко укоренившейся [бедой] или же с силою сомкнуты и сдержаны, так что зачастую даже влага, источающаяся из глаз, не изливается» (Phot. Hom. P. 85).

³ Упреки Фотия к константинопольцам в трусости и неспособности защитить сограждан характерны для умонастроений сторонников Варды, пришедшего к власти на волне недовольства миролюбивой политикой Феодоры и мечтавшего о возрождении былой военной славы империи. Патриарх обличает бессилие городских властей, не сумевших в отсутствие императора и Варды организовать никакого сопротивления.

⁴ Ср.: Рим. 2:5.

соблюдать целомудрие, не теперь расточать богатство, когда не знаешь сам, останешься ли его хозяином, но издавна воздерживаться от чужого, пока нынешняя пагуба еще не укоренилась среди нас, не теперь торговать милосердием, когда торжество жизни вот-вот разрушится наступившими бедами, но никогда не поступать несправедливо, покуда имелась власть быть могущественным, не теперь бдеть на всенощной и прибегать к молебнам, бить себя в грудь и глубоко стенать, воздевать руки и преклонять колени, проливать слезы и скорбно взирать — когда настигли нас отточенные жала смерти¹. Все это следовало делать давно, давно — заняться делами добрыми, давно — раскаяться в злых. Ибо когда мы делаем это теперь, перед Судией в высшей степени справедливым и вовсе не склонным заменять приговор снисхождением², думаю, не к милости побуждаем Бога, но становимся горькими обвинителями имеющихся у нас грехов. Ведь те, кто ныне нашли в себе и способность, и силы жить целомудренно и боголюбиво, но при этом до того, как пришла лавина бед, не сделавшие ничего отвечающего добродетели и спасению, но столь беззаботно и легкомысленно запятнавшие страстями собственные души, — разве не выступают они сами собственными обвинителями? Ибо что же, скорбящий теперь, ты³ раньше не воздерживался от неумеренного смеха, непристойных песен и сценических забав? Что же, теперь поникший взором, ты сдвигал брови и надувал щеки, являя лик, исполненный тиранства? Что же, милостивый к обиженным и хвалящийся состраданием, ты сам, как чума, обрушивался внезапно на первого встречного? Одним словом, что же, ныне принося пользу всем и вся, ты раньше ни с кем не вел себя сдержанно? Но ты высоко мнил о себе, глава беззаконных рук⁴, и, если не удавалось тебе отомстить заподозренному,

¹ 1 Кор. 15:56.

² В греческом оригинале игра слов: τὴν γνῶμην πρὸς τὴν συγγνώμην.

³ Здесь Фотий переходит к местоимению второго лица в единственном числе, чтобы усилить обличительную направленность своей речи. Возможно, во время проповеди в храме он демонстративно обращался то к одному, то к другому лицу, призывая к раскаянию.

⁴ Слово χεῖρες «руки» может также означать «отряды, группы вооруженных людей». Возможно, Фотий имеет в виду самоуправство так называемых «этерий», собиравшихся из преданных сторонников во-

жизнь считал ты не в жизнь; и в то время как нищий, голодающий у дверей¹, был изгнан с омерзением, знаменитые насмешники², насыщаясь твоими яствами и богатствами, ничуть не менее упивались и твоим простодушием; ты и любовью друзей пренебрегал за малую выгоду, и природным родством гнушался, и порывал связи знакомства — словно какой-то умопомраченный человек, человеконенавистный и склочный. Уж конечно же я не собираюсь перечислять здесь кражи и грабежи, непристойности и прелюбодеяния³ и другие непотребства — великое и предостаточное горячее для этого разожженного и охватившего нас пламени. Знаю, что и вы ныне, сознавая все это, скорбите и печалитесь, но время стремительно, и Судья неподкупен, и угроза ужасна, и число грешников велико, и покаяние недостаточно. Часто сеял я слова увещевания в уши ваши, слова предостережения; но, как видно, произросли они в терниях⁴. Я стыдил, бранил, указывал вам на пепел содомитов и на предшествовавший потоп, когда земля оказалась затоплена водами, и род человеческий постигла всемирная гибель. Часто ставил я вам в пример народ израильский — избранный⁵, воз-

круг знатных лиц и нередко использовавшихся ими для достижения честолюбивых целей (см.: *Beck H.-G. Byzantinische Gefolgschaftswesen // Idem. Ideen und Realitäten in Byzanz. L., 1972. S. 18—22).*

¹ Ср.: Лк. 16:20—21.

² Имеются в виду мимы, неизменно пользовавшиеся огромной популярностью в Константинополе (*Tinnefeld F. Zum profanen Mimos in Byzanz nach dem Verdikt des Trullanums (691) // Byzantina. 1979. T. 6. P. 329—330*). Император Михаил III особенно прославился своей страстью к шуткам и розыгрышам (*Любарский Я. Н. Царь-мим // Византия и Русь: Сб. ст. памяти В. Д. Лихачевой (1937—1981). М., 1989. С. 56—65*), и здесь можно увидеть осторожный упрек его увлечениям (*Россейкин Ф. М. Первое правление Фотия... С. 118, примеч. 1*); впрочем, следует иметь в виду, что в отношении к императору Михаилу Фотий всегда подчеркнуто уважителен и дипломатичен (*Phot. Nom. P. 77; 86, n. 22*).

³ Ср.: Мф. 15:19.

⁴ Лк. 8:5—6.

⁵ Как известно, избранным народом Нового Завета являются христиане; Византийская империя воспринималась ромеями-византийцами как вселенское христианское царство.

любленный, священство царственное¹ — за ропот, за пререkanie, за неблагодарность и тому подобные прегрешения бичуемый, врагами покоренными унижаемый и теми, над кем он торжествовал победу, одолеваемый, избиваемый, уничтожаемый. Часто внушал я вам: берегитесь! исправьтесь! обратитесь! Не дожидайтесь, пока изощрен будет меч, — лук уже натянут²! Не принимайте долготерпение за повод к пренебрежению! Не делайте зла в ответ на великое милосердие!

Но зачем я буду беречь сердца ваши, и так воспаленные? Или лучше ныне порицать опечаленных, чем отпустить отсюда безнаказанными получать [вышний] приговор, и использовать настоящее бедствие в помощь к обличению вас? Или же, опасаясь страданий, оставить неизобличенным непослушание и прегрешение? Так что же? Мы увещевали, грозили, говоря о Боге: Бог — наш ревнитель, долготерпелив, но если прогневаается — кто устоит³?

2. Все это говорил я, но, как видно, прятал в огонь⁴, ибо теперь мне можно — о, если бы не пришлось к месту! — вспомнить эту поговорку; ведь вы не обратились, не раскаялись, не отяготили уши свои⁵, чтобы не слышать слово Господне. Из-за этого излился на нас Его гнев, и Он был бдителен к грехам нашим⁶ и обратил лице Свое против нас⁷. Горе мне, что продлилось пребывание мое⁸ — хотя и недолгое⁹, — восклицаю я с Давидом псалмопевцем; продлилось так, что, взывая, я не был услышан и что вижу, как туча варваров затопляет кровью иссушенный грехами град наш. Горе мне, что я сохранен был

¹ Исх. 19:6.

² Ср.: Пс. 7:13 (в тексте LXX о мече сказано в будущем времени, о луке — в прошедшем; в русском переводе такого различия нет).

³ Ср. Наум 1:2; 3:6.

⁴ Древнегреческая поговорка (*Corpus paroemiographorum graecorum* / Ed. von Leutsch F. G. Schneidewin. Göttingen, 1839. Т. I. P. 130).

⁵ Зах. 7:11.

⁶ Бар. 2:9.

⁷ Иез. 15:7.

⁸ Пс. 120(119):5 (русский синодальный перевод дает иное толкование).

⁹ Очевидно, Фотий намекает на непродолжительность своего правления: в 860 г. шел лишь второй год его патриаршества.

для этих бед, что мы сделались посмешищем у соседей наших, поруганием и посрамлением у окружающих нас¹; что коварный набег² варваров не дал молве времени сообщить о нем, чтобы были обдуманы какие-нибудь меры безопасности³, но сама явь бежала вместе с вестью — и это в то время⁴, как нападали оттуда, откуда [мы] отделены столькими землями и племенными владениями, судоходными реками и морями без

¹ Пс. 78:4.

² Следуем вслед за Манго рукописному чтению: ἄλιτος δρόμος. Слово «неверный» как будто бы подразумевает некую ожидавшуюся от росов «верность» (договору о мире?), что не выглядит невероятным (вспомним «просителей дружбы», посланных к императору Феофилу за 20 с небольшим лет до описываемых событий). Издатели отдают предпочтение чтению, предложенному Мюллером: ἄλιτος «незамеченный, о котором никто не знал». Оба варианта подчеркивают внезапность нападения, но едва ли можно утверждать, что нападение во все не было замечено: во второй гомилии Фотий говорит лишь о том, что весть о нем пришла слишком поздно.

³ Эффективным способом борьбы с нападениями на Константинополь с Черного моря была, как показал впоследствии опыт, встреча неприятельского флота у узкого входа в пролив Босфор, где скучившиеся многочисленные суда руси становились легкой мишенью для нескольких огненосных триер; так в 941 г. патрикий Феофан уничтожил флот князя Игоря (Theoph. Cont. VI, 39).

⁴ Принимаем вместе с Лаурдасом чтение рукописей: καὶ τότε πόθεν καὶ χώρας πόσεως, которое Манго объясняет как усилительный оборот (Phot. Nom. P. 88, n. 39); предложенное Папагеоргиу чтение πόλεων καὶ χώρας πόσεως «столькими городами и странами» обязывает искать маршрут нападавших через много городов, что едва ли оправдано; прочие конъектуры см. в аппарате к тексту.

пристаней¹. Горе мне, что вижу народ жестокий и дикий² безнаказанно обступившим город и грабящим пригороды, все губящим, все уничтожающим — поля, жилища, стада, скот, жен, детей, стариков, юношей — все предающим мечу, не слушая никаких воплей, никого не щадя. Погибель всеобщая! Как саранча на ниву и как ржа на виноградник, точнее — как вихрь, или буря, или ураган, или не знаю что еще, обрушившись на нашу землю, он погубил целые поколения жителей. Блаженны те, кто пал жертвой кровавой руки варвара, ибо, погибнув, они тем скорее избежали переживания охвативших нас отчаянных бедствий; если бы отошедшие от всего этого [в мир иной] могли чувствовать, и они вместе со мною оплакивали бы еще остающихся, которые, наполнившись теми горестями, от которых непрерывно страдают, никак не избавятся от них и там, где ищут смерть, не находят ее. Ибо гораздо предпочтительнее один раз умереть, чем постоянно ожидать смерти, непрестанно оплакивая страдания ближних и сокрушаясь душою.

¹ Из этой фразы создается впечатление, что Фотий неплохо осведомлен о тех областях, откуда явились нападавшие. Упомянутые «племенные владения (этнархии)» и «судоходные реки», отделяющие их от Византии, целесообразно сопоставить с сообщением «Бертинских анналов» о неких враждебных народах (видимо, венграх), перекрывших в 838 г. путь послам-росам из Константинополя к своему «хакану». Все это указывает скорее на Восточно-Европейскую равнину, чем на приморские области в районе Тавриды или Тмутаракани. Впрочем, последнее предположение также получило значительное распространение [одни из первых примеров: *Вольтер*. О нравах и духе народов. Кн. I, гл. 29; *Schlözer A. Nestor. Göttingen, 1802. Bd. II. S. 257*. Интерпретацию событий 860 г. с точки зрения сторонников гипотетической Причерноморской Руси см.: *Голубинский Е. Е. История... С. 40—42; Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven, 1943* (рус. пер.: *Вернадский Г. Древняя Русь. Тверь, 1996. С. 345—346*); обзор старой литературы по этому вопросу: *Полонская И. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира // ЖМНП. 1917. Ч. 71. С. 45—46*; контраргументы: *Vasilev A. The Russian Attack. P. 173—174*].

² «Жестокий», «дикий» — обычные эпитеты, которыми характеризуют Русь византийцы: ср. в «Окружном послании» народ, «всех оставляющий позади в жестокости и кровожадности»; Продолжатель Феофана: «скифский народ, дикий и грубый»; Житие Георгия Амастридского: народ, «как все знают, жесточайший и суровый».

3. Где ныне василевс христоролюбивый¹? Где войска? Где оружие, [оборонительные] машины, полководческие советы и приготовления? Разве не нашествие других варваров² перенесло и отвлекло на себя все это? И василевс выносит дальние труды за рубежами [империи]³, воинство отправилось с ним и

¹ «Христоролюбивый василевс (император, царь)» — одна из кратких формул титула византийского императора (*Rösch G. ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ: Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978. S. 65, 102*).

² Речь идет о возобновившихся в то время (после обмена пленными в мае 860 г.) враждебных действиях между Византийской империей и халифатом Аббасидов, причиной чего Фотий считает нападение арабов (см.: *Васильев А. А. Византия и арабы. Ч. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900. С. 193—194; Vasiliev A. Byzance et les Arabes / Édition française par H. Grégoire et M. Canard. Bruxelles, 1935. T. I: La dynastie d'Amorium (820—867). P. 240—241; Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jh. Leipzig, 1903. S. 202, 387, 391; Grégoire H. La geste d'Amorium: Une épopée byzantine de l'an 860 // Prace Polskiego Towarzystwa dla Badań Europy Wschodniej i Bliskiego Wschodu. Kraków, 1933—1934. T. 4*).

³ В семействе хроник Симеона Логофета говорится, что весть о нападении застигла императора у Мавропотама («Черной реки»); судя по артиклю мужского рода, стоящему в лучших рукописях, это скорее гидроним, чем топоним. В 844 г. при Мавропотаме крупным поражением окончился поход на арабов логофета Феоктиста (*Theoph. Cont. IV, 39*). С Мавропотамом отождествлялись разные реки: а) Мелас («Черная») на Херсонесе Фракийском, впадающая в Эгейское море (*Strabo. Geogr. VIIa, 1, 53; Bayer G. S. De Russogetum prima expeditione. P. 373*); б) Мелас, приток р. Атирас, впадающей в Пропонтиду в заливе Чекмедье (в 6 часах пешего пути на юго-восток от Константинополя) (*Wilken Fr. Über die Verhältnisse der Russen zum byzantinischen Reiche... S. 83—87*); в) Мелас, приток Сангария, некогда впадавшая в него через оз. Собандия к востоку от Никомидии (ныне р. Чарк-су, не связанная с Сангарием) (*Vasiliev A. Byzance et les Arabes... P. 196, n. 2 — примечание Анри Грегуара*); г) Мелас (тюрк. Кара-су «Черная вода»), левый приток Галиса (Кызыл-ырмак), к северу от горы Аргея (Эрдохья-даг) в Каппадокии (*Strabo. Geogr. XII. 2. 8; Васильев А. А. Византия и арабы. С. 155, примеч. 2; Vasiliev A. The Russian Attack... P. 195—196*). Первые две гипотезы не получили признания. Слова Фотия о «дальних» трудах императора «за рубежом» империи Васильев не без основания

разделяет тяготы — нас же истощает гибельное убийство, на наших глазах наступившее одних и уже наступающее других. Этот скифский народ¹, жестокий и варварский, выполз² из самых предвратий города, будто дикий зверь объел³ окрестности его. Кто же будет сражаться за нас? Кто выступит против врагов? Мы лишены всего, беспомощны со всех сторон⁴. Какая скорбь сравнится с этими бедствиями? Какой плач сможет выразить безмерность обступивших нас несчастий? Приди ко мне, сострадательнейший из пророков⁵! Оплачь Иерусалим, не тот древний — столицу одного народа, от одного корня

считает подтверждением дальней локализации Мавропотама — в Каппадокии (*Vasiliev A. The Russian Attack... P. 196*) [слово μακροῦς можно понять и как «длительные» (*Phot. Hogn. P. 89*), но и это означает, что император был достаточно далеко]. Соглашаясь с Васильевым и Манго (*Phot. Hogn. P. 80*), принимаем, что к моменту нападения руси Михаил с армиями находился в Каппадокии. Это значит, что от столицы его отделило более 500 километров — около месяца обычного пути и не менее недели спешного.

¹ В слове «скифское» некоторые исследователи видят указание именно на славянское, а не скандинавское происхождение нападавших (*Левченко М. В. Фальсификация... С. 153; Он же. Очерки... С. 43*). Впрочем, этот античный этноним в византийской литературе приобрел характер довольно расплывчатого этногеографического термина и мог применяться как указание на любых варваров, причем не только из Северного Причерноморья (*Phot. Nom. P. 89, n. 43*); любопытно отметить, что «варварским и скифским наречием» во времена Фотия могла быть названа даже латынь: именно так именуется этот язык император Михаил III в послании к папе Николаю I, который был оскорблен таким высокомерием греков (*PL. T. 119. Col. 930, 932*).

² Враги внезапно появились прямо перел воротами города — яркий образ, рисуемый очевидцем.

³ Пс. 79:14.

⁴ Видимо, в момент нападения в столице отсутствовала императорская флотилия (в то время она состояла из нескольких сот судов) (о византийском флоте см.: *Ahrweiler H. Byzance et la mer. Paris, 1966*). Корабли могли отправиться в экспедицию против критских арабов или в Италию (*Bury J. B. A History... P. 421*); по мнению К. де Боора, флот под командованием епарха Никиты Оорифы оставался в Константинополе, но находился в запущенном состоянии и оказался не в состоянии противостоять врагам (*De Boor C. Der Angriff der Rhos auf Byzanz. S. 456—457*).

⁵ Имеется в виду пророк Иеремия.

давшего двенадцать отраслей, — но тот, что над всей вселенной, какую только озаряет христианский закон, господствует древностью и красою, величием и блеском, богатством и обилием жителей. Оплачь со мной сей Иерусалим, еще не захваченный и не павший в прах, но стоящий на грани захвата и потрясаемый видимым; оплачь царицу городов, не увиденную пока в плен, но чья надежда на спасение уже пленена; взыщи голове воду и глазам источник слез¹, и сострадай, и печалься за нее, ибо плачущая плачет в ночи, и слезы ее на ланитах ее, и нет у нее утешителя², ибо грех согрешил Иерусалим и за то сделался отвратителем³, и поражавшиеся его мощью смеются над ним, ибо ниспослал Господь огонь в кости его и накинул ярмо Свое на шею нашу, и дал в руки наши мучения, которые не можем выдержать⁴; оплачь, ибо истожились от слез глаза мои⁵, волнуется моя внутренность, и сердце мое перевернулось во мне за то, что я, сопротивляясь, воспротивился, и отвне обесчадил меня меч⁶, и разинул враг пасть свою, и заскрежетал зубами, говоря: «Поглощу ее»⁷! О, град царственный! Скопище каких бедствий захлестнуло тебя! И происходящие из чресл твоих⁸, и те, кто роскошно обустроился перед городской стеной, — снискав жребий, по варварскому закону пожираются недрами моря и пастью огня и меча⁹. О, добрая надежда всех! Какая гроза бедствий и множество ужасов, окружив со всех сторон, унизили твою знаме-

¹ Иер. 9:1.

² Плач. 1:2.

³ Плач. 1:8.

⁴ Плач. 1:13—14 (русский синодальный перевод дает несколько иное толкование).

⁵ Плач. 2:11.

⁶ Плач. 2:11.

⁷ Плач. 2:16—20.

⁸ Ис. 48:19.

⁹ Текст труден для понимания и, возможно, не вполне исправен. По всей видимости, речь идет о жителях Константинополя, которых нападение застало в загородных виллах. Как видно, нападение было столь стремительно и неожиданно, что обитатели богатых предместий не успели бежать под защиту городских стен. Не вполне ясно упоминание о «варварском законе» и «жребии», по которому избирался тип казни жертв.

ниту ю славу! О град, царствующий едва ли не над всей вселенной, какое войско, безначальное¹ и рабским образом² снаряженное, издевается над тобою, как над рабынею! О град, украсившийся добычей от многих народов, какой народ вздумал сам обобратить тебя! О тот, кто водрузил множество трофеев в честь побед над врагами в Европе, Азии и Ливии, каким образом ныне направила на тебя копье рука варварская и низменная, кичась пронести трофеей победы над тобой! Ибо все дошло у тебя до такой порчи, что и твоя неодолимая сила³ словно перебродила в глубочайшее бессилие, а бессильное и униженное [племя] противников — [о] человеколюбивое Око⁴! — пробует показать на тебе силу руки и украситья именем славы. О, царица царствующих градов, многих выручавшая из опасности союзничеством, многих поставленных на колени распрямлявшая оружием, ныне же лежащая в разо-

¹ Букв. «войско без военачальника». Едва ли следует понимать этот эпитет у Фотия как указание на отсутствие вождя (или вождей) (*Vasiliev A. The Russian Attack... P. 181*); скорее, это выражение подчеркивает неуправляемость варварской толпы, которой чуждо четкое военное руководство. Схожую характеристику дает войску «скифских народов» (тюрок) и «склавов и антов» (славян) «Стратигикон Маврикия» (конец VI в.). «Скифские народы в одной, так сказать, атаке и строю являются многоначальными и беззаботными (...) Будучи безначальными и ненавидя друг друга, они не знают строя» (Mauricii Strateg. XI, 2, 4).

² Обозначение вооружения нападавших как «рабского» говорит о его примитивности с точки зрения византийцев. Ряд исследователей считает, что это место подтверждает славянское происхождение нападавших (см., например: *Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. С. 81*), однако подобное заключение исходит из предпосылки слабого развития оружейного дела у древних славян по сравнению с другими народами, что едва ли можно признать обоснованным. Останавливаясь на термине «рабский», В. Пери указывает на относящееся приблизительно к той же эпохе появление у латинского слова *sclavus/slavus* (славянин) значения «раб» (ср.: англ. *slave*, нем. *Sklave*, франц. *esclave*) (*Peri V. La brama e lo zelo della Fede... P. 125*); отметим, однако, что в византийской литературе (в отличие от европейской и арабской) соотнесение славян с рабами не получило распространения.

³ В оригинале обыгрывается омонимия греч. ρόμη «сила» и Ρώμη «Рим», наследниками которого считали себя ромеи-византийцы.

⁴ Парентетическое восклицание (Phot. Nom. P. 91, n. 62).

рени и совершенно лишенная заступников¹! О благодать и сияние святых храмов, о величие и краса, изящество и великолепие, о [место] жертв бескровных, трепетных приношений и трапезы таинственной, о алтарь, место заповедное и священное — как грозят ноги врагов твоих осквернением! О святыня чтимая, и вера непорочная, и служение чистое — как разверзлась на нас пасть нечестивых и яростных! О седины, помазание и священство иереев! О святой мой храм Божий и Божьей Мудрости, неусыпное Око вселенной²! Рыдайте, девы, дочери Иерусалима! Плачьте, юноши града Иерусалимского! Скорбите и матери; лейте слезы, младенцы, лейте, ибо величие страдания заставляет сопереживать и вас! Плачьте, так как умножились для вас беды³, и нет избавителя⁴, и нет защитника!

4. Но доколе этот плач? Доколе скорбь? Доколе рыдание? Кто услышит, и как утихнет сокрушение⁵? Кто смилуется? Кто вступится за нас? Если бы был кто Моисеем, то сказал бы Господу: Если простишь им, прости, если же нет — изгладь и меня из книги жизни, которую написал⁶; а нам: Господь будет поборать за нас, а мы будем спокойны⁷. Но нет, так как не стало праведного⁸ на земле; нет Моисея, нет и Авраама, чтобы раскрыть уста, и осмелиться, и сказать Богу: Неужели погубишь праведного с нечестивыми и праведный будет, как нечестивый?⁹ Нет того, кто произнес бы те человеколюбивые и удивительные призывные слова, из-за которых при десяти праведных десятитысячный¹⁰ город, пошедший против при-

¹ Возможно, Фотий намекает на отсутствие в тот момент у Империи внешних союзников.

² Речь идет, конечно же, о константинопольском храме св. Софии.

³ 1 Макк. 1:9.

⁴ Ос. 5:16.

⁵ Чис. 17:13.

⁶ Исх. 32:32.

⁷ Исх. 14:14.

⁸ Ис. 12(11):2.

⁹ Быт. 18:23.

¹⁰ Вряд ли этот эпитет библейского Содома следует сопоставлять с размерами самого Константинополя: скорее всего, «десятитысячный» город здесь означает просто огромный.

роды, упросил [Авраам] допустить ко спасению, услышав от Бога всяческих¹: «Если найдется в городе десять — нет, не истреблю ради десяти²». Да, нет Моисея, нет Авраама, но если вы захотите — скажу невероятное, однако же истинное — сможете сами себе подготовить Моисея, сможете явить Авраама! Ведь и Моисей, когда народ вел себя беспечно, бывал — страшное дело, но еще не так страшно — не услышан в ходатайствах, но совсем уж ужасно то, что зачастую многих из тех, для которых делал все, истреблял собственноручно. И Авраам видел тех, за которых увещевал и умолял, гибнущими в испускании огня, так как пашнею их были терния страстей. Можете, если захотите, чтобы и тот сказал вам: «Господь будет сражаться за нас, а мы будем спокойны». Желаете ли знать, как боюсь я, что плач ваш — временный; что милосердие ваше — ненадолго, что целомудрие — краткосрочно; братская любовь — покуда враждебность окруживших врагов, являясь общей бедой, подталкивает вас к единому сердцу; смирение и скромность нравов — пока впереди пленение; спесь попорана, и гнев обуздан, и язык служит орудием духовных песнопений, а не срамных речей — покуда клич врагов поражает слух ваш; бдение в молебнах и всенощных, и пост, и стенания — пока [грозит] смерть от меча?

5. Вот что беспокоит и волнует меня гораздо больше оружия варваров. Этого боюсь, видя, как ныне легко и всеми совершается то, что прежде не делалось с трудом ни порознь, ни кем-то одним. Пугает и огорчает меня, что, когда рядом наказание, тогда и мы хвалимся раскаянием; что, когда случаются бедствия, тогда устремляемся к полезным делам. Поэтому и нет теперь Моисея, нет Авраама. Если же и по прошествии нахлынувшего ныне на нас горя вы сохраняли бы такую же благопристойность, и порядок, и состояние — выставили бы многих Моисеев и Авраамов, чтобы умиливать Бога сражаться для нас и за нас. Но что я говорю о Моисее и

¹ Часто употребляемое в христианской литературе выражение, символизирующее сотворение Богом всего сущего.

² Быт. 18:32.

Аврааме? Самого общего нашего и их Господа¹ сделали бы вы нашим заступником и защитником; Того, Кто привел² врага за грехи наши, — сокрушающим силу вражескую; наказывающего — исцеляющим, гневающегося — человеколюбивым, ибо велика милость Господа и Бога нашего и примирение Его с обращающимися к Нему³. Сделайте священными, и исправьте, по зову Иеремии, пути ваши и деяния ваши, и послушайтесь гласа Господа, и Господь отменит бедствие, которое изрек на вас⁴. Но вы не хотите... Не кричите, не шумите! Лучше было бы спокойно благодарить за то, от чего мы не пострадали, пока всю жизнь источались для нас щедрые источники благ, чем вопить во весь голос из страха испытать то, что следует испытать живущим несправедливо, и пытаюсь избежать громады бесчисленных горестей, висящей на волоске.

6. Но уймите плач, перестаньте! Сделайтесь стойкими стражами всего этого. Осмелюсь сказать: я стану порукой за ваше спасение! Говорить вам так я дерзаю из-за ваших обетов, а не из-за моих дел, из-за ваших обещаний, а не из-за моих слов. Я ручаюсь за ваше спасение, если сами точно исполните обязательства, я — за избавление от несчастий, если вы — за твердое раскаяние; я — за уход врагов, если вы — за отход от страстей. Точнее, не я порукой этому, но и за себя самого, и за вас — если, конечно, вы окажетесь безоговорочными исполнителями этого уговора — я вас самих выставляю поручителями, вас самих объявляю ходатаями. Ну а Господь, будучи человеколюбив и сожалея о бедствии⁵ человеческом, скажет вам: «Вот, изглаживаю беззакония твои, как облако, и грехи твои, как туман, обратись ко Мне, и Я искуплю тебя»⁶, и: «Обратитесь ко Мне, и Я обращусь к вам»⁷, и еще: «Иногда скажу о народе или о царстве, что сокрушу его и погублю, но,

¹ Подчеркнуто единство Ветхого и Нового Заветов: единый Господь Бог у Моисея с Авраамом и у христиан.

² Ср.: Иер. 5:15.

³ Сир. 17:27.

⁴ Иер. 26(33):13.

⁵ Иоил. 2:13.

⁶ Ис. 44:22.

⁷ Зах. 1:3.

если обратится этот народ от своих злых дел, откажусь и Я от всего зла, которое помыслил сделать ему¹».

7. Итак, настало время, возлюбленные, обратиться к Матери Слова, единственной нашей надежде и прибежищу. Возопим к Ней, взывая о помощи: «Спаси град Свой, как Ты умеешь, Владычица!» Поставим Ее посредницей к Сыну Ее и Богу нашему и сделаем свидетельницей и ручательницей нами уговоренного Ту, Кто передает просьбы наши, и источает человеколюбие от Рожденного Ею, и рассеивает тучу вражескую, и возжигает нам луч спасения. Ее ходатайством будем избавлены от нынешнего гнева, избавлены и от грядущего и неотвратимого осуждения во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему надлежит вся слава, и благодарение, и поклонение вместе со Отцем и Святым Духом, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!

ТОГО ЖЕ СВЯТЕЙШЕГО ФОТИЯ,
АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЯ — НОВОГО РИМА,
ВТОРАЯ ГОМИЛИЯ НА НАШЕСТВИЕ РОСОВ²
(перевод и комментарий П. В. Кузенкова)

1. Знаю, что все вы понимаете, — как те, кто способен осознать отвращение Бога к людям, так и те, кто к суждениям Господа относятся несколько более невежественно, — все же всех вас я считаю усвоившими и уразумевшими, что напавшая на нас угроза и нагрянувший набег племени запятнали нас не иначе как из-за гнева и негодования Господа Вседержителя³. Ибо хотя, с одной стороны, Бог благ и превыше гнева и всяческой страсти, поскольку имеет природу превыше всякого материального состояния, занимающего по не-

¹ Иер. 18:7—8.

² Дж. Уортли предположил, что вторая гомилия «На нашествие росов» была произнесена Фотием в воскресенье 4 августа 860 г., через шесть с половиной недель после нападения во вторник 18 июня (*Wortley J. The Date of Photius' Fourth Homily // BSI. 1970. Т. 31. Р. 50—53*). Впрочем, продолжительность осады Константинополя может быть определена лишь гипотетически.

³ Ср.: Пс. 106(105):40.

преложному закону низшее положение, но, с другой стороны, справедливо можно было бы сказать, что Он гневается и негодует, когда какой-либо поступок, по достоинству осужденный на гнев и негодование, влечет для совершившего подобающее этому наказание — каковым образом и теперь обрушилось на нас попущенное несчастье, представив нам воочию обличение прегрешений. Ведь вовсе не похоже оно на другие набег варваров, но неожиданность¹ нападения и невероятность стремительности, бесчеловечность рода варваров, жестокость нравов и дикость помыслов показывают, что удар нанесен с небес, словно гром и молния².

Оттого, что все вы сознаете это, и горечь страдания и острота положения начертали в сердцах ваших причину несчастий, из-за этого я не стану молчать; но оттого, что и в вас имею я соочевидцев упомянутых схваток, именно из-за этого выступаю со справедливым обличением, разыгрывая перед вами трагедию тех событий, для которых сами мы из своих прегрешений соорудили сцену и вместе подготовили драму, превратив государство наше в театр всевозможных страстей. Ибо гнев Божий³ исходит из-за наших грехов, и материалом угрозы выступают дела грешников, а взысканием возмездия — неисправление проступков. Насколько странно и страшно нелепо нападение обрушившегося на нас племени — настолько же обличается непомерность [наших] прегрешений; насколько, опять же, [это племя] незаметно, незначи-

¹ Неожиданный характер нападения подчеркивается и в первой гомили. Вестники если и прибыли в Византию, то слишком поздно. В связи с этим возникает вопрос, которым, как видим, задавался и сам Фотий: почему власти своевременно не узнали о готовящемся нападении столь крупных военных сил? Возможно, в это время в Византии система оповещения о движении русских судов в Черное море, существовавшая в X в., еще только налаживалась: фема Климаты с центром в Херсонесе была образована для защиты от неких не названных по имени усилившихся врагов при императоре Феофиле в 30-е годы IX в.

² Очевидно, первое столкновение с воинственными северными варварами произвело на жителей Константинополя сильное впечатление; о необъяснимых для византийцев жестокостях и массовых убийствах свидетельствует и «Житие Игнатия».

³ Ср.: Еф. 5:6.

тельно и вплоть до самого к нам вторжения неведомо¹ — настолько же и нам прибавляется тяжесть позора, и превозносятся торжество посрамлений, и бичи острее наносят боль. Ведь, право же, невыносимую кару представляет собой господство немощнейших и презренных над блистательными славою и неодолимыми по силе, доставляет горе неумолимое и память бедствий делает неизгладимой. Так подверглись мы бичеванию нашими беззакониями, опечалены страстями, унижены прегрешениями и ошеломлены злодеяниями, став поруганием и посрамлением у окружающих². Ибо те, кому некогда казался невыносимым один лишь слух о ромеях³, подняли оружие на саму державу их и потрясали руками, разъяренные, в надежде захватить царственный град, словно гнездо⁴. Ведь они разграбили его окрестности, разорили предместья, свирепо перебили схваченных и безнаказанно окружили весь город — настолько превознесенные и возвеличенные нашей беспомощностью, что жители не смели смотреть на них прямым и бесстрашным взором, но из-за чего приличествовало им тем мужественнее вступить с врагом в схватку, от этого они раскисали и падали духом. Ибо кровавые варварские убийства соотечественников должны возбуждать праведный гнев и требовать, положась на благие надежды, поспешить со справедливым возмездием; но спасшиися, которые должны были отомстить за попавших в беду, струсив и испугавшись, обмякли, воображая в страданиях пленников собственное пленение. Ведь как только внезапный ужас проник в глубины сердца и болезнь воспалилась в язву, поток

¹ Принятая С. Аристархисом конъектура А. Наука $\mu\eta\delta\acute{\epsilon}$ [ὄνομασι] <...> $\gamma\iota\nu\omega\sigma\kappa\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\nu$ «неизвестное [по имени]» едва ли оправдана. Здесь и далее Фотий делает упор не на полную неизвестность напавшего народа, но на его малую известность; поэтому для того, чтобы считать, что русь была совершенно незнакома Фотию и его аудитории, в тексте гомилий нет никаких оснований: напротив, патриарх не только осведомлен о местах обитания руси, но и постоянно говорит о малозначительности в прошлом этого народа как о вещи общеизвестной.

² Пс. 79(78):4.

³ Указание на вероятные контакты нападавших с империей до набега.

⁴ Ср.: Ис. 10:14.

робости словно от какого-то источника и очага сердечной опухоли стал разливаться по всему телу и сделал парализованными члены тех, на кого возложены военные решения¹. Так сделались мы игрушкой варварского племени: угрозу их посчитали неодолимой, замысел — непосрамляемым и натиск — неотразимым. Ибо где гнев Божий, там и рок; и когда Он отвращается, легко прокрадывается погибель, и тот, кого Он предает бичеванию, оказывается разорьем от рук нападающих, и, если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж².

2. Народ незаметный, народ, не бравшийся в расчет³, народ, причисляемый к рабам, безвестный — но получивший имя от похода на нас⁴, неприметный — но ставший значительным, низменный и беспомощный — но взошедший на вершину блеска и богатства⁵; народ, поселившийся где-то да-

¹ В этом замысловатом пассаже Фотий прибегает к медицинской терминологии, чтобы иносказательно обличить паралич военных властей, оказавшихся не в состоянии защитить мирных жителей.

² Пс. 127(126):1.

³ По мнению Манго, в данном контексте *αγαριθμητον ἔθνος* означает не «народ, которому нет счета, бесчисленный», но «народ, с которым не считаются, не берущийся в расчет, маловажный». Ср.: *Euripid. Ion. 837; Euripid. Helena. 1679; Scholia ad Theocr. XIV, 48* [оракул советует жителям Мегары быть οὐτ' ἐν λόγῳ οὐτ' ἐν ἀριθμῷ (Phot. Nom. P. 98, n. 12)].

⁴ Эпитет *ἄγνωστος* употреблен здесь именно в смысле «незнатный, неименитый»; ср.: *Eisagoge. XI, 35*: «Незнатные свидетели пусть подвергаются и пытке, если потребуется» (*Васильевский В. Г. Труды. С. СХХV—СХХVII*). Слова «получил имя от похода на нас» едва ли следует понимать в буквальном смысле как свидетельство того, что само имя руси до этого не было известно в Византии: вспомним хотя бы известное по «Бертинским анналам» посольство к императору Феофилу, отцу Михаила III. Более подходит по контексту смысл «сделался именитым, прославился». Сопоставляя это выражение со словами русской летописи о том, что именно со времен Михаила «нача ся прозывати Русьска земля» (см. ниже: Приложение 1. Повесть временных лет), можно отметить, что и древнерусская традиция связывает выход руси на историческую сцену с походом 860 г.

⁵ Нападавшие отступили, обремененные богатой добычей. Именно это позволило западным источникам (ХВ, послание папы Николая) описывать набег как удачный. Данные слова Фотия позволяют,

леко от нас, варварский, кочующий¹, имеющий дерзость [в качестве] оружия, беспечный, неуправляемый, без военачальника², такую толпой, столь стремительно нахлынул, будто морская волна, на наши пределы и, будто дикий зверь, объел³, как солону или ниву, населяющих эту землю, — о кара, обрушившаяся на нас по попущению! — не щадя ни человека, ни скота, не стесняясь немощи женского пола, не смущаясь нежностью младенцев, не стыдясь седин стариков, не смягчаясь ничем из того, что обычно смущает людей, даже дошедших до озверения, но дерзая пронзять мечом всякий возраст и всякую природу. Можно было видеть младенцев, отторгаемых ими от сосцов и молока, а заодно и от жизни, и их бесхитростный гроб — о горе! — скалы, о которые они разбивались⁴; матерей, рыдающих от горя и закальваемых рядом с новорожденными, судорожно испускающими последний вздох... Печален рассказ, но еще печальнее зрелище, и

кажется, рассеять сомнения исследователей (*Vasiliev A. A. The Russian Attack... P. 55; Phot. Nom. P. 78*), затруднявшихся относить упомянутые сообщения к данному походу, окончившемуся, как известно, гибелью русского флота во время бури.

¹ Эпитет, который, казалось бы, мало подходит для славян; впрочем, в значении «бродячий, не сидящий на одном месте» он вполне мог быть употреблен в отношении руси, в то время резко расширившей зону своей активности и стремительно перемещавшейся по огромным пространствам Восточно-Европейской равнины. Долгое время важнейшим элементом власти русских князей было полюдьё, которое могло восприниматься как постоянное перемещение с места на место, своего рода кочевание; в X в. Константин Багрянородный называет его *у́ра* «кружение».

² Вся фраза выражает мысль о ничтожности нападавших, поэтому и такие эпитеты, как «не имеющий охраны, беспечный, небдительный», следует понимать в смысле полного отсутствия у варварской толпы дисциплины и военного искусства, что должно было подчеркнуть позор поражения для ромеев, гордившихся порядком и организацией.

³ Пс. 80(79):14.

⁴ Убийство младенцев, захваченных во время войны у врагов, практиковалось многими древними народами (ср. известный библейский пример: Пс. 136:9). Об этом обычае славян как о примере их дикости упоминает трактат Псевдо-Кесария середины VI в. (Свод древнейших письменных известий о славянах / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1994. Т. 1. С. 254).

гораздо лучше [о нем] умолчать, чем говорить, и достойно [оно] скорее свершивших, чем претерпевших. Ибо нет, не только человеческую природу настигло их зверство, но и всех бессловесных животных, быков, лошадей, птиц и прочих, попавшихся на пути, пронзала свирепость их; бык лежал рядом с человеком, и дитя и лошадь имели могилу под одной крышей, и женщины и птицы обагрялись кровью друг друга. Все наполнилось мертвыми телами: в реках течение превратилось в кровь; фонтаны и водоемы — одни нельзя было различить, так как скважины их были выровнены трупами, другие являли лишь смутные следы прежнего устройства, а находившееся вокруг них заполняло оставшееся; трупы разлагались на полях, завалили дороги, рощи сделались от них более одичавшими и заброшенными, чем чащобы и пустыри, пещеры были завалены ими, а горы и холмы, ущелья и пропасти ничуть не отличались от переполненных городских кладбищ. Так навалилось сокрушение страдания, и чума войны, носясь повсюду на крыльях наших грехов, разила и уничтожала все оказавшееся на пути.

3. Никто не смог бы выразить словами представшую тогда перед нами иллиаду бедствий¹. И кто, видя все это, не признал бы, что излилась на нас муть из чаши, которую наполнил гнев Господень, вскипевший от наших прегрешений? Кто, старательно обдумывая все это, не пойдет через всю свою жизнь, скорбя и печалясь вплоть до самого заката? О, как нахлынуло тогда все это, и город оказался — еще немного, и я мог бы сказать — завоеван! Ибо тогда легко было стать пленником, но нелегко защитить жителей; было ясно, что во власти противника — претерпеть или не претерпеть [это нам]; тогда спасение города висело на кончиках пальцев врагов, и их благоволением измерялось его состояние; и немногим лучше, скажу я, — скорее же, гораздо тягостнее — было не сдаваться городу, чем давно уже сдать: ведь первое стремительностью испытания, возможно, сделало бы незаметной причину несиюминутного пленения; второе же, затяжкой времени превознося человеколюбие противников — якобы до сих пор

¹ Поговорка (*Corpus paroemiographorum Graecorum*. Т. I. P. 96, 256); ср.: *Theoph. Cont.* V. 98.

[город] не пал из-за их милосердия — и присоединяя к страданию позор снисхождения, мучительней делает взаимное ощущение пленения¹.

Помните ли вы смятение, слезы и вопли, в которые тогда весь город погрузился с совершенным отчаянием? Знакома ли вам та крошечная жуткая ночь, когда круг жизни всех нас закатился вместе с солнечным кругом и светоч жизни нашей погрузился в пучину мрака смерти? Знаком ли вам тот час, невыносимый и горький, когда надвинулись на вас варварские корабли², дыша свирепостью, дикостью и убийством;

¹ Важное место, проливающее некоторый свет на обстоятельства осады, но непростое для перевода. Манго, считая текст испорченным, полагает необходимым либо опустить *оѣло*, либо изменить его на *оѣто*. Он видит здесь указание на неудачный штурм города, после которого осажденным были предложены условия сдачи, так как «русские едва ли стали бы снисходительнее, если бы город не сдался на их милость» («The Russians would hardly have become more compassionate if the city had not submitted to their clemency»). — Phot. Nom. P. 100, n. 23). Но, на мой взгляд, речь здесь идет о другом: осадив город, нападавшие не спешили со штурмом стен (добыча и без того была богатой), но надеялись выторговать выгодный выкуп. В этом и проявлялось их «милосердие», и поэтому Фотий говорит о том, что в руках осаждавших находилась судьба города. Какие-то переговоры велись наверняка, но судить об их содержании на основании свидетельств Фотия не представляется возможным (речь, скорее всего, должна была идти о крупной дани, как это случилось спустя полвека при Олеге).

² Число судов нападавших, согласно источникам, было 200 или 360. У Фотия корабли руси названы *вѣс*. По всей вероятности, в них следует видеть не примитивные однодеревки-моноксилы, а долбленые лодки, засвидетельствованные у славян еще в VII в., а крупные морские лады, снаряжение которых на базе моноксил описывает Константин Багрянородный (9, 84—86 и примеч. 2 на с. 307—308; ср. *Vasiliev A. A. The Russian Attack...* P. 190—191). М. В. Левченко, критикуя Васильева, настаивал, что в данном случае речь идет именно об однодеревках, но при этом допускал, что их размеры «могли быть различны — от маленького челна до крупных ладей» (*Левченко М. В. Фальсификация...* С. 155).

Вместимость русских судов X в. составляла от 40 (ПВЛ под 6415 г.) до 100 человек (Maçoudi. *Les Prairies d'Or* / Ed. C. Barbier de Meynard. Paris, 1864. Т. II. P. 18), что позволяет определить размер войска руси не менее чем в 8 000 воинов. Корабли викингов той же эпохи вмещали до 100 человек. Для сравнения приведем сведения о вместимости

когда тихое и спокойное море раскинулось гладью, предоставляя им удобное и приятное плавание, а на нас, бушуя, вздыбилось волны войны; когда мимо города проплывали они, неся и являя плывущих на них с протянутыми мечами и словно грозя городу смертью от меча; когда иссякла у людей всякая надежда человеческая, и город устремился к единственному божественному прибежищу; когда рассудки объял трепет и мрак, а уши были открыты лишь слухам о том, что варвары ворвались внутрь стен и город взят врагами¹? Ибо неимоверность происшедшего и неожиданность нападения будто подталкивали всех выдумывать и выслушивать подобное, тем более что такое состояние и при других обстоятельствах имеет обыкновение охватывать людей: ведь то, чего они особенно боятся, считают, не разбираясь, уже наступившим, — хотя этого нет, а то, о чем они не подозревают, самоуправной мыслью устремляют прочь, — хотя оно уже настигло их. Воистину, было тогда горе, и плач, и вопль²; каждый сделался тогда неподкупным судьей собственных грехов, не сетующим — дабы избежать обвинения — на

византийских кораблей того времени: 50—100 человек вмещали хеландии (*Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari / Ed. M. De Goeje. Series III. Lugduni Batavorum, 1889—1901. P. 1417. Далее — Tabari*), массивности которых Лиутпранд противопоставлял маневренность русских однодеревков в походе 941 г. (*Liutpr. Antapodosis. V. 15*); еще крупнее были памфил (130—160 человек) и быстроходный дромон (230 гребцов и 70 воинов) (*Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae / Ed. J. J. Reiske. Bonnae, 1830. T. II. P. 664—678*). В Византии высоко ценили русских моряков: среди 50 000 участников грандиозной морской экспедиции против арабов, задуманной Львом VI спустя 50 лет после описываемых здесь событий, отряд из 700 росов упомянут особо, причем платили им по 10 1/3 номисмы на человека, что более чем вчетверо превышало жалование византийских моряков-кивирреотов (*Ibid. P. 651*) (1 номисму условно можно соотнести со стоимостью 150 кг зерна, пары овец или участка в 0,1 га).

¹ Как свидетельствует это место, византийцам не казалось невероятным взятие русью Константинополя — в то время крупнейшего и наиболее укрепленного города Европы. Здесь Фотий, кажется, описывает ночной штурм, предпринятый со стороны моря (с суши стены Константинополя совершенно неприступны).

² Ср.: *Иез. 2:10*.

клевету обвинителей, не требующим внешних улик, не прибегающим к вызову свидетелей для «торжества над злокозненностью»; но каждый, имея прямо перед собою гнев Господень, признал свое преступление, и осознал, что оказался посреди угроз за то, что вел себя безумно вне заповедей, и, испытанием печалей отвлеченный от наслаждений, настроился на жизнь целомудренную, и преобразился [для того, чтобы] исповедоваться Господу стенаниями, исповедоваться слезами, молитвами, просьбами. Ибо способно, способно общее несчастье и ожидаемое переселение [в мир иной] заставить осознать пороки, и прийти в себя, и совершенствоваться к лучшему поступками.

4. Но когда это началось у нас, когда осознание грехов мы поставили сами себе непреклонным судьей и, подсудимые, стали выносить приговор против себя в качестве оправдательного, когда молебнами и гимнами мы стали призывать Божество, когда в сокрушении сердца стали приносить покаяние, когда с простертыми к Богу руками всю ночь зывали к Его человеколюбию, возложив на Него все наши надежды, — тогда искупили мы несчастье, тогда стали получать избавление от обступивших нас бед, тогда увидели угрозу сокрушаемой, и гнев Господень явно стал уноситься от нас; ибо видели мы, как враги отступают, а город, которому они грозили, спасается от опустошительного разграбления.

Тогда... Когда же? Как только, оставшись безо всякой помощи и лишившись поддержки человеческой, мы воспряли душами, возложив упования на Мать Слова и Бога нашего, подвигая Ее уговорить Сына, Ее — умиловать прегрешения, Ее право откровенной речи¹ призывая во спасение, Ее покров обрести стеною неприступною, Ее умоляя сокрушить дерзость варваров, Ее — развеять их надменность, Ее — дать защиту отчаявшемуся народу, заступиться за

¹ Слово *παρρησία* «открытая, безбоязненная речь» относится к специфически греческим социально-этическим категориям. В библейских текстах его обычно переводят как «смелость, открытость, дерзновение» (ср.: Есф. 8:12п; 1 Макк. 4:18; 1 Ин. 2:28; 2 Кор. 3:12). В Византии это слово стало термином, обозначавшим право непосредственного устного обращения к императору, — одна из важнейших привилегий в придворном церемониале.

собственное стадо; и, пронося Ее облачение¹, дабы отбросить осаждающих и охранить осажденных, я и весь город со

¹ Под упоминаемым здесь священным облачением обычно понимается риза или покров (мафорий) Пресвятой Богородицы. О чудесной роли мафория рассказывает и хроника Симеона Логофета, но совершенно иначе, чем Фотий.

Согласно преданию, св. риза была перенесена в Константинополь из Галилеи патрикиями Гальбием и Кандидом в царствование Льва I (457—474) и торжественно положена в храме Богородицы во Влахернах (*Baynes N. H. The Finding of the Virgin's Robe // Mélanges H. Grégoire. Paris, 1949. P. 240—247*). Об этом повествует «Слово о положении ризы Богородицы во Влахернах», которое ранее связывали с событиями 860 г. (Х. М. Лопарев, М. Жюжи), однако в настоящее время создание этого произведения принято относить к VII в. и связывать с аваро-славянской осадой Константинополя 626 г., а его авторство приписывать Феодору Синкеллу [*Лопарев Х. М. Старое свидетельство о положении ризы Богородицы во Влахернах в новом истолковании применительно к нашествию русских на Византию в 860 г. // ВВ. 1895. Т. 2. С. 581—620; Васильевский В. Г. Авары, а не русские, Феодор, а не Георгий: Замечания на статью Х. М. Лопарева // ВВ. 1896. Т. 3. С. 83—95; Wenger A. La légende de Galbios et Candidos // Idem. L'Assomption de la T. S. Vierge dans la tradition byzantine du VIe au Xe siècle: Études et documents. Paris, 1955. P. 293—312 (текст), 113—135 (перевод)*]. К этой святыне не раз обращались во время осад Константинополя, призывая чудесное заступничество Богородицы (*Weyl Carr A. Threads of Authority: The Virgin Mary's Veil in the Middle Ages // Robes and Honor: The Medieval World of Investiture. N. Y., 2001. P. 59—94*). Именно с влахернским мафорием связано знаменитое видение св. Андрея Юродивого, послужившее основой для установления на Руси праздника Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября).

Согласно известиям византийских источников, в Константинополе хранилось несколько священных одеяний Богородицы: наиболее известное из них — мафорий (δμοφόριον «покров») во Влахернах, наряду с которым известна собственно риза (ἑσθής «платье»), хранившаяся вместе с честным поясом в Халкопратийском храме-реликварии ἡ ἀγία Σορός [*Patria Const. III. 147 (с90, ml21)*]. Характерно, что славянские тексты часто не различают ризу и покров (в том числе древнейший перевод хроники Георгия Амартола). И если хроника Симеона Логофета однозначно указывает на влахернский мафорий, то слова, используемые Фотием (στολή «наряд», οκέπη «покров», περιβολή «облачение»), могут относиться и к халкопратийской ризе. Вопрос этот пока не поддается разрешению.

мною¹ усердно предавались мольбам о помощи и творили молебн, на что по несказанному человеколюбию склонилось Божество, вняв откровенному материнскому обращению, и отвратился гнев, и помиловал Господь достояние Свое. Истинно, облачение Матери Божьей — это пресвятое одеяние! Оно окружило стены — и по неизреченному слову враги показали спины; город облачился в него — и как по команде распался вражеский лагерь; обрядился им — и противники лишились тех надежд, в которых витали. Ибо как только облачение Девы обошло стены, варвары, отказавшись от осады, снялись с лагеря, и мы были искуплены от предстоящего плена и удостоились нежданного спасения². Ибо Господь призрел не на грехи наши, но на покаяние, не беззакония наши вспомнил, но увидел сокрушение сердец наших и преклонил ухо Свое³ к исповеданию уст наших. Неожиданным оказалось нашествие врагов — нечаянным явилось и отступление их; безмерным негодование — но выше разумения и милость; невыразим был страх перед ними — презренными стали они в бегстве; Божий гнев они имели причину для набега на нас — Божье человеколюбие нашли мы теснящим их, отражающим их натиск.

5. Не станем же делать человеколюбие поводом к небрежению, не сочтем милосердие призывом к легкомыслию, не распахнем сами себе врат гибели в начале спасения, не рассла-

¹ Фотий ни слова не говорит об императоре, которого едва ли возможно подразумевать в числе прочих горожан («и вы все»). Это позволяет заключить, что Михаила не было в Константинополе до самого снятия осады (*De Boor C. Der Angriff der Rhos auf Byzanz. S. 462—464; Phot. Nom. P. 77, 80*). Иную версию событий излагает семейство хроник Симеона Логофета.

² В качестве причины отступления врагов Фотий не упоминает ни о военном поражении, ни о морской буре, подчеркивая неожиданность и необъяснимость снятия осады. Внешней причиной этого могла быть как весть о возвращении императора (*Bury J. B. A History... P. 421*), так и осознание осаждавшими невозможности взятия хорошо укрепленного города, а возможно, и суеверный страх, охвативший язычников при виде величественной религиозной процессии (*Phot. Nom. P. 77*). Руси уже досталась богатая добыча, и следовало позаботиться о ее сохранении.

³ Пс. 116(114):2.

бимся в милости Его, дабы не случилось несчастья крайнего, худшего прежних, и не навлечь нам на себя бед по примеру иудеев: Увы, народ грешный, народ, полный грехов! Во что вас бить еще, продолжающие беззакония? — по слову Исаяи. — И некуда приложить смягчение, или мазь, или повязки¹. Да не сделаем самих себя, возлюбленные, ответственными за столькие беды, не будем забывать об уговоре, которым обязались мы Богу, когда видели страшную угрозу стоявшей перед глазами нашими. Ведь знаете вы, все знаете, каждый — по научению собственной совести, что сделавший что-то несправедливое обещал в тот момент Богу больше не делать этого, предавший тело разврату — в ненависти к страсти добровольно явил исповедание целомудрия, и даже проводящий время в пьянстве — протрезвел и обещал впредь вести трезвый образ жизни; иной, имея сердце жестокое и бесчеловечное, стал само милосердие, испрашивая милости от Бога зарюком милосердия к ближнему; и для друзей завистник, язва для подчиненных, палач для рабов, а для свободных тиран — одержимый плачем и терзаниями, укротил и переменял дикость нравов. Высокомерных можно было видеть смиренными, а роскошествовавших — постыющимися; у тех, чья жизнь проходила в смехе и игрищах, ланиты были залиты потоками слез; кого заботило, как бы добыть для себя денежное состояние, — те сделались товарищами бедных, презирая недуг сребролюбия; короче говоря, те, кто хлопотал о своем пороке, с великим старанием избавлялись и отстранялись от него, и каждый, проводивший жизнь в нерадении и легкомыслии, руками и ногами и всеми силами являл призыв к добродетели и желал и обещался в дальнейшем чисто и неукоснительно следовать стезею оговоренного. Пусть никто из нас не забудет об этом, пусть никто не осквернит забвением столь важные обеты — ибо забвение их способно навлечь гнев Божий. И ведь именно при таких наших исповеданиях и получили мы ручательство Матери Слова и Бога нашего перед Ним, и коснулось нас, избавив от пленения, исходящее от Него человеколюбие; ими расчистив и засеяв сердца наши, мы пожали плоды покаяния; так, сделавшись

¹ Ис. 1:4—6.

лучше в помыслах, избавились мы от бедствий. Утвердив такие основания будущего поведения, не станем нагромождать древесину, траву и солому — материал, податливый греху и истощающий нагруженных, — но воздвигнем золото и серебро¹, искренность и чистоту дел, в которых не посеяно яда порока, дабы стало для нас это стеною несокрушимою в прибежище и святыней неприкосновенною во время мятежей искушений; да не отклонимся вспять, дабы не было суждено нам явиться негодными в Царствии Небесном², дабы не оказалось, что по делам нашим минувшие несчастья преследуют нас и остаются с нами. Пусть каждый от всего сердца своего³ отвратится от своих дурных дел, взвесив и исследовав самого себя: какое из деяний его может так огорчить Бога, чтобы повлечь за собой столь великий гнев? Какое несет такую чрезмерность порока, чтобы вызвать столькие угрозы? За какими из дел последовало негодование Его на нас — и какие способствовали тому, чтобы осенило нас облако человеколюбия Его; откуда взялось наказание — и как отражен удар; откуда нанесена нам рана — и какими прижиганиями мы уврачеваны? Ибо если зададимся мы этими вопросами, и станем так внимательны к себе, и сделаем все это предметом заботы — знаю, еще щедрее расточал бы Господь милость Свою, ибо близок ко всем призывающим Его в истине, и желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их⁴, и щит Он для всех, уповающих на Него⁵. Если же мы прилепимся — не дай Бог! — к прежним грехам своим (но ведь не может же, не может кто-либо среди нас быть настолько бесчувственным и неисправимым, чтобы не внять столь великому и обильному Богом ниспосланному негодованию!), если и впрямь осквернимся теми же самыми страстями и погрязнем в тине наслаждений, и не умолим происшедшее упорством раскаяния, и не сделаем минувшие горести стражею будущей жизни — ох! в какую погибель ввергаем мы себя вновь, каких несча-

¹ 1 Кор. 3:12.

² Ср.: Лк. 9:62.

³ Ср. Иоил. 2:12.

⁴ Пс. 145(144):18—19.

⁵ Пс. 18(17):31.

ствий роем яму¹, каких бедствий возбуждаем бурю, злобствуя против самих себя! Ибо сказано: если не обратитесь, Он изощрит Свой меч, Он напряг лук Свой, и направил его, и приготовил для него сосуды смерти²; и дождем прольет Он на нечестивых погибель, огонь и серу, и палящий ветер — доля из чаши Его³, и огонь, и град, голод и смерть, меч и бич — все это уготовано для нечестивых⁴. Не нужно нам чужих примеров для собственного вразумления: самих себя следует нам взять для своего исправления и наставления, наше страдание — упреждающим будущее лекарством нашим. Ибо когда мы, привыкшие к грубому и сладострастному времяпрепровождению, отступились от привычного образа жизни, не говоря о прочем, тогда увидели, что гнев Господень уносится от нас, как градовая туча во время сбора плодов⁵.

Сокрушение остановлено покаянием — не станем возбуждать его небрежением; угашен гнев Его потоками слез наших — не станем вновь распалять его клочкотанием несдержанного смеха и неумностью театральных забав; меч, против нас наточенный, отведен, уступив мольбам и просьбам, — не станем вновь изощрять его, предаваясь сонливости, пьянству и заботе о ненасытном чреве; Бог услышал стенание сердца нашего и вопль его — и не пренебрег; не престанем же поступать так, чтобы всегда помогало нам человеколюбие Божие. Дурно пьянство, дурно прелюбодейание, дурно совершать беззаконие, дурно братоненавистничество, гнев против ближнего, презрение, убийство, зависть, дурно легкомыслие и нерадение — да избежим этого всеми силами, возлюбленные! Страдания общие у правителей, богатых, бедных, для мужчин и женщин — пусть же станет общим и исправление. То, что воспламеняет гнев Божий, что умножает угрозу, оттесняет, человеколюбие, и готовит унижение от врагов, и делает чрезмерной вражду против

¹ Ср.: Ис. 51:6.

² Пс. 7:13—14 (в русском каноническом переводе все глаголы в настоящем времени).

³ Пс. 11(10):6.

⁴ Ср.: Сир. 39:29; 40:9.

⁵ Ср.: Ис. 30:30.

нас, — того будем гнушаться и отвратим от души, дабы не удостоились мы отвращения от Бога.

6. Ибо и древний Израиль, когда изобличался, охваченный страстями, тогда предавался лезвию меча — и это Израиль, не какое-то там племя, не презренный народ, но тот, что прославлен как удел наследия¹ и благословен как народ избранный², который за грехи бичевался врагами, а исправившись — побеждал их и усиливался; и заботясь о соблюдении заповедей, он добывал оружием чужое, радуясь сам невзгодам других, а пренебрегая законом — сам, уводимый в плен, увидел, как враги распределяют его собственное и поют и пляшут в честь бога войны. И это весьма мудро и справедливо; ибо следует народу, возлюбленному и преданному Богу, не полагаться на крепость рук, не гордиться силою мышцы, не искать опоры в военном снаряжении, но убедиться, что подчиняет и одолевает поднявшихся на него с помощью Сильнейшего, и осознать, что она сопутствует лучшим из деяний и приходит туда, где обилие добродетелей. И если кто соскользнет [с пути] добра и благодеяния, совершенно неизбежно ускользнет от него и помощь Божия; если же украсил жизнь благими делами и пребывает облаченным в доспехи добродетели — имеет союзницей неодолимую помощь против врагов. Но если народ Божий и господствует, и одерживает победы над противниками исходящей от Него поддержкой, то прочие народы, у которых ошибочное понятие о Божестве, не своими собственными благодеяниями, но нашими дурными делами умножают силу и ими против нас укрепляются и возвеличиваются; ибо они, словно бичи, насылаются на нас, а наши прегрешения становятся материалом, [из которого сделаны] эти бичи, и постольку вручается им над нами власть, поскольку мы сами себя победим хитростями страстей и из-за потакания и уступок злу покинем тот строй, в который построил нас спасительный и Божественный закон. Итак, если, исправляясь, мы предадимся Богу и господству над страстями, будет сопутствовать у нас господство над врагами, а греша —

¹ Пс. 105(104):11.

² Исх. 19:5.

получим за отвращение от Бога взыскание и падение, покоренные врагами, — разве можно не избегать и не гнущаться этого, не устремляться к подвигам добродетели, и процветать в них, и постоянно преумножать жизнь? Как дерзнул бы кто-нибудь осилить врагов, когда пригрел он в себе противников и мятежи, опустошающие его, когда безрассудный гнев правит самодержавным рассудком и склоняет к убийству ближнего, быть может, ни в чем не виновного? Как стремишься ты одолеть врагов победою, когда сладость вожделения, захватив покоренным самовластный рассудок, влечет его и увлекает, вода за собой, словно раба, куда ни прикажет страсть? Разве тем, кто так губим и обращаем в рабство, последует награда победы над врагами? Невозможно, совершенно невозможно, чтобы опутанный и поработанный врагами внутренними и продавший себя страстям смог возобладать над врагами внешними. Действительно, когда мы хотим уничтожить этих последних, гораздо ранее стараемся подчинить врагов, которые внутри, расправляемся с их распрями и соперничеством. Да будет рассудок самовластен от страстей — и тогда в нашей власти окажутся противники, которым легко снаружи наносить удары и раны. Ибо если тот рассудок, который получил от Бога самодержавным, ты, предав наслаждениям, подчинил бы им, будто раба, как мог бы ты желать возобладать над врагами, нападшими извне? Как захватишь ты добычу у неприятелей, когда под боком у тебя восстания и заговоры захватили твой ум? Стряхнем же прежде с рассудка шелуху родных нам [врагов] и тогда с легкостью унесем добычею силу иноплеменных. Разве не видишь, что и Израиль, когда господствовал над страстями, господствовал и над врагами — ибо Бог был ему полководцем; когда же рабствовал греху, тогда и врагам был предаваем — ибо покидала его помогавшая в бою Божественная сила? Угождая Богу через Моисея, вырвался он из страшных и тяжких рук египтян, и не только: даже бушующее море обратилось для них сверх разумения в ровную дорогу, а для преследовавших египтян — самих лошадей, самих колесниц, самого фараона —

разверзлось вечной могилою, чудесно устроив погибель¹, в то время как возлюбленный народ Божий возрадовался, и возликовал, и грянул в радости за исход победную песнь Богу — Полководцу победоносному. Но когда они же опять совлеклись, захваченные ропотом, и помимо приказаний Божьих устроили приготовления к войне, и возгордились до того, что упование на бой предпочли Божественным установлениям — разбитые наголову, потерпели поражение, собственным прегрешением возвеличив силу противников и превознеся славу их. Ведомые же снова в бой Законом Божьим и послушные речам Моисея, разрушили они многие города врагов, многими рабами завладели, большую добычу захватили и наполнились великой радостью и весельем. И продолжалась бы у них победная радость и ликование, если бы неблагодарностью не навлекли они сами на себя полчища змей² — поскольку не оказалось народа, который бы с помощью меча насытил и явил собою справедливое негодование Божие за неблагодарность. Так бичуется народ грешников — мечами ли врагов пожинаяемый, зубами ли зверей пожираемый, волнением ли земли и сильной бурей наказуемый, или небесными грозами испепеляемый, или бедствующий от неурожая плодов, или гибнущий от пагубы воздуха. И без труда найдется способ наказания, соответствующий виду прегрешения; и избежавший этого наткнулся на то, а если и то миновал — попался иному, и живущий незаконно и подвергнутый взысканию не сможет убежать от наказания. Так нужно ли мне перечислять прочее про Израиль — победы над врагами, когда он вразумлялся, неожиданные поражения, когда вновь терял разум, пленение, возвращение, ниспровержение, снова восстановление, само разрушение Иерусалима и его воссоздание вновь, — из чего все доброе процветало от добрых дел, несчастья же были расплатою за пороки? Действительно, возлюбленные, имея то, что древле предуказано было против Израиля, случившимся с самими нами во исправление нас, возненавидим грех и предадимся добродетели, бежим от этих

¹ Исх. 14:21 сл.

² Чис. 21:6.

вошедших в привычку и губящих душу пороков — пьянства, разврата, зависти, клеветы, корыстолюбия, несправедливости, бахвальства, братоненавистничества — и их порождений, чтобы удалось нам стать в войнах победоносными и не пройти мимо наследия небесного!

7. Но, так как избавились мы от угрозы, и избежали меча, и губитель миновал нас¹, осененных и ознаменованных покровом Матери Слова, воздадим все сообща вместе с Нею рожденному от Нее Христу Богу нашему благодарственную песнь — всякий дом, который избежал меча, всякий возраст, жены, дети, юноши и старцы! Ибо те, над кем нависала общая гибель, должны исполнить и общий гимн, предназначенный Богу и Матери Его. Общей вкусили мы свободы, общую принесем благодарность. Скажем же Матери Слова в помыслах искренних и в чистоте душевной: «Храним непоколебимо веру и любовь к Тебе — спаси Сама град Твой, как умеешь, как пожелаешь; мы выставили Тебя оружием, и стеною, и щитом, и самим полководцем — заступись Сама за народ Твой; мы постараемся, сколько хватит сил, предать Тебе чистые сердца, выгацив самих себя из грязи страстей, — развей Сама замыслы насупивших на нас брови! Ибо, если мы в чем-то отклоняемся от указанного нам, в Твоей власти исправить это, в Твоей власти подать руку коленопреклоненным и поднять павших». Скажем же это Деве — и не станем обманывать, дабы не обмануться в наших добрых надеждах, дабы не отклониться нам от ожидаемого, дабы, преодолев качку, волнение и морскую болезнь бед этой жизни, войти нам в гавань спасения нашего и удостоиться славы небесной, по милости и человеколюбию Христа, истинного Бога нашего, коему надлежит вся слава, честь и поклонение со Отцем и Святым Духом — Единосущной и Живоначальной Троице — ныне и присно и во веки. Аминь!

¹ Ср.: Исх. 12:23.

НИКИТА ДАВИД ПАФЛАГОН

Никита Давид, прозванный Философом, или иногда Ритором, нередко (но безусловно!) идентифицируется с Никитой Пафлагоном, ибо родился около 885 г. в Пафлагонии. Образование получил в Константинополе у виднейшего деятеля византийской культуры Арефы Кесарийского. Никита очень рано сам стал преподавать: в рукописных заглавиях он нередко именуется «схоластиком». Участие в церковной полемике на стороне Арефы Кесарийского и последующая за этим немилость властей вынудили Никиту уйти в монастырь, где он принимает монашеское имя Давид. Но в 910 г. он покидает обитель.

Среди произведений Никиты Давида самым известным является Житие патриарха Игнатия. Оно составлено после 906 г. и имеет антифотианскую направленность. В нем содержится и описание осады Константинополя и разграбления его окрестностей «народом Рос» — «запятнанным убийствами более, чем кто-либо из скифов» (21, 14—19).

Однако ряд ученых считает, что Никита Давид, епископ Дадибры, и автор Жития Никита Пафлагон, не являются одним и тем же лицом, полагая тем самым, что Житие и другие указанные произведения являются сочинениями двух разных авторов.

Кроме того, Никита Давид — автор жизнеописаний различных святых (в т. ч. Мученичества св. Георгия), комментариев к Григорию Богослову, писем, речей, богословских трактатов и др.

В риторическом произведении, сохранившемся под именем Никиты Философа Давида, посвященном св. Андрею, автором создается классический, по византийским меркам, образ учителя-просветителя. Этот текст имеет очень важное значение и для отечественной истории, ибо запечатлевает образ Андрея Первозванного — первоучителя восточноевропейских народов. Он обошел весь «северный край», просве-

щая язычников, «охватив Евангелием» все области севера и все побережье Понта. На этой основе позже родилась версия о пребывании апостола Андрея на территории будущей Киевской Руси.

Перу Никиты принадлежат и речи. В одной из речей конца IX в. Никита говорит, что в Амастриду стекаются как на общий рынок скифы, населяющие как северные берега Эвксина (Черного моря), так и южные. Эти «скифы» обычно идентифицируются с русскими купцами, так что данное свидетельство является древнейшим упоминанием торговых контактов русских с Византией.

Изд.: Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca. T. 105. Col. 15—488; Smithies A. Nicetas Paphlago's Life of Ignatius. Diss. Buffalo, 1988.

Лит.: Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1913. Т. 2. С. 213—295; Les actes apocryphes des apôtres. Christianisme et monde païen. Genève, 1978. Vol. 1—2; Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus'. München, 1982; Dvornik F. The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew. Cambridge, 1958; История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 226—228; Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantine et les Russes au IXe siècle // Bulletin d'information et coordination. Paris; Athènes, 1971. Vol. 5. P. 64; Vogt A. Deux discours inédits de Nicéas de Paphlagonie. Rome, 1931; Beck H.-G. Kirche und Theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1977. S. 548—549; Латышев В. Ad Nicetae Paphlagonis laudationes Apostolorum // Известия Российской Имп. Академии наук. СПб., 1916. С. 1505—1522; Он же. Hagiographica graeca inedita. СПб., 1914. С. 53—65; Jenkins R. J. H. A note on Necetas David Paphlago and the «Vita Ignatii» // Dumbarton Oaks Papers. 1965. Vol. 19. P. 241—247. Виноградов А. Ю. Деяния апостола Андрея. М., 2004.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ

[Похвала] святому и всеславному апостолу Андрею.

Так вот великий апостол, обойдя северный край, воздвиг горы Сионские. Ибо где бы ни оставался след правоты и частица разумной души и мысли, [все], видя человека, настолько превосходившего их яркостью речи и совершенством жизни, насколько они превосходили зверей и скот, как они полагали, ему же, совершенно уступая в доблести, вручали свои умы и шли за провозглашаемым им огнем; и, просвещенные словом благодати и очищенные водой возрождения и усовершенствованные Духом усыновления, они приобщали себя к Пресвятому в святых Церквах.

Но не без крови вводилось у них великое таинство веры. Подобно тому, как Учитель и Господь скрепил свой завет кровью, так и славнейший ученик должен был не голыми словами только провозглашать спасение Божье, но и собственной кровью укрепить его наследие. Ведь невозможно было всех целиком склонить к истине, и подобно тому, как Иудея раньше простерла руку на Христа, так и против Андрея была настроена Скифия — и низвергающий гнев царей, и губительные порывы владык, и дикий приступ толп, и оковы, и, следовательно, бичи, и вытягивание и раздирание членов. Увы — и дубины, и камни, и мечи — все, что попадалось под руки нечестивых убийц, становилось орудием, обрушивавшимся на славную голову. Готовая жертва, с готовностью приносимая за жертвующих! И как долг перед Тем, Кто раньше за него [самого] был принесен в жертву, он пролил собственную кровь, и — о, подражание Богу! — за убивающих [жертву] принял искупление.

А что же великий Иерарх? Он благосклонно принял жертву и вдохнул, [словно] запах благовония, совершенство поступка, вновь возведя целое и невредимое то святилище разума и сохранив его еще для большей славы и состязаний. Так и великий Андрей, пройдя через противников, был распят, как и Христос, во всем одержав победу через любовь к Нему.

Итак, все области севера и все побережье Понта с помощью силы слова мудрости и рассудка, силы знаков и знамений охватив Евангелием, повсюду возведя алтари, храмы и поставив верующим священников, пришел в прославленный Византий.

РЕЧЬ

В это время¹ запятнанный убийством более, чем кто-либо из скифов, народ, называемый Рос, по Эвксинскому Понту придя к Стенону² и разорив все селения, все монастыри, теперь уж совершал набеги на находящиеся вблизи Византия³ острова, грабя все [драгоценные] сосуды и сокровища, а захватив людей, всех их убивал. Кроме того, в варварском порыве учинив набеги на патриаршие монастыри, они в гневе захватывали все, что ни находили, и схватив там двадцать два благороднейших жителя, на одной корме корабля всех перерубили секирами (21, 14—19).

О, Амастрида, око Пафлагонии, а лучше сказать — почти всей вселенной! В нее стекаются, как на общий рынок, скифы, как населяющие северные берега Эвксина, так и живущие южнее. Они привозят сюда свои и забирают амастридские товары.

ЖИТИЕ, ИЛИ ПОДВИГИ, ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО ИГНАТИЯ, АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО (перевод и комментарии П. В. Кузенкова)

(Посольство от Михаила и Фотия к папе Николаю; папа отправляет в Константинополь своих представителей).

¹ Первые годы X в.

² Пролив у Константинополя.

³ Т. е. Константинополь.

Тем временем стратотерпец¹ возвращается из ссылки, шесть месяцев проведя на Митилине², а затем по решению властей направляется на Теревинф³, не столько ради чести, сколько ради бесчестия, не для отдохновения и утешения, но

¹ Игнатий (ок. 798 — 23 ноября 877), патриарх Константинопольский в 847—858 и 867—877 гг. В миру Никита, младший сын императора Михаила I Рангаве (811—813) и августы Прокопии, дочери императора Никифора I (802—811). После переворота Льва Армяннина (813) юный Никита был оскoплен и сослан вместе с братом на о-в Плати в Мраморном море, где и жил, приняв постриг с именем Игнатия. Пользуясь огромным уважением со стороны императрицы Феодоры, Игнатий в 847 г. стал патриархом (на соборе 859/861 г. его поставление было объявлено неканоничным, поскольку оно было совершено по указке властей). Поддерживая Феодору в борьбе против ее брата, Игнатий пошел на открытый конфликт с захватившим в 856 г. власть Вардой и торжественно отлучил его (январь 858 г.). Вскоре, после неудавшегося покушения на Варду и ссылки Феодоры, патриарх был арестован (по политическому делу самозванца Гивона), выслан в свой монастырь на о-в Теревинф. Стараниями Варды патриархом стал Фотий, который был признан епископами, поддерживавшими Игнатия, лишь после обещания уважать и слушаться своего опального предшественника как отца, уже в начале 859 г. власти начинают гонения на сторонников Игнатия; пять епископов-игнатиан, собравшись в храме св. Ирины, низложили Фотия, а Игнатий, в свою очередь, был отлучен собором в храме Двенадцати апостолов (март? — см.: Regestes... P. 98—99. № 461) и в начале августа 859 г. сослан на о-в Митилину (Лесбос). Через шесть месяцев (в феврале 860 г.) Игнатий был отпущен на Теревинф; там его и застал набег руси (см.: *Bury J. B. A History...* P. 191, n. 3; *Janin R. Le Patriarche Ignace // Dictionnaire de Théologie Catholique. Paris, 1927. T. VII. P. 713—722; Васильев А. А. Византия и арабы. С. 149—150; Vasiliev A. Byzance et les Arabes. P. 429—430; Idem. The Russian Attack... P. 145).*

² Митилина (Μιτυλίνη) — главный город на о-ве Лесбос, по имени которого часто называли и сам остров.

³ Теревинф (Τερέβινθος) — один из малых островов Принцева архипелага, в двух милях к востоку от о-ва Принкипо (ныне о-в Андеровитос), где находился монастырь, основанный и управлявшийся Игнатием; до основания монастыря Сатира на противоположном, малоазиатском берегу Теревинф был любимым местом Игнатия (см.: *Pargoire J. Les monastères de S. Ignace et les cinq plus petits îlots de l'Archipel des Princes // ИРАИК. 1901. Т. 7/1. С. 56, 64).*

для угнетения и еще большей обиды¹. Ибо враг зло обошелся с ним, и скольким угнетениям подверг его, угождая Фотию и властям, друнгарий царского флота² Никита по прозвищу Орифа³, какие слова способны описать? Какие [слова] подробно поведают о тех нападках, издевательствах, пакостях и побоях, которые тот учинял запятанной рукою против челяди блаженного?

Случилась со святым мужем и другая беда. Ибо в то время⁴ кровожаднейшее скифское племя⁵, так называемые росы, че-

¹ Выше в житии сказано, что в оправдательном письме к папе Николаю Фотий утверждал, что Игнатий, якобы оставивший престол по болезни, живет на своем острове в монастыре, окруженный почетом и уважением (Col. 516B).

² Друнгарий флота (δρουγγάριος τοῦ πλοῖμου) — командующий императорской флотилией, базировавшейся в Константинополе (в отличие от военно-морских сил в провинциях). Эта должность, впервые засвидетельствованная в «Тактиконе Успенского» (842/43 г.), появилась, возможно, в начале IX в., а к концу IX — началу X вв. с ростом значения флота стала одной из высших военных должностей в империи (см.: *Ahweiler H. Byzance et la mer. P. 73—76; Kazhdan A. Droungarios tou Ploimou // Oxford Dictionary of Byzantium. Washington; N. Y.; Oxford, 1991. Vol. I. P. 663—664.*

³ Никита Ориф (Оориф).

⁴ Контекст жития заставляет относить это событие к 859—861 гг., что и делали историки XVIII в. [см.: *Varonii Annales Ecclesiastici una cum critica A. Pagii. Lucae. 1759. T. XIV. P. 554 (VII); Assemani J. S. Kalendaria Ecclesiae Universae. T. I. P. 240—243; T. II. P. 160—161, 231—232; T. IV. P. 9]. В период господства более поздней датировки похода руси (865 г. — на основании русских летописей и Псевдо-Симеона) одни ученые уличали автора жития в ошибке, другие сочли возможным отнести рассказ жития к какому-то более раннему набегу руси на земли империи, и лишь немногие отстаивали раннюю датировку. После публикации БХ, где нападение датировано 18 июня 860 г., ранняя датировка в согласии с житием блестяще подтвердилась.*

⁵ О том, что Никита Давид хорошо был знаком с нападавшими, свидетельствует другое его произведение, «Похвала св. Иакинфу Амастридскому». В этом своеобразном энкомии Амастриде, одному из центров Пафлагонии — родины Никиты, говорится о «скифах с северных берегов Эвксинского Понта, стекающих сюда по торговым делам» (PG. T. 105. Col. 421. См. Речь.).

рез Эвксинский Понт подступив к Проливу¹ и разграбив все усадьбы и все монастыри, напали к тому же и на соседние с Византием острова, забирая всю утварь и деньги, а взятых в плен людей всех убивая. Напав среди прочих с варварским пылом и яростью и на монастыри патриарха², они похитили все найденное имущество и, схватив двадцать два человека из ближайшей к нему челяди, изрубили их всех топорами на одном из трохантиров³ судна. А тот, услышав об этих бедах, все время твердил одни лишь такие слова: «Господь дал, Господь и взял; как Господу угодно, так и случилось» и тому подобное; так благодаря Бога и обращаясь к Нему в непрерывных молитвах, он взывал к Его суду и помощи, а всякое

¹ Маршрут русского флота (из Черного моря в Босфор) соответствует событиям 860 г., но об осаде Константинополя ничего не говорится. Это вполне объясняется сюжетной канвой повествования Никиты Давида: упоминание о столице, где сидели главные враги его героя, едва ли было бы здесь уместным.

² Игнатий основал на островах Принцева архипелага (Плати, Ятресе и Теревинфе) несколько монастырей.

³ Точное значение этого технического термина не ясно; словарь Исихия Александрийского (V—VI вв.) толкует трохантиры как «часть кормы судна у рулевых весел» (Hesych. Lexicon, «τ» 1523), а морской глоссарий «Ναυραχικά» Василия Паракимомена (X в.) говорит, что это устройство находилось на корме и имело отношение к парусам. По всей вероятности, так называлось некое подобие вертикальной лебедки (кабестана), на что указывает этимология (от τροχός «колесо, ворот» и ἀντίρρις «противолежащий» — «вертеть, стоя друг против друга»; ср. анатомическое значение этого же слова: «вертел» — пара вышуклоостей у основания головки большой берцовой кости, к которым крепятся двигающие ногу мышцы). Наличие на кораблях руси подобного механизма (и не одного) указывает на их значительные размеры и сложную конструкцию, на что обратила внимание Элен Арвейлер в своем докладе на XIII Международном конгрессе историков (М., 1970) [см.: *Ahrweiler H. Exposé communiqué à la «Journée byzantine» du XIIIe Congrès International des Études historiques (Moscou, 22 août 1970); Tinnefeld F. «Der furchtbare Blitzschlag»... S. 247]. Трохантиры известны и как орудия пытки, упоминаемые в IV книге Маккавеев (4 Макк. 8:13), — этим, возможно, объясняется столь необычная казнь: у несчастных жертв могли выпытывать, к примеру, местонахождение сокровищ, укрытых в монастыре.*

спасение со стороны тех, кто почитался за властителей, считал тщетным.

(Власти изумляются спасению Игнатия и сожалеют о том, что он не попал в руки варваров и не был убит вместе со своими слугами).

⟨...⟩ (Фотий переманивает бывших сторонников Игнатия, в том числе некоего Дима, который был поставлен во главе монастырей Пропонтиды, а затем на митрополию Иераполя; стремясь оправдать доверие, тот возмущается, почему Фотий терпит самоуправство Игнатия).

Ибо посреди острова Плати¹ стоит храм Сорока мучеников [Севастийских], а к нему принадлежит часовня Богоматери. Ее престол недавно опрокинули на землю росы, разорвавшие остров, Игнатий же заново восстановил его².

(Собор с участием Фотия осуждает действия Игнатия как незаконные, прибывший на остров синклитик Панталеон Вовфр разрушает восстановленный престол).

¹ Один из пяти малых островов Принцева архипелага в Мраморном море, где Игнатий в юности жил в ссылке и принял постриг.

² В мае — августе 861 г. Игнатий, скрывавшийся от преследований властей на Принцевых островах, восстановил разоренную часовню Богородицы при храме сорока мучеников Севастийских на о-ве Плати. Поскольку после низложения и осуждения он не имел права освящать св. престол (это прерогатива правящего епископа), собор под председательством Фотия осудил его действия как неканонические (см.: Regestes... P. 109. № 475).

КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ

Значительное число исторических и литературных памятников X в. в той или иной степени связаны с именем императора Константина VII Багрянородного (905—959 гг.), номинально ставшего правителем в 913 г. после смерти в 912 г. своего отца Льва VI и принявшего после него власть Александра (912—913). Но период самостоятельного правления Константина Багрянородного начался лишь в 945 г. после длительного периода, когда властью в государстве распоряжались регенты, один из которых, Роман Лакапин, стал полновластным императором в 920 г. Для одних дошедших до нас произведений император был вдохновителем и инициатором исторических сочинений, в других случаях, вероятно, «редактором», в третьих имя Константина претендует на авторство. Фигура просвещенного монарха, каким традиционно представляется Константин Багрянородный, во многом определила характер и особенности так называемого «македонского ренессанса» конца IX—X вв. Василевс покровительствовал Магнаврской школе, которую в наше время ученые поспешили назвать университетом; он задумал и осуществил ряд проектов энциклопедического характера.

Эти проекты были связаны с задачей систематизации накопившегося к середине X в. знания — в области права (юридический свод «Василики»), языкового наследия (лексикон «Суда»), сельскохозяйственного опыта («Геопоники»), военных навыков (различные «Тактики»), агиографии («Менологий» Симеона Литофраста). Эти своды определили лик эпохи «византийского энциклопедизма», непосредственно связанной с именем и образом Константина Багрянородного, хотя в ряде случаев его участие в подготовке тех или иных памятников было номинальным и даже легендарным.

Самым объемным трудом историографического характера, дошедшим под именем Константина, стали сборники экцеритов из античных и ранневизантийских памятников, объе-

диненные тематически в 53 раздела и представляющие собой не только литературно-антикварный интерес, но и практическую ценность. До нас дошла лишь часть собраний эксцеритов — «О посольствах», «О добродетели и пороке», «О заговорах против василевсов», «О полководческом искусстве» и др. В них использован богатый историографический материал, причем ряд текстов, например, таких авторов, как Евнапий, Приск, Малх, Петр Патрикий, Менандр, стал известен лишь благодаря компендиуму Константина Багрянородного. На примерах текстов цитируемых памятников раскрываются не только военно-исторические или дипломатические проблемы, но и вопросы идеологии и морали: так, например, выдержки из «Истории» Диона Кассия занимают значительную часть сборника «О добродетели и пороке».

Задачами классификации и систематизации определен и характер трактата Константин Багрянородного «О фемах», где на материалах текстов древних исторических и литературно-географических памятников излагается происхождение и структура византийских административно-территориальных округов. Наряду с данными, уходящими в далекое прошлое, в произведении встречаются и сведения, современные эпохе составления трактата.

Авторству Константина традиция приписывает и сочинение «Жизнеописание императора Василия I» — деда багрянородного василевса. Этот памятник дошел в составе Хроники Продолжателя Феофана в виде ее пятой книги. Под именем Константина Багрянородного сохранились и другие сочинения — проповедь, речь на перенесение мощей св. Иоанна Златоуста, Послание на перенесение останков Григория Назианзина, литургические стихи, письма, обращения к войску и др.

Как справочно-энциклопедический, так и историко-дидактический характер носят и основные сочинения Константина Багрянородного, известные под условными (как и авторство!) названиями «Об управлении империей», «О церемониях византийского двора», а также три воинских трактата. Константин был современником многочисленных важнейших событий международной политики первой половины

X в., таких как поход князя Олега на Византию и поход князя Игоря, следствием чего стали первые русско-византийские договоры, известные по «Повести временных лет», а также войн и соглашений с Болгарией эпохи царя Симеона, войн с арабским халифатом с последующим освобождением армянских и иверийских земель от власти ислама и удалением византийских восточных границ к долинам Тигра и Евфрата. Среди дипломатических акций эпохи правления Константина Багрянородного важное место заняла русская политика, увенчавшаяся приемом в Константинополе посольства княгини Ольги. Многие из пережитых Константином событий в той или иной степени получили отражение в сохранившихся под его именем произведениях.

Изд.: Excerpta historica iussu imperatoris Constantini Porphyrogeniti confecta / Ed. U. Ph. Boisevain, C. De Boor, Th. Buttner-Wobst. Berolini, 1903—1910. Vol. 1—4; Costantino Porfirogenito. De Thematibus / Ed. A. Pertusi. Città del Vaticano, 1952; Theophanes Continuatus Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus, rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1838. P. 211—353; *Wescher C.* Poliorcétique des Grecs. Paris, 1867. P. 195—274; *Darrouzès J.* Epistoliers byzantins du Xe siècle. Paris, 1960. P. 317—322.

Лит.: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1983. Bd. I. S. 356—390; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 360—367; *Dain A.* L'encyclopédisme de Constantin Porphyrogénète // *Lettres d'humanité*, 1953. T. 12. P. 64—81; *Lemerle P.* Le première humanisme byzantin. Paris, 1971; *Idem.* L'encyclopédisme à Byzance à l'apogée de l'empire et particulièrement sous Constantin VII Porphyrogénète // *Cahiers d'histoire mondiale*. 1966. Vol. 9. P. 596—616; *Toynbee A.* Constantine Porphyrogenitus and his World. London; New York; Toronto, 1973; *Ševcenko I.* Re-reading Constantine Porphyrogenitus // *Byzantine Diplomacy*. Aldershot, 1992. S. 167—195; *Шевченко И. И.* Перечитывая Константина Багрянородного // *Византийский временник*. 1993. Т. 54. С. 6—38; *Семеновкер Б. А.* Библиографические памятники Византии. М., 1995; *Wosniak F.* The Nature of Byzantine Foreign Policy towards Kievan Russia in the First Half of the 10th C.

London, 1973; *Бибиков М. В.* Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 94—98.

ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМПЕРИЕЙ

Важнейшее с историографической точки зрения сочинение, сохранившееся под именем Константина Багрянородного, со времен первого издания в 1611 г. условно называется «Об управлении империей», хотя единственная рукопись византийского времени, сохранившая текст (Cod. Paris. gr. 2009 XI в.), имеет распространенную лемму «Константина, во Христе, Царе вечном, василевса ромеев, к сыну своему Роману, боговенчанному и багрянородному василевсу». Таким образом, трактат представляет собой обращение к сыну — будущему императору Роману II (правил с 959 по 963 гг.). Наставление, в котором Константин рассматривает систему взаимоотношений империи с окружавшими ее народами с точки зрения политической выгоды для Византии, определяет способ подчинения каждого из этих народов и предупреждает о возможных претензиях «варваров» к Византии, а также дает представление о происхождении, обычаях, природных условиях жизни интересующих империю народов.

Вся часть сочинения Константина Багрянородного от гл. 1.16 до гл. 13.11, за исключением гл. 9, представляет собой изложение практики византийской дипломатии по отношению к северным соседям империи — печенегам, узам, казарам, аланам, росам, болгарам и венграм. Это своего рода «практический урок» византийской внешней политики. Относительно реальности отражения здесь внешнеполитической ситуации середины X в. у византийцев нет единогласия: так, одни (Г. Манойлович, В. Греку) отмечали учебно-дидактический, а другие (П. Лемерль) — книжный, учено-энциклопедический характер произведения. Однако анализ сведений Константина о кочевниках Северного Причерноморья убеждает в актуальном характере приводимых в трактате данных для изучения византийской внешней политики в середине X в.

Константин начинает обзор внешнеполитического положения Византии с характеристики взаимоотношений с печенегами. Именно в этой связи Константин впервые здесь говорит и о Руси, сообщая, что печенеги «стали соседними и сопредельными также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Росию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб», а также «что росы озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами». Константин говорит о русско-печенежской торговле. Автор трактата анализирует военно-политический потенциал Руси в комплексе ее взаимоотношений с Византией и печенегами.

9 глава, превышающая по объему другие разделы начальной части произведения, посвящена Руси, точнее, — описанию пути «из варяг в греки» и рассказу о том, с чем сталкивается путешественник. Перечисляются русские города — Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород, Киев, Витичев; называются русские князья — Игорь и Святослав; подробно рассказывается о взаимоотношениях княжеской дружины («росы») со славянским населением различных племен описываемой территории; рассказывается о полюдь. Полюдь Константин воспроизводит в славянском звучании слова, проявляя здесь свойственный ему интерес к языкам народов, описываемых им. Так, все известные днепровские пороги называются как «по-росски» (указывается скандинавское имя), так и «по-славянски», где передается русский эквивалент наименования. Называет автор трактата и славянское слово «заканы» (законы).

Константин различает «Внешнюю Русь», под которой подразумевал Северную («Новгородскую») Русь, и Русь в собственном, узком смысле слова — как территорию сбора дани старшим князем, т. е. Киевскую Русь. Среди славянских племен, подвластных Руси, названы кривичи, лендзяне, древляне, дреговичи, северяне. Из описания Константином становится ясно, что киевский князь уже в середине X в. «сажал» на новгородский стол сына — потенциального преемника.

Среди свидетельств этнокультурного содержания важно описание языческих жертвоприношений росов на о. Хортица на пути в Византию.

Продолжение 13 главы посвящено Венгрии и другим странам Центральной Европы. В этом разделе, помимо прочего, дается совет, как следует отвечать хазарам, венграм, русским или другим «северным» и «скифским» народам на их нередкие просьбы о предоставлении им императорских регалий, считавшихся привилегией лишь византийских императоров. Также отказом предлагается отвечать и на домогательства «варварских» правителей о династических браках с императорскими родственниками. Там же повествуется о греческом огне — важнейшем секретном оружии византийского флота в сражениях с врагами.

Следующие главы (14—42) «Об управлении империей» посвящены описанию земель, истории, обычаев арабов, далее — Испании, Италии, Далмации, Хорватии, Сербии. Ряд эпизодов относятся к истории аваров и болгар на рубеже IX—X вв. Вновь повествование касается печенегов, венгров и хазар, их происхождения, древнейшей истории, расселения, племенной этнологии. В этой же части трактата содержится рассказ о Моравии и ее правителе Святополке. Завершается раздел этногеографической главой, озаглавленной «Землеописание от Фессалоники до реки Дунай и крепости Белград, до Турции (Венгрии. — М. Б.) и Пачинакии, до хазарской крепости Саркел, до Росии и до Некропил, находящихся на море Понт, близ реки Днепр, до Херсона вместе с Боспором, в которых находятся крепости Климатов; затем — до озера Меотида, называемого из-за его величины также морем, вплоть до крепости Таматарха, а к сему — и до Зихии, Папагии, Касахии, Алании и Авастии — вплоть до крепости Сотириуполь». Описание Северного Причерноморья, включая земли Приазовья, Приднепровья, Крыма, Тмутаракани, Северокавказского побережья и областей вплоть до современного Сухуми («Сотириуполь»), относятся ко времени после 906 г.

Главы 43—46 содержат подробные, подчас уникальные сведения о Закавказье, о землях и народах армян и грузин на основании современных Константину Багрянородному данных. Следующие две главы связаны с Кипром.

Следующий раздел трактата (гл. 49—53) посвящен византийским областям, в т. ч. Херсону в Крыму, их этническому

составу (в частности, расселению славян на Пелопоннесе), административной структуре империи, историческим изменениям в условиях провинциального управления и другим внутренним историческим и политическим сюжетам истории Византии от глубокой древности до времени составления трактата.

Временем составления произведения считается середина X в., период между 948 и 952 гг.

Помимо актуальных свидетельств очевидцев событий повествование основывалось, естественно, и на письменных источниках, особенно в частях, касающихся древней истории, — в частности, на хрониках Феофана Исповедника, Стефана Византийского, «Продолжателя Феофана» (Theoph. Cont.).

Изд.: Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. by Gy. Moravcsik, transl. by R. J. H. Jenkins. Washington, 1967. Vol. 1; Comm. by R. J. H. Jenkins, D. Obolensky, F. Dvornik a.o. London, 1962. Vol. 2.

Изд. и пер.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, пер., коммент. под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991.

Лит.: Bury J. B. The Treatise De administrando imperio // Byzantinische Zeitschrift. 1906. Bd. 15. S. 517—557; Bayer T. S. Geographia Russiae vicinarumque regionum circiter a. C. 948 // Commentarii Academiae Scientiarum Imp. Petropolitanae 9 ad a. 1737. S.-Pb., 1744. P. 367—422; Lehrberg A. C. Untersuchungen zur Erläuterung der ältesten Geschichte Russlands. S.-Pb., 1816; Wilken. Über die Verhältnisse der Russen zum Byzantinischen Reiche in dem Zeitraume vom neunten bis zum zwölften Jahrhundert // Abhandlungen der hist.-phis. Klasse der K. Akademie der Wissenschaften zu Berlin aus dem Jahre 1829. Berlin, 1832. S. 75—135; Schlözer K. Russlands älteste Beziehungen zu Skandinavien und Konstantinopel. Berlin, 1847; Гедеонов С. Константин Багрянородный // Варяги и Русь. Т. II. СПб., 1876. С. 529—551; Успенский Ф. И. Русь и Византия в X в. Одесса, 1888; Лопарев Хр. М. Греки и Русь. СПб., 1898; Иловайский А. С. Днепровские пороги. Киев, 1911; Пархоменко В. Русь и печенеги // Slavia. 1929/1930. Т. 8. С. 138—

144; *Laehr G.* Die Anfänge des russischen Reiches. Berlin, 1930; *Мошин В. А.* Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // *Byzantinoslavica*. 1931. Т. 3. Р. 33—56, 285—307; *Брим В. А.* Путь из варяг в греки // Изв. АН СССР. VII. Отд. Общественных наук. 1931. С. 201—247; *Soloviev A.* (Ἡ ἔξω Ῥωσία) // *Byzantinoslavica*. 1938. Т. 13. Р. 227—232; *Приселков М. Д.* Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. № 73. Сер. историч. наук. 1941. Вып. 8. С. 215—246; *Vernadsky G.* Ancient Russia. New Haven, 1943; *Vasiliev A. A.* The Second Russian Attack of Constantinople // *Dumbarton Oaks Papers*. 1951. Vol. 6. Р. 160—225; *Falk K.-O.* Dneprforsarnas namn i kejsar Konstantin VII Porfyrogennetos' De administrando imperio. Lund, 1951; *Фроловский А.* К изучению истории русско-византийских отношений // *Byzantinoslavica*. 1952/1953. Т. 13. Р. 301—311; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1983. Bd. I. S. 361—379; *Златарски В.* История на Българската държава през средните векове. София, 1967—1971. Т. 1. Ч. 1—2; *Дуйчев И. С.* К вопросу о языческих жертвоприношениях в Древней Руси // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 31—34; *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974; *Иванова О. В., Литаврин Г. Г.* Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах. VI—XII вв. М., 1985. С. 34—98; *Коледаров П. Ст.* Историческата география на Северозападното Черноморие по данните на Константин Багрянородни // Исторически преглед. 1977. № 3. С. 50—64; *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. СПб., 1999; *Он же.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII вв.). СПб., 2000; *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; *Расовский Д. А.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakovianum*. 1933. Т. 6. С. 1—66; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и древнерусские княжества. М., 1982; *Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П.* Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // *Византийский временник*. 1982. Т. 43. С. 64—73; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. IX — пер-

вая половина X вв. М., 1980; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982; *Толкачев А. И.* О названии днепровских порогов Константина Багрянородного в «De administrando imperio» // Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962. С. 29—60; *Diaconu P.* Les Petchénèques au Bas-Danube. Bucarest, 1970; *Czebe Gy.* Turco-byzantinische Miscellen. I. Konstantinos, De administrando imperio. 37. Kapitel über die Petschenegen // Hörösi Csoma-Archivum. Budapest, 1921—1925. Bd. 1. S. 209—219; *Eklblom R.* Die Namen der siebenten Dneprstromschnelle // Språkvetenskapliga sällskapet för handlingat, 1949—1951. Uppsala, 1952. Bd. 9. S. 149—175; *Fehér G.* Zur Geschichte der Steppen völker von Südrussland im 9.—10. Jh. // Studia slavica Ac. Sc. Hund. 1955. T. 5. P. 256—326; *Gregory T. E.* The political Program of Constantine Porphyrogenitus/ Actes du XVe Congrès des Etudes byzantines. 1985. Vol. 4. P. 122—190; *Huxley G.* Steppe-Peoples in Konstantinos Potphyrogennetos // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1984. Bd. 34. S. 77—89; *Lowmiansky H.* Ledzianie // Slavia Antiqua. 1953. T. 4. S. 97—114; *Manojlovic G.* Studie o spisu «De administrando imperio» cara Konstantina VII Porfirogenita // Rad Jugoslovensk. Akademij u znatnosti i umjetnosti. Zagreb, 1910. Knj. 182. S. 1—65; 1911. Knj. 186. S. 35—184; Knj. 187. S. 1—132; *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und Historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. Und 10. Jh. Leipzig, 1903; *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. London, 1971; *Ostrogorsky G.* Die Byzantinische Staatenhierarchie // Seminarium Kondakovianum. 1936. T. 8. S. 41—61; *Rembaud A.* L'Empire Grec au Xe siècle. Paris, 1870; *Shevelov G.* (Šerech Yu.). On the Slavic Names for the Falls of the Dnepr in the «De administrando imperio» of Constantine Porphyrogenitus // Word. 1955. Vol. 11. № 4. P. 503—530; *Sorlin I.* Les témoignages de Constantin VII Porphyrogénète sur l'état ethnique et politique de la Russie au début du Xe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1965. Vol. 6. № 2. P. 147—188; *Stender-Petersen A.* Varangica. Aarhus, 1953; *Toynbee A.* Constantine Porphyrogenitus and His World. London; New York; Toronto, 1973; *Wosniak F.* The Nature of Byzantine Foreign Policy towards Kievan Russia in the First Half of the 10th Century. London, 1973.

КОНСТАНТИНА, ВО ХРИСТЕ, ЦАРЕ ВЕЧНОМ,
ВАСИЛЕВСА РОМЕЕВ, К СЫНУ СВОЕМУ РОМАНУ,
БОГОВЕНЧАННОМУ И БАГРЯНОРОДНОМУ ВАСИЛЕВСУ
(перевод Г. Г. Литаврина)

1. *О пачинакитах¹: насколько полезны они,
находясь в мире с василевсом ромеев*

Итак, послушай², сын, то, что, как мне кажется, ты [обязан] знать; обрети разумение³, дабы овладеть управлением. Ведь и всем прочим я говорю, что знание есть благо для подданных, в особенности же для тебя, обязанного печься о спасении всех, и править, и руководить мировым кораблем. А если⁴ я воспользовался ясной и общедоступной речью⁵, как бы беспечно текущей обыденной прозой, для изложения предстоящего, не удивляйся нисколько, сын мой. Ведь не пример каллиграфии или аттикизирующего стиля⁶, торжественного и возвышенного, я старался представить, а заботился более, чтобы через простое и обиходное⁷ повествование наставить тебя в том, о чем, по моему мнению, тебе не должно пребывать в неведении и что легко тебе может доставить тот разум и мудрость, которые обретаются в длительном опыте.

Я полагаю всегда весьма полезным для василевса ромеев желать мира с народом⁸ пачинакитов, заключать с ними дружественные соглашения и договоры, посылать отсюда к ним каждый год апокрисиария⁹ с подобающими и подходящими дарами для народа и забирать оттуда омиров, т. е. заложников¹⁰, и апокрисиария, которые придут в богохранимый этот град¹¹ вместе с исполнителем сего дела¹² и воспользуются царскими благодеяниями и милостями, во всем достойными правящего василевса.

Поскольку этот народ пачинакитов соседствует¹³ с областью Херсона¹⁴, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты¹⁵.

2. *О пачинакитах и росах*¹

[Знай], что пачинакиты стали соседними и сопредельными² также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Россию³, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб.

[Знай], что и росы озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами. Ведь они покупают⁴ у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в России не водилось⁵. Но и против удаленных от их пределов врагов⁶ росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с пачинакитами, так как пачинакиты имеют возможность — в то время когда росы удалятся от своих [семей], — напав, все у них уничтожить и разорить. Поэтому росы всегда питают особую заботу, чтобы не понести от них вреда, ибо силен этот народ, привлекать их к союзу и получать от них помощь, так чтобы от их вражды избавляться и помощью пользоваться.

[Знай], что и у царственного сего града⁷ ромеев, если росы не находятся в мире с пачинакитами, они появиться не могут, ни ради войны, ни ради торговли, ибо когда росы с ладьями приходят к речным порогам⁸ и не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, тогда на них нападают люди этого народа пачинакитов и легко — не могут же росы двум трудам противостоять⁹ — побеждают и устраивают резню.

3. *О пачинакитах и турках*¹

[Знай], что и род турок весьма страшится и боится упомянутых пачинакитов потому, что был неоднократно побеждаем ими² и предан почти полному уничтожению, оттого турки всегда страшными считают пачинакитов и трепещут перед ними.

4. *О пачинакитах, росах и турках*

[Знай], что пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами¹, ни росы, ни турки не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и вещей, опасаясь, что

василевс употребит силу этого народа против них, когда они выступят на ромеев. Пачинакиты, связанные дружбой с василевсом и побуждаемые его грамотами² и дарами, могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их землю³.

5. *О пачинакитах и болгарах¹*

[Знай], что и болгарам более страшным казался бы василевс ромеев и мог бы понуждать их к спокойствию, находясь в мире с пачинакитами², поскольку и с этими болгарями соседствуют названные пачинакиты³ и, когда пожелают, либо ради собственной корысти, либо в угоду василевсу ромеев, могут легко выступать против Булгарии⁴ и, благодаря своему подавляющему большинству и силе, одолевая тех и побеждать. Поэтому и болгары проявляют постоянное старание и заботу о мире и согласии с пачинакитами. Так как [болгары] многократно были побеждены и ограблены ими, то по опыту узнали, что хорошо и выгодно находиться всегда в мире с пачинакитами.

6. *О пачинакитах и херсонитах*

[Знай], что и другой народ из тех же самых пачинакитов¹ находится рядом с областью Херсона. Они и торгуют с херсонитами², и исполняют поручения как их, так и василевса и в России, и в Хазарии³, и в Зихии⁴, и во всех тамошних краях, получая, разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату за эту самую услугу, соответственно важности поручения и своим трудам, как-то: влаттии, прандии, харерии, пояса, перец⁵, алые кожи парфянские и другие предметы, требуемые ими, как о том каждый херсонит сумеет договориться с любым из пачинакитов при соглашении или уступит его настояниям. Ведь будучи свободными и как бы самостоятельными, эти самые пачинакиты никогда и никакой услуги не совершают без платы.

7. *О василиках¹, посылаемых² из Херсона в Пачинакию³*

Всякий раз, когда василик переправится в Херсон ради подобного поручения, он должен тотчас послать [вестника] в Пачинакию и потребовать от них заложников и охранников⁴.

Когда они придут, то заложников оставить под стражей в крепости Херсона, а самому с охранниками отправиться в Пачинакию и исполнить порученное. Эти самые пачинакиты, будучи ненасытными и крайне жадными до редких у них вещей, бесстыдно требуют больших подарков: заложники домогаются одного для себя, а другого для своих жен, охранники — одного за свои труды, а другого за утомление их лошадей. Затем, когда василик вступит в их страну, они требуют прежде всего даров василевса и снова, когда ублажат своих людей, просят подарков для своих жен и своих родителей. Мало того, те, которые ради охраны возвращающегося к Херсону василика приходят с ним, просят у него, чтобы он вознаградил труд их самих и их лошадей⁵.

8. О василиках, посылаемых из богохранимого града в Пачинакию с хеландиями¹ по рекам Дунай², Днепр и Днестр³

[Знай], что и в стороне Булгарии⁴ расположился народ пачинакитов по направлению к области Днепра, Днестра и других там имеющих рек. Когда послан отсюда василик с хеландиями, то он может, не отправляясь в Херсон, кратчайшим путем и быстрее найти здесь тех же пачинакитов, обнаружив которых, он оповещает их через своего человека, пребывая сам на хеландиях, имея с собою и охраняя на судах царские вещи. Пачинакиты сходятся к нему, и, когда они сойдутся, василик дает им своих людей в качестве заложников, но и сам получает от пачинакитов их заложников и держит их в хеландиях. А затем он договаривается с пачинакитами. И, когда пачинакиты принесут василику клятвы по своим «заканам»⁵, он вручает им царские дары и принимает «друзей»⁶ из их числа, сколько хочет, а затем возвращается. Так-то нужно договариваться с ними, чтобы, когда у василевса явится потребность в них⁷, они исполнили службу будь то против росов, либо против болгар, либо же против турок, ибо они в состоянии воевать со всеми ими и, многократно нападая на них, стали ныне [им] страшными. Ясно это также из следующего. Когда клирик Гавриил как-то был послан к туркам⁸ по повелению василевса и сказал им: «Василевс заявляет вам»⁹, чтобы вы отправились и прогнали пачинакитов с мест их, а вы рас-

положились бы вместо них, так как прежде там располагались, — дабы находиться близ царственности моей и дабы, когда я того пожелаю, я отправлял послов и вскорости находил вас», — то все архонты¹⁰ турок воскликнули в один голос: «Сами мы не вяжемся в войну с пачинакитами, так как не можем воевать с ними¹¹ — страна [их] велика, народ многочислен, дурное это отродье. Не продолжай перед нами таких речей — не по нраву они нам»¹².

[Знай], что пачинакиты с наступлением весны переправляются с той стороны реки Днепра и всегда здесь проводят лето¹³.

9. *О росах¹, отправляющихся с моноксилами²
из Росии³ в Константинополь*

[Да будет известно], что приходящие из внешней Росии⁴ в Константинополь моноксилы являются⁵ одни из Немогарда⁶, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии, а другие из крепости Милиниски, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они пускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии — рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их выгаскивают для [оснастки] и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство ⟨...⟩, снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются в Витичеву, которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моноксилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр. Прежде всего они приходят к первому порогу, нарекаемому Эссупи, что означает по-росски и по-славянски «Не спи». Порог [этот] столь же узок, как пространство циканистирия, а посередине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому на-

бегающая и приливающая к ним вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул. Ввиду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в моносилах, затем нагие, ощупывая своими ногами [дно, волокут их], чтобы не натолкнуться на какой-либо камень. Так они делают, одни у носа, другие посередине, а третьи у кормы, толкая [ее] шестью, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу у берега реки. Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-русски Улворси, а по-славянски Островунипрах, что значит «Островок порога». Он подобен первому, тяжок и труднопроходим. И вновь, высадив людей, они проводят моносилы, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый Геландри, что по-славянски означает «Шум порога», а затем так же — четвертый порог, огромный, нарекаемый по-русски Аифор, по-славянски же Неасит, так как в камнях порога гнездятся пеликаны. Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они несусьпно несут стражу из-за пачинакитов. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моносилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моносилы по сю сторону порога, столкнув их в реку и внося груз, входят сами и снова отплывают. Подступив же к пятому порогу, называемому по-русски Варуфорос, а по-славянски Вулнипрах, ибо он образует большую заводь, и переправив опять по излучинам реки свои моносилы, как на первом и на втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-русски Леанди, а по-славянски Веручи, что означает «Кипение воды», и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-русски Струкун, а по-славянски Напрези, что переводится как «Малый порог». Затем достигают так называемой переправы Крария, через которую переправляются херсониты, [идя] из Росии, и пачинакиты на пути к Херсону. Эта пе-

реправа имеет ширину ипподрома, а длину, с низа до того [места], где высовываются подводные скалы, — насколько пролетит стрела пустившего ее отсюда дотуда. Ввиду чего к этому месту спускаются пачинакиты и воюют против росов. После того как пройдено это место, они достигают острова, называемого Св. Григорий. На этом острове они совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг [дуба], а другие — кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми. От этого острова росы не боятся пачинакита, пока не окажутся в реке Селина. Затем, продвигаясь таким образом от [этого острова] до четырех дней, они плывут, пока не достигают залива реки, являющегося устьем, в котором лежит остров Св. Эферий. Когда они достигают этого острова, то дают там себе отдых до двух-трех дней. И снова они переоснащают свои моносылы всем тем нужным, чего им недостает: парусами, мачтами, кормилами, которые они доставили [с собой]. Так как устье этой реки является, как сказано, заливом и простирается вплоть до моря, а в море лежит остров Св. Эферий, оттуда они отправляются к реке Днестр и, найдя там убежище, вновь там отдыхают. Когда же наступит благоприятная погода, отчалив, они приходят в реку, называемую Аспрос, и, подобным же образом отдохнув и там, снова отправляются в путь и приходят в Селину, в так называемый рукав реки Дунай. Пока они не минуют реку Селина, рядом с ними следуют пачинакиты. И если море, как это часто бывает, выбросит моносил на сушу, то все [прочие] причаливают, чтобы вместе противостоять пачинакитам. От Селины же они не боятся никого, но, вступив в землю Булгарии, входят в устье Дуная. От Дуная они прибывают в Конопу, а от Конопы — в Констанцию (...) к реке Варна; от Варны же приходят к реке Дичина. Все это относится к земле Булгарии. От Дичины они достигают области Месемврии — тех мест, где завершается их мучительное и страшное, невыносимое и тяжелое плавание. Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со

всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно — в Славинии вервианов, другивитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моносилы, они оснащают [их] и отправляются в Романию.

[Знай], что узы могут воевать с пачинакитами.

10. О Хазарии¹, как нужно и чьими силами воевать [с нею]

[Знай], что узы способны воевать с хазарами, поскольку находятся с ними в соседстве, подобно тому как и эксусиократор Алании².

[Знай], что девять Климатов Хазарии³ прилегают к Алании, и алан может, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти Климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии.

11. О крепости Херсон и крепости Боспор¹

[Знай], что эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и, когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу², к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам³, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир.

12. О Черной Булгарии¹ и о Хазарии

[Знай], что так называемая Черная Булгария может воевать с хазарами.

37. *О народе пачинакитов*¹

Да будет известно, что пачинакиты сначала имели место своего обитания на реке Атил, а также на реке Геих², будучи соседями и хазар, и так называемых узов³. Однако пятьдесят лет назад упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы. Пачинакиты же, обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего поселения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне, обнаружив на ней турок, победив их в войне и вытеснив, они изгнали их, поселились здесь и владеют этой страной, как сказано, вплоть до сего дня уже в течение пятидесяти пяти лет.

Да будет ведомо, что вся Пачинакия делится на восемь фем⁴, имея столько же великих архонтов. А фемы таковы: название первой фемы Иртим, второй — Цур, третьей — Гила, четвертой — Кулпеи, пятой — Харавои, шестой — Талмат, седьмой — Хопон, восьмой — Цопон. Во времена же, в какие пачинакиты были изгнаны из своей страны, они имели архонтами в феме Иртим Ваицу, в Цуре — Куела, в Гиле — Куркутэ, в Кулпеи — Ипаоса, в Харавои — Каидума, в феме Талмат — Косту, в Хопоне — Гиаци, а в феме Цопон — Батана. После смерти этих власть унаследовали их двоюродные братья, ибо у них утвердились законы и древний обычай, согласно которым они не имели права передавать достоинство детям или своим братьям; довольно было для владеющих им и того, что они правили в течение жизни. После же их смерти должно было избирать или их двоюродного брата, или сыновей двоюродных братьев, чтобы достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии. Из постороннего же рода никто не вторгается и не становится архонтом. Восемь фем разделяются на сорок частей, и они имеют архонтов более низкого разряда.

Должно знать, что четыре рода пачинакитов, а именно: фема Куарцищур, фема Сирукалпеи, фема Вороталмат и фема Вулацопон — расположены по ту сторону реки Днепра по направлению к краям [соответственно] более восточным и се-

верным, напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и прочих Климатов. Остальные же четыре рода располагаются по сю сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям, а именно: фема Гиазихопон соседствует с Булгарией, фема Нижней Гилы соседствует с Туркией, фема Харавои соседит с Россией, а фема Иавдиертим соседствует с подплатежными стране России местностями, с ультинами⁵, дэрленинами, лэнзанинами и прочими славянами. Пачинакия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании — на шесть дней, от Мордии⁶ — на десять дней, от России — на один день, от Турции — на четыре дня, от Булгарии — на полдня, к Херсону она очень близка, а к Боспору еще ближе.

Да будет известно, что в то время, когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и решению остались на месте, живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие особые признаки (чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих): ведь одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезают от самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников.

Должно знать, что по сю сторону реки Днестра, в краю, обращенном к Булгарии, у переправ через эту реку, имеются пустые крепости: первая крепость названа пачинакитами Аспрон, так как ее камни кажутся совсем белыми; вторая крепость Тунгаты, третья крепость Кракнакаты, четвертая крепость Салмакаты, пятая крепость Сакакаты, шестая крепость Гиэукаты. Посреди самих строений древних крепостей обнаруживаются некие признаки церквей и кресты, высеченные в песчанике, поэтому кое-кто сохраняет предание, что ромеи некогда имели там поселение.

Должно знать, что пачинакиты называются также кангар, но не все, а народ трех фем: Иавдиирти, Куарциур и Хавуксингила, как более мужественные и благородные, чем прочие, ибо это и означает прозвище кангар.

к ГЛАВЕ I

Важнейшей внешнеполитической проблемой Византийской империи в середине X в. была печенежская (История Византии. Т. 2. С. 203). С печенегами Константин связывает целый комплекс международных отношений. Видя в печенегах главную пружину своих внешнеполитических акций, Византия стремится влиять с их помощью на ход политических дел в Юго-Восточной и Восточной Европе. Моравчик (DAI. II. P. 12—13) привел сводку предлагаемых датировок раздела о печенегах. Г. Манойлович (*Manojlović G. Studije. Knj. 187. S. 76—77*) считал главы 2—8, 9.114, 12 и 13.9—11 частями монографии о печенегах, написанной в конце правления Льва VI (886—912) и отражавшей этно-географическую ситуацию *после* того, как печенеги вытеснили «турок» (венгров) из Ателькузу (Междуречья) на север к верховьям Днестра, но *до* оседания венгров в Паннонии. По его мнению (Ibid. S. 69—73), данные Константина (4.10—11 и 8.21) доказывают близость венгров в это время к печенегам, ибо после ухода венгров за Карпаты они не могли бы легко (ср.: DAI. 4) атаковать печенегов. Эту же датировку принял Ф. Дворник (*Dvornik F. Les Légendes. P. 243*). Однако Моравчик отметил, что в 951 г. (37.13—14) печенеги были в четырех днях пути от Венгрии (37. 47—48) и что не было и необходимости направлять тогда печенегов против Болгарии (ср.: 8.20). Для датировки событий существенны сведения Константина, что печенеги *уже* были соседями болгар и часто нападали на них (см.: 5.3—14; 8.22), что печенеги могли препятствовать набегам «турок» (венгров) на Византию (4.3—13) и что они не раз их уже побеждали (3.2—5; 4.11—13; 8.21—22; 13.9—11). Эти и другие соображения (DAI. II. P. 12—13) не позволяют датировать описываемые события временем *до* венгерского заселения Паннонии. Ср.: *Fodor I. Kazárok, bolgárok, magyarok. Széjgyezetek Peter V. Golden könyvéhez // Archaeológiai Értesítő. 1984. № 11. 100—109.*

¹ Речь идет о печенегах (тюрк. *Bečenek*) (*Gombocz Z. Über den Volknamen besenyő // Turán. 1918. T. 3. S. 209—215; Bang W. Über den Volknamen besenyő // Ibid. S. 436—437; Némelh J. Die petschenegischen Stammesnamen // Ungarische Jahrbücher. 1930. Bd. 10. S. 27—34*). Остальную литературу см.: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 87 ff.; Bd. II. S. 249 ff.* В русских летописях — печенеги, печенези (*Молодчикова И. А. «Повесть временных лет» как источник о взаимоотношениях Киевской Руси с печенегами // Открытия молодых археологов Украины. Киев, 1976. Ч. 2. С. 25—26*). В византийских источниках употребление этого термина Константином (см. также: *Const. Porph. De serem. P. 691. 5—7*) — одно из наиболее ранних [до этого времени этноним встреча-

ется в сочинениях константинопольского патриарха (901—907, 912—925) Николая Мистика — «пачинакиты» (PG. T. CXI. Col. 72 D, 73 ACD etc.]). У Константина зафиксирована и другая форма этнонима — «пачинаки» (*Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 247—248*), получившая потом широкое распространение в византийской традиции и ставшая регулярной для обозначения печенежских племен. Моравчик (*Ibid. S. 249*) приводит параллели и из других языков: латинского (*Pizenaci*), армянского (*Pacinak*), грузинского (*Pač'anig*), осетинского (*Bedžänäg*). Таким образом, термин, используемый Константином, является византийским воспроизведением самоназвания народа (его этнонима). В начальном разделе трактата материал о печенегах относится к их истории в Подунавье, тогда как вопросы происхождения печенежских племен, их древней истории и взаимоотношений с другими племенами освещены в последующих главах (см. гл. 37 и след.). В Северное Причерноморье тюркские племена печенегов перекочевали из Азии в конце IX в. под натиском, как полагают, тюркоязычных народов, в частности гузов (узов), двинувшихся в конце IX в. из Приаралья и бассейна Сырдарьи в Восточную Европу (*Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашего времени: История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884. С. 18 и след.; Jettmar K. Die frühen Steppen-Völker. Baden-Baden, 1964; Györfly Gy. Sur la question. P. 283—292; Божилев И. България. С. 3 и след.*). Близким соседом печенегов в заволжский период их истории был Хазарский хаганат (*Артамонов М. И. История хазар. С. 336 и след., Плетнева С. А. Хазары. С. 66 и след.; ср.: Новосельцев А. П. Хазария. С. 20—32*). Стремясь ослабить давление со стороны печенегов, хазары заключили союз с узами (торками). Разбитые узами (см. гл. 14), печенеги двинулись в Хазарию. Овладев причерноморскими степями, печенеги стали расширять зону своей активности. Об их появлении в Причерноморье источники впервые сообщают около 889 г. (*Regin. Chron. P. 131—132*). Вытеснив в 90-е годы IX в. из Причерноморья мадьяр (гл. 37. См. также: *Fehér G. Zur Geschichte der Steppenvölker. S. 257 f.; Györfly Gy. Sur la question. P. 283—292*), печенеги в самом конце XI в. оттеснили также уличей, живших в луке Днепра, на север — в Поросье (*Плетнева С. А. Печенеги. С. 214*). С этими событиями связывается постройка близ Стугны хорошо укрепленного уличьего города Пересечена и разрушение славяно-тиверских городов в Приднестровье (*Рыбаков Б. А. Уличи // КСИИМК. 1950. Вып. XXXV. С. 3—17; ср. также гл. 14*). С разгромом тиверцев был завершён, как полагают исследователи, захват печенегами причерноморских степей (ср.: *Boba I. Nomads, Northmen and the Slavs. Eastern Europe in the Ninth Century // Slavo-Orientalia. Wiesbaden, 1967. Bd. 2. S. 10*). Деление печенегов на два объединения отражено, возможно, в сообщении Константина о границе между ними по Днепру. Восточное (левобережное) объединение тяготело к Хазарскому

хаганату, западное было больше связано с Болгарией и Византией (ср.: *Shepard J.* The Russian Steppe-Frontier. P. 218—237). На рубеже IX—X вв. печенеги распространяются на Нижнее Подунавье (*Васильевский В. Г.* Труды. Т. I. С. 8 и след.; *Златарски В.* История. Т. I, ч. 2. С. 378 и след.; *Расовский Д. А.* Печенеги. С. 1—66; *Gregoire H.* Byzance, les Khazars, les Magyars et les Petchénègues // VIIe CIEB. Résumés des comm. Paris, 1940. P. 6—7). Зона распространения печенегов, описываемая Константином в начальных главах, сложилась, скорее всего, к началу X в. Территория «Печенегии» (ср. гл. 42), согласно традиционному мнению, охватывала в конце IX — начале X вв. огромную территорию — от Дона до левого берега Дуная (*Rambaud A.* L'Empire grec. P. 393; *Успенский Ф. И.* Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX—X вв. Киев, 1889. С. 6, 11; *Vasilev A. A.* Histoire. Vol. I. P. 428—429; *Grousstl R.* L'Empire des steppes. P. 238; *Мумафчиев П.* История на Византия. София, 1947. Ч. I. С. 284—285; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. I. S. 87; *Плетнева С. А.* Печенеги. С. 214; ср.: *Расовский Д. А.* Печенеги. С. 3). Опираясь на свидетельства ал-Масуди (X в.), П. Диакону датирует появление печенегов в Нижнем Подунавье временем около 934 г. (*Diaconu P.* Les Petchénègues. P. 36—37). Несмотря на эти споры, ясно, что печенеги в конце IX в. во многом определяют политическую ситуацию на Балканах и в Подунавье. Так, победа болгарского царя Симеона в 896 г. над Византией при Болгарофиге и последующий за этим мир, невыгодный для византийцев, во многом связаны с привлечением Симеоном на его сторону печенежских вождей, которые нанесли поражение венграм — союзникам империи. Диакону считает, что все пространство от Дона до Сирета стало после 896 г. владением печенегов (*Diaconu P.* Les Petchénègues. P. 34), ограниченным с востока пределами Хазарии (о хазарских памятниках к западу от Днестра: *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142. С. 7 и след., 185 и след., карта на с. 187). Что касается западных территорий, занятых печенегами, то вопреки обычным отождествлениям упоминаемых Константином рек Варух = Днепр, Куву = Буг, Трулос = Днестр (см. гл. 38) Диакону идентифицирует эти гидронимы с названиями рек Ботна, Когилник, Ялпуг (*Diaconu P.* Les Petchénègues. P. 36), т. е. «продвигает» зону расселения печенегов к середине X в. уже на территорию Пруто-Днестровского междуречья. Однако И. Божилов (България. С. 55—57; *Božilov L.* Les Petchénègues. P. 170—175), не соглашаясь с представлением об овладении печенегами к этому времени южной частью Пруто-Днестровского междуречья, указывает на Дунай как границу между Болгарией и «Печенегией». Необоснованность локализации печенегов на территории между Прутом и Днестром подчеркивает и Д. Дьёрффи (*Gyöörffy Gy.* Sur la question. P. 283 sq.). Основная масса связываемых с печенегами археологических памятников IX—X вв. обнаружена в бассейне Дона, а не в Пруто-Днестровском

междуречье (*Плетнева С. А.* Печенеги. С. 153—154). В середине X в. южная степная зона между Прутом и Днестром, по мнению Божилова, прочно находилась в руках болгар (*Божилев И.* България. С. 59; ср.: *Топкова-Заимова В.* Долни Дунав. С. 21). Появление печенегов даже в междуречье Буга и Днепра Божилев (България. С. 40) относит только ко времени, близкому к составлению труда «Об управлении империей», т. е. к 948—952 гг. Согласно данным Константина, однако, к середине X в. область расселения печенегов простиралась от средней части Карпат до излучины Дона (см. гл. 42). По территории «Печенегии» протекали Днепр, Южный Буг, Днестр, Прут и Сирет. С востока к этой территории примыкали земли хазар и узов, с севера — Древней Руси, с запада и юго-запада находились венгры, с юга — комитат Дристры, юго-восточная граница отделяла эту область от византийских владений в Крыму (*Коледаров П.* Историческата география. С. 58). Одно из первых сообщений о печенегах в русских летописях относится к 915 г.: «В лето 6423. Придоша печенежи первое на Русскую землю и сотворивше миръ с Игорем, и придоша к Дунаю» (ПВЛ. Ч. 1. С. 31). В первой половине X в. печенеги были объектом активной дипломатии как Византии, так и Руси. Крупных столкновений с печенегами Византия не знала вплоть до XI в., хотя печенеги привлекались то на сторону Византии против болгар или русских, то на сторону Руси против Византии, Хазарии и Болгарии (*Мавродина Р. М.* Киевская Русь и кочевники: (печенеги, торки, половцы). Историографический очерк. Л., 1983). Так, во втором десятилетии X в. Византия пыталась создать коалицию против Болгарии с участием печенегов. С этой целью к печенегам был отправлен в качестве посла херсонский стратиг Иоанн Вогас (он был, возможно, печенежского происхождения: *Moravcsik Gy.* *Vyzantinoturcica.* Bd. II. S. 92). Посольство Иоанна Вогаса (*Georg. Mon. Chron.* V, 10. P. 804.20—805.5; 807.19—808.3; *Theoph. Corn.* P. 386.23—387.7; 389.20—390.5; *Leon. Gramm. Chron.* P. 293.5—13; 295.18—296.2 *Scyl.* P. 201.51—202.55; 204.21—25; *Zonar. Epit.* P. 464.10—465.2; *Nic. Patr. Epist.*, 9. Col. 72D) рассматривается как важный этап в политике Константинополя после второй болгарско-византийской войны и датируется теперь временем, близким к битве при Ахелое 917 г. Неудача посольства Иоанна Вогаса связывается теперь (вопреки В. Златарскому: *История.* Т. I. Ч. 2. С. 374) с активной самостоятельной политикой Симеона, вступившего в непосредственные контакты с печенегами. Возможно, печенеги участвовали в разгроме византийцев Симеоном при Ахелое 20 августа 917 г. (*Божилев И.* България. С. 52).

² Ср.: Притч. 1:8.

³ Ср.: Притч. 1:5.

⁴ Ср.: *Const. Porph.* De cerem. P. 5.2—4.

⁵ Константин утверждает принцип простоты и ясности стиля изложения (см.: *Moravcsik Gy.* в: *Atti del V Congresso internazionale di studi bizantini.* Roma, 1939. Т. I. P. 518—520).

⁶ О значении античной словесности как образца для византийской риторики см.: *Hunger H.* *On the Imitation (Mimesis) of Antiquity in Byzantine Literature* // *DOP.* 1969—1970. Т. 23—24. P. 17—38; *Beck H. G.* *Das byzantinische Jahrtausend.* S. 147 ff.

⁷ Ср.: *Const. Porph.* *De them.* P. 82.13; 83.21.

⁸ Термин «этнос» применялся к этническим группам населения, противопоставлявшимся ромеям. Для византийцев это иноверцы и язычники (ср.: *Const. Porph.* *De cerem.* P. 58.13—16) или иноземцы, например, франки (ср.: *Ibid.* P. 749.12—13), болгары (ср.: *Leon. Diac. Hist.* P. 79.6—7). См.: *Treilinger O.* *Die oströmische Kaiser- und Reichsidee.* S. 78—79; *Lechner K.* *Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner.* München, 1954. S. 51. О политической теории, которой руководствовались византийцы в отношениях с чужеземцами, см.: *Ostrogorsky G.* *Die byzantinische Staatenhierarchie.* S. 49—53.

⁹ Здесь: посланник (*Treilinger O.* *Apokrisiarios* // *Reallexicon für Antike und Christentum.* Stuttgart, 1942. Bd. I. S. 501—504). Как обозначение секретарской должности термин зафиксирован в VI в. в Оксиринхских папирусах (*Oxyrhynchus Papyri* / Ed. В. P. Grenfeld, A. S. Hunt. L., 1898. P. 144.15), но и в ранневизантийских источниках употреблялся в значении «вестник», «посланник», «посол» (см., например, у Исидора Пелусиота — PG. Т. LXXVII, Col. 1225A). В этом наиболее распространенном значении термин употреблен и Константином. С IX в. апокрисиарием называли иногда и просто посредника, агента (например, у патриарха Тарасия — PG. Т. XCVIII. Col. 1476C etc.). См.: *Sophocles E. A.* *Greek Lexicon.* Vol. I. P. 222.

¹⁰ Этот заимствованный из латинского языка термин (лат. *obses*) (ср.: 1.21; 7.5 и след.; 8.13 и след.; 45.142) употреблялся для обозначения заложников в византийских памятниках и до Константина Багрянородного (см.: *Du Cange C.* *Glossarium.* Vol. II. P. 1073).

¹¹ Об эпитетах, применявшихся по отношению к Константинополю, см.: *Fenster E.* *Laudes Constantinopolitanae.*

¹² По Д. Моравчику, это куратор апокрисиария (ср.: *Vogt A.* *Basile Ier, empereur de Byzance et la civilisation byzantine á la fin du IXe siècle.* Paris, 1908. P. 166; *Bréhier L.* *Les institutions.* P. 302; *Emerceau A.* *Apocrisiaires et apocrisariat. Notes de l'apocrisariat, ses variétés à travers l'histoire* // *Echos d'Orient.* 1914. Vol. 17. P. 289—297, 542—548). Функции апокрисиария зависели и от ранга того, кого он представлял, и от ранга того, к кому он был послан. Различались светские и церковные апокрисиарии. Среди первых можно выделить царских и воинских посланников, среди вторых — патриарших, епископских, монастырских и т. п. В обязан-

ности апокрисиариев входили и функции наблюдателей (*Koef T. Die Institution der apokrisiarioi* // *ЕВ. 1978. № 4. Р. 57—61*).

¹³ Ср.: *DAI. 6.2—3; 37.49*. О терминах, обозначающих понятия географической близости, см.: *Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П.* Понятие «граница». С. 69—73.

¹⁴ «Округ» — здесь, очевидно, соответствует техническому термину «фема» (*Perlusi A. La formation; Karayannopoulos J. Die Entstehung*). Фема, официально называвшаяся «Климаты» (см. коммент. 15 к гл. 1), именовалась и по ее столице — Херсону (ср.: *Const. Porph. De them. Р. 98—100; 182—183; DAI. 42. 39—54*). Оставшись в стороне от движения варваров (прежде всего гуннов), Херсон (античный Херсонес) в IV—V вв. сохранял значение восточного форпоста Восточно-Римской империи. Замечание Захария Ритора (VI в.) о том, что в Херсоне «живут люди воинственные и варварские», недостаточно для заключения о преобладании в городе в этот период «варварского» населения. Из надписи императора Зенона (488 г.) известно, что в Херсоне находился хорошо вооруженный гарнизон; в городе функционировало и налоговое ведомство — викарат (*Шестаков С. П. Очерки. С. 95 и след.; Яacobson A. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 22*). В конце V — начале VI вв. в городе велось интенсивное крепостное строительство (*Яacobson A. Л. Средневековый Крым. С. 19 и след.*). В VI в. возобновилась чеканка собственной бронзовой монеты (*Соколова И. В. Монеты*). Херсонская церковная епархия существовала с начала IV в. Несмотря на более заметные, чем в других городах империи, черты хозяйственной автаркии, Херсон в ранневизантийский период представлял собой провинциальный центр, доминировавший в Таврике. Некоторый упадок Херсона в VII — первой четверти IX вв. (прекращение выпуска собственной монеты, ослабление торговых связей с Константинополем) связывается как с распространением на Таврику власти хазар, так и с общим кризисом византийского города в эту эпоху (*Яacobson A. Л. Крым. С. 29 и след.; Он же. Раннесредневековый Херсонес. С. 35 и след.; ср.: Шестаков С. П. Очерки. С. 36; Соколова И. В. Монеты*). Спорным остается вопрос о пределах херсонского самоуправления в конце VII — начале VIII вв. в связи с появлением титула «протополита» Херсона (*Theoph. Chron. Р. 377.22—380.8*), т. е. его «первого гражданина» (*Соколова И. В. Монеты. С. 107 и след.*). Согласно мнению ряда ученых, Херсон был вплоть до 833 г. «независимым» городом-государством, находившимся в дружественных отношениях с Византией (*Соколова И. В. Администрация Херсона. С. 207—209; Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus. Р. 270*). Вряд ли, однако, можно говорить о полной его независимости. Неоднократные военные экспедиции в Херсон при Юстиниане II свидетельствуют о большом значении, придававшемся городу в Константинополе и в это время (*Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. С. 39—42, 62—65, 128—133*).

К середине VIII в. позиции Византии в Юго-Западной Таврике ослабели; постепенно расширялось влияние хазар, появившихся в Херсоне уже около 710 г. (*Васильевский В. Г. Труды. Т. II. Ч. 2. С. 397—400; Dunlop D. M. The History. P. 174*). Утверждение хазар в Юго-Западной Таврике привело к нарушению торговых связей между поселениями этого района и Херсоном, к упадку земледелия и сокращению хлебной торговли Херсона (*Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 37; Баранов И. А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 157*). Эта ситуация отразилась и в сообщениях Константина Багрянородного. В 833 г. император Феофил с целью укрепления позиций Византии превратил Херсон в административно-военный округ империи — фему, поставив во главе ее стратига (DAI. 53; *Theoph. Cont. P. 123—124*). Под его начало попали местные правители — архонты (*Theoph. Cont. P. 123—124*). К этому периоду относятся и известные восстания херсонитов, сопровождавшиеся изгнанием императорских стратигов (например, в 891 г.: *Georg. Mon. Cont. P. 855; Theoph. Cont. P. 360*). Однако ко времени написания трактата «Об управлении империей» Херсон оставался для Византии главным аванпостом ее внешней политики в Северном Причерноморье. Фема Херсона (или «Климаты») зафиксирована во всех известных тактиконах IX—X вв. (*Oikonomides N. Les listes; ср.: Benešević V. Die byzantinischen Ranglisten // Byzantinisch-neugriechisches Jahrbuch. 1926—1927. Bd. 5. S. 123*). О Херсоне в связи с фемной организацией см. также: *Const. Porph. De them. P. 182—183; DAI. II. P. 153—156, 205—209*. Во времена Константина Багрянородного Херсон играл видную роль в системе византийско-печенежско-хазарско-русских отношений. Часть печенегов, вклинившись в земли между Хазарией и подвластными ей крымскими городами, прервала их связи. Попытки хазар вытеснить оттуда печенегов потерпели неудачу (*Плетнева С. А. Печенеги. С. 213 и след.*). С этой ситуацией связано сообщение Константина о «близости» печенегов к Херсону и об «окружении» ими Боспора. Для локализации «Печенегии» в южнорусских степях в первой половине X в. существенно, что связи Византии с печенегами около 917 г. (миссия Иоанна Вогаса; см. коммент. 1 к гл. 1) осуществлялись через Херсон (*Theoph. Cont. P. 390.1; Georg. Mon. Cont. P. 807; Zonar. Epit. P. 464.14—15*). Повидимому, основная масса печенегов располагалась к северу от Крымского полуострова, в междуречье Дона и Днепра (ср. гл. 8) (*Божилев И. България. С. 40*). Ко времени составления сочинения Константина Херсон находился под властью византийской администрации (*Sorlin I. Les traités. P. 447 sq.*), о чем свидетельствует русско-византийский договор 944 г. (*Mikucki S. Etudes sur la diplomatie russe la plus ancienne, les traités byzantino-russes du Xe siècle // Bulletin International de l'Academie Politique des Sciences et des Lettres. 1953. Suppl. 7. P. 11—12; Wosniak F. The Nature. P. 144 sq.; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. С. 225;*

Литаврин Г. Г. Русско-византийские связи. С. 41—52). Возобновившаяся с 866—867 г. чеканка собственной бронзовой монеты продолжалась в Херсоне вплоть до конца X в.; тогда же в Херсоне функционировали чиновники византийского таможенного ведомства — коммеркиарии: их печати X в. обнаружены там (*Соколова И. В.* Администрация Херсона. С. 208).

¹⁵ Официальное название фемы Херсона (см. в «Тактиконе Успенского»: *Oikonomidès N.* Les listes. P. 115). Фема занимала южную часть Крымского полуострова (*Vasiliev A. A.* The Goths. P. 117; *Philipsson A.* Das byzantinische Reich als geographische Erscheinung. Leiden, 1939. S. 122). Сам термин «Климаты» связан с идущими от позднеантичной традиции представлениями о горизонтальном делении поверхности земли на некие «климатические», т. е. широтные, зоны (обычно выделялось семь «Климатов») (*Honigmann E.* Die sieben Klimata... Heidelberg, 1929. Литературу см.: *Nystazopoulou M.* Note sur l'Anonyme de Hase improprement appelé Toparque de Gothic // Bulletin de Correspondance Hellenique. 1962. Т. 86. P. 324, п. 7). Предложено толкование греч. «клима» как перевод местного имени *salā — «склон» (*Трубачев О. Н.* Таврские и синдомеотские этимологии // Этимология, 1977. М., 1979. С. 127—144).

к ГЛАВЕ 2

¹ О росах см. коммент. 1 к гл. 9.

² Ср.: DAI. 37.42, 47. В начале X в. печенеги кочевали между Доном и Дунаем (см. коммент. 1 к гл. 1). Их кочевья находились в одном дне пути от Киева. С 915 по 1036 гг. Киев 16 раз воевал с печенегами (не считая мелких стычек). Политика Руси по отношению к печенегам не сводилась к постоянной конфронтации. Так, Игорь включил их в свое войско во время походов на Византию 943—944 гг. (ПВЛ. Ч. 1. С. 33; *Половой Н. Я.* О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа // ВВ. 1958. Т. 14. С. 138—147). Правда, В. Гюзелев (*Добруджанский надпис на събитията в България през 943 г.* // Исторически преглед. 1968. Т. 6. С. 45) считает, что в данном случае печенеги были орудием Византии, а не Киева; однако это предположение не нашло поддержки (*Божилев И.* България. С. 60).

³ О названии «Россия» см. коммент. 3 к гл. 9.

⁴ О русско-печенежской торговле см.: *Левченко М. В.* Очерки. С. 201; *Литаврин Г. Г., Каждан А. П., Удальцова З. В.* Отношения Древней Руси и Византии в XI — первой половине XII в. // The Proceedings of the Congress of the Byzantine Studies. Oxford, 1967; *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси. С. 81—108. Следует отметить ошибочность информации Константина об отсутствии скота у

росов — информации, полученной, вероятно, от византийского купца, а не от болгарина или печенега, знавших лучше реальную ситуацию. Археологические исследования показали, что скотоводство было важной отраслью сельского хозяйства Древней Руси. Как свидетельствуют остеологические материалы, именно оно обеспечивало население большей частью мясной пищи. «Молочные продукты, в частности сыр, издавна входили в рацион питания восточных славян. Лошади и волы использовались в транспортных целях и как тягловая сила на пашне. Шкуры и кости животных использовались в кожевенном и косторезном ремесле. Соотношение костей домашних и диких животных почти во всех без исключения древнерусских археологических памятниках демонстрирует безусловное преобладание скотоводства по сравнению с охотой. Древнерусское стадо включало в себя крупный рогатый скот, лошадь, свинью, овцу и козу. Наиболее часто встречаются в раскопках кости крупного рогатого скота. Очевидно, именно эти животные играли ведущую роль в мясной пище населения. Количество костей лошади, обнаруженных на древнерусских памятниках, в несколько раз уступает количеству костей крупного рогатого скота. Однако эти цифры, очевидно, отражают не реальное соотношение этих видов в стаде, а сокращение употребления конины в пищу в связи с распространением использования лошади на пашне и отчасти христианским запретом. Мелкий рогатый скот был менее многочислен, причем кости овец встречаются значительно чаще козых» (Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 225—226).

⁶ Кроме походов дружин князей Олега и Игоря на Византию (ПВЛ. Ч. 1. С. 33—34) Константин мог под отдаленными войнами росов подразумевать поход Игоря 943—944 г. в Закавказье (*Якубовский А. Ю.* Ибн-Мисхавейх о походе русов на Бердаа в 332 г. Х. — 943—944 гг. // *Византийский временник.* 1926. Т. XXIV. С. 88—89; *Половой Н. Я.* О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа // *Там же.* 1958. Т. 14. С. 138—147; *Паушито В. Т.* Внешняя политика. С. 103), сведения о котором могли дойти до Византии как от хазар (может быть, через херсонитов), так и от самих русских.

⁷ Т. е. Константинополь. Об эпитете см.: *Fenster E.* *Laudes Constantinopolitanae.*

⁸ См. коммент. к гл. 9; ср.: 42.60—62.

⁹ В гл. 9 Константин пишет, что росы, напротив, способны и проводить ладьи по водным путям, и противостоять печенегам. Возможно, за замечанием о невозможности отражать натиск кочевников во время переправы судов стоит какой-то известный Константину конкретный эпизод захвата печенегами торгового каравана росов.

к ГЛАВЕ 3

¹ От тюркск. «Тюрк». Известны восточные формы термина. Письменные памятники зафиксировали термин с VI в. для обозначения ряда народов (древние тюрки VI—VII вв., хазары IX в., мадьяры X—XI вв., вардариоты XI—XIV вв., сельджуки XI—XIII вв.). Переносу на мадьяр этнонима «тюрки» способствовало обыкновение византийских авторов использовать собирательные и архаичные имена народов (*Литаврин Г. Г.* Некоторые особенности. С. 210—211, 216; *Moravcsik Gy.* *Studia byzantina*. S. 320; *Idem.* *Byzantinoturcica*. Bd. II. S. 13—17). Свидетельства византийских памятников (с венгерскими переводами, характеристиками источников и библиографиями исследований каждого памятника), отражающих сведения о мадьярах X—XIII вв. и о венгеро-византийских отношениях, см. в посмертно опубликованном труде Д. Моравчика (МАВФ). Об этих отношениях систематическое исследование всех источников с учетом предшествующего изучения: *Moravcsik Gy.* *Byzantium*, исследование отдельных аспектов: *Moravcsik Gy.* *Studia byzantina*. Библиография работ по истории венгеро-византийских отношений X в.: *Жак*. III. 321—326.1.

² Ср.: *DAI*. 4.11—13; 8.21—33; 13.9—11; 38.55—57; 40.16—19. О печенежско-венгерских отношениях к середине X в. см. также преамбулу к коммент. к гл. 1.

к ГЛАВЕ 4

¹ О необходимости мира с печенегами ср.: *DAI*. 1.17; 5.5.

² Ср.: *DAI*. 6.11; *Const. Porph.* *De cerem.* P. 691.4—7. См. также: *Dölger F.* *Byzanz*. S. 37—38; *Idem.* *Byzantinische Diplomatie*. S. 141; *Ostrogorsky G.* *Die byzantinische Staatenhierarchie*. S. 49.

² Об отношениях печенегов и венгров ср.: *DAI*. 3.3; 8.21—22; 13.9—11; 38.55—57; 40.16—19.

к ГЛАВЕ 5

¹ От тюрк. *Bulgar*. См.: *Ššmanov I. D.* *L'étymologie du nom «Bulgare» // Keleti Szemle*. 1903. Т. 4. S. 47 ff., 334 ff.; 1904. Т. 5. S. 88 ff.; *Vasmer M.* *Russisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1953. Bd. I. S. 102; *Дуйчев И.* *Славяни и първобългари // Известия за Институт за българската история*. 1951. Т. 1/2. С. 193 и след; *Moravcsik Gy.* *Byzantinoturcica*. Bd. II. S. 104—105. Латинские варианты этнонима: *Bulgari*, *Bulgarii*, *Bulgares*, *Vulgares*. Древнеславянские формы: *Блъгаре*, *Българе*, *Българи*, *Блъгари*, *Българи*, *Болгаре*, *Болгары*, *Болгари*. Восточные варианты см.:

Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 105. Недавно предложенная этимология bulgari < лат. vulgares (populi?)= «Niedervölker» (*Kunstmann H. Über den Namen der Bulgaren // Die Welt der Slaven. 1983. 28 (N. F. 7). S. 122—130*) вызвала критику: *Ditten H. [рец.] // ByzantinoslavicaS. 1984. T. 45. S. 141.*

Славянские племена Подунавья получили имя «болгары» от тюрков Аспаруха, вставшего во главе союзного государства, утвердившегося в 680—681 гг. между Дунаем и Балканами (см.: *Литаврин Г. Г. Формирование и развитие. С. 140—148; Ангелов Д. Проблемы предгосударственного периода на территории будущего Болгарского государства // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 14—15*). Этнокон «болгары» распространился затем — сначала как политоним — на все население государства (*Литаврин Г. Г. Формирование и развитие. С. 155, 158*), утратив узко этнический смысл, чтобы ко второму десятилетию X в. стать этническим самоназванием (этнонимом) для всего теперь уже славянского населения Болгарии (*Ангелов Д. Образование на българската народност. София, 1981. С. 189 и след.; Литаврин Г. Г. Формирование этнического самосознания. С. 70—74*). В конце IX в. Болгария снова стала серьезным и могущественным противником Византии (*Browning R. Byzantium; Литаврин Г. Г. Формирование и развитие. С. 167—170*). Успешные военные действия вел против Византии болгарский царь Симеон (893—927 гг.), отодвинув далеко на юг болгаро-византийскую границу в начале X в., заняв в 914 г. Адрианополь и став фактически хозяином на всем пространстве от Константинополя до Фессалоники. Он провозгласил себя «василевсом болгар». Проектировался брак дочери Симеона с малолетним тогда Константином Багрянородным (*Божилев И. Цар Симеон. С. 128 и след.*). В ответ на усиление Первого Болгарского царства Византия стремилась создать антиболгарскую коалицию (*Browning R. Byzantium. P. 63 sq.*). В начале 20-х годов имели место многочисленные походы болгар на Византию вплоть до стен Константинополя (921, 922, 923—924, 924 гг.). В 925 г. Симеон принял титул «василевса ромеев и болгар» (*Cambridge Medieval History. Vol. IV. Part. I. P. 508. № 3*). Известна его печать с надписью «Симеон во Христе василевс ромеев»: *Beševliev V. Die protobulgarischen Inschriften. Berlin, 1963. S. 330—331. № 89a*. По всей вероятности, Симеон добился превращения в 926 г. архиепископии Болгарии в патриархат, независимый от Константинополя (*Runciman S. A History of the First Bulgarian Empire. L., 1930. P. 173—174; Тойнби А. Constantine Porphyrogenitus. P. 360*). Сын Симеона Петр заключил в 927 г. с Византией мирный договор. В середине X в. Византия еще продолжала платить Болгарии дань (ср.: *Тойнби А. Constantine Porphyrogenitus. P. 358 sq.; Browning R. Byzantium; Obolensky D. The Byzantine*

Commonwealth. P. 115 sq.; История на България. Т. 2. С. 238 и след.; Петфов П. Образуване на Българската държава. София, 1981.

² Ср.: DAI. 1.17; 4.3.

³ Ср.: 8.5; 37.41—48. См.: Цанкова-Петкова Г. О территории Болгарского государства в VII—IX вв. // Византийский временник. 1960. Т. 17. С. 142—143.

⁴ Стратиг Херсона Иоанн Вогас (см. коммент. 1 к гл. 1) имел приказ императрицы Зои направить печенегов против болгар (Georg. Mon. Cont. P. 879.12—19, 882.3—20; Theoph. Cont. P. 386.23—387.13, 389.20—390.21; Nic. Patr. Epist. Col. 72—76). По сообщению Николая Мистика, в 924—925 гг. печенеги готовились к вторжению в Болгарию (Nic. Patr. Epist. Col. 149—153). Константин не исключает возможности новых столкновений с болгарями: его общий тон в труде «Об управлении империей» в отношении Болгарии отнюдь не дружественный. Ср.: Литаврин Г. Г. Константин Багрянородный (в печати). Как показал И. Божилов (България. С. 52 и след.), между болгарями и печенегами существовали в целом хорошие отношения со времени правления Симеона и до конца существования Первого Болгарского царства. В этот период и дунайская граница между ними была достаточно прочной.

к ГЛАВЕ 6

¹ Ср.: DAI. 1.25; 8.5; 9.67; 37.38.

² О торговле с Херсоном см. гл. 53.

³ От тюрк. Qazar. Литературу см.: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 334.* Латинские формы этнонима: Chazari, Chasiri. Д. Моравчик приводит и восточноеязычные формы: кит. Ко-sa, Но-sa, арм. H'azirk', араб. Hazar. Славянские формы: Хазары, Хозары, Казары, Козары, Косары (*Kramers J. H. Analecta orientalia. Leiden, 1954. Vol. I. P. 130—146.*) В VIII—XI вв. термин «Хазария» обозначает в византийских источниках страну народа хазар (см. гл. 10). Этот же смысл топоним имеет и у Константина (*Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 334.*) Этноним «хазары», впервые зафиксированный у Стефана Александрийского (610—641), является византийской передачей тюркского самоназвания хазар. Византия в период с VII по IX в. активно старалась вовлечь хазар в союзные коалиции против персов, затем арабов, рассматривая их как традиционного союзника в Северном Причерноморье (История Византии. Т. 2. С. 203), поскольку и тем, и другим угрожали кочевники северных степей и арабы. В 860—861 гг. Византия пыталась ввести при дворе хагана христианство (посольство Константина-Кирилла). Эпизодически серьезные противоречия в политике Византии и Хазарии возникали и в VIII в. (*Dvornik F. Les*

légendes. P. 148—212). Обострялись отношения хазар с империей и в правление Василия I (867—886) (*Mošim V. Les Khazares*. P. 309—325). Однако связи Византии с хазарами не прервались. Во время войны с Симеоном в византийских войсках сражались и хазары, хотя отношения уже тогда стали ухудшаться, поскольку Константинополь искал опору в христианской Алании, соперничавшей с соседней Хазарией. Еще более напряженными и даже враждебными они стали в правление Романа I Лакапина (920—944). Хазарская проблема была острой и во внешней политике Древней Руси (*Паушто В. Т. Внешняя политика*. С. 91 и след.). Принятие правителем росов в первой половине IX в. хазарского титула «хаган» (ср.: *Annales Bertiniani*. A. 839; *Kmietowicz F. Tytuły władców Słowian w tzw. «Relacji anonimowej», wschodnim źródle z końca IX w.* // *Slavia antiqua*. 1976. Т. 23. S. 175—189) свидетельствовало не только об интенсивных русско-хазарских связях, но и об осознании независимости Руси, ее равноправия с хаганатом (*Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя* // *История СССР*. 1982. № 4. С. 150—159). Русская политика по отношению к Хазарскому хаганату в конце IX — начале X вв. значительно активизировалась (*Паушто В. Т. Внешняя политика*. С. 92 и след.). Период, непосредственно предшествовавший составлению труда «Об управлении империей», характеризовался новым обострением византийско-хазарско-русских отношений. В 932 г. Византия сумела направить аланского правителя против хазар, затем она попросила Русь вмешаться в эти события (*Артамонов М. И. История хазар*. С. 363—364). Древние росы совершили успешное нападение на хазарский город Самкерц (либо предместье Керчи: *Mošim V. Les Khazares*. P. 322; либо — что менее вероятно — Тамань: *Артамонов М. И. История хазар*. С. 373). В ответ на интриги империи хазары завоевали ряд византийских приморских городов в Крыму, осадили Херсон (исход осады неизвестен; см.: *Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка*. С. 118—119). В итоге аланский союз империи потерпел неудачу: поход аланов на хазар 932 г. закончился поражением, византийские священнослужители были изгнаны из Алании. Византия отказалась от посягательств на Хазарию (*Кузнецов В. А. Аланские племена; Он же. Средневековая Алания*; ср.: *Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв.* // *Изв. АН СССР*. 1946. Т. 3. № 5). В неясной связи с этими событиями Русь, вероятно, и выступила против Византии, организовав завершившийся неудачей поход Игоря 941 г., а затем поход в Закавказье в 943—944 г. Видимо, русско-хазарские взаимоотношения в это время были мирными: хазары пропускали росов на пути к Кавказу не потому, что их походы были в интересах Хазарии (*Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии* // *Византийский временник*. 1961. Т. XVIII. С. 85—104; *Он же. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в*

943 г. // Там же. Т. XX. С. 90—105; *Он же*. О русско-хазарских отношениях в 40-х годах X в. // Зап. Одесск. археологич. об-ва. 1960. Т. I (34). С. 343—353), а потому, что уже не могли росам воспрепятствовать (*Артамонов М. И.* История хазар. С. 384. Примеч. 69). С начала X в. на хазарскую степь интенсивно наступали печенеги (*Плетнева С. А.* Хазары. С. 67—68); к середине X в. северные провинции Хазарии были уже заняты печенегами и даже номинально не входили в состав хаганата. Решающий удар по могуществу хазар нанес Святослав во второй половине 60-х годов X в. (*Пауто В. Т.* Внешняя политика. С. 93 и след.; *Плетнева С. А.* Хазары. С. 71 и след.). Литературу см.: *Weinryb B. D.* The Khazars. An Annotated Bibliography // *Studies in Bibliography and Booklore*. 1963/1964. Vol. 6; *Dunlop D. M.* The History; *Sorlin I.* Le problème des Khazares et les historiens soviétiques dans les vingt dernières années // ТМ. 1968. 3. Р. 423—455.

⁴ Политическое объединение группы адыгских племен, обитавших на побережье Черного моря между Кубанью и Никопсисом. Название «зихи» встречается и у более ранних византийских авторов.

⁵ Название «влатгии» («пурпур») (*Liddel H. G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Vol. I. P. 318) связывается (не без сомнения) с финикийским именем Афродиты (Ioannis Lydi De mensibus / Ed. R. Wünsch. Lipsiae, 1898. I. 21; ср.: *Sophocles E. A.* Greek Lexicon. Vol. I. P. 310). Обычная форма слова — «влатта» (ср. лат. blatta): Edictum Diocletiani // *Mommsen T., Blümmer H.* Der Maximaltarif des Diocletian. Berlin, 1893. P. 24.2; Eriphanius (a. 402) // PG. Т. XLI, III. Col. 185C. Ср.: Eriarch. Biblion, IX, 6. Византийскому названию драгоценных тканей, главным образом шелковых, — «влатгии» соответствовало славянское — «паволоки» (Византийская книга эпарха. С. 151). «Прандии» — «лента, тесьма, пояс, шнур». См.: Theoph. Chron. P. 359.7. «Прандиями» назывался мелкий галантерейный товар — ленты, повязки, головные платки, покрывала (*Const. Porph.* De cerem. P. 189; Византийская книга эпарха. С. 156), вообще готовое для употребления изделие из ткани (*Беллев Д. Ф.* Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. СПб., 1891. Т. 1. С. 17). Феофан «прандиями» называет головной убор варваров (Theoph. Chron. P. 232). «Харерии» — вид шелковой (персидской) ткани: *Sophocles E. A.* Greek Lexicon. Vol. II. P. 1161. В «Книге эпарха» упоминается среди товаров сирийского импорта: «{...} ткань харерия, доставляемая из Селевкии и других местностей» (Eriarch, Biblion. IX, 6). Ср.: *Du Cange C.* Glossarium. Vol. II. P. 1733. О поясах см.: Ioannis Lydi De magistratibus populi Romani libri III, 2, 13 / Ed. R. Wünsch. Lipsiae, 1903. P. 68.23—24; Excerpta de legationibus / Ed. C. de Boor. Berlin, 1903. Vol. I. P. 132.11; *Const. Porph.* De cerem. II. P. 188, 420. Перец в Византию привозили из Индии (Византийская книга эпарха. С. 203; *Pigulewskaja N. V.* Byzanz auf den Wegen nach Indien. Berlin, 1969. S. 78), причем перец длинный и белый, как и другие пряности, например,

корицу и кардамон (*Ирмиер И.* Византия и Индия // Византийский временник. 1984. Т. 45. С. 67). Византийцы использовали перец для приготовления мясных блюд, а также как добавку к вину (*Georonica sive Cassiani Bassi scholastici de re rustica eclogae* / Rec. H. Beckh. Lipsiae, 1895. VIII. 31; *Геопоники* / Пер. Е. Э. Липшиц. М.; Л., 1960. С. 154). О средневековой торговле перцем см.: *Schaube A.* Handelsgeschichte der romanischen Völker. München; Berlin, 1906. S. 89, 162—165; *Wheeler R. E. M.* Rome beyond the Imperial Frontiers. L., 1955. P. 148—149.

⁶ О статусе печенегов по отношению к империи ср.: DAI. 4.10 и коммент. 2 к гл. 4.

К ГЛАВЕ 7

¹ Служители императора, выполнявшие его поручения (*Oikonomidés N.* Les listes. P. 370).

² Д. Моравчик рассматривает главы 7 и 8 как описание процедуры, которой следует придерживаться византийским послам, отправляющимся к восточным и западным печенегам (см.: DAI. 7.2 и 37.34—49). Первых легко было достигнуть, отправившись из Херсона, вторых — уже в устье Дуная (8.3). Об общих инструкциях послам подобных миссий см.: PG. T. CXIII. Col. 637 BC (DAI. II. P. 15). Вероятный источник данных сведений — рассказы византийских послов в «Печенегию» (*Toynbee A.* Constantine Porphyrogenitus. P. 599).

³ Этим термином Константин Багрянородный обозначает область расселения печенегов. В более ранних источниках топоним «Пачинакия» встречается у Николая Мистика (Nic. Patr. Epist. Col. 73 C) (см.: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. II. S. 247). Термин в византийских текстах редкий: известны еще лишь два случая его употребления — в анонимной тактике X в. (*Incerti scriptoris byzantini saeculi X liber de re militari* / Ed. R. Vari. Lipsiae, 1901. P. 29.12) и в XI в. у Иоанна Скилицы (Scyl. 486.11).

⁴ Об охранниках см. также: Liutpr. Legatio. P. 206.22; *Bréhier L.* Les institutions. P. 310.

⁵ О притязаниях печенегов и других «северных народов» ср.: DAI. 13.15—16.

К ГЛАВЕ 8

¹ Византийское тяжелое военное судно, вмещавшее 100—500 человек (*Antoniadis-Bibicou H.* Études d'histoire. P. 94). Согласно другому мнению, «хеландия» — лишь просторечное название дромония (*Ahrweiler H.* Byzance. P. 411—417).

² Вполне основательно предположение Д. Моравчика, что послы к западным печенегам, о которых здесь идет речь, могли встречать их, прежде всего, в устье Дуная. В этот период Дунай был границей Болгарии и территории распространения печенегов (ср.: DAI. 42.20—21). См.: *Златарски В.* История. Т. I. Ч. 2. С. 373 и след.; ср.: DAI. II. P. 15.

³ Передача «ъ» в славянских названиях (Дънепр, Дънестр) через краткий «а» характерна для византийской ономастики (ср. югославянский материал: *Škok P.* Kako bizantiski pisci pišu... slovenska mjesna i lična imena // *Starohrvatska prosvjeta*. N. S. 1927. № 1. P. 60—76, 161—196; *Idem.* Ortsnamenstudien. S. 213—244). В связи с этим в науке был поставлен вопрос о славянском информаторе Константина по данным сюжетам (*Тихомиров М. Н.* Происхождение. С. 76; *Левченко М. В.* Очерки. С. 209—210; *Хаджисниколов В.* Българо-руските стопански отношения и връзки до освобождението ни от турско иго // *Трудове на Висшия икономически институт «Карл-Маркс»*. 1957. Кн. 1. С. 34; *Koledarov P.* West Black Sea Coast Ports in the Late Middle Ages. Listed on Nautical Chartes // *Etudes historiques*. Sofia, 1970. T. V. P. 241 sq.).

⁴ Выражение «в стороне Болгарии» вызвало острые споры. Болгарский историк И. Божилов (Болгария. С. 55 и след.) видит здесь доказательство того, что «регион Болгарии» простирался во время правления Константина до Днепра, часть печенегов, по соглашению с болгарским царем, жила в пределах Болгарии, и к ним можно было прибыть и по Дунаю, и по Днестру, и по Днепру. Предположение это не представляется убедительным: гл. 37.39—41 не оставляет сомнений в том, что и в комментируемом месте имеется в виду лишь непосредственное соседство земель западных печенегов с территорией Болгарии и что границей между Печенегией и Болгарией было устье Дуная.

⁵ О «заканах» см.: DAI. II. P. 145—146 и коммент. Константин передает, несомненно, славянское слово; видимо, само это понятие, а возможно, и нормы права были заимствованы печенегами у славян. Впрочем, Д. Моравчик отмечает, что термин «закан» в качестве идиомы проник даже в средневековый греческий (он воспроизведен в словаре «Суда» X в. под словом «датон»). Как на историографический курьез, можно указать на мнение И. Маркварта, истолковавшего «закана» Константина как обозначение должности (*Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. S. 35). О среднем роде см.: *Manojlović G.* Studije. Knj. 187. S. 98.

⁶ Понятие «друзья» использовалось византийцами для обозначения своих союзников. Об их статусе см.: *Dölger F.* Byzanz. S. 38, 65—66; ср.: DAI. I.20—24; 9.69 (sub linea).

⁷ Об этих нападениях ср.: DAI. 3.3; 4.11—13; 13.9—11; 55—57; 16—19. См. также коммент. 1—2 к гл. 3.

⁸ Единственное известное свидетельство о миссии клирика Гавриила. Наиболее вероятно предположение Д. Моравчика, что она имела место после 927 г.

⁹ Именно из этих слов Д. Моравчик заключил (DAI. II. P. 15), что во время посольства Гавриила венгры («турки») были зависимы от Византии, что не однозначно.

¹⁰ Греческий термин «архонт» был широко распространен в византийской социально-политической практике (*Ферлуга J.* Ниже војно-административне јединице. С. 90—92). В византийской литературе X—XI вв. термином «архонт» обозначали как знатных персон, имевших определенный титул и занимавших высокую должность (глава провинции, воинского подразделения, административного учреждения и т. п.), так и не имевших должности богачей, а также чужеземных правителей (болгарских царей, русских князей, племенных вождей кочевников и т. д.). Ср.: *Hauptmann Lj.* Koje su sile. S. 171; *Koder J.* Zu den Archontes. S. 128—131; *Ferluga J.* Archon. S. 254—266. Тот же термин предписывалось употреблять в императорских посланиях при обращении к вождям венгров (*Const. Porph.* De serem. P. 691.4).

¹¹ Место, трудное для понимания; Д. Моравчик указывает венгерскую параллель к греческому переложению слов архонтов, расценивая их как достоверные (DAI. II. P. 16) и предлагает перевод: «{...} Мы не поставим себя после печенегов». Р. Дженкинз переводит: «Мы не поставим себя на путь печенегов» (DAI).

¹² Из последних строк главы явствует, что мадьяры были независимы от византийского императора.

¹³ Константин сообщает важные сведения, характеризующие отгонное скотоводство как основу экономической жизни печенегов: в поисках пастбищ они перемещались в летнее время из-за Днепра к берегам Черного моря и дунайским равнинам, а осенью отходили назад. Эти сведения согласуются с материалами археологических исследований погребений кочевников. Ориентировка скелетов в большинстве степных могильников головой на юго-запад — показатель зимних захоронений. Курганы в южнорусских степях расположены беспорядочно. Судя по археологическим данным, у печенегов не было постоянных зимовищ, как не было и кладбищ.

К ГЛАВЕ 9

Основное содержание главы 9 — описание водного пути из Киева в Константинополь с краткими упоминаниями северной части Днепровского пути (от Новгорода до Киева) и этнополитической ситуации в Древнерусском регионе. Заключительная фраза об узах, фактически открывающая следующую, десятую главу и перекликающаяся с гла-

вами о печенегах (гл. 1—8), по мнению всех исследователей, попала в главу 9 случайно при переписке сочинения из-за неясности или отсутствия деления на главы (DAI. II. P. 18). Вместе с тем описание Днепровского пути отнюдь не является однородным ни по содержанию, ни по источникам. Наиболее очевидно, что отмечается всеми исследователями (Ibid. P. 18—20), его деление на два раздела: собственно описание пути (9.3—104) и повествование о «полюдиях», т. е. о формах взимания дани «росами» с подвластных им славянских племен (9.104—113) — то, что названо у Константина «образом жизни росов». Различное происхождение разделов подтверждается употреблением в них одних и тех же названий в отличных фонетических формах: Киева — Кюова (9.8), Киова (9.15) в первом разделе и Киавон (9.106, 9.111) во втором (отметим при этом, что во втором разделе передача названия в обоих случаях одинакова, тогда как в первом транслитерации различаются и между собой, как если бы автор или переписчик был не совсем уверен в передаче [или звучании] слова) и «кривичи» (9.108, причем вторая форма значительно правильнее отражает звучание древнерусского слова). Надо добавить и то, что именно во втором разделе, и только в нем, встречаются древнерусский *terminus technicus* в греческой транслитерации — «полюдые» (9.107), а также вероятные кальки с древнерусского: «со всеми росами» (9.106) и «кормьясь» (9.110). Таким образом, второй раздел главы (9.104—113) обнаруживает значительно более близкое знакомство с древнерусской политической ситуацией и терминологией, нежели первый, и передает последнюю существенно точнее. Поэтому напрашивается предположение, что данный раздел основан на информации человека, не только знавшего древнерусские реалии, но и владевшего древнерусским языком.

Состав первого раздела (9.3—104) более сложен. Он в свою очередь распадается на ряд тематических пассажей, возможно, различного происхождения.

Первый из них — это описание подготовки однодеревков-моноксил к плаванию в Константинополь (9.3—24). Именно в связи с этой темой в повествование включены названия шести городов, находящихся на пути «из варяг в греки»: от Новгорода до Киева. Д. Оболенский выделяет список городов как отдельную часть (DAI. II. P. 18), в чем, думается, нет необходимости, так как он не является самостоятельным перечнем, а подчинен задаче рассказать, откуда приходят в Киев моноксилы. Представляется, что выделение именно этих городов (кроме Любеча и Вышгорода, лежащих уже в непосредственной близости от Киева) тесно связано с последующей информацией и информатором раздела, поскольку в приводимой здесь ономастике прослеживаются скандинавизмы. Обращает на себя внимание и то, что перечисленные в северной части пути города (см. коммент. 5 к гл. 9) не только были крупнейшими торговыми и политическими центра-

ми, но и хорошо известны как пункты пребывания великокняжеских, состоящих в значительной степени из скандинавов, дружин.

Второй пассаж — описание днепровских порогов (9.24—79). Подробность и яркость его, указание мелких деталей внешнего вида порогов, характеристика способов преодоления каждого из них свидетельствуют о том, что описание вышло из-под пера очевидца, на собственном опыте познакомившегося с трудностями плавания по этому отрезку днепровского пути. Включение именно в этот пассаж собственно византийских (точнее, константинопольских) реалий: сопоставление ширины первого порога с циканистерием (9.26), а переправы Крария — с ипподромом (9.68) указывают на то, что автором его является житель Константинополя: побывавший в Киеве купец или, как предполагает большинство исследователей (DAI. II. P. 19), член византийского посольства в Киев, участвовавший в подписании договора 944 г.

К характеристике порогов примыкает и, видимо, принадлежит тому же автору пассаж о жертвоприношениях на о. Св. Григория, который также содержит мелкие детали; их изложение выдает очевидца. Завершается этот пассаж обобщением отношений росов и печенегов, о чем речь шла неоднократно и в главах 1—8, и в главе 9.

Третий тематический пассаж этого раздела (9.80—104) посвящен описанию пути от о. Св. Эферий до Месемврии. Представляется, что он имеет принципиально отличное от предшествовавших двух пассажей и второго раздела гл. 9 происхождение. По своей структуре и элементам описания: перечисление стоянок, времени пути между ними, условий плавания — он приближается к распространенным еще с античного времени и продолжавшим функционировать и в Средневековье периплам. Можно предполагать, что составитель главы 9 включил необходимый для полноты описания раздел соответствующего перипла, возможно, дополнив его сообщением о печенегах, нападающих на потерпевших кораблекрушение мореплавателей вплоть до устья Селины, заимствованным из концовки предшествующего пассажа (9.78—79).

Таким образом, по содержанию и источникам глава 9 объединяет два раздела, первый из которых членится на три пассажа: описание сбора моноксил в Киеве и Витичеве; описание днепровских порогов и пути до о. Св. Эферий, источниками которых являлись наблюдения очевидца и информация двуязычного «роса»; и фрагмент византийского перипла. Второй раздел, основанный на сообщениях русскоязычного информатора, посвящен описанию жизни «росов».

Состав и тематика главы 9 существенно отличают ее от остальных частей сочинения «Об управлении империей». Она включена в первую часть труда Константина, «дидактическую», и совершенно не соответствует ей по своим задачам. Поэтому большинство исследователей полагает, что она должна была находиться во второй части повество-

вания, рассказывающей «о народах» (DAI. II. P. 18). Но и там аналогий главе 9 нет. Внимание Константина во второй части сосредоточено на политической обстановке в описываемом регионе, на отношениях с империей, христианизации народов. Ничего подобного нет в главе 9, хотя первая половина — середина X в. — время интенсивных экономических, политических, культурных контактов Древнерусского государства с Византией. (Комм. Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина).

¹ Термин «Рос» у Константина обозначает народ или его часть; производные «Россия» — принадлежащая росам земля, а «росисти» (буквально «по-росски») — язык, на котором они говорят.

Название Rhos Бертинских анналов считается обычно отражением греческой формы термина в латинском памятнике середины IX в. Там сообщается о том, что отправленные из Константинополя ко двору Людовика Благочестивого в Ингельхейм шведы «назвали себя <...> “Рос”» (se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant. — *Annales Bertiniani*. A. 839).

Сообщения двух других византийских источников, якобы упоминающих русских, в настоящее время нашли иное, более убедительное объяснение. «Церковная история» Псевдо-Захария (VI в.), видимо, под влиянием эсхатологической легенды о Гоге и Магоге в перечне паралоудей и чудовищных народов называет народ Hros (отождествлявшийся с «русами»: *Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*. S. 355—357, 383—385; *Дьяконов А. П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах* // *Вестн. древн. ист.* 1939. № 4. С. 83—90; *Пигулевская Н. В. Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н. э.* // *Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия*: Сб. статей. М., 1952. С. 42—48). Однако, по всей вероятности, сирийский источник «Церковной истории» имеет в виду народ «рос» греческого перевода Книги Иезекииля (Иез. 38:2—3; 39:1; см.: *Dvornik F. The Making*. P. 307—309; *Thulin A. The Southern Origin of the Name Rus'* // *Les pays*. P. 175—183; *Петрухин В. Я. Комментарий* // *Ловмянский X. Русь и норманны*. С. 283). Второе сообщение — это упоминание «русина хеландиа», которые по «Хронографии» Феофана 810—814 г. (*Theoph. Chron.* 446. 27 sq.), составляли часть флота Константина V в 774 г. (ср.: *Летопись византийца Феофана* / Пер. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского; предисл. О. М. Бодянского. М., 1887. С. 327; *Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.* // *Вестн. древн. ист.* 1941. № 1(14). С. 280: здесь к тому же ошибочно указан 765 г.; *Vernadsky G. Ancient Russia*. L., 1943. P. 279—280). Толкование «русские корабли» ошибочно, ибо прилагательное «руссион» имеет значение «алый», «пурпурный», «багряный» (*Sophokles E. A Greek Lexicon*. Vol. II. P. 972; *Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon*. Vol. II. P. 1575) и обозначает, таким образом, цвет кораблей: «алые хеландии» (см.: *Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения*. С. 143—144. Ср. то же: DAI).

Ко времени Константина Багрянородного, таким образом, этноним «рос» стал привычным в византийской традиции и постепенно был «втянут» в греческую парадигматику. Дополнительным подтверждением этого является употребление Константином парадигматически корректного термина *Ρωσία* (см. коммент. 3 к гл. 9).

Наряду с термином, имеющим корневую огласовку *ῥ*, отметим и следы распространения в греческом языке рассматриваемого периода варианта с огласовкой *ι*, на что ретроспективно указывают этнонимы «Русон» в актах Русского афонского монастыря (*Lemerie P., Dagron G., Circović S. Actes de Saint-Pantéléémon. Paris, 1982. № 8.17, 8.71—72, 8.76; 9.4; 16.2*), в ряде других греческих текстов, а также *Rusios* в сочинении Лиутпранда (середина X в.) (*Liudpr. Antap. V, 15: «Gens quaedam (...) quam a qualitate corporis Graeci vocant (...) Rusios (...)»*), как отражение в латинской транслитерации греческого «русии».

Происхождение названия «Рос» в византийских источниках — спорная проблема. Комментаторы лондонского издания (DAI. II. P. 20—21) производят греческое «Рос» из славянского «Русь», объясняя замену *ω/ov* фонетической близостью и взаимозаменяемостью *ω* и *ov* в «северногреческих» диалектах (со ссылкой на: *Ekkblom R. Rus- et vareg-. S. 8; Hatzidakis G. N. Einleitung in die neugriechische Grammatik. Leipzig, 1892—1893. S. 348 ff.*) или возможным тюркским, например хазарским, посредничеством (*Томсен В. Начало. С. 88—89; Stender-Petersen A. Varangica. P. 84*). Но и это объяснение остается также пока лишь гипотезой, поскольку чередование *ω/ov* действительно свойственно и греческому языку византийского времени, причем не только его северным диалектам. Следы бытования в византийской среде этникона *ρως*- с корневым *ι* говорят о возможной связи греческого названия Руси с русским термином. Показательно, что употребление термина с *ι* относится к фактам автономии (Лиудпранд воспроизводит название народа по наименованию наемного корпуса в Византии; акты Русского монастыря на Афоне могут отражать речь ктиторов — носителей русского языка).

Надо отметить, что и формы с *ο* корневым, впервые засвидетельствованные в житиях первой половины IX в. и в Вертинских анналах, также могут являться прямым отражением слова *ῥῶς*- (если принять скандинавскую этимологию слова «русь»), понимаемого как самоназвание отрядов скандинавов, проникавших в глубь Восточной Европы вплоть до Черного моря. Во всяком случае, указанные три наиболее ранних упоминания появляются в результате непосредственного знакомства с этими отрядами, а выражение Вертинских анналов («назвали себя (...) “Рос”») подтверждает это предположение.

Другая точка зрения на происхождение названия «Рос» предполагает его чисто книжную основу. Речь идет о применении для обозначения русских библейского термина «рош», известного по Септуагинте в

форме «Рос» [Флоровский А. «Князь Рош» у пророка Иезекииля (гл. 38—39); (Из заметок об имени Русь) // Сборник в честь на Васил Н. Златарски. София, 1925. С. 505—520; Сюзюмов М. Я. К вопросу. С. 121—123. Отметим безударный вариант воспроизведения термина в современном издании Септуагинты]. Рос трижды фигурирует в Книге пророка Иезекииля (Иез. 38:2—3; 39:1). Сближение византийского Рос с библейским Рош основано на понимании последнего как этнонима, обозначающего северных варваров, главой которых был Гог (см.: Wilhelm Gesenius' hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das alte Testament / Bearb. v. F. Buhl. B.; Göttingen; Heidelberg, 1959. S. 738; Born A. van den. Bibel-Lexikon / Hrsg. v. H. Haag. Leipzig, 1969; Grollenberg L. H. Atlas of the Bible. L., 1956. P. 161).

Однако существует мнение и об употреблении слова «рос» (рош) в Септуагинте в его исконном значении древнееврейского «глава», т. е. фраза из Книги Иезекииля понимается как «⟨...⟩ архонта-рош Фувала и Мешеха» (*Sophocles E. A Greek Lexicon. Vol. II. P. 974*), что находит соответствие в Вульгате и в некоторых других текстах.

Эсхатологическая легенда о Гоге и Магоге, которые во главе бесчисленных войск сатаны подойдут к «городу возлюбленному» (Отк. 20:7—8), была широко распространена в Византии (*Andersson A. R. Alexander's Gate, Gog and Magog and the Inclosed Nations. Cambridge (Mass.), 1932; Podskalsky G. Byzantinische Reicheschatologie. München, 1972*). В этом смысле показательно восприятие Львом Диаконом (вторая половина X в.) нападения русских на Константинополь в 860 г. как исполнения пророчества Иезекииля (*Leon. Diac. Hist. P. 150.15—19*). Однако упоминания Гога и Магога в связи с нашествием северных «варваров» на Византию могли иметь место и без какой бы то ни было связи с народом (?) «рош» (см., например, о нашествии скифов и гуннов у Андрея Кесарийского: PG. T. CVI. Col. 416).

Несклоняемость этнонима «Рос» византийских текстов сама по себе не может свидетельствовать о книжном, библейском происхождении термина (*Сюзюмов М. Я. К вопросу. С. 123*). Ошибочно также мнение, что несклоняемый термин «рос» в византийской традиции занимает исключительное положение в отличие от других иноязычных этнонимов, подвергшихся морфологической адаптации (пачинаки, варанги, турки, франки и др.), и это будто бы свидетельствует о невозможности его прямого заимствования. Как раз наоборот: и в ранневизантийской традиции, и у Константина Багрянородного несклоняемые формы этнонимов и других терминов являются следствием прямой транслитерации иноязычных названий народов (*Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. II. S. v.*).

Третье предположение касается возможной генетической связи греческого «Рос» с широко распространенным в топо- и этнонимике среднеазиатского, северокавказского и севернопричерноморского аре-

ала, вероятно, иранским корнем «рос-» (варианты см.: *Толстов С. П.* Из предьстории. С. 39—59; *Vernadsky G.* The Origin. P. 167—179). Однако эта точка зрения слабо обоснована; это относится и к крымскому топонимическому ряду Россофар — Россока — Росса и др. (см.: *Талис Д. Л.* Топонимы Крыма с корнем «рос-» // Античн. древн. и ср. века. 1973. Т. 10. С. 229—234; *Он же.* Росы в Крыму // Сов. археол. 1974. № 3. С. 87—99).

Таким образом, в вопросе о влиянии библейского термина на бытование византийского этнонима «Рос» следует различать два аспекта: 1) языковой, генетический (тезис о возникновении этника как книжного заимствования) и 2) литературно-художественный (проблема контаминации представлений об эсхатологическом нашествии библейских племен с образной характеристикой «варваров»-современников).

Влияние библейской образной системы на непосредственные впечатления византийцев несомненно. Обыгрывание термина-этника, подобное тому, как это имеет место у Льва Диакона (см. выше), — явление, характерное для византийских этнологических построений (см.: *Бибиков М. В.* Пути имманентного анализа византийских источников по средневековой истории СССР (XII — первой половины XIII в.) / Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 99—100).

Что же касается собственно этимологии и содержания названия, то наиболее распространенная гипотеза — об отражении в византийском «Рос» (с влиянием библейской традиции или без него) названия «русь» — неизбежно влечет за собой вопрос об этимологии и значении восточнославянского «русь». Ответ на этот вопрос в значительной степени определяет и интерпретацию слова «Рос» у Константина.

² Однодеревки, долбленки — ладьи славян и жителей Подунавья.

³ Термин «Россия» как обозначение территории восточнославянского государства, соответствующее летописным наименованиям «Русь» и «Русская земля», впервые в византийской литературе встречается в сочинении Константина «О церемониях» (De serem. P. 594. 18, 691. 1. См.: *DAI.* II. P. 20). Сопоставимыми с названиями «русская земля» и «страна русская» стали в византийских источниках выражения «страна Росии» (*DAI.* 37.43) и «Росская земля» (*Hörander W.* Theodoras Prodromos. Historische Gedichte. Wien, 1974. № 59. 191). В южнославянских памятниках для обозначения государства он употребляется лишь с 1387 г., в России — со второй половины XV в. (*Соловьев А. В.* Византийское имя России // Византийский временник. 1957. Т. XII. С. 134—146). Известная форма, употребительная в новое время, — с двумя *c* («Россия»), в греческих текстах встречаются в XIV в. (*Nicéphori Gregorae Byzantinae historiae libri postremi* / Ed. I. Becker. Bonnæ, 1855. P. 199, 12; 511. 18), в русских источниках — с XVI в. (см.: *Соловьев А. В.* Византийское имя России // Византийский временник. 1957. Т. XII. С. 146).

⁴ Выражение допускает несколько толкований.

1) «Внешняя Росия» — подчиненная росам территория славян со всеми перечисленными ниже городами, «внутренняя» (этого термина у Константина нет — он восстанавливается как оппозиция к «внешней» Росии) — собственно Киев, откуда выходят «все росы» в полюдье. В этом случае к «внешней Росии» придется причислить даже Вышгород — Вусеград, княжеский «Ольгин град» в середине X в., что маловероятно.

2) «Внешняя» и «внутренняя» Росии — два основных пункта пребывания росов: Немогард — Новгород, где сидел Святослав, и Киев, в котором Константин помещает «всех росов». Тогда все прочие города, перечисленные императором, не включаются ни во «внешнюю», ни во «внутреннюю» Росию (ср.: *Насонов А. Н.* «Русская земля». С. 31; *Mosin V. A.* Начало Руси. Норманы в восточной Европе // *BS.* 1931. Рос. 3. Р. 305), а принадлежат пактиотам росов — славянам (ср. обозначение Витичева как крепости-пактиота росов). В гл. 37 Росия противопоставлена землям уличей, древлян, лендзян и прочих славян, платящих ей дань. Возможно, Константин, повсюду противопоставляя славян и росов, пытался разделить их и территориально, чему соответствовала и полученная им информация о «всех росах» в Киеве. Из самого трактата очевидно, что росы присутствовали и в Новгороде, и, как следует из данных археологии, в других пунктах, отмеченных Константином. Росы и княжеская дружина вообще не могли замкнуться в стенах лишь двух подвластных росам крепостей: дружинные погосты в X в. известны по всей Восточной Европе на важнейших речных магистралах Древнерусского государства (*Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* К предыстории. С. 100—112). Таким образом, и земли между Киевом и Новгородом, и особенно речные пути, по-видимому, не были нейтральной зоной, куда росы наезжали лишь на время полюдья — они были закреплены за киевским князем системой погостов.

3) Гипотетическая «внутренняя» Росия — страна полян (*Manojlović G.* *Studije.* Кпј. 187. S. 24) или Русь в узком смысле — Киевская, Черниговская и Переяславская земли (*Приселков М. Д.* Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учен. зап. ЛГУ. Сер. историч. наук. 1941. Вып. 8. С. 233—235; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь. С. 89). Однако Чернигов назван наряду с Новгородом и Смоленском вне связи с Киевом, равно как Вышгород и Любеч (на территории полян); Переяславль же не назван вообще: города «Русской земли» в узком смысле не выделяются Константином в отдельную группу (ср.: *DAI.* II. Р. 25). *Насонов А. Н.* Русская земля. С. 31) находит у Константина противопоставление «внешней Росии» с Новгородом собственно Росии, где князем (архонтом) был Игорь, сидевший в Киеве. Но договор Игоря с греками 944 г. (ПВЛ. Ч. 1. С. 34—39), упоминающий наряду с послами великого князя Игоря, княгини Ольги и других также «сла» Святослава, заключен был от «всех людей Руския земля». Таким обра-

зом, киевский великий князь в X в. — не князь Руси в узком смысле, но правитель всей Русской земли, включая Новгород, как, по-видимому, и следует понимать титул «архонт Росии» у Константина. В гл. 37 Константин противопоставляет территорию (хору) Росии землям славян, платящих дань Росии, в которой Насонов видел Русь в узком смысле. Но Константин говорит о южных границах Росии и округах (хорах), с которыми соседствуют печенег, поэтому сужение территории Росии до Среднего Поднепровья неправомерно.

4) «Внешняя Росия» — Северная Русь с границей где-то между Новгородом и Смоленском (DAI. II. P. 26; ср. наименование Смоленской и Новгородской земель Верхней землей — Ипатьевская летопись, 1148 г.: ПСРА. СПб. 1908. Т. 2. Стб. 369). В этом случае перечисленные вслед за Новгородом (относительная самостоятельность которого подчеркнута тем, что называется новгородский князь Святослав) Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород входят во «внутреннюю Росию». Непосредственная связь Любеча, Чернигова и Вышгорода с Киевом не подлежит сомнению. Смоленское Поднепровье по данным нумизматики (Янин В. А. Денежно-весовые системы. С. 149—151) в середине X в. входило в ареал южнорусской денежно-весовой системы, что свидетельствует о включении территории смоленских кривичей в сферу влияния Киева; полюдые с кривичей собирал киевский князь. По Б. А. Рыбакову, маршрут полюдья (по периметру племенных территорий древлян, дреговичей, кривичей и северян) проходил через перечисленные Константином города, поворотным пунктом был Смоленск (Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С. 316 и след.). В таком случае вероятно, что «внутренняя Росия» — это территория Руси, освоенная полюдьем киевского князя (ср.: Рыбаков Б. А. Первые века. С. 36—37). Вместе с тем в реконструкции Рыбакова не учтены упомянутые Константином «прочие славяне», с которых собиралось полюдые, и платившие дань Росии уличи и лендзяне, наряду с древлянами не входившие, согласно Константину, в Росию. Неясным остается и положение Смоленска, который древнерусская традиция относит к Верхней земле наряду с Новгородом (ПВЛ. Ч. 2. С. 350—351).

Существует также ряд других, менее обоснованных гипотез о локализации «Внешней» и «Внутренней» Росии (см.: DAI. II. P. 26). Среди последних — их отождествление О. Прицаком с «каганатом Руси», состоящим из двух территорий, которыми для середины X в. являлись Днепровский путь — «Внешняя Росия» и Ростовская земля (метрополия) — «Внутренняя Росия». См.: Pritsak O. Where Was Constantine's Inner Rus'? // Harvard Ukrainian Studies. 1983. Vol. VII. P. 555—567.

5) Наиболее убедительным представляется предположение А. Поппэ, что деление Руси на «внешнюю» и «внутреннюю» проводилось самими византийцами; таким образом, «внутренняя Росия» — ближайшие к Византии земли в Приднепровье, «внешняя Росия» — отдаленная

Новгородская земля (*Poppe A. Rhosia // SSS. 1972. Т. 4. Cz. 2. S. 496—497*). Ср.: *Soloviev A. Ἡ ἔξις τῆς Ῥωσίας // Byzantion. 1938. Vol. 13. P. 2331*). Д. Оболенский отмечает, что Новгород лежал на периферии Древней Руси с точки зрения и Константина, и правителей Киева (DAI. II. P. 26). «Внешняя ар-Русийа» упоминается ал-Идриси, но, как и у Константина, нигде не противопоставлена «внутренней» (*Бейлис В. М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР, 1982 г. М., 1984. С. 209*). Впрочем, тот же автор упоминает «внутренних» и «внешних» басджиртов (Там же. С. 216). Если учесть, что восточные авторы, например ал-Хорезми (*Калинина Т. М. Сведения ал-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии // Там же. С. 184, 196*), следовали Птолемию в традиции разделения Скифии на внешнюю и внутреннюю, то закономерен вопрос, не повлияла ли эта античная традиция и на сочинение Константина. Существенно, что он упоминает также внутреннюю Персию (гл. 22) и, в соответствии с античной традицией, внешнюю Испанию (гл. 24, она же «Малая»). Ср. также выделение «окольных Славиний» на Балканах в византийских текстах IX—X вв. (см.: *Иванова О. В., Литаврин Г. Г. Славяне и Византия. С. 88*). Таким образом, наиболее вероятно, что Константин следовал античному «эгоцентрическому» принципу выделения внутренней и внешней частей описываемого региона (по отношению к описываемому), а не собственно древнерусской традиции (см.: *Петрухин В. Я., Шелов-Коведяев Ф. В. К методике исторической географии. «Внешняя Россия» Константина Багрянородного и античная географическая традиция / Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 184—190*).

⁵ Нижеследующий перечень древнерусских городов, поставляющих монокилы росам, последовательно называет центры, лежащие на Днепровском пути, от самого северного — Новгорода — по мере их приближения к Киеву. Это выделение части Днепровского пути к северу от Киева перекликается с выделением Константином «внешней», т. е. дальней России (см. коммент. 4 к гл. 9). Систематичность перечня подтверждает справедливость предлагаемой интерпретации топонимов. Особый интерес представляет синтаксическое выделение Константином первого центра — Новгорода: «одни из Немогарда, <...> другие из крепости Милински, из Телиуцы <...>». Именно он (в отличие от Любеча и др.) играл первостепенную роль в функционировании Невско-Днепровского пути и был крупнейшим средоточием ремесла и международной торговли. В скандинавских памятниках и в XII—XIII вв. сохраняется представление о Новгороде как столице Руси. Это сообщение Константина весьма важно как свидетельство сложения на Руси к середине X в. сети поселений, связанных единими внешнеэкономическими и политическими целями.

⁶ Общепринята интерпретация топонима Немогардас как Новгорода Великого. (*Комм. М. В. Бибикова, Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина*).

к ГЛАВЕ 10

¹ О соседстве узов и хазар ср. также: DAI. 37.4.

² Одно из византийских наименований правителя иноземного народа. Титул упомянут и в «Книге церемоний» (*Const. Porph. De caerem.* P. 688.2) (*Ostrogorsky G. Die byzantinischen Staatenhierarchie. S. 52; Soloviev A. Le nom byzantin de la Russie // BS. 1947. T. 9. P. 34, n. 10*). Сходный термин «эккусиаст» употреблялся применительно как к могущественным Фатимидам, так и к аланам и авасгам — вассалам Византии.

Социально-политическая терминология византийских источников, касающаяся аланского господствующего класса, неоднозначна. Поэтому высказывалось предположение о существовании реального различия в политическом статусе упоминаемых Константином «эккусиократора Алании», с одной стороны, и «архонта Азии» (*Const. Porph. De caerem.* P. 688.2, 6) — с другой. Различие в терминологии истолковывалось в том смысле, что «наряду с чисто официально-государственным титулом “эккусиократора Алании”, существовало и понятие, “целиком связанное с родовым строем”, — “старейшина асов»» (*Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. С. 233*). Однако оснований для принятия этой гипотезы нет (*Бибиков М. В. Византийские источники. С. 143*).

Аланией византийцы называли как территорию расселения на Северном Кавказе ираноязычных племен — аланов, так и политическое образование, игравшее в начале X в. на северо-восточной периферии Византии роль ее аванпоста против хазар и кочевников южнорусских степей. До проникновения в Предкавказье к началу гуннских нашествий в IV в. аланы обитали к востоку от Дона (*Altheim F. Geschichte der Hunnen. Berlin, 1959. Bd. 1. S. 342*). Формирование аланской материальной культуры приходится на V в., когда в зону их расселения входила уже вся центральная часть Северного Кавказа от верховьев Кубани до пределов Дагестана (*Кузнецов В. А. Аланские племена. С. 30—35*). С конца VI в. до конца VII в. византийские памятники молчат об аланах, что, возможно, было связано с их зависимостью от хазар (*Кулаковский Ю. А. Аланы. Отд. II*). В VIII в. единственным известием об аланах является сообщение Феофана (391.5—395.2) о посольстве Льва III на Кавказ, расцениваемое как свидетельство политической независимости аланов от хазарской власти (*Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. С. 42 и след., 65 и след., 136*). Доказательством непрекращавшихся, видимо, византийско-аланских связей является обращение аланов в IX в. в христианство (*Кулаковский Ю. А. Аланы. С. 142—144*). В VIII—IX вв. аланы, в силу давления черных болгар, потеряли часть территории в районе совр. Кисловодска (*Кузнецов В. А. Аланские племена. С. 30*).

К X в. относят формирование средневековой ираноязычной аланской народности на территории от притока Кубани Урупа на западе до притока Терека — Аргуна на востоке. Выделились три основных варианта аланской материальной культуры: западный (верховья Кубани), центральный (Кабардино-Балкария) и восточный — в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии (*Кузнецов В. А.* Локальный вариант аланской культуры на территории Кабардино-Балкарии // Учен. зап. Кабардино-Балкарск. НИИ. Нальчик, 1959. Т. XVI. С. 149).

Рост политической самостоятельности Алании на рубеже IX—X вв. сопровождался постепенным ослаблением политического влияния Хазарского хаганата. Важные последствия для политического положения Алании в X в. имели походы древнерусских дружин на Каспий и в Закавказье. Так, в составе коалиции русов во время похода на Бердаа в 943—944 г. были и аланы. Победы Святослава над хазарами завершили и борьбу Аланского государства за освобождение от политического влияния хазар (*Таило А. В.* Восточный поход. С. 59—68). В X в. наиболее подробные сведения об аланах сообщает ал-Масуди (*Минорский В. Ф.* История Ширвана. С. 204—207).

Вместо распространенных ранее представлений о невысоком уровне политического развития Алании (*Ванеев З. Н.* Средневековая Алания. Сталинири, 1959. С. 86 и след., 142 и след.) теперь высказывается мнение о том, что X—XII вв. являлись периодом наивысшего расцвета военного могущества и культуры аланского населения Северного Кавказа, что именно тогда произошло у аланов оформление раннефеодальной государственности. Этот период истории Алании и отражает свидетельство Константина (*Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 23 и след.; *Тогошвили Г. Д.* Византия и Алания // Изв. АН Груз. ССР (Мацне). Сер. ист., археол., этногр. и ист. искусства. 1978. № 2. С. 60—79; *Гадло А. В.* Этническая история. С. 187 и след.; *Авдиенко В. Г.* Этносфера Алании как фактор христианизации: (К постановке проблемы) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 102—105; *Кузнецов В. А.* Очерки по истории алан).

³ В. А. Кузнецов локализует «Климаты» Хазарии, т. е. области, подвластные хаганату, лишь в районе Нижнего и Среднего Прикубанья (*Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 15 и след.). А. В. Гадло, напротив, считает, что здесь имеется в виду более обширный район Северного Кавказа, борьба за влияние в котором и определила характер алано-хазарских конфликтов (*Гадло А. В.* Восточный поход. С. 60 и след.; *Он же.* Этническая история. С. 196—197).

О географии и административно-политической структуре хаганата см.: *Магомедов М. Г.* Древние политические центры Хазарии // СА. 1975. № 3. С. 63—74; *Он же.* Хазарские поселения в Дагестане // Там же. № 2. С. 200—216; *Мухеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985; ср.: *Koesller A.* The Thirteenth Tribe. The Khazar

Empire and its Heritage. L., 1976; *Golden P. B. Khazar Studies. Vol. 1—2; Bazin L. Pour une nouvelle hypothèse sur l'origine des Khazars // Byzantino-Altaica. Bochum, 1983. S. 51—71. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 67 и след.*

Целью Византии, как следует из рассматриваемого текста, было закрепление своего влияния в северокавказском регионе путем отторжения от Хазарии Крыма и Боспора (см. гл. 11) и укрепления аланов-византийского союза против хазар; вместе с тем предполагалось, используя силы кочевников (печенегов и узов), противопоставить их не только хаганату, но и Алании.

к ГЛАВЕ II

¹ «Крепостью» Боспор Константин называет город на восточной оконечности Крымского полуострова (на месте совр. Керчи) — прямой наследник античного города Пантикапей, основанного в первой половине VI в. до н. э. Еще в античную эпоху милетская колония в Таврике получила название Боспор Киммерийский, став затем центром Боспорского государства, разгромленного гуннами в 70-х годах IV в. С III в. в Боспоре получило распространение христианство, а с IV в. Боспор выделился в самостоятельную епископию Константинопольской патриархии. В начале VI в. он снова стал центром византийского административного округа, но в VII в. большая часть Крыма, особенно его восточная часть, попала под власть Хазарского хаганата. В хозяйственной жизни Боспора VIII—IX вв. — это пора экономической стабилизации, интенсивного социального развития роста городского строительства. Несмотря на ослабление позиций хазар в Восточной Таврике к концу IX в. и на одновременное усиление печенежского натиска, на рубеже IX—X вв. хазарский гарнизон, вероятно, еще удерживал Боспор и Таманский полуостров (*Яковсон А. А. Средневековый Крым. С. 55*).

Ко времени составления трактата Константина Багрянородного этот регион уже стал объектом интенсивных внешнеполитических действий Древней Руси в силу острого столкновения в Северном Причерноморье интересов, прежде всего, Византии и Руси, боровшихся за влияние в Таврике и Приазовье.

Свидетельство Константина отражает, по-видимому, еще хазарский период истории Боспора, когда в завоеванном в VIII в. городе сидел хазарский тудун, а сам город назывался, судя по переписке Иосифа, К-р-ц (*Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка. С. 101—102*).

² Город-крепость в излучине Дона, на левом берегу Старицы, на западном рубеже владений Хазарского хаганата (*Nagrodzka-Majchrzyk T.*

Miasta chazarskie Itil i Sarkel // Przegląd Orientalistyczny. 1973. Т. 1 (85). S. 45—50).

³ Как сказано выше, в IX—X вв. обострились византийско-хазарские отношения; Византия побуждала к нападениям на Хазарию прежде всего печенегов и аланов. Не всегда эта политика приносила империи успех. В спровоцированном ею алано-хазарском конфликте 932 г. хаган с помощью наемников-узлов разбил аланов и взял в плен их правителя. Победитель предпочел, однако, не устанавливать свое непосредственное господство в Алании: хаган принял пленника с почестями и женил своего сына на аланской царевне. В результате аланы на время даже возвратились к язычеству, изгнав христианских священнослужителей (*Артамонов М. И.* История хазар. С. 363—364).

к ГЛАВЕ 12

¹ Ср.: DAI, 42.77. Черная Булгария известна также по Повести временных лет: согласно договору Игоря 944 г. с Византией, русский князь обязывал защищать «Корсунскую землю» (округ Херсона) от черных болгар, нападавших из Приазовья. Локализация спорна: область Кубани (*Ласкин Г.* Сочинения Константина Багрянородного. М., 1899. С. 76; *Златарски В.* История. Т. I. Ч. 1. С. 114) или междуречье Днепра и Дона (*Westberg F.* Die Fragmente des Toparcha Gothicus // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. SPb., 1901. Т. V/2. S. 103, 107; *Marquart J.* Streifzüge. S. 503; *Vasiliev A. A.* The Goths. P. 101). Д. Моравчик (DAI. II. P. 62) считает возможным отождествить Черную Булгарию с Волжской (см. также: *Брун Ф.* Черноморье. Т. I. С. 31—32, 100, 107; *Macartney C. A.* On the Black Bulgars // Byzantinisch-neugriechisches Jahrbuch. 1930—1931. Bd. 8. S. 150—158; *Смирнов А. П.* Волжские Булгары. М., 1951; ср.: *Гадло А. В.* О черных и внутренних болгарях. Одна из спорных проблем исторической этнографии южнорусских степей // Географическое общество. Доклады по этнографии. Л., 1968. Вып. 6. С. 3—25). В материалах Комиссии АН СССР «Константин Багрянородный» высказано, однако, другое мнение: «Видно, что лежала [Черная Булгария] по соседству с Хазарией и притом ближе к Руси. Нельзя отождествлять [ее] с Волжской Булгарией (*Брун Ф. К.* Черноморье. Т. I. С. 31, 100) и с территорией Кубани, занятой аланами (ср. *Иловыйский [Д. И.]* Розыскания о начале Руси. [С.] 290; *Ласкин [Г.]* Сочинения. [С.] 76). Вернее думают Вестберг и Маркварт: [она находилась] между Днестром и Хазарией, занимая часть старинной области кутигуров или котрагов к западу от Танаиса. Ср.: *Середонин [С. М.]* Лекции. С. 86» (Архив АН СССР. Ленинградское отд-ние. Ф. 126. Оп. 1. № 10).

Действительно, как явствует из сообщений Константина, русы, направляясь в Таврику, проходят от Днепра путь через Черную Булгарию и Хазарию, что делает уязвимой волжскую локализацию Черной Булгарии.

О ЦЕРЕМОНИЯХ ВИЗАНТИЙСКОГО ДВОРА (перевод Г. Г. Литаврина)

Произведение Константина Багрянородного, условно называемое «О церемониях византийского двора», сохранилось в единственном списке, имеющем пространное заглавие: «Константина, христолюбивого во Христе самом вечном Царе василевса, сына мудрейшего и приснопамятного василевса Льва, сочинение и во истину царского усердия достойное творение». В трактате досконально расписана режиссура приемов, в том числе иностранных послов, в соответствии с рангом приезжающих. Исторический материал приемов прошлого характеризует правление императоров Льва I, Анастасия I, Юстина I, Льва II и Юстиниана I. В предисловии автор пишет об исторической значимости произведения, основанного как на собственных наблюдениях, так и на литературных и архивных источниках.

В дошедшем до нас тексте памятника, однако, встречаются и вставки, несомненно, более позднего, чем деятельность Константина, времени: так, подробный рассказ о государственном перевороте 963 г., выдержанный в благоприятных для Никифора Фоки тонах, мог быть составлен, скорее всего, уже после убийства императора Никифора Фоки в 969 г.

Для истории Руси первостепенное значение имеет описание приема Константином в византийской столице посольства княгини Ольги (594.15—598.12). Помимо подробного изложения самой дипломатической процедуры церемонии, автор подробно перечисляет состав русского посольства, суммы, выдаваемые разным его членам в соответствии с рангом гостей.

Изд.: Constantinus Porphyrogenitus imperator. De cerimoniis aulae Byzantinae libri 2. Rec. I. I. Reiske. Bonnae, 1829—1830. Vol. 1—2; Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des cérémonies. (Ch. 1—92) / Ed. A. Vogt. Paris, 1935—1939. T. 1—2.

Лит.: Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 360—364; *о. Иоанн.* Обрядник византийского двора (De Ceremoniis aulae Byzantinae) как церковно-археологический источник. М., 1895; *Успенский Ф. И.* Византийская табель о рангах // Известия Русского Археологического Института в Константинополе. 1898. Т. 3. С. 98—137; *Вуру J. B.* The Ceremonial Book of Constantine Porphyrogenitos // The English Historical Review. 1907. Vol. 22. P. 209—227, 417—439; *Treutingen O.* Die oströmische Kaiser — und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Darmstadt, 1956; *Литаврин Г. Г.* Византия. Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.), СПб., 2000. С. 154—213; *Назаренко А. В.* Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? // Византийский временник. 1989. Т. 50. С. 66—83; *Паушто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 66 и сл.; *Острогорский Г.* Византия и киевская княгиня Ольга // To Honor of Roman Jacobson. The Hague; Paris, 1967. Vol. 7. P. 1458—1473; *Poppe A.* Once again concerning the Baptism of Olga, Archontissa of Rus' // Homo Byzantinus. Papers in Honor A. Kazhdan: Dumbarton Oaks Papers. 1992. Vol. 46. P. 271—277; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980; *Ариньон Ж.-П.* Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги // Византийский временник. 1980. Т. 41. С. 113—124; *Arignon J.-P.* Les relations diplomatiques entre Byzance et la Russie de 860 à 1043 // Revue des études slaves. 1983. Т. 55 (1). P. 129—137; *Obolensky D.* Russia and Byzantin in the Mid-Tenth Century: The Problem of the Baptism of Princess Olga // Greek Orthodox Theological Review. 1983. Vol. 28. № 2. P. 157—171; *Idem.* The Baptism of Princess Olga of Kiev: The Problem of the Sources // Byzantina Sorbonensia. 1984. P. 159—176; *Idem.* Ol'ga's Conversion: The Evidence Reconsidered // Proceedings of the International Congress Commemorating the Millenium of Christianity in Rus'-Ukraine. New York (Harvard Ukrainian Studies. Vol. 12—13). 1988—1989. P. 145—158; *Pritsak O.* When and where was Ol'ga Baptizal? // Harvard Ukrainian Studies. 1985. Vol. 9. № 1/2. P. 5—24; *Tinnefeld F.* Die russische Fürstin Ol'ga bei Konstantin VII. Und das Problem der «purpurborenen Kinder» // Russia Medievalia. 1987. Bd. VI. P. 1. S. 30—37;

Брайчевский М. Ю. Ольга и Константинополь // Южная Русь и Византия. Киев, 1991. С. 12—20; *Featherstone J.* Ol'ga's Visit to Constantinople // Harvard Ukrainian Studies. 1990. Vol. 14. № 3/4. P. 293—312; *Назаренко А. В.* Попытка крещения Руси при княгине Ольге в контексте международных отношений 60-х годов X в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 24—40; *Он же.* Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь. Источниковедческие заметки // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1994. С. 154—168; *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus. 750—1200. L.; N. Y., 1996. P. 134—139; *Литаврин Г. Г.* Христианство на Руси в правление княгини Ольги // Gesellschaft und Kultur Russlandes im frühen Mittelalter. Halle, 1982. S. 134—143; *Он же.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // Византийский временник. 1981. Т. 42. С. 35—48; *Он же.* О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // История СССР. 1981. № 5. С. 173—183; *Он же.* Состав посольства Ольги в Константинополе и «дары» императора // Византийские очерки. 1981. С. 71—92; *Он же.* К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. С. 49—57; *Он же.* Русско-византийские связи в середине X в. // Вопросы истории. 1986. № 6. С. 41—52; *Он же.* Реплика на статью А. В. Назаренко // Византийский временник. 1989. Т. 50. С. 83—84; *Он же.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 421—452.

КОНСТАНТИНА, ХРИСТОЛЮБИВОГО ВО ХРИСТЕ
 САМОМ ВЕЧНОМ ЦАРЕ, ВАСИЛЕВСА,
 СЫНА МУДРЕЙШЕГО И ПРИСНОПАМЯТНОГО ВАСИЛЕВСА
 ЛЬВА,
 СОЧИНЕНИЕ И ВО ИСТИНУ ЦАРСКОГО УСЕРДИЯ
 ДОСТОЙНОЕ ТВОРЕНИЕ
(перевод Г. Г. Литварина)

Множество событий забывается и ускользает за большой промежуток времени; если бы пренебрегали великим и почетным занятием — описанием царских обрядов, если бы это,

так сказать, обрекли на вымирание, на царскую власть можно было бы смотреть как на будничное и поистине лишенное красивой внешности явление. (I. 4.2—7).

Мы решили все то, что самими нами видено и в наши дни принято, тщательно выбрать из множества источников и представить для удобного обозрения в этом труде тем, кто будет жить после нас; мы покажем забытые обычаи наших отцов и, подобно цветам, которые мы собираем на лугах, мы прибавим их к царской пышности для ее чистого благолепия.

(I. 4.15—21).

Другой прием — Эльги¹ Росены².

Девятого сентября, в четвертый день [недели], состоялся прием по прибытии Эльги — архонтиссы³ Росии. Сия архонтисса вошла с близкими, архонтиссами-родственницами и наиболее видными из служанок. Она шествовала впереди всех прочих женщин, они же по порядку, одна за другой, следовали за ней. Остановилась она на месте, где логофет⁴ обычно задает вопросы. За ней вошли послы и купцы архонтов Росии и остановились позади у занавесей. Все дальнейшее было совершено в соответствии с вышеописанным приемом.

Выйдя снова через Анадендрарий⁵ и Триклин кандидатов⁶, а также триклин, в котором стоит камелавкий⁷ и в котором посвящают в сан магистра, она прошла через Онопод и Золотую руку, т. е. портик Августия, и села там. Когда же василевс⁸ обычным порядком вступил во дворец, состоялся другой прием следующим образом.

В Триклине Юстиниана⁹ стоял помост, украшенный порфирными дионисийскими тканями, а на нем — большой трон

¹ Княгиня Ольга.

² Т. е. «Русской».

³ Обычное в Византии наименование иноземных князей и правителей.

⁴ Логофет дрома — начальник ведомства почт, коммуникаций, внешних связей.

⁵ Оранжея.

⁶ Зал императорского дворца.

⁷ Вид императорского венца.

⁸ Император Константин VII Багрянородный.

⁹ Зал Юстиниана II.

василевса Феофила, сбоку же — золотое царское кресло. За ним, позади двух занавесей, стояли два серебряных органа двух партий, ибо их трубы находились за занавесями. Приглашенная из Августия, архонтисса прошла через Апсиду, ипподром и внутренние переходы самого Августия и, придя, присела в Скилах¹. Деспина² между тем села на упомянутый выше трон, а ее невестка — в кресло. И [тогда] вступил весь кувуклий³, и препозитом⁴ и остиарием⁵ были введены вилы⁶: вила первая — зост, вила вторая — магистриссы, вила третья — патрикиссы, вила четвертая — протоспафариссы-оффикиалы, вила пятая — прочие протоспафариссы, вила шестая — спафарокандидатиссы, вила седьмая — пафариссы, страториссы и кандидатиссы⁷.

Итак, лишь после этого вошла архонтисса, введенная препозитом и двумя остиариями. Она шла впереди, а родственные ей архонтиссы и наиболее видные из ее прислужниц следовали за ней, как и прежде было упомянуто. Препозит задал ей вопрос как бы от лица августы⁸, и, выйдя, она [снова] присела в Скилах.

Деспина же, встав с трона, прошла через Лавсиак и Трипетон⁹ и вошла в Кенургий¹⁰, а через него в свой собственный китон¹¹. Затем тем же самым путем архонтисса вместе с ее родственницами и прислужницами вступила через [Триклин] Юстиниана, Лавсиак и Трипетон в Кенургий и [здесь] отдохнула.

Далее, когда василевс с августой и его багрянородными детьми уселись, из Триклина Кенургия была позвана архон-

¹ Строение, примыкающее к Триклину Юстиниана.

² Императрица Елена.

³ Дворцовые евнухи.

⁴ Начальник кувуклия.

⁵ Привратник.

⁶ Вельможи различного ранга.

⁷ Перечислены жены всех титулярных особ.

⁸ Т. е. императрицы.

⁹ Путь через вестибюль Хрисотриклина.

¹⁰ Т. н. «Новое строение» во дворце.

¹¹ Покои императрицы.

тисса. Сев по повелению василевса, она беседовала с ним, сколько пожелала.

В тот же самый день состоялся клиторий¹ в том же Триклине Юстиниана. На упомянутый выше трон сели деспина и невестка. Архонтисса же стояла сбоку. Когда трапезит² по обычному чину ввел архонтисс, и они совершили проскинесис³, архонтисса, наклонив немного голову, села к апокопту⁴ на том же месте, где стояла, вместе с зостами, по уставу. Знай, что певчие, апостолиты и агиософиты⁵, присутствовали на этом клитории, распевая василикии⁶. Разыгрывались также и всякие театральные игрища.

А в Хрисотриклине⁷ [в то же время] происходил другой клиторий, где пировали все послы архонтов Росии, люди и родичи архонтиссы и купцы. [После обеда] получили: анепсий⁸ ее 30 милиарисиев⁹, 8 ее людей — по 20 милиарисиев, 20 послов — по 12 милиарисиев, 43 купца — по 12 милиарисиев, священник Григорий — 8 милиарисиев, 2 переводчика — по 12 милиарисиев, люди Святослава — по 5 милиарисиев, 6 людей посла — по 3, переводчик архонтиссы — 15 милиарисиев.

После того как василевс встал от обеда, состоялся десерт в Аристрии¹⁰, где стоял малый золотой стол, установленный в Пентапиргии¹¹. На этом столе и был сервирован десерт в украшенных жемчугами и драгоценными камнями чашах.

Сидели [здесь] василевс, Роман¹² — багрянородный василевс, багрянородные их дети, невестка и архонтисса. Было

¹ Званный обед.

² Распорядитель пира.

³ Ритуальное простирание ниц перед императором.

⁴ Стол для высших персон.

⁵ Т. е. певчие храмов св. Апостолов и св. Софии.

⁶ Панегирики в честь василевса.

⁷ «Золотой зал» дворца.

⁸ Племянник или двоюродный брат.

⁹ Серебряная монета, одна тысячная золотого фунта.

¹⁰ Зал для завтрака.

¹¹ Зал, где выставлялись сокровища.

¹² Сын Константина VII Багрянородного, будущий император Роман II (959—963).

вручено: архонтиссе в золотой, украшенной драгоценными камнями чаше — 500 милиарисиев, 6 ее женщинам — по 20 милиарисиев и 18 ее прислужницам — по 8 милиарисиев.

Восемнадцатого сентября, в воскресенье, состоялся клиторий в Хрисотриклине. Василевс сидел [здесь] с росами. И другой клиторий происходил в Пентакувуклии св. Павла, где сидели деспина с багрянородными ее детьми, с невесткой и архонтиссой. И было выдано: архонтиссе — 200 милиарисиев, ее анепсию — 20 милиарисиев, священнику Григорию — 8 милиарисиев, 16 ее женщинам — по 12 милиарисиев, 18 ее рабыням — по 6 милиарисиев, 22 послам — по 12 милиарисиев, 44 купцам — по 6 милиарисиев, двум переводчикам — по 12 милиарисиев (594.15—598.12).

ВОИНСКИЙ ТРАКТАТ

Воинский трактат об организации лагеря и воинской тактике в рукописных списках сохранился без указания автора. Автор сочинения касается и различных бытовых ситуаций, стычек в ущельях (клинсурах), методов осады и атаки. Исторические примеры черпаются из опыта войн с соседями, к которым относятся как болгары, так и более отдаленные народы — печенеги, турки (венгры), а также Россия. Памятник отражает ситуацию второй половины X в. Автор представляется не столько книжным теоретиком, сколько человеком практического воинского опыта, знакомого с битвами с болгарами. Император, к которому обращен трактат, идентифицируется чаще с Василием II или с Никифором Фокой. В первом случае тогда речь может идти о болгарских войнах 991—995 гг.

В главе о походном марше упоминаются росы как составной контингент византийской армии. В другом случае в рекомендациях о ночном нападении на лагерь неприятеля говорится о русских всадниках.

Изд.: Three Byzantine Military Treatises / Ed. by G. T. Dennis. Washington, 1985 [Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 25].

Пер.: Кучма В. В. Два византийских военных трактата конца X века. СПб., 2002.

Лит.: *Graux Ch.* Traité de tachique connu sous le titre *Περὶ καταστάσεως ἀπλήκτου* // *Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France.* 1875. P. 76—89; *Martin A.* Notices et eztraits des manuscrits de la bibliothèque nationale et autres bibliothèques. Paris, 1898. Vol. 36. P. 67—127; *Vari R.* *Incerti scriptoris byzantini saeculi X. Liber de re militari.* Leipzig, 1901; *Lammert F.* Die antike Poliorketik und ihr weiterwirken // *Klio.* 1938. Bd. 31. S. 389—411; *Kolias S.* *Περὶ ἀπλήκτου* 1941. Τ. 17. Ἐπετηρὶς Ἐταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν. Σ. 144—184; *Кучма В. В.* Византийские военные трактаты VI—X вв.

как источники по истории военного искусства Византийской империи // *Античная древность и средние века*. Свердловск, 1966. Вып. 4. С. 31—56; *Dargon G., Mihaescu H. Le trante sur la querilla de l'empereur Nicephore Phocas*. Paris, 1986; *Кулаковский Ю.* Новоизданный византийский трактат по военному делу // *Византийский временник*. 1900. Т. 7. С. 646—660; *Он же.* Византийский лагерь конца X века // *Византийский временник*. 1903. Т. 10. С. 63—91.

ОБ УСТРОЙСТВЕ ЛАГЕРЯ

(перевод В. В. Кучмы)

Пусть император имеет при себе собственных токсотов, если пожелает; пусть при нем будут также росы¹ и малартии². Если где-нибудь по пути движения армии встретятся поселения, пусть будут отправлены слуги для добывания всего необходимого. Если эти слуги удалятся на какое-то расстояние, поскольку поселения будут располагаться сбоку и в стороне от дороги и внешние таксии плагифилаков отойдут на их защиту, пусть будет подан сигнал труб к их возвращению, а войску будет приказано не продолжать движение, но подождать возвращения слуг. После их сбора пусть марш будет возобновлен.

XVII.

О том, что младшим архонтам не следует иметь палаток

Нет ни пользы, ни необходимости везти с собой во вражескую землю палатки младших архонтов, особенно в землю

¹ *Росы* — контингент наемников, возможно, варяжского происхождения. Токсоты — лучники.

² *Малартии* — воинское подразделение, вероятно. В анализируемом сочинении *малартии* упоминаются дважды (второй раз в гл. XIX) и в обоих случаях вместе с *росами*; в других военных трактатах термин не встречается. По предположению Дж. Дэнниса (*Dennis. De castro*. P. 283, п. 2), на вооружении *малартиев* были копья (дротики), мечи и щиты, что отличало их от лучников. Ж. Дагрон (*Dargon. Traité*. P. 155, п. 63) вполне уверенно полагает, что речь идет о пехотном контингенте, имеющем на вооружении булавы или, что более вероятно, копья, — это противопоставляет их *росам*, вооруженным секирами.

болгар, если нет намерения ради внешней пышности армии всего лишь значительно увеличить массу бесполезного народа. Вследствие этого в стране, которая, как сказано, является труднопроходимой и поставляет немного продовольствия, подчиненным им стратиотам будет нанесен немалый вред. Вместо этого указанным архонтам вполне достаточно иметь укрытие в виде шалашей, легко сворачиваемых по утрам и на время жары, а всю бесполезную кладь нужно заменить всем тем необходимым, в чем действительно имеется нужда.

XVIII. О дукаторах и катаскопах

Поскольку не следует пренебрегать ничем, что направлено к общему благу армии, необходимо иметь опытных и знающих дукаторов, всячески им покровительствовать, их опекать и о них заботиться: ведь без них ничего хорошего не может быть достигнуто. Мы называем дукаторами не просто тех, которые хорошо знают дороги, — ведь это может знать и любой поселянин, — но тех, которые в дополнение к знанию дорог способны успешно управлять переходом войска через клисуры, предвидеть и предусмотреть истинную протяженность дневных переходов и отыскать места для просторного лагеря, удобные и обеспеченные в изобилии водой, и, исходя из состояния вражеской земли, точно сообщить вторгнувшемуся в нее войску, в каких пределах можно опустошать страну и обращать ее жителей в рабство.

Надлежит также выдвинуть вперед многочисленных и подходящих хосариев, которых люди с востока именуют трапезитами¹, и пусть они постоянно то в одном, то в другом месте проникают во вражескую землю для захвата в плен людей, чтобы через последних точно узнавать о намерениях врагов, готовы ли они действовать или ожидают помощи союзников, и чтобы, короче говоря, ничто из задуманного ими не осталось незамеченным.

Подобно им в высшей степени полезны катаскопы: проникнув во вражескую страну, они могут точно изучить врагов

¹ *Хосарии*, или *трапезиты*, — здесь: мобильные воинские отряды, используемые для разведывательных рейдов на вражескую территорию.

и сообщить тем, которые их послали. Доместику¹ и пограничным стратигам² разрешается иметь катаскопов не только среди болгар, но и среди других пограничных народов, обитающих в землях печенегов, и турок, и росов, чтобы ничто из замышляемого ими не оставалось нам неизвестным. Иногда пленные, захваченные вместе с женами и детьми, принесут больше пользы, чем иные из катаскопов. Связав их обещанием стратигов предоставить им свободу вместе с женами и детьми, их следует направить на разведку, и когда они возвратятся после изучения всего того, что касается их соотечественников, они расскажут только правду.

XIX. О проходе клисур, не занятых неприятелями

За несколько дней до того, как войску предстоит вступить на вражескую территорию, пусть будут отправлены дукаторы, катаскопы и хосарии, чтобы хорошо изучить все дороги и узнать, не заняты ли они неприятелями. И если станет известно, что они не заняты, тогда нецелесообразно вводить войско в неудобную местность; ведь вражеские нападения обычно случаются после того, как начался переход через тесные места. Если же какая-либо необходимость вынудит пройти именно по таким дорогам, за один или за два дня должен быть послан отряд пехоты, возглавляемый мужественным и знающим архонтом и имеющий больше токсотов и аконтистов, чем оплитов³. Если есть возможность, пусть и отряд конников там будет

¹ *Доместик (схол)* — здесь: военный руководитель одного из двух независимых территориальных командований, созданных во второй половине X в. (судя по контексту, имеется в виду доместик схол Запада). Доместикам схол Запада и Востока были подчинены все вооруженные силы империи, расположенные в соответствующих частях ее территории. Катаскопы — лазутчики.

² *Пограничные стратиги* — здесь: главы пограничных военно-административных округов — *фем*. В результате реорганизации военной и административной структуры империи, проведенной в конце X — начале XI вв., стратиги пограничных фем перешли в подчинение правителям новых крупных административно-территориальных образований (*дукам* и *катепанам*).

³ Легко- и тяжеловооруженное войско. Дукаторы и таксиархи — командующие подразделениями.

присутствовать и взаимодействовать с пехотинцами с целью их большего воодушевления. Также следует идти с ними более опытным дукаторам и таксиархам, служившим на Западе, которые знают такую местность более детально, чем другие. Архонт должен постараться захватить все самые высокие точки местности или же оборудованный фрурион¹, если окажется, что он находится в данном месте, и пусть оттуда он надежно удерживает не только ту дорогу, по которой предстоит перейти армии, но также с большим рвением охраняет все остальные дороги, предоставляющие возможность для подхода по ним неприятельского войска, чтобы враги не были в состоянии ниоткуда напасть на армию, находящуюся в невыгодной позиции, и нанести ей урон в этих условиях.

После надежного занятия дороги архонт должен доложить нашему священному императору, и после этого следует приступить к переходу. Пусть будут выделены две таксиархии, которым надлежит идти впереди кавалеристов, неся с собой секиры и топоры для расчистки пути, где это потребуется. Командиру двух передовых таксиархий должно быть дано императорское распоряжение, чтобы на всем протяжении этой дороги, где обнаружатся сколько-нибудь сужающиеся и труднопреодолимые места, он оставлял бы часть пехотинцев, чтобы удерживать и охранять их до перехода всего войска. Позади этих пехотинцев должны следовать передовые формирования кавалерийских таксий нашего священного императора, после них — пехотинцы, которые следуют вместе с императором, то есть росы, малартии и токсоты, за ними — наш священный император с его окружением и в сопровождении соответствующих кавалерийских таксий, а после них пусть переходит остальное войско в той последовательности, как нами каждому было предписано. Две таксиархии, идущие впереди всего войска, должны сохранять походный порядок вплоть до их размещения в лагере, точно так же как и все остальные. Позади всех, в том числе и саки, должны следовать две таксиархии пе-

¹ *Фрурион* — здесь: разновидность укрепленного пункта, предназначенного для укрытия в нем местного населения. В этом основном значении термин используется в «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, IX.3; X.2).

хотинцев. Архонт, заранее овладевший дорогами, не должен их оставлять, пока не перейдет вся армия целиком, но лишь после того, как перейдут все, пусть тогда и он перейдет самым последним вместе с подчиненными ему людьми.

XXV. О том, как нужно атаковать лагерь врагов ночью

Если осажденные враги поддерживаются извне своими соплеменниками и благодаря этому остаются неуязвимыми вопреки нашим стараниям, необходимо через пленных, катаскопов или перебежчиков узнать, в каком месте эти соплеменники располагаются и каковы их силы. Если они не очень далеко от нашего войска, а на расстоянии не больше одного дневного перехода, так что есть возможность, начав марш вечером, до рассвета достичь их лагеря, тогда император, выделив значительные силы кавалеристов, превосходящие те, которые имеются у врагов, и взяв с собой пехотные части аконтистов и токсотов и некоторых из оплитов, имеющих лучших вьючных лошадей, а также верховых росов, — оставив, конечно, на защиту собственного лагеря от врагов достаточное войско, — должен выступить в сопровождении опытных дукаторов, так чтобы никто, за исключением его советников, не знал, куда он направляется. К тому же следует идти на врагов не беспорядочно и не как придется, но пусть каждая таксия следует одна за другой строем и соблюдая тишину, причем пехотное войско пусть следует позади всех кавалерийских таксий, а кавалеристы пусть идут вместе с росами, и если они перед рассветом атакуют врагов, застигнутых врасплох, они с помощью Божьей завершат великое дело. Даже если враги, будучи настороже, вступят в сражение, они, оказавшись слабее, потерпят поражение, если Бог не допустит, чтобы с нашей стороны случился какой-либо промах.

Опасаясь неожиданных ударов неприятелей, не следует позволять войску в беспорядке нападать на их обозное имущество, чтобы враги не обрушились на наших людей, рассеявшихся по этой причине, по аналогии с тем, что обычно делается против них, когда они пытаются причинить вред войску в наших собственных лагерях. Позаботившись в первую очередь об уничтожении врагов в сражении, будет легко в конце концов овладеть и всем тем, что им принадлежит.

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ФЕОФАНА

Так называемая хроника Продолжателя Феофана (*Scriptores post Theophanem*) — памятник исторической мысли, связанный с именем Константина Багрянородного. В начале текста говорится о подготовке этого труда во время правления Константина Багрянородного, по его повелению и даже при его непосредственном участии; временем создания хроники считается период самостоятельного правления Константина (945—959 гг.) — возможно, около 950 г. Это произведение формировалось в иных по сравнению с IX в. условиях, и, хотя непосредственно примыкает к «Хронографии» Феофана (охватывает в целом период с 813 до 961 гг., обрываясь на середине фразы), отличается от предшествующих ему памятников исторической мысли как по идейной направленности, так и по методам освоения исторического материала. Отлична от хроник круга Георгия Монаха и его последователей даже судьба текста Продолжателя Феофана: он дошел фактически в единственной рукописи XI в. Сопоставление первоначальной части Продолжателя Феофана (первые четыре книги) с хрониками Георгия Монаха и Логофета показало независимость друг от друга соответствующих разделов первоначального текста первой редакции хроники Логофета и Продолжателя Феофана. Общие с ним места второй и третьей редакций хроники Логофета (история иконоборческого патриарха Иоанна и православного Мефодия) объяснимы общностью источника. Продолжатель Феофана охотно передает различные слухи и поверия (в частности, в книге о Михаиле III). Однако памятник отличает несколько иной по сравнению с предшественниками уровень историзма. Так, можно говорить об элементах исторической критики — это редкость даже для современной Продолжателю литературы: приводятся противоречивые версии одного и того же события, различные оценки поведения того или иного героя (сражение при Версиникии 22 июня 813 г., рассказы о Фоме

Славянине, о гибели Феофана). Автор пытается раскрыть причинно-следственную связь событий. Во Введении хронист определяет и композиционно-тематическую структуру труда, намереваясь следовать монографическому принципу описания «по правлениям» того или иного монарха. Все это серьезно отличается от полумеханического нанизывания разнородных источников, что свойственно хронике Логофета.

Политические симпатии и антипатии автора определены его социальным положением — его принадлежностью к придворному кругу, непосредственной близостью к Константину VII.

Общей целью историографии круга Константина Багрянородного было прославление Македонской династии и, прежде всего, ее основателя — Василия I, что отразилось и на рассматриваемых первых четырех книгах хроники, охватывающих период, предшествующий правлению Василия. В соответствии с общей идеологической тенденцией, его предшественники выведены в маловыгодном свете, с тем чтобы на таком фоне ярче выглядела фигура Василия I. Ему посвящен следующий раздел хроники, хотя, очевидно, он был составлен ранее других частей Продолжателя Феофана. Принадлежность автора к придворным кругам Константина VII объясняется и выдвиганием на первые план в концепции государственного правления принципа легитимности императорской власти. Различия социальных оценок Продолжателя Феофана и Логофета касаются и придворных кругов. Резко отрицательно характеризуется временщик Варда, в то время как у Логофета осуждается его соперник — Феоктист. Героями Продолжателя Феофана становятся полководцы, такие как Петрона (в 4-й книге) или Мануил (в 3-й).

Подобные социальные воззрения хрониста с еще большей силой развиты в «Жизнеописании императора Василия I», составляющего целиком 5-ю книгу Продолжателя Феофана.

Следующая часть хроники Продолжателя Феофана, охватывающая период от правления Льва VI до смерти Романа Лакапина (948 г.), близка второй редакции хроники Логофета («Ватиканский Георгий»), и, таким образом, несет черты переработки хроники Логофета с позиций аристократа.

Происхождение этой части относится ко времени правления Никифора Фоки. Социальные воззрения ее автора отличает приверженность аристократическим родам Фок, Аргиров, Куркуасов и оппозиционное отношение к Роману I, что отличается от взглядов Симеона Логофета.

Наконец, в четвертой части Продолжателя Феофана описывается самостоятельное царствование Константина VII и начало правления его сына Романа II (повествование обрывается на 961 г.). Его автор, по-видимому, — современник происходящего, можно предполагать его близость монашеству Олимпа.

Вместе с тем подчеркнутый интерес автора заключительной части к городским епархам, их ведомству позволяет предположить, что этот раздел написал Феодор Дафнопат, императорский секретарь, патрикий, который в 960—963 гг. сам был епархом города. Ему приписывается и возможное редактирование всей хроники Продолжателя Феофана (работа над последней частью хроники датируется временем между 961 и 968 гг.). Симпатией к аристократическим кланам, прежде всего к роду Фок, отличаются социальные воззрения хрониста. Герой этой части — Константин VII — наделяется качествами и философа, и праведника, ценящего добродетель и деятельный ум, — позиция, отличная от образа идеального василевса, смиренного христианина, созданного Феофаном. Знать оказывается опорой императора и государства. Идеализация образа временщика Иосифа Вринги заставляет предположить, что на сочинение оказали влияние аристократические круги, близкие Вринге, — сторонники провинциальной феодальной знати, недовольные политикой Романа Лакапина.

Основываясь на сведениях своих источников, автор хроники сообщает о набеге росов на Константинополь в 860 г., о походе Руси («дромитов») в 941 г., об участии воинских соединений росов наряду с армянами, «славянами» и фракийцами в походе византийской армии в 961 г. на Хандак на Крите (481.4—12), на чем и обрывается рукопись с текстом хроники.

Идентификация автора хроники Продолжателя Феофана с Феодором Дафнопатом остается проблематичной.

Изд.: Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus, rec. I. Bekker. Bonnae, 1838. P. 1—21, 353—481.

Пер.: Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Пер. и коммент. Я. Н. Любарского. СПб., 1992; Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М., 2003. С. 122—129; Karpozelos A. Βυζαντινοί ιστορικοί και χρονόγραφοι. Athens, 2002. Т. 2. P. 345—366.

Лит.: Kunik E. Über das Verhältniß des Continuator Theophanes zu dem Symeon Logothetes oder Beudometaphrastes // *Krug Ph.* Forschungen in der alteren Geschichte Russlands. Т. 2. СПб., 1848. P. 785—807; Hirsch F. Byzantinische Studien. Leipzig, 1876. S. 175—302; Крашенинников М. Theophanes continuatus. VI. 32. P. 377.1 Bonn // ЖМНП. Вып. 43. Май 1913. С. 187—188; Iorga N. Medaillons d'histoire litteraire byzantine, 9. Les Continueurs de Theophane // *Byzantion*. Т. 2. 1925. P. 253—260; Шестаков С. К вопросу об авторе Продолжения Феофана // Deuxième Congrès International des Etudes Byzantines (Belgrade, 1927). Compte-rendu. Belgrade, 1929. P. 35—45; Jenkins R. J. H. The Supposed Russian Attack on Constantiniople in 907: Evidence of the Pseudo-Symeon // *Speculum*. Vol. 24. 1949. P. 403—406; *Idem*. The Classical Background of the Scriptorum post Theophanem // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 8. 1954. P. 11—30; Nickles N.-G. The Continuatio Theophanis // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. Vol. 68. 1937. P. 221—227; Markopoulos A. Theodore Daphnopateas et la Continuation de Theophane // *Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik*. Bd. 35. 1985. S. 171—182; Barisic F. Genesisios et le Continueur de Theophane // *Byzantion*. Т. 28. 1959. P. 119—133; *Idem*. Les sources de Genesisios et du Continueur de Theophane pour d'histoire du regne de Michel II (820—829) // *Byzantion*. Т. 31. P. 2. 1961. P. 257—271; Ljubarskij Ja. Theophanes Continuatus und Genesisios. Das Problem einer gemeinsamen Quelle // *Byzantinoslavica*. Т. 48. 1987. S. 12—27.

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ФЕОФАНА

«ХРОНОГРАФИЯ»

(перевод Я. Н. Любарского)

[860 г.]

Потом набег росов (это скифское племя, необузданное и жестокое), которые опустошили ромейские земли, сам Понт Эвксинский предали огню и оцепили город¹ (Михаил² в то время воевал с исмаилитами³). Впрочем, насытившись гневом Божиим, они вернулись домой — правивший тогда церковью Фотий⁴ молил Бога об этом, — а вскоре прибыло от них посольство в царственный город, прося приобщить их Божьему крещению⁵. Что и произошло⁶.

«ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ИМПЕРАТОРА ВАСИЛИЯ»

Щедрыми раздачами золота, серебра и шелковых одеяний он⁷ склонил к соглашению неодолимый и безбожный народ росов, заключил с ними мирные договоры⁸, убедил приобщиться к спасительному крещению и уговорил принять рукоположенного патриархом Игнатием⁹ архиепископа, который, явившись в их страну, стал любезен народу таким деянием.

¹ Константинополь.

² Император Михаил III (842—867).

³ Т. е. арабами.

⁴ Константинопольский патриарх Фотий (858—867, 877—886).

⁵ Речь идет о знаменитой осаде русскими Константинополя 18 июня 860 г., описанной непосредственным участником событий — патриархом Фотием (*Vasiliev A. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge (Mass.), 1946; Tinnfeld F. Der furchtbare Blitzschlag aus dem fernsten Norden. Der Angriff der Rhos im Jahr 860 // Les Pays du Nord et Byzance. Uppsala, 1981.*)

⁶ О посольстве и первом крещении росов Фотий пишет в своем послании 867 г. (см. выше).

⁷ Император Василий I (867—886), основатель Македонской династии.

⁸ Описываемые события происходят примерно в 867 г.

⁹ Константинопольский патриарх Игнатий (847—858, 867—877).

Однажды князь этого племени собрал сходку их подданных и воссел впереди со своими старейшинами, кои более других по многолетней привычке были преданы суеверию, и стал рассуждать с ними о христианской и исконной вере. Позвали туда и иерея, только что к ним явившегося, и спросили его, что он им возвестит и чему собирается наставлять. А тот, протягивая священную книгу Божественного Евангелия, возвестил им некоторые из чудес Спасителя и Бога нашего и поведал по Ветхому завету о чудотворных Божьих деяниях. На это росы тут же ответили: «Если сами не узрим подобного, а особенно того, что рассказываешь ты о трех отроках и печи¹, не поверим тебе и не откроем ушей речам твоим». А он, веря в истину Рекшего: «Если что попросите во Имя Мое, то сделаю» и «Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит и больше сих сотворит, когда оное должно свершиться не напоказ, а для спасения душ», сказал им: «Хотя и нельзя искушать Господа Бога, но если от души решили вы обратиться к Богу, просите, что хотите, и все полностью ради веры вашей совершит Бог, пусть мы жалки и ничтожны». И попросили они бросить в разложенный ими костер саму книгу веры христианской, божественное и святое Евангелие, и если останется она невредимой и неопаленной, то обратятся к Богу, им возглашаемому. После этих слов поднял иерей глаза и руки к Богу и рек: «Прославь имя твое, — Иисус Христос, Бог наш в глазах всего этого племени», — и тут же метнул в пламя костра книгу святого Евангелия. Прошло немало времени, и когда погасло пламя, нашли святой том невредимым и нетронутым, никакого зла и ущерба от огня не потерпевшим, так что даже кисти заповорев книги не испортились и не изменились. Увидели это варвары, поразились величию чуда и уже без сомнений приступили к крещению».

[941 г.]

Одиннадцатого июня четырнадцатого индикта на десяти тысячах судов приплыли к Константинополю росы, коих име-

¹ Имеется в виду ветхозаветный сюжет о выходе из горящей печи невредимыми трех мужей, брошенных туда царем Навуходоносором за их отказ поклониться языческим идолам (Дан. 3:13 и след.).

нуют также дромитами¹, происходят же они из племени франков². Против них со всеми дронами и триерами³, которые только оказались в городе, был отправлен патрикий⁴. Он снарядил и привел в порядок флот, укрепил себя постом и слезами и приготовился сражаться с росами. Когда росы приблизились и подошли к Фаросу (Фаросом называется сооружение, на котором горит огонь, указующий путь идущим в ночи), патрикий, расположившийся у входа в Евксинский понт (он назван «гостеприимным» по противоположности, ибо был прежде враждебен для гостей из-за постоянных нападений тамошних разбойников; их, однако, как рассказывают, уничтожил Геракл, и получившие безопасность путешественники переименовали понт в «гостеприимный»), неожиданно напал на них на Иероне, получившем такое название из-за святилища, сооруженного аргонавтами во время похода. Первым вышедший на своем дроне патрикий рассеял строй кораблей росов, множество их спалил огнем, остальных же обратил в бегство. Вышедшие вслед за ним другие дрона и триеры довершили разгром, много кораблей потопили вместе с командой, многих убили, а еще больше взяли живыми. Уцелевшие поплыли к восточному берегу, к Сгоре⁵. И послан был тогда по суше им наперехват из стратигов патрикий Варда Фока с всадниками и отборными воинами. Росы отправили было в Вифинию изрядный отряд, чтобы запастись провиантом и всем необходимым, но Варда Фока этот отряд настиг, разбил наголову, обратил в бегство и убил его воинов. Пришел туда во главе всего восточного войска и умнейший доместик схол Иоанн Куркуас, который, появляясь то там, то

¹ А. Васильев связывает это наименование русских с топонимом на берегу Днепра, откуда они якобы приходили (*Vasiliev A. The Second Russian Attack on Constantinople // DOP. 1959. Vol. 6. P. 219*), Псевдо-Симеон (см. ниже) дает другую, народную этимологию этого имени (*Николаев В. Свидетельство Хроники Псевдо-Симеона о Руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. // Византийский временник. 1981. Т. 42. С. 151*).

² Свидетельство о норманнском происхождении росов.

³ Большие военные корабли.

⁴ Патрикий Феофан.

⁵ Место на вифинском побережье.

здесь, немало убил оторвавшихся от своих врагов, и отступили росы в страхе перед его натиском, не осмеливаясь больше покидать свои суда и совершать вылазки. Много злодеяний совершили росы до подхода ромейского войска: предали огню побережье Стена¹, а из пленных одних распинали на кресте, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в голову железные гвозди. Немало они сожгли и святых храмов. Однако надвигалась зима, у росов кончалось продовольствие, они боялись наступающего войска domestika схол Куркуаса, его разума и смекалки, не меньше опасались и морских сражений и искусных маневров патрикия Феофана и потому решили вернуться домой. Стараясь пройти незаметно для флота, они в сентябре пятнадцатого индикта² ночью пустились в плавание к фракийскому берегу, но были встречены упомянутым патрикием Феофаном и не умели укрыться от его неусыпной и доблестной души. Тотчас же завязывается второе сражение. И множество кораблей пустил на дно, и многих росов убил упомянутый муж. Лишь немногим удалось спастись на своих судах, подойти к побережью Килы и бежать с наступлением ночи. Патрикий же Феофан, вернувшийся с победой и великими трофеями, был принят с честью и великолепием и почтен саном паракимомена.

¹ Т. е. Босфора.

² 15 сентября 941 г.

ХРОНИКА ПСЕВДО-СИМЕОНА

Так называемая Хроника Псевдо-Симеона представляет собой одну из известных версий хроники Продолжателя Феофана или сходных частей хроники Логофета. В отличие от других версий памятника, оканчивающихся на описании событий 948 г., текст Псевдо-Симеона описывает события всемирной истории с 813 до 963 г. Она является компиляцией различных, по большей части известных трудов — Феофана Исповедника, Георгия Монаха, анонимной хроники IX в. об императоре Льве Армянине (*Scriptor incertus de Leone Armenio*), сохранившейся в свою очередь в двух вариантах, первой редакции Продолжателя Георгия и хроники Продолжателя Феофана.

В тексте хроники Псевдо-Симеона содержится заимствованный сюжет об осаде росами Константинополя (в 860 г.) и об организации патриархом Фотием обороны столицы (674.16—675.3). Та же хроника сохранила рассказ и о росах-дромитах, названных по имени некоего Роса, происходящих из рода «франков» (707.3—7). Вновь о росах-дромитах сообщается в связи с рассказом о походе на Константинополь Олега в 907 г., восходящим к Продолжателю Георгия (746.12—747.6). Однако современными исследователями этот рассказ был отнесен к событиям 988 г. и связан с обстоятельствами крещения Руси при князе Владимире (А. Маркопулос) или даже вообще представлен компиляцией античных текстов, не имеющей реального исторического содержания (А. Карпозилос).

Изд.: Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1838. S. 603—760.

Лум.: Ostrogorsky G. L'expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907 // Annales de l'Institut Kondakov. Seminarium Kondakovianum. 1939. Т. 2. P. 47—62, 296—298; Jenkins R. J. H. The Supposed Russian Attack on Constantinople

in 907: Evidence of the Pseudo-Symeon // *Speculum*. 1949. Vol. 24. P. 403—406; *Amantos K.* Ἱστορία τοῦ Βυζαντινοῦ Κράτους. Athens. 1947. Т. 2. P. 77—78; *Grégoire H.* La légende d'Oleg et l'expédition d'Igor / *Bulletin de l'Académie royale de Belgique*. 1937. Vol. 23. P. 80—94; *Idem.* L'histoire et la légende d'Olef, prince de Kiev // *Nouvelle Clio*. 1952. Vol. 4. P. 281—287; *Idem.* L'étymologie des Russes Drômites // *Ibid.* P. 385—387; *Vasiliev A.* The Second Russian Attack on Constantinople // *Dumbarton Oaks Papers*. 1951. Vol. 6. P. 161—225; *Mango C.* A note on the Ros-Dromitai // Προσφορὰ εἰς Στ. Κυριακίδην. Thessalonice, 1953. Т. 4; *Markopoulos A.* Encore les Ros-Dromitai et le Pseudo-Symeon // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1974. Bd. 23. S. 89—99; *Idem.* Ἡ Χρονογραφία τοῦ Ψευδοσυμεών καὶ οἱ πηγές της. Ioannina, 1978; *Карпозилос А.* Рос-Дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // *Византийский временник*. 1988. Т. 49. С. 112—118.

ХРОНИКА

[941 г.]

Росы, или еще дромиты, получили свое имя от некоего могущественного Роса, после того как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы, благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ними¹. Дромитами они назывались потому, что могли быстро двигаться (бегать)².

¹ Существует и иная интерпретация этого фрагмента: *Карпозилос А.* Рос-Дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // *Византийский Временник*. 1988. Т. 49. С. 112—118.

² Народная этимология названия (см. выше).

МАЛЫЕ (КРАТКИЕ) ХРОНИКИ

«Малыми», или «краткими», хрониками названа группа текстов, в основном небольшого объема и, как правило, анонимных, представляющих собой хронологические записи об исторических событиях, случившихся в тот или иной год. Большая часть этих памятников относится к периоду между XIII и XV вв., однако они восходят к источникам более раннего времени. По содержанию коллекция малых хроник подразделяется на всемирные, императорские, патриаршие, локальные (Иерусалимские, Кипрские, Митиленские, Пелопоннесские, Южноитальянские, венецо-византийские и др.) памятники, а также хроники турецкого завоевания. Эти хронологические заметки содержат, как правило, точные датировки (день, месяц, год, индикт).

Одна из малых хроник, известная из Cod. Vat. gr. 840, содержит данные о выборах епископов Русской церкви за 1328—1332, 1334—1335, 1343, 1345 и 1347 гг., относясь ко времени киевского митрополита Феогноста (1328—1353). Среди многочисленных епископов, архимандритов и иеромонахов называются иерархи Владимирской, Перемышльской, Холмской, Луцкой, Туровской, Галицкой (впервые — за 1328 г.), Ростовской, Рязанской (1329 г.), Суздальской, Сарайской, Тверской (1330 г.), Новгородской (1331 г.), Черниговской (1332 г.), Смоленской, Брянской (1335 г.) и Белгородской (1345 г.) епархий, архимандрит Печерского монастыря (1335 г.). Поименовано более тридцати клириков русской церкви. Эта хроника, несомненно, русского происхождения.

Та же ватиканская рукопись содержит и другую краткую хронологическую запись, касающуюся русской истории: это примыкающее к текстам по русской церковной истории (т. н. «Отрывки В. Н. Бенешевича») свидетельство о крещении князя Владимира и всей Руси при нем осенью 989 г. — редчайшее в византийской традиции. Помимо «Отрывков В. Н. Бенешевича»,

к русской церковной истории имеет отношение и находящееся в кодексе выше послание Киевского митрополита Иоанна II. Несомненная связь данного кодекса, содержащего «русские» краткие хроники, доказывается и тем, что рукопись одно время находилась во владении Исидора Киевского.

В хронологической заметке из Cod. Paris. gr. 2303 сообщается о крещении рода росов при императоре Василии Македонском в 6390 г. (881/882 г.). К правлению того же василевса, но в период между 860 и 866 гг., относится свидетельство о крещении росов в другой краткой хронике из афонского иверского списка, где помещена и легенда о неопалимом Евангелии.

Изд.: Die byzantinischen Kleinchroniken. Hsg. v. P. Schreiner. Wien, 1975—1979. Bd. I—III (Corpus fontium Historiae Byzantinae, XII).

Лит.: *Regel W.* Analecta Byzantino-Russica. SPb., 1891. P. 52—56; *Васильевский В. Г.* Записи о поставлении русских епископов при митрополите Феогносте в Ватиканском греческом сборнике // ЖМНП. 1888. Вып. 225. Февраль. С. 445—463; *Бенешевич В. Н.* Записки о поставлении русских епископов // Русская Историческая Библиотека. Т. 6. Прил. 2. СПб., 1908. С. 432—446; *Приселков М., Фасмер М.* Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. // Изв. Отд. рус. яз. и словесности Имп. Академии наук. 1916. Вып. 21. С. 48—70; *Mercati G.* Seritti d'Isidoro il cardinale Ruteno e codici a lui appartenuti che si conservato nella Biblioteca Apostolica Vaticana [Studi e Testi. 46]. Roma, 1926; *Schreiner P.* Ein wiederaufgefundener Text der Narratio de Russorum conversione und einige Bemerkungen zue Christianisierung der Russen in byzantinischen Quellen // Byzantino-Bulgarica. Т. I. 1976; *Пер.:* *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое Крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М., 2003. С. 139—140, 157—158.

ТЕКСТ

[860 г.]

В царствование Василия Македонянина¹, около 6390 года², окрещен народ росов.

В царствование Василия Македонянина уверовали росы³; когда уже договорились с василевсом, они стали, однако, требовать знамения. Василевс послал туда архиерея; они сказали бросить Евангелие в костер. Велики чудеса Твои, Христе! Разведено пламя, василевс вознес руки и очи к небу, сказал: «Прославь имя Твое, Христос Бог!» Положено было в пламя святое Евангелие; но долгое время пламени оставалось невредимым. Видя это, варвары были поражены, посему все были крещены.

Михаил⁴, сын Феофила⁵, [правил] со своей матерью Феодорой четыре года и один — десять лет, и с Василием⁶ — один год четыре месяца. В его царствование 18 июня в 8-й индикт, в лето 6368, на 5-й год его правления пришли росы на двухстах кораблях, которые предстательством всеславнейшей Богородицы были повержены христианами, полностью побеждены и уничтожены⁷.

[941 г.]

В 14-й индикт, в июне 6449 [года]⁸ произошло нашествие на город⁹ десяти тысяч кораблей русского флота, в царствование Романа Старого¹⁰, который царствовал с Константином¹¹ — сыном Льва¹², сына Василия Македонянина¹³.

¹ Император Василий I (см. сноску 5).

² Соответствует 881—882г..

³ В греческом тексте — несклоняемая форма этнонима.

⁴ Император Михаил III (842—867).

⁵ Император Феофил (829—842).

⁶ Соправитель Михаила III, будущий автократор Василий I (867—886), основатель Македонской династии.

⁷ Поход росов на Константинополь 860 г. (см. выше).

⁸ Поход 941 г. (см. выше).

⁹ Т. е. Константинополь.

¹⁰ Император Роман I Лакапин (920—944).

¹¹ Император Константин VII Багрянородный.

¹² Император Лев VI (886—912).

¹³ Император Василий I Македонянин.

ИОАНН ГЕОМЕТР (КИРИОТ)

Эпоха «великих битв» Византии последней трети X в. породила как подробные хроникальные описания, (например, у Льва Диакона), так и пространные поэмы, стихотворения и эпитафии «на случай», посвященные отдельным конкретным историческим событиям. Иоанн Геометр (или Кириот, прозванный так по названию константинопольского Господнего монастыря, где он некоторое время находился в 970 г.) прославился стихами военно-политического содержания — на смерть императоров Никифора II Фоки, затем — Иоанна I Цимисхия, «на набег иверов», «на мятеж болгар» и т. д. Поэт родился в видной семье в столице до 930 г., умер ок. 990 г. Был монахом и священником, автором гимнов, прославляющих Богородицу, св. Пантелеимона, отцов Церкви и подвижников — аскетов. Герой стихотворной энкомиастики Иоанна Геометра — Никифор Фока уподобляется солнцу, он сияет блеском оружия. Его слава освещает всю землю, его подвиги доходят до Крита и Кипра, Тарса и Антиохии.

Однако не только, даже не столько мощь и слава ромейского оружия составляет лейтмотив исторической лирики Иоанна Геометра, сколько постоянно нагнетаемое чувство опасности и страха перед лицом варварского мира — «скифских» племен, «русского всеоружия», устремившегося на Византию.

В эпиграме «На болгар» (919 В) — о болгарском восстании при царе Самуиле — в упоминаемых автором «фракийцах» В. Г. Васильевский видел греков, а в «скифах» — русских. Тем самым ученый полагал, что здесь имеется намек на союз Византии с киевским князем Владимиром, заключенный после восстания Комитопулов (986 г.) и после византийского поражения при Сердине («в теснинах», по словам эпиграммы). Тогда «скифы» — русские могли представлять собой пяти-шеститысячный русский корпус в византийской столице весной 989 г., к которому и могут относиться слова

Иоанна Геометра. Следует, однако, иметь в виду, что в большинстве текстов этого времени «скифами» византийцы называли болгар, хотя поэт называет их в основном «болгарами» и «мисами».

«Скифы» многократно упоминаются Иоанном Геометром и в стихотворении «Набеги иверов» (909 А), «На апостасию» (908 А) и др.

В одной из эпиграмм в сатирическом облике Иоанном Геометром обыгрывается славянская лексика — «псина» и «лай» (собаки).

В связи с фигурой Иоанна Геометра встает проблема его идентификации с другим автором подобных сочинений — Иоанном Мелитинским. Сохраненная в Хронике Иоанна Скилицы эпитафия византийскому императору Никифору Фоке (282.64—283.90) неоднократно использовалась исследователями в качестве одного из источников для анализа политической ситуации на Балканах в 70-е гг. X в., истории болгаро-русско-византийских отношений.

«На нас устремляется русское всеоружие; скифские народы яростно порываются к убийствам; всяческий язык разоряет твой град (...)», — пишет поэт в цитируемой Скилицей эпитафии Никифору Фоке, как бы обращаясь к покойному. В. Г. Васильевский видел в этих строках намек на походы Святослава весной 970 г. или 972 г. Однако из текста эпитафии следует, что Никифор «давно» спит в гробу. В этом случае скорее следует думать уже о времени правления Василия II, кстати, более интересном для Иоанна Геометра. Тогда события, на которые намекает поэт, могли иметь место ок. 986—988 гг.

Однако оснований для отождествления «Иоанна Мелитинского» с Иоанном Геометром все-таки слишком мало.

Изд.: *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Parissis, 1963. Т. 106. Col. 901—1002. Grégoire H. Une épigramme gréco-bulgare // Byzantion. 1934. Т. 9. P. 795—799.*

Пер.: Из Иоанна Геометра / Пер. С. А. Иванова // Лев Диакон. История. М., 1988. С. 133—135.

Лит.: Tacchi-Venturi P. De Ioanne Geometra // Studie documenti di Storia e diritto. 1893. Vol. XIV/2. P. 135—136; Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки. II: К истории 976—986 гг. // Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1. С. 56—124; Успенский Ф. И. Русь и Византия в X в. Одесса, 1888. С. 28; Он же. Значение походов Святослава в Болгарию // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 94—95; Карышковский П. О. К истории балканских войн Святослава // Византийский временник. 1953. Т. 7. С. 224—229; Стоянов К. Иван Геометър и византийската култура на негово време // Духовна култура. 1925. Т. 26—27. С. 196—202; Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 731—737; Scheidweiler F. Studien zu Johannes Geometres // Byzantinische Zeitschrift. 1952. Bd. 45. S. 277—319; Moravcsik Gy. Byzantinoturcia. Berlin, 1983. Bd. 1. S. 319—320; Sajdak I. Specilegium Geometreum. I, II // EOS. 1929. Т. 22. P. 191—198; 1930/1931. Т. 23. P. 521—534; *Idem.* Ioannes Kyriotis Geometrae Hymny in SS. Deiparam. 1931; Mercati S. G. Che significa Γεωμέτρης // Studi bizantine e neoellenici. 1935. Vol. 4. P. 302—304; Бибиков М. В. Иоанн Мелетинский и Иоанн Геометр: Проблема идентификации // Българското средновековие. София, 1980. С. 65—66; Он же. Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 13—121; Hörandner W. Miscellanea epigrammatica // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1970. Bd. 19. S. 109—119.

СТИХОТВОРЕНИЯ (перевод С. А. Иванова)

НА АПОСТАСИЮ¹

Потоки крови, небо, вмиг на нас обрушь,
А ты, о воздух, облачись в кромешный мрак,
Земля, разверзись, подо мною расступись,
Рви на себе деревья, словно волосы,

¹ Т. е. мятеж, восстание, отпадение. Тема «варварских» нашествий 70-х гг. X в. — одна из излюбленных у Иоанна Геометра, пишущего о приближении «русского всеоружия», натиске «скифов».

И покрывалом скорбным лик себе закрой —
Пусть зелень почернеет вся от слез твоих!
Залит Восток весь нынче кровью родственной,
Что было некогда единым — делит меч.
О, горе! Рубит он и семьи, и людей:
Отец убить взалкал своих родных детей,
И руки отчей кровью обагрывает сын,
И в ярости направил острый нож
Брат в сердце брата. О, великая печаль!
В ужасных корчах вся земля колеблется:
Дрожит она внутри — снаружи молнии
Испепеляют самый пепел пламенем.
Срывают города зубцы со стен своих
И наземь их бросают с плачем горестным —
Так волосы себе рвут девы в трауре.
Арабам радость — города ромейские
Им подать шлют, они ж за кровь невинную
Подарков ждут, над нами измываются!
Вот сколь несчастий претерпел один Восток —
А кто опишет бедствия на Западе?
Там скифов орды рыщут вдоль и поперек,
Вольготно им, как будто на своей земле.
Иссяк источник силы, чести, мужества,
Под корень срублено то дерево, что железную
Давало поросль; и младенцев поколение
Уже рассечено — иные с матерью,
Других же враг похитил стрел насилием.
Повергнуты во прах большие города;
Где люди жили, там сейчас коней пасут.
О, как мне не заплакать, поглядев вокруг!
Горят поля, деревни гибнут в пламени,
Но что с тобой, Византий, город царственный?
Что за судьба тебя гнетет? Скажи мне, Град:
Ты бедами всех превзошел, как раньше всех
Превосходил благополучьем — каждый день
Не ты ль трясешься, рушишь стены, весь дрожишь?
Из тех, кого ты вырастил своим теплом,
Одни уж пали в битвах, посеченные
Мечами собственных родных. О, море бед!
Другие ж бросили прекрасные дворцы,
Бегут в ущелья, на пустынных островах
Нашли пристанище, от страха чуть дыша.

И даже претерпев все это (Судия!
Твоим веленьем!), ни один не растопил
На сердце черствый камень, брата не обнял,
Не уронил слезу, залог спасения.
И даже солнце погрузилось в черный мрак,
Луна поблекла в пелене затмения,
И новая зловеще вдруг звезда зажглась,
Неслыханное чудо — а моим грехам
Все нет конца, предела нет беспечности.
О, Боже-Слово, милость мне свою яви!
Твое всесильно око: прекрати резню,
Раздоры, битвы, мятежи и приступы,
Погони, бегства, грабежи, и суд, и месть.
Я знаю, пожалел Ты и Ниневию,
Помиловал народ, погрязший во грехе.
Се стадо, что своей Ты кровью выкупил.
«И я — загон твой, Иисусе!» — вопиет
Византий, чтоб о нем Ты не забыл
Среди пучины бед — доколь еще страдать?

НА ПОРАЖЕНИЕ РОМЕЕВ В БОЛГАРСКОМ УЩЕЛЬЕ¹

Я бы скорее поверил, что солнце не встанет сегодня:
Мисянин² верх одержал над авсонием³, лук — над копьем!
Словно в движенье пришли и леса, и дикие скалы,
Так что страшился и лев выйти из логова вон.
Ты, Фазтон, что ведешь под землю свою колесницу,
Цезаря тень повстречав, вот что ему передай:
Истру достался римский венец! Скорее к оружию!
Мисянин верх одержал над авсонием, лук — над копьем!

¹ Один из эпизодов Балканской войны со Святославом и болгар-рами.

² Т. е. болгары.

³ Ромей-византийцы.

ЛЕВ ДИАКОН

Лев Диакон происходил из малоазийского города Калое, откуда в молодости перебрался в Константинополь, где получил хорошее образование. Судя по имени, он избрал духовную стезю, состоя в придворном клире, и в этом качестве, по-видимому, сопровождал императора Василия II в его болгарском походе 986 г. В нем был непосредственным свидетелем поражения византийских войск у Триадицы, едва сам избежал плена.

Описанию событий от смерти императора Константина VII Багрянородного в 959 г. до конца правления Иоанна I Цимисхия в 976 г. Лев Диакон посвятил свое главное произведение — «Историю», завершённую ок. 992 г.: вероятно, автор хотел довести повествование до своего времени (с этим связано, по-видимому, и упоминание болгарского похода Василия), но, возможно, смерть помешала осуществлению этого намерения. Кроме «Истории», Лев Диакон написал энкомий в честь Василия II Болгароборцы, оставил и несколько писем. Правда, идентификация историка Льва Диакона с автором дифирамба «диаконом Львом» безусловна.

Рассказ историка строится как повествование очевидца или участника событий, хотя, несомненно, Лев Диакон, подобно другим современникам, воспользовался и так называемой «Историей Фок» (реконструируемый, несохранившийся памятник), и, возможно, документальными материалами, был знаком и с историческими трудами прошлого, испытав влияние, например, Агафия Миринейского.

«История» Льва Диакона является самым полным источником по истории русско-болгаро-византийских отношений последней трети X в., и в частности, по истории походов киевского князя Святослава в Подунавье. Историк рассказывает о дипломатических взаимоотношениях Византии и Руси, например, о посольстве патрикия Калокира «к тавроскифам, которых на общераспространенном языке обычно называют

росами» (63.9—13). В 969 г. «тавроскифов», или «тавров», и их предводителя «Сфендослава», т. е. князя Святослава, Иоанну Цимисхию удается направить в Подунавье для усмирения болгар («мисов» у Льва Диакона) (77.4—82.1). Подробно описывается поход «росийского всеоружия» во главе с Святославом 969—970 гг. (103.2—23). Победы Святослава при Филиппополе, молва о взятии города росами заставили Иоанна Цимисхия вступить в переговоры с русским князем, убеждая его уйти от византийских пределов и направить свое войско в Таврику и Приазовье (105.1—107.6). При этом в императорском послании напоминалось о неудачном походе князя Игоря («Иггора») и договорах, заключенных им с Византией. В ответ, однако, Святослав пригрозил осадой Константинополя. К решающей битве русская армия была укреплена союзными соединениями венгров и болгар. Кровопролитная битва у Аркадиополя 970 г. завершилась победой Византии, но унесла тысячи жизней с обеих сторон (108.18—112.2).

Весной 971 г. Иоанн Цимисхий из Адрианополя выступает в новый поход против Святослава (126.7—127.19). Описанию этой кампании посвящена вся восьмая книга сочинения Льва Диакона, повествующая о битве при Преславе и завершающаяся рассказом о битве при Дристре (128.1—141.19). Вся следующая книга «Истории» рассказывает о битве при Дристре (Доростоле) 21 июля 971 г., победной для византийцев, после которой Святослав, заключив договор с Византией, с остатком войска отправился на родину, но по дороге был убит печенежской засадой (142.1—159.9). Очень колоритен портрет Святослава, представленный Львом Диаконем. В повествовании Льва Диакона упоминаются русские воеводы «Сфенкел» (Свенельд?), Икмор. Вспоминает историк и о библейском рассказе о нашествии «Гог, Магог и архонта Рош» в связи с Русью (150.18—20).

Изд.: Leonis Diaconi Caloënsis historiae libri decem... e rec. C. H. Nasii. Vonnae, 1828.

Пер.: Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко; Ст. и коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988.

Лит.: Багалеј Д. И. История Льва Дьякона как источник для русской истории // Изв. Киевского ун-та. Историко-филологич. отд. 1878; *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 266—269; *Wartenberg G.* Leon Diakonos und die Chronisten // *Byzantinische Zeitschrift.* 1897. Bd. 6. S. 285—317; *Сюзюмов М. Я.* Об источниках Льва Дьякона и Скилицы // *Византийское обозрение.* 1916. Т. 2. С. 106—166; *Анастасиевич Д.* Лев Диакон о годе отвоевания Цимисхием Болгарии от русских // *Seminarium Kondakovianum.* 1929. Т. 3. С. 1—4; *Anastasiévich D.* La chronologie de la guerre russe de Tzimisqués // *Byzantion.* 1931. Т. 6. P. 337—342; *Благов Н. П.* Критичен поглед върху известията на Лев Дякон за българите // *Македонски преглед.* 1930. Т. VI. 4.1. С. 25—48, 155; 2. С. 23—40, 161; *Dölger F.* Die Chronologie des grossen Feldzuges des Kaisers Johannes Tzimisques gegen die Russen // *Byzantinische Zeitschrift.* 1932. Bd. 32. S. 275—292; *Grégoire H.* La dernière campagne de Jean Tzimisqués contre les Russes // *Bizantion.* 1937. Т. 12. P. 267—276; *Bologna G.* Un storico bizantino i Leone Diacono // *Il Castello.* Milano, 1950. Vol. 2. № 9—12; *Vasiliev A. A.* The Second Russian Attack of Constantinople // *Dumbarton Oaks Papers.* 1951. Vol. 6. P. 160—225; *Карышковский П. О.* Русско-болгарские отношения во время балканских войн Святослава // *Вопросы истории.* 1951. № 8. С. 101—105; *Он же.* К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава // *Ин-т славяноведения АН СССР. Краткие сообщения.* 1952. № 9. С. 53—61; *Он же.* О хронологии русско-византийской войны при Святославе // *Византийский временник.* 1952. Т. 5. С. 127—138; *Он же.* Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // *Византийский временник.* 1953. Т. 6. С. 36—71; *Он же.* К истории балканских походов Руси при Святославе // *Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР.* 1955. Т. 14. С. 26—30; *Он же.* Лев Диакон о Тмутараканской Руси // *Византийский временник.* 1960. Т. 17. С. 39—51; *Moravcsik Gy.* *Byzantinoturcica.* Berlin, 1983. Bd. 1. S. 398—400; *Артамонов М. И.* Воевода Свенельд // *Культура Древней Руси.* М., 1966; *Знойко Н.* О посольстве Калокира в Киев // *ЖМНП.* 1907. № 8; *Иванов С. А.* Византийско-болгарские отношения в 966—969 гг. //

Византийский временник. 1981. Т. 42; *Он же*. Полемиическая направленность «Истории» Льва Диакона // Византийский временник. 1982. Т. 43. С. 74—80; *Каждан А. П.* Из истории византийской хронографии X в. // Византийский временник. 1961. Т. 20. С. 106—128; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956; *Мутафчиев П.* Русско-болгарские отношения при Святославе // *Seminarium Kondakovianum*. 1931. Т. 4; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982; *Сюзюмов М. Я.* Мировоззрение Льва Диакона // *Античная древность и средние века*. 1971. Т. 7; *Флоровский А.* Князь Рош у пророка Иезекииля // Сб. в чест на В. М. Златарски. София, 1925; *Browning R.* Byzantium and Bulgaria. London, 1975; *Ditten H.* Zu Germanoi-Derevljane in Leon Diakonos' Geschichtswerk, VI, 10 // *Byzantinoslavica*. 1984. Vol. 45; *Terras V.* Leo Diaconus and the Ethnology of Kievan Rus // *Slavic Review*. 1965. Vol. 24. P. 395—406; *Sevcenko I.* Sviatoslav in Byzantine and Slavic Miniatures // *Slavic Review*. 1965. Vol. 24; *Schlumberger G.* L'épopée byzantine à la fin du Xe siècle. Paris, 1890—1900. Vol. 1—2; *Лев Диакон.* История / Под ред. Г. Г. Литаврина. М., 1988; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 367—371; *Бибиков М. В.* Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 104—109.

ИСТОРИЯ

(перевод М. М. Копыленко)

Книга 5

{...} Тем временем, пока император совершал все это в Сирии и в Византии, патрикий Калокир, посланный к тавроскифам по его царскому приказу, прибыл в Скифию, завязал дружбу с катархонтом тавров¹, совратил его дарами и очаровал лстивыми речами — ведь все скифское племя необычайно корыстолюбиво, в высшей степени алчно, падко и на под-

¹ Речь идет о посольстве византийского дипломата Калокира к русским («тавроскифам» у Льва Диакона) ок. 968 г.

купы, и на обещания¹. Калокир уговорил [его] собрать сильное войско и выступить против мисян, с тем чтобы после победы над ними подчинить и удержать страну для собственного пребывания, а ему помочь против ромеев в борьбе за овладение престолом и ромейской державой. [За это Калокир] обещал ему огромные, несказанные богатства из царской сокровищницы.

2. Выслушав слова Калокира, Сфендослав² (таким именем он назывался у тавров³) не в силах был сдержать своих устремлений; возбужденный надеждой получить богатство, видя себя во сне владельцем страны мисян⁴, он, будучи мужем горячим и дерзким, да к тому же отважным и деятельным, поднял на войну все молодое поколение тавров. Набрав, таким образом, войско, состоявшее, кроме обоза, из шестидесяти тысяч цветущих здоровьем мужей, он вместе с патрикием Калокиром, с которым соединился узами побратимства, выступил против мисян.

Узнав, что [Сфендослав] уже подплывает к Истру и готовится к высадке на берег, мисяне собрали и выставили против него фалангу в тридцать тысяч вооруженных мужей. Но тавры стремительно выпрыгнули из челнов, выставили вперед щиты, обнажили мечи и стали направо и налево поражать мисян. Те не вытерпели первого же натиска, обратились в бегство и постыдным образом заперлись в безопасной крепости своей Дористоле⁵. Тогда, говорят, предводителя мисян Петра⁶, мужа боголюбивого и благочестивого, сильно огорченного неожиданным бегством его войска, постиг эпилептический припадок, и спустя недолгое время он переселился в иной мир.

¹ Общее место византийских «этнических портретов» варваров, в т. ч. русских (ср. у Приска Панийского, Прокопия, Константина Багрянородного).

² Киевский князь Святослав.

³ Еще одно наименование русских в Византии.

⁴ Т. е. болгар.

⁵ Г. Дристра на Дунае, совр. Силистра.

⁶ Болгарский царь Петр, сын царя Симеона, правивший с 927 по 970 (или 969) г.

Но это произошло в Мисии позднее. А самодержец ромеев Никифор, который вообще был на протяжении всей своей жизни деятелен, бдителен и предусмотрителен, никогда не становился рабом наслаждений и о котором никто не мог сказать, что видел его хотя бы в юности предававшимся разврату, узнав о происходящем у тавров, занялся в одно и то же время множеством дел¹. Он снаряжал пешее войско, вооружал отряды, [приучал] конницу к глубинным построениям, одел всадников полностью в железо, изготавливал метательные орудия и расставлял их на башнях городской стены. Затем он выковал тяжелую железную цепь и протянул ее на огромных столбах, расставленных в Босфоре, прикрепив одним концом к башне, которую обычно называли Кентинарий, а другим к башне Кастеллий, находящейся на противоположном берегу². Будучи наиболее предприимчивым и предусмотрительным из всех известных нам людей, он считал, что невыгодно было бы начинать войну против обоих народов. Ему показалось, что полезно склонить один из этих народов на свою сторону. Он решил, что таким образом легко будет одержать верх над другим и быстрее его победить.

3. Так как Никифор не надеялся более договориться с таврами и знал, что нелегко будет подчинить своей воле окончательно уклонившегося от истинного пути патрикия Калокира, который вышел из-под его власти и возымел большое влияние на Сфендослава, он предпочел отправить посольство к единоверцам мисянам³, назначив послами патрикия Никифора, прозванного Эротиком, и проэдра Евхаитского Филофея⁴. [Никифор] напомнил мисянам об их вере (ведь мисяне без всяких отклонений исповедуют христианскую религию) и попросил у них девиц царского рода, чтобы выдать их замуж за сы-

¹ Лев Диакон соединяет сведения о двух походах — в августе 968 г. и в 969 г.

² Цепь, преграждавшая путь в залив Золотой Рог, а не в Босфор.

³ Болгары приняли христианство в 865 г.

⁴ Епископ Евхаит Филофей выполнял дипломатические поручения.

новой василевса Романа¹, укрепив посредством родства неразрывный мир и дружбу между ромеями и мисянами.

Мисяне с радостью приняли посольство, посадили девиц царской крови на повозки (женщины у мисян обычно разъезжают на повозках) и отправили их к василевсу Никифору, умоляя его как можно скорее прийти к ним на помощь, отвести повисшую над их головами секиру тавров и обезвредить ее. И если бы [Никифор] пошел защищать мисян, он одержал бы победу над таврами, как и над другими племенами, против которых он выступал с ромейским войском, но небольшой толчок может поколебать [судьбу] человека; она, я бы сказал, висит на тонкой нити и часто обращается в противоположное. Справедливо полагают некоторые, что какой-то гнев Божества и людская зависть противостоят знаменитейшим и сильнейшим мужам, вводя их в заблуждение, сокрушают и обращают в ничто. То же самое случилось тогда и с василевсом Никифором, хотя все совершалось согласно его желанию, и достиг он большего, нежели кто-либо из тех, которые правили до него. Я утверждаю, что Всемогущий с удивительной предусмотрительностью обращает благополучие людей в противоположную сторону, тем самым напоминая им, что они смертны, недолговечны и не должны возноситься выше положенного. Ведь были уже люди, которые, достигнув успеха и отличившись в битвах, оскорбляли провидение тем, что осмеливались провозглашать себя богами. Примерами могут служить сыновья Алоэя От и Эфиальт, которые, согласно мифу, пытались взойти на небо, Навуходоносор Вавилонский, воздвигший сам себе статую, а также сын Филиппа Александр, повелевший, чтобы его называли сыном Аммона. Итак, деяния людей по справедливости непрочны и превратны. Это испытали тогда и ромеи, которые вскоре лишились такого предводителя, какого прежде не было в ромейской державе. Если бы рок со смертью [Никифора] не обернул судьбу ромеев вспять, то ничто не помешало бы им при его жизни расширить границы своего владычества на востоке до Индии, а на западе до самых преде-

¹ Речь идет о сыновьях императора Романа II (959—963) — будущих императорах Василии II Болгаробойце (976—1025) и Константине VIII (1025—1028).

лов обитаемого мира. Но возвратимся снова к тому месту, где мы уклонились от нити повествования.

Книга 6

⟨...⟩ 8. Многими тревогами был волнуем дух императора Иоанна¹; перед ним лежали три пути, и он не знал, какой из них избрать, чтобы не уклониться от верного направления. Недостаток съестных припасов и повсюду распространившийся голод уже третий год пожирали ромейскую державу; угрожало ничего хорошего не предвещавшее нашествие росов²; карфагеняне и арабы намеревались напасть на только что покоренную ромеями сирийскую Антиохию. Что касается непреодолимого зла — голода, то [Иоанн] быстрым подвозом припасов из всех гаваней предусмотрительно пресек влияние этого бедствия. Нашествие агарян он остановил при помощи восточного войска под начальством патрикия Николая, который, будучи придворным евнухом государя, приобрел многими стараниями опытность в военном деле.

А с катархонтом войска росов, Сфендославом, он решил вести переговоры. И вот [Иоанн] отрядил к нему послов с требованием, чтобы он, получив обещанную императором Никифором за набег на мисян награду, удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору, покинув Мисию, которая принадлежит ромеям³ и издавна считается частью Македонии. Ибо говорят, что мисяне, отселившись от северных котрагов⁴, хазаров и хунавов⁵, покинули родные места и, бродя по Европе, захватили во времена правившего тогда ромеями Константина, называемого Погонатом⁶, эту [область] и посе-

¹ Император Иоанн I Цимисхий (969—976).

² Второй поход Святослава в 969 г. носил уже явно антивизантийский характер.

³ В обмен на уход из Мисии (Болгарии) византийский император Иоанн Цимисхий признает право Руси на Керченский пролив.

⁴ Кутигуры.

⁵ Возможно, восточные племена половцев.

⁶ Император Константин IV Погонат (668—685).

лились в ней; по имени своего родоначальника Булгара страну стали именовать Булгарией.

9. Существует о них еще и другая история, примерно следующего содержания. Когда Леонтий¹ отрезал нос императору ромеев Юстиниану² и сослал его в Херсон³, тот, изловчившись, бежал оттуда к Меотиде⁴ и склонил на свою сторону народ мисян, пообещав им большую награду, если они вернут ему власть. [Мисяне] последовали за [Юстинианом] и, когда он снова вступил на престол, получили от него область в той части Македонии, которую обтекает Истр. Они переселились туда и, будучи всегда воинственно настроенными, вторгались в пределы Фракии, наносили большой ущерб ромеям и вводили людей в рабство. Однако и ромеи выступали против них⁵, а так как [мисяне] не могли устоять против отваги [ромеев], они скрывались в лесных засадах и побеждали их в неудобных для сражения местах. С того времени произошло много битв, в которых погибли доблестные полководцы, и древний император Никифор⁶ тоже был убит мисянами, только Константин Копроним⁷ победил мисян, а вслед за ним — его внук Константин, сын императрицы Ирины⁸, и уже в наше время император Иоанн покорил их города. История не сохранила упоминаний о ком-либо ином из ромеев, победившем мисян на их земле⁹. Но довольно [писать] о них.

10. Сфендослав очень гордился своими победами над мисянами; он уже прочно овладел их страной и весь проникся варварской наглостью и спесью. Объятых ужасом испуганных мисян он умерщвлял с врожденной жестокостью: говорят,

¹ Император Леонтий (695—698).

² Император Юстиниан II Ринотмит.

³ В 695 г. сослан в Херсон (Херсонес, русск. Корсунь).

⁴ Азовское море.

⁵ Неудачный болгарский поход Византии в 708 г., вслед за чем хан Тервел опустошил в 912 г. византийскую Фракию.

⁶ Император Никифор I (802—811).

⁷ Император Константин V (741—775).

⁸ Император Константин VI (780—797), начало правления которого прошло при регентстве матери-императрицы Ирины, вдовы императора Льва IV.

⁹ До 1001 г.

что, с бою взяв Филиппополь¹, он со свойственной ему бесчеловечной свирепостью посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей и тем самым смирил и [обуздал] всякое сопротивление и обеспечил покорность. Ромейским послам [Сфендослав] ответил надменно и дерзко: «Я уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу большую денежную дань и выкуп за все захваченные мною в ходе войны города и за всех пленных. Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию, а иначе пусть и не надеются на заключение мира с тавроскифами».

Император Иоанн, получив такой ответ от скифа, снова отправил к нему послов, поручив им передать следующее: «Мы верим в то, что провидение управляет вселенной, и исповедуем все христианские законы; поэтому мы считаем, что не должны сами разрушать доставшийся нам от отцов неоскверненным и благодаря споспешествованию Бога неколебимый мир². Вот почему мы настоятельно убеждаем и советуем вам, как друзьям, тотчас же, без промедления и отговорок, покинуть страну, которая вам отнюдь не принадлежит. Знайте, что если вы не последуете сему доброму совету, то не мы, а вы окажетесь нарушителями заключенного в давние времена мира. Пусть наш ответ не покажется вам дерзким; мы уповаем на бессмертного Бога-Христа: если вы сами не уйдете из страны, то мы изгоним вас из нее против вашей воли. Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря³, который, презрев клятвенный договор⁴, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды. Не упоминаю я уж о его [дальнейшей] жал-

¹ Совр. Пловдив в Болгарии.

² Вероятные ссылки на русско-византийские договоры 907, 911 и 944 гг.

³ Князь Игорь, правивший с 912 г., объединитель восточных славян между Днепром и Дунаем. В 941 г. совершил неудачный поход на Византию (см. выше). Позже, в 944 г., был заключен известный договор Руси с греками.

⁴ Договор Олега: данное свидетельство подтверждает реальность похода Олега 907 г. и заключения мира с Византией.

кой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев¹, он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое. Я думаю, что и ты не вернешься в свое отечество, если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя — ты найдешь погибель здесь со всем своим войском, и ни один факелоносец не прибудет в Скифию, чтобы возвестить о постигшей вас страшной участи».

Это послание рассердило Сфендослава, и он, охваченный варварским бешенством и безумием, послал такой ответ: «Я не вижу никакой необходимости для императора ромеев спешить к нам; пусть он не изнуряет свои силы на путешествие в сию страну — мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Византия и возведем вокруг города крепкие заслоны, а если он выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих, а мужи крови², которые оружием побеждают врага. Зря он по неразумию своему принимает росов за изнеженных баб и тщится запугать нас подобными угрозами, как грудных младенцев, которых страшат всякими пугалами».

11. Получив известие об этих безумных речах, император решил незамедлительно со всем усердием готовиться к войне, дабы предупредить нашествие [Сфендослава] и преградить ему доступ к столице. Он тут же набрал отряд из храбрых и отважных мужей, назвал их «бессмертными» и приказал находиться при нем. Затем он [повелел] магистру Варде, прозванному Склиром, родному брату покойной жены его Марии, мужу предприимчивому и необыкновенно храброму, а также патрикию Петру, которого император Никифор за присущее ему мужество и за славные воинские подвиги назначил стратопедархом (рассказывают, что во время набега скифов на Фракию, когда Петру, несмотря на то что он был скопцом, случилось выступить со своим отрядом против них в битве, в промежуток между рядами выехал на коне вождь скифов, муж огромного роста, надежно защищенный панцирем, и,

¹ Игорь был убит древлянами (форма «германцев» — их искаженный этноним) у Искоростеня осенью 944 г.

² Библейская цитата (2 Цар. 16:7—8).

потрясая длинным копьём, стал вызывать желающего выступить против него; тогда Петр, преисполненный сверх ожиданий храбрости и отваги, мощно развернулся и с такой силой направил обеими руками копьё в грудь скифа, что острие пронзило тело насквозь и вышло из спины; не смогла защитить великана кольчужная броня, и он, не издав ни звука, распростерся на земле, а скифы, пораженные необычным, удивительным зрелищем, обратились в бегство¹), — вот этим-то [двум] военачальникам император и приказал собрать войско и отправиться в близлежащие и пограничные с Мисией земли. Они получили повеление провести там зиму², упражняя воинов и объезжая страну, чтобы она не потерпела никакого вреда от скифских набегов. Было также предписано посылать по бивуакам и [занятым] врагами областям переодетых в скифское платье, владеющих обоими языками людей, чтобы они узнавали о намерениях неприятеля и сообщали о них затем императору. Получив такие приказания от государя, [военачальники] вступают в Европу.

12. Узнав о походе [ромеев], тавроскифы отделили от своего войска одну часть, присоединили к ней большое число гуннов³ и мисян и отправили их против ромеев. Как только магистр Варда, который всегда был мужем доблестным и решительным, а в то время особенно пламенел гневом и страстной отвагой, узнал о нападении врагов, он собрал вокруг себя отряд отборных воинов и спешно выступил на битву; позвав Иоанна Алакаса, он послал его в разведку с поручением осмотреть [войско] скифов, разузнать их численность, место, на котором они расположились, а также чем они заняты. Все эти сведения [Иоанн] должен был как можно скорее прислать ему, чтобы он мог подготовить и выстроить воинов для сражения.

Иоанн с отборными всадниками быстро прискакал к [лагерю] скифов; на следующий день он отрядил [воина] к магистру, убеждая его прибыть со всем войском, так как скифы расположились невдалеке, очень близко. Услышав это изве-

¹ Стычка с болгарами в 970 г.

² Зима 969—970 г.

³ Здесь: венгры.

стие, [Варда] разделил фалангу на три части и одной из них приказал следовать прямо за ним в центре, а двум другим — скрыться в стороне, в лесах, и выскочить из засады, как только они услышат трубный звук, призывающий к бою. Отдав эти распоряжения лохагам¹, он устремился прямо на скифов. Завязалась горячая битва, вражеское войско значительно превосходило своим числом [войско ромеев] — у них было больше тридцати тысяч, а у магистра, считая вместе с теми, которые расположились в засаде, не более десяти тысяч. Уже шло сражение, и с обеих сторон гибли храбрейшие воины. И тут, говорят, какой-то скиф, кичась своей силой и могучестью тела, вырвался вперед из окружавшей его фаланги всадников, подскакал к Варде и ударил его мечом по шлему. Но удар был неудачным: лезвие меча, ударившись о твердь шлема, согнулось и соскользнуло в сторону. Тогда патрикий Константин, брат Варды, юноша, у которого едва пробивался пушок на подбородке, но который был огромного роста и непобедимой, непреодолимой силы, извлек меч и набросился на скифа. Тот устремился натиска Константина и уклонился от удара, откинувшись на круп лошади. Удар пришелся по шее коня, и голова его отлетела в сторону; скиф же рухнул вместе с конем на землю и был заколот Константином.

13. Так как [успех] битвы склонялся то в пользу одного, то в пользу другого войска, и непостоянство счастья переходило бесперечь с одной стороны на другую, Варда приказал трубить военный сбор и часто бить в тимпаны. По сему знаку поднялась спрятанная в засаде фаланга и устремилась на скифов с тыла: охваченные страхом, они стали склоняться к бегству. Однако в то время, когда отступление еще только началось, какой-то знатный скиф, превосходивший прочих воинов большим ростом и блеском доспехов, двигаясь по пространству между двумя войсками, стал возбуждать в своих соратниках мужество. К нему подскакал Варда Склир и так ударил его по голове, что меч проник до пояса; шлем не мог защитить скифа, панцирь не выдержал силы руки и разящего действия меча. Тот свалился на землю, разрубленный надвое; ромеи прибодрились и огласили воздух радостными крика-

¹ Воинское подразделение.

ми. Скифы пришли в ужас от этого поразительного, сверхъестественного удара; они завопили, сломали свой строй и обратились в бегство. До позднего вечера ромеи преследовали их и беспощадно истребляли. Говорят, что в этой битве было убито пятьдесят пять ромеев, много было ранено и еще больше пало коней, а скифов погибло более двадцати тысяч. Вот как закончилось это сражение между скифами и ромеями¹.

А император Иоанн торопил азиатские войска с переправой через Геллеспонт в Европу. Он приказал им провести зиму в областях Фракии и Македонии, ежедневно упражняясь во владении оружием, чтобы не оказаться неспособными к предстоящим боям и не быть разбитыми неприятелем. [Он повелел им], чтобы они дожидались весны², — когда же весна рассеет зимнее ненастье и лик земли окончательно прояснится, он сам прибудет к ним, ведя за собой войска свои, и со всеми силами обрушится на тавроскифов.

Книга 8

1. Как только ясная весна сменила мрачную зиму, император тотчас поднял крестное знамя и стал спешить [с походом] против тавроскифов. Прямо из дворца он отправился помолиться Богу во всеми почитаемый храм Христа Спасителя, находящийся в Халке. Увидев, что место для молящихся очень узко, ибо там едва могут поместиться пятнадцать человек, а вход извилист, неудобен и походит на витой лабиринт или убежище, [Иоанн] тотчас же приказал перестроить храм от самого основания, расширить и сделать более светлым. Он сам обозначил очертания стен; некое вдохновение внушило ему это усердие и распорядительность, и храм достиг такой красоты и величия, которые присущи ему теперь. [Выступив] оттуда, он пришел в знаменитый святой храм Божественной Премудрости и стал молиться о ниспослании ангела, который бы двигался впереди войска и руководил походом; затем при пении гимнов он направился в славный храм

¹ Сражение под Аркадиополем (совр. Люле-Бургаз) произошло весной 970 г.

² Весны 971 г.

Богоматери, расположенный во Влахернах. Вознеся надлежащим образом мольбы к Богу, он поднялся в находившийся там дворец¹, чтобы посмотреть на огненосные триеры. Они колыхались, расставленные рядами, в заливе Босфора, там, где удобная и надежная пристань для грузовых кораблей простирается, плавно изгибаясь, до моста и реки, которая за мостом впадает в море.

Полюбовавшись искусным плаванием кораблей в боевом строю и показательным сражением между ними (было их вместе с ладьями и челнами, которые теперь в народе называются галеями и монериями², более трехсот), император наградил гребцов и воинов деньгами и послал их на Истр для охраны речного пути, — чтобы скифы не могли уплыть на родину и на Киммерийский Боспор в том случае, если они будут обращены в бегство. Говорят, что Истр — одна из рек, вытекающих из Эдема, и что название ее Фисон. Начинаясь на востоке, она, по неизъяснимой мудрости Создателя, скрывается под землей, а затем бьет ключом из Кельтских гор, описывает извилистую линию по Европе и впадает, разделяясь на пять устьев, в Понт, называемый Евксинским. Некоторые же считают, что Фисон — река, пересекающая Индийскую землю; обычно эту реку называют Гангом; близ нее добывают камень смарагд.

2. Таким образом, корабли достигли Истра. Тем временем самодержец [Иоанн] выступил из Византия и прибыл со всем войском в Адрианополь. Рассказывают, что этот город заложил, остановившись в своих странствиях после убиения собственной матери Клитемнестры, сын Агамемнона Орест, поэтому ранее он назывался Орестиадой. Впоследствии император Адриан, ведя войну со скифами³, был восхищен [прекрасным] расположением города; он укрепил его прочными стенами и назвал Адрианополем. Прибыв туда, император Иоанн узнал от лазутчиков, что ведущие в Мисию непроходи-

¹ Существовавший уже тогда Влахернский дворец стал резиденцией императоров лишь с конца XI в.

² Монерия — судно с одним рядом весел (иначе «дромон»). Галея — быстроходное судно.

³ Имеются в виду войны Адриана (117—134) с сарматами.

мые, узкие тропы, называемые клисурами, потому что они как бы заперты со всех сторон, не охраняются скифами. Собрав лохагов и таксиархов, он произнес следующую речь: «Я думал, соратники, что скифы, уже давно ожидая нашего прихода, не пожалели усилий для заграждения изгородами и валами наиболее опасных, узких и труднопроходимых мест на тропах, чтобы нам нелегко было продвигаться вперед. Но так как их обмануло приближение святой Пасхи¹, они не преградили дороги, не закрыли нам пути, полагая, что мы не откажемся от блестящих одежд, от торжественных шествий, пиршеств и зрелищ, которыми знаменуют дни великого праздника, ради тяжких невзгод войны. Мне кажется, что мы поступим наилучшим образом, если сейчас же воспользуемся благоприятным случаем, вооружимся и как можно скорее переправимся по узкой дороге, покуда тавроскифы не узнали о нашем прибытии и не навязали бой в горных проходах. Если мы, опередив [скифов], пройдем опасные места и неожиданно нападём на них, то, я думаю, — да поможет нам Бог! — с первого же приступа овладеем городом Преславой², столицей мисян, а затем, двинувшись [вперед], легко обуздаем безумие росов».

3. Такова была речь императора. Стратигам и таксиархам слова его показались неуместными и чрезмерно смелыми, а предложение провести ромейское войско по ущельям и крутым теснинам в чужую [страну] — легкомысленной, опрометчивой дерзостью, доходящей до безумия. Они довольно долго молчали, и разгневанный император заговорил снова: «Я и сам знаю, что неосторожность и своевольная дерзость в сражениях приводят обычно к величайшей опасности и непоправимой беде: ведь я [всю жизнь] с самой юности провел в битвах, одержал, как вы знаете, много побед и достиг большой славы. Но если счастье наше поставлено на лезвие бритвы³ и [судьба] не дает нам возможности поступать по своему

¹ 16 апреля 971 г.

² Преслава (в районе совр. Шумена в Болгарии) — столица Первого Болгарского царства, перенесенная в 893 г. царем Симеоном из Плиски.

³ Аллюзия на Гомера (Илиада, X, 173).

разумению, нам следует действовать решительно и как можно лучше использовать обстоятельства. Я думаю, что вы, умудренные большим опытом превратностей и непостоянства военных успехов, согласитесь со мной. Итак, если вы верите в то, что я советую наилучшее, то, пока скифы еще бездействуют и не догадываются о нашем приходе, воспользуемся удобным случаем. Победа ожидает нас после того, как мы пройдем через горные проходы. Но если они обнаружат наше намерение перейти теснины и выстроят там свое войско против нас, дело не кончится добром, нас будет тогда ожидать ужасное бедствие, положение наше станет безвыходным. Приободритесь же духом, вспомните, что вы ромеи, которые своим оружием обращали прежде в бегство любого врага! Следуйте за мной как можно быстрее и покажите на деле свою отвагу!»

4. Сказав так, Иоанн, прекрасно вооруженный, вскочил на быстрого благородного коня, вскинул на плечо длинное копье и двинулся в путь. Впереди него двигалась фаланга воинов, сплошь закрытых панцирями и называвшихся «бессмертными», а сзади — около пятнадцати тысяч отборнейших голплитов и тринадцать тысяч всадников. Заботу об остальном войске император поручил проедру Василию; оно медленно двигалось позади вместе с обозом, везя осадные и другие машины. Когда они вопреки всякому ожиданию прошли опасные гористые места, император прервал напряженный марш и дал отдых всему пешему и конному войску, расположив его на неприступном холме, с одной стороны которого протекала река, обещавшая изобилие воды.

Когда настал рассвет следующего дня, он поднял войско, выстроил его в глубокие фаланги и, приказав беспрестанно трубить военный клич, стучать в кимвалы и бить в тимпаны, выступил на Преславу. Поднялся невообразимый шум: эхом отдавался в соседних горах гул тимпанов, звенело оружие, ржали кони и [громко] кричали люди, подбадривая друг друга, как всегда бывает перед битвой. Тавроскифы, увидев приближение умело продвигающегося войска, были поражены неожиданностью; их охватил страх, и они почувствовали себя беспомощными. Но все же они поспешно схватились за оружие, покрыли плечи щитами (щиты у них прочны и для боль-

шей безопасности достигают ног), выстроились в грозный боевой порядок, выступили на ровное поле перед городом и, рыча наподобие зверей, испуская странные, непонятные возгласы, бросились на ромеев. Ромеи столкнулись с ними и храбро сражались, совершая удивительные подвиги: однако ни та, ни другая сторона не могла взять верх. Тогда государь приказывает «бессмертным» стремительно напасть на левое крыло скифов; «бессмертные», выставив вперед копыя и сильно пришпорив коней, бросились на врагов. Скифы [всегда] сражаются в пешем строю; они не привыкли воевать на конях и не упражняются в этом деле¹. Поэтому они не выдержали натиска ромейских копий, обратились в бегство и заперлись в стенах города. Ромеи преследовали их и беспощадно убивали. Рассказывают, будто во время этого наступления [ромеев] погибло восемь тысяч пятьсот скифов.

5. Оставшиеся в живых спрятались в крепости и, яростно сопротивляясь, метали сверху со стен копыя и стрелы. Говорят, что в Преславе находился и патрикий Калокир, который, как я уже сообщил в свое время, двинул войско росов на мисян. Узнав о прибытии императора (а это невозможно было скрыть, так как золотые императорские знаки сияли чудесным блеском), он глубокой ночью тайно бежал из города и явился к Сфендославу, который со всем своим войском находился у Дористола, ныне называемого Дристрою: вот таким образом убежал Калокир.

Надвигающаяся ночь вынудила ромеев прекратить сражение. Но вот наступило утро следующего дня, называемого Великим четвергом², потому что в этот день, готовясь идти на муки, Спаситель наш после Тайной вечери давал ученикам Свои спасительные наставления. Как раз в это время прибыло остальное войско с осадными машинами, и император Иоанн свернул лагерь, расставил фаланги в несокрушимый боевой порядок и с пением победного гимна устремился на стены, намереваясь первым же приступом взять город. Росы

¹ Данные о существовании русской конницы уже в X в. подтверждаются археологически.

² 13 апреля 971 г.

же, подбадриваемые своим военачальником Сфенкелом¹, который был у скифов третьим по достоинству после Сфендослава, их верховного катархонта, оборонялись за зубцами стен и изо всех сил отражали натиск ромеев, бросая сверху дротики, стрелы и камни. Ромеи же стреляли снизу вверх из камнеметных орудий, забрасывали осажденных тучами камней, стрелами и дротиками, отражали их удары, [теснили], не давали им возможности выглянуть из-за зубчатых стен без вреда для себя. Наконец император громким голосом отдал приказание приставить к стенам лестницы, и возглас его прибавил сил осаждавшим. Все, на кого падал взгляд государя, сражались храбро, надеясь получить достойную награду за свои подвиги.

6. Когда ромеи бросились на приступ и придвинули к стенам лестницы, по одной из них стал взбираться какой-то смелый юноша с едва пробивающимся рыжеватым пушком на подбородке, выходец из фемы Анатолики, по имени Феодосий, а по прозвищу Месоникт. Правой рукой он вытащил меч, в левой держал щит, которым прикрывал голову от скифских ударов сверху. Достигнув гребня стены, [юноша обрушился на] скифа, который выглянул из-за зубцов и хотел столкнуть его копьём вниз; он рассек шею врага, и голова его вместе со шлемом покатила по земле за стеной. Ромеи приветствовали этот необыкновенный подвиг восторженными криками, и многие из них, соревнуясь в храбрости с первым взошедшим [на стену], устремились вверх по лестницам.

Между тем Месоникт, взойдя на стену, овладел ее верхней частью и, поворачиваясь во все стороны, убил огромное число оборонявшихся скифов, сбрасывая их со стены. Вскоре уже многие [ромеев] взобрались в разных местах на стены и изо всех сил истребляли врагов. Тогда скифы покинули укрепление и постыдно столпились в окруженном прочной оградой царском дворце, где хранились сокровища мисян; один из входов они оставили открытым.

Тем временем многие ромеи, находившиеся по ту сторону стен, сорвали петли на воротах, сбили засовы и проникли

¹ Или Сфангел (у Иоанна Скилицы), часто отождествляемый (ошибочно?) со Свенельдом русской летописи.

внутри города, перебив бесчисленное множество скифов. Тогда, говорят, был схвачен и приведен к государю вместе с женой и двумя малолетними детьми царь мисян Борис¹, у которого едва лишь пробивалась рыжая борода. Приняв его, император воздал ему почести, назвал владыкой болгар и заверил, что он явился отомстить за мисян, претерпевших ужасные бедствия от скифов.

7. Ромеи все разом ворвались в город и рассыпались по узким улицам, убивали врагов и грабили их добро. Так они достигли царского дворца, в котором сгрудилась лучшая часть войска росов. Но скифы, находившиеся во дворце, яростно сопротивлялись проникшим через ворота ромеям и убили около полутораста храбрейших воинов. Узнав об этой неудаче, император прискакал во весь опор ко дворцу и приказал своей гвардии всеми силами наступать на врага, но, увидев, что из этого не выйдет ничего хорошего (ведь тавроскифы легко поражали множество воинов, встречая их в узком проходе), он остановил безрассудное устремление ромеев и распорядился со всех сторон бросать во дворец через стены огонь. Когда разгорелось сильное пламя, сжигавшее все на своем пути, росы, числом свыше семи тысяч, вышли из помещения, выстроились на открытом месте у дворца и приготовились отразить наступление [ромеев].

Император послал против них магистра Варду Склира с надежным отрядом. Окружив скифов фалангой храбрейших воинов, Склир вступил в бой. Завязалось сражение, и росы отчаянно сопротивлялись, не показывая врагам спины; однако ромеи [победили] своим мужеством и военной опытностью и всех их перекололи. В этой битве погибло также множество мисян, сражавшихся на стороне врагов против ромеев, виновников нападения на них скифов. Сфенкелу с немногими удалось спастись бегством. Он ушел к Сфендославу, но вскоре был убит, о чем я расскажу ниже. Так в течение двух дней был завоеван и стал владением ромеев город Преслава.

8. Император Иоанн по обычаю одарил войско, дал ему отдых и отпраздновал на том же месте святое Воскресение

¹ Сыновья болгарского царя Петра Борис и Роман долго находились в Константинополе в качестве заложников.

Спасителя. Отобрав несколько пленных тавроскифов, [Иоанн] послал их к Сфендославу с сообщением о взятии города и гибели соратников. Он поручил им также [передать Сфендославу], чтобы тот без промедления выбрал одно из двух: либо сложить оружие, сдаться победителям и, испросив прощение за свою дерзость, сейчас же удалиться из страны мисян, либо, если он этого не желает сделать и склоняется к врожденному своеволию, защищаться всеми силами от идущего на него ромейского войска. Вот так он велел передать Сфендославу, сам же провел в городе несколько дней и восстановил разрушение в стенах, а затем, оставив сильный отряд и назвав город по своему имени Иоаннополем, пошел со всем войском на Дористол.

Этот город заложил и довел до теперешней красоты и величия прославленный среди государей Константин¹, после того как он, увидев на небе крестное знамение в виде созвездия, победил проявлявших к нему вражду и яростно наступавших скифов². По пути [Иоанн] взял город, называемый Плискувой³, Динию⁴ и многие другие города, которые отвергли власть скифов и переходили на сторону ромеев.

Сфендослав, узнав о поражении у Преславы, испытывал огорчение и досаду. Он считал это плохим предзнаменованием для будущего, но, одержимый скифским безумием и кичась своими победами над мисянами, надеялся легко победить и войско ромеев.

9. Сфендослав видел, что мисяне отказываются от союза с ним и переходят на сторону императора. Поняв по зрелом размышлении, что, если мисяне склонятся к ромеям, дела его закончатся плохо, он созвал около трехсот наиболее родовитых и влиятельных из их числа и с бесчеловечной дикостью расправился с ними — всех их он обезглавил, а многих других заключил в оковы и бросил в тюрьму. Затем, собрав все войско тавроскифов — около шестидесяти тысяч, он выступил против ромеев.

¹ Император Константин I Великий (324—337).

² Скорее всего, речь идет о набеге готов на Балканы в 323 г.

³ Плиска — первая столица Болгарского царства.

⁴ Город между Преславой и Плисской.

В то время как государь медленно продвигался по направлению к войску росов, от их фаланги отделилось несколько одержимых отчаянной дерзостью храбрецов, которые, устроив засаду, совершили внезапное нападение и убили некоторых воинов из передового отряда ромеев. Увидев их трупы, разбросанные вдоль дороги, император отпустил поводья и остановил коня. Гибель соотечественников привела его в негодование, и он приказал выследить совершивших это [злодеяние]. Телохранители [Иоанна], тщательно обыскав окрестные леса и кустарники, схватили этих разбойников и связанными привели к императору. Он тотчас же приказал их умертвить, и [телохранители], без промедления обнажив мечи, изрубили всех их до одного на куски.

Тогда войска подошли к пространству, лежащему перед Дористолом, который принято называть также Дристрой. Тавроскифы плотно сомкнули щиты и копья, придав своим рядам вид стены, и ожидали противника на поле битвы. Император выстроил против них ромеев, расположив одетых в панцири всадников по бокам, а лучников и пращников позади, и, приказав им безостановочно стрелять, повел фалангу в бой¹.

10. Воины сошлись врукопашную, завязалась яростная битва, и в первых схватках обе стороны долго сражались с одинаковым успехом. Росы, стяжавшие среди соседних народов славу постоянных победителей в боях, считали, что их постигнет ужасное бедствие, если они потерпят постыдное поражение от ромеев, и дрались, напрягая все силы. Ромеев же одолевали стыд и злоба [при мысли о том], что они, побеждавшие оружием и мужеством всех противников, отступят как неопытные в битвах новички и потеряют в короткое время свою великую славу, потерпев поражение от народа, сражающегося в пешем строю и вовсе не умеющего ездить верхом. Побуждаемые такими мыслями, [оба] войска сражались с непревзойденной храбростью; росы, которыми руководило их врожденное зверство и бешенство, в яростном порыве устремлялись, ревя как одержимые, на ромеев, а ромеи наступали, используя свой опыт и военное искусство.

¹ 23 апреля 971 г.

Много [воинов] пало с обеих сторон, бой шел с переменным успехом, и до самого вечера нельзя было определить, на чью сторону склоняется победа. Но когда светило стало клониться к западу, император бросил на [скифов] всю конницу во весь опор; громким голосом призвал он воинов показать на деле природную ромейскую доблесть и вселил в них бодрость духа. Они устремились с необыкновенной силой, трубы протрубили к сражению, и могучий клич раздался над ромейскими рядами. Скифы, не выдержав такого натиска, обратились в бегство и были оттеснены за стены; они потеряли в этом бою многих своих [воинов]. А ромеи запели победные гимны и прославляли императора. Он раздавал им награды и устраивал пиры, усиливая их рвение в битвах.

Книга 9

1. Как только рассвело, император стал укреплять лагерь мощным валом, действуя так. Неподалеку от Дористола возвышается посреди равнины небольшой холм. Разместив войско на этом холме, [Иоанн]¹ приказал рыть вокруг него ров, а землю выносить на прилегающую к лагерю сторону, чтобы получилась высокая насыпь. Затем [он приказал] воткнуть на вершине [насыпи] копыя и повесить на них соединенные между собою щиты. Таким образом, лагерь был огражден рвом и валом, и враги никак не могли проникнуть внутрь — устремившись ко рву, они бы остановились. Так разбивают обычно ромеи свой стан во вражеской стране.

Укрепив таким образом лагерь, [Иоанн] на следующий день выстроил войско и двинул его к [городской] стене. Показываясь из-за башен, скифы метали на ромейскую фалангу стрелы, камни и все, что можно было выпустить из метательных орудий. [Ромеи] же защищались от скифов, стреляя снизу из луков и пращей. Сражение не пошло дальше этой перестрелки, и ромеи удалились в лагерь, чтобы поесть, а скифы к концу дня выехали из города верхом — они впервые появились тогда на конях. Они всегда прежде шли в бой

¹ Иоанн Цимисхий.

в пешем строю, а ездить верхом и сражаться с врагами [на лошадях] не умели. Ромеи тотчас вооружились, вскочили на коней, схватили копья (они пользуются в битвах очень длинными копьями) и стремительно, грозной лавиной понеслись на врагов. Ромейские копья поражали [скифов], не умевших управлять лошадьми при помощи поводев. Они обратились в бегство и укрылись за стенами.

2. Тем временем показались плывущие по Истру огненосные триеры и продовольственные суда ромеев. При виде их ромеи несказанно обрадовались, а скифов охватил ужас, потому что они боялись, что против них будет обращен жидкий огонь. Ведь они уже слышали от стариков из своего народа, что этим самым «мидийским огнем»¹ ромеи превратили в пепел на Евксинском [море] огромный флот Ингора, отца Сфендослава. Потому они быстро собрали свои челны и подвели их к городской стене в том месте, где протекающий Истр огибает одну из сторон Дористола. Но огненосные суда подстерегали скифов со всех сторон, чтобы они не могли ускользнуть на ладьях в свою землю.

На следующий день тавроскифы вышли из города и построились на равнине, защищенные кольчугами и доходившими до самых ног щитами. Вышли из лагеря и ромеи, также надежно прикрытые доспехами. Обе стороны храбро сражались, попеременно тесня друг друга, и было неясно, кто победит. Но вот один [из воинов], вырвавшись из фаланги ромеев, сразил Сфенкела, (почитавшегося у тавроскифов третьим после Сфендослава), доблестного, огромного ростом мужа, отважно сражавшегося в этом бою. Пораженные его гибелью, тавроскифы стали шаг за шагом отступать с равнины, устремляясь к городу. Тогда и Феодор, прозванный Лалаконом, муж непобедимый, устрашающий отвагой и телесной мощью, убил железной булавой множество врагов. Сила его руки была так велика, что удар булавы расплющивал не только шлем, но и покрытую шлемом голову. Таким образом, скифы, показав спину, [снова] укрылись в городе. Император же велел тру-

¹ Знаменитый «греческий огонь», не гаснущий в воде, который направлялся на вражеские суда и уничтожал их.

бить сбор, созвал ромеев в лагерь и, увеселяя их подарками и пирами, побуждал храбро сражаться в [предстоящих] битвах.

3. Еще продолжались, таким образом, бои, и исход событий оставался неопределенным.

⟨...⟩ 5. Что же касается росов (ибо рассказ снова возвращается [к тому месту], от которого он отклонился), то они построились и вышли на равнину, стремясь всеми силами поджечь военные машины ромеев. Они не могли выдержать действия снарядов, которые со свистом проносились над ними: каждый день от ударов камней, выбрасываемых [машинами], погибало множество скифов. Эти машины охранял родственник государя, магистр Иоанн Куркуас. Заметив дерзкую вылазку врагов, [Куркуас], несмотря на то что у него сильно болела голова и что его клонило ко сну от вина (дело было после завтрака), вскочил на коня и в сопровождении избранных воинов бросился к ним навстречу. [На бегу] конь оступился в яму и сбросил магистра. Скифы увидели великолепное вооружение, прекрасно отделанные бляхи на конской сбруе и другие украшения — они были покрыты немалым слоем золота — и подумали, что это сам император. Тесно окружив [магистра], они зверским образом изрубили его вместе с доспехами своими мечами и секирами, насадили голову на копье, водрузили ее на башне и стали потешаться над ромеями, [крича], что они закололи их императора, как жертвенное животное. Магистр Иоанн стал добычей варварского неистовства и понес, таким образом, кару за [преступления], совершенные им против святых храмов, — ведь говорят, что он разграбил в Мисии много [церквей] и обратил в свое частное имущество их утварь и священные сосуды.

6. Ободренные такой победой, росы вышли на следующий день из города и построились к бою на открытом месте. Ромеи также выстроились в глубокую фалангу и двинулись им навстречу.

Был между скифами Икмор, храбрый муж гигантского роста, [первый] после Сфендослава предводитель войска, которого [скифы] по достоинству вторым среди них. Окруженный отрядом приближенных к нему воинов, он яростно устремился против ромеев и поразил многих из них.

Увидев это, один из телохранителей императора, сын архига критян Анемас¹, воспламенился доблестью духа, вытащил висевший у него на боку меч, проскакал на коне в разные стороны и, пришпорив его, бросился на Икмора, настиг его и ударил [мечом] в шею — голова скифа, отрубленная вместе с правой рукой, скатилась на землю. Как только [Икмор] погиб, скифы подняли крик, смешанный со стоном, а ромеи устремились на них. Скифы не выдержали натиска противника; сильно удрученные гибелью своего предводителя, они бросили щиты за спины и стали отступать к городу, а ромеи преследовали их и убивали². И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли³, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили [несколько] грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра. Говорят, что скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому обряду жертвы и совершают возлияния по умершим, научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса⁴ и Замолксиса⁵, то ли у соратников Ахилла. Ведь Арриан пишет в своем «Описании морского берега»⁶, что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион⁷, лежащего у Меотидского озера. Изгнанный скифами за свой дикий, жестокий и наглый нрав, он впоследствии поселился в Фессалии. Явными доказательствами [скифского происхождения Ахилла] служат покроем его накидки, скрепленной застежкой, привычка сражаться пешим, белокурые во-

¹ По-арабски, Аль-Ну'Ман — сын и соправитель критского эмира Абд-эль-Азиза, плененный Никифором Фокой в 961 г.

² 21 июля 971 г.

³ Обряд сожжения покойников у русских хорошо засвидетельствован арабскими и западноевропейскими источниками.

⁴ Скиф-философ, герой легенды у Геродота (IV, 76—77).

⁵ Скиф-гет, в рабстве у Пифагора, проповедовавший затем его учение.

⁶ Флавий Арриан (между 95 и 175 гг.) — автор «Перипла (т. е. плавание вокруг) Понта Эвксинского».

⁷ Поселение к северу от совр. Керчи.

лосы, светло-синие глаза, сумасбродная раздражительность и жестокость, над которыми издевался Агамемнон, порицая его следующими словами: Распря единая, брань и убийство тебе лишь приятны. Тавроскифы и теперь еще имеют обыкновенные разрешать споры убийством и кровопролитием. О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинствен и могуч, [что] он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: «Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос»¹. Но довольно о жертвоприношениях тавров.

7. На другой день² на рассвете Сфендослав созвал совет знати, который на их языке носит название «комент»³. Когда они собрались вокруг него, Сфендослав спросил у них, как поступить. Одни высказали мнение, что следует поздней ночью погрузиться на корабли и попытаться тайком ускользнуть, потому что невозможно сражаться с покрытыми железными доспехами всадниками, потеряв лучших бойцов, которые были опорой войска и укрепляли мужество воинов. Другие возражали, утверждая, что нужно помириться с ромеями, взяв с них клятву, и сохранить таким путем оставшееся войско. [Они говорили, что] ведь нелегко будет скрыть бегство, потому что огненосные суда, стерегущие с обеих сторон проходы у берегов Истра, немедленно сожгут все [их корабли], как только они попытаются появиться на реке.

Тогда Сфендослав глубоко вздохнул и воскликнул с горечью: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабоцавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, [которое завещали] нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на ро-

¹ Ср. коммент. к «Житию Георгия Амастридского». Та же аллюзия — в житии Василия Нового: «Варварский народ придет сюда на нас свирепо, называемый Рос и Го и Магог» (*Веселовский А.* Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. // ЖМНП. 1889. № 26. С. 88—89).

² 23 июля 971 г. (у Скилицы — 20 июля).

³ От лат. *conventus* — «сходка».

дину, спасаясь бегством; [мы должны] либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, [достойные] доблестных мужей!» Вот какое мнение высказал Сфендослав.

8. О тавроскифах рассказывают еще и то, что они вплоть до нынешних времен никогда не сдаются врагам даже побежденные — когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают. Они поступают так, основываясь на следующем убеждении: убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страхась такого служения, гнушаясь служить своим убийцам, они сами причиняют себе смерть. Вот какое убеждение владеет ими.

А тогда, выслушав речь своего повелителя, [росы] с радостью согласились вступить в опасную борьбу за свое спасение и [приняли решение] мужественно противостоять могуществу ромеев. На следующий день (шел шестой день недели, двадцать четвертый — месяца июля) к заходу солнца все войско тавроскифов вышло из города; они решили сражаться из всех сил, построились в мощную фалангу и выставили вперед копья. Император, со своей стороны, выстроил ромеев и вывел их из укрепления. Вот уже завязалась битва, и скифы с силой напали на ромеев, пронзали их копьями, ранили стрелами коней и валяли на землю всадников. Видя, с какой неистовой яростью бросался Сфендослав на ромеев и воодушевлял к бою ряды своих, Анемас, который прославился накануне убиением Икмора, вырвался на коне вперед (делать это вошло у него в обычай, и таким путем он уже поразил множество скифов), опустив поводья, устремился на [предводителя росов] и, ударив его мечом по ключице, поверг вниз головою наземь, но не убил. [Сфендослава] спасла кольчужная рубаха и щит, которыми он вооружился, опасаясь ромейских копий. Анемас же был окружен рядами скифов, конь его пал, сраженный тучей копий; он перебил многих из них, но погиб и сам — муж, которого никто из сверстников не мог превзойти воинскими подвигами.

9. Гибель Анемаса воодушевила росов, и они с дикими, пронзительными воплями начали теснить ромеев. Те стали поспешно поворачивать назад, уклоняясь от чудовищного натиска скифов. Тогда император, увидевший, что фаланга ромеев отступает, убоялся, чтобы они, уstraшенные небывалым нападением скифов, не попали в крайнюю беду; он созвал приближенных к себе воинов, изо всех сил сжал копье и сам помчался на врагов. Забили тимпаны и заиграли военный призыв трубы; стыдясь того, что сам государь идет в бой, ромеи повернули лошадей и с силой устремились на скифов. Но вдруг разразился ураган вперемежку с дождем: устремившись с неба, он заслонил неприятелей; к тому же поднялась пыль, которая забила им глаза. И говорят, что перед ромеями появился какой-то всадник на белом коне; став во главе войска и побуждая его наступать на скифов, он чудодейственно рассекал и расстраивал их ряды. Никто не видал его, как рассказывают, в расположении войска ни до битвы, ни после нее, хотя император разыскивал его, чтобы достойно одарить и отблагодарить за то, что он свершил. Но поиски были безуспешны. Впоследствии распространилось твердое убеждение, что это был великомученик Феодор¹, которого государь молил и за себя, и за все войско быть соратником, покровителем и спасителем в битвах. Говорят, что накануне сражения вечером произошло следующее. В Византии одной девице, посвятившей себя Богу, явилась во сне Богородица, Которую сопровождали огненные воины. Она сказала им: «Позовите Мне мученика Феодора», — сейчас же к Ней подвели храброго и смелого вооруженного мужа. Богородица обратилась к нему со словами: «Твой Иоанн в Дористоле, о досточтимый Феодор, сражается со скифами и находится в крайнем затруднении; поторопись его выручить — если промедлишь, ему не избежать опасности». Тот ответил, что готов повиноваться Матери своего Господа и Бога, и, сказав это, сразу же удалился. Тут же и сон отлетел от глаз девицы. Вот каким образом сбылось сновидение этой девушки.

¹ Феодор Стратилат. День мучеников Феодора и Георгия — 21 июля.

10. Последовав за святым мужем, ромеи вступили в бой с врагами. Завязалась горячая битва, и скифы не выдержали натиска конной фаланги. Окруженные магистром Вардой, по прозвищу Склир, который со множеством [воинов] обошел их с тыла, они обратились в бегство. [Ромеи] преследовали их до самой стены, и они бесславно погибали. Сам Сфендослав, израненный стрелами, потерявший много крови, едва не попал в плен; его спасло лишь наступление ночи. Говорят, что в этой битве полегло пятнадцать тысяч пятьсот скифов, [на поле сражения] подобрали двадцать тысяч щитов и очень много мечей. Среди ромеев убитых было триста пятьдесят, но раненых было немало. Вот какую победу одержали ромеи в этом сражении.

Всю ночь провел Сфендослав в гневе и печали, сожалея о гибели своего войска. Но видя, что ничего уже нельзя предпринять против несокрушимого всеоружия [ромеев], он счел долгом разумного полководца не падать духом под тяжестью неблагоприятных обстоятельств и приложить все усилия для спасения своих воинов. Поэтому он отрядил на рассвете послов к императору Иоанну и стал просить мира на следующих условиях. Тавроскифы уступят ромеям Дористол, освободят пленных, уйдут из Мисии и возвратятся на родину, а ромеи дадут им возможность отплыть, не нападут на них по дороге с огненосными кораблями (они очень боялись «мидийского огня», который мог даже и камни обращать в пепел), а кроме того, снабдят их продовольствием и будут считать своими друзьями тех, которые будут посылаемы по торговым делам в Византий, как было установлено прежде.

11. Император почитал мир гораздо больше войны, потому что знал, что мир сохраняет народы, а война, напротив, губит их. Поэтому он с радостью принял эти условия [росов], заключил с ними союз и соглашение и дал им хлеба — по два медимна¹ на каждого. Говорят, что из шестидесятитысячного войска росов хлеб получили только двадцать две тысячи человек, избежавшие смерти, а остальные тридцать восемь тысяч погибли от оружия ромеев. После утверждения мирного договора Сфендослав попросил у императора позволения

¹ Ок. 20 кг зерна.

встретиться с ним для беседы. Государь не уклонился и, покрытый вызолоченными доспехами, подъехал верхом к берегу Истра, ведя за собою многочисленный отряд сверкавших золотом вооруженных всадников. Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдетая золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал. Так закончилась война ромеев со скифами.

12. Сфендослав оставил Дористол, вернул согласно договору пленных и отплыл с оставшимися соратниками, направив свой путь на родину. По пути им устроили засаду пацинаки — многочисленное кочевое племя, которое пожирает вшей¹, возит с собою жилища и большую часть жизни проводит в повозках². Они перебили почти всех [росов], убили вместе с прочими Сфендослава, так что лишь немногие из огромного войска росов вернулись невредимыми в родные места.

Таким образом, император Иоанн, как явствует из предыдущего рассказа, всего за четыре месяца победил полчища росов и возвратил ромеям Мисию. Он переименовал Дористол в Феодорополь в честь Стратилата мученика Феодора и, оставив там надежную охрану, вернулся с большими трофеями в Византий. Встретив императора перед стенами, горожане преподнесли ему венцы и скипетры, отделанные золотом и драгоценными камнями. Они привезли с собою и украшен-

¹ О фтирофагах сообщает Геродот (IV, 109), Страбон и др.

² Кочевники-печенеги.

ную золотом колесницу, запряженную белыми лошадьми; они просили [Иоанна] взойти на нее, чтобы отпраздновать полагающийся в таких случаях триумф. Иоанн принял венцы и скипетры, богато одарил за них горожан, но взойти на колесницу не пожелал. Устав золотое сиденье колесницы пурпурными мисийскими одеждами и венками, он водрузил на нем вывезенное из Мисии изображение Богородицы, заключающей в Свои объятия Богочеловеческий Логос. Сам он следовал на резвом коне сзади, увенчав голову диадемой, с венками и скипетрами в руках.

Таким образом проехал Иоанн, совершая свой триумф посреди города, украшенного повсюду пурпурными одеяниями, осененного наподобие брачного чертога ветвями лавра и златоткаными покрывалами. Он вступил в великий храм Божественной Премудрости и, воздав благодарственные молитвы, посвятил Богу первую долю добычи — роскошный мисийский венец, а затем последовал в императорский дворец, ввел туда царя мисян Бориса и приказал ему сложить с себя знаки царского достоинства. Они состояли из тиары, отороченной пурпуром, вышитой золотом и жемчугом, а также из багряницы и красных полусапог. Затем он возвел Бориса в сан магистра. Вот каким образом император Иоанн в очень короткое время сверх всяких ожиданий одержал столь великую победу, сломил и поверг ниц своей воинской опытностью, мудрой доблестью и отвагой высокомерное бахвальство росов и подчинил ромеям Мисию. Вернувшись в Византий, он провел там зиму, награждая по обычаю подданных дарами и развлекая обильными угощениями.

Книга 10

8. Когда грабительская шайка Варды Склира была полностью рассеяна, император Василий¹ собрал войско и выступил против мисян. Это дикое, жестокое племя помышляло только об убийствах; оно наносило вред ромейскому государству, немилосердно опустошая Македонию и уничтожая всех

¹ Император Василий II Болгаробойца (976—1025).

людей цветущего возраста. Поэтому [Василий], побуждаемый более горячностью, чем благоразумием, торопился одним ударом покорить [Мисию]. Но из-за несправедливости судьбы он обманулся в своих надеждах.

Совершив путь по узким, крутым тропам и приблизившись к городу Сардике, который скифы обычно именуют Тралицей¹, [Василий] разбил вблизи него лагерь и двадцать дней осаждал город. Но он не имел в этом деле успеха, так как войско склонилось из-за непригодности стратигов к беззаботности и лени. Сначала, когда ромеи вышли из лагеря в поисках зеленой травы и сена, мисяне напали на них из засады, учинили страшное побоище и увели множество вьючных животных и лошадей. Затем произошло следующее: осадные орудия и другие машины ввиду неумелости тех, кто их подводил к стенам, не действовали и были сожжены врагами; кроме того, воины чрезмерным потреблением израсходовали взятые с собою припасы и стали испытывать нужду во всем необходимом; поэтому император, собрав снаряжение, направился со всем войском в Византий. После целого дня пути он расположился лагерем в лесной чаще и дал воинам отдых. Еще не прошло время первой ночной стражи, как вдруг с восточной части неба устремилась на лагерь довольно большая звезда; озарив шатры ярким светом, она упала на западе у самого рва и, рассыпавшись множеством искр, погасла.

Падение этой звезды предвещало истребление войска. Всякий раз, когда происходит подобное падение звезды, предвидится полное уничтожение всего, там находящегося. Это убедительно подтверждает звезда, упавшая на троянское войско как раз тогда, когда Пандар направлял стрелу в Менелая, — ведь в тот же самый день фаланга троянцев была обращена ахейцами в постыдное бегство. Всякий, следуя за указаниями истории, обнаружит, что и во время ромейских войн часто бывали подобные случаи, когда войско гибло на том же месте, где появлялось знамение. Да и сами мы видели, как такая же [звезда] упала на дом проэдра Василия, и спустя недолгое время после этого он ушел из жизни, а состояние

¹ Точнее, Триадица, или Сердика (болг. Средец), совр. г. София в Болгарии.

его было предано разграблению и расхищению. Но достаточно о появлении звезды.

На следующий день войско проходило по лесистому, изрытому пещерами ущелью; едва пройдя его, оно попало в изобилующее расселинами, труднопроходимое место; там на ромеев напали мисяне, перебили большую часть воинов, захватили шатер императора, казну и весь обоз. Был там и я, рассказывающий с горечью об этом; на беду мою я сопровождал правителя, неся службу дьякона¹. Едва не поскользнулись стопы мои, и я стал бы добычею скифского меча, если бы не избавило меня от этой опасности некое божественное попечение, внушившее мне быстро погнать коня, взобраться по склону ущелья, покуда он не занят врагами, и поспешно достичь вершины горы. Остатки войска с трудом нашли спасение в бегстве по непроходимым горам от преследовавших мисян и вернулись, потеряв почти всю конницу и обоз, в ромейские пределы².

10. И на другие тягчайшие беды указывал восход появившейся тогда звезды³, а также напугавшие всех огненные столбы⁴, которые показались затем поздней ночью в северной части неба; ведь они знаменовали взятие тавроскифами Херсона⁵ и завоевание мисянами Веррии⁶.

¹ Лев был при войске в качестве императорского диакона в 986 г.

² 17 августа 986 г.

³ Комета 975 или 989 г.

⁴ Аллюзия на Апокалипсис (10:1).

⁵ Взятие Херсона (Корсуна) князем Владимиром с последующим крещением Руси.

⁶ Во второй половине 989 г.

ИОАНН СКИЛИЦА

Византийский историограф. Родился после 1040 г., умер в кон. XI — нач. XII вв., происходил, возможно, из малоазийской фемы Фракесион. Имел высокие государственные должности и титулы: был магистром, проэдром, эпархом, наконец, куропалатом и друнгарием виглы в Константинополе. Его исторический труд — «Обозрение историй» — посвящен событиям 811—1057 гг. и является как бы продолжением «Хронографии» Феофана Исповедника, к которому Скилица сам апеллирует в своем предисловии, превознося его как наиболее достоверного историка, по контрасту с которым критикуются собственные современники (в частности, Михаил Пселл). В числе своих предшественников и источников автор также называет Генесия, Льва Диакона, Феодора Дафнопата, Иоанна Лида и др. Для истории аморейской и македонской династий труд Иоанна Скилицы имеет первостепенное значение как с информативной, так и исторической точек зрения, поскольку нередко в своих характеристиках историк XI в. расходится с оценками авторов, на свидетельства которых он опирается. Можно думать, что этот памятник пользовался авторитетом и у современников: во всяком случае, Георгий Кедрин, создавая на рубеже XI—XII вв. свой компилятивный Синописис, для периода 811—1057 гг. практически дословно воспроизвел текст Иоанна Скилицы, сочинение которого до недавнего времени и было известно в науке лишь в изложении Кедрина.

В рукописной традиции сохранились несколько списков, доводящих изложение событий до 1069 г. Эта версия сочинения получила условное название Хроники Продолжателя Скилицы. Дискуссионной остается и атрибуция Иоанну Скилице так наз. Памятки (Ἐπιόμνησις) императору Алексею I Комнину (1092 г.). Один из списков сер. XVI в. Хроники Иоанна Скилицы, хранящийся в Национальной библиотеке в Мадриде, так наз. «Мадридский Скилица», знаменит высоко-

художественными миниатюрами, иллюстрирующими многообразные стороны византийской истории, жизни, быта, придворного ритуала, военных событий.

Сведения о Руси у Скилицы отчасти (особенно в начальных частях книги) заимствованы и повторяют известные из более ранних источников факты, но немалая часть свидетельств уникальна. Скилица описывает поход росов на Константинополь в июне 860 г. с последующим их крещением (107.44—49). Вновь о крещении росов и направлении к ним священника сообщается в части, описывающей события ок. 874 г.; там же излагается известная история с неопалимым Евангелием (165.13—166.43). Более подробно повествуется о походе Руси на Византию в 941 г. (229.90—230.24). Краткие сведения содержатся о поездке княгини Ольги в Константинополь ок. 957 г. (?) (240.77—81), зато более подробно рассказывается о войнах Святослава — в 967 г. в Болгарии (277.27—37; 286.52—56), в 970 г. (287.91—290.66), когда вместе с болгарам и печенегами он начинает военные действия против Византии. Детально описана и кампания Иоанна Цимисхия 971 г. против Святослава (294.3—303.47; 304.74—310.73), окончившаяся заключением мира, после чего Святослав весной 972 г. по дороге домой был встречен и убит печенегами. Сообщает Скилица и о браке князя Владимира с сестрой византийского василевса Василия II Анной в 988 г., и о мирных взаимоотношениях между Византией и Русью в это время (336.85—92), и о смерти Анны на Руси в 1020 г., и о походе хресохиров (367.71—368.81), и о помощи Руси в 1016 г. в походе Василия II на Хазарию (354.89—94), затем — на Болгарию (355.22—26), об участии росов в сирийском походе Романа Аргира ок. 1034 г. (388.44—389.48). Византийский историк нередко называет имена русских князей и княгинь, их родственников и приближенных, как известных — Ольги, Святослава, Владимира, Анны, Ярослава, так и не поддающихся очевидным отождествлениям — Несислава и Зинислава (1036 г.: 399.13—15). Наряду с Пселлом Иоанн Скилица является основным источником по истории последнего русского похода на Византию летом 1043 г. (430.35—433.37). Имеются сведения о варяго-русской

наемной дружине на службе у византийских василевсов, об участии ее в военных операциях Византии (490.15—19). Хроника Скилицы сохранила и эпитафию Иоанна Мелитинского (еще недавно идентифицируемого с Иоанном Геометром, правда, без особых оснований) императору Никифору Фоке (убит 11 сентября 969 г.), где говорится о приближении «росского всеоружия» (282.75).

Изд.: Ioannes Scylitzae Synopsis Historiorum, rec. Io. Thurn. Beroloni et Novi Eboraci, 1973.

Пер.: Лев Диакон. История: о войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия / Пер. С. А. Иванова. М., 1988. С. 121—133; Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М., 2003. С. 132—134.

Лит.: Georgius Cedrenus Ioannes Scylitzae ope ab I. Bekkero Suppl. II. Bonnæ, 1839; Сюзюмов М. Я. Об источниках Льва Дьякона и Скилицы // Византийское обозрение. Т. 2. 1916. С. 106—166; Кондаков Н. П. Греческие изображения первых русских князей // Сборник в память св. кн. Владимира. Т. I. Петроград, 1917. С. 10—20; Anastasijević D. N. Die chronologischen Angaben des Skylitzes (Kedrenos) über den Russenzug des Tzimiskes // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 31. 1931. S. 328—333; Dolger F. Die Chronologie des grossen Feldzuges des Kaiser Ioannes Tzimishes gegen die Russen // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 32. 1932. S. 275—292; Gregoire H. La dernière compagne de Jean Tzimiskes contre les Russes // Byzantion. T. 12. 1937. P. 267—276; Карышковский П. О. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // Византийский временник. Т. 6. 1953. С. 36—71; Божков А. Миниатюры от мадридската рукопис на Иоан Скилица. София, 1972; Литаврин Г. Г. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. // Византийский временник. Т. 27. 1967. С. 71—86; Он же. Еще раз о походе русских на Византию в июле 1043 г. // Византийский временник. Т. 29. 1968. С. 105—107; Poppe A. La dernière expedition russe contre Constantinople // Byzantinoslavica. T. 32. 1971. P. 1—29, 233—268; Ševčenko I. Sviatoslav in Byzantine and Slavic miniatures // Slavic Review. Vol. 24. 1965. P. 709—713;

Vernadsky G. The Russo-Byzantine War of 1043 // Byzantinisch-neugrieches Jahrbuch. Bd. 18. 1945/49 (1960). S. 123—143; Ahrweiler H. Les relations entre les Russes au IXe siècle // Bulletin d'information et de coordination. Vol. 5. Paris, 1971. P. 44—70; Бибиков М. И. Византийские исторические сочинения. СПб., 1998; Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М., 2003. С. 132—134.

ОБОЗРЕНИЕ ИСТОРИЙ,
СОСТАВЛЕННОЕ КУРОПАЛАТОМ
И БЫВШИМ ВЕЛИКИМ ДРУНГАРИЕМ ВИГЛЫ
ИОАННОМ СКИЛИЦЕЙ
(переводы П. В. Кузенкова и С. А. Иванова)

[Царствование Михаила, сына Феофила]

(Конфликт кесаря Варды с Игнатием; патриархом поставлен Фотий; Игнатий низложен собором в храме св. Апостолов).

18. А внутреннюю часть Эвксинского [Понта] и все его побережье¹ опустошал набегами флот росов (росы же — скифский народ, живущий близ северного Тавра, дикий и свирепый²) и самому царственному [граду]³ угрожал ужасной опас-

¹ Фраза соответствует сообщениям Продолжателя Феофана и Зонары; возможно, здесь следует видеть указание на многочисленные мелкие набеги руси на малоазийское побережье.

² Почти дословное повторение Продолжателя Феофана, но эпитет суроков «деревенский, грубый» заменен на ѳурюв «дикий» (возможно, по описке?). В данной части Хроники Иоанн Скилица, по-видимому, целиком и полностью опирается на Продолжателя Феофана, но при этом, в свойственной ему манере дополнять свои источники справочной информацией, добавляет фразу о местах обитания росов. Слова «вокруг северного Тавра», вероятно, следует понимать здесь в широком смысле: так могла быть названа вся область к северу от Тавриды (Крымского полуострова). Странники «Причерноморской Руси» обычно ссылаются на это место в подтверждение своей теории.

³ Распространенный в византийской литературе эпитет Константинополя, заимствованный и на Руси («Царьград»).

ностью. Спустя немного времени испытав Божественный гнев, они вернулись домой¹, а в царственный [град] прибывает их посольство, умоляя о сопричастии Божественному крещению, что и случилось².

(Критский флот опустошает Киклады и все Проконнеское побережье. Землетрясения).

(Scyl. 107)

[Царствование Василия Македонянина Большоголового]

(Василий обращает в христианство многих иудеев, укрепляет в вере новообращенный народ болгар).

42. И, заключив договор с росами, он добился того, что стали они сопричастны спасительному крещению; послан был к ним и архиерей³.

43. Достойно рассказа и то чудо, которое было совершено посланным туда архиереем. Ибо сам архонт, еще охваченный суеверием, и вельможи его, и весь народ, рассуждая о давешней их религии и о вере христиан, призывают только что прибывшего к ним архиерея, которого архонт стал расспрашивать: что он проповедует и чему намерен учить их? И когда тот, протягивая книгу Евангелия, рассказывал о чудесах, совершенных Богом во время его земной жизни, сказали люди росов: «Если и мы не увидим чего-нибудь подобного, а особенно такого, что, говоришь ты, случилось с тремя отроками в печи, то вообще не поверим тебе». Тот же, веря неложному слову Сказавшего: «Чего попросите во имя Мое, получите»⁴ и «Верующий в Меня дела, которые творю Я, и сам сотворит, и больше сих сотворит»⁵, сказал им: «Хоть и нельзя искушать Господа Бога, все же, если искренне реши-

¹ Слова переданы в сокращении.

² Дословное повторение Продолжателя Феофана за одним исключением: слова «спустя немного времени» отнесены здесь не к прибытию посольства, а к уходу росов от Константинополя.

³ В соответствующем тексте «Жизнеописания Василия», как известно, фигурирует архиепископ. Архиереем же мог быть назван и простой епископ.

⁴ Ин. 14:14.

⁵ Ин. 14:12.

лись вы обратиться к Богу, просите, что хотите, и Бог сделает это сполна ради веры вашей, хотя сами мы ничтожны и недостойны». Они тотчас попросили бросить в разоженный ими костер том Божественного Евангелия, и если сохранится он невредимым, то и они обратятся к Богу, им провозглашаемому. Так и решили; и после того как иерей, воздев глаза и руки к Богу, изрек: «Прославь святое имя Твое, Иисусе Христе, Бог наш, в глазах народа сего!» — книга Святого Евангелия была брошена в печь. Когда спустя достаточно времени печь прогорела, а затем и совершенно погасла, обнаружили, что Святой том остался нетронутым и неповрежденным, не испытав никакого ущерба от огня. Увидев это и поразившись величию чуда, варвары без колебаний стали переходить ко крещению.

На четвертом году своего царствования, в месяце июне 10 индикта [Никифор Фока] выступил, чтобы обозреть города, расположенные во Фракии; когда он прибыл к так называемому Большому Рву, он написал правителю Болгарии Петру, чтобы тот воспрепятствовал туркам переправляться через Истр и опустошать [владения] ромеев. Но Петр не подчинился и под разными предлогами уклонялся [от исполнения этого]. Тогда Никифор почтил достоинством патрикия Калокира, сына херсонского протевона, и отправил его к правителю Росии Свендославу¹, чтобы обещаниями даров и немалых почестей склонить его к нападению на болгар. Росы повиновались; на пятом году царствования Никифора в августе месяце 11 индикта они напали на Болгарию, разорили многие города и села болгар, захватили обильную добычу и возвратились к себе. И на шестом году его царствования они опять напали на Болгарию, совершив то же, что и в первый раз, и даже еще худшее.

А народ росов, который вышеописанным образом покорил Болгарию и взял в плен Бориса и Романа, двух сыновей Петра, не помышлял более о возвращении домой. Пораженные прекрасным расположением местности, [росы] разорвали договор, заключенный с императором Никифором, и сочли за благо

¹ Написание имени Святослав по-гречески совпадает у Скилицы и у Льва — различается лишь русская транскрипция.

остаться в стране и владеть ею. Особенно побуждал их к этому Калокир, который говорил, что если он будет провозглашен ими императором ромеев, то отдаст им Болгарию, заключит с ними вечный союз, увеличит обещанные им по договору дары и сделает их на всю жизнь своими союзниками и друзьями. Гордясь этими словами, росы рассматривали Болгарию как свою военную добычу и дали послам [Цимисхия], который обещал заплатить все, обещанное им Никифором, ответ, преисполненный варварской хвастливостью; ввиду этого стало необходимо решить дело войной. Итак, император тотчас посылает приказание переправить восточные войска на Запад; военачальником над ними он поставил магистра Варду Склира, дав ему титул стратилата, — на сестре [Варды] Марии он женился, еще будучи частным лицом, — и решил с наступлением весны сам выступить в поход. Росы и их архиг Свендослав, услышав о походе ромейского войска, стали действовать совместно с поработенными уже болгарам и присоединили в качестве союзников пацинаков и турок, проживающих на Западе, в Паннонии. Собрав тридцать восемь тысяч боеспособных воинов и перейдя Гем, они стали опустошать огнем и грабежами всю Фракию; разбив свой стан недалеко от стен Аркадиополя, они ожидали там начала борьбы. Когда магистр Варда Склир узнал, что неприятель значительно превосходит его численностью войска — ведь у него было всего двенадцать тысяч воинов, — он решил победить бесчисленное множество врагов военными хитростями и искусством и превзойти их механическими приспособлениями; так это и случилось. Замкнувшись со своим войском внутри стен, как бы испугавшись, он оставался там, и хотя враги не раз хотели выманить его на решающее сражение, он не поддавался, наблюдая, как неприятель грабит и уносит все, что ни попадя. Такое решение вызвало у варваров великое презрение: они полагали, что и в самом деле Склир заперся среди стен и удерживает там ромейские фаланги, боясь вступить в бой. Без страха разбрелись они кто куда, стали разбивать лагерь как попало и, проводя ночи в возлияниях и пьянстве, в игре на флейтах и кимвалах, в варварских плясках, перестали выставлять надлежащую стражу и не заботились ни о чем необходимом. И вот

Варда дождался подходящего момента и, присмотревшись хорошенько, как ему напасть на неприятелей, назначил день и час, поставил в ночное время засадные отряды в удобнейших местах, отправил с небольшими силами патрикия Иоанна Алакаса и приказал ему выйти вперед, вести наблюдение за врагами и постоянно сообщать ему, где они находятся. Разузнав это, [Иоанн] должен был сблизиться с варварами, напасть на них и, сражаясь, обратиться в притворное бегство, но не бежать во весь опор, отпустив поводья и сломя голову, а отступать в строю, медленно и где только возможно поворачиваться к противнику, биться с ним и поступать так до тех пор, пока он не будет завлечен к скрытым в засадах отрядам, а тогда расстроить ряды и бежать безо всякого порядка.

[У Аркадиополя]¹ варвары разделились на три части — в первой были болгары и росы, турки же и пацинаки² выступали отдельно.

Сфангел³, который возглавлял все войско, находившееся в Преславе (он считался среди скифов вторым после Свендослава), опасаясь, видимо, уже за судьбу города, запер ворота, обезопасив их засовами, взошел на стену и поражал нападающих ромеев различными стрелами и камнями.

Наступил июль месяц, и в двадцатый его день росы в большом числе вышли из города, напали на ромеев и стали сражаться. Ободрял их и побуждал к битве некий знаменитый среди скифов муж, по имени Икмор, который после гибели Сфангела пользовался у них наивеличайшим почетом и был уважаем всеми за одну свою доблесть, а не за знатность единокровных сородичей или в силу благорасположения.

Собравшись внутри стен, разбитые варвары провели наступившую ночь без сна и оплакивали павших в сражении дикими и повергающими в ужас воплями, так что слышавшим их казалось, что это звериный рев или вой, но не плач и рыдания людей.

¹ В 971 г.

² Печенеги.

³ Сфенкел у Льва Диакона (см. выше).

Видя, что скифы сражаются с большим жаром, нежели ранее, император¹ был удручен потерей времени и сожалел о ромеях, переносящих страдания мучительной войны; поэтому он задумал решить дело поединком. И вот он отправил к Сфендославу посольство, предлагая ему единоборство и говоря, что надлежит решить дело смертью одного мужа, не убивая и не истощая силы народов; кто из них победит, тот и будет властителем всего. Но тот не принял вызова и добавил издевательские слова, что он, мол, лучше врага понимает свою пользу, а если император не желает больше жить, то есть десятки тысяч других путей к смерти; пусть он и изберет, какой захочет. Ответив столь надменно, он с усиленным рвением готовился к бою.

Сфендослав, использовав все средства и во всем потерпев неудачу, не имея уже никакой надежды, склонился к заключению договора. Он отправил к императору послов, прося залогов верности и принятия в число союзников и друзей ромеев, чтобы ему со всеми своими дозволено было удалиться невредимыми домой, а скифам, если пожелают, — безопасно приходить по торговым делам. Император принял послов и согласился на все, о чем просили, произнеся известное изречение, что обыкновение ромеев состоит в том, чтобы побеждать неприятелей более благодеяниями, нежели оружием. После заключения договора Сфендослав попросил о беседе с императором; тот согласился, и оба, встретившись и поговорив, о чем им было нужно, расстались (Scyl. 309.34—45).

Скончались архонты росов Несислав и Иерослав и был избран править росами родственник скончавшихся Зинислав².

¹ Иоанн Цимисхий.

² Неизвестные русские князья.

МИХАИЛ ПСЕЛЛ

Михаил Пселл (1018 — после 1096—1097) является одним из самых выдающихся византийских историков, философов, авторов риторических произведений. Его творческое наследие превосходит по объему все сочиненное в этом жанре в Византии в X—XI вв. Он был также составителем естественно-научных трактатов, филологических эссе. Блестящий полемист и активный политик, он был современником четырнадцати императоров, для многих из которых он был приближенным советником. Велико и его интереснейшее эпистолярное наследие, насчитывающее около пятисот писем.

Родившийся в Константинополе в семье чиновника, Пселл с пяти лет стал посещать школу, прошел необходимый курс наук вплоть до занятий риторикой у знаменитого византийского ритора и педагога Иоанна Мавропода. Затем началась самостоятельная деятельность, ученая и литературная, Пселла и его успешное карьерное продвижение по этапам государственной службы. При императоре Михаиле V (1041—1042) он оказывается при дворе в качестве императорского секретаря, а при Константине IX Мономахе (1042—1055) он становится приближенным советником василевса, став фаворитом правителя. Вскоре Михаил Пселл становится ипатом философов — главой философской школы константинопольского «университета», получив тем самым высший научный титул в Византии. Ученая и государственная деятельность успешно сочетаются в жизни историографа, философа и политика.

Хотя сам Пселл оценивал свои занятия историей как нечто второстепенное и побочное, отдавая предпочтение риторике, философии, преподавательской деятельности, политической теории и практике, именно «Хронография» стала одной из вершин византийской историографии и литературы.

Сочинение охватывает столетний период византийской истории (976—1075 гг.), как бы продолжая «Историю» Льва Диакона и завершаясь описанием правления Михаила VII.

Композиционно «Хронография» распадается на две части, первая из которых, подразделяющаяся в свою очередь на семь разделов — «томов», оканчивается историей Исаака Комнина; вторая, не имея подобного внутреннего членения, начинается с Константина Дуки. Первую часть Пселл начал, по-видимому, писать осенью 1057 г., завершив ок. 1059—1063 гг., над заключительной же работал в 1071—1075 гг. Рассказоуправлении Василия II (976—1025) и Константина VIII (1025—1028) основан на письменных источниках, возможно, общих со Скилицей; далее следует повествование о событиях, непосредственным участником и свидетелем которых был сам Пселл. Не случайно поэтому образ автора занимает в «Хронографии» центральное место. Пселл создает своего рода автобиографию, вплетенную в повествование об исторических событиях.

Сведения о русских и Руси встречаются неоднократно в ходе повествования. Рассказывая о восстании Варды Фоки в 988 г., Пселл сообщает о том, что на помощь византийскому императору Василию II незадолго перед описываемыми событиями прибыл боеспособный отряд «скифов Тавра» (I. 9: XIII. 2—5), под которым обычно понимают шеститысячное войско, посланное киевским князем Владимиром, женатым на сестре Василия и Константина Анне. Таким образом, данное свидетельство — хронологически первое упоминание о русском вспомогательном воинском корпусе в Византии, направление которого было прямым результатом договоренностей Владимира, принявшего христианство, и византийского императора Василия II.

Ниже Пселл, подводя итоги политики, в том числе и внешней, этого императора, говорит о «приобретениях» последнего: «Все, чем владели иверы и арабы, что хранилось в сокровищницах культов, что имела скифская земля, словом, — все окрестные варвары, он, собрав, сложил в императорском казнохранилище» (I. 19 : XXXI. 8—12). Здесь в обобщенной риторической манере перечисляются все народы «ойкумены», в том числе и «скифы», под которыми часто имелись в виду «народы севера», в т. ч. и Руси.

В связи с сообщением о константинопольском восстании в апреле 1042 г. после ссылки императрицы Зои, что вызвало всеобщее возмущение против императора Михаила V Калафата.

Об участии варяго-русской дружины в церемонии интронизации сестер Зои и Феодоры в апреле 1042 г. сообщает Пселл, говоря о стоявших рядом с престолом цариц «секироносцах» (I. 118 : III. 5—6).

Специальная глава в книге о правлении Константина IX Мономаха посвящена нашествию росов (II. 8 : XC) — последней русско-византийской войне в 1043 г. Сообщив о подходе к столице судов росов (II. 8 : XC. 2), Пселл пишет, что это варварское племя всегда оспаривает ромейскую гегемонию и всякий раз стремится найти повод к войне (II. 8 : XCI. 1—4). И далее подробно описан очевидцем ход русско-византийского столкновения, известного и по русским летописям как поход князя Владимира Ярославича с предводителем Вышатай.

Об участии «тавроскифов» из императорской гвардии Михаила VI в сражении у Полемона близ Никеи 20 августа 1057 г. против мятежных сил Исаака Комнина Пселл сообщает, называя число «скифов у Тавра» — не более четырехсот (II. 90 : XIII. 9—10). Но, как явствует из дальнейшего рассказа, иноземные силы — в том числе «италийцы» (т. е. сицилийские норманны) и «тавроскифы» — были и в войске Исаака Комнина, одержавшего победу и ставшего первым императором будущей новой династии: иноземцы, во всяком случае, стояли в почетном строю при Исааке во время его переговоров с посольством Пселла в лагере у Никоимидии (II. 97 : XXIV. 22—25) в конце августа 1057 г.

Изд.: Michel Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077) / Ed. E. Renauld. Paris, 1926—1928. Т. 1—2.

Пер.: Михаил Пселл. Хронография / Пер. Я. Н. Любарского; Краткая история / Пер. Д. А. Черноглазова, Д. Р. Абдрахмановой. СПб., 2003.

Лит.: Sathas K. N. Bibliotheca graeca medii aevi. Athènes; Paris, 1874. Т. 4; Venetia; Paris, 1876. Т. 5; Krumbacher K. Geschichte der byz-

antinischen Literatur. München, 1897. S. 433—444; *Васильевский В. Г.* Два письма византийского императора Михаила Дуки VII к Всеволоду Ярославичу // Труды. СПб., 1909. Т. 2. С. 3—55; Michael Psellos, *De operatione daemonum* / Ed. F. Boissonade. Nürnberg, 1838; *Bury J. B.* Roman Emperors from Basil II to Isaac Komnenos // *The English Historical Review*. 1889. Vol. 4. P. 41—64, 251—285; *Dräseko J.* Zu Michael Psellos // *Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie*. 1889. Bd. 32. S. 303—330; *Безобразов П. В.* Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890; *Renauld E.* Lexique Choisi de Psellos. Paris, 1920; *Müller K.* Epistolografie Michaela Psella // *Listy filologické*. 1909. Т. 36. S. 18—25, 96—106, 182—208; *Würtle P.* Die Monodie des Psellos auf den Einsturz des Hagia Sophia. Paderborn, 1917; *Zervos Ch.* Un philosophe néoplatonicien du XIe s. Michel Psellos. Paris, 1920; *Diel Ch.* Une famille de bourgeoisie à Byzance au XIe siècle // *Figures byzantines*. Paris, 1925. Vol. 1. P. 291—316; *Iorga N.* Médaillons d'histoire littéraire byzantine. 13: Constantin Psellos // *Byzantion*. 1925. Т. 2. P. 270—273; *Svoboda K.* La démonologie de Michel Psellos. Brno, 1927; *Redl G.* La chronologie appliquée de Michel Psellos // *Byzantion*. 1927/1928. Т. 4. P. 197—236; 1929. Т. 5. P. 229—286; *Idem.* Untersuchungen zur technische Chronologie des Michael Psellos // *Byzantinische Zeitschrift*. 1929/1930. Bd. 29. S. 168—187; *Bidèz J.* Michael Psellos. Epître sur le chrisopées et extraits sur l'alchimie. Bruxelles, 1928; *Sykutris J.* Zum Geschichtswerk des Psellon // *Byzantinische Zeitschrift*. 1929/1930. Bd. 30. S. 61—67; *Hussey J.* Michael Psellos, *The Byzantine Historian* // *Speculum*. 1935. Vol. 10. P. 81—90; *Drexel F.* Nachträge zur Ausgabe der Psellosbriefe von Kurtz-Drexel // *Byzantinische Zeitschrift*. 1941. Bd. 41. S. 309—310; *Idem.* Index nominum zu den von Sathas, Boissonade, Hase, Ruelle und Tafel edierten Psellos-Briefen // *Byzantinische Zeitschrift*. 1941. Bd. 41. S. 299—308; *Вальденберг В.* Философские взгляды Михаила Пселла // *Византийский сборник*. М.; Л., 1945. С. 249—255; *Michael Psellos.* *De omnifaris doctrina* / Ed. L. G. Westerink. Utrecht, 1948; *Lampsides O.* Ὁ Μιχαὴλ Ψελλὸς ὡς πηγὴ τῆς Ἐπιτομῆς τοῦ Ἰωάννου Ζωναρᾶ // *Ἐπιτηρίς Ἐταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν*. 1949. Т. 19. S. 170—188; *Idem.* Ἡ χρονολογία τοῦ Ψελλοῦ ὡς πηγὴ τῆς Ἐπιτομῆς τοῦ Ζωναρᾶ. Athens, 1951;

Vernadsky G. The Byzantine-Russian War of 1093 // Süd. Ost.-Forschungen. 1953. Bd. 12; *Michel A.* Schisma und Kaiserhof im Jahre 1054. Michael Psellos, 1054—1954. L'Église et les Églises. Chevetogue, 1954. P. 351—440; *Böhlig G.* Untersuchungen zum rhetorischen Sprachgebrauch der Byzantiner mit besonderer Berücksichtigung der Schriften des Michael Psellos. Berlin, 1956; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1983. Bd. I. S. 437—441; *Garzya A.* Un encomio del vino inedito di Michele Psello // Byzantion. 1965. T. 35; *Idem.* Un inedito opuscolo polemico di Michele Psello // Le Parole e le Idee. Napoli, 1965; *Idem.* On Michel Psellos' Admission of Faith // Ἐπετηρίς Ἐταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1966/1967. T. 35; *Idem.* Versi e un opuscolo inedito di Michele Psello // Le Parole e le Idee. Napoli, 1966; *Gautier P.* Monodie inédite de Psellos sur le basileus Andronic Doucas // Revue des Études Byzantines. 1966. Vol. 24; *Idem.* Eloge funèbre de Nicolas de la Belle Source par Michel Psellos moine à l'Olympe // Byzantion. 1974. T. 6; *Anastasi R.* Michele Psello. Encomio per Giovanni piissimo metropolita di Euchaita. Padova, 1968; *Crisuolo U.* Michele Psello. Epistola a Michele Cerulario. Napoli, 1973; *Idem.* Epistola a Giovanni Xiphiino. Napoli, 1973; *Weiss G.* Forschungen zu den noch nicht edierten des Michael Psellos // Byzantina. 1972. T. 4. S. 9—52; *Idem.* Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Pcellos. München, 1973; *Joannou P.* Démonologie populaire — démonologie critique au XIe s. La vie inédite de S. Auxeuce par Michel Psellos. Wiesbaden, 1971; *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл. Личность и творчество. К истории византийского предгуманизма. М., 1978; *Он же.* Михаил Пселл. Хронография. М., 1978; *Beck H.-G.* Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1977. S. 539—541; *Gadolin A.* A Theory of History and Society with Special Reference to the «Chronographia» of Michael Psellos. Stockholm; Göteborg; Uppsala, 1970; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 372—382; *Kriaras E.* Ὁ Μιχαὴλ Ψελλός // Byzantina. 1972. T. 4; *Tinnefeld F.* Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prohor bis Niketas Choniates. München, 1971; *Idem.* «Freundschaft» in den Briefen des Michael Psellos // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1973. Bd. 22;

Салямон М. К вопросу о дате главного сражения греков с русскими в июле 1043 г. // *Византийский временник.* 1972. Т. 33; *Wolska-Conus W.* Les écoles de Psellos et de Xiphilin sous Constantin IX Monomaque // *Travaux et mémoires.* 1976. Т. 6. P. 223—243; *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977; *Он же.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII вв.). СПб., 2000. С. 214—276; *Shepard J.* Why did the Russians attack Byzantium in 1043? // *Byzantinisch-Neugriechischen Jahrbuch.* 1978. Bd. 22. P. 147—212.

ХРОНОГРАФИЯ

(перевод Я. Н. Любарского)

Василий II

XIII. Царь Василий порицал неблагодарных ромеев, и поскольку незадолго перед тем явился к нему отряд отборных тавроскифских воинов, задержал их у себя, добавил к ним других чужеземцев и послал против вражеского войска. Те застали неприятелей врасплох, готовившихся не противника побить, а вина попить, многих убили, а остальных рассеяли, и поднялся среди мятежников бунт против самого Фоки.

XIV. Набираясь военного опыта, находился в ромейском войске царь Василий, в то время юноша с едва пробивающейся бородой. Не преминул занять место в боевых порядках и брат его Константин, который стоял в строю, облачившись в доспехи и потрясая длинным копьём.

XV. Отряды выстроились друг против друга, по берегу — царские, на холмах — узурпатора, а между ними оставалось свободное пространство. Когда Фока узнал, что в строю находятся императоры, он не стал откладывать сражение, выбрал день, которому суждено было окончательно решить исход войны, и отдался на волю судьбы. При этом он действовал вопреки советам своих прорицателей, которые, совершив жертвоприношение, старались удержать его от битвы; не посчитавшись с ними, он пустил вскачь коня. Рассказывают и о зловещих знамениях. Конь, на которого он сел, сразу же под

ним поскользнулся; Фока пересел на другого, но и с тем через несколько шагов случилось то же самое.

Цвет лица его изменился, сознание помутилось, началось головокружение. Но ничто не могло остановить этого человека, коль скоро он приготовился к бою; выдвинувшись на переднюю линию и находясь уже недалеко от царского войска, он собрал вокруг себя пеший отряд — были это воинственные ивиры, цветущие юноши с первым пушком на щеках, одинаково высокого, как по мерке, роста, с мечами в руках, неуждержимые в натиске, — одним мановением руки увлек их за собой, опередил фалангу, и с боевым кличем, опустив поводья, понесся прямо на императора; правой рукой он сжимал рукоять высоко поднятого меча, которым готовился поразить Василия.

Михаил IV

Поход царя на болгар

XLIII. Такие мысли мучили царя больше, чем телесные недуги, но эта беда была совсем иного рода: болезнь раздувала тело, а скорбь о случившемся, оказывая обратное действие, его истощала, и этими двумя несовместными напастями он разрывался на части. Но еще прежде, чем над варварами, одержал царь победу над своими близкими и соорудил трофей над родственниками, друзьями и самим собой, ибо немощь тела он одолел рвением души, и, вручив себя Богу, снарядился к войне. Он определил цель и все сделал для ее осуществления: не двинулся в поход сразу и беспорядочно, но — я не стану перечислять все подряд — прежде подготовил войско и не повел на врага все свое воинство, не понадеялся на его величину, а выбрал лучших воинов и самых искусных военачальников и с ними выступил против скифов, при этом продвигался, соблюдая порядок, выстроив войско согласно правилам боевого искусства.

XLIV. Приблизившись к болгарским пределам, он расположился лагерем в удобном месте и сначала углубился в размышления, а потом принял решение вступить в сражение —

дело почти невероятное, вызвавшее сомнения даже у тех, кто тогда был с ним.

Ночью он страдал от болезни и едва мог дышать, а с наступлением утра сразу встал, как будто что-то придало ему новые силы, вскочил на коня, крепко уселся в седле и, уверенно управляя лошадью, поскакал, соединяя вместе отряды. Всем окружающим это показалось истинным чудом!

Бегство Алусиана к болгарам

XLV. Еще до начала войны произошло удивительное событие, которое можно сравнить разве что с подвигом императора. Дело в том, что самый приятный из сыновей Аарона, прежнего царя их племени, по имени Алусиан, человек доброго нрава, светлого ума и приметного состояния, стал главной причиной победы императора, при этом сам он того не желал и цель имел противоположную. Однако Бог, направлявший его, повернул все иначе и обеспечил царю победу.

XLVI. Этот Алусиан не очень-то пришелся по душе императору, в совет доступа не имел и почестями был не избалован; ему было предписано оставаться в своем доме и являться в Византий не иначе, как по царскому повелению. Алусиан был очень раздосадован и недоволен своим положением, но до поры до времени ничего изменить не мог. Когда же он узнал, что его народ из-за отсутствия истинного отпрыска царского рода поставил на царство мнимого и вымышленного наследника, то решился на весьма дерзкое предприятие: позабыв о детях, пренебрегая любовью жены и никого из них не посвятив в свои планы, вместе с несколькими слугами, которых он знал как отчаянных смельчаков, храбро двинулся из дальних восточных краев на запад, а чтобы не быть узнанным и обнаруженным городскими жителями, переоделся с ног до головы, при этом сменил платье и никакой старой одежды на теле не оставил. Таким образом он приобрел вид наемного воина и ушел незамеченным.

XLVII. Мне рассказывал позже отец моего рассказа (этот человек хорошо знал и очень любил меня): «Он два или три раза подходил ко мне в столице, но ни я и никто другой, к кому он приближался, его не узнали». Избежал он и недрем-

лющего ока Орфанотрофа и не попался даже ему, хотя его неожиданное исчезновение обеспокоило власти, которые его искали и старались задержать. Затем, если можно так сказать, незаметно для людских глаз он прибыл в болгарскую землю, но не сразу объявился перед всеми, а по очереди приходил то к одному, то к другому, заводил речь об отце, будто о постороннем ему человеке, превозносил его род и мимоходом выяснял, предпочли бы мятежники истинного отпрыска мнимому, если бы вдруг обнаружился какой-нибудь из сыновей Аарона, или же не обратили на него внимания, поскольку всю власть получил уже самозванец.

XLVIII. Поняв же, что все отдают предпочтение бесспорному потомку перед сомнительным, он решился втайне назвать себя одному человеку, которого знал как горячего приверженца его рода, а тот припал к его коленям, поцеловал ноги, но затем, дабы не иметь уже никаких сомнений, попросил показать тайный знак — было это темное пятно на правом локте, покрытое густыми волосами. Увидев и его, он с еще большим пылом стал целовать его в шею и грудь, и они уже вдвоем принялись за дело: поочередно являлись то к одному, то к другому и еще шире распространили известие. В конце концов большинство склонилось в пользу родного семени, но единовластие как бы превратилось в многовластие, так как одни предпочитали этого, другие — того, но затем обе стороны заключили между собой союз, примирили предводителей, и те стали жить вместе и советоваться друг с другом, хотя каждый из них и держал соперника на подозрении.

XLIX. Но Алусиан предупредил злой замысел Долиана, неожиданно схватил его и отрубил ему нос и выколол глаза (то и другое кухонным ножом), и все скифское племя вновь подпало под единую власть. После этого Алусиан не сразу поддался к императору, но собрал войско, двинулся в поход, напал, потерпел поражение, спасся бегством и только тогда, поняв, что не так-то легко бороться с ромейским царем, и вспомнив о дорогих ему людях, тайно дал знать императору, что если сподобится царского благоволения и прочих милостей, то отдаст в его руки себя и все свое достояние. Император принял это предложение и вновь, согласно его желанию,

вступил в тайные переговоры с болгаринном. В конце концов Алусиан приблизился к нашему войску вторично, якобы для сражения, но неожиданно оставил свой строй и перешел к императору. Самодержец удостоил его высшей чести и отправил в Византий, а уже раздираемый враждой и еще не нашедший себе нового вождя народ обратил в бегство, победил и вновь надел на него ярмо, от которого тот только что избавился; после этого Михаил в блеске и величии вернулся во дворец, ведя с собой многих пленных, в том числе людей, весьма у них знатных, и самого их мнимого князя с отрезанным носом и без глаз.

L. И вот он торжественно въезжает в столицу, а весь народ высыпает ему навстречу. Видел тогда его и я: он трясся на коне, как покойник на катафалке, а его пальцы, державшие поводья, были, как у гиганта, — каждый толщиной и величиной с руку (до такой степени воспалилось его нутро), лицом же он и вовсе не походил на себя прежнего. Таким образом прибыл он во главе триумфальной процессии во дворец, а пленных заставил пройти через театр и показал ромеям, что воля может поднять и мертвых, а рвение к прекрасным делам — одолеть телесную немощь.

LI. Но не смог он ни до конца победить природу, ни осилить болезнь: постепенно и незаметно подкравшись, она уже начала распускать узы его тела. Приближенные самодержца до поры до времени пытались скрыть его недуг и совещались между собой, как избежать бунта в государстве, но когда о царской болезни заговорили повсюду, и слух о ней распространился по всему городу, эти мысли перестали их волновать, и думали они уже лишь о том, как бы не упустить из своих рук государственной власти. О них хватит.

Михаил V

XV. Взвалив на себя бремя единодержавной власти, этот странный муж никаких разумных мер для государства не придумал, но сразу стал своевольно все переставлять и перетасовывать; никого из людей вельможных не одаривал лаской взора или души, а только устрашал всех грозными речами. Подданных он хотел сделать беспрекословно послушными,

большинство вельмож лишит принадлежавшей им власти, а народу дать свободу, чтобы стражу его составило не малое число избранных, а многочисленная толпа. Охрану своей персоны он передал купленным им раньше скифским юношам — все это были евнухи, знавшие, чего ему от них надо, и пригодные к службе, которую он от них требовал; он смело мог положиться на их преданность, особенно после того, как удостоил их высоких титулов. Одни из них его охраняли, другие исполняли иные приказы.

XXV. Император предавался удовольствиям и был полон высокомерия, а весь город — я имею в виду людей всякого рода, состояния и возраста, — будто распалась гармония его тела, уже приходил по частям в брожение, волновался, и не осталось в нем никого, кто бы не выражал недовольства сначала сквозь зубы, но, тая в душе замыслы куда более опасные, не дал бы в конце концов волю языку. Когда повсюду распространился слух о новых бедах императрицы, город явил собой зрелище всеобщей скорби; как в дни великих и всеобщих потрясений все пребывают в печали и, не в силах прийти в себя, вспоминают о пережитых бедах и ожидают новых, так и тогда страшное отчаяние и неутешное горе вселились во все души, и уже на другой день никто не сдерживал язык — ни люди вельможные, ни служители алтаря, ни даже родственники и домочадцы императора. Проникся великой отвагой мастеровой люд, и даже союзники и иностранцы — я имею в виду тавроскифов и некоторых других, которых цари обычно держат при себе, — не могли тогда обуздать своего гнева; все готовы были пожертвовать жизнью за царицу.

Константин IX

1043 г.

ХС. Не успели подавить мятеж¹, как началась война с варварами. Неисчислимо, если можно так выразиться, количество русских кораблей прорвалось силой или ускользнуло от отражавших их на дальних подступах к столице судов и вошло в Пропонтиду.

¹ Мятеж Георгия Маниака.

Туча, неожиданно поднявшаяся с моря, затянула мглой царственный город. Дойдя до этого места, хочу рассказать, почему они без всякого повода со стороны самодержца пустились в плавание и двинулись на нас походом.

ХСІ. Это варварское племя все время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами. Когда умер вселявший в них ужас самодержец Василий¹, а затем окончил отмеренный ему век и его брат Константин², и завершилось благородное правление³, они снова вспомнили о своей старой вражде к нам и стали мало-помалу готовиться к будущим войнам. Но и царствование Романа⁴ сочли они весьма блестящим и славным, да к тому же и не успели совершить приготовлений; когда же после недолгого правления он умер, и власть перешла к неизвестному Михаилу⁵, варвары снарядили против него войско; избрав морской путь, они нарубили где-то в глубине своей страны лес, вытесали челны, маленькие и покрупнее, и постепенно, проделав все в тайне, собрали большой флот и готовы были двинуться на Михаила.

Пока все это происходило, и война только грозила нам, не дождавшись появления росов, распрощался с жизнью и этот царь, за ним умер, не успев как следует утвердиться во дворце, следующий⁶, власть же досталась Константину⁷, и варвары, хотя и не могли ни в чем упрекнуть нового царя, пошли на него войной без всякого повода, чтобы только приготовления их не оказались напрасными. Такова была беспричинная причина их похода на самодержца.

ХСІІ. Скрытно проникнув в Пропонтиду, они прежде всего предложили нам мир, если мы согласимся заплатить за него большой выкуп, назвали при этом и цену: по тысяче ста-

¹ Василий II Болгаробойца (976—1025).

² Константин VIII (1025—1028).

³ Правление Македонской династии.

⁴ Роман III Аргир (1028—1034).

⁵ Михаил IV (1034—1041).

⁶ Михаил V (1041—1042).

⁷ Константин IX Мономах (1042—1055).

тиров¹ на судно с условием, чтобы отсчитывались эти деньги не иначе, как на одном из их кораблей. Они придумали такое, то ли полагая, что у нас текут какие-то золотоносные источники, то ли потому, что в любом случае намеревались сражаться и специально выставляли неосуществимые условия, ища благовидный предлог для войны. Поэтому, когда послов не удостоили никакого ответа, варвары сплотились и снарядились к битве; они настолько уповали на свои силы, что рассчитывали захватить город со всеми его жителями.

ХСIII. Морские силы ромеев в то время были невелики, а огненосные суда², разбросанные по прибрежным водам, в разных местах стерегли наши пределы. Самодержец стянул в одно место остатки прежнего флота, соединил их вместе, собрал грузовые суда, снарядил несколько триер, посадил на них опытных воинов, в изобилии снабдил корабли жидким огнем, выстроил их в противоположащей гавани напротив варварских челнов и сам вместе с группой избранных синклитиков в начале ночи прибыл на корабле в ту же гавань; он торжественно возвестил варварам о морском сражении и с рассветом установил корабли в боевой порядок. Со своей стороны варвары, будто покинув стоянку и лагерь, вышли из противоположащей нам гавани, удалились на значительное расстояние от берега, выстроили все корабли в одну линию, перегородили море от одной гавани до другой и, таким образом, могли уже и на нас напасть, и наше нападение отразить.

И не было среди нас человека, смотревшего на происходящее без сильнейшего душевного беспокойства. Сам я, стоя около самодержца (он сидел на холме, покато спускавшемся к морю), издали наблюдал за событиями.

ХСIV. Так построились противники, но ни те, ни другие боя не начинали, и обе стороны стояли без движения сомкнутым строем. Прошла уже большая часть дня, когда царь, подав сигнал, приказал двум нашим крупным судам потихоньку продвигаться к варварским челнам; те легко и стройно поплыли вперед, копейщики и камнеметы подняли на их палу-

¹ Статир, или статер, — золотая номисма (монета), равная 1/72 золотого фунта.

² Суда, на которых располагались сифоны с «греческим огнем».

бах боевой крик, метатели огня заняли свои места и приготовились действовать. Но в это время множество варварских челнов, отделившись от остального флота, быстрым ходом устремилось к нашим судам.

Затем варвары разделились, окружили со всех сторон каждую из триер и начали снизу пиками дырявить ромейские корабли; наши в это время сверху забрасывали их камнями и копьями. Когда же во врага полетел и огонь, который жег глаза, одни варвары бросились в море, чтобы плыть к своим, другие совсем отчаялись и не могли придумать, как спастись.

ХСV. В этот момент последовал второй сигнал, и в море вышло множество триер, а вместе с ними и другие суда, одни позади, другие рядом. Тут уже наши приободрились, а враги в ужасе застыли на месте. Когда триеры пересекли море и оказались у самых челнов, варварский строй рассыпался, цепь разорвалась, некоторые корабли дерзнули остаться на месте, но большая часть их обратилась в бегство. Тут вдруг солнце притянуло к себе снизу туман и, когда горизонт очистился, переместило воздух, который возбудил сильный восточный ветер, взбороздил волнами море и погнал водяные валы на варваров. Одни корабли вздыбившиеся волны накрыли сразу, другие же долго еще волокли по морю и потом бросили на скалы и на крутой берег; за некоторыми из них пустились в погоню наши триеры, одни челны они пустили под воду вместе с командой, а другие воины с триер продырявили и полузатопленными доставили к ближайшему берегу. И устроили тогда варварам истинное кровопускание — казалось, будто излившийся из рек поток крови окрасил море.

ХСVI. Разгромив таким способом варваров, царь покинул берег и победителем вернулся во дворец. Все кругом говорили — я вник в эти разговоры и не обнаружил в них ничего серьезного и никаких оснований для пророчеств — итак, говорили, что царя ждут многие напасти, как внешние — от варваров, так и от своих, прежде покорных подданных, но что все они его минуют, ибо добрая судьба придет на помощь самодержцу и легко разрушит все козни. Да и сам царь с гордостью рассказывал о пророчествах и гаданиях, касавшихся его царствования, вспоминал о видениях и необычных снах,

одни из которых видел сам, о других узнал с чужих слов и толкований, и говорил по этому поводу удивительные вещи. Поэтому и тогда, когда беда уже надвигалась и все остальные боялись и с ужасом ожидали будущего, он уповал на счастливый исход, умерял страхи окружающих и оставался беспечным, будто ничего дурного и не случилось.

Михаил VI

Посылка войска против Исаака¹

1057 г.

⟨...⟩ X. Царь одобрил мои советы.

XI. Затем, однако, он отверг первый из них (уже это обречало царя на неудачу) и приготовился исполнить второй и третий. Второй, однако, так и не был осуществлен; западное же войско, оснащенное к войне, пополненное свежими силами союзников, разделенное на отряды и сведенное в боевые порядки, в полном снаряжении выступило против восточных полков. Противники разбили свои лагеря на небольшом расстоянии один от другого, пространство их разделяло небольшое, но ни одна сторона не делала попыток наступать, и поле посредине оставалось пустым². Численностью царские войска явно превосходили врагов, но уступали им в силе и построении, и — что самое важное и поразительное — строй мятежников оставался нерушим, их верность своему предводителю неколебимой, в то время как наше войско уменьшалось и распадалось, и множество наших воинов ежедневно перебегало к восставшим. Что же касается командующего — мне незачем называть его по имени, — то он разрывался между теми и другими, но, как мне представляется, на самом деле склонялся только в одну сторону.

XII. Поэтому нас разбили с фронта и тыла, и поражение было предрешено настроением военачальников еще до нача-

¹ Мятеж Исаака Комнина — будущего императора Исаака I Комнина (1057—1059).

² Мятежники находились у Никеи, императорские войска — в районе Никомидии.

ла битвы. Однако отряды¹ и оставшиеся у нас собственные воины ничего не знали о колебаниях командующего, и вот эти, как говорит поэт, «мужи Ареевы, гневом горящие»², превосходно снаряженные, с самым лучшим оружием на поясе или в руках, выстроились перед вражеским войском, а потом, испустив боевой клич и бросив поводья, в неудержимом натиске устремились в бой. Наш правый фланг опрокинул их левый и далеко преследовал неприятеля.

XIII. Когда их правый фланг узнал о случившемся, стоявшие там воины не стали дожидаться боевых криков и наступления врага, но сразу отошли и рассеялись из страха, как бы победители не обратились теперь против них и, вдохнув мужество в бегущих, не навалились на них всеми своими силами. Итак, правый фланг неприятеля тоже обратился в бегство, и полная победа осталась за нами³. В самой гуще толпы, возвышаясь над бегущими и преследующими, как вкопанный стоял узурпатор. Несколько наших воинов (это были тавроскифы, числом не более четырех), заметили его и с двух сторон направили на Комнина свои копья. Удары, однако, пришлись на доспехи Исаака, и железо не коснулось его тела. Тавроскифы не смогли даже с места сдвинуть этого мужа, ибо с противоположных сторон его с такой же силой подпирали копьями и все время возвращали его тело в прежнее положение, не позволяя ему потерять равновесие и отклониться от центра. Исаак принял случившееся за добрый знак, что-де останется он недвижим, сколько бы ударов ни сыпалось на него с обеих сторон, и тут же приказал своему войску с удвоенной силой напасть на нас, завязать бой, обратить противника в бегство и преследовать его как можно дальше.

XIV. Известия о тяжком исходе битвы, одно другого печальнее, дошли до нашего слуха и привели царя в смятение и полное отчаяние. Быстро вызвать потерпевшее такое поражение западное войско было нельзя, достать свежее пополнение и новобранцев он тоже не смог, а командующий воинскими силами евнух Феодор, тот самый, которого царица Феодора

¹ Союзников.

² Гомер, «Илиада» (III, 8).

³ Сражение произошло 20 августа 1057 г.

сначала сделала проэдром, а потом назначила начальствовать над восточной армией, решительно отказался от командования не столько из страха перед вторым сражением, сколько потому, что переметнулся на другую сторону и втайне сговорился с Комнином.

XXIV. Шум постепенно умолк, и мы смогли рассмотреть, что происходило внутри шатра (когда распахнулась дверь, мы не вошли сразу, а встали поодаль, ожидая специального приглашения). Нам предстала следующая картина. Сам царь сидел на двуглавом кресле¹, высоком и отделанном золотом, опирал ноги на скамейку, и роскошные одежды сверкали на нем. Он гордо поднял голову, выпятил грудь, багрянец битвы румянил его щеки, глаза были сосредоточены и неподвижны и свидетельствовали о напряженной работе мысли; потом он поднял взор и, как бы уйдя от пучины, причалил в спокойной гавани. Воины несколькими кругами опоясывали Исаака. Внутренний и самый малочисленный из них был составлен из первых людей, доблестных отпрысков знатнейших родов, осанкой не уступавших древним героям. Эти отборные воины служили живым примером всем, стоявшим за ними. Их опоясывал второй круг: оруженосцы первых, бойцы передовой линии (некоторые заполняли следующие отряды), также лучшие из начальников полукругов — они стояли на левом фланге. Окаймляло их кольцо простых воинов и свободных. А дальше уже располагались союзные силы, прибывшие к мятежникам из других земель, италийцы² и тавроскифы³, сам вид и образ которых внушали ужас. Глаза тех и других ярко сверкали. Если первые подкрашивают глаза и выщипывают ресницы, то вторые сохраняют их естественный цвет. Если первые порывисты, быстры и неудержимы, то вторые бешены и свирепы. Первый натиск италийцев неотразим, но они быстро переполняются гневом; тавроскифы же не столь горячи, но не жалеют своей крови и не обращают никакого внимания на раны. Они заполняли круг щита и были вооружены длинными копьями и обоюдоострыми секирами; секиры они положили на

¹ Трон Исаака I Комнина.

² Т. е. норманны.

³ Русские.

плечи, а древки копий выставили в обе стороны и как бы образовали навес между рядами.

XXV. Так они стояли. Между тем царь рукой и легким кивком головы дал нам знак подойти к нему слева. Мы пробрались между первым и вторым кругом воинов и, приблизившись к Исааку, слышали от него вопрос, который он уже задавал нам накануне. Удовлетворенный ответом, он, возвысив голос, сказал: «Пусть один из вас, повернувшись и заняв место между ними (тут он указал на стоявших по обе стороны от него), вручит мне письмо от пославшего вас и сообщит то, что он велел передать на словах».

[Исаак I Комнан]

LXVII. Почтив память усопшего назначением достойного мужа, царь сначала утихомирил восточных варваров (это дело не доставило ему больших хлопот), а потом со всем войском выступил против западных, которые в старые времена звались мисами, а нынешнее наименование получили позже¹. Они обитали в землях, которые от Ромейской державы отделяются Истром, но неожиданно снялись со своих мест и перешли на наш берег. Причиной же для этого был народ гетов², которые с ними граничили, разоряли и грабили их страну и вынудили к переселению. Поэтому они, как по суше, перешли по замерзшему Истру на наш берег, всем народом навалились на наши границы и с тех пор не могли заставить себя жить в мире и оставить в покое соседей³.

LXVIII. Хотя мисы телом не сильны и духом не отважны, сражаться и воевать с ними трудней, чем с каким-либо другим народом. Они не носят панцирей, не одевают поножей, не защищают головы шлемом, в руках не держат щита — ни продолговатого, какие, по рассказам, были у аргиев⁴, ни круглого, и не вооружены даже мечами, имеют при себе только копья, и это единственное их оружие. Они не разделяют

¹ «Мисами» Пселл называет печенегов.

² «Гетами» Пселл называет племена узов, или торков (в русских летописях).

³ Имеются в виду вторжения печенегов в 1046—47 гг. под командованием Тираха.

⁴ Гомеровское наименование греков.

войско на отряды, в сражениях не следуют никакой военной науке, не признают ни фронта, ни левого, ни правого флангов, не разбивают лагерей, не окружают их рвами, а, сбившись в кучу, сильные своим презрением к смерти, с громким боевым кличем бросаются на неприятеля. Если враг отступает, они обрушиваются на него, как башни, преследуют и безжалостно истребляют, но если неприятельский строй выдерживает напор и не рассыпается под варварским натиском, сразу же поворачивают назад и спасаются бегством. При этом они отступают в беспорядке и рассеиваются кто куда: одни бросаются в реку, выплывают или тонут в водоворотах, другие скрываются от преследователей и исчезают в гуще леса, третьи придумывают еще что-нибудь. Разом рассеявшись, они потом снова отовсюду незаметно сходятся в одно место, кто с гор, кто из ущелий, кто из реки. Если они испытывают жажду и находят реку или родник, то набрасываются на воду и жадно пьют ее большими глотками, если же воды нет, то сходят с коней, мечами отворяют им жилы, выпускают из животных кровь, пьют ее вместо воды и таким образом утоляют жажду. Потом они разрубают на куски тело самого упитанного коня, собрав какое-нибудь топливо, разжигают костер, слегка подогревают на нем куски конины, сжирают их вместе с кровью и грязью и, подкрепившись таким образом, устремляются в первое попавшееся убежище и сидят там, как змеи в норах, а вместо стен служат им обрывистые кручи и глубокие пропасти.

LXIX. Все люди этого племени опасны и вероломны. Договоры о дружбе для них ничего не значат, и, даже поклявшись над жертвами, они не держат своего слова, ибо никакого божества, я не говорю уже о Боге, они не почитают: все, по их мнению, происходит само по себе, и смерть для них — конец всякому существованию. Поэтому они с легкостью заключают мир, но когда хотят воевать, сразу отказываются от договоров. Если ты берешь верх, они снова домогаются твоей дружбы, если же в сражении берут верх сами, то одних пленных убивают, других выводят на торжественную распродажу, за богатых запрашивают высокую цену, а если им ее не дают, предаются смерти и их.

ЛХХ. Такой вот народ поставил себе целью изгнать из ромейских пределов царь Исаак и двинулся на врага с большими силами. У мисов возникли внутренние разногласия, и настроение их менялось, но царь, не слишком им доверяя, повел свое войско против самого сильного их племени, непобедимого и неодолимого, и, приблизившись, вселил ужас в противника. Враги страшились самого Исаака и его армии, на царя, как на громовержца, не дерзали даже поднять глаз, а завидев плотно сомкнутые ряды его войска, разбежались. Только отдельными группами нападали они на нас и с громким воем устремлялись на неколебимых наших воинов. Но не смогли они ни одолеть нас с помощью засад, ни встретить в открытом бою и потому назначили сражение на третий день, а сами еще до вечера, бросив свои палатки и неспособных к бегству стариков и детей, рассеялись по труднодоступным местам. Согласно договоренности, царь выступил во главе построенного в боевые порядки войска, но ни одного варвара нигде не было видно, а от преследования царь отказался, во-первых, из страха перед скрытыми засадами, а во-вторых, потому что враги ушли уже за три дня до этого. Исаак разрушил их палатки, взял всю добычу, которую там нашел, и как победитель двинулся назад¹. Но не сопутствовала ему удача на обратном пути, страшная буря обрушилась на его войско, и многих своих воинов недосчитался тогда Исаак²; тем не менее в столицу он вошел, украшенный победными венками.

Константин X

1064 г.

XXIII. Когда западные мисы³ и трибалы, вступив в сговор, заключили союз и волна бедствий обрушилась на Ромейскую державу, царь первым делом выступил против них и возвратился во дворец лишь потому, что я разве что не вцепился в него обеими руками. Все же он собрал небольшое войско и

¹ Исаак Комнин дошел до Триадицы (Сердики), после чего двинулся на печенегов.

² Буря у г. Ловеча, в которой чуть не погиб сам Исаак, случилась 24 сентября 1059 г.

³ Печенег. «Трибалы» — узы («торки» в русской традиции).

послал его против варваров, и Бог явил тогда чудо, не менее удивительное, чем Моисею: варвары, будто увидев перед собой огромное войско, затрепетали душой, пустились бежать и рассеялись кто куда, и очень многие из них пали жертвой мечей преследователей. Мертвые доставили пищу птицам, а беглецы рассеялись по всей стране¹.

Если бы решил я писать похвалу, а не составлять обозрение истории, одного этого хватило бы мне для пышных восхвалений, но пусть поток моей речи устремится в другое русло.

Евдокия

1071 г.

XXVIII. <...> царь Михаил², опасаясь за свою судьбу и остерегаясь свирепого нрава Диогена³, принял решение, сулящее ему безопасность и, надо полагать, весьма разумное. Он удалился от матери, стал действовать самостоятельно и, воспользовавшись советами двоюродных братьев — я имею в виду сыновей кесаря⁴, — заручился поддержкой дворцовых стражников (племя это — все из щитоносцев, потрясающих в руках тяжелыми железными и обоюдоострыми секирами)⁵. И вот разом ударили эти воины по щитам, закричали во всю силу своих глоток, лязгая секирами и завывая, явились к царю, чтобы защитить его от опасности: они окружили его кольцом и, не прикоснувшись к нему и пальцем, отвели в верхние этажи дворца.

¹ Речь идет о событиях 1064 г., когда узы вторглись из-за Дуная на территорию Империи, но были поражены эпидемией.

² Император Михаил VII Дука (Парапинак) (1071—1078), ставший императором 24 октября 1071 г.

³ Император Роман IV Диоген (1068—1071).

⁴ Сыновья кесаря Иоанна — Андроник и Константин.

⁵ Варяго-русская дружина императорской гвардии.

КЕКАВМЕН

Личность, происхождение и творчество византийского автора XI в. Кекавмена до недавнего времени вызывали острую полемику и различные, в основном взаимоисключающие, версии. Так, после первого издания памятника признавалось наличие двух Кекавменов — самостоятельных авторов каждой из частей сохранившегося в единственной рукописи текста — воинского трактата «Стратегикона» и «Советов императору». Соответственно строились и обе биографии. К настоящему времени принято мнение о едином авторе и его едином произведении. Рождение Кекавмена относят к 1020—1024 гг. в районе Фессалии или Южной Македонии; его предки связаны с родовым гнездом в Армении и с полководческой службой в болгарских землях. Выходец из семьи военной провинциальной знати, Кекавмен и сам начал военную карьеру с юных лет, обладая при этом, по-видимому, и определенным состоянием (полостьюем) в провинции. Служба автора сочинения проходила как в пограничных районах империи — в балканских славянских фемах, — так и в столице, там же он стал свидетелем мятежа и дворцового переворота 1042 г. Свое произведение, адресованное как властителям, так и воинам, условно называемое «Советы и рассказы», или (с акцентом на другую, воинскую часть содержания) «Стратегикон», он писал, скорее всего, между 1075 и 1078 годами, удалившись от службы. Свои советы Кекавмен иллюстрирует многочисленными историческими примерами, в т. ч. и из собственного служебного опыта.

Так, рассказывая об эпизоде обороны Итрунта (г. Отранто в Южной Италии) от сицилийских норманнов в 1064 г., он указывает, что город охраняли росы и варяги (193), подчиненные местному стратигу. По одной из гипотез, сочинение Кекавмена было известно на Руси: ученые видят текстовое сходство с ним отдельных пассажей «Поучения» Владимира Мономаха.

Изд. и пер: Советы и рассказы Кекавмена. Поучение византийского полководца XI века / Текст, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. СПб., 2003.

Лит.: Cecaumeni Strategicon et Incerti Scriptoris de officiis regii Libellus / Ed. B. Wassiliewsky, V. Sernstedt. Petropoli, 1896 (Записки ист.-филологич. фак-та Имп. Санкт-Петербургского Ун-та, ч. XXXVIII); *Beck H.-G.* Vademecum des byzantinischen Aristokraten. Das sogenannte Strategicon des Kekaumenos. («Byzantinische Geschichtschreiber», V). Graz; Wien; Köln, 1956; *Buckler G.* Authorship of The Strategikon of Cecaumenus // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 36. 1936. S. 7—26; *Čyževska T.* Zu Vladimir Monomach und Kekaumenos // Wiener slavistisches Jahrbuch. T. 2. 1952. S. 157—160; *Lemerle P.* Prolegomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récits de Kékauménos». Bruxelles, 1956.

«СОВЕТЫ И РАССКАЗЫ»
(перевод Г. Г. Литаврина)

Идрунт — город в Италии у моря, многолюдный и богатый. Охранял его идрунтец Малапецис, имея для обороны города русских и варягов, кондаратов и моряков.

Аральт¹ при Мономах² захотел, отпросясь, уйти в свою страну. Но не получил позволения — выход перед ним оказался запертым. Все же он тайно ушел и воцарился в своей стране вместо брата Юлава³.

¹ Гаральд Гардради, или Харальд Смелый (Суровый), — норвежский принц (1015—1066), служивший в Византии во главе варяго-русского воинского корпуса в 40-е гг. XI в.

² Император Константин IX Мономах (1042—1055).

³ Олаф Гаральдсон (Дигрис), занимавший норвежский трон в 1016—1028 гг. Погиб в 1030 г.

СПИСОК ЕПИСКОПИЙ

В византийской церковной иерархии порядок подчинения и соподчинения поместных Церквей константинопольскому патриарху (как и в других случаях соответственно другим восточнохристианским патриархам) определялся специальными списками, в которых каждая митрополия, архиепископия и епископия следовали под соответствующим их рангу номером. Такие списки составлялись с некоторой периодичностью, с тем чтобы отразить в них те изменения в церковно-административной структуре, которые претерпела Константинопольская церковь на момент составления очередного списка. Известен 21 список *Notitiae episcopatuuum* Константинопольской церкви, начиная с текста, атрибутированного автору IV в. Епифанию Кипрскому, и вплоть до списка, составленного уже в османский период, между 1453 г. и концом XV в.

Сохранившиеся списки вплоть до конца X в. не упоминают ни Руси, ни русских епархий. Впервые митрополия «Росии» (или «Киева Росии») называется в двух редакциях Списка, составленного в конце X в. (№ 10. р. 333 : 57, 681; р. 335. (59), 701). Затем русские митрополии упоминаются в списках 1080-х гг. (№ 11. р. 346. 145, 14 и 62), 1180-х гг. (№ 12. р. 349. 60), конца XII в. (№ 13. р. 759—770 : 62, 750, а также 804 — в одной из редакций), XIII в. (№ 15. р. 381 : 60), ок. XIV в. (№ 16. 60) и XIV в. (до 1328 г.) эпохи Андроника II Палеолога (№ 17. 71 и 136; № 18. 17 и 150), а также более поздние (№ 19. 78), периода правления Андроника III Палеолога (1325—1341). Кроме того, называются митрополии «Великой Росии» (№ 13. 759; № 15. (60) и № 17. 81, 83 и 157) в списках конца XII — первой четверти XIV вв., «Малой Росии» (№ 17. 148, 157 и № 20. 46) в списках первой четверти XIV в. — второй половины XV в., а также «Новой Росии — Маврокастроны» (№ 11. 74) в списке 80-х гг. XI в. Митрополия Переяславля («Преславы») Русского называется в списках 1080-х гг. —

1180-х гг. (№ 11. 80—81; № 12. 78), а также XIII в. (15. 78). Среди епархий «Великороссии» в конце XII в. перечислены Белгород, Новгород, Чернигов, Полоцк, Владимир, Переяславль, Суздаль, Туров, Канев, Смоленск и Галич (№ 13. р. 367, 759—770). В конце XIII в. — первой четверти XIV в. список дополнен епископом Литвы (№ 17. р. 399, 83; № 18. App. 1, 150. 6—10). Там же перечисление епископий, находящихся в подчинении у владыки «Киева Росии», расширено: называются Великий Новгород, Чернигов, Суздаль, Ростов, Великий Владимир, Переяславль Русский, Аспрокастрон (т. е. Белгород) у Киева, «св. Георгий» (т. е. Угровен на Буге), Полоцк, Рязань, Тверь, Сарай. В составе «Малой Росии» — Галич, Владимир, Перемышль, Луцк, Туров, Холм Смоленск и Аспрокастрон/Белгород. (№ 17. App. 2, 136—156 : р. 403; App. 3, 157).

Изд.: Darrouzeès J. Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.

Лит.: Gelzer H. Beiträge zur russischen Kirchengeschichte griechischen Quellen // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1892. Bd. 13. S. 246—281; Idem. Ungedruckte und wenig bekannte Bistümer verzeichnisse der orientalischen Kirche. I—II // Byzantinische Zeitschrift. 1892. Bd. 1. S. 245—282; 1893. Bd. 2. S. 22—72; Idem. Die kirchliche geographie Griechenlands vor dem Slaveneinbruch // Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie. 1892. Bd. 35. S. 419—436; Idem. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum. Ein Beitrag zur byzantinischen Kirchen- und Verwaltungsgeschichte // Abhandlungen der K. Akademie der Wissenschaften. München, 1900. Bd. I. XXI, III; Idem. Zur Zeitbestimmung der griechischen Notitiae episcopatum // Jahrbuch für protestantische Theologie. 1886. Bd. 12. S. 337—372, 529—575; Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 415—417; Бенешевич В. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. СПб., 1905; Idem. (Benešević V.) Monumenta Vaticana ad jus canonicum pertinentia // Studi bizantini e neoellenica. 1927. Vol. 2. P. 131—155; Он же. Заметки к текстам Notitiae Episcopatum // Seminarium Kondakovianum. 1927. T. 1. S. 65—72; Idem. Die bizantinischen Ranglisten nach

dem Kletorologien Philothei und nach dem Jerusalem Handschriften // *Bizantinisch-Neugriechischen Jahrbücher*. 1927. Bd. 5. S. 97—167; *De Boor C.* Analekten. I—III. Nachträge zu den Notitiae Episcopatum // *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 1891. Bd. 12. S. 303—322, 519—534; 1983. Bd. 14. S. 573—599; *Fink F. N.* Der Epiphanius von Zypern *ἔκνεσις πρωτοκλησιῶν πατριαρχῶν καὶ μητροπολιτῶν*. Marburg, 1902; *Parthey G.* Hieroclis Synecdemus et notitiae Graecae episcopatum accedit Nili Doxapatrii notitia patriarchatum et locorum nomina immutat. Lipsiae, 1866; *Laurent V.* Les sources à consulter pour l'établissement des listes épiscopales du patriarcat byzantin // *Echos d'Orient*. 1931. Vol. 30. P. 65—83; *Idem.* La «Notitia» de Basil l'Arénien. Tradition manuscrite et date de composition // *Echos d'Orient*. 1935. Vol. 34. P. 439—472; *Idem.* L'œuvre géographique du moine sicilien Nil Doxapatriis // *Echos d'Orient*. 1937. Vol. 36. P. 5—30; *Idem.* Aux origines de l'église russe // *Echos d'Orient*. 1939. P. 279—295; *Gerland E.* Die Genesis der Notitia Episcopatum (Corpus Nititiarum Episcopatum Ecclesiae Orientalis Graecae. I. 1). Chalkedon, 1931; *Кулаковский Ю. А.* Из истории готской епархии (в Крыму) в VIII веке // *ЖМНП*. 1898. № 315. Февр. С. 173—202; *Dvornik F.* Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle. Paris, 1926. P. 143—146; *Мошин В. А.* Ἐπαρχία Γοτῳίας в Хазарии в VIII веке // *Труды IV Съезда русских академических организаций за границей*. Белград, 1929. Т. 1. С. 149—156; *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936. P. 97—102; *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1931. С. 565—568; *Konidarés G. I.* Αἱ μητροπόλεις καὶ ἀρχιεπισκοπαὶ τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριαρχείου καὶ ἡ «τάξις» αὐτῶν. Athens, 1934; *Honigmann E.* Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071. Bruxelles, 1935; *Idem.* Le Synedèmos d'Hiérokès et l'opuscule géographique de Georges de Chypre. Bruxelles, 1939; *Idem.* Studies in Slavic Church History. II. The Archbishopric of Tamatracha or Matrakha (Tmutarakan) // *Byzantion*. 1944—1945. Т. 17. P. 130—142; *Vernadsky G.* Byzantium and Southern Russia. I. The Eparchy of Gothia // *Byzantion*. 1940—1941. Т. 15. P. 67—76; *Снегов И.* Епархийски списци нато исторически извори за христианизацията на балканските славяни // *Известия на Института за*

българска история. 1956. Т. 6. С. 647—656; *Соколов П.* Русский архиерей из Византии и право его поставления до начала XV в. Киев, 1913; *Darrrouzès J.* Listes synodales et notitiae // *Revue des Études byzantines*. 1970. Vol. 28. P. 57—96; *Idem.* Le registre synodal du patriarcat byzantin au XIVe siècle. Paris, 1971; *Idem.* Listes épiscopales du concile de Nicée (787) // *Revue des Études byzantines*. 1975. Vol. 33. P. 5—76; *Janin R.* Études et monastères des grands centres byzantins (La Géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. II). Paris, 1975; *Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972; *Poppe A.* L'organisation diocésaine de la Russie aux XIe—XIIe siècles // *Byzantion*. 1970. Vol. 40. P. 165—217; *Idem.* Panstwo; Koscol na Rusi w XI w. Warszawa, 1968; *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1977. S. 148—199; *Obolensky D.* Le patriarcat byzantin et les métropolités de Kiev // *Studi byzantini*. 1953. Vol. 7. P. 437—438; *Щанов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси. X—XIII вв. М., 1989; *Цытин В. А.* Церковное право. М., 1996.

Список епископий Константинопольской церкви

№ 10; № 17. Доп. 2.

136. Киеву Росии подчинены следующие епископии:
 137. 1. Великий Новоградий
 138. 2. Чернигов
 139. 3. Суздаль
 140. 4. Ростов
 141. 5. Великий Владимир
 142. 6. Перияслава Руская
 143. 7. Великий Аспрокастрон (Белгород) близ Киева
 144. 8. Св. Георгий на реке Рось
 145. 9. Полоцк
 146. 10. Рязань
 147. 11. Тиферьь
 148. 12. Сарай

А также в Малой Росии:

149. 13. Галица

-
150. 14. Владимир
 151. 15. Перемись
 152. 16. Луцеска
 153. 17. Туров
 154. 18. Холм
 155. (19. Смолескон)
 156. (⟨19⟩. Аспрокастрон (Белгород) в устье реки Элисс)

АННА КОМНИНА

Анна Комнина (род. 2 февраля 1083 — ум. ок. 1153—1154) — византийская принцесса, дочь императора Алексея Комнина (1081—1118) и Ирины Дукены, жена вельможи и писателя Никифора Вриенния. Автор историографических мемуаров о времени правления отца, озаглавленных в его честь «Алексиада». 15 книг произведения охватывают период с 1069 по 1118 гг. Основное внимание Анна уделяет событиям внешне- и внутривосточной жизни Византии — войнам, мятежам, перипетиям придворной жизни. Главным героем повествования является отец писательницы — Алексей Комнин. «Алексиада» писалась уже после его смерти, когда багрянородная принцесса, потерпев неудачу в попытках возвести на престол Никифора Вриенния, была вынуждена удалиться в монастырь, где и провела оставшуюся часть жизни. Оппозиционность к правившим после Алексея Иоанну II и Мануилу I с очевидностью прослеживается в сочинении Анны: создавая литературный памятник отцу, она недвусмысленно противопоставляет его героический образ недостойным потомкам. Антизападная, антилатинская позиция писательницы, критика астрологии — все это было проявлением оппозиционных настроений по отношению к Мануилу, увлекшемуся астрологией и приблизившему к себе иноземцев.

Историческую ценность сведениям Анны придает живая непосредственность повествования автора — очевидца событий, сохранившего в тексте свидетельства, почерпнутые от высших государственных чиновников, из документов и посланий. Это, в частности, касается событий первого крестового похода, описание которого у Анны отличается от мемуаров западных хронистов — участников похода. Они излагали события крестового движения в апологетических тонах, в то время как византийская принцесса, давая общую оценку важнейшему моменту средневековой истории, с проникательной глубиной вникает в суть этого неоднозначного события.

Она видит, что среди крестоносцев были и введенные в заблуждение простые воины, и рыцари-хищники, нацеленные на обогащение, которыми двигала в основном страсть к наживе (вроде одного из предводителей Боэмунда). В отличие от западных хронистов, обвинявших Алексея Комнина в предательстве, якобы послужившем причиной их бед, Анна прямо обвиняет латинян в коварстве и нарушении их собственных клятв, что и повлекло за собой несчастья как для крестоносцев, так и для самой Византии.

Анна нигде прямо не говорит о Руси и русских. Не без оговорок можно видеть в ряде ее свидетельств косвенные данные о них. В числе союзников манихея Травла в 1084 г. были «скифы», под которыми обычно подразумевались печенеги, а также, может быть, согласно Г. Г. Литаврину, и «придунайские русские», приглашенные Травлом «из их мест» (кн. VI, конец гл. 4). В рассказе о печенежском войске 1086 г. Анна упоминает «одно из скифских племен» (начало гл. 14), которое в свое время В. Г. Васильевский, а за ним и П. Голубовский отождествляли (малоубедительно) с русскими, хотя скорее здесь речь идет о печенегах (так — у Д. Моравчика и др.). В описании событий печенежской войны в 1091 г. Анна сообщает о переходе на сторону василевса Алексея I около пяти тысяч перебежчиков — жителей горных областей (Анна, кн. VIII, начало гл. 5), в которых В. Г. Васильевский видел русских — жителей прикарпатских областей, подданных князя Василько Ростиславича, В. Златарский — болгар, а Б. Лейб — влахов. Однако в тексте источника нет никаких данных для какой бы то ни было точной атрибуции этих племен.

Более правдоподобным может быть предположение, что, рассказывая о бедственном положении Филиппополя (совр. Пловдив в Болгарии) после его «порабощения таврами и скифами» Анна Комнина вспоминает в 1114 г. разорение города во время похода киевского князя Святослава в 970 г., т. к. «тавроскифами» (у Анны — «тавры и скифы») византийцы обычно именовали русских.

Изд: *Annae Comnenae. Alexias* / Ed. D. R. Reinsch, A. Kambylis. Berlin, 2004. Bd. 1—2.

Пер.: Анна Комнина. Алексиада / Пер. Я. Н. Любарского. СПб., 1996.

Лит.: *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960. С. 419—420; *Васильевский В. Г.* Византия и печенегы // Труды. Т. I. СПб., 1908. С. 46 и сл., 131 и сл., а также с. 101, примеч. 2; *Голубовский П.* Печенегы, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884. С. 206—208; *Sorga N.* La première cristallisation d'Etat Roumaine // Académie Roumaine. Bulletin de la section historique. I. 1920. P. 33—46; *Златарски В.* Какъв народ се разбира у Анны Комнина под израза // Известия на историческото дружество във София. Т. 11—12. София, 1931—1932. С. 71—82; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. II. Berlin, 1958. S. 270; *Златарски В.* История на Българската държава презредните векове. Т. II. София, 1934. С. 500—503; *Leib V.* Anna Comnena Aléxiade. T. I—III. Paris, 1937—1945; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 272; *Buchler G.* Anna Comnena. A Study. Oxford, 1929; *Dalven R.* Anna Comnena. New York, 1972; *Conca F.* Tecnica storiografica di Anna Comnena // Асме. Т. 23. 1980; *Любарский Я. Н.* Замечания о хронологии XI книги «Алексиады» Анны Комниной // Византийский временник. Т. 23. 1963; *Он же.* Об источниках «Алексиады» Анны Комниной // Византийский временник. Т. 25. 1964; *Chalandon F.* Essai sur le règne d'Aléxis Ier Comnène. Paris, 1900; *Dieter K.* Zur Glaubwürdigkeit der Anna Comnena. Der Petschenegen krieg 1084—1091 // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 3. 1894; *Diehl Ch.* Figures byzantines. II. Paris, 1927. P. 26—52; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. I. München, 1978. S. 400—409; *Бибиков М. В.* Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 146—151; *Dalven R.* Anna Comnena. New York, 1972; *Skaulatos B.* Les personnages byzantins de l'Alexiade. Louvaine, 1980; *Reinsch D.* Ausländer und Byzantiner im Werk der Anna Komnene // Rechtshistorisches Journal. 1989. Bd. 8; *Lilie R.* Komnene und die Lateiner // Byzantinoslavica. 1993. Т. 53; *Князький И. О.* Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003.

«АЛЕКСИАДА»

*(перевод Я. Н. Любарского)**1077 г. [Мятеж Никифора Вриенния Старшего]*

И вот, переменив свое намерение, Алексей¹ решил отойти на некоторое расстояние от войска Вриенния²; он собрал лучших из обращенных в бегство воинов, построил их и принялся за дело. Но не успел мой отец еще отойти, как скифы³ с боевыми кликами стали теснить хоматинцев⁴ Катакалона⁵. Они легко обратили их в бегство, а затем предались своему обычному делу — грабёжам. Таково скифское племя: не разбив до конца неприятеля, не закрепив успеха, они, предаваясь грабёжам, губят победу. И вот находившиеся в арьергарде войска Вриенния слуги в страхе перед скифами смешались с боевыми порядками. Непрерывный поток тех, кто бежал от скифов, вносил немалый беспорядок в боевой строй, и значки смешались друг с другом. Пока все это происходило, мой отец Алексей, который, как я уже сказала, еще находился в расположении войска Вриенния <...>

Увидев это, Алексей спускает на лицо прикрепленное к шлему забрало и со своими шестью воинами (о них уже шла речь) стремительно на них нападает. Он повергает наземь конюшенного, захватывает императорского коня, захватывает также и ромфеи⁶ и незаметно выходит из расположения вражеского войска. Остановившись в безопасном месте, он послал громогласного глашатая, дал ему коня с золотыми бляхами и ромфеи, которые телохранители держат по обе стороны от императора, и приказал ему разъезжать по всему войску и кричать, что Вриенний пал.

¹ Алексей Комнин, отец Анны, будущий император.

² Никифор Вриенний Старший — глава мятежников против императора Михаила VII.

³ Печенеги, разбитые в 1036 г. киевским князем Ярославом, откочевали к венгро-византийским границам, откуда то нападали на Византию, то выступали ее союзниками.

⁴ Жители г. Хомы.

⁵ Катакалон Кекавмен.

⁶ Короткие мечи.

Это известие заставило собраться отовсюду и вернуться многих рассеявшихся воинов великого доместика схол — моего отца, а других побудило к стойкости. Воины как вкопанные остановились там, где их застал голос глашатая, обратили назад свои взоры и были поражены неожиданным зрелищем. Что за странная была картина! Головы коней были обращены вперед, лица самих всадников повернуты назад, они не двигались вперед и не хотели повернуть назад, но были изумлены и приведены в недоумение всем происходящим. Скифы же, мечтая о возвращении и находясь уже на пути домой, не собирались продолжать преследование; очутившись вдали от обеих армий, они где-то блуждали со своей добычей.

[1081 г.] <...> Дукой всего Иллирика был тогда Георгий Мономахат¹, назначенный на эту должность самодержцем Вотаниатом². Раньше он отказывался от назначения и вообще не соглашался на исполнение этой службы. В конце концов, однако, согласился из-за варваров-рабов самодержца (это были скифы Борил и Герман³), которые испытывали к нему ненависть, постоянно оговаривали его перед самодержцем и возводили на него всякую напраслину. Эти рабы до такой степени разожгли против него гнев императора, что Вотаниат, обращаясь к императрице Марии, сказал: «Я подозреваю в этом Мономахате врага ромейского государства».

Об этом услышал алан⁴ Иоанн — лучший друг Мономахата. Зная о ненависти скифов и их постоянных наветах, Иоанн явился к Мономахату, передал ему слова как императора, так и скифов и советовал ему позаботиться о своем спасении. Мономахат, будучи человеком умным, приходит к императору, смягчает льстивыми словами его гнев и добивается службы в Диррахии. Отправляясь в Эпидамн, он получил письменный указ о назначении на пост дуки и, так как эти самые скифы — Герман и Борил — всячески старались ускорить его

¹ Сменивший мятежного Василага.

² Император Никифор Вотаниат.

³ Фавориты императора.

⁴ Аланы — северокавказский народ (предки осетин), игравший видную роль в византийской политике.

отъезд, на следующий день уехал из царственного города в Эпидамн и в область Иллирика.

Однако около места под названием Пиги¹ (там сооружен знаменитый среди храмов Византия храм моей госпожи Девы-Богоматери) он встречается с моим отцом Алексеем. Они увидели друг друга, и Мономахат начал взволнованно рассказывать великому доместику: изгнанником он стал из-за Алексея и своей к нему дружбы; эти скифы Борил и Герман, которые на все взирают с вождедением, обрушили на него всю силу своей завистливой ненависти и изгоняют его под благовидным предлогом из круга близких и из милого ему города. Он подробно изложил печальную повесть о том, как его оболгали перед императором, и рассказал, что он вытерпел от этих рабов.

[1086 г.] (...) Вскоре император, однако, узнал, что на него надвигается туча других врагов (я имею в виду скифов)². И вот по тем же причинам начался новый сбор денег (Алексей в то время находился в столице).

[1084 г.] (...) Но пусть мой рассказ вернется туда, откуда он отклонился. Когда самодержец был возведен Никифором Вотаниатом в должность доместика, он взял в число приближенных к себе слуг некоего манихея Травла. Он удостоил его святого крещения и сочетал браком с одной из служанок императрицы. У Травла было четыре сестры. Узнав, что они вместе с остальными изгнаны из своих жилищ, лишены всего имущества и заключены под стражу, он очень огорчился и, не будучи в силах стерпеть это, стал раздумывать, каким образом ему избавиться от власти самодержца. Его супруга, узнав о намерениях мужа и видя, что он собирается бежать, сообщила об этом тому, кто ведал делами манихеев³. Ее донос не остался тайной для Травла, который созвал к себе вечером всех тех, кому успел открыть тайну. Родственники Травла собрались у него и отправились в Белятово⁴ (это городок, расположенный на вершине холма, который возвышается над находящейся у Белятово долиной). Найдя город совершенно

¹ Женский монастырь Живоносного источника.

² Печенеги.

³ Чиновник, ведавший делами еретиков.

⁴ Возможно, к северу от Филиппополя (совр. Пловдива).

лишенным жителей, они сочли его как бы своей собственностью и обосновались в нем. Оттуда они ежедневно совершали набеги, достигали даже своего родного Филиппополя и возвращались с большой добычей.

Но Травл не ограничился этим: он заключил договор с обитавшими в Паристрии скифами, привлек на свою сторону правителей Главиницы¹, Дристры и прилежащих к ним областей, обручился с дочерью одного знатного скифа, стараясь всеми силами досаждать самодержцу вторжениями скифов. Император ежедневно получал сведения о Травле и в предвидении будущего старался письмами и обещаниями привлечь его на свою сторону, ибо предчувствовал то зло, которое может причинить ему этот человек. Алексей даже составил и отослал хрисовул, гарантирующий Травлу безопасность и полную свободу. Но «не научился рак прямо ходить». Каким он был раньше, таким остался и теперь: старался привлечь на свою сторону скифов, еще большее их число приглашал к себе из их мест и грабил все соседние земли².

5. Впоследствии самодержец мимоходом уладил дела с манихеями и обязал их договором <...>

<...> Ведь император был истинно святым человеком; как в отношении своей добродетели, так и речи он был, можно сказать, высшим жрецом всяческого благочестия. Он был выдающимся учителем нашей догмы, обладал рвением и речью апостола и хотел обратить в нашу веру не только кочевников-скифов, но и всю Персию, а также варваров, которые населяют Египет и Ливию и справляют таинства Магомета.

[1086 г.] 14. Однако достаточно об этом. Я желаю рассказать о нападении на Ромейскую державу, которое было страшнее и грандиознее предыдущего, и возвращаю свой рассказ к началу, ибо вражеские нашествия, подобно морским волнам, следовали одно за другим. Одно из скифских

¹ На Дунае, недалеко от Дристры (Доростола).

² Г. Г. Литаврин предполагает, что помимо печенегов здесь могли быть и придунайские русские (*Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия. М., 1960. С. 419—420).

племен¹, которое подвергалось постоянным грабежам со стороны савроматов², снялось со своих мест и спустилось к Данувию. Скифам нужно было заключить договор с жившими по Данувию племенами, и они с общего согласия вступили в переговоры с их вождями: Татушем, по прозвищу Хали, Сеславом и Сацой³ (нужно упомянуть имена этих предводителей, хотя они и оскверняют мою историю). Первый из них владел Дристрой, остальные — Вичиной⁴ и другими городами. Заключив с ними договор, скифы свободно переправились через Данувий, стали грабить соседние земли и захватили несколько городков. В дальнейшем, немного утихомирившись, они стали возделывать землю, сеять просо и пшеницу.

Между тем манихей Травл со своими товарищами и теми единомышленниками, которые захватили городок на холме Белятово и о которых я раньше рассказывала подробнее, узнав о действиях скифов, произвели на свет то, что давно вынашивали в себе: они заняли крутые дороги и теснины, пригласили к себе скифов и стали грабить территорию Ромейского государства. Ведь манихеи по своей природе весьма воинственны и, как псы, постоянно жаждут упиться человеческой кровью.

Получив об этом известие, император Алексей приказал взять войско и выступить против скифов domestiку Запада Бакуриани, которого он знал как человека, вполне способного руководить войском, строить его в фаланги и весьма искусного в боевых маневрах. Вместе с ним должен был отправиться Врана, также человек весьма воинственный. Бакуриани подошел к скифам тогда, когда они, пройдя через теснины, расположились лагерем у Белятово. Видя многочисленность врага, он воздержался от битвы, считая, что лучше в настоящее время без боя сохранить в целости свое войско, чем потерпеть поражение в бою со скифами и понести большие потери. Однако это решение не понравилось отважному и дерз-

¹ Этот пассаж вызвал большую полемику в литературе. «Скифы» идентифицируются с печенегами, узами, русскими, румынами.

² Узы (торки) одно из племен.

³ Татуш, скорее всего, печенег; Сеслав и Саца — болгары.

⁴ Крепость на Нижнем Дунае.

кому Вране. Доместик, дабы на него не пало подозрение, что он из трусости откладывает битву, уступил настояниям Враны, приказал всем воинам вооружиться, построил их в боевые порядки, взял на себя командование центром фаланги и выступил против скифов. Так как ромейское войско не составляло и малой части вражеских сил, все воины пришли в ужас от одного вида противника. Тем не менее они напали на скифов; в сражении многие из них были убиты, пал и получивший смертельную рану Врана. Доместик яростно сражался, с силой набрасывался на врага, но ударился о дуб и тотчас же испустил дух.

Узнав об этом, самодержец стал оплакивать павших: каждого в отдельности и всех вместе. Более всего горевал он, проливая потоки слез, о смерти доместика, ведь Алексей горячо любил этого человека еще до того, как стал императором. И тем не менее Алексей не пал духом от поражения: он призвал к себе Татикия, снабдил его большой суммой денег и отправил в Адрианополь с приказом заплатить воинам годовое жалованье и собрать отовсюду военные силы, чтобы, таким образом, вновь сколотить сильное войско. Умбертопулу же он приказал оставить в Кизике сильный гарнизон и с одними кельтами немедленно явиться к Татикию.

Татикий, увидев латинян вместе с Умбертопулом, воспрянул духом и, так как ему и самому удалось собрать сильное войско, тотчас выступил против скифов. Подойдя к окрестностям Филиппополя, он располагается лагерем на берегу реки, которая протекает у Блисна¹. Когда же Татикий увидел скифов, возвращающихся из набега с большой добычей и многочисленными пленниками, он, не успев еще сгрузить в лагере снаряжение, выделил из своего войска сильный отряд и послал его против скифов. Затем он вооружился сам, приказал облачиться в доспехи всем своим воинам, построил фаланги и выступил вслед за посланным отрядом. Заметив, что скифы с добычей и пленниками соединились с остальным скифским войском на берегу Гебра², Татикий разделил свое войско на две части, приказал на обоих флангах поднять бое-

¹ К востоку от Филиппополя.

² Река Марица.

вой клич и с воинственными возгласами и громкими криками напал на варваров. В завязавшейся жестокой битве большинство скифов было убито, но многие рассеялись в разные стороны и спаслись. Забрав всю добычу, Татикий победителем вступил в Филиппополь.

Расположив там все войско, он стал раздумывать, с какой стороны и каким образом следует ему вновь напасть на варваров. Зная, что их силы неисчислимы, Татикий разослал во все стороны наблюдателей, чтобы от них постоянно получать сведения о скифах. Возвратившись назад, наблюдатели сообщили, что великое множество варваров находится у Белятово и опустошает окрестности. Татикий ожидал прихода скифов, но, не имея достаточно сил, чтобы противостоять такой массе врагов, находился в полном смятении чувств и не знал, что предпринять. Тем не менее он оттачивал свое оружие и вдохновлял войско к битве. Между тем к Татикию явился некто, кто сообщил о приближении варваров, утверждая, что они находятся уже недалеко.

Татикий сразу же взял оружие, вооружил все войско, немедленно переправился через Гебр, расположил по отрядам фаланги, выстроил их для битвы и сам принял командование центром боевого строя. Варвары со своей стороны тоже выстроились в принятый у скифов боевой порядок и установили свои войска для сражения; они, казалось, искали битвы и как бы вызывали на бой противника. Однако оба войска пребывали в страхе и оттягивали схватку: ромеев смущало численное превосходство скифов, скифы же с опаской посматривали на одетых в латы ромеев, на их знамена и сверкающие, как звезды, доспехи. Только дерзкие и отважные латиняне желали первыми вступить в бой и точили на врагов свои зубы и оружие. Однако их сдерживал Татикий, человек уравновешенный, обладавший даром предвидеть события. Оба войска стояли на месте, каждое выжидало, когда другое придет в движение, и ни один воин ни с той, ни с другой стороны не осмеливался выехать на середину. Когда солнце уже клонилось к закату, оба полководца вернулись в свои лагерь. То же самое повторялось два следующих дня: полководцы готовились к бою, ежедневно выстраивали боевые порядки, но ни

один не осмеливался вступить в бой. На третье утро скифы отступили. Когда Татикий узнал об этом, он сразу же погнался за скифами, как говорится, «пеший за лидийской колесницей»¹. Скифы, однако, успели до него пройти через Сидиру² (это название одной долины), а Татикий, не застав их там, со всем своим войском вернулся в Адрианополь. Он оставил там кельтов, велел воинам отправляться по домам, а сам с частью войска вернулся в столицу.

VII. [1087 г.] С наступлением весны главный военачальник скифского войска Челгу прошел через расположенную по Данувию долину (он вел за собой примерно восьмидесятитысячное смешанное войско, состоявшее из савроматов, скифов и немалого числа дакских воинов, вождем которых был Соломон³) и принялся опустошать города. Челгу подошел к самому Хариополю, захватил там большую добычу и явился в место под названием Скотин⁴. Когда об этом узнали Николай Маврокатакалон и Вебециот, получивший это имя от названия своей родины⁵, они вместе со своими войсками прибыли в Памфил⁶. Видя, что поселяне — жители прилежащих областей, гонимые сильным страхом, собираются в городах и крепостях, оба полководца вышли из Памфила и прибыли вместе со всем войском в городок под названием Кули⁷. За ними двинулись скифы; поняв, куда «метит» ромейское войско (это выражение принято у солдат), они, можно сказать, пошли по его следам.

С наступлением дня Челгу, намереваясь вступить в битву с Маврокатакалоном, построил свое войско. Маврокатакалон же, желая осмотреть варварское войско, вместе с несколькими военачальниками поднялся на гребень возвышающегося над равниной холма. Видя множество варваров, он, хотя и страстно желал боя, решил повременить со сражением, ибо

¹ Цитата из Пиндара и Плутарха.

² «Железные ворота» — проход через Балканы.

³ Венгерский король (1063—1074 гг.), низложенный двоюродными братьями и предпринимавший попытки вернуть власть.

⁴ Неизвестный славянский топоним.

⁵ Вебеч на Евфрате.

⁶ Между Хариополем (Хайраболу) и Редесто.

⁷ К северо-востоку от Эноса.

сознавал, что ромейское войско не составляет и малой части варварских сил. Вернувшись назад, Маврокатакалон вместе с командирами войска и самим Иоаннаки¹ стал раздумывать, следует ли им нападать на скифов. Все военачальники побуждали Маврокатакалона начать бой. Он и сам был склонен к такому решению и поэтому, разделив войско на три части, приказал поднять боевой клич и завязал сражение с варварами. Много скифов было ранено, не меньше убито. Сам Челгу, мужественно сражавшийся и приводивший в замешательство целые фаланги, получил смертельную рану и испустил дух. Большинство же скифов во время отступления попадали в реку, которая протекает между Скотином и Кули, и, давя друг друга, утонули.

Одержав блестящую победу над скифами, военачальники императора вернулись в столицу. Они получили от Алексея дары и титулы в соответствии со своими заслугами и отправились назад вместе с братом самодержца Адрианом Комнином, который был тогда назначен великим domestikом Запада.

2. Изгнанные, таким образом, из областей Македонии и Филиппополя, скифы вновь вернулись на берега Истра, обосновались там и принялись грабить нашу землю с такой свободой, как если бы она была их собственностью. Это стало известно императору. Он не мог стерпеть, чтобы скифы жили в ромейских пределах, и к тому же опасался, как бы они вновь не проникли через теснины и не нанесли нам еще большего ущерба, чем раньше. Поэтому, хорошо вооружив войско, Алексей прибывает в Адрианополь², а оттуда выступает к Лардею³, который расположен между Диамболем и Голоей. Назначив командующим Георгия Евфорвина, он морем направляет его в Дристру. Самодержец же задержался в Лардее на сорок дней, в течение которых отовсюду собирал войско. Набрав значительную армию, он стал раздумывать, не следует ли ему пройти через теснины и вступить в бой со скифами. «Нельзя, — говорил Алексей, — давать скифам передышки». Император рассудил совершенно правильно и

¹ Прозвище Василия Куртикия.

² В 1088 г. (или 1087 г.).

³ К востоку от Сливена.

принял во внимание обычаи варваров: ведь скифские набеги, в какое бы время года они ни начались, не прекращались в следующем и, случаясь, например, летом, не кончались осенью или даже зимой. Это бедствие не было ограничено кругом одного года⁷⁴⁵, в течение нескольких лет скифские набеги приводили в волнение Ромейское государство, я же упомянула лишь о некоторых из них. В рядах скифов не было раскола, несмотря на то, что император неоднократно пытался тем или иным способом привлечь их на свою сторону. Ни один скиф тайно не перешел к императору; настолько непреклонны были они в то время.

Никифор Вриенний и Григорий Маврокатакалон (последнего император за сорок тысяч выкупил из скифского плена) никоим образом не соглашались на войну со скифами в Паристрии. Напротив, Георгий Палеолог, Николай Маврокатакалон и другие цветущие юноши настоятельно побуждали императора пройти через Гем¹ и сразиться со скифами в Паристрии. С ними заодно были и два сына самодержца Диогена: Никифор и Лев, которые родились в Порфире, уже после того как их отец вступил на престол, и потому были прозваны «порфирородными». Порфира — это здание императорского дворца, четырехугольное с пирамидальной крышей; выходит оно к морю у пристани, в том месте, где находятся каменные быки и львы²; пол его выложен мрамором, стены облицованы драгоценным камнем — не обычным и широко распространенным, а таким, какой прежние императоры привозили из Рима. Камень этот почти весь пурпурного цвета и по всей поверхности, как песчинками, усеян белыми крапинками. Благодаря ему, думается мне, и назвали наши предки это здание Порфирой.

Но возвращаясь к своему рассказу. Когда труба громкими звуками уже побуждала всех выступить против скифов по дороге через Гем, Вриенний, который всеми силами безуспешно старался отвратить самодержца от этого предприятия, сказал ему наставительно: «Знай, император, если ты перейдешь через Гем, то узнаешь, чьи кони резвей». Его спросили,

¹ Балканский хребет.

² Вуколеон.

что означают эти слова, и он пояснил: «Когда все обратятся в бегство». Хотя этому мужу за его мятеж и выкололи глаза, тем не менее его по праву признавали весьма искусным стратегом и умелым полководцем. Тех, кто желает подробнее узнать о том, как этот упомянутый нами Вриенний из-за своего мятежа или бунта против самодержца Вотаниата был лишен глаз и как его, когда он был еще зрячим, захватил Алексей Комнин, в то время domestik западных и восточных войск, и передал Борилу, я отсылаю к великому кесарю¹. Ведь кесарь, ставший зятем Алексея уже после того, как этот последний взял в свои руки скипетр Ромейского государства, приходился сыном Вриеннию <...>

<...> Скифы заметили, что Георгий Евфорвин с большим войском и флотом движется против них по Истру. Эта река стекает с западных гор, проходит через водопады и пятью устьями впадает в Эвксинский Понт. Большая и многоводная, она протекает по обширной равнине и повсюду судоходна: по ней плавают самые большие груженные суда. У этой реки не одно название: в верховьях, у истоков, она именуется Данувием, в низовьях, у устьев, принимает название Истр. И вот со скифской стороны увидели, что по реке плывет Георгий Евфорвин, и узнали о приближении самодержца с большим войском по суше. Сочтя невозможным сражаться одновременно против того и другого врага, скифы стали искать способ избежать грозящей им опасности. Они отправляют с посольством сто пятьдесят человек, которые должны были предложить Алексею мир, вместе с тем в своей речи пригрозить ему и, если самодержцу будет угодно согласиться на их просьбы, пообещать по первому требованию явиться к нему на помощь с тридцатью тысячами всадников. Однако самодержец разгадал обман скифов. Он понял, что делают они это предложение лишь с целью избежать нависшей угрозы и, как только окажутся в безопасности, сразу же разожгут из искры ненависти большой пожар. Поэтому император не принял предложения скифов.

¹ Никифор Вриенний Младший, написавший исторический труд (см. ниже, с. 421 и сл.).

Во время беседы с послами к самодержцу подошел один из писцов — некий Николай — и на ухо шепнул ему: «Сегодня, император, жди солнечного затмения». Император сомневался, но Николай клятвенно заверил, что не лжет. Тогда самодержец со своей обычной сообразительностью обратился к скифам со словами: «Пусть Бог нам будет судьей; если сегодня на небе появится какое-нибудь знаменье, да будет оно для вас знаком, что я по справедливости отвергаю ваше весьма подозрительное предложение; значит, ваши фалангархи просят о мире без серьезных намерений. Если же знамения не будет, то это послужит доказательством ошибочности моей догадки». Не прошло и двух часов, как солнечный свет затмился, и весь диск, закрытый луной, стал невидим¹. Скифы были поражены; самодержец передал их Льву Никериту (это евнух, с детства воспитанный среди воинов, человек весьма уважаемый) с приказом под усиленной охраной доставить их в царственный город. Никерит с большой охотой отправился в Константинополь.

Но варвары только и мечтали об освобождении: по прибытии в Малую Nikeю² убили ночью стражей, которые небрежно стерегли их, и извилистыми тропами вернулись к тем, кто их отправил с посольством. Никерит, которому еще с тремя воинами едва удалось спастись, прибыл к самодержцу в Голою.

3. Когда император узнал о случившемся, он стал опасаться, как бы эти послы не подняли всю скифскую армию и не напали на него. Он не нуждался, как некогда Атрид Агамемнон, в сне, который побудил бы его к битве³, — напротив, Алексей сам горячо стремился к сражению и, пройдя с отрядами через Сидиру, разбил лагерь у Вичины (это река, стекающая с соседних гор⁴). В тот день многие воины, отправившись для добычи провианта, отошли на большое расстояние от лагеря и были убиты или взяты в плен. Утром самодержец быстро прибывает в Плиску, а оттуда поднимается на холм,

¹ Солнечное затмение 20 июля 1088 г. (или 1 августа 1087 г.).

² К юго-востоку от Адрианополя.

³ Илиада. II, 1—34.

⁴ Совр. Голяма-Камчия.

называемый «Симеоновым»¹ (местные жители зовут его также «Скифским булевтерием»). И вновь войны, которые в поисках провианта удалились на большое расстояние от лагеря, попали в беду.

На следующий день император подошел к реке, протекающей вблизи Дристры, примерно в двадцати четырех стадиях от нее, сложил снаряжение и расположился лагерем. Но скифы неожиданно напали с другой стороны на императорский стан, убили большое число легковооруженных воинов и захватили в плен многих мужественно сражавшихся манихеев. Во время нападения в войске поднялась большая паника, и беспорядочно бегущие всадники обрушили императорскую палатку. Недоброжелателям самодержца это показалось дурным предзнаменованием. Однако император силами одного из отрядов своего войска отогнал подальше от палатки напавших на него варваров, дабы они вторично не подняли паники в его лагере, затем тотчас же сел на коня, успокоил волнение и в полном порядке выступил с войском по дороге на Дристру (это самый знаменитый среди приистрийских городов), чтобы атаковать город с помощью гелеполей.

Принявшись за дело, император окружил город, разрушил с одной стороны стену и со всем войском вступил в Дристру. Два акрополя упомянутого города находились в руках родственников Татуша, сам же он еще раньше покинул Дристру, чтобы заручиться поддержкой куманов и вместе с ними вернуться на помощь скифам. Уходя, он сказал на прощанье своим людям: «Мне точно известно, что император намеревается осадить крепость. Когда он появится на равнине, займите до него самый высокий и удобный холм и разбейте там лагерь. Тогда самодержец не сможет спокойно осаждать крепость: он будет беспокоиться за свой тыл и бояться вас. А вы непрерывно, ежедневно и еженощно высылайте против него воинов».

Самодержец сообразил, что ему нужно делать, оставил осаду акрополей, отошел оттуда, расположился лагерем у речки, протекающей вблизи Истра, и стал раздумывать, следует ли ему напасть на скифов. Палеолог и Григорий Маврокатакалон

¹ Возможно, около с. Войвода к северу от Плиски.

стояли за то, чтобы отложить битву с печенегами, и советовали силой овладеть Большой Преславой. «Скифы, — говорили они, — увидят, что мы при оружии и движемся в таком порядке, и не отважатся вступить с нами в битву. Если же всадники осмелятся на бой без повозок, то, как вы хорошо знаете, они потерпят поражение, и у нас на будущее будет прекрасно защищенное укрепление — Большая Преслава».

Преслава¹ — это знаменитый город, расположенный на Истре; некогда он носил не такое варварское имя, а назывался по-эллински Мегалоподем и был таковым не только по названию. Но с тех пор как болгарский царь Мокр², его потомки и, наконец, последний представитель болгарской династии (как у иудеев Седекия³) Самуил⁴ стали совершать набеги на западные земли, этот город приобрел двойное имя: к сохранившемуся греческому названию «большой» добавилось славянское слово, и он стал повсюду называться «Большая Преслава». «Из такого убежища, — говорили сторонники Маврокатакалона, — мы ежедневно будем обстреливать скифов из луков, будем непрерывно наносить им ущерб и не позволим врагам выходить из лагеря ни за провизией, ни за другими необходимыми припасами».

В то время как произносились такие речи, сыновья Диогена Никифор и Лев (они были молоды и еще не испытали горечи поражения) сошли с коней, разнуздали их, прогнали ударами в просо и сказали: «Ничего не опасайся, император, мы сами обнажим акинаки и растерзаем скифов». Император, человек отважный, предпочитавший всегда первым вступить в бой, не принял во внимание доводов тех, кто пытался отговорить его. Поручив Георгию Куцомиту позаботиться об императорской палатке и обо всем снаряжении, он отправил его в Ветрин, а войску приказал не зажигать в тот вечер светильников и вообще никаких огней, держать коней оседланными и бодрствовать до восхода солнца. Наутро Алексей выступил из

¹ Великий Преслав перепутан с Преславой на Дунае.

² Возможно, подразумевается хан Крум.

³ Последний иудейский царь.

⁴ Болгарский царь Самуил (976—1014), ошибочно названный Анной «последним».

лагеря, разделив войско, построил боевым строем фаланги, объехал и осмотрел армию. Затем он занял место в центре строя, где находились близкие ему по крови и свойству: брат Алексея Адриан, командовавший тогда латинянами, и другие благородные мужи. Левым флангом командовал кесарь Никифор Мелиссин — муж сестры Алексея; правым предводительствовали Кастамонит и Татикий; союзниками — савроматы Уза и Караца. Император выделил шесть воинов, которым поручил охрану своей особы и приказал следить за ним и ни на кого больше не обращать никакого внимания; это были двое сыновей Романа Диогена, имевший давний боевой опыт Николай Маврокатакалон, Иоаннаки, предводитель варягов Намбит¹ и Гул, находившийся еще в услужении у отца Алексея.

Скифы тоже встали в боевые порядки — ведь они обладают врожденным искусством воевать и строить ряды, — устроили засады, по всем правилам тактики «связали» свои ряды, как башнями, огородили свое войско крытыми повозками, а затем поотрядно двинулись на самодержца и стали издали метать стрелы в наших воинов. Тогда самодержец, построив войско применительно к порядку наступающих отрядов, распорядился, чтобы гоплиты не выходили вперед и не нарушали сомкнутого строя до тех пор, пока скифы не окажутся на расстоянии, удобном для рукопашного боя, а подождали бы того момента, когда пространство между двумя движущимися друг на друга войсками сократится до «уздечки», и лишь затем разом бросились на врагов.

Во время этих приготовлений вдалеке показались скифы, двигавшиеся со своими крытыми повозками, женами и детьми. Разразилась битва, длившаяся с утра до вечера; произошла большая резня, в результате которой с той и с другой стороны пало немало воинов. Пал в тот же день и получивший смертельную рану сын Диогена Лев, ибо, налетев на скифов, он дальше, чем следует, позволил себя увлечь к их повозкам. Брат императора Адриан, которому было доверено командование латинянами, увидев, сколь неудержим скифский натиск, во весь опор бросился к скифским повозкам и после

¹ Командир отряда варяго-русской дружины.

мужественной схватки вернулся назад в сопровождении лишь семи воинов — остальные были либо убиты, либо взяты в плен скифами. Победа еще не склонялась ни на ту, ни на другую сторону, и оба войска продолжали упорно сражаться, когда вдали показались скифские лохаги¹ во главе тридцатитысячного войска; ромеи, не имея сил сопротивляться столь многочисленному врагу, повернули назад.

Тогда император вышел из рядов войска и остановился; в одной руке у него был меч, в другой он, как знамя, держал оμοфор Богородицы. Он стоял, окруженный двадцатью мужественными всадниками, среди которых находились Никифор — сын Диогена, протостратор Михаил Дука — брат Августы, а также ближайшие слуги. К Алексею подбежали три пеших скифа, двое схватили с обеих сторон за узду коня, а третий уцепился за правую ногу императора. Алексей тотчас отрубил руку одному из скифов, на другого замахнулся акинаком и грозным криком обратил его в бегство; скифа же, который держался за его ногу, он ударил по шлему. Не со всей силы, не со всего размаха ударил Алексей, император опасался, как бы меч не отскочил в сторону и не поразил его самого в ногу или коня его; не хотел император стать легкой добычей для врагов. Поэтому он, с большой осторожностью двигая рукой, быстро наносит скифу второй удар. Ведь Алексей в своих действиях, словах и движениях руководствовался разумом, не поддавался гневу и не позволял увлечь себя никакой страсти. Император еще первым ударом сшиб шлем со скифа, и теперь меч поразил обнаженную голову врага. Скиф, не издав ни звука, упал на землю. Протостратор же, видя беспорядочное бегство ромейских отрядов (фаланги были уже прорваны, и все воины в панике бежали), говорит: «Зачем, император, ты еще здесь задерживаешься? Зачем ты рискуешь жизнью и пренебрегаешь спасением?» Алексей ответил: «Лучше умереть в мужественном бою, чем сохранить жизнь ценой позора». На что протостратор: «Если бы это сказал обыкновенный человек — честь ему и хвала. Но ты — император, и твоя смерть — несчастье для всего мира. Почему

¹ Командиры подразделений печенегов.

не изберешь ты для себя лучшую участь? Ведь, спасшись, ты снова вступишь в бой и добьешься победы».

Самодержец, видя нависшую над его головой опасность (скифы дерзко наступали на него), отказался от всяких благих надежд и сказал: «Настало время и нам с Божьей помощью позаботиться о спасении. Мы, однако, не пойдем той же дорогой, что и беглецы, иначе встретим врагов, когда они будут возвращаться после погони за нашими воинами. Но, — тут император указал рукой на скифов, которые стояли на краю строя, — набросимся на них так, как будто бы, только что родившись, собираемся тут же умереть. С Божьей помощью мы проберемся в тыл скифского строя и двинемся по другой дороге». Произнеся эти слова и ободрив своих людей, он сам, как огонь, налетает на скифов и ударяет первого встретившегося ему воина. Тот тотчас вывалился из седла. Прорвав таким образом сомкнутый скифский строй, император со спутниками вышел в тыл скифам. Так действовал император. С протостратором же случилось следующее: его конь, поскользнувшись, упал, и он сам рухнул на землю. Один из его слуг немедленно отдал ему своего коня. Протостратор догнал самодержца и уже не отступал от него ни на шаг — так он любил Алексея.

В этой невообразимой сумятице, когда одни бежали, другие преследовали, скифский отряд вновь нагоняет императора. Мгновенно обернувшись, Алексей ударил преследующего его скифа и убил, как утверждали очевидцы, не только его, но и нескольких других врагов. Один скиф, подъехав со спины к Никифору Диогену, собрался было уже нанести удар. Увидев это, самодержец крикнул Диогену: «Посмотри назад, Никифор!» Поспешно обернувшись, Никифор ударил скифа в лицо. Император рассказывал (я сама слышала), что ему никогда не приходилось видеть в человеке столько стремительности и ловкости. «Если бы в тот день, — говорил он также, — я не держал в руках знамени, то убил бы скифов больше, чем растет волос на моей голове». И это не было пустым бахвальством, ибо скромность Алексея не знала предела. Ход беседы и существо дела вынуждали отца иногда в кругу близких рассказывать нам о своих делах; да и это он делал только по на-

шему настоянию. Но никто никогда не слышал, чтобы самодржец хвастался чем-нибудь перед посторонними.

Сильный ветер и атаки печенегов не позволяли императору прямо держать знамя. Один скиф, схватив обеими руками длинное копьё, нанес Алексею удар в ягодицу, и хотя копьё не оцарапало кожи, тем не менее причинило Алексею невыносимую боль, которая не покидала его в течение многих лет. Все это заставило императора свернуть знамя и спрятать его от людских глаз в кустиках чебреца. За ночь он благополучно добрался до Голои, а днем достиг Боруя и остановился там с намерением выкупить пленников.

4. Во время битвы, когда ромейские отряды, потерпев поражение, обратились в бегство, Палеолог упал на землю и потерял коня. Он оказался в совершенно беспомощном положении; понимая, какая нависла над ним опасность, он стал искать глазами коня и вдруг увидел одетого в священническую одежду проэдра Халкидона Льва, о котором я уже упоминала выше¹. Лев отдал ему своего коня, он вскочил на него и пустился в бегство; этого святого мужа ему больше не удалось увидеть. Лев обладал открытой душой и являл собой истинный образ епископа, но был излишне простоват и не всегда умел соизмерять с рассудком свое усердие. Поэтому-то и постигла его, как говорилось раньше, та беда, из-за которой он лишился престола. Палеолог всегда отличал и высоко чтил этого мужа за его выдающуюся добродетель. Я не могу сказать, сподобился ли Палеолог божественного явления благодаря своему беспредельному доверию к этому мужу, или же в данном случае проявился некий другой тайный замысел Провидения относительно епископа.

Преследуемый печенегами, Палеолог заехал в болотистое и заросшее место, где встретил отряд в сто пятьдесят воинов, который был со всех сторон окружен скифами. Видя безнадежность своего положения и не имея сил сопротивляться столь многочисленному врагу, они доверились Палеологу, так как с давних пор знали его мужество и непоколебимый дух. Палеолог посоветовал им напасть на скифов и оставить всякую мысль о спасении, дабы, как я полагаю, обрести спасе-

¹ Епископ.

ние. «Нужно, — сказал он, — скрепить это решение клятвой, чтобы наша воля была единой, чтобы никто не оставался в стороне во время атаки на скифов и чтобы каждый из нас считал своим личным делом общее спасение и общую опасность». Стремительно поскакав на врага, Палеолог ударяет первого встретившегося ему противника. Оглушенный ударом, скиф рухнул на землю. Но остальные воины атаковали нерешительно, поэтому одни из них были убиты, а другие, как зверь в логово, вернулись в густые рощи и скрылись там в поисках спасения. В тот момент, когда вновь преследуемый печенегами Палеолог достиг одного холма, под ним пала раненая лошадь; сам он, однако, спасся и поднялся на находившуюся вблизи гору. В поисках дороги — а найти ее было не так-то легко — Палеолог блуждает там в течение одиннадцати дней, в конце концов встречает одну женщину, вдову воина, и некоторое время пользуется ее гостеприимством. Сыновья этой женщины, воины, сами спасшиеся от опасности, показали ему дорогу. Вот что случилось с Палеологом.

Между тем скифские военачальники решили умертвить захваченных пленных, однако народ не позволил им этого сделать, так как желал продать пленных за деньги. Когда такое постановление было принято, Мелиссин письмом известил о нем императора. И хотя Мелиссин сам был пленником, тем не менее он приложил немало усилий, чтобы заставить скифов принять это решение. Император, который в то время находился еще в Боруе, вытребовал из царицы городов большую сумму денег и выкупил пленных.

5. В это время к Истру подходит Татуш с куманами, которых ему удалось привлечь на свою сторону. Видя столь большую добычу и такое множество пленников, куманы сказали скифским военачальникам: «Мы оставили родину, проделали столь длинный путь и пришли вам на помощь, чтобы делить с вами как опасности, так и победы. Мы выполнили свой долг, и вы не можете отправить нас назад с пустыми руками. Ведь мы не преднамеренно явились после окончания битвы, и виноваты в этом не мы, а император, поспешивший начать бой. Поэтому если вы не разделите с нами всю добычу, то мы станем вашими врагами, а не союзниками». Скифы на это не со-

гласились. Куманы не стерпели отказа, и разразилась жесточайшая битва, в результате которой скифы были наголову разбиты и с большим трудом добрались до так называемой Озолимны. Теснимые куманами, они долгое время пробыли там, не решаясь пуститься в путь.

Озеро, которое мы теперь называем Озолимной, очень велико в поперечнике и окружности и по своим размерам не уступает ни одному из озер, отмеченных когда-либо географами. Оно расположено за Ста холмами¹, и в него впадают широкие и очень красивые реки. По озеру плавают много больших грузовых судов, и уже по одному этому можно заключить, какова его глубина. Озолимной же оно называется не потому, что от него исходят дурные и тяжелые испарения, а потому что некогда к этому озеру подошло гуннское войско (этих гуннов на простонародном языке называют узами), которое расположилось на его высоких берегах. Поэтому озеро и назвали Узолимной (с добавлением, как я полагаю, гласной «у»). Ни у одного из старых авторов нельзя найти сведений о том, что гуннское войско собиралось в этом месте, но при самодержце Алексее все отовсюду стекались туда и дали месту такое название. Такова история этого озера², которую я впервые сейчас поведала с целью показать, как в результате многочисленных походов самодержца Алексея многие места стали называться или его именем, или же именем врагов, которые в этих местах собирались. То же самое известно о царе Александре Македонском, по имени которого названы Александрия в Египте и Александрия в Индии; точно так же по имени одного из его воинов — Лисимаха — названа Лисимахия. Ничего нет удивительного, что и император Алексей, соперник Александра, переименовывал различные места и при этом использовал названия племен, которые собирались там или приходили по его зову, а в некоторых случаях в память совершенных им подвигов давал и свое имя. Вот те несколько замечаний об упомянутой выше Озолимне, которые я сделала в соответствии с задачами исторического сочинения. Куманы, ощущая недостаток в провианте, возвра-

¹ В Добрудже.

² Возможно, днепровский лиман.

щаются тем временем на родину, чтобы запастись провизией и снова выступить против скифов.

6. Между тем император, находясь в Боруе, стягивает туда войска и вооружает пленников¹, всех остальных воинов. В это время к самодержцу является на обратном пути из Иерусалима граф Фландрский², который дает ему принятую у латинян клятву и обещает по прибытии домой отправить на помощь Алексею пятьсот всадников. Самодержец оказал ему большие почести и отправил графа, довольного, на родину. Затем самодержец покинул Боруи и со вновь собранным войском прибыл в Адрианополь. Скифы же, пройдя по узкой долине, расположенной между Голоей и Диамбодем, разбили свой лагерь около Маркеллы. Самодержец, зная о действиях куманов и ожидая их возвращения, страшился и опасался их прихода. И вот Алексей призвал к себе Синесия, снабдил его хрисовулом и отправил к скифам с приказом воспрепятствовать дальнейшему продвижению варваров, задержать их в пределах занятой ими ранее области и, если только противники согласятся заключить мир и выдать заложников, щедро снабдить их всем необходимым. В намерения императора входило воспользоваться помощью скифов в борьбе против куманов в том случае, если куманы подойдут к Истру и попытаются продвинуться дальше. Если бы скифы не согласились на это предложение, Синесий должен был бы покинуть их и вернуться назад. Упомянутый Синесий прибыл к скифам и, соответствующим образом обратившись к ним, убедил их заключить договор с императором. Находясь у скифов, Синесий всем им выказывал большое почтение и избегал подать какой бы то ни было повод для обиды.

Между тем вернулись назад куманы, готовые вступить в бой со скифами. Они не нашли скифов на прежнем месте и, узнав, что те, пройдя клисуры, прибыли в Маркеллу и заключили мирный договор с императором, попросили разрешения пройти через клисуры и напасть на скифов. Но император, уже заключивший договор со скифами, не дал им на это согласия, сказав: «Не нужна мне ваша помощь, берите при-

¹ Ромеев-византийцев, выкупленных из плена.

² Роберт I Фризский, граф Фландрии, Зеландии и Голландии.

читающуюся вам плату и возвращайтесь назад». Алексей милостиво обошелся с куманскими послами, щедро их одарил и отпустил с миром. Этот поступок Алексея придал смелости скифам, которые нарушили договор и, вновь принявшись за свои бесчеловечные деяния, стали опустошать прилежащие города и земли. Ведь вообще все варвары обладают непостоянным нравом и по природе своей неспособны соблюдать договоры. Видя это, Синесий вернулся к императору, приняв на себя роль вестника скифского своенравия и вероломства.

Скифы заняли Филиппополь, и император, который знал об этом, оказался в чрезвычайно тяжелом положении, ибо у него не было сил сразиться с таким множеством варваров в открытом бою. Однако Алексей всегда искал выход из тяжелого положения и никогда не падал духом в трудных обстоятельствах. И теперь решил он попытаться нанести урон врагу, обстреливая его войско и устраивая засады. Он догадывался, какими местами и городами скифы собираются овладеть утром и, предупреждая приход варваров, сам занимал их накануне вечером. Если же ему становилось известно, что скифы намерены захватить какое-либо место вечером, он заранее занимал его утром. При каждом удобном случае обстреливал скифов и, устраивая засады, издали вел бой с врагом, стремясь не дать ему овладеть крепостями.

И вот оба противника — самодержец и скифы — подошли к Кипселлам. Ожидаемое наемное войско еще не прибыло, и самодержец, который хорошо знал подвижность скифской армии и видел, что она стремительно приближается к царице городов, оказался в чрезвычайно тяжелом положении. Не имея сил бороться с таким множеством варваров, он, как говорится, выбрал из всех зол меньшее и решил заключить новый мирный договор. Он отправил послов с предложением мира, и скифы сразу же пошли навстречу его желанию. Еще до заключения мирного договора к Алексею явился перебежчик Неанц. Затем император послал Мигидина за продовольствием, которое тот должен был доставить из соседних областей. Позднее в битве около ...¹ сын этого Мигидина стремительно набросился на печенегов, но был пойман и схвачен

¹ Лакуна в рукописи.

скифянской, и железным серпом его затащили к скифским повозкам. По просьбе Мигидина император выкупил отрубленную голову его сына. Отец невыносимо мучился в течение трех суток, а затем ударил себя в грудь камнем и умер.

Недолго скифы соблюдали мирный договор; как псы, они вскоре вновь набросились на свою блевотину. Покинув Кипселлы, они прибыли в Тавроком¹ и, оставшись там на зиму², стали грабить окружающие селения.

[1090 г.] 7. С наступлением весны скифы из Таврокома переходят в Хариополь. Император, который находился в то время в Булгарофиге, без промедления выделил большую часть войска, включил в нее всех своих отборных воинов и даже так называемых «архонтопулов» (на лицах этих юношей только появлялся первый пушок, но их боевой натиск был неудержим) и приказал им с тыла напасть на скифов, находящихся на своих повозках.

Отряд архонтопулов был впервые образован Алексеем. Так как из-за легкомыслия прежних императоров у РOMEЙСКОГО государства вовсе не было войска, Алексей собрал отовсюду сыновей павших воинов, обучил их обращению с оружием и искусству боя и назвал архонтопулами, то есть сыновьями «архонтов»³. Он назвал их так, чтобы самое имя вызвало в памяти юношей благородство и мужество их родителей, чтобы они «вспомнили бурную силу» и проявили еще большее мужество, когда обстоятельства потребуют от них смелости и отваги. Таким был, коротко говоря, отряд архонтопулов, насчитывавший две тысячи воинов; точно так же у лаконцев был некогда образован так называемый «священный полк».

И вот эти новобранцы-архонтопулы, построенные в боевой порядок, двинулись против варваров. Однако скифы, засевавшие в засаде у подножия холма, подстерегли их и, увидев, что архонтопулы устремились к их повозкам, с неудержимой силой бросились на врага. В рукопашной схватке пало около трехсот беззаветно сражавшихся архонтопулов. Еще долгое время горестно оплакивал их император и, проливая горю-

¹ Около Адрианополя.

² 1089—1090 г.

³ Представители военной знати.

чие слезы, называл каждого из них по имени, как будто они лишь были в отлучке.

Одержав победу над противником, печенеги прошли через Хариополь и направились к Апросу, опустошая все на своем пути. Прибегнув к своему старому методу, император опережает печенегов и до них входит в Апрос; ведь, как я неоднократно говорила, у Алексея не было войска, нужного для открытого боя с противником. Императору было известно, что скифы с восходом солнца отправляются в набеги за продовольствием. Призвав к себе Татикия, о котором я упоминала во многих местах моего сочинения, Алексей приказал ему взять с собой самых храбрых отроков¹, отборных воинов среди ближайших — своей личной охраны и всех латинян, подстеречь утром отправившихся за фуражом скифов и, когда те подальше отойдут от лагеря, стремительно броситься на варваров. Татикий исполнил приказ, убил три сотни врагов и большое их число привел в плен <...>

9. <...> Когда Алексей узнал, что скифы вновь наступают на Русий, расположились лагерем у Поливота², он немедленно вышел из Константинополя и прибыл в Русий. Вместе с ним отправился перебежчик Неанц, втайне вынашивавший против него злой умысел; с Алексеем находились также Канц и Катран — оба эти мужа питали горячую любовь к императору и отнюдь не были новичками на войне. Завидев издали большой отряд скифского войска, Алексей вступил с ним в бой. Много ромеев пало в битве, некоторые были взяты в плен и убиты скифами, но немалое их число благополучно добралось до Русия. Но это была всего лишь битва со скифами, вышедшими в набег за провизией.

Когда же к императору подошли латиняне, которых называют маниакатами³, он воспрянул духом и решил вступить в рукопашный бой со скифами. Так как обе армии находились на небольшом расстоянии друг от друга, император, желая начать сражение, не решился приказывать подать трубой сиг-

¹ Личная гвардия военачальников.

² Поливот Фракийский.

³ Норманны, участники мятежа Георгия Маниака против Константина IX Мономаха.

нал к бою. Он призвал к себе Константина — слугу, в чьи обязанности входил уход за императорскими соколами, велел ему взять тимпан, бить в него с вечера до утра и, обходя расположение войска, возвещать, что всем следует привести себя в состояние боевой готовности, ведь самодержец решил вступить наутро в бой со скифами без сигнала трубы. Между тем скифы ушли из Поливота, достигли места, называемого Гадос, где и разбили свой лагерь.

Вот какие меры принял самодержец в тот вечер. На рассвете он разделил войско, построил его по фалангам и выступил против скифов. До начала битвы, когда войска еще стояли на своих местах, Неанц поднялся на близлежащий холм, якобы для того, чтобы осмотреть скифский строй и доставить самодержцу сведения о его расположении. Но сделал он нечто прямо противоположное. На своем языке Неанц стал советовать скифам расположить рядами свои повозки и не опасаться самодержца, который и так удручен предыдущим поражением и уже готов обратиться в бегство, ибо испытывает недостаток в воинах и союзниках. Сказав это, Неанц спустился к самодержцу.

Однако один полуварвар, зная скифский язык, понял обращенные к скифам слова Неанца и обо всем сообщил императору. Когда об этом поставили в известность Неанца, он потребовал улик. Полуварвар смело вышел на середину и стал обличать его. Тогда Неанц на виду у императора, стоя в окружении фаланг, внезапно выхватил меч и отсек голову этому человеку. Как мне кажется, желая убийством доносчика отвести от себя обвинения, содержащиеся в доносе, он еще более обнаружил свою вину. Почему же он иначе не вытерпел улик? Видимо, Неанц потому осмелился на такой риск и совершил поступок, вполне достойный варварской души, поступок, настолько же подозрительный, насколько и дерзкий, что желал вырвать язык, изобличавший его коварство. Однако император сразу не наказал варвара, не покарал Неанца, как он того заслуживал, но подавил гнев в своем сердце, ибо не хотел раньше времени спугнуть зверя и внести замешательство в ряды воинов. Он сдержался и совладал со своим гневом; ведь он и раньше, по прежним поступкам Неанца, а так-

же по другим признакам, предчувствовал предательство этого человека, к тому же судьба битвы была в то время «на мечном острие распростерта»¹. Вот почему император до поры до времени подавил клоочущее в его груди негодование и не смог в тот момент решить, что ему сделать. Вскоре Неанц подъехал к императору, спрыгнул с лошади и попросил у него другого коня. Алексей тотчас же дал ему лучшего коня с императорским седлом. Неанц вскочил на него и, так как в это время оба войска уже пошли на сближение друг с другом, сделал вид, что бросился в бой со скифами, но обратил острие копья назад, перешел к своим сородичам и сообщил им немало сведений о расположении войска императора. Скифы воспользовались его наставлениями, вступили в жестокий бой с самодержцем и наголову разбили его войско.

Император, видя, что ромейские фаланги разбиты и все воины бегут, оказался в отчаянном положении. Не пожелав бессмысленно подвергать опасности свою жизнь, он во весь опор поскакал к реке, протекающей около Русия. Там он сдержал коня и вместе с несколькими отборными воинами стал, как мог, отбиваться от преследователей. Нападая на врагов, он многих из них убил, но то и дело сам получал удары. В это время, спасаясь от врагов, с другой стороны к реке подошел Георгий, прозванный Пирром. Самодержец, строго обратившись к Пирру, подозвал его к себе. Видя стремительный натиск скифов, чье число увеличивалось с каждым часом (на помощь им прибывали все новые подкрепления), Алексей оставил там Георгия с остальными воинами и приказал ему, экономно расходуя силы, сдерживать скифов до его возвращения. Быстро повернув коня, он переправился на другой берег реки и прибыл в Русий. Император собрал всех спасшихся бегством воинов, которых застал там, всех жителей, пригодных по возрасту для военной службы, и даже крестьян с их повозками, и приказал им как можно быстрее выйти из города и встать строем на берегу реки. Все произошло быстрее, чем слово сказывается, и Алексей, построив их рядами, вновь переправился через реку и вернулся к Георгию, хотя его так трепала лихорадка, что у него зуб на зуб не попадал.

¹ Илиада. X, 173.

Когда все скифское войско собралось, оно увидело двойной строй ромеев и мужественно сражающегося самодержца. Зная отвагу Алексея, одинаково храброго в победах и поражениях, зная неудержимость его натиска, скифы остановились на месте, не решаясь вступить в схватку. Самодержец тоже не двигался вперед — его мучила лихорадка, к тому же еще не все рассеявшиеся воины собрались; он медленно объезжал на коне свои ряды, проявляя отвагу перед лицом врага. Случилось так, что оба войска, не двигаясь с места, простояли до вечера и с наступлением ночи без боя возвратились в свои лагеря: противники испытывали страх друг перед другом и не смогли решиться на битву. Тем временем воины, рассеявшиеся кто куда после предыдущего сражения, малопомалу вернулись в Русий; большинство из них вообще не приняло никакого участия в сражении. Уклонившись от боя, через область под названием Аспр¹ пришли тогда в Русий Монастра, Уза и Синесий — мужи, любезные Арею и весьма воинственные.

10. Самодержец, мучимый, как я говорила, лихорадкой, ненадолго прилегал отдохнуть, чтобы восстановить силы. Однако он не мог лежать спокойно и все обдумывал, что следует ему сделать на другой день. В это время к нему явился Татран (этот скиф неоднократно переходил к самодержцу и вновь возвращался домой; Алексей каждый раз прощал его, и скиф горячо полюбил императора за его долготерпение. Поэтому Татран был предан императору и старался ему угодить). Он сказал: «У меня есть подозрение, император, что скифы завтра окружат нас, а затем постараются вступить с нами в бой, поэтому предупреди их намерение и на рассвете выстрой войско за стенами города». Император похвалил скифа, принял его совет, собираясь осуществить этот план с восходом солнца. Переговорив с Алексеем, Татран отправился к скифским вождям и сказал им следующее: «Не кичитесь победой над самодержцем; видя малочисленность нашего войска, не обманывайте себя благими надеждами выиграть бой. Неодолима сила властителя, к тому же с минуты на минуту ожидается прибытие большого наемного войска. Если вы

¹ Совр. Абраска между Мальгарой и Редесто.

не согласитесь на мир с императором, ваши тела расклюют хищные птицы». Вот что сказал скифам Татран.

Так как скифы ежедневно и еженощно совершали опустошительные набеги на наши земли, самодержец решил захватить их коней, которые в большом количестве паслись на равнине. Он призвал к себе Узу и Монастру и приказал им вместе с отборными всадниками пройти по тылам у скифов, к утру достичь равнины и захватить коней, весь остальной скот и самих пастухов. Император советовал им ничего не опасаться, «ибо, — говорил он, — вы легко сможете выполнить мой приказ, пока мы будем с фронта биться со скифами». И Алексей не ошибся в своих расчетах: его слова были немедленно превращены в дело.

В ожидании нападения скифов император не сомкнул глаз и не вздремнул ни на минуту. В течение всей ночи он призывал к себе воинов, особенно лучников, подолгу беседовал с ними о скифах, подстрекал их, можно сказать, к бою, давал полезные советы для предстоящей на следующий день битвы и учил натягивать лук, пускать стрелу, время от времени осаживать коня, опять отпускать поводья и, когда нужно, соскакивать с лошади. Вот чем занимался в течение ночи Алексей. Затем он ненадолго уснул.

На рассвете все скифские военачальники переправились через реку, видимо, стремясь вступить в бой; таким образом, подтверждалась догадка самодержца (он умел хорошо предвидеть события, ибо приобрел большой опыт в непрерывных сражениях, которые чуть ли не ежедневно затевали против него враги). Алексей немедленно вскочил на коня, приказал подать трубой сигнал к бою, выстроил фаланги и сам встал перед строем. Видя, что скифы движутся с еще большей стремительностью, чем раньше, он сразу же приказал опытным лучникам сойти с коней и, наступая на скифов в пешем строю, непрерывно метать в них стрелы. За лучниками последовала остальная часть строя и сам самодержец, командовавший центром войска. Они отважно бросились на скифов, и завязалась жестокая битва. Видя сомкнутый строй ромейского войска и мужественно сражающегося самодержца, скифы, изнемогшие под градом стрел, пришли в ужас, повернули назад и,

стремясь переправиться через реку, побежали к своим повозкам. Во весь опор неслись преследовавшие их ромейские воины: одни из них копьями наносили удары в спины скифов, другие метали стрелы. Многие скифы, не успев еще достичь берега реки, убитыми пали на землю, а многие в паническом бегстве попали в речные водовороты и, не сумев из них выбраться, захлебнулись. С наибольшим мужеством сражались в тот день домашние слуги императора; они были поистине неутомимы. Самодержец, проявив в этот день наивысшую доблесть, победителем вернулся в свой лагерь.

11. Император отдыхал в лагере в течение трех дней, затем покинул его и явился в Цурул. Самодержец не собирался в ближайшем будущем уходить оттуда, поэтому он вырыл в восточной части городка ров, куда мог упрятать все войско, поставил там императорскую палатку и сложил все снаряжение. Скифы в свою очередь тоже подошли к Цурулу, но, услышав, что самодержец занял город до них, переправились через реку, текущую по равнине вблизи этого городка (на местном языке она называется Ксирогипс), и разбили лагерь между рекой и городком. Таким образом, скифы находились снаружи и окружали город, а император оказался внутри и, можно сказать, был осажден в Цуруле.

Наступила ночь; как говорит гомеровская Каллиопа, «все — и бессмертные боги и коннодоспешные мужи спали», но самодержца Алексея «сладостный сон не покоил»¹. Он бодрствовал и вынашивал планы, каким образом своим искусством одолеть дерзость варваров. Он видел, что городок Цурул выстроен на крутом холме, а все варварское войско расположилось внизу на равнине. Не имея достаточных сил, чтобы осмелиться в открытую сразиться с таким множеством варваров, он придумывает весьма хитрый план действий. Забрав у жителей города их повозки, он снимает с них кузовы, а колеса с осями поднимает наверх, подвешивает их в ряд с внешней стороны стены и канатами привязывает к зубцам. Не успел его замысел созреть, как тотчас был претворен в дело. В один час на стены были навешены колеса, будто ряд соединенных осями кругов, один возле другого.

¹ Илиада. II, 1—2.

Поднявшись утром, император вооружился сам, вооружил воинов, вывел их из-за стены и выстроил лицом к лицу с варварами. Получилось так, что наши воины стояли у тех участков стены, где были подвешены колеса, а противник расположился в одну линию напротив. Сам император занял место в центре строя и посоветовал воинам следующее: когда труба подаст сигнал к бою, им надлежит сойти с коней, пешим строем медленно двигаться на противника и, непрерывно пуская в дело лук и стрелы, стараться вызвать атаку скифской фаланги; увидев, что скифы поддаются на провокацию и уже направляют на них своих коней, воины должны обратиться в бегство, затем, немного отклонившись в сторону, бежать одни влево, другие — вправо и уступать дорогу врагу до тех пор, пока тот не приблизится к городской стене. Воинам, стоявшим на стене, он приказал, как только ромейский строй разделится, обрубить мечами канаты и обрушить вниз колеса с осями.

Все было сделано в соответствии с приказом императора. Скифские всадники закричали по-варварски и разом бросились на наших воинов, которые, не торопясь, пешим строем наступали на них (лишь один император был среди них на коне). Ромеи, медленно перебирая ногами, двинулись назад и, в соответствии с замыслом самодержца, сделали вид, что отступают, а затем, чего уже никто от них не мог ожидать, разомкнули строй и как бы открыли варварам прямой путь к городу. Скифы вошли в проход, образовавшийся между двумя фалангами, и на них со свистом стремительно понеслись колеса, на локоть отскакивая от стены. Они ударялись о стену ободами и, как пущенные из пращи, с огромной скоростью скатывались в гущу варварской конницы. Стремительно падая вниз под воздействием силы тяжести, набирая скорость благодаря покатости места, колеса подсекали голени коней, подкашивая им передние или задние ноги, в зависимости от того, куда приходился удар, и сбрасывали всадников. Колеса непрерывно одно за другим низвергались на врагов. Ромеи с двух сторон бросились на скифов; всюду завязались жестокие схватки. Одних варваров убили пущенные ромеями стрелы,

других поразили копыта, а большую часть стремительно несущиеся колеса столкнули в реку, где они и утонули.

На следующий день император заметил, что оставшиеся в живых скифы вновь готовятся к бою. Зная боевой дух своих воинов, Алексей приказал им вооружиться. Взяв оружие и построив в боевой порядок войско, он подошел к склону холма, повернул свои фаланги лицом к скифам и стал ждать случая завязать с ними бой. Сам император занял место посреди войска. В разразившейся жестокой битве ромейские фаланги вопреки ожиданиям одержали победу и стали неудержимо преследовать варваров. Когда самодержец увидел, что преследователи уже на значительное расстояние удалились от города, у него появились опасения, как бы сидящие в засаде враги внезапно не напали на ромеев, не повернули назад скифов и, соединившись с ними, не нанесли поражения ромейскому войску. Поэтому Алексей непрерывно выезжал к своим воинам и приказывал им сдерживать коней и дать им отдых. Таким образом разошлись в тот день оба войска: скифы бежали, а ликующий император славным победителем вернулся в свой лагерь. Разбитые наголову скифы расположились лагерем между Булгарофигом и Малой Никеей.

[1090—1091 г.] Так как уже приближалась зима, самодержец решил вернуться в царственный город, чтобы отдохнуть от многочисленных битв и дать отдых большей части своих воинов. Он разделил свое войско, отобрал для дальнейшей борьбы с врагом наиболее храбрых воинов и назначил командовать ими Иоаннаки и Николая Маврокатакалона, о которых я неоднократно говорила выше. Он приказал им расположить во всех городах силы, нужные для охраны, и вывести из всей страны пехотинцев вместе с повозками и влекущими их быками. Император решил вступить весной в еще более жестокую войну со скифами и поэтому заранее принимал необходимые меры. Устроив все таким образом, он вернулся в Византий.

VIII. [1091 г.] 1. Самодержцу стало известно, что скифские военачальники отправили часть своего войска против

Хировакх¹ и что появление варваров ожидается с минуты на минуту. Император, человек весьма деятельный и всегда готовый ко всякого рода неожиданностям, не позволил себе и недели отдыха во дворце; он, даже не вымывшись в бане, не стряхнув с себя пыль войны, немедленно собрал воинов, охранявших город, и новобранцев — всего около пятисот человек, всю ночь вооружал их, а утром вышел из Константинополя и тогда же объявил о своем выступлении против скифов родственникам, свойственникам и прочим высокородным особам, принадлежавшим к военному сословию. Это происходило в пятницу мясопустной недели². Через своих посланцев Алексей отдал им следующий приказ: «Я выступил из города, ибо узнал о стремительном продвижении скифов к Хировакхам. Вам надлежит явиться ко мне на сырной неделе. Я предоставляю вам для небольшого отдыха время между мясопустной пятницей и сырным вторником, так как не хочу, чтобы вы сочли мой приказ суровым и неразумным».

Император немедленно отправился прямо к Хировакхам, вошел в город, запер ворота и забрал ключи. Всех преданных ему слуг он расставил у бойниц, приказав им, не смыкая глаз, сторожить стены города, чтобы никто не смог туда подняться и, перевесившись через стену, вступить в переговоры со скифами. Скифы же, как и предполагалось, прибыли на рассвете к Хировакхам и расположились на гребне холма, примыкающего к городской стене. Из их числа отделилось около шести тысяч воинов, которые в поисках провианта рассеялись в разные стороны и даже достигли Деката³, находящегося примерно в десяти стадиях от стен царицы городов (поэтому, я думаю, этот город так и назывался). Остальные скифы оставались на месте. Император поднялся на предстенное укрепление и стал осматривать равнину и холмы, желая удостовериться в том, что на помощь варварам не движется новое войско и что скифы не устроили засады против тех, кто попытался бы на них напасть. Император не только не заметил ника-

¹ Между Кючук-Чекмедже и Буюк-Чекмедже.

² 16 февраля.

³ Между Евдомом и Регием на Эгнатиевой дороге, близ Константинополя.

ких военных приготовлений со стороны скифов, но, напротив, увидел, что скифы во втором часу¹ дня собираются обедать и отдыхать. Смотря на несметное множество варваров, Алексей не осмеливался вступить с ними в открытый бой; в то же время его мучило сознание, что скифы могут опустошить всю страну и даже подойти к стенам царственного города², а он в это время, ради того чтобы изгнать их, покинул столицу. И вот он призвал к себе воинов и, испытывая их, сказал: «Нечего бояться многолюдного скифского войска! С надеждой на Бога в сердце вступим в бой со скифами. И если только наша воля будет едина, мы, я уверен, наголову разобьем противника». Воины решительно было отказались и возмутились его словами, и поэтому Алексей, еще больше пугая их и вместе с тем склоняя на риск, заявил: «Если ушедшие за провиантом скифы возвратятся назад и соединятся с оставшимися, над нами нависнет грозная опасность. Ведь скифы или овладеют городом и обрекут нас на смерть, или же, не обращая внимания на нас, подойдут к стенам столицы, расположатся у ее ворот и закроют нам вход в царственный город. Лучше рискнуть, чем трусливо умереть. Я уже выхожу из города: кто хочет, пусть следует за мной в гущу скифов, а кто не может или не хочет, пусть не высовывается за ворота».

После этого император вооружился и немедленно вышел из города через ворота, ведущие к озеру. Обогнув стену, он чуть отклонился от нее и поднялся на холм в тылу у врага. Ведь Алексей прекрасно понимал, что в лобовую атаку на скифов за ним не пойдет ни один воин. Он выхватил копьё, врезался в гущу скифов и ударил первого встретившегося ему врага. Воины Алексея также не уклонились от боя, многих скифов убили, других взяли в плен. Затем со свойственной ему хитростью Алексей приказывает воинам облачиться в скифские одежды и сесть на скифских коней; своих же коней, значки и отрубленные головы скифов он поручил преданным воинам, приказав им доставить все это в крепость и ждать там его возвращения.

¹ По византийскому исчислению — утром.

² Константинополя.

Отдав такие распоряжения, Алексей со скифскими знаменами и облаченными в скифские одежды воинами спускается к реке¹, протекающей вблизи Хировакх, предполагая, что через нее должны будут переправиться скифы, возвращающиеся после набега. Последние заметили воинов Алексея, приняли их за своих и без страха приблизились к ним; в результате одни скифы были убиты, другие захвачены в плен.

2. С наступлением вечера (дело было в субботу) император, ведя за собой пленных, возвращается в Хировакхи. Он пробыл там весь следующий день, а в понедельник² утром вышел из крепости. Он разделил войско, поставил впереди воинов, несущих скифские знамена, а за ними — пленных скифов, которых вели местные жители. Другим местным жителям император велел нести насаженные на копья отрубленные головы скифов и таким образом совершать путь. Немного поодаль под ромейскими значками следовал император вместе со своими воинами.

В утро мясопустного воскресенья³ всегда готовый к ратным делам Палеолог раньше других вышел из Византия. Зная подвижность скифских отрядов, он не пренебрег в пути мерами предосторожности и выделил нескольких находившихся при нем слуг, которым приказал, двигаясь на некотором расстоянии впереди остального войска, осматривать равнины, леса и дороги, а если покажутся какие-нибудь скифы, быстро вернуться и сообщить об этом. Слуги вышли вперед, увидели скифские знамена и одетых в скифские одежды воинов на равнине Димилия, вернулись назад и сообщили о приближении скифов. Палеолог немедленно вооружился. Вслед за ними явился другой вестник, сообщивший, что на некотором расстоянии от так называемых скифов показались ромейские значки, а за ними — воины. Принесшие эту весть были и правы и не правы: шедшее позади войско и казалось и было ромейским, и им предводительствовал император, но и те, что, одетые по-скифски, двигались впереди, тоже были ромеями, только в скифских одеждах. Они оделись так по при-

¹ Р. Карас (Мелас).

² 19 февраля 1091 г.

³ 18 февраля.

казу самодержца, чтобы уподобиться по внешнему виду скифам и, как я уже говорила, ввести в заблуждение настоящих скифов. С другой стороны, император воспользовался скифским снаряжением для обмана наших, чтобы ромейские воины, встретившись с его отрядом, решили, что натолкнулись на скифов, и испугались. Это была невинная воинская шутка, хотя она и преследовала цель возбудить страх. Ведь ромей, не успев еще испугаться, уже успокоились бы, заметив императора. Таким безобидным образом самодержец пугал встречаемых. Но если в ком это зрелище возбудило страх, то Палеолог — он всех превосходил своей опытностью и знал, как любит Алексей изобретать всевозможные хитрости, — сразу же распознав уловку Алексея, быстро успокоил себя и других воинов.

Вслед за Палеологом из Константинополя устремилось множество родственников и близких императора. Они торопились, как им самим казалось, выполнить договор и явиться к самодержцу. Ведь, как уже говорилось раньше, было условлено, что они придут к Алексею в сырную неделю, следующую за мясопустной. Не успели они, однако, выйти из города, как император сам вернулся туда с трофеем. Встретившись с Алексеем, они, наверное, не поверили бы, что император один добыл такой трофей и столь быстро одержал победу, если бы своими глазами не увидели насаженные на острия копий головы скифов и не узрели того, как ведут одного за другим в оковах, со связанными за спиной руками тех варваров, которых пощадили мечи. И действительно, быстрота, с которой свершился этот поход, была удивительна. Я знаю также, что Георгий Палеолог бранил и порицал себя (об этом рассказывали мне очевидцы) за то, что опоздал к битве и не был рядом с самодержцем, заслужившим столь великую славу неожиданной победой над варварами, — Георгий страстно желал разделить славу Алексея.

В отношении же самодержца, можно сказать, наглядно осуществились слова известной песни «Второзакония»: «Как бы мог один преследовать тысячу и двое прогнать тьму?»¹ Ведь император Алексей чуть ли не один противостоял в тот

¹ Втор. 32:30.

день огромному множеству варваров и до самого победного конца мужественно выносил на себе всю тяжесть битвы. Если учесть, сколько и какие воины были у императора, если сопоставить военную хитрость самодержца, его находчивость, силу и смелость с числом и мощью варваров, станет ясно, что император один завоевал победу.

3. Таким образом, Бог неожиданно даровал победу властителю. Увидя вступающего в город императора, жители Византия ликовали и восхищались быстротой, смелостью и искусством, с которым было совершено это предприятие. Радясь неожиданной победе, они пели, танцевали и славили Бога, пославшего им такого спасителя и благодетеля. И лишь Никифор Мелиссин страдал душой, не мог, как это свойственно людям, перенести чужой славы и сказал: «Эта победа для нас — радость без выгоды, а для врагов — печаль без урона».

Между тем бесчисленное множество скифов, рассеявшихся по всему Западу, подвергало грабежу наши земли, и никакие поражения не могли обуздать их беспредельную дерзость. То там, то здесь захватывали они городки на Западе, не щадили селений, находящихся вблизи царицы городов, и даже доходили до места под названием Вафис-Риак, у которого воздвигнут храм величайшего из мучеников — Феодора¹. Множество людей ежедневно приходило туда для поклонения святому, а по воскресеньям благочестивые богомольцы толпами являлись в этот святой храм и, располагаясь вокруг него, в притворе или во внутренней части, проводили там дни и ночи. Однако натиск скифов настолько усилился, что желающие поклониться мученику, опасаясь внезапных набегов скифов, даже не решались открыть ворота Византия.

Такая напасть с Запада постигла самодержца на суше. Но и на море он не чувствовал себя спокойно, ибо подвергался большой опасности из-за Чакана, который вновь соорудил флот и совершал набеги на приморские области. Все это мучило и терзало императора, и заботы одолевали его со всех сторон.

Алексею сообщили, что Чакан соорудил еще больший флот в прибрежных областях, разорил острова, которыми владел

¹ Храм св. Феодора Тирона.

раньше, начал подумывать о наступлении на западные земли и через послов посоветовал скифам захватить Херсонес.

Кроме того, Чаган не давал наемникам, явившимся к Алексею с Востока (я говорю о турках), соблюдать договор с самодержцем и сулил им всяческие блага, если они оставят самодержца и перейдут к нему, как только он достанет ячменя. Император знал об этом и, так как его дела на суше и на море находились в весьма тяжелом положении, а суровая зима¹ заперла все выходы (из-за сугробов нельзя было даже открыть двери домов — никто не помнил, чтобы когда-нибудь навалило столько снега, как в тот год), он приложил все усилия, чтобы письмами вызвать отовсюду наемное войско.

Когда же наступило весеннее равноденствие, тучи перестали грозить войной и море смирило свой гнев, император, на которого с обеих сторон наседали враги, решил направиться в приморские области, дабы обороняться от врагов на море и одновременно бороться с ними на суше. Он сразу же отправил кесаря Никифора Мелиссина и приказал ему быстрее, чем слово сказывается, прибыть в Энос. Алексей еще раньше в письме поручил Мелиссину собрать как можно большее число воинов, причем призвать на службу не ветеранов (их он прежде распределил по западным городам для охраны наиболее важных крепостей), а новобранцев из числа болгар и кочевников (их в просторечии называют влахами)² и тех, кто пешие и конные явятся к нему из всех других областей. Сам же Алексей вызвал к себе из Никомидии пятьсот кельтов, посланных ему графом Фландрским, выступил из Византии вместе со своими родственниками и быстро прибыл в Энос. Затем он сел в лодку и поплыл по реке³, осматривая ее русло и берега. Выбрав место, где удобней всего можно было расположить войско, он вернулся. Ночью Алексей собрал военачальников и рассказал им о реке и об обоих ее берегах. «Давайте, — сказал он, — завтра переправимся через реку; вы осмотрите равнину и, может быть, не сочтете вовсе непри-

¹ 1090—1091 гг.

² Романизированное население Дакии. Чаще — кочевые скотоводы.

³ Р. Марица.

годным для лагеря то место, которое я вам покажу; там и надо будет разбить палатки».

Все согласились с ним. Наутро Алексей первым переправился на другой берег, и все войско последовало за ним. Вместе с военачальниками он вновь осмотрел берега и равнину у реки и показал им понравившееся ему место (оно лежит у городка, именуемого местными жителями Хирины¹, по одну сторону от него — река, по другую — болото). Так как всем воинам это место показалось достаточно защищенным, Алексей приказал быстро вырыть траншею и расположил там все войско. Затем с большим числом пельтастов он возвратился обратно в Энос, чтобы отражать напор наступающих с той стороны скифов.

4. Ромеи, окопавшиеся у Хирин, узнали о приближении огромного скифского войска и сообщили об этом самодержцу, который еще находился в Эносе. Алексей на дозорном судне поплыл вдоль берега, через устье вошел в реку и присоединился к своему войску. Отчаяние и страх охватили императора, когда он увидел, что его войско не составляет и малой доли скифской армии и что не в человеческих силах помочь ему. Тем не менее Алексей не пал духом, не опустил руки; напротив, он старался найти выход из положения.

Через четыре дня он издали заметил, как с другой стороны к нему уже приближается почти сорокатысячное куманское войско. Опасаясь, что куманы соединятся со скифами и вместе с ними навяжут ему кровопролитную битву (Алексей не ждал от нее ничего, кроме гибели всего войска), император решил привлечь куманов на свою сторону; ведь это он призвал их к себе. Главными предводителями куманского войска были Тогортак, Маниак² и другие воинственные мужи. Император видел, какое множество куманов приближается к нему, и, зная податливость их нрава, боялся, что из союзников они превратятся во врагов и нанесут ему величайший вред. Поэтому он предпочел ради безопасности со всем войском уйти оттуда и переправиться обратно через реку, но

¹ Небольшая крепость на правом берегу Марицы.

² В. Г. Васильевский идентифицировал их с Тугорканом и Боняком русских летописей.

прежде всего решил призвать к себе куманских вождей. Последние немедленно явились к императору; позже других после долгих колебаний пришел Маниак.

Алексей приказал поварам приготовить для них роскошный стол, он дружелюбно принял куманов, хорошо угостил их, вручил всевозможные дары, а затем потребовал от куманских вождей клятв и заложников — ведь ему был известен коварный нрав этих людей. Куманы с готовностью выполнили требование Алексея, дали ручательства и попросили разрешения сражаться с печенегами в течение трех дней. При этом они обещали, если Бог дарует победу, разделить на две части всю захваченную добычу и половину выделить императору. Император предоставил им право по их желанию преследовать скифов в течение не только трех, но целых десяти дней и к тому же заранее подарил им всю добычу, которую они должны были бы захватить, если бы только Бог послал им победу. До тех пор скифская и куманская армии оставались на своих местах, и куманы тревожили скифское войско стрельбой из лука.

Не прошло еще и трех дней, как самодержец вызвал к себе Антиоха (это знатный муж, решительностью своего характера превосходивший многих людей) и приказал ему навести мост через реку. Вскоре мост был наведен из кораблей, скрепленных друг с другом огромными бревнами. Император, призвав своего шурина, протостратора Михаила Дуку, и своего брата, великого доместика Адриана, приказал им встать на берегу реки, не позволять коннице и пехоте переправляться одновременно, а пустить перед конницей пехоту, повозки со снаряжением и вьючных мулов. Когда переправилась пехота, император, боясь скифов и куманов и опасаясь их неожиданного наступления, быстрее, чем слово сказывается, вырыл ров, поместил туда всех пехотинцев и лишь после этого приказал переправляться коннице. Стоя на берегу реки, он сам наблюдал за переправой.

Между тем Мелиссин, действуя согласно письменному приказу самодержца, собрал отовсюду войско, вывел из соседних областей пехотинцев, которые везли свое снаряжение и необходимые припасы на повозках, запряженных быками, и сроч-

но отправил их к самодержцу. Когда пехотинцы находились уже в поле зрения наших воинов, многие ромеи приняли их за скифский отряд, наступающий на самодержца. Один воин набрался смелости и, указывая на них пальцем самодержцу, стал утверждать, что это скифы. Алексей поверил его словам и, не имея сил бороться с таким многочисленным врагом, пришел в отчаяние. Призвав к себе Радомира (этот муж был отпрыском знатного болгарского рода и по материнской линии приходился родственником Августе — моей матери)¹, он послал его разведать, кто такие эти пришельцы. Радомир быстро выполнил приказ и, вернувшись, сообщил, что приближаются воины, посланные Мелиссином. Самодержец обрадовался и, после того как воины вскоре подошли, вместе с ними переправился через реку. Алексей приказал еще больше увеличить ров и объединил вновь прибывший отряд с остальным войском. Тем временем куманы немедля подошли к рву, который самодержец покинул вместе со всем войском, идя к переправе, и поставили там свои шатры.

На следующий день самодержец двинулся вниз по реке с намерением достичь брода, который местные жители называют Филокаловым. Но по дороге он встретил большой отряд скифов, напал на него и завязал жестокий бой. Обе стороны понесли в битве большие потери, но победу одержал император, наголову разбивший скифов. После битвы каждое войско вернулось в свой лагерь, и ромеи в течение всей ночи оставались на месте. С рассветом они выступили оттуда, прибыли к так называемому Левуни (это возвышающийся над равниной холм), и самодержец поднялся на него. Так как для всего войска места наверху не хватало, император велел вырыть у подножия холма ров, достаточный для всего войска, и поместил там своих воинов. В это время к самодержцу вместе с несколькими скифами вновь явился перебежчик Неанц. Увидев последнего, император припомнил ему его недавнее предательство и еще кое-что, взял его под стражу и заковал в кандалы вместе с другими скифами.

¹ Ирина Дукена.

5. Так действовал император. Между тем скифы, расположившись по берегам речки под названием Мавропотам¹, начали тайком привлекать на свою сторону куманов, призывая их стать союзниками. Вместе с тем они непрерывно отправляли послов к императору с предложением мира. Алексей догадывался о хитром замысле скифов и давал уклончивые ответы послам, желая внушить им мысль, что к нему должно подойти наемное войско из Рима. Куманы же, поскольку обещания печенегов были двусмысленными, не перешли к ним и вечером обратились к императору со следующими словами: «До каких пор будем мы оттягивать бой? Знай, что мы больше не намерены ждать и с восходом солнца отведаем мяса волка или ягненка». Император выслушал это и, зная крутой нрав куманов, больше не стал откладывать сражения. Определив следующий день для решительной битвы, он обещал куманам назавтра вступить в бой со скифами, а сам немедленно созвал военачальников, пентеконтархов и остальных командиров и велел им объявить по всему лагерю о назначенной битве. Несмотря на принятые меры, император опасался бесчисленного множества печенегов и куманов и боялся соединения обоих войск.

К одолеваемому этими мыслями императору прибыли на подмогу перебежчики — около пяти тысяч храбрых и воинственных жителей горных областей². Не собираясь более откладывать сражения, император стал просить помощи у Бога. На закате он первый приступил к молитвам, устроил торжественное факельное шествие и стал исполнять соответствующие случаю гимны. Он не оставил в покое ни одного человека в лагере; разумным людям советовал, а невежественным приказывал делать то же, что и он. В это время можно было наблюдать такую картину: солнце опускалось за горизонт, а воздух, казалось, озаряли не только лучи солнца, но и яркий свет других многочисленных звезд. Каждый воин укрепил на своем копье и зажег как можно большее число светильников и

¹ Т. е. «Черная речка». Приток Марицы, возможно, совр. Эргине.

² В. Г. Васильевский считал их русскими из Прикарпатья, подданными князя Василька Ростиславича. Другие идентификации — болгары и влахи.

свечей. А голоса воинов, я думаю, достигали небесных сфер и даже, можно с уверенностью сказать, возносились к самому Господу Богу. Как я полагаю, все это было свидетельством благочестия императора, который даже не помышлял напасть на врагов без Божественной помощи. Алексей не возлагал надежд ни на воинов, ни на коней, ни на свои военные хитрости, но всецело полагался на высший суд. До середины ночи свершал молитвы Алексей и лишь затем позволил себе кратковременный отдых. Восстав ото сна, император полностью вооружил легкие отряды войска, правда, некоторых воинов облачил в одежды и головные уборы, перешитые из одноцветных шелковых плащей, ибо железных доспехов на всех не хватило.

С первой улыбкой утра Алексей в полном вооружении вышел из ложины и приказал подать сигнал к бою. У подножья так называемого Левуния (это место...¹) он разделил свое войско и выстроил фаланги по отрядам. Сам пышущий яростью самодержец встал впереди строя, командование правым флангом принял Георгий Палеолог, левым — Константин Далассин. Справа от куманов стоял в полном вооружении вместе со своими воинами Монастра. Видя, что самодержец устанавливает фаланги, куманы также вооружили и выстроили в принятый у них боевой порядок свои отряды. Слева от них находились Уза и — фронтом на запад — Умбертопул с кельтами. Как бы огородив свое войско строем фаланг и окружив его плотным кольцом конных отрядов, самодержец приказал вновь подать трубой сигнал к бою.

Ромеи, опасаясь неисчислимого скифского войска и несметного множества крытых повозок, которые скифы использовали вместо стены, в один голос воззвали к милости Всевышнего и, опустив поводья, бросились в бой со скифами; самодержец неся впереди всех. Строй принял вид серпа, и в один момент, будто по условному знаку, все войско, в том числе и куманы, ринулось на скифов. Один из самых главных скифских военачальников понял, чем все это может кончиться, и решил заранее обеспечить себе спасение: в сопровождении нескольких скифов он явился к куманам — последние

¹ Лакуна в рукописи.

говорили на одном с ним языке. Хотя куманы ревностно сражались со скифами, тем не менее он питал к ним больше доверия, чем к ромеям, и хотел воспользоваться их посредничеством перед самодержцем. Самодержец заметил это и стал опасаться, как бы и другие скифы не перешли к ним, не привлекли на свою сторону куманов и не убедили их направить против ромейской фаланги как помыслы свои, так и коней. Поэтому император, который всегда умел находить выход из критического положения, немедленно приказал императорскому знаменосцу со знаменем в руках встать у куманского лагеря.

К этому времени скифский строй был уже прорван, оба войска сошлись в рукопашной схватке, и началась резня, подобной которой никто никогда не был свидетелем. Страшные удары мечей поражали уже постигнутых Божьим гневом скифов, а разящие устали непрерывно размахивать оружием и, утомленные, ослабили натиск. Самодержец въехал на коне в гущу врагов; он приводил в замешательство целые фаланги, наносил удары пытавшимся сопротивляться, а находившихся вдали устрашал криками. Когда Алексей увидел, что наступил полдень и солнечные лучи уже падают вертикально, он предусмотрительно сделал следующее. Подозвав к себе нескольких воинов, он приказал им попросить крестьян наполнить водой кожаные мехи и привезти их на своих мулах. Когда доставляющих воду крестьян увидели их соседи, они, хотя их никто об этом и не просил, сделали то же самое: стали подвозить воду в амфорах, в кожаных мехах или в других подвернувшихся под руку сосудах, чтобы освежить наших воинов, освобождавших их от страшного скифского владычества. Выпив немного воды, ромеи продолжили битву.

В тот день произошло нечто необычайное: погиб целый народ вместе с женщинами и детьми, народ, численность которого составляла не десять тысяч человек, а выражалась в огромных цифрах. Это было двадцать девятого апреля¹, в третий день недели. По этому поводу византийцы стали распевать насмешливую песенку: «Из-за одного дня не пришлось скифам увидеть мая».

¹ 1091 г.

На закате, когда все скифы, включая женщин и детей, стали добычей меча, а многие из них были взяты в плен, император приказал сыграть сигнал отхода и вернулся в свой лагерь. Все случившееся тогда должно было казаться чудом, особенно если принять во внимание следующее обстоятельство. В свое время ромеи, выступая из Византия против скифов, закупили веревки и ремни, чтобы ими связать пленных и таким образом привести их к себе домой. Но все произошло тогда наоборот: ромеи сами были связаны и оказались в плену у скифов. Это произошло в битве со скифами у Дристры, когда Бог обуздал гордыню ромеев. Но позднее, в то время, о котором я сейчас повествую, Бог, видя, что ромеи охвачены страхом, потеряли всякую надежду на спасение и не имеют сил противостоять такому множеству врагов, неожиданно даровал им победу, и теперь уже они вязали, разили, вели в плен скифов и, не ограничиваясь этим (ведь все это нередко происходит и во время небольших сражений), в один день полностью уничтожили многотысячный народ.

6. Куманский и скифский отряды отошли друг от друга, и самодержец с наступлением сумерек вспомнил о еде. В это время перед ним предстал разгневанный Синесий и сказал следующее: «Что происходит? Что это за новые порядки? У каждого воина по тридцати и более пленных скифов, а рядом с нами толпа куманов. Если усталые воины, как это и должно быть, уснут, скифы освободят друг друга и, выхватив акинатики, убьют своих стражей. Что тогда будет? Прикажи скорей умертвить пленных». Император сурово взглянул на Синесия и сказал: «Скифы — те же люди; враги тоже достойны сострадания. Я не знаю, о чем ты только думаешь, болтая это!» Затем Алексей с гневом прогнал продолжавшего упорствовать Синесия. Одновременно он велел довести до сведения всех воинов приказ сложить в одно место скифское оружие и хорошо стеречь пленных.

Сделав такие распоряжения, император спокойно провел остаток ночи. Однако в среднюю стражу ночи воины, повинувшись Божественному гласу или по другой, неизвестной мне причине, убили почти всех пленных. Император узнал об этом утром, сразу же заподозрил Синесия и немедленно при-

звал его к себе. Разразившись угрозами, Алексей сказал в обвинение Синесию: «Это дело твоих рук». И хотя Синесий поклялся, что ни о чем не знает, Алексей приказал заключить его в оковы. «Пусть узнает, — сказал император, — каким злом являются одни только оковы, и он никогда не будет выносить людям столь суровые приговоры». И Алексей наказал бы Синесия, если бы к нему не явились вельможи, приходившиеся родственниками и свойственниками самодержцу, и сообща не попросили помиловать Синесия.

Между тем большинство куманов опасалось, как бы самодержец ночью не замыслил чего-нибудь против них, поэтому они забрали свою добычу и ночью выступили по дороге к Данувии. Сам же император, стремясь уйти от зловония, исходившего от трупов, на рассвете выступил из лагеря и направился к Кала-Дендра — в восемнадцати стадиях от Хирина. По дороге его нагнал Мелиссин: он не успел прибыть к моменту битвы, ибо занимался отправкой самодержцу упомянутых новобранцев. Алексей и Мелиссин, как полагается, радушно приветствовали друг друга и остаток пути беседовали о событиях минувшей битвы со скифами.

Прибыв в Кала-Дендра, самодержец узнал о бегстве куманов и велел погрузить на мулов все то, что он должен был отдать куманам согласно условиям договора, и приказал, если удастся, настичь их до Данувия и вручить им их долю. Ведь Алексей нередко и со многими людьми вел беседы о лживости и считал недопустимым не только лгать, но даже казаться живым. Так он распорядился относительно беглецов. Тех же куманов, которые за ним последовали, Алексей щедро угощал весь остаток дня. Он решил, однако, не отдавать куманам в тот день причитающегося им жалования, а подождать, пока они не протрезвятся во сне и, придя в себя, не начнут отдавать себе отчет в происходящем. На следующий же день Алексей призвал их всех к себе и заплатил им намного лучше, чем обещал раньше. Император решил отпустить куманов домой, но взял у них заложников, ибо опасался, что на обратном пути они рассеются во все стороны в поисках провианта и нанесут немалый вред селениям, расположенным вдоль дороги. Так как куманы просили обеспечить им безопасность в

пути, Алексей поручил Иоаннаки (это человек выдающегося мужества и ума) позаботиться о куманах и благополучно доставить их к самому Зигу¹. Так Божественное провидение позаботилось о самодержце.

Полностью исполнив свой долг, самодержец в мае с трофеем победителем возвращается в Византий.

Здесь я должна кончить свой рассказ о скифах, хотя из многочисленных событий я коснулась лишь немногих и, можно сказать, погрузила только кончики пальцев в воды Адриатического моря{...}

[1092 г.] X. 2. Какой-то человек, не принадлежавший к знатному роду, происходивший из низов, в прошлом воин, объявил себя сыном Диогена, хотя настоящий сын Диогена был убит еще в то время, когда Исаак Комнин, брат самодержца, сражался с турками у Антиохии (желающих узнать об этом подробнее я отсылаю к сочинению знаменитого кесаря). Многие пытались заткнуть рот самозванцу, но он не умолкал. Он явился с Востока в овчине, нищий, подлый и изворотливый; обходил город дом за домом, улицу за улицей, рассказывая о себе небылицы: он-де сын прежнего императора Диогена, тот самый Лев, который, как уже было сказано, был убит стрелой под Антиохией. И вот, «воскресив мертвого», этот наглец присвоил себе его имя и стал открыто домогаться императорской власти, вовлекая в обман легковверных. И это тоже было тягостным прибавлением ко всем невзгодам императора: сыграв с ним злую шутку, судьба послала ему этого несчастного. Подобно гурманам, которые, насытившись, лакомятся на закуску медовыми пряниками, судьба ромеев, досыта насладившись множеством бед, стала разыгрывать императора такими вот лжеимператорами.

Между тем самодержец совершенно пренебрегал всеми слухами. Но этот вояка все время болтал на улицах и перекрестках, и слух о нем дошел до сестры императора Алексея, Феодоры, вдовы погибшего сына Диогена. Она не смогла стерпеть этих выдумок. После смерти мужа она приняла монашество и, предав себя одному Богу, вела жизнь строго аскетическую. Поскольку этот обманщик не успокоился ни после

¹ Т. е. Балканский хребет.

второй, ни после третьей попытки его образумить, самодержец отослал его в Херсон и приказал взять под стражу. Но он, очутившись в Херсоне, стал по ночам подниматься на городскую стену и, высунувшись, заводил беседы с куманами, которые обычно туда приходили торговать и покупать нужные им товары. Обменявшись с ними клятвами, однажды ночью он обвязал себя веревкой и спустился по стене вниз.

Куманы вместе с ним отправились в свою страну¹. Он прожил там довольно долго и достиг того, что куманы уже стали называть его императором. В жажде хлебнуть человеческой крови, вкусить человеческого мяса и унести из нашей страны богатую добычу, они решили «под предлогом этого Патрокла» вторгнуться всем войском в Ромейскую землю, чтобы посадить его на трон, якобы принадлежавший его отцу. Такие у него были намерения, и они не остались неизвестными самодержцу. Поэтому Алексей как можно лучше вооружил войска и приготовился к войне с варварами. Как мы уже говорили, он еще раньше укрепил горные долины, которые на языке простонародья называются клисуры.

Спустя некоторое время, узнав, что куманы вместе с самозванцем вторглись в Паристрий, он собрал главных военачальников, а также своих родственников и свойственников и спросил их совета, идти ли ему на врага. Все его отговаривали. Однако Алексей, который не доверял даже самому себе, не хотел руководствоваться и соображениями своих ближних; он возложил все надежды на Бога и просил Его решения.

И вот Алексей созвал воинское и священническое сословие и вечером отправился в Великую церковь в сопровождении самого патриарха Николая (он взошел на патриарший трон в седьмом индикте 6592 года после отречения Евстратия Гарида)².

Император написал на двух дощечках по вопросу, следует ли выступать против куманов или нет, запечатал их и велел корифею³ положить на святой престол. Ночь прошла в пении молитв. На рассвете в алтарь вошел положивший дощечки,

¹ Ок. 1092 г.

² 1084 г.

³ Патриарх (?).

взял одну из них, вынес и на виду у всех вскрыл и прочел. Это решение самодержец принял как Божий глас, он с головой ушел в заботы о предстоящем походе и стал письмами собирать отовсюду войско.

И вот, хорошо подготовившись, он двинулся навстречу куманам. Собрав все войско, он прибыл в Анхиал, вызвал к себе своего зятя кесаря Никифора Мелиссина, Георгия Палеолога и его племянника Иоанна Таронита¹, послал их в Боруи и приказал стоять на страже, дабы обеспечить безопасность города и окрестностей. Затем Алексей разделил войско, во главе отрядов поставил своих лучших военачальников — Даватина, Георгия Евфорвина и Константина Умбертопула и послал их охранять клисуры в окрестностях Зига. Сам же он прибыл в Хортарею² (так называется одна из клисур Зига) и объехал весь Зиг, проверяя, все ли его прежние приказания исполнены теми, кто взял на себя их выполнение; незаконченное или сделанное кое-как он исправлял, чтобы преградить путь куманам. Уладив все дела, он ушел оттуда и разбил лагерь возле так называемого Священного озера³, неподалеку от Анхиала. Ночью пришел некий Будило, из знатных владов, с известием, что куманы перешли Данувий. Тогда император решил на рассвете собрать наиболее достойных своих родственников и военачальников и обсудить, что делать. Все сказали, что нужно занять Анхиал, и император немедленно послал с наемниками (Скалиарием Илханом и другими отборными воинами) Кантакузина и Татикия охранять так называемые Фермы⁴, а сам отправился в Анхиал.

Узнав, что куманы рвутся к Адрианополю, он вызвал всех знатных адрианопольцев, среди них самыми видными были Тарханиот Катакалон⁵ и Никифор, сын Вриенния, помогавшего некогда императорской власти (он и сам пытался захватить власть, но был ослеплен). Император велел им хорошо охранять крепость и, когда подойдут куманы, не терять

¹ Сын Михаила Таронита и старшей сестры Алексея, Марии.

² Возможно, Айтосский перевал.

³ По В. Златарскому, — Атанасово озеро к западу от Анхиала.

⁴ К Западу от Анхиала, между Айтосом и Бургасом.

⁵ Наместник Адрианополя.

выдержки и не ввязываться с ними в схватку, а быть благоразумными и обстреливать их на расстоянии, почти все время держа ворота на запоре. Он обещал им многочисленные милости, если они исполнят его приказания. Дав эти наставления Вриеннию и другим, самодержец отослал их преисполненными радостных надежд в Адрианополь. Константину Евфорвину Катакалону он письмом приказал взять с собой Монастру (у этого полуварвара был большой военный опыт) и Михаила Анемада¹ с их войсками и, как только куманы пройдут через клисуры, двинуться вслед и неожиданно на них напасть.

3. Между тем куманы узнали от влахов тропы через ущелья и легко перешли Зиг. Когда они приблизились к Голое, жители немедленно заключили в оковы начальника крепости и передали его куманам, которых они встретили радостными приветствиями. Константин Катакалон, который хорошо помнил наставления императора, встретившись с куманами, вышедшими за фуражом, отважно на них напал и взял в плен около сотни. Император сразу же призвал его к себе и наградил титулом «новелиссима». Видя, что Голое во власти куманов, жители соседних городов — Диамболя и других — перешли на сторону куманов, радостно встретили их, передали свои города и славословия Лжедиогену. Он же, получив власть над этими городами, направился со всем куманским войском к Анхиалу с намерением штурмовать его стены.

Тем временем император находился в городе. Еще с детских лет приобретя большой военный опыт, он видел, что сама местность служит препятствием для нападения куманов и является хорошей защитой для городских стен, поэтому он разделил войско, велел открыть ворота крепости и поотрядно выстроил своих воинов снаружи тесным строем, у края боевого строя куманов... часть ромейской фаланги, крича...² обратили в бегство и преследовали до самого моря. Самодержец, видя это и не имея сил дать отпор такому множеству врагов, приказал воинам сохранять сомкнутый строй и не выходить из рядов. Куманы тоже стояли в строю, лицом

¹ Будущий заговорщик.

² Лакуны.

к лицу с ромеями и тоже не нападали на них. Это длилось в течение трех дней с утра до вечера; расположение местности мешало куманам начать сражение, хотя они и хотели этого, а из ромейского войска никто не нападал на них.

Крепость Анхиал расположена следующим образом. Справа находится Понт, слева — каменистая, труднопроходимая местность, усаженная виноградниками, неудобная для движения конницы.

Что же было потом? Варвары, видя твердость императора и потеряв надежду осуществить свой план, избрали другой путь и отправились к Адрианополю. Самозванец их обманывал, говоря: «Как только Никифор Вриенний услышит, что я пришел в Адрианополь, он откроет ворота и примет меня с большой радостью; он даст мне денег и окажет всевозможные милости. Хотя он и не родственник моему отцу, но питал к нему братские чувства. Когда же крепость перейдет к нам, мы отправимся дальше, прямым путем к царственному городу». Он называл Вриенния своим дядей, сочиняя ложь, имевшую вид правды. Действительно, император Роман Диоген знал этого самого Вриенния как человека, превосходящего умом всех своих современников, и, ценя его прямоту и неизменную искренность в словах и делах, решил сделать его своим братом; это и было исполнено при взаимном согласии. Это была всем известная правда, но самозванец дошел до такого бесстыдства, что на самом деле называл Вриенния своим дядей.

Таковы были уловки самозванца. Куманы же, которым, как и всем варварам, легкомыслие и непостоянство присущи от природы, верили его словам; они направились к Адрианополю и расположились у стен города. Сорок восемь дней продолжались сражения, ибо молодежь, рвущаяся в бой, каждый день делала вылазки из города и непрерывно завязывала сражения с варварами. Никифор Вриенний, которого окликнул снизу самозванец, наклонился с башни и, услышав незнакомый голос, ответил, что не признает в нем сына Романа Диогена (как уже было сказано, названного брата Вриенния — ведь подобное случается нередко) и что подлинный сын Романа убит под Антиохией. С этими словами он отослал прочь пристыженного обманщика.

Между тем время шло, осажденные стали уже испытывать лишения и письмом попросили помощи у самодержца. Он тотчас приказал Константину Евфорвину выбрать из подчиненных ему комитов¹ достаточно сильный отряд и ночью войти с ним в Адрианополь со стороны Калафад; Катакалон немедленно выступил по дороге на Орестиаду в надежде пройти незаметно для куманов. Но его план не удался. Куманские всадники заметили ромеев и, намного превосходя их численностью, напали на них, отбросили назад и стали яростно преследовать. При этом сын Катакалона Никифор (впоследствии он стал мне зятем, женившись на моей сестре, Марии Порфирородной), потрясая длинным копьем, внезапно поворачивается к преследовавшему его скифу и поражает его прямо в грудь. Тот сразу же упал замертво. И в самом деле, Никифор по-настоящему умел владеть копьем и прикрываться щитом. Видя Никифора на коне, можно было принять его за уроженца Нормандии, а не ромея. Верхом на коне этот юноша был настоящее чудо; природа щедро одарила его; он был почителен к Богу, мягок и кроток с людьми.

Не прошло и сорока восьми дней, как по приказанию Никифора Вриенния (в его руках находилась вся власть в Адрианополе) отважные воины внезапно открыли ворота и напали на куманов. В завязавшемся упорном бою погибло много ромеев; они мужественно сражались, пренебрегая жизнью, и убили много врагов. Как только Мариан Маврокатакалон² заметил Тогортака (это предводитель куманского войска), он, потрясая длинным копьем, во весь опор помчался прямо на него; еще немного, и он убил бы его, если бы окружавшие Тогортака куманы не поспешили на выручку, едва не убив и самого Мариана. Этот Мариан, хотя и был очень юн и совсем недавно вышел из отрочества, часто выезжал из ворот Орестиады, чтобы сразиться с куманами, и всякий раз возвращался победителем, ранив или убив кого-нибудь из врагов. Это, действительно, был доблестный воин; доблестный сын, он как наследство получил от доблестных родителей свое мужество. Спасшись от грозившей ему смерти, он, кипя гневом,

¹ Титул для обозначения графа.

² Зять Анны, женатый на одной из сестер Вриенния.

кинулся на Лжедиогена, который стоял на берегу реки, там, где сражался с варварами и Мариан. Мариан, увидев, что Лжедиоген одет в пурпур и царские одежды, а окружавшие его люди рассеялись кто куда, поднял свой кнут и стал без жалости стегать его по голове, называя самозванцем.

4. Император, узнав, что куманы упорствуют в осаде Адрианополя и что там постоянно происходят бои, решил, что и ему следует перейти туда из Анхиала. И вот он, созвав лучших военачальников и видных горожан, просил их посоветовать ему, что делать. Тут выступил некий Алакасей и сказал: «Мой отец был когда-то близок с отцом самозванца. Я могу пойти, заманить самозванца в какую-нибудь крепость и там схватить его». Алакасей спросили, как он осуществит этот замысел. Он предложил самодержцу способ, каким действовал воин Кира, Зопир¹. Он объявил, что обезобразит себя, обрежет бороду и волосы, отправится к самозванцу и скажет, будто бы пострадал от самодержца.

Может быть, он сказал и не сделал, обещал и не выполнил своего обещания? Нет, не успел самодержец одобрить его предложение, как Алакасей был уже наголо острижен, а тело его изранено. В таком виде он и явился к мнимому Диогену. Напомнив ему об их прежней дружбе и многом другом, он сказал: «Я вытерпел много зла от императора Алексея и, полагаясь на старинную близость моего отца к твоей царственности, пришел, чтобы помочь тебе достичь цели». Он воспользовался этими льстивыми словами, дабы вернее завлечь самозванца.

Расскажу об Алакасее подробнее: он у самодержца Алексея взял пропуск и удостоверительное письмо к начальнику крепости Пуца², гласящее: «Исполни без колебаний все, что предложит тебе предьявитель этого письма, и слушайся его» (самодержец верно угадал, что куманы из Адрианополя явятся именно в эту крепость). Затем Алакасей пришел к самозванцу, как я уже сказала, наголо остриженный и сказал: «Много бед я перенес, из-за тебя терпел я позор и оковы, из-за тебя много дней провел в тюрьме. Когда ты перешел ро-

¹ Персидский сатрап, отрезавший себе нос и уши.

² К западу от Редесто.

мейские границы, самодержец счел меня подозрительным, ибо знал о твоей дружбе с моим отцом. И вот я, освободившись от оков, тайно убежал к тебе, моему господину, и хочу послужить тебе полезным советом».

Самозванец хорошо принял его и спросил, что нужно делать для достижения цели. Алакасей ответил: «Видишь там крепость и широкую равнину? Там можно найти корма для коней на все то время, какое ты пожелаешь отвести для отдыха себе и своему войску. Не стоит пока двигаться дальше; лучше задержаться немного здесь, завладеть этой крепостью, куманы в это время добудут фураж, а ты потом отправишься к царственному городу. Если тебе нравится мой план, я увижусь с начальником крепости — он мой давний друг — и устрою так, что он сдаст тебе крепость без боя».

Этот замысел понравился Диогену. Ночью Алакасей привязал письмо императора к стреле и пустил ее в крепость. Прочтя письмо, начальник приготовился сдать крепость. На рассвете Алакасей первым приблизился к воротам и притворился, что беседует с начальником, — заранее он условился с Диогеном о знаке, по которому тот немедленно должен был войти в крепость. Некоторое время Алакасей делал вид, что беседует с начальником, а затем подал самозванцу условленный знак; увидев его, Диоген с немногими воинами без страха вошел в крепость. Жители радостно встретили самозванца; начальник Пуцы пригласил его в баню, и тот по настоянию Алакасея сразу же согласился. Потом Диогену и его куманам была предложена пышная трапеза. Попировав вволю и выпив много вина из полных мехов, куманы легли спать и захрапели.

Алакасей, начальник крепости и другие тотчас окружили их, забрали у них оружие и коней, Диогена же оставили храпеть на своем месте, а его спутников убили и бросили в ров, ставший для них естественной могилой.

Тем временем Катакалон, следовавший по приказу императора за куманским войском, увидел, как Диоген вошел в крепость, а куманы рассеялись для добычи фуража, и разбил лагерь вблизи названного города. Алакасей же побоялся дать весть самодержцу о происшедшем — повсюду сновали куманы, — а вместе с Диогеном отправился прямо в Цурул, чтобы

оттуда двинуться в царственный город. Когда об этом узнала находившаяся в царском дворце госпожа, мать императора, она немедленно послала друнгария флота, внуха Евстафия Киминиана, чтобы тот принял Диогена и доставил его в столицу. Евстафий имел при себе одного турка по имени Камир, которого он использовал для ослепления Диогена¹.

Между тем император, все еще находившийся в Анхиале, получил сведения, что куманы рассеялись для добычи фуража по близлежащей территории, и выступил из Анхиала в Малую Nikeю. Однако, узнав, что Кица, один из предводителей куманского войска, разослал двенадцать тысяч воинов для добычи фуража, захватил богатую добычу и подошел с куманами к ущелью Таврокома, император собрал свои отряды, спустился к берегу реки, текущей по этому ущелью, и расположился там лагерем. Это место было густо покрыто чабрецом и молодой древесной порослью. Расположив там войско, он выделил большой отряд турок, опытных стрелков из лука, и послал их против куманов в расчете на то, что турки завяжут бой с куманами и увлекут их после нескольких конных атак вниз по склону. Но куманы напали на турок и неудержимо преследовали их вплоть до ромейской фаланги, а затем, немного придержав коней, восстановили строй и готовились напасть на ромеев.

Император заметил, как какой-то куман дерзко выехал из рядов и разъезжает вдоль строя, как будто вызывая противника для поединка; Алексей не мог стерпеть, что и левое и правое крыло его войска бездействуют, отделился от остальных и во весь опор помчался на жаждавшего боя варвара. Он ударил копьём кумана, по рукоять вонзил ему в грудь меч и сбросил с коня. В этот день император отличился скорей как воин, чем как полководец. Этим он сразу вселил мужество в ромейское войско и страх в скифское. Как башня, двинулся он на скифов и рассек их ряды. Таким образом, строй варваров был разорван, а сами они в беспорядке и смятении бежали во все стороны. Куманов в тот день погибло около семи тысяч, в плен было уведено три тысячи.

¹ Мятежник Лжедиоген, известный и по русским летописям (ПСРА. I. 226—227 под 1094—1095 г.). Ср. с. 418.

Отнятую добычу император не разрешил, как обычно, поделить между воинами — совсем недавно она была награблена в окрестностях, и Алексей велел вернуть ее жителям. Как птица, облетел приказ императора окрестности, и каждый, кто был ограблен, приходил, узнавал свое добро и забирал его. Ударяя себя в грудь, с мольбой воздевая к небу руки, они просили у Бога благ для самодержца. И слышен был слившийся воедино глас мужчин и женщин, долетавший до самой лунной сферы.

Но достаточно об этом. Сам же император, исполненный радости, собрал свое войско и вернулся в Малую Никею. Там он пробыл два дня, а на третий ушел в Адрианополь, где провел немало дней в доме Сильвестра. В это время все предводители куманов решили обмануть самодержца и, покинув остальное войско, пришли к нему якобы по собственной инициативе, будто бы с целью немедленно заключить с ним мир. Они рассчитывали, что за время переговоров куманское войско успеет подтянуться к своим передовым отрядам. Пробыв у императора три дня, на четвертый они ночью отправились к себе.

Распознав обман куманов, самодержец спешно послал скороходов сообщить тем, кому была поручена охрана проходов Зига, чтобы они не ослабляли внимания, а напротив, особенно бдительно несли стражу и постарались схватить беглецов. Сам же он, узнав, что куманское войско движется вперед со всеми имевшимися при нем воинами, явился в место под названием Скутари¹, в восемнадцати стадиях от Адрианополя, а на другой день — в Агафонику². Узнав, что куманский лагерь все еще находится у Аврилево³ (место недалеко от упомянутых городов), он отправился туда, но еще издали увидел бесчисленные огни, зажженные куманами, призвал Николая Маврокатакалона и других высших военачальников, чтобы обсудить с ними, что делать. Было решено послать за предводителями наемников Узой (из савроматов), скифом Карацой и полуварваром Монастрой и приказать им, выходя из лагеря,

¹ Ок. совр. Юскюдара.

² К югу от Адрианополя.

³ К северу от Скутари.

распорядиться зажечь у каждой палатки по пятнадцати и более костров; тогда куманы, увидав такое множество огней, решат, что ромейское войско огромно, и не станут больше на него нападать с такой смелостью. Костры вселили большой страх в души куманов. На рассвете самодержец с войском в полном вооружении выступил на врага; в завязавшемся бою куманы обратили тыл. Тогда самодержец разделил войско, легковооруженные отряды послал вдогонку и сам неудержимо устремился за бегущими. Настигнув их у клисуры Сидиры, он многих убил, а еще больше взял в плен.

Посланные вперед отряды отобрали у куманов всю добычу и вернулись. Самодержец, спасаясь от непогоды, провел ночь на горной вершине над Сидирой, а на рассвете прибыл в Голою. Здесь он остался на сутки, чтобы вознаградить своих мужественных воинов и почтить их дорогими подарками. Осуществив свое намерение, он отпустил их всех домой, исполненных радости, и через двое суток вернулся в императорский дворец <...>

[1105 г.] <...> XII. 8. В то время как крики славящих самодержца внутри и вне стен города, сливаясь в общий гул, наполняли всю округу — как уже говорилось, эта воительница своими лживыми речами и посланиями вводила в заблуждение Контостефана, — прибывает сын, которого она ждала, вместе с сопровождавшими его графами. Он нападает на Контостефана и наголову разбивает его войско. Матросы, неопытные в сухопутных битвах, бросились к морю. Скифы же (а их было немало в ромейском войске) во время боя ринулись, как это принято у варваров, за добычей, и шестеро из них были взяты в плен. Они были отправлены Боэмунду, который, увидев их, сразу же отправился в Рим, взяв с собою скифов как самую ценную добычу. Явившись к апостольскому престолу и беседуя с папой¹, он возбуждал в нем негодование против ромеев и раздувал старую ненависть этих варваров к нашему народу. Стремясь еще более ожесточить италийцев, входивших в окружение папы, Боэмунд показал им пленных скифов в доказательство того, что самодержец Алексей враждебно относится к христианам, выставляет против них невер-

¹ Пасхалий II (1099—1118).

ных варваров, страшных конников — стрелков, поднимающих оружие на христиан и мечущих в них стрелы. При каждом слове Боэмунд указывал папе на этих скифов, одетых в скифские платья и имевших весьма варварский вид, и при этом то и дело, по обычаю латинян, называл их язычниками, издеваясь над их именем и видом. Как можно убедиться, Боэмунд прибег к мерзким средствам, подстрекая к войне с христианами: он воздействовал на ум первосвященника с целью убедить его в том, что имеет благовидные основания для вражды к ромеям; в то же время Боэмунд старался собрать многочисленное ополчение из числа людей грубых и глухих. Ведь какие варвары из близких или дальних краев добровольно не пошли бы воевать с нами, если бы к тому побудил их сам первосвященник и если бы справедливая, как им казалось, причина вооружила на бой каждого коня, каждого мужа и руку каждого воина? Обманутый словами Боэмунда, папа согласился с ним и одобрил переправу в Иллирик <...>

[1108 г.] <...> XIII. 6. Воспрянув духом, кельты вновь двинулись на Кантакузина. Видя, однако, что место, где, как я говорила, Кантакузин разбил свой лагерь, неудобно для них, они остереглись вступать в бой и отложили сражение. Кантакузин же узнал об их приходе и в течение ночи со всем войском переправился на другой берег реки. Солнце еще не выглянуло из-за горизонта, а Кантакузин уже облачился в доспехи, вооружил все войско и занял место перед центром строя; слева от него находились турки, а алан Росмик командовал правым флангом, где стояли его соотечественники. Кантакузин выслал против кельтов скифов с приказом стрельбой из луков отвлекать на себя врагов; скифы должны были то осыпать их градом стрел, то отходить немного назад и вновь нападать на кельтов.

Скифы с готовностью отправились выполнять приказ. Но им ничего не удалось сделать, так как кельты двигались медленно, щит ко щиту и не размыкая строя. Когда оба войска сошлись на расстояние, удобное для боя, кельты с такой огромной силой набросились на противника, что скифы не смогли более стрелять из лука и повернулись спиной к врагам. На помощь скифам ринулись в бой турки; кельты, одна-

ко, даже не обратили на них внимания и с еще большим пылом продолжали битву. Видя, что скифы терпят поражение, Кантакузин приказал командовавшему правым флангом эксуиократору¹ Росмику вместе со своими воинами (это были воинственные аланы) вступить в бой с кельтами. Однако Росмик, напав на кельтов, обратился в бегство, хотя, как лев, страшно рычал на кельтов. Когда же Кантакузин увидел, что и Росмик терпит поражение, он, как бы возбудив стрекалом свою храбрость, нападает на кельтский строй с фронта, разбивает на много частей их войско, обращает кельтов в паническое бегство и преследует их до городка Милос <...>

[1113 г.] <...> XIV. 7. Константинополь наполнился слухами о подвигах императора. И действительно, с какими только бедствиями, посланными судьбой во вред ему и Ромейскому государству, не встретился император! В каких несчастиях не побывал! Но его добродетель, бдительность и энергия были опорой и защитой против всех бед. Ни одному из императоров, от древних до нынешних, не приходилось сталкиваться со столь запутанными делами, с такой испорченностью нравов самых различных людей, с какими, как мы видели, встретился самодержец в своем государстве и за его пределами. Может быть, дела ромеев находились в столь плачевном состоянии по Божьей воле (ведь я не склонна связывать нашу судьбу с движением звезд), может быть, Ромейская держава оказалась в таком тяжком положении из-за безрассудства прежних императоров — во всяком случае, во время правления моего отца происходило множество бедствий и неурядиц. В один и тот же момент ополчились на него скиф с севера, кельт с запада, исмаилит с востока; не говорю уже об опасностях, подстерегавших его на море, о варварах, господствовавших на море, и о бесчисленных пиратских кораблях, построенных гневом сарацин² или воздвигнутых корыстолюбием ветонов и их недоброжелательством к Ромейской державе. Все они с вожделем смотрели на Ромейскую империю. Ведь по своей природе Империя — владычица других народов, поэтому ее рабы враждебны к ней и при первом удобном случае один за

¹ Предводитель аланских войск.

² Арабские пираты.

другим — с моря и с суши — нападают на нее. Прежде, до нашего правления, положение не было столь трудным и тяжелым, но как только на императорскую колесницу взошел мой отец, тотчас отовсюду хлынули потоки бедствий: пришел в движение и показал острие своего копья кельт, натянул тетиву лука исмаилит, на тысячах колесниц ринулись на нас все кочевые и скифские племена (...)

(...) 8. Не прошло и года, как до императора дошел слух о переправе куманов через Истр. Уже в ноябре месяце восьмого индикта, в начале осени, он выступает из царицы городов и, созвав все свое войско, располагает его в Филиппополе, в городах Петрич и Триадица, в феме Ниш и дальше до Браничева на берегу Истра. Алексей приказал проявлять большую заботу о конях, чтобы они стали упитанными и смогли носить на себе седоков в бою. Сам он находился в Филиппополе — это город в центре Фракии.

С той стороны, где дует северный ветер, город омывает Гебр. Эта река стекает с вершины Родоп, делает много поворотов и излучин, протекает мимо Адрианополя, принимает в себя много притоков и около города Эноса впадает в море. Когда я говорю о Филиппе, то имею в виду не македонца, сына Аминты (город возник позже этого Филиппа), а Филиппа-римлянина, мужа огромного роста и неодолимой силы. Этот город существовал и раньше — до Филиппа, и одни называли его Кринидами, другие — Тримунтом. Но этот огромный Филипп расширил пределы города, окружил его стенами, сделал его самым славным из фракийских городов, построил в нем огромный цирк и другие удивительные сооружения — их следы я сама видела, по какому-то поводу находясь в Филиппополе вместе с самодержцем. Город расположен на трех холмах, каждый из которых опоясан большой и высокой стеной. Там же, где город спускается на ровное и гладкое место, его окружает ров, идущий вдоль Гебра.

Как кажется, город был некогда большим и красивым. Но с тех пор, как в давние времена его поработили тавры и скифы, он приобрел такой вид, в каком я застала его во время правления моего отца и, судя по нему, решила, что город действительно был раньше большим. Кроме всего прочего, на

Филиппополь обрушились бедствия из-за множества живших там нечестивцев: этот город поделили между собой армяне, так называемые богомилы — о их ереси и о них самих я расскажу позже в свое время, — и богоненавистнейшие павликиане, ветвь манихеев, происходящие, как об этом свидетельствует само их имя, от Павла и Иоанна; последние заимствовали свое нечестивое учение у Мани и в чистом виде передали его своим последователям¹.

Я хотела коснуться учения манихеев, кратко изложить его и к тому же попытаться опровергнуть наиболее нечестивые из их догм. Зная, однако, что манихейская ересь всем представляется смехотворной, и торопясь продолжить свое повествование, я опущу доводы против нее. Да и вообще, как мне известно, не только наши единоверцы, но даже ненавидящий нас Порфирий во многих главах показал ее полную бессмыслицу; он самым научным образом рассмотрел глупое учение манихеев о двух началах, правда, его собственное «единое начало» приводит читателей к платоновскому «единству» или «одному». Ведь мы почитаем единое начало, но не то, которое заключается в одном лике, и мы не принимаем «одного» Платона, то, которое у эллинов — «невыразимое» и «тайное» у халдеев. От него выводят они и многие другие начала, земные и небесные.

Вот этих последователей Мани и сыновей Каллиники, Павла и Иоанна, людей грубых, жестоких, без колебаний проливающих кровь, победил на войне и захватил в плен славный среди императоров Иоанн Цимисхий; он вывел их из Азии, из областей Халива² и Армениака, во Фракию и заставил поселиться около Филиппополя. Он сделал это, во-первых, чтобы удалить их из хорошо укрепленных городов и крепостей, которыми они распоряжались как неограниченные правители, а во-вторых, чтобы использовать их как надежную стражу против скифских набегов, которым постоянно подвергалась Фракия. Ведь варвары проходили через долины Гема и совершали набеги на равнину, лежащую у его подножья.

¹ Манихей.

² К северо-западу от Армении на черноморском берегу.

Гем — это огромная горная гряда, вытянутая в линию параллельно Родопам, которая начинается у Эвксинского Понта, проходит вблизи водопадов и простирается до самого Иллирика. Эта горная гряда, думается мне, рассекается Адриатическим морем, снова продолжается на противоположном берегу и доходит до самих Геркинийских лесов. Оба ее склона населяют многочисленные и богатые племена: на северном живут даки и фракийцы, на южном — фракийцы и македонцы. Через Гем проходили с давних времен кочевники-скифы, пока копье Алексея и многочисленные битвы совершенно их не уничтожили; всем своим войском они наносили ущерб Ромейской державе и особенно близлежащим городам, главным из которых был знаменитый Филиппополь.

Но Иоанн Цимисхий превратил еретиков-манихеев из врагов в союзников по оружию и, таким образом, выставил надежную защиту против кочевников-скифов. С тех пор города освободились от постоянных набегов <...>

[III5 г.] <...> 8. Как я уже говорила выше, император по упомянутым причинам оказался в Филиппополе и, поскольку куманы еще не подошли, стал заниматься побочным делом с большим усердием, чем главным, отвращая манихеев от их горькой веры и приобщая их к сладостному учению. С утра до середины дня или до вечера, а иногда и до второй или третьей стражи ночи он призывал к себе манихеев, наставлял их в истинной вере и обличал лживость их ереси. Вместе с императором находились проэдр Nikeи Евстратий¹, муж, умудренный в божественных и светских науках, превосходящий в искусстве диалектики стоиков и академиков, и тот, кто занимал епископский престол Филиппополя. Кроме них и больше их помогал самодержцу мой кесарь Никифор, которого Алексей приобщил к чтению священных книг. Многие из манихеев явились тогда без всяких колебаний к священникам, признались в своих заблуждениях и сподобились святого крещения. Но в то же время можно было слышать, как многие манихеи, превосходившие приверженностью к своей вере знаменитых маккавеев, приводили изречения и свидетельства из Священного Писания, считая, что ими они обосновы-

¹ Известный философ и богослов Евстратий Никейский.

вают свое мерзостное учение. Однако в результате постоянных бесед и непрерывных увещаний самодержца и их в большинстве своем тоже убедили принять святое крещение. Ведь прения нередко продолжались с утренней зари до глубокой ночи, Алексей не прекращал беседы и часто оставался без пищи; и все это происходило в летнее время в палатке, стоявшей под открытым небом.

9. Во время этих событий, когда словопрения с манихеями были в разгаре, явился некий человек с берегов Истра и сообщил о переправе куманов. Император с бывшими при нем воинами без всякого промедления отправился к Данувию. Прибыв в Видин и не застав там варваров (узнав о приближении самодержца, они переправились назад), император немедленно отобрал храбрых воинов и приказал им преследовать варваров. Переправившись через Истр, они немедленно двинулись вслед за варварами. Они преследовали их в течение трех суток, но видя, что куманы на кожаных плотках, которые они несли с собой, переправились через реку, протекающую за Данувием, вернулись ни с чем к самодержцу.

Император был огорчен, что его войско не настигло варваров, однако счел частичной победой уже то, что ему удалось отогнать варваров одним звуком своего имени и обратить многих еретиков из манихейской ереси в нашу веру; таким образом, он воздвиг двойной трофей: над варварами — благодаря оружию, над еретиками — благодаря благочестивым речам. И вот он вновь вернулся в Филиппополь и, немного отдохнув, опять обратился к битвам <...>

[1116 г.] <...> XV. 6. Видя, что дело дошло¹ уже до рукопашной схватки, Никифор, опасаясь поражения, повернул коня и поспешил на помощь со своим отрядом. Тогда варвары повернули назад и в панике вместе с султаном Килич-Арсланом устремились на холмы. Много турок было тогда убито в бою и еще больше взято в плен. Все, кому удалось спастись, рассеялись в разные стороны, а сам султан, отчаявшись спастись, бежал в сопровождении только одного своего виночерпия к храму, воздвигнутому на вершине холма, вокруг которого рядами стояли огромные кипарисы. Теснимый тремя преследо-

¹ Описывается компания в М. Азии.

вавшими его скифами и сыном Узы, он поднялся на холм, затем немного отклонился в сторону и спасся благодаря тому, что преследователи не знали его в лицо. Виночерпий же был схвачен скифами и как великий дар доставлен самодержцу. Император ликовал по поводу столь славной победы над врагами; вместе с тем он был огорчен, что султан не попал в его руки, хотя и, как говорится, едва унес ноги.

С наступлением вечера император располагается лагерем, а оставшиеся в живых варвары вновь поднимаются на холмы, зажигают множество костров и всю ночь, как псы, лают на ромеев. Некий скиф убежал из ромейского войска, явился к султану и сказал ему: «Не вступай в бой с самодержцем днем, из этого ничего хорошего не выйдет. Так как равнина невелика, император поставил палатки тесно одна к другой, поэтому пусть легковооруженные стрелки спустятся к подножию холмов и всю ночь осыпают ромейский лагерь градом стрел. Они нанесут немалый ущерб ромейскому войску». Тогда же один полуварвар тайно от турок явился к императору и передал ему, что посоветовал султану перебежчик-скиф, и подробно рассказал о всех планах против ромейского войска {...}

НИКИФОР ВРИЕННИЙ

Видным произведением так называемого «комниновского ренессанса» не случайно считается исторический труд активного участника политической жизни Византии конца XI — начала XII вв. Никифора Вриенния (ок. 1080 — ок. 1138). Выходец из аристократической семьи Вриенниев, игравшей начиная с середины XI в. видную роль в политической жизни Византии, внук (или сын?) мятежного претендента на трон Никифора Вриенния Старшего, муж багрянородной принцессы Анны Комнины, побуждаемый ею и ее матерью Ириной Дукеной к захвату трона после смерти тестя императора Алексея I Комнина в обход наследника Иоанна II, предпочел остаться в стороне от этой авантюры и описал события одного десятилетия (с 1070 по 1079 гг.), назвав свой труд «Историческим материалом». Вриенний не претендует на составление какого бы то ни было монументального историографического опуса; говоря о задаче написать историю правления Алексея Комнина, он подчеркивает: «Я же взялся за это описание из желания лишь положить начало для тех, кто захочет описать его деяния. Поэтому пусть сочинение мое будет только материалом для исторического повествования» (73, 8—11). Его исторические записки были окончены, видимо, уже при Иоанне II Комнине, т. е. после 1118 г.; имеющийся текст был опубликован по единственной известной, но ныне утраченной рукописи.

Характерной для сюжета исторических записок является сосредоточенность автора на военно-политических событиях при практически полном игнорировании, в отличие от Пселла или Анны Комнины, вопросов духовной жизни, истории культуры. Писательскую манеру историка отличает драматизм повествования: исторический процесс представляет своеобразной «драмой» — слово, часто повторяемое Вриеннием. Аристократизму социальной позиции историка не противоречит и отточенный классицизм стиля его изложения, в целом ясного и четкого.

Прямо о Руси Вриенний нигде не упоминает. Но в сообщении о дружинах наемников можно видеть возможное указание на контингент наемного корпуса росов, служивших в Византии со времен князя Владимира.

Изд.: Nicéphore Bryennios. Histoire / Ed. P. Gautier. Bruxelles, 1975.

Пер.: Исторические записки Никифора Вриенния (976—1087). М., 1997.

Лит.: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. I. S. 443—444; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 394—400; Wittek — De Jongh S. Le César Nicéphore Bryennes, l'historien et ses ascendants // Byzantion. 1953. T. 23. P. 463—468; Carile A. Il problema della identificazione del Cesare Niceforo Briennio // Aevum. 1964. V. 38. P. 74—83; *Idem.* Il «Cesare» Niceforo Briennio // Aevum. 1968. V. 42. P. 429—454; *Idem.* La Ὑλη ιστορίας del Cesare Niceforo Briennio // Aevum. 1969. V. 43. P. 56—87, 235—282.

«ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»

1073 г.

II. 3. Итак, живя в Азии, кесарь¹ делал вид, что с увлечением занимается охотой; а василевс Михаил², видя, что дела его государства находятся в стеснительном положении и на Востоке, и на Западе (ибо турки, узнав о том, что случилось с Диогеном, и полагая, что вместе с тем разрушены договоры и условия, заключенные через него с ромеями, жгли и грабили весь восток; а взволновавшиеся скифы³ делали набеги на Фракию и Македонию, так что этими двумя врагами опустошаема была почти вся Азия и Европа), — в таких стеснительных обстоятельствах уполномоченным военачальником в войне с турками назначил Исаака Комнина, которого недавно приблизил к себе через родство и сделал домашником восточных схол. Взяв войска, Исаак⁴ пошел по направлению к Каппадокии.

¹ Кесарь Иоанн, дядя Михаила Дуки.

² Император Михаил VII Дука (1071—1078).

³ Печенег, пришедшие из южнорусских степей.

⁴ Поход Исаака Комнина 1073 г.

III. 1. В предыдущей книге говорилось о том, что случилось на Востоке, после смерти василевса Диогена¹, какие происходили там беспокойства, измены и бунты, и как они тотчас же были подавляемы <...>

<...> Тогда василевс Михаил² был тревожим бесчисленными заботами: скифы³ делали набеги на Фракию и Македонию, славяне вышли из повиновения ромеям и опустошали Болгарию; были разграбляемы также Скупы и Наис; находились в бедственном состоянии Сирмий, земли, лежащие при реке Саве, и города при Истре до самого Виддина. С той же стороны отложились хорваты, и диоклейцы злодействовали во всей Иллирии.

1078 г.

IV. Вот в каком порядке выстроилось оно. Правым крылом командовал брат Вриенния Иоанн куропалат, которого он сделал domestikом схол. Эту фалангу составляли приведенные Маниаком⁴ из Италии франки, значительное число фессалийских всадников и, сверх того, немалочисленный отряд так называемых дружин (наемных)⁵ — всего не менее пяти тысяч человек. Таков был состав правого крыла. Над левым начальствовал тарханиотянин Катакалон, отличавшийся и правилами жизни, и словом, и воинской сообразительностью. Эта фаланга состояла из отрядов македонских и фракийских в числе трех тысяч человек. Центральную же фалангу вел сам Вриенний, и в ней находилось все отборное и главное из фракийцев, македонцев и фессалийской конницы. Вне левого крыла было еще вспомогательное войско скифское, шедшее впереди на расстоянии двух стадий. Вриенний выстроил свое войско так, что вытянул фалангу во всю длину и приказал, чтобы скифы, как только покажется неприятель и зазвучит военная труба, попытались с шумом и криком ударить в его тыл. Это-то и повелел он своим полководцам.

¹ Роман IV Диоген погиб в 1071 г.

² Михаил VII Дука.

³ Печенеги.

⁴ Описание битвы при Каловрии в начале 1078 г.

⁵ Возможно, указание на участие в битве наемных отрядов дружин росов.

ИОАНН КИННАМ

Иоанн Киннам, автор исторического произведения о периоде правления императоров Иоанна II и Мануила I Комнинов (а также небольшого риторического сочинения), родился, вероятно, вскоре после 1143 г. Будучи императорским секретарем в 1165 г., он участвовал в походах Мануила I в Подунавье, а в 1176 г., возможно, был свидетелем жестокого поражения византийской армии от сельджуков при Мириокефале. Повествование, полное заглавие которого в старшем списке звучит как «Краткий обзор деяний блаженной памяти василевса и багрянородного государя Иоанна Киннама и рассказ о свершениях сына его, василевса и багрянородного государя Мануила Комнина», начинается с 1119 г. и обрывается (конец рукописи утрачен) на событиях, непосредственно предшествовавших битве при Мириокефале. Дата смерти историка по косвенным признакам определяется то как после 1185 г., то около 1203 г. «История» Киннама принадлежит к числу наиболее достоверных и авторитетных источников. Его географический кругозор широк — от Западной Европы до Востока, от Подунавья до Египта, а изложение отличается подробностью и строгим рационализмом оценок. Описывая многие из событий, к которым обращался и его младший современник Никита Хониат, Киннам оригинален в своих суждениях; нередко уникальны и его свидетельства о Крестовых походах.

Повествование о развитии венгеро-византийских событий (наиболее, пожалуй, подробные части «Истории») имеет прямое отношение и к истории Руси. Византино-венгерская кампания 1151 г. была начата Мануилом в знак поддержки византийского союзника Владимира Галицкого (115, 19). Известную роль в этих событиях мог сыграть и изгнанный венгерский принц Борис — сын короля Кальмана (Коломана) и русской княжны Евфимии, дочери Владимира Мономаха. В 1166 г. Мануил направляет войско в Венгрию через

«Тавроскифию» (260, 21), т. е. через русские земли. Киннам указывает и на распространение галицких границ в это время до устья Дуная (94, 12). Из сочинения византийского историка с очевидностью определяется византино-галицкий союз в начале 50 гг. XII в. (115, 14—19). Однако уже в середине 60 гг. в связи с пребыванием мятежного севастократора Андроника Комнина (будущего императора) в Галиче приходится говорить об ослаблении официальных византино-галицких связей. Напротив, в результате описанного Киннамом посольства на Русь Мануила Комнина (232, 4), по видимому, установились хорошие отношения между Константинополем и Киевом.

Киннам неоднократно называет и имена русских князей, дифференцируя их титулатуру — архонт (115, 18—19; 323, 5; 235, 11), династ (236, 20), филарх (236, 11) и др. Георгия, т. е. Юрия Долгорукого, он называет первым среди русских «филархов» (236, 23). Киннам сообщает и о пожаловании около 1165 г. одному из русских князей — «тавроскифскому династу Владиславу» (236, 23) — придунайских земель империи, бывших ранее во владении Василька, сына Георгия, что согласуется с рассказом Ипатьевской летописи (под 1162 г.) о бегстве в Византию сыновей Юрия Долгорукого.

В комплексе взаимоотношений Византии и Руси повествуется и об истории кочевников — печенегов и половцев.

Изд.: Ioannis Cinnami epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum, rec. A. Meineke. Bonnæ, 1836.

Изд. и пер.: Бибиков М. В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1997.

Лит.: Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118—1180). Труд Иоана Киннама. СПб., 1859; Neuman C. Griechische Geschichtschreiber und Geschichtsquellen im 12. Jahrhundert. Leipzig, 1888. S. 78—102; Грот К. Я. Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889; Моравчик Г. Byzantinoturcica. Bd. I. Berlin, 1983. S. 324—328; Фрейденберг М. М. Труд Иоанна Киннама как исторический источник // Византийский временник. 1959. Т. 16. С. 29—51; Васильевский В. Г. Из истории Византии в XII в. // Труды. М.; Л., 1930. Т. 4; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur

der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 409—416; *Князький И. О.* Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003.

«ИСТОРИЯ»

Книга 1

(Поход византийского императора Иоанна II Комнина в Малую Азию против сельджуков в 1119—1120 гг. В ходе кампании отвоёван г. Созополь.)

[1121—1122 гг.]¹

¹ Уже давно датировка последнего набега печенегов на Византию вызывала споры. Э. Муральт рассматривал кампанию в рамках 1121—1122 гг. (*Muralt E. Essai de chronologie byzantine.* СПб., 1871), в то время как Г. Герцберг окончание войны относил к 1123 г. (*Hertzberg G. F. Geschichte der Byzantiner.* В., 1883). Датировки печенежско-византийской войны, принятые в изданиях сводов византийских источников по истории народов Болгарии (Извори за българката история. Т. 14: Гръцки извори за българската история. С., 1968. Т. 7. С. 210. Далее: ИБИ) и Югославии (Византијски извори за историју народа Југославије. Београд, 1971. Т. 4. С. 6, пр. 1). — 1122—1123 гг. — побуждают вновь обратить внимание на проблему хронологии войны.

Датировка болгарских ученых П. Тивчева, Г. Цанковой-Петковой и Г. Батаклиева, а также И. Калича в югославском издании, сходная с мнением В. Златарского (а за ним Д. А. Расовского), относившего начало военных действий к осени 1122 г. (*Златарски В.* История на българската държава през средните векове. София, 1934 (репр. 1971). Т. 2. С. 368, прим. 1; ср.: *Расовский Д. А.* Печенеги, торки и беренден на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakovianum.* 1933. Т. 6. С. 18, 19), основывается на понимании указанного Никитой Хониатом «пятого года царствования» Иоанна II Комнина, когда началось вторжение печенегов, как 1122—1123 г. (год начинается с сентября!). Ссылаясь на В. Златарского, эту датировку принимает Б. Радойчиц (*Радойчиц Б.* О хронологии и угорско-византийских борби и устанку Срба за время Јована II Комнина // *Зборник радова Византолошког ин-та.* 1961. Књ. 7. С. 178). Но еще Э. Курц указывал на трудность понимания сведений Никиты Хониата (*Kurz E.* Unedierte Texte aus der Zeit des Kaisers Johannes Komnenes // *Byzantinische Zeitschrift.* 1907. Bd. 16. S. 86). Дело в том, что за первый год правления Иоанна Комнина византийским историком мог быть посчитан период от воцарения нового василевса (15 августа 1118 г.) до начала нового календарного года (1 сентября).

Отправившись оттуда¹, василевс взял крепость Иеракокорифит и многие другие из близлежащих к Атталии, которые были воздвигнуты там. С тем он наконец возвращается в Византий. Ненадолго задержавшись здесь, идет в Македонию²,

С этим связано сомнение Й. Л. ван Дитена, относить ли этот «пятый год» на период 15 августа 1122 — 14 августа 1123 гг. или на 1 сентября 1121 — 31 августа 1122 гг. (Nicet. Chon. Hist. / Rec. J.-L. van Dieten. Berlin; N.-Y., 1975. Bd. 1. P. 13). Таким образом, понимание датировки Никиты Хониата не дает оснований для категорических заключений.

Прямая дата печенежской войны Иоанна II Комнина содержится еще в одном источнике XII в. Это сирийская хроника яковитского патриарха Востока, активного политического и церковного деятеля второй половины XII в. Михаила Сирийского (1126—1199) (см.: *Wright W. A Short History of Syriac Literature*. L., 1894. P. 250; *Baumstark A. Geschichte der Syrischen Literatur mit Ausschluß der christlich-palästinensischen Texte*. Bonn, 1922. S. 298—300; *Duval R. Litterature syriaque*. Paris, 1900. P. 207—208; *Brockelmann C. Die syrische und die christlich-arabische Litteratur*. Leipzig, 1907. S. 58, 59). Он сообщает, что «в том же году» (1433 Сел.) император ромеев воевал с «народом куман» (под которыми, как считается (*Marquart J. Über das Volkstum der Komanen*. Leipzig, 1914. S. 170), здесь подразумеваются печенеги), после чего последние попали под власть Византии. Известны немецкий (*Ibid.* S. 170) и французский переводы хроники (*Chronique de Michel le Syrien / Ed. et trad. par J. V. Chabot*. Paris, 1899—1924. Vol. 1—4, где о печенежской войне см.: P. 600.41—601.13 = vol. 3. P. 206).

Ф. Шаландон использовал эти сведения, интерпретировав дату Михаила Сирийского как 1 сентября 1121 — 1 сентября 1122 гг. (*Chalandon F. Les Comnène*. Vol. 2. Paris, 1912. P. 48, 49). Датировка военных действий против печенегов 1121—1122 гг. на этом основании была принята Ф. Дэльгером (*Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches*. München; Berlin, 1925. Bd. 2. № 1299), Р. Груссе (*Grousset R. L'empire des Steppes*. Paris, 1960. P. 240), Ст. Младеновым и др.

¹ Из Малой Азии.

² Военные действия проходили на пространстве между Дунаем и, несомненно, Балканами; Михаил Италик говорит о битвах у Гема (*Mich. Ital.* 284, 28—33; 285, 1). Ф. Шаландон сомневается в том, что печенеги прошли ущелья Балкан (*Chalandon F. Les Comnène*. Vol. 2. P. 49). В. Златарский, напротив, полагает, что кочевники проникли за Балканский хребет, и решающая битва произошла в окрестностях Веррой (совр. Стара Загора) (*Златарски В. История*. Т. 2. С. 368—369). Действительно, по Киннаму (7, 18), Иоанн II зимует в окрестностях Вер-

рой, откуда весной 1122 г. начинается решающий поход на «скифов». Но мы ничего не знаем о том, что битва произошла *рядом* с этим местом и вообще — на каком расстоянии от него. В таком случае, уже естественнее было бы предположить, что византийский лагерь у печенегов отделил горный хребет: вряд ли было целесообразно устраивать зимние квартиры на глазах у находящихся рядом врагов. Во всяком случае, ни в одном источнике не указано, что «скифы» проникли за Гем.

Представить себе место перехода кочевниками Дуная можно лишь гипотетически: в источниках об этом прямо ничего не говорится. Известно о неоднократных переправах печенегов и узов через Дунай в нижнем его течении, против Добруджи (*Diaconu P. Les Petchenègues au Vas-Danube. Bucarest, 1970. P. 79*). В районе Дристры, Вичины жили скорее печенеги (*Любарский Я. Н. Византийско-печенежская война. С. 5*), чем русские (*Васильевский В. Г. Византия и печенеги // Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908. Т. 1. С. 131—132; Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884. С. 206—208*), румыны (*Jorga N. La premiere cristalisation d'état Roumain // Bulletin de la section historique de l'Académie Roumaine. Bucureşti, 1920. T. 1*) или узы (*Златарски В. Какъкъ народ се разбира у Анна Комнина под изреча генос ти скификон // Известия на исторического дружество в София, 1932. Т. 11/12*), благодаря которым осуществлялась переправа печенегов в ромейские земли во время войны 1086—1091 гг. (*Любарский Я. Н. Византийско-печенежская война 1086—1091 гг. на территории Балкан // Славянские исследования. Л., 1966. С. 3*); по В. Г. Васильевскому (Византия и печенеги. С. 131—132), это — узы. Интересно сопоставить это с данными топонимики. Исследование куманских топонимов показало, что подавляющая их часть на левобережье Дуная приходится на территорию Олтении и около нее (*Conea I., Donat I. Contribution à l'étude de la toponymie petchenègue-coman de la Plaine Roumaine du Vas-Danube // Contributions onomastiques. Bucarest, 1958. P. 154—155*). Восточнее же этого района, за исключением междуречья Борчи и Дуная, их меньше. Но когда имеются в виду районы кочевий как куман, так и печенегов, то трудно дифференцировать эти топонимы, и обычно говорят о печенежско-половецкой топонимике (*Jordan I. Sprachgeographisches aus dem Gebiete der rumanischen Toponomastik // Ibidem. P. 22—26*). Если считаться с мнением о вытеснении печенегов и узов в XII в. половцами, то скорее придется локализовать переход кочевников в 1121 г. восточнее Олтении, что могло бы соответствовать их пути от Киева (ср.: *Diaconu P. Despre situatia politica la Dunarea dejos în secolul XII-la // Studi si cercetari de Istorie Veche și Arheologie. 1977. Vol. 27. P. 293—307; Кудряшов К. В. О местоположении половецких вождей в северном Причерноморье в XII в. // Труды Ин-та этнографии. Нов. сер. 1947. Т. 1. С. 109*).

так как скифы¹,

¹ Кочевники, нахлынувшие при Иоанне II Комнине на Византию, практически единогласно до сих пор считались печенегами. Однако в свое время П. В. Голубовский считал участников этой «Верройской войны» 1122 г. половцами (*Голубовский П. В. Половцы в Венгрии // Унив. изв. Киев, 1889. № 12. С. 54*). Так же считали И. Ферент (*Ferent I. Cumani și episcopia loc. Blaj, 1931. P. 36—37*) и М. М. Фрейденберг (*Фрейденберг М. М. Труд Иоанна Киннама как исторический источник // Византийский временник. 1959. Т. 16. С. 31*). Рассказ Роберта де Клари о религии куман (*Clari R. de. La conquête de Constantinople. Paris, 1924. P. 105*), что близко к сведениям о печенегах Михаила Италика (*Mich. Ital. 83, 1—9*), этноним «куманы», употребляемый в повествовании о «печенежской» войне у Михаила Сирийского (*Michel le Syrien. Vol. 3. P. 206*), как будто тоже говорят об этом. П. Диакону ограничивает историю активных наступательных действий печенегов началом 90-х годов XI в., считая их поражение у Левуниона 29 апреля 1091 г. с последующим расселением в Трансильвании и Паннонии и других местах (*Диакону П. К вопросу о глиняных котлах на территории РНР // Dacia, n.s. 1964. Т. VIII. P. 260*) датой прекращения активности печенегов в качестве политического фактора (*Diaconu P. Les Pétchenègues au Bas-Danube. P. 133—134*). Д. А. Расовский, хотя и отмечал печенежско-византийскую войну при Иоанне II, считал, что в середине — конце XI в. половцы вытесняют других кочевников не только в южнорусских степях, но и в Подунавье (*Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Seminarium Kondakovianum. Prague, 1933. Т. 6. P. 9, 18*). В. Златарский, отмечая, что поражение печенегов в 1091 г. не прекратило их набегов и большая часть их все же осталась в черноморских степях, считал, что самостоятельной политической силы эти печенеги не представляли, попав под власть торков, затем куман (*Златарски В. История. Т. 2. С. 366—367*). Тем самым представление о сильном натиске печенежских племен в первой четверти XII в., каким он рисуется по византийским источникам, не может не вызвать скепсиса. Отметим, наконец, что, по произвольному мнению Н. Бэнеску, «скифы» в Подунавье византийских историков (он рассматривает этот вопрос тоже в рамках XI в.) — это румыны, потомки римских колонистов из областей как слева, так и справа по Дунаю (*Banescu N. Ein Ethnographisches Problem am Unterlauf der Donau // Byzantion. 1931. Т. 6. P. 307*). Следует указать на точку зрения Д. Моравчика, считающего, что содержание этнонима «скифы», которым обозначаются кочевники — противники Иоанна II, сложно, и этот термин может обозначать печенегов, узов или куман (*Moravcsik Gy.*

Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 281). Хотя в другом месте (Bd. 1. S. 327) он называет «скифов» 1121 г. печенегами.

В. Г. Васильевский прямо писал о тесной близости печенегов, узов, половцев, татар и других кочевников между собой в рассматриваемое время, обусловленной прежде всего общностью языка, и анализировал все действия одних в плане единой политики других тюркских племен (*Васильевский В. Г. Византия и печенеги // Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908. Т. I. С. 8*). Следует отметить, однако, что тот конкретный материал, который приводится в работе, свидетельствует о постоянной разобщенности действий и вражде отдельных этнических групп кочевников. Напротив, Д. А. Расовский говорил о непримиримой вражде между половцами, с одной стороны, и «черными клобуками» (включавшими в себя печенегов и торков-узов) — с другой (*Расовский Д. А. О роли Черных клобуков в истории Древней Руси // Seminarium Kondakovianum. Prague, 1927. Т. 1. Р. 94*), и под этим углом зрения (по принципу обратной зависимости: сближение с половцами — вражда с печенегами и торками, и наоборот) рассматривал отношения Руси с кочевниками (*Расовский Д. Русь, черные клобуки и половцы в XII в. // Сб. в память на проф. П. Недков. София, 1940. С. 369*). Об отношениях конфронтации (даже при осуществлении нередко совместных замыслов) или, по крайней мере, разъединенности между печенегами и куманами свидетельствуют данные работ Я. Н. Любарского и В. А. Арутюновой (*Любарский Я. Н. Византийско-печенежская война. С. 7; Арутюнова В. А. К вопросу о взаимоотношениях Византии с печенегами и половцами во время Норманнской кампании // Византийский временник. 1972. Т. 33. С. 119*).

Действительно, сложность вопроса заключается в многозначном содержании этникона «скифы», которым в большинстве византийских источников обозначаются вторгшиеся в Византию из-за Дуная в конце 1121 г. кочевники: «скифами» в это время византийские авторы называют самые разные этнические группы, причем не только кочевников. Так, Михаил Италик, ссылаясь на Арриана, говорит о «скифском» происхождении «парфян» (Mich. Ital. 100, 15—18), а Иоанн Киннам «скифами» называет «лехов» (84, 10—13). Никифор Вассилаки к «скифскому» племени причислял ассирийцев (*Regel W. Fontes. Т. 1 Fasc. 2. Р. 349.2*).

Считать противников Иоанна II прежде всего печенегами позволяют следующие обстоятельства. Во-первых, Никита Хониат, завершая рассказ о разбираемой здесь «скифской» войне, говорит, что в знак победы был учрежден праздник «печенегов» (16, 12—14), конкретизируя тем самым значение обобщенного этнонима. Характерно в этой связи, что так называемая народноязычная греческая парафраза сочинения

Никиты Хониата, известная в рукописях XIV—XVI вв. (Codd. Monac. gr. 450, Paris, gr. 3041, Vindob. Suppl. 166: текст опубликован в аппарате Боннского издания), исправляет чтение «скифы» на «куманы» во *всех* случаях (так что получаются даже невиданные «таврокуманы» как исправленное «тавроскифы»: Nicet. Chon. Vonn. 452, 19—20), *кроме* нашего, не отождествляя, таким образом, этих «скифов»-печенегов с куманами.

Во-вторых, Никита Хониат, рассказывая о подготовке ромеев к новым сражениям с кочевниками, вспоминает о предыдущей войне Алексея I Комнина с *этими* противниками, имея в виду византийско-печенежскую войну 1086—1091 гг. (Nicet. Chon. 14, 44—47. О дате см.: Любарский Я. Н. Византийско-печенежская война. С. 3 и след.).

Наконец, в нескольких источниках говорится об окончательном истреблении вторгшихся племен «скифов» в этой войне (Theodoros Prodromos Historische Gedichte. Wien, 1974. V. 25 (214—215); 336—337: XXV. 36—37; 517: LXXI.19), а Никита Хониат — об окончании войны и установлении праздника в знак победы (Nicet. Chon. 16, 12—14). Вряд ли такой финал повествования о полном разгроме «скифов» соответствует отношению автора к роли «скифов»-куман, которым он посвятит еще много места в сочинении и рассказ о которых завершит его исторический труд.

Оснований считать «скифов» 1121—1122 гг. куманами слишком мало. Но только ли печенегами могли быть перешедшие тогда Дунай кочевники? Ведь в XII в. известны, например, печенежско-торческие объединения и союзы в противоположность половецким (Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. С. 153 и др.; ср.: Расовский Д. А. О роли Черных клобуков. Т. 1. С. 93 и след.).

В рассматриваемых византийских источниках подчеркивается множественность, пестрота состава кочевых сил, напавших на Византию в 1121 г. Феодор Продром говорит о «бесчисленных племенах скифов» (*Hörandner W. Theodoros Prodromos. S. 517: LXXI, 19*); он же и Киннам сообщают о вторжении «скифских племен» и победах над ними (*Ibid. P. 186—187: 11, 51; Cinn. 9, 1*). Но столь же часто и употребление единственного числа в рассказе о «скифских» кочевниках у византийских авторов XII в. По Продрому, это кочевое племя «тысячезыкое» (Theodoros Prodromos. S. 238: VIII, 161). Пестрота состава, «многоязычность» — общее представление о варварах-язычниках (ср.: *Ibid. S. 269: XIV, 11—20*). Отметим и игру слов в характеристике «скифов» у Никиты Хониата: они, по его словам, «ἀκρίδων ἄκριβέστερον» (Nicet. Chon. 13, 42). А чуть ниже он повествует, как разделенные на многочисленные «филы» кочевники расположились «διὰκρίδων» (Nicet. Chon. 14, 51). Так писатель в этих заметках делает упор на различие, множественность, разрознен-

ность отдельных групп врагов Иоанна II и, благодаря аллитерации и игре слов, создает образ кочевого множества, но не монолитного (кочевникам как раз противопоставляется «собранное» василевсом (Nicet. Chop. 14, 42) ромейское войско), а разъединенного, состоящего из отдельных единиц.

У Феодора Продрома (Theodoros Prodromos. S. 336—337: XXV, 35—37), как показано выше, кочевники, воевавшие с Иоанном II, названы «скифами» и «гетами». При этом тоже отмечается их «много-семянность» (это же выражение — *Lampros Sp.* Ὁ Μαρκιανὸς κώδιξ... P. 1461. № 222, 14—26). Случайно ли здесь упоминание «гетов»-кочевников в рассказе о «печенежской», как почти всегда считается, войне или нет?

Этноним «геты» в византийских источниках XI—XII вв. редок. По Моравчику, Михаил Пселл (*Michel Psellos. Chronographie ou l'histoire d'un siècle de Byzance (976—1077) / Texte établi et trad. par E. Renauld. Paris, 1928. Vol. 2. P. 125.9*), а за ним и Анна Комнина (*Anne Comnène. Alexiade: Regne de l'empereur Alexis Ier Comnène (1081—1118) / Texte éd. et trad. par V. Leib. Paris, 1943. T. 2. P. 127.27*) обозначают им узов (*Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 111*). В силу традиции, однако не без сомнения, венгерским ученым «геты» Феодора Продрома отнесены к венграм. Но, как было показано выше, есть основания считать «гетов» (как прозаической монодии Феодора Продрома на смерть севастократора Андроника Комнина, так и стихотворной эпитафии от имени Иоанна II) «скифскими» кочевниками — противниками Византии в 1121—1122 гг., а не венграми. Не предположить ли, что «геты» Продрома в стихотворном произведении, упомянутые отдельно от «скифов», но как участники одной и той же кампании, это узы, тем более что последний этноним в византийских памятниках XII в. встречается лишь однажды? (Ioannis Tzetzae *Historiae / Rec. P. A. Leone. Napoli, 1968. P. 332: Chil. VIII, 773; Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 111*). Еще узы упоминаются в компиляции XII в. Михаила Глики (*Michaelis Glycae Annales / Rec. I. Bekker. Bonnæ, 1836. S. 605.4*).

Это предположение окажется реальным, если обратить внимание на сообщение Ипатьевской летописи под 1121 г. о том, что «В лето 6629 г. прогна Володимер Берендичи из Руси, а торци и печенези сами бежаша» (ПСРА. Т. 2. Стлб. 286). Еще Д. А. Расовский поставил в связь с этим бегством торков и печенегов из Руси печенежско-византийскую войну Иоанна II Комнина (*Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи. С. 19, прим. 90*), отметив при этом, что «осколки печенегов, вынужденные бежать от Владимира, вряд ли могли тогда свободно кочевать на левой стороне Дуная, где в это время уже владычествовали половцы». С этим согласился и В. Златарский, считавший, что если бы печене-

ги не перешли через Дунай, а остались бы на левой его стороне, они вынуждены были бы признать над собой власть куман (*Златарски В.* История. Т. 2. С. 368). Оба исследователя говорят только о печенегах. Но ведь в Ипатьевской летописи говорится и о торках.

В свое время И. Самчевский считал, что торков византийские хроники вообще не упоминают, «вероятно потому, что греки не имели с ними никакого соприкосновения» (*Самчевский И.* Торки, берендеи и черные клобуки // Архив ист.-юрид. сведений, относящихся к России / Под ред. Калачева. М., 1855. Т. 2. Ч. 1. Отд. 111. С. 83). Однако были и попытки отождествить торков русских летописей с другими известными по различным источникам народами. Многие историки (см., напр.: *Сум П. Ф.* Историческое рассуждение об узгах или половцах / Пер. с дат. // ЧОИДР. 1848. № 8. С. 13 и след.; *Vessler A.* Geschichte von Ungarn. Leipzig, 1867. Bd. 1. S. 48; *Хвольсон Д. А.* Известия о Хазарах, Бургасах, Болгарах, Мадырах, Славянах и Руссах Ибн-Дафта. СПб., 1869. С. 46; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1879. Т. 2. С. 16) представляли их себе как куманов (см.: *Голубовский П.* Об узгах и торках // ЖМНП. 1884. Июль. С. 6—7). В более позднее время так же считал и Ст. Младенов (*Младенов Ст.* Печенеги и узи-кумани в Българската история // Българска Историческа Библиотека, год IV. 1931. Т. 1. С. 125 и след.). В конце концов в науку вошло представление о тождестве «торков» и узгов (*Grousset R.* L'empire des Steppes. Paris, 1960. P. 214; *Расовский Д. А.* Печенеги, торки и берендеи. С. 3, прим. 11; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. III; *Kossanyi B.* Az uzok és Komanok történéthéhez a XI—XII sz. // Szazadok, 1924), или гузов (огузов), называемых так восточными автоторами (*Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990. С. 22).

Действительно, мы имеем дело с фактически последним крупным передвижением печенежских (в союзе с узгами) племен. Византийские авторы говорят об их переходе «всем войском», или «всеми силами» (Cinn. 7, 16—17; Mich. Ital. III: p. 83, 9—11). Такое движение могло в то время быть вызвано, в частности, и давлением Руси, если к тому же учесть половецкую опасность для печенегов и узгов, вытеснявшихся из причерноморских степей. В свое время В. В. Григорьев указал на принцип экспатриации и переселения кочевников, при котором их вторжения в другие области происходили вследствие толчков, которые вторгшиеся получали сами от других соседних и более сильных кочевников (*Григорьев В. В.* Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // ЖМНП. 1875. Март. С. 11). С. А. Плетнева же уход печенегов из степей в подавляющем большинстве в Византию и Венгрию (датируется серединой XI в.) связывает с ослаблением кочевников вследствие давления на них Руси и внутренней междоусобицы (*Плетнева С. А.* Печенеги, торки

и половцы в южнорусских степях // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1958. № 62. С. 225). В конечном счете не подтвердилось мнение о том, что причиной миграции печенегов на нижний Днепр были внутрирусские события — смуты и усобицы (*Пархоменко В.* Русь и печенеги // *Slavia*. Prague, 1929—1930. Т. 8. С. 138), когда кочевники стали чуть ли не государствообразующей силой для Руси (*Пархоменко В. А.* У истоков русской государственности. Л., 1924. С. 69—71 и др.; *Он же.* Русь и печенеги. С. 141; *Он же.* Следы половецкого эпоса в летописях // *Проблемы источниковедения*. М.; Л., 1940. Сб. 3. С. 391), защитниками государственности полянской Руси (в XI в.) (см.: *Мавродина Р. М.* Проблемы взаимоотношений Киевской Руси и кочевников в советской исторической науке 20—30-х годов // *Историогр.* сб. Саратов, 1973. Вып. 1 (4). С. 131). Еще Д. А. Расовский показал, как опасность для Киевской Руси в конце X — начале XI вв. от печенегов, теснимых с востока торками, сменяется активным наступлением Руси, что побуждает кочевников уже со второй трети XI в. переходить Дунай, нападать на Византию (*Расовский Д. А.* Печенеги, торки и берендеи. С. 7). С исходом борьбы Ярослава с печенегами в 1036 г. (ПВЛ. 1. С. 102. 1036 г.) связываются и трехкратные нападения последних в том же году на Византию (ср.: *Грушевский М. С.* *Історія України-Русі*. Львів, 1905. Т. 1—2. С. 25, прим. 1). Первой половиной XII в. датируется окончательное превращение печенегов южнорусских степей из самостоятельного кочевого народа в конфедератов галицких и даже черниговских князей (*Паушто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 109). Часть же печенегов и торков, оставшись в степях (*Gombocz Z.* Über den Volksnamen «Besenyö» // *Turan*, 1918. № 3. S. 213), видимо, поглощалась другими волнами кочевников (*Marquart J.* Über das Volkstum der Komänen. S. 157; *Плетнева С. А.* Половцы. С. 24, 25).

Итак, сопоставление известий византийских источников о войне 1121—1122 гг. с сообщением Ипатьевской летописи под 1121 г. дает возможность гипотетически представить себе возможную причину последнего набега печенегов вместе с узми на Византию.

О численности вторгшихся печенегов и узов мы ничего не можем сказать определенного: об их вторжении лишь говорится традиционными формулами «всем войском», «всеми силами» (Cinn. 7, 16—17; Mich. Ital. III: 83, 9—11) и т. п. Обычно в византийских источниках XI — начала XII вв. число совершающих набеги кочевников исчисляется «мирадами» и даже сотнями тысяч (*Васильевский В. Г.* Византия и печенеги // *Васильевский В. Г.* Труды. Т. 1. С. 10—14, 48 и след.; *Расовский Д. А.* Печенеги, торки и берендеи. С. 8, 9). Никита Хониат, рассказывая об исходе решающей битвы рассматриваемой войны, пишет о тысячах павших врагов (Nicet. Chon. 16, 3—4). Количество

перейдя всем войском Истр, вторглись в пределы ромеев¹. Однако тогда, с наступлением зимы, он перезимовал где-то у города Верои, как для подготовки военного снаряжения, так

кочевников во вспомогательных отрядах русских князей, венгерских правителей и византийских императоров тоже исчислялось от нескольких тысяч до многих десятков тысяч (*Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // *Живая старина.* 1896. Вып. 3/4. С. 227 и след.; *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги. С. 11). Но еще *Д. Иловайский* справедливо скептически относился к таким выкладкам (*Иловайский Д.* Заметки о русском исследовании из византийской истории // *Рус. архив.* 1873. Т. 1. С. 427—428). Существует мнение о передвижении кочевников именно небольшими группами (*Хазанов А. М.* О периодизации истории кочевников евразийских степей // *Проблемы этнографии Востока.* М., 1973. С. 7). В любом случае о цифровых показателях печенежской войны Иоанна II остается только гадать, но данных для представления о многочисленности печенежского войска нет.

Итак: 1) понимание под «скифами» — противниками Иоанна II — половцев, а не печенегов малообоснованно; 2) в «гетах» Феодора Продрома можно видеть не венгров, а кочевников, и в более узком смысле, может быть, узов (торков); 3) причиной последнего вторжения печенегов вместе с узами, вероятно, явились действия князя Владимира, прогнавшего берендеев из Руси, после чего торки и печенеги вынуждены были двинуться оттуда сами. Подробнее об этнониме «печенеги», о сведениях византийских и других источников о печенегах, месте печенегов в истории средневековой Европы см.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 278 и след.

¹ Дунай исторически воспринимался как граница Византии на севере.

и — в большей степени — потому, что хотел сблизиться с кем-нибудь из их филархов¹, чтобы, отделив их таким образом одних от других, без труда разбить². А весной, убедив уже через

¹ Племенные вожди (ИБИ. Т. 14. С. 210: «племенни вождове»; ср.: *Dölger F. Regesten der Kaiser-Urkunden. Bd. 2. № 1299: «verschiedene Petschenegenhauptlinge»*. Дословно — «родоначальник», «глава племени» (ср.: значение у Кекавмена: *Литаврин Г. Г. Советы и рассказы Кекавмена. М., 1973. С. 302.13*). Уже в античной и ранневизантийской литературе термин обозначал правителей варварских государств (Procopius. *Opera omnia, I. Bella I—IV / Ed. G. Wirth. Lipsiae, 1963. P. 90.9; Sozomen. VI. С. 38*; см. также: Феофан, *Житие патриарха Евфимия («Псамафийская хроника»)* и др.). Территория подобных государственных образований, подвластная филархам, называлась в византийских текстах филархией (*Vita Euthym., n. 19; Const. Manass. in Justin.*). Никита Хониат сообщает, что печенеги здесь расположились «по филам» (*Nicot. Chron. Hist. 14.51*).

² Киннамом описаны традиционные методы византийской дипломатии (см.: *Obolensky D., Moravcsik Gy. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XIIIe Congrès International des Études byzantines. Oxford, 1966. Main Papers*). Подкуп был традиционным методом византийской дипломатии и, как бы ни оценивать его: как стыдливую замену «дани» более мягким «подарки» (*Григорьев В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // ЖМНП. 1875. Март. С. 16—17*) (что в данном случае маловероятно) или как средство охраны границ (*Шангин М. Византийские мероприятия по охране границ // Историк-марксист. 1941. № 4. С. 91*), он был очень действенной мерой, когда дело касалось кочевников, особенно разноплеменных (*Васильевский В. Г. Византия и печенеги. С. 28, 98 и след.*). Подобные средства успешно применялись византийской дипломатией по отношению, например, к узам, торкам (см.: *Васильевский В. Г. Труды. Т. 1. С. 28*): в сентябре 1064 г. в результате византийского посольства «лучшие люди в среде узов поддались действию византийского золота и, склоняясь на убеждения придунайских правителей, ушли обратно за Дунай, покинув своих на произвол судьбы» (*Michael Attaliothae Historia P. 83 sq.; Cedren. P. 654 sq.*). Таким же образом византийцы поступили и с половцами в 1091 г. (*Васильевский В. Г. Византия и печенеги. С. 98 и след.*): перед битвой с печенегами у Левуниона показалось 40-тысячное половецкое войско. Византийский император Алексей I Комнин с помощью переговоров, подарков, совместных пиров и т. п. привлек эти силы на свою сторону, заставив воевать против печенегов, потерпевших сокрушительное поражение. В рассказе о рассматриваемой войне 1121—1122 гг. Никита Хониат сообщает, что печенежские вожди, которых Иоанн решил склонить на свою сторону,

посольства многих из них перейти на свою сторону, [Иоанн] идет на остальных, желая решить дело войной.

Когда войска вступили друг с другом в битву, до какого-то момента шел равный бой¹; и тут стрелой ранили в ногу самого

были «ослеплены» подарками, предложенными им византийскими послами (Nicet. Chon. Hist. 14.56).

Киннам в попытке Иоанна Комнина внести раскол внутри печенежских сил видит главную причину остановки на зимние квартиры, а Никита Хониат называет эти действия Иоанна «стратегическим приемом» (14, 48). Он же сообщает, что «скифы»-печенеги расположились отдельно по своим племенам — «филам», командование в каждой из которых осуществлялось самостоятельно (14, 51—52). Успех византийских переговоров также, видимо, обеспечило и то, что послы были, по Никите Хониату, «единоязычны со скифами» (14, 49).

По Хониату, «скифские» вожди были отвлечены и ослеплены шелковыми тканями, серебряными чашами, сосудами и т. п. Воспользовавшись их оцепенением, Иоанн решил, улучив момент, неожиданно на них напасть (14, 56). Намек на эти события можно видеть у византийского ритора XII в. Михаила Италика в речи к императору Мануилу I Комнину, где при упоминании печенежской войны Иоанна говорится об «удачном обмане» (*Gautier P. Michel Italikos: Lettres et discours. Paris, 1972. P. 284.33*). По мнению П. Готье (С. 285, прим. 33), под этой хитростью подразумеваются события, известные еще только по сочинению Михаила Сирийского: как некогда Алексей I, арестовавший печенежских послов, Иоанн II приказал схватить всех варваров, имевших свободу пребывания на греческой территории, после чего предпринял штурм печенежского лагеря (*Michel le Syrien. Chronique / Ed. J. Chabot. Vol. 3. P. 209*). Однако не исключено, что Михаил Италик имеет в виду, скорее всего, факты, известные по «Истории» Никиты Хониата.

¹ Никита Хониат и Михаил Италик позволяют дополнить лаконичное повествование Киннама о ходе боевых действий. Первое столкновение ромеев с кочевниками было, как явствует, неудачным для первых. Сначала какое-то время чаша успеха колебалась то в одну, то в другую сторону (Cinn. 8, 1—3). Затем, видимо, последовало смятение в византийском войске (Mich. Ital. XIV: p. 284, 29): ромеи устремились вперед, отступили, были отброшены и, хотя бросались и дважды, и трижды на врагов, были отбиты. И вот уже разорван строй, распался ряд. Сильный ужас вселился в стратиотов, отвага — в варваров. И уже склонил стяг знаменосец... (Mich. Ital. III: 83, 14—18). Схватка получилась страшная, самая грозная из тех, что когда-либо были, по словам Никиты Хониата (Nicet. Chon. 14, 63—64). Преимущество печенегам

василевса¹. Но ромеи бьются отважно, и скифы терпят жестокое поражение: одни из них погибли, другие были взяты в плен. Однако знатная их часть, вернувшись в лагерь, сочла недостойным броситься в бегство, но предпочла вместе со своими женами и детьми испытать опасность, сражаясь из-за повозок², которые они покрыли воловьими шкурами и

перед ромеями давали стремительные конные атаки, обстрелы из луков, действие оглушительного крика, сопровождавшего их налеты (Nicet. Chon. 14.64—68). Михаил Италик (Mich. Ital. P. 283, 8—10) сообщает о построении «скифской» (и «фракийской») кавалерии в форме полуромба (ср.: *Dam A. Histoire du texte d'Elie le Tacticien*. Paris, 1946. P. 50—51). В этой стычке участвовал и Иоанн II Комнин. Если Хониат просто говорит о его помощи той или иной части войска (Nicet. Chon. 14, 68—15, 70), то Киннам (Cinn. 8, 2—3) и Михаил Италик (Mich. Ital. XLIV: 285, 1—2) сообщают о ранении василевса стрелой в ногу в этом бою.

Следующим этапом войны было, видимо, наступление византийского войска (Cinn. 8, 3—5). Но натиск ромеев натолкнулся на крепкую оборону противника. Киннам и Никита Хониат подробно рассказывают о военной хитрости печенегов, огородившихся повозками и создавших тем самым подобие крепости, сквозь «стены» которой невозможно было пробиться нападавшим, но из-за которой легко было поражать противника (Cinn. 8, 6—12; Nicet. Chon. 15, 73—82; ср. *Michel le Syrien*. Vol. 3. P. 206). Такой вид защиты (ср.: *Голубовский П. В.* С какого времени можно проследить на юге Руси способ защиты табором // Труды XI Археол. съезда. М., 1902. Т. 2) позволил печенегам удачно отбивать атаки войска Иоанна II. Требовалось какое-то решительное действие, чтобы сломить эту оборону.

¹ Об участии самого Иоанна II Комнина в бою сообщают также Никита Хониат и Михаил Италик. Но если Хониат просто говорит о его помощи той или иной части войска, то Михаил Италик упоминает о ранении василевса (Mich. Ital. XLIV: P. 285, 1—2). Намек на это содержится и в сочинении Никифора Василага: *Nicephorus Basilaca. Orationes et epistolae* / Ed. A. Garzya. Leipzig, 1984. P. 89.8.

² Карпов избегает трудности точного перевода фразы, оставляя неопределенное высказывание «воспользовавшись своими телегами». Ж. Розенблюм (*Rosenblum J. Jean Kinnamos*. P. 20) понимает это место так, что печенеги взгромодили свои телеги перед собой (видимо для защиты); напротив, Ч. Бранд (*Brand Ch. Deeds*. P. 16) считает, что печенеги решили сражаться перед созданными ими «стенами» таборакрепости. В нашем переводе оставляем неоднозначность текста оригинала.

накрепко соединили вместе, а за ними поместили жен и детей¹. И снова завязывается страшный бой, и смерть ходит здесь и там. Превратив свои повозки в оборонительную стену, скифы привели ромеев в великое замешательство. Увидев такое, василевс решил сам сойти с коня и пешим вместе со стратиотами вступить в битву². Поскольку ромей не одобрили

¹ Об ограждении печенегами своего лагеря повозками, создавшими тем самым подобие крепости, сквозь «стены» которой невозможно было пробиться нападавшим, но из-за которой легко было поражать противника, сообщает и Никита Хониат (15, 73—82; ср.: *Michel le Syrien*. Vol. 3. P. 206).

Использование печенегами повозок в сражениях было их, видимо, хорошо известным византийцам тактическим приемом. Показателен рассказ Анны Комнины о рассуждениях византийских полководцев Георгия Палеолога и Григория Маврокатакалона, решавших, следует ли вступать в стычку с печенегами. «Скифы, — говорили они, — увидят, что мы при оружии и движемся в таком порядке, и не отважатся вступить с нами в битву. Если же всадники осмелятся на бой без повозок, то, как вы хорошо знаете, они потерпят поражение (...)» (*Анна Комнина*. Алексиада / Пер. Я. Н. Любарского. С. 208; см.: *Anne Comnène*. *Aléxiade*. 11.95.26—96.2).

См. также: *Голубовский П. В.* С какого времени...; о военном искусстве печенегов: *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы. С. 196—200.

² В изложении решающего момента битвы анализируемые нами авторы расходятся. Четок рационалистический рассказ Киннама (8.12—18). Василевс, видя, что атаки печенежского укрепления безуспешны, решает штурмовать его не на конях, а спешившись (то же сообщает и Михаил Сирийский: Vol. 3. P. 206). При этом он приказывает «британским» секироносцам рубить телеги противников. Это приносит успех: «скифский» лагерь захвачен.

Хониат отмечает другое (15.83—93). В битве василевс не только оказался хорошим и умелым воином, но и проявил невиданное благочестие: когда ромейские фаланги изнемогали под натиском врагов, он, взяв икону Богородицы и с плачем взирая на нее, в унижении проливал слезы, более горячие, чем пот сражавшихся. И не бесплодно, по словам повествователя, было действие это: тотчас же василевс облекся силою свыше и прогнал скифские войска, как некогда Моисей, простерши руку, отвратил полчища амаликитян. Таково объяснение писателя, создающего скорее исторический роман, а не хронику, любящего интересные и увлекательные сюжеты, чуткого стилиста и захватывающего рассказчика. Затем так же, как и Киннам, Хониат рассказывает о заня-

этого, он приказал своим секироносцам¹ (народ этот — тии печенежского лагеря, не говоря, правда, об этнической принадлежности воинов вспомогательного отряда василевса (15.94—16.10).

Михаил Италик решающую роль в битве с печенегами отдает севастократору Андронику Комнину. Это естественно: данное место — центр всего повествования о войне в монодии византийского риторика. Андроник явился, по его словам, главным источником победы: он связал и собрал расстроенное ромейское войско, обрушился на варварский строй; словно вихрь, налетел на них и, врываясь как роковая буря, рассеивал врагов (Mich. Ital. III: 83.18—24). Вслед за этим описанием ритор помещает в монодии похвалу покойному, характеризует его как «сердце ромейского войска» (Mich. Ital. III: 84.4—19). Описание отваги севастократора, когда он, будучи юношей в войне с мусульманами в 1116 г. (тогда ему было 25 лет. Он родился 18 сентября 1091 г.; см.: *Každan A. Die Liste der Kinder des Kaiser Alexios I. in einer Moskauer Handschrift (GIM 53/147) // Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben / Festschrift F. Altheim. Berlin, 1970. Bd. 2. P. 234*) один (!) победно завершил всю войну (Mich. Ital. III: 84.26—85.2), — главная тема произведения. Интересно при этом заметить, что ни Киннам, ни Никита Хониат ничего не сообщают даже об участии севастократора в этой войне.

А Никифор Васибеки повествует о мужестве Иоанна Аксуха — героя панегирика — в решительный момент. Итак, по четкому и краткому сообщению Киннама, решительное вмешательство пеших «британских» секироносцев, разрушивших укрепление, позволило византийцам одержать верх; по более беллетристичному рассказу Никиты Хониата, этому способствовало чудесное действие иконы Богородицы; Михаил Италик считает, что победой ромеи обязаны севастократору Андронику, монодию в честь которого он пишет. Таким образом, характер литературного труда, над которым работает каждый автор, обуславливает и свою логику объяснения событий.

Можно предположить, что военные действия завершились уже на левом берегу Дуная: Феодор Продром отмечает подвиги севастократора Андроника за Дунаем (*Majuri A. Anecdota. P. 527.8*), Никифор Васибеки говорит, что кровью врагов окрасились потоки Истра (*Regel W. Fontes rerum byzantinorum. T. 1. Fasc. 2. P. 334.18—19*).

¹ Императорская гвардия, состоявшая из русских и скандинавов (см.: *Ангелов Д. История на Византия. София, 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 169*). При Алексее I Комнине императорскую гвардию стали постепенно составлять англосаксы, особенно после норманнского завоевания Британии в 1066 г. *Vasiliev A. A. The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the XIth Century // Annales de l'Institut Kondakov. 1937. № 9. P. 39 sq.*; *Blondal S. Nabites the Varangian, with some Notes on*

британский¹, издавна служащий василевсам ромеев) разбить секирами повозки. Они тотчас же взялись за дело, и, таким образом, василевс захватывает весь лагерь скифов. Тогда и большинство из тех, кто хотел бегством обрести спасение, сами добровольно пришли к василевсу, влекомые узами любви к попавшим в плен, и были приняты к ромеям². Занесенные в воинские списки³, они еще долго служили⁴.

the Varangians under Nicephoros III Botaniates and the Comneni // *Classica et Medievalia*. 1939. Vol. 2. P. 145 sq.; *Idem*. The Last Exploits of Harald Sigurdsson on Greek Service // *Ibid*. P. 1 sq.; *Dawkins R. M.* The Later History of the Varagian Guard // *J. of Roman Studies*. 1977. Vol. 37. P. 39 sq.; *Hohlweg A.* Beiträge zur Verwaltungsgeschichte des Oströmischen Reiches unter den Komnenen. München, 1965. S. 46—50).

¹ Среди участников Второго крестового похода Киннам называет «бриттов и британцев» (67, 3—5). Обычно оба эти этнонима понимались как одно и то же обозначение жителей Британии (*Cinn. Hist.* 336). Однако Ж. Розенблюм переводит этот этноним — «бретонские» (*Rosenblum J.* *Jean Kinnamos*. P. 20).

² О расселении в ромейских пределах большей части оставшихся в живых печенегов, сдавшихся византийцам, сообщает и Никита Хониат (16, 4—8). Он указывает, что это была «западная» часть государства (16, 7; ср. в «Исторических стихотворениях» Феодора Продрома: S. 345—346, XXIX.6—16; XXV.35; 338.XXV.88).

³ О зачислении «скифов» в византийскую армию в качестве вспомогательных отрядов сообщает и Никита Хониат (16, 8—9). П. В. Голубовский идентифицировал этих разбитых тюркских кочевников с обосновавшимися в 1124 г. в Венгрии половцами (*Голубовский П. В.* *Половцы в Венгрии*; ср.: *Poloczki-Horvath A.* *L'immigration et l'établissement de Comans en Hongrie* // *Acta Orientalia Ac. Sc. Hung.* Budapest, 1975. Vol. 29. № 3. P. 313—333).

⁴ Византийские императоры с целью увеличения войск заселяли территорию империи пленниками соседних народов и племен и превращали их в стратиотов (Извори за българската история. Т. 14. С. 210, прим. 7). См.: *Златарски В. Н.* *История*. Т. 2. С. 369; *Тивчев П.* *За войнишкото население във Византия през XII в.* // *Изследвания в чест на М. С. Дринов*. София, 1960. С. 573—574.

Вот так¹ и произошел переход скифских племен² к ромеям.

¹ Об итогах последней войны печенегов мы узнаем у Киннама и Никиты Хониата. Большая часть оставшихся в живых и сдавшихся византийцам была расселена в ромейских пределах (Cinn. 8, 19—22; Nicet. Chon. 16, 4—8). Хониат указывает на то, что это была «западная» часть государства (Nicet. Chon. 16, 7; ср.: *Hörandner W. Theodoros Prodromos. 345—346: XXIX.6—16; 336: XXV.35; 338: XXV.88*). Такое определение не противоречит представлению византийцев о локализации Подунавья. Кроме того, немалая часть «скифов» была зачислена в качестве вспомогательных отрядов византийской армии (Cinn. 8, 22; Nicet. Chon. 16, 8—9). Действительно, в дальнейшем мы встречаем печенегов в составе ромейского войска: во время войны Иоанна II в Киликии в 1137—1138 гг. при взятии Нистрии (Nicet. Chon. 29, 52), затем Шайзара (Nicet. Chon. 30, 70), в половецкой войне Мануила 1148 г. (Cinn. 94, 15—20); возможно, в битве у Бари в Италии (Cinn. 143, 6—11), в походе на Кылич-Арслана II (1160 г.) (Cinn. 199, 12—15), в кампании Мануила II Комнина в Венгрии в 1165 г. против Стефана III (Cinn. 236, 13—18; 242, 11—18), в битве у Срема в 1167 г. (Cinn. 271, 3—20). Наконец, большая часть пленников, по Хониату, была продана (Nicet. Chon. 16, 9—10).

По случаю победы был устроен триумф (Mich. Ital. 285, 3) с молебном и установлен праздник, названный, как сообщает Хониат, праздником печенегов (Nicet. Chon. 16, 11—14). Об окончательном истреблении Иоанном II Комнином своих врагов говорят и Феодор Продром (*Hörandner W. Theodoros Prodromos. 214—215: V.25; 336—337: XXV.36—37; 517: LXXI.19*) и Михаил Италик (Mich. Ital. III: 83, 18—24). Но в 1150 г. во время похода Мануила I на Сербию печенеги выступают в союзном сербском войске против Византии (Cinn. 107, 9—17). Это хронологически последнее несомненное упоминание печенегов в византийских источниках, не считая поздних компиляций. По-видимому, эта победа над печенегами современниками воспринималась как решающая и окончательная.

² Термин «этнос» (народ, племя) применялся к социальным группам, противопоставляющимся в Византии ромеям.

В библейском значении (см.: Пс. 2:1; Мф. 10:5) — племена, чуждые избранному народу. Для византийцев — иноверцы и язычники (Constantini Porphyrogeniti imperatoris. De ceremoniis aulae byzantinae / Rec. I. Reiskii. Bonnae, 1829. Bd. 1. P. 58) или иноземцы (напр., франки — Constantini Porphyrogeniti. Ibid. 749, 12—13, болгары — Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem / Rec. C. B. Hasius. Bonnae, 1828. P. 79.6—7). См.: *Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee. S. 78—79; Lechner K. Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner. München, 1955. S. 51; Dieterich K. Byzantinische Quellen zur Länder*

Василевс же вновь занялся делами в Азии. Неожиданно для тамошних варваров¹ зимой² напав, он их полностью поработил³. А обратив многих из них в благочестивую веру, увеличил тем самым численность ромейского войска. Ведь они никогда не занимались земледелием, а пили молоко и насыщались мясом⁴, подобно скифам, и всегда в разных местах прямо в поле

und Volkskunde. Leipzig, 1912. Bd. 1—2. О политической теории отношений Византийской империи с чужеземцами см.: *Ostrogorsky G.* Die byzantinische Staaten-hierarchie // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1936. Т. 8. S. 49—53; *Dolger F.* Byzanz und die europäische Staatenwelt. Etal, 1953; *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine Political Philosophy. Washington D. C., 1966; *Moravcsik Gy.* Byzantium and the Magyars. Budapest, 1970; *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe. L., 1971; *Ohnsorge W.* Abendland und Byzanz. Weimar, 1958; *Sorlin I.* Les témoignages de Constantin VII Porphyrogénète sur l'état ethnique et politique de la Russie au début du Xe siècle // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1965. Vol. 6. № 2. P. 147—188.

¹ Т. е. турок-сельджуков, которых Иоанн Киннам называет «персами» или просто «варварами» в Азии.

² Кампанией, наиболее близкой по времени к печенежской войне Иоанна II Комнина, мог быть поход на турок-сельджуков иконийского султана, состоявшийся около 1124 г. Эта дата (правда, не без сомнения) принята по отношению к описываемому Киннамом событию и в новейших публикациях (*Brand Ch.* *Deeds*. P. 17; *Rosenblum J.* *Jean Kinamos*).

Обращает на себя внимание в таком случае временной разрыв в ходе повествования византийского историка. Однако этот поход мог иметь место и в зиму непосредственно после печенежской войны. Тогда датировку следует перенести на год-два ранее.

³ О событиях и источниках см. *Chalandon F.* *Les Comnène*. Vol. 2. P. 51.

⁴ Об образе жизни и питании печенегов и куманов подобные сведения есть у Оттона Фризингенского: *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. 20. P. 233 sq.: «Pecenati et hii qui Falones dicuntur, crudis et immundis carnibus, utpate equis, catinis, lisque hodie vescuntur» (см.: *Васильевский В. Г.* Труды. Т. 1. С. 6—7). Об употреблении кочевниками в пищу мяса см. у Гардизи (*Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. (Прил.) // *Бартольд В. В.* Соч. М., 1973. Т. 8. С. 106—107) и Петахья (*Марголин П. В.* Три еврейских путешественника XI и XII столетий. СПб., 1881. С. 3). Там же о питании кочевников молоком. Ср.: *Gottfried von Viterbo.* *Cronica* (cf. 1186), pars XVII: «Pincenates usque hodie sanguinam bestiarum appetunt, et carnibus equorum

разбивали шатры, становясь, таким образом, легкой добычей тех, кто хотел их захватить.

Книга 2

(Войско германского короля Конрада III, участвовавшее во втором крестовом походе, проходя по территории Византии, совершает грабежи в селах, вступает в стычки с византийскими войсками. Взаимоотношения крестоносцев и византийцев предельно обострились при подходе немцев к константинопольскому пригороду Пикридиону (после безрезультатных переговоров сторон), что привело к военному столкновению.)

[1147 г.]¹ Зная, что войско ромеев численностью намного меньше варваров², но настолько же значительно превосходит в воинской науке и упорством в бою, [василевс]³ замыслил следующее. Просуху и Цикандилу и многим другим ромейским военачальникам приказал, собрав необходимое войско, встретить аламанов; построиться же следующим образом: наименее сильной, как бы рядовой части войска встать подалее — у четвертого стяга; затем — тяжелой пехоте⁴ и катафрактам⁵; следом — тем, кто выступает на быстроногих ко-

et vulprium, luporum etiam et cattorum crudis utuntur» (Géza Kuun, 11.11 112 n.) (*Marquart J. Volkstum. S. 174, Anm. 4*). Вместе с тем нельзя исключить здесь аллюзии на Геродота, описавшего образ жизни скифов (Herod. IV, 64 sq.). В таком случае перевод Ст. Лишева, Г. Батаклиева и Ч. Бранда («печенег», а не «скифы», как в оригинале: фактически это толкование архаизированного этнонима Киннама) может быть неверным, ибо Киннам мог иметь в виду древних геродотовских скифов.

¹ Описываемые Иоанном Киннамом события являются эпизодом Второго крестового похода.

² В данном случае Киннам называет «варварами» германских крестоносцев, называемых «аламанами».

³ Мануил I Комнин.

⁴ Тяжелая пехота — «войско гоплитов» — была оснащена кольчугами, щитами, мечами (*Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. С. 90*).

⁵ «Катафрактами», или латниками, называлась тяжелая конница (кольчуги на воинах, палицы, длинные пики, щиты, мечи) (Гам же). С последней трети X в. «катафракты» стали основной ударной силой византийской армии.

нях¹; и, наконец, с фронта — скифам² вместе с персами³ и ромейскими лучниками⁴. Ромеи так и сделали, аламаны же, когда [это] увидели, двинулись бегом с яростью и шумом. Завязалась жестокая битва, и много аламанов было убито, так как ромеи, по науке противостоя наступавшим, уничтожали их.

Книга 3

(*Византийский император Мануил Комнин идет в поход на Рожера Сицилийского.*)
[1148 г.]⁵

¹ Скорее всего, имеется в виду легкая конница, вооруженная копьями, щитами, луками.

² Имеются в виду тюркские кочевники (печенег или половцы). В этом сообщении Киннама отражена издавна утвердившаяся в Византии и оправдавшая себя традиция соединять или сохранять в одном отряде воинов-единоплеменников или земляков, так как в таких случаях сильнее проявлялось чувство взаимной выручки (*Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. С. 96*).

³ В данном случае Киннамом употреблено архаизированное название турок-сельджуков (имя которых происходит от полулегендарного предводителя Сельджука, объединившего во второй половине X в. огузские племена Средней Азии: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 1. S. 328*).

⁴ Вероятно, здесь имеется в виду легкая пехота, оснащенная луками, дротиками, пращами. Таким образом, по описанию Киннама, в битве принимают участие все виды византийского войска — легкая и тяжелая пехота, легкая и тяжелая конница и вспомогательное войско, т. е. налицо все пункты «воинской науки» по части построения армии.

⁵ Рассматриваемые события представляют собой первый из известных набегов «скифов»-куманов из-за Дуная на Византию в царствование Мануила I Комнина, когда неоднократные столкновения с задунайскими кочевниками вошли в комплекс сложных многосторонних византино-венгеро-русских отношений в то время (см.: *Васильевский В. Г. Союз двух империй. С. 43 и след.*; *Расовский Д. А. Половцы. IV: Военная история половцев / Анналы Ин-та им. Н. П. Кондакова. Белград, 1940. Т. 11. С. 120 и след.*; *Паушто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 207 и след.*).

Старый конфликт Византии с сицилийскими норманнами (*Caspar E. Roger II (1101—1154) und die Gründung der normannisch-sizilischen Monarchie. Darmstadt, 1968. S. 376 ff.*; *Lamina P. Comneni e Stauffer.*

Едва автократор¹ оказался у города Филиппа², как дошла

Roma, 1955. Vol. 1. P. 75—89) возобновился во время Второго крестового похода (Nicet. Chron. 62, 90 sq; *Chalandon F. Les Comnène*. Vol. 2. P. 320 sq.). Образовались две коалиции: Византия и Конрад III договорились о совместных действиях против норманнского короля Рожера II в Италии (*Vollrath H. Konrad III und Byzanz // Archiv für Kulturgeschichte*. 1977. Bd. 59. S. 321—365). Рожер нашел союзников — предводителя вельфов, всегдашнего соперника и противника Конрада, а затем и венгров (о роли Венгрии в этом союзе в связи с их войной с русскими в 1149 г. см.: *Фрейденберг М. М. Труд Иоанна Киннама как исторический источник // Византийский временник*. 1959. Т. 16. С. 21, 22). Противником Византии фактически стал и французский король Людовик VII. Итак, норманны, вельфы и Людовик противостояли Византии и Конраду (см.: *Византијски извори*. Т. 4. С. 22—23, прим. 38).

Датировка событий по: Robertus de Monte, a. 1148 (et 1149); ср.: *Otto Fris*. I.1, с. 33; Nicet. Chron. Hist. P. 78.39—42.

Византино-половецкая война шла в конце зимы — начале весны 1148 г. (*Златарски В. Н. История на българската държава*. Т. 2. С. 384—385; *Васильевский В. Г. Союз двух империй*. С. 41, прим. 1; *Јуфечек К., Радонић Ј. Историја Срба*. Београд, 1952. Т. 1. С. 142; *Rassow P. Zum Byzantino-normannischen Krieg 1147—1149 // Mitteilungen des Instituts der Österreichischen Geschichte*. Wien, 1954. S. 213—219; *Бибиков М. В. Византийские хроники и локализация половецко-византийской войны 1148 г. // Летописи и хроники*. 1976. М., 1976. С. 17—22; *Diaconu P. Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles*. Bucarest, 1978. P. 78—90; *Idem. À propos de l'invasion coumane de 1148 // Études byzantines et post-byzantines*. Bucarest, 1979. Vol. 1. P. 19—27).

¹ Т. е. Мануил I Комнин.

² Филиппополь (совр. Пловдив в Болгарии).

В ответ на взятие норманским королем Сицилии и Рожером II Коринфа, Эвбеи, беотийских Фив (*Otto Fris*. I, 33; Robertus de Monte, a. 1148—1149; ср. Nicet. Chron. 78 sq.) Мануил I Комнин пошел из Константинополя навстречу Рожеру (имея конечной целью Корфу: Извори за българката история. Т. 14. С. 226, прим. 5) и в конце зимы — начале весны 1148 г. находился у Филиппополя. Сообщению Киннама о том, что известие о вторжении кочевников на территорию Византии застало императора у Филиппополя, думается, не противоречит Никита Хониат (78, 40—42), хотя последовательность изложения событий у него и позволяет думать, что василевс оказался в Филиппополе только *после* завершения половецкой войны (*Bolşacov-Ghimpu A. A. La localisation de la cité byzantine de Demnitzikos // Revue des Études Sud-Est Européennes*. 1965. № 23. P. 163).

весть, что скифские войска¹, переправившись через Истр², истребляют и разграбляют всё на пути; они захватили значительный город, который питают потоки Истра. Таково было содержание вести. Василевс же, свернув оттуда, устремился к Истру, приказав вывести из Византия через город Анхиал к Истру корабли. А пока они не пришли, охотился, объезжая тамошние равнины, так как на этих совершенно пустынных, издавна не заселенных пространствах обитают многочисленные стада диких зверей. Пока он был занят этим, ему сообщили, что скифы с добычей из [земли] ромеев только что перешли Истр и встали поблизости лагерем. Как только он это услышал, тотчас же как можно скорее устремился к реке. Найдя там лодку из тех, что, сделанные из целого [ствола] дерева, обычно стоят у этих берегов, приказал пригнать ее к себе. Но перевозчик был неподатлив; услышав, что его вызывает василевс, он сказал: «Если бы

¹ Встречающийся у Киннама в рассказе о войне Мануила 1148 г. с кочевниками этноним «скифы» (93, 2; 93, 12; 93, 20; 94, 1; 94, 13; 94, 16; 95, 2—3; 95, 20; 96, 9) обозначает куманов-половцев (ИБИ. Т. 14. С. 226, прим. 2). В народноязычной парафразе исторического сочинения Никиты Хониата («версия В») всюду в рассказе об этих событиях употреблен термин «куманы».

Куманы, переправившись через Дунай, не только, несомненно, не перешли, вопреки мнению В. Г. Васильевского труды. Т. 1. (С. 30), Балканский хребет, но и их распространение *вплоть* до Балкан (*Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889. С. 130; *Златарски В. Н.* История. Т. 2. С. 385) не определяется точно источниками: выражение Никиты Хониата «опустошали земли при Геме (совр. Балканы. — М. Б.)» (Nicet. Chron. Hist. 78, 39 sq.; ср.: в разговорноязычной парафразе — «грабили Загорье»: Bonn. 103, 21 sq.) может относиться к территории Паристриона и даже к пространству, близкому к Дунаю (*Дуйчев И.* Из старата българска книжнина. София, 1944. Т. 2. С. 312, 328; ср.: *Stănescu E.* Beiträge zur Paristrion-Frage // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft.* Wien, 1968. Bd. 17. S. 55—62).

Подробнее см.: *Бибиков М. В.* Византийские хроники и локализация половецко-византийской войны 1148 г. С. 18.

² Очевидно, что в XII в. Дунай воспринимался как естественная граница Византийской империи. См.: *Glykatzi-Ahrweiler H.* Byzance et la mer. Paris, 1966. P. 240—251 (ocod.: P. 245, n. 4); *Urbansky A.* Byzantium and the Danube Frontier.

василевс заботился о нас, то и Демничик не был бы взят, — так называлась захваченная, как сказано, скифами крепость, — и у нас бы варвары ничего не разорили и не расхитили бы так свободно». Говорят, что василевс в негодовании ответил: «Право, да не буду я тем, кому Богом вверены дела ромеев, если теперь же скифы не оплатят за дерзость!» Поэтому часть войска он оставил на берегу для разбивки лагеря, сам же, поскольку корабли, как сказано, еще не пришли, связав лодки одну с другой, переправился с пятьюстами своими [воинами] через Истр.

Двинувшись было вперед, он встретил две другие судоходные реки¹ и, поскольку там нигде не оказалось лодки, которую можно было бы использовать для переправы, он приказал своим [воинам] привязать к хвостам коней челноки, [которые стояли] на Истре, и перевезти их к этим указанным рекам. Когда это было сделано, они без труда переправились и, миновав обширное пространство, пришли к горе Тену-ормон²,

¹ Обычно в литературе считалось, что здесь имеются в виду Арджиш и Дымбовица, или Веда и Арджиш (*Васильевский В. Г.* Византия и печенеги. С. 31; *Златарски В. Н.* История... Т. 2. С. 386; Извори за българската история. Т. 14. С. 227, примеч. 1), или, может быть, Арджиш и рукав самого Дуная (*Грот К. Я.* Из истории Угрии. С. 133—134). А. Большаков-Гимпу (*La localisation*. P. 547) думает, что эти реки находились где-то между Берладом и Сиретом, а П. Нэстурел (*Valaques*. P. 175) отождествляет их с Веда и Телеорман, как полагал и Н. Бэнеску. Что это за реки, точно определить трудно. Ясно, что они встретились ромеям вскоре после их переправы через Дунай, ибо для перехода через эти две реки Мануил приказывает вернуться к Дунаю и оттуда на лошадях перетащить лодки (94, 7—10). Это могли быть, помимо возможных традиционных атрибуций, Борча и Яломица (*Бибииков М. В.* Византийские хроники. С. 20).

² Толкование этой фразы у Киннама всегда вызывает споры. Несомненно, что это место текста испорчено: еще К. Я. Грот отмечал грамматическую несостоятельность выражения (*Грот К. Я.* Из истории Угрии. С. 133—134). Конъектура необходима.

В. Г. Васильевский предложил читать «пришли к местности города», тождественного совр. Урзичени на р. Яломица (Византия и печенеги. С. 31). Такое понимание принято и в современном французском переводе (*Rosenblum J.* Jean Kinnamos. P. 214). Но оно, как и само чтение, вызывает возражения. Слово ὄρος — «гора» необходимо сохранить, ибо о ней (в придаточном предложении — ὄλερ: согласование в среднем роде) сказано, что она «возвышается вблизи пределов Тав-

которая возвышается вблизи пределов Тавроскифской стра-

роскифии» (94, 12). В целом из контекста ясно, что речь идет о горах; Урзичени же расположены в Нижнедунайской низменности.

Другое чтение В. Г. Васильевского — ἐπί ὄρος Τεουόρμον — основано на предположении, что это название какой-то отрасли Трансильванских Альп (*Васильевский В. Г. Рец. на кн.: Успенский Ф. И. Образование Второго Болгарского царства // ЖМНП. 1879. Июль-август. С. 91*). Но подкрепить это предположение нечем. В. Томашек, читая «telou ormon», усматривает здесь искаженный тюркский топоним Teleormanu, известный по р. Телеорман и валашскому району на р. Ведя, и относит его к горе в низовьях Прута и Сирета на север от Дуная. Прут же и Сирет оказываются тогда теми двумя полноводными реками, через которые переправлялся Мануил вскоре после перехода Дуная (*Tomascsek W. Zur Kunde der Hämushalbinsel. Wien, 1887. Bd. 2. S. 15; Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 305: türk. Teliorman; Васильевский В. Г. Труды. Т. 4. С. 31; Mutaftchiev P. Die angebliche Einwanderung von Seldschuk-Turken in die Dobrudscha im XIII. Jh. Sofia, 1943. S. 92; Kowalski T. Islâm Ansiklopedisi. 1945/1946. Vol. 111. P. 517 f. Ср.: Diaconu P. A propos de l'invasion coumane de 1148 // Etudes byzantines et postbyzantines. Bucarest, 1979. Vol. 1. P. 19—27*).

Эту точку зрения воспринял и Д. Моравчик (*Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 305*). Но такое отождествление необъяснимо. П. Нэстурел понимает под нашим топонимом возвышенности по р. Телеорман (р. 75). Но его толкование этого места все-таки произвольно (движение «по направлению (?) к Тавроскифии» и т. п.).

Общая локализация войны по линии от Дуная до Сирета более оправданна. Здесь же упомянутая гора помещается в район Рымникул-Сэрит (*Bolşacov-Ghimpu A. A. La localisation. P. 546*). Однако и тогда не все становится ясным. Трудно предположить, чтобы пятисотенный византийский отряд, да еще вместе с императором, отправился так далеко, в глубь половецкой земли, фактически оставляя за спиной беспокойную берладскую территорию (*Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948. С. 125; ср.: Сефедонт С. М. Историческая география. Пг., 1916. С. 185*). К тому же если учесть, что осенью того же года Мануил уже осаждает Корфу, то окажется слишком мало времени (Cinn. 96, 14—15), чтобы он с войском за этот промежуток 1) ждал встречи с половцами, 2) не дождавшись, двинулся бы их догонять, 3) прошел бы путь через Дунай, по Сирету с возвратом к Дунаю, 4) очутился на северо-западе от гирлы Дуная, 5) достиг бы половецв, 6) сразился с ними, 7) затем проделал бы весь обратный путь, 8) двинулся дальше — в сторону Корфу и 9) остановился зимовать в Веррии. Думается все-таки, что византийский отряд перешел

ны¹.

Дунай выше по его течению, а преследование кочевников не заходило так далеко на север.

Что касается рассматриваемого темного места в «Истории» Киннама, то приходится констатировать отсутствие пока удовлетворительного толкования: искаженный при передаче в тексте топоним интерпретируется лишь гадательно. Возможно, что речь идет о южных отрогах Восточных Карпат, что согласуется с сообщением нашего источника о близости этой горы к «Тавроскифской» земле, под которой здесь обычно понимают Галицкую Русь.

Старый русский и болгарский перевод передает «*tenou ormon*» в виде имени собственного: «Тенихорм» (Краткое обозрение. С. 102; ИБИ. Т. 14. С. 227). Ч. Бранд передает название горы как «Телеорман» (*Brand Ch. Deeds. P. 77*). Ж. Розенблум дает еще один вариант перевода: «пришли к месту Оростенос, которое обозначает границу с тавроскифами» (*Rosenblum J. Jean Kinnamos. Paris, 72*). Ср.: *Nasturel P. Tenou Ormon // Geographia Byzantina / Ed. H. Ahrweiler. Paris, 1981*.

¹ По В. Г. Васильевскому (Союз двух империй. С. 31), это Галицкая Русь. Действительно, западные пределы Галицкого княжества упирались в Восточные Карпаты. Таким образом, несостоятельным оказывается предположение о распространении далеко на юг (что делается только на основании этого свидетельства Киннама) границ Галицкой земли (*Грот К. Я. Из истории Угрии. С. 134*). Половецко-византийская война 1148 г., скорее, шла на более ограниченной территории, не только не распространяясь на русские земли, но вряд ли заходя даже в половецкую степь. В середине XII в. низовья Днестра, Прута и Сирета, видимо, находились под контролем половцев (ср.: *Кудряшов К. В. О местоположении половецких веж в северном Причерноморье в XII в. // Труды Ин-та этнографии. Нов. Сер., 1947. Т. 1. С. 109; ср.: Расовский Д. А. Половцы, III: Пределы «поля половецкого» // Анналы Ин-та им. Н. П. Кондакова. Прага, 1937. Т. 9. С. 158; Он же. Половцы. IV. С. 120*), внедрявшихся, впрочем, в более северные районы Руси (*Плетнева С. А. Половецкая земля. С. 280—281*).

Галицкая же территория, более или менее устойчивая граница которой проходила по городам Ушица, Кучелмин, Онут, Микулин, Коломыя (*Кудряшов К. В. Половецкая степь. С. 125*), не достигала места совр. Могилева на Днестре (*Середонин С. М. Историческая география. С. 184—186*). Данные сочинения Киннама не опровергают таких представлений. О Галицких землях см.: *Пауто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985*.

Найдя там лагерь скифов совершенно пустым, так как те незадолго перед этим ушли, двинулись дальше. Поскольку [уже] наступала середина дня, а никто из врагов нигде не показывался, василевс, отобрав скифов¹, которые воевали вместе с ромеями, отправил их под командованием Гифарда — человека, испытанного во многих войнах, — преследовать врагов, выследить их или при [удобной] возможности сразиться; сам же спокойно двигался сзади.

Встретив невдалеке врагов, Гифард не отважился на бой, ибо множество варваров показалось ему превосходящим его в численности, а послал к василевсу с просьбой как можно скорее подойти. Как только василевс услышал об этом, тотчас же взял оружие; вооружилось и все войско. Настигнув скифов, они вступили с ними в бой. Сначала скифы стояли, готовые к [их] отражению и выстроенные в боевой ряд, стремясь защитить как самих себя, так и добычу, что несли с собой.

С обеих сторон бой был упорным и яростным. И хотя многие из ромеев проявили отвагу, всех превзошел василевс. Ибо при натиске мощно наступавших врагов он, устремляясь с копьем, разрушал их сомкнутый строй, разя многих из них не только поодиночке, но и по двое. Поэтому, когда они под неодолимым натиском василевса были рассеяны, ромеи всеми силами обрушились на них и провели блестящую атаку. Многие из варваров пали, взято же было не менее сотни. Среди них был и Лазарь², человек в высшей степени муже-

¹ Очевидно, имеются в виду печенеги на византийской службе (Извори за българската история. Т. 14. С. 227, прим. 3). Возможно, это также и узы (*Бибиков М. В. Византийские хроники.* С. 21).

² Обычно в литературе (*Васильевский В. Г. Труды.* М.; Л., 1930. Т. 4. С. 31 и др.) отождествляется с упоминаемым чуть ниже Сотасом (ИБИ. Т. 14. С. 228, прим. 1: «Сот-куманский племенной вождь, крещенный под именем Лазарь»). Однако оснований для отождествления нет (*Nasturel P. S. Valaques, Coumans et Byzantins sous le regne de Manuel Comnène // Byzantina.* 1969. Т. 1. P. 175, № 24; *Бибиков М. В. Византийские хроники.* С. 19, прим. 17).

Д. Моравчик, приводя сведения Киннама о Лазаре (*Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 177*), ничего не сообщает о Сотасе, которого вообще нет в «Бизантинотурцике». П. Настурел (*Nasturel P. S. Valaques. P. 175*) считает Лазаря не тюрком, а «румынским» феодалом, «*soumis aux Coumans*».

ственный, выдающийся среди их филархов¹. А остальных спасли доблесть коней и чащи гор, множество которых простирается там. Ромеи, захватив все награбленное, направились наконец обратно. Тогда-то тот Сотас², который выделялся, как сказано, богатством и родовитостью, и оказался в плену у скифов, улучив момент, пришел в лагерь [ромеев].

Одержав так легко победу, автократор отправился оттуда для подготовки к войне с Сицилией.

[Мануил], хотя и был отвлечен скифской [войной], однако успел вовремя прибыть к тому месту, откуда предстояло отплыть.

(Выступление в поход на сицилийских норманнов.)

[1151 г.]³

¹ Племенные вожди.

² П. Нэстурел, не отождествляя, как сказано, Сотаса с Лазарем, предполагает его кавказское происхождение (= «Шота»).

³ Описываемые Киннамом события представляют собой важные моменты истории византино-сербско-венгеро-галицких политических взаимоотношений в XII в. Отношения Византии с сербами в этот период были очень напряженными. «При Алексее I Комнине сербы успешно отражали притязания империи и нередко даже сами переходили в наступление» (*Јуфечек К., Радонић Ј.* Историја Срба. Т. 1. С. 139). Иоанн II вскоре после разгрома печенегов совершил поход в Рашку и вернулся с большой добычей. В середине XII в. сербы не раз поднимались против византийского владычества, опираясь на помощь то венгров, то норманнов. Однако византийское правительство, играя на противоречиях в среде сербской знати и поддерживая одни группировки против других, сохраняло контроль над сербской территорией, хотя византийское влияние в Сербии все же было непрочным.

Постоянной и грозной опасностью для византийских владений на Балканах было крепнущее Венгерское королевство. Подчинение венграми Хорватии, династические и политические связи венгерских королей с сербскими жупанами, постоянные сношения (то враждебные, то дружеские) с русскими землями — все это превращало Венгрию в важнейший политический фактор на северо-западных границах Византии. Византийское правительство, используя родственные связи с венгерским королевским домом Арпадов, уже в начале XII в. вмешивается во внутренние распри венгерской знати, поддерживает претендентов на королевский престол, надеясь на вознаграждение за территориальные уступки и политические привилегии. В ответ вен-

герский король Стефан (Иштван) II около 1128 г. начал военные действия против империи; в его операциях участвовали и чешские отряды (см.: *Monumenta germaniae historica. Scriptorum. Vol. 9. P. 134*). Как повод для войны Стефан использовал ограбление венгерских купцов жителями византийского г. Браничева. Венгерские войска перешли Дунай, разрушили Белград и увезли камни его крепостных валов, чтобы сложить из них стены своей крепости Землин (Cinn. 10, 11—14; по Никите Хониату, венгры взяли не Белград, а Браничево, о захвате которого Киннам сообщает в иной связи: 12, 1—2). Иоанн тотчас же двинулся к Дунаю, разбил венгров и обратил их в бегство, во время которого рухнул мост через реку: многие венгерские воины утонули, другие остались в византийском плену.

Если Иоанн ограничивался отражением венгерского натиска и интригами против короля Венгрии, то Мануил, в жилах которого текла венгерская кровь (его мать была венгеркой), действовал гораздо активнее. Он воспользовался тем, что венгерский король Геза II поддерживал сербов в их выступлениях против империи, и объявил ему в 1151 г. войну. Византийское войско на лодках-однодеревках переправилось за Дунай, разграбило венгерскую территорию, заняло несколько крепостей и, обремененное добычей и пленными, вернулось восвояси.

В походе Мануила принимал участие и родственник Гезы, внук Владимира Мономаха — Борис Каламанович (Кальманович), который был в свое время обласкан Иоанном II и женат на родственнице императора, а теперь надеялся с помощью византийцев овладеть «престолом» (История Византии. Т. 2. С. 323—325 и след.).

События византино-венгерской кампании 1151 г., звеном которой был и венгерский поход против Галицкой Руси, о чем и сообщает в приводимом фрагменте Иоанн Киннам, развивались следующим образом.

После победы над сербами в 1150 г. Михаил Комнин возвратился в Константинополь, где провел зиму (Cinn. 113, 7). На следующий год, после зимы, т. е. в 1151 г., он пошел войной на венгров («гуннов» — Cinn. 113, 17), мстя им за союз с Сербией в 1150 г. Следует исправить ошибку в кн.: ИБИ. Т. 14. С. 237, прим. 1, где указано, что причиной нового похода Мануила было желание отомстить венграм за враждебные действия Гейзы II против русского князя Владимирко Галицкого, византийского союзника и, может быть, вассала (ср.: *Фрейденберг М. М. Труд. С. 34*). В действительности место Галицкой Руси в рассматриваемых событиях определяется данными приводимого пассажа Киннама.

Византино-венгерская война 1151 г. началась с опустошения Срема — области между Дунаем и Савой. Взяв крепость Зевгмин, т. е. Землин, совр. Земун (ИБИ. Т. 14. С. 237, прим. 3: Cinn. 115, 11), Ма-

(В ходе новой византино-венгерской кампании ромеи опустошают Срем, захватывают город Зевгмин.)

Совершив это¹, ромеи устремляются для переправы через Саос², ведя значительно большее число пленных гуннов³, чем их собственное войско. Но еще не переправились, как пришло известие, что король⁴ пеонцев⁵, удачно завершив войну⁶

нуил направился к р. Саве, где и узнал о приближении венгерского войска Гейзы II. По К. Я. Гроту (Из истории Угрии. С. 172—177), это происходило «поздней осенью».

¹ Имеется в виду взятие Зевгмина и его разорение (с санкции Мануила).

² Т. е. р. Сава — правый приток Дуная, протекающий через северные районы совр. Сербии. Киннам пользуется архаичным гидронимом. Актуализация древнего термина — у Кекавмена (*Литафин Г. Г. Советы и рассказы Кекавмена. С. 268.27—28*).

³ Т. е. венгров (*Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 235.*), взятых в результате битвы за Зевгмин (Земаин). О множестве пленных, взятых при Зевгмине, сообщает также Никита Хониат (90, 88 sq.) и ритор Михаил, племянник или близкий человек Солунского митрополита (так называемый Михаил Солунский) (*Regel W. Fontes regum byzantiarum. T. 1(1). P. 158*). Многие пленные были расселены на византийской территории (см.: *Мутафчиев П. Войнишки земи и воиници // Списан. Българск. Академия на науките. 1923. Т. 27. С. 2, 32—37; Тивчев П. За войнишкото население във Византия // Изследвания в чест на М. С. Дринов. София, 1960. С. 573—574*).

⁴ Т. е. венгерский король Геза II. Киннам пользуется термином «рикс», лат. *rex*, которым византийцы обозначали «западных» («латинских») правителей. В ранневизантийской традиции, наследуемой и позже, этот титул применялся также и к болгарским, «гуннским», славянским династам: см. у Феофана (*Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. С. 26—28, 30, 32, 50, 51, 53, 77—79, 81, 86, 93*).

⁵ Т. е. венгров: наряду с термином «гунны» Киннам применительно к Венгрии употребляет и имя «Пеония».

⁶ Геза II воевал в 1151 г. на р. Саве. Он помогал своему родственнику — князю Изяславу Мстиславичу (ср.: Ипатьевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стлб. 447: см.: *Васильевский В. Г. Союз двух империй. С. 61; Јуречек К., Радонић Ј. Историја Срба. Т. 1. С. 143; Vernadsky G. Relations byzantino-russes // Byzantion. 1927—1928. Т. 4. P. 272—274; Византијски извори. Т. 4. С. 42, прим. 89).*

Начало событиям было положено в 1149 г., когда киевский князь Изяслав Мстиславич в борьбе против суздальского князя Юрия Долгорукого попросил помощи у своего зятя Гезы II (ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 384).

против тавроскифской страны Галицы¹, собрал сильное войско и в страшной ярости идет на ромеев. Именно потому василевс [решил] отомстить ему, что он напал против его воли на Владимира² (таково имя архонта Галицы³), который был подданным союзником⁴ ромеев. Услышав об этом, василевс

Владимирко Галицкий был союзником Юрия Долгорукого. Итак, Геза II и Изяслав Мстиславич оказались противниками Владимирко Галицкого и Юрия Долгорукого (*Васильевский В. Г.* Союз двух империй. С. 44; *Vernadsky G.* Relations byzantino-russes. P. 269 sq.).

¹ В XII в. Галичская земля рассматривалась в Византии как часть «Малой России», по замечанию Андроника (см.: Краткое обозрение. С. 125, прим. 1). Никита Хониат называет ее одной из топархий Росов (92, 48—49).

² Владимирко Володаревич (1104—1153) — князь Звенигородский и Белзский, а с 1141 г. и Галицкий, сын Володаря Ростиславича (*Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 479; *Ангелов Д.* История на Византия. София, 1963. Т. 2. С. 183; ср.: *Васильевский В. Г.* Труды. Т. 4. С. 45, примеч. 2; *Фрейденберг М. М.* Труд. С. 40 и след. Подробнее см.: *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990. С. 119). См.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика. С. 188 и след. После занятия киевского стола Всеволодом старая политическая структура перестраивалась в новые княжеские группировки — смоленско-волынскую и суздальско-галицкую. «Суздальско-галицкая группировка держалась византийского союза, и Юрий Долгорукий рассматривался в Константинополе как надежный партнер (см.: *Chalandon F.* Les Comnène. Vol. 2. P. 414), а галицкого Владимира Володарьевича Мануил именовал вассалом, и император во время венгеро-волынских войн против суздальско-галицко-византийского союза больше сетовал на удары не в Сербию, а в Галичине, на помощь которой в 1150 г. и выступил (ср.: *Nicet. Chron.* 92, 29 sq.), помещав Гезе лично оказать поддержку Волыни.

Ввиду ее политики в Венгрии и Болгарии союз с Галичиной был Византии особенно важен. Ее другой союзник по борьбе с сицилийскими норманнами — император Конрад III — в 1142 г. прибежал к византийскому посредничеству, когда у него возникали торговые претензии к Руси» (*Otto Prising. Gesta Friderici 1, 1.23—24 // Monumenta germaniae historia. Scriptores. Vol. 20. P. 364—265; ср.: Васильев А. А.* История Византии: Византия и крестоносцы. Пг., 1923. С. 41).

³ Т. е. галицкого князя.

⁴ Проблема толкования греческого термина *hypospondos* — одна из давних в литературе (*Васильевский В. Г.* Труды. Т. 4. С. 45; *Грушевский М. С.* История України-Русі. Львів, 1905. Т. 3. С. 428; *Левченко М. В.*

приказал части войска — тем, кто был в обозе, и основной массе превосходившего по численности множества пленных — переправиться и оставаться на противоположном берегу; сам же, взяв отборную часть войска, несмотря на то что военачальники в основном не соглашались с этим решением, устремился скорейшим путем, чтобы сразиться [с королем]¹.

(Мануил Комнин желая встретиться с венгерскими войсками, во главе которых, как он считает, идет сам венгерский король.)

[1151 г.]²

(Мануил Комнин, стремясь сразиться с венгерскими войсками, идет к Браничеву.)

Очерки. С. 479; *Obolensky D. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy*. P. 58; *Moravcsik Gy. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy*. P. 301—311).

Отметим непоследовательность передачи термина в существующих переводах сочинения Киннама. Данное место (о галицком князе) передано как лат. *foederatus* (*Ioannis Cinnami Historia*. P. 115.40), болг. — «бил в договорни отношения с ромеите» (ИБИ. Т. 14. С. 238; ср.: Там же. С. 237, прим. 1 — «союзник, может быть, и вассал»), серб. — «связанный договором» (*Византијски извори*. Т. 4. С. 42), хотя термин в близком тексте о Гезе II (*Cinn.* 104, 19) передан как лат. *obnoxiam*, болг. — «поставил Сербию под свою зависимость» (с. 230), серб. — «подчинил Далмацию» (с. 28).

Принципиальное решение проблемы предложено Г. Г. Литавриным (*Болгария и Византия в XI—XII вв.* М., 1960. С. 256 и след.). Ср.: *Острогорский Г. А.* Русь и византийская иерархия государств: Докл. на XIII Межд. конгрессе ист. наук. М., 1970; *Оболенский Д. Д.* Связи между Византией и Русью в XI—XV вв. М., 1970.

¹ История битвы на р. Сане (поздняя осень 1151 г.) отражена в Ипатьевской летописи (подробнее см.: *Грот К. Я.* Из истории Угрии. С. 172—177).

² Во фрагменте описывается эпизод той же византино-венгерской кампании 1151 г. Мануил, желая сразиться с венграми, во главе которых, как он считал, выступил сам венгерский король, идет навстречу венграм. Преследуя венгров, возглавляемых баном Белой (у Киннама — Велосис), Мануил идет к Браничеву. См.: *Византијски извори*. Т. 4. С. 44, прим. 95.

Прекратив дальнейшее преследование¹, василевс пришел к реке², переправился и, оказавшись в Браничеве³, там и расположился лагерем. А немного позже, решив опустошить и другую часть гуннской страны, где находится гора, названная местными жителями Темис⁴, отправил с войском Бориса⁵. Он

¹ В старом русском переводе ошибочно: «Царь, однако ж, все еще не (? — М. Б.) переставая преследовать его (...)» (Краткое обозрение. С. 128). Вероятно, Карпов здесь следовал за неточным латинским переводом (Cinn. P. 117).

² Река Сава.

³ Город, именовавшийся в римское время *Viminatum*, лежал по обеим сторонам Млавы при впадении ее в Дунай. Там находятся остатки городов Браничевац и Костолац (*Шафарик П. И.* Славянские древности. М., 1848. Т. 2. Кн. 1. С. 347). Византийские авторы воспринимали Браничево как город на Дунае (*Анна Комнина.* Алексиада. С. 394).

⁴ Совр. Тимиш (Timiș) в западной части совр. Румынии.

⁵ Борис Коломанович (Кальманович) — сын венгерского короля Кальмана (Коломана) и Евфимии, дочери Владимира Мономаха. Вырос в Киеве (см.: *Васильевский В. Г.* Союз двух империй. С. 43; *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Коломанович // Изв. АН СССР. Отд. гум. наук. 1930. С. 667 и след.; *Gyoni M.* Magyarország és a Magyarorszag a bizánci források tükrében («Magyar-Gorog-tanulmányok», 24). Budapest, 1943. P. 80; Византијски извори. Т. 4. С. 44, прим. 95).

О его участии в походе Мануила см.: История Византии. Т. 2. С. 325. Кальман обвинил жену, русскую княжну, в неверности и потому самого Бориса не признал своим законным сыном, лишив наследия. Борис нашел приют в Византии. Во главе ромейских войск неоднократно нападал на Венгрию, пока один слуга-куман не заколол его в 1156 г. (*Otto Frising. Chron.* VII. С. 21, 34).

О месте личности Бориса в комплексе международных отношений того времени см.: *Паушто В. Т.* Внешняя политика. С. 167 и след. «В годы великого княжения Владимира Мономаха русско-венгерские отношения осложнились: венгерский двор демонстративно отослал на Русь Евфимию Владимировну, лишь в 1112 г. выданную замуж за короля Кальмана (ПВЛ. Ч. 1. С. 195). Кальман был в союзе с польским королем Болеславом III и во вражде с немецким королем Генрихом V и чешским князем Святополком (Cosma, lib. III, cap. 25, 27). Истинная причина разрыва не раскрыта (обвинение ее в неверности появилось позднее: *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV* // *Scriptores Rerum Hungaricarum.* Budapestini, 1937. Vol. I. P. 429), видимо, она — в перемене политической роли самого Мономаха и в его отношении к союзной Венгрии Вольны и враждебной ей Византии. Приехав на Русь,

сам, как говорили, происходит из одного семени с Язой¹, [но] из-за какой-то размолвки давно уже бежал к василевсу Иоанну, который, оказав ему большие почести, соединил его в браке со [своей] родственницей. И вот этот Борис, оказавшись в той области, опустошал, обходя там селения, едва ли не переполненные и изобилующие всяческим добром. Когда же он вступил в бой с тремя гуннскими фалангами, то одолел их, так как те предполагали присутствие [там] самого василевса, и, нагруженный добычей, вернулся оттуда в лагерь ромеев.

А король², узнав, что столько зла Пеонии причинил не василевс ромеев, а Борис, погнался за ним в страстном желании вступить в бой. Однако он не смог сразиться с Борисом, переправившимся уже ночью при свете факелов, которые василевс зажег для него в большом числе со стороны лагеря. Тогда и двое из пехотного отряда, оставленные на том берегу, смогли незаметно для подошедших гуннов скрыться там в зарослях.

Свершив [всё] это и укрепив, насколько было возможно, истрийские города, василевс остановился там в намерении вновь перейти Истр и сразиться с королем, разбившим лагерь как раз на другом берегу Истра.

(He решившись воевать, венгерский король отправляет посольство для перемирия с ромеями. Мануил с триумфом возвращается в Константинополь.)

Евфимия родила сына Бориса, которому было суждено довольно долго играть роль претендента на венгерский престол.

При Мстиславе Владимировиче отношения Киева с Венгрией едва ли улучшились, судя по тому, что около 1129 г. Борис Кальманович находился в Византии (может быть, он попал туда вместе с караваном, везшим полоцких князей), где вступил в брак с родственницей союзного Киеву императора Иоанна II» (*Otto Frising. Chron. VII. 21 // MGH SS. Vol. 20. P. 259*) (*Gumplowicz M. Borys Kolomanowicz // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1906. № 2. S. 5—19; Balzer O. Genealogia Piastów. Kraków, 1895. S. 172—183; Maleczunski K. Boleslaw Krzywousty. Kraków, 1946. S. 156—161; Kerbl R. Byzantinische Prinzessinnen in Ungarn zwischen 1050—1200 und ihr Einfluß auf das Arpadenköningreich. Wien, 1979. S. 58; Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 120—121, 127).*

¹ Венгерский король Геза II (1141—1162).

² Т. е. Геза II.

Книга 4

[1155 г.]¹

(В ходе итальянской кампании византийская армия под командованием Иоанна Дуки побеждает в стычке у Барлетты.)

Преследовавшие [их] ромеи с наступлением темноты вернулись в лагерь без потерь, за исключением кого-то из наемной конницы². Эту ночь там же и провели, а с рассветом отправились в путь. Узнав об этом, Ричард³ как можно скорее пустился оттуда, чтобы ромеи, окружив, не поставили бы его в безнадежное положение, и, придя в Антра⁴, остановился там. Дука⁵ же, удержав при себе войско Палеолога⁶, пошел на

¹ Описываемые события битвы у Антра (Андрии) представляют собой эпизод итальянской кампании Мануила. Неудачная попытка экспансии в Сицилию и Италию в 1149 г. после взятия византийцами Корфу в 1148 г. (об этой борьбе с сицилийским королем Рожером II см. комм. к кн. 3), когда буря рассеяла византийские корабли и под угрозой выступления на стороне Рожера союзных с ним сербов и венгров Мануилу пришлось отступить на Балканы (История Византии. Т. 2. С. 327), тем не менее не заставила византийского правителя отказать от планов отвоевать Италию.

Описываемым в данном фрагменте событиям предшествовал рассказ о взятии Бари и Трани, походе Басавилы для отвоевания Трани, стычке у Барлетты (у Киннама: Варлет) между византийскими войсками Иоанна Дуки, шедшими на помощь к Трани, и войсками «канцелярия». Эта стычка закончилась победой ромеев.

² Возможно, это «скифская» конница из тюркских кочевников.

³ Граф Антра, или Андрии, салентинского города. Его следует отличать от графа о-ва Андры, о котором упоминается также в 1155 г. (Robert, de Monte a. 1155; см: Краткое обозрение. С. 155, прим. 2).

⁴ По Киннаму, — «крепость». Называлась Rosa или агх Антрае (Chronica Casinensi 1.11. С. 78).

⁵ Иоанн Дука — один из двух византийских полководцев, посланный в Италию, севаст. (См. Každan A. John Doukas: an Attempt of De-Identification // Le parole e le idee. 11. 1969. № 3—4; Karlin-Hayter P. Jean Doukas // Byzantion. 1972. Т. 42.)

⁶ Михаил Палеолог — второй византийский командующий. Значение имени — «торговец старьем», но оно могло пониматься современниками как «имеющий давних предков» (Bréhier L. La civilisation byzantine. Paris, 1950. P. 6; ср.: Grégoire H. La carrière du premier Nicéphore Phocas // Prosphora eis St. Kyriakidèn. Thessalonike, 1953. P. 232,

Ричарда, войско которого, однако, значительно превосходило по численности ромеев, ибо их было не более шестисот, не считая пехоты, во много раз уступавшей, в свою очередь, пехоте Ричарда. У Ричарда же конницы было тысяча восемьсот, а пехотное войско — бесчисленным. Узнав о приближении ромеев, Ричард сам повел войско.

Когда они уже подошли близко, ромеи, разделившись на три части, построились так: скифы¹ и лучники встали пешим строем с фронта, Дука с половиной всадников и частью скифов² держал тыл, а Васавила³ с другими комитами⁴, имея остальную конницу, занял середину. Ричард, преисполненный яростной страстью и совсем не заботясь о [правилах] тактики, двинулся со своими всадниками, пока, врезавшись

п. 2; *Каждан А. П.* Социальный состав. С. 186, прим. 171). Киннам пишет о Михаиле: «⟨...⟩ Палеолог, человек, принадлежащий к римскому сенату, и саном севаст». Согласно «Тимариону», наместник Солуни, по-видимому, при Иоанне II (*Васильевский В. Г.* Труды. Т. 4. С. 114 и след.; *Липшиц Е. Э.* Византийская сатира «Тимарион» // Византийский временник. 1953. Т. 6. С. 358 и след.). Иоанн сослал его, но Мануил вернул из ссылки (Cinn. 70, 6—11). В 1147 г. встречал крестоносцев в Сердикe, затем ездил послом к Фридриху I и папе Адриану IV, участвовал в италийских войнах 1155—1156 гг. (*Chalandon F.* Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. Paris, 1907. Vol. 2. P. 204—211, 215—217). Погиб в битве у Бари в конце 1155 — начале 1156 г. (*Hase C. B.* Imitations de la Necromantie de Lucien // Not. et Extr. IX, 2, 155, A. 1; Nicet Chon. 94, 93—95; *Romano R.* Timarione. Napoli, 1974. P. 27, n. 14: 1156 г.).

¹ Печенежские, или куманские, воины; вероятно, лучники. В византийском войске были, вероятно, и «скифские» всадники.

² После взятия Антра византийцы пришли в Бари с трофеями.

³ Роберт Басавила — сын тетки короля Вильгельма. Киннам называет его «двоюродным братом сицилийского тирана Рожера», т. е. Рожера II. Вильгельм, желая облагодетельствовать всех своих родственников, дал Басавиле лорительское графство; но он вскоре оказался в заговоре против короля, стал домогаться сицилийского престола, за что впоследствии был сослан в ссылку, где и находился до самой смерти Вильгельма, а после его смерти был возвращен (Turgius 1, 18, cap. 2; *Johannes Beraldi.* IV Chron. Casauensid).

⁴ Т. е. графами, привлеченными Мануилом на свою сторону. В италийской войне Мануила участвовал, например, Александр Гравина и др. (*Chalandon F.* Les Comnène. Vol. 2. P. 355 sq.).

в гущу ромейского войска, не вступил в рукопашный бой, поскольку лучники с фронта не смогли ему оказать ни малейшего сопротивления. Затем и Васавилу натиском вынудил обратиться в бегство и со всей силой бросился на [воинов] Дуки. Там завязалась жестокая битва, и многие воины Ричарда пали. При виде огромной массы гибнущих войско утратило всякое представление [о происходящем]. Поднялся страшный шум, послышался треск ломающихся о щиты копий; сыпались частые стрелы, и ужас несся отовсюду, пока Ричард в стремительной атаке не заставил противников бежать. Тогда и сам Дука, раненный копьем, едва избежал плена.

Однако Промысел всегда направляет и изменяет человеческие дела так, как захочет. И хотя ромеи дошли до такой степени бедствия, все же в конце концов победа досталась им.

(После победы у Антра византийцы идут к Бару.)

[Конец 1155 г.]

(Взятие византийскими войсками под командованием Иоанна Дуки Монополи в ходе италийской кампании. Переговоры с Басавилой.)

В это время¹ василевс² отправил в Италию³ флот с массагетской⁴ и германской конницей, а также с ромеями. Массажетами командовал Иоанникий, которого звали

¹ После взятия войсками Иоанна Дуки Монополя, по рассказам Киннама, состоялись переговоры между византийцами и Басавилой, просившим помощи.

В это-то время, по замечанию Киннама, и подошел императорский флот. События следует отнести к концу 1155 г., до смерти Михаила Палеолога, о чем Киннам повествует ниже.

² Мануил I Комнин.

³ У Киннама употреблен общий термин «Италия», обозначающий, как правило, Южную Италию (Апулию).

⁴ В XII в. термин «массагеты» не имел однозначного смысла. Помимо античного мифа о воинственных массагетах (Ioannis Tzetzae Historiae. Napoli, 1968. Chil. XII, 893 sq.) «массагеты» вместе с «аримаспами» помещаются на краю земли за Кавказом (Constantini Manassis Rom. // Herscher R. Egotici Scriptores Graeci. Lipsiae, 1859. P. 11.92). Вспоминается и замысел похода Кира Великого на «массагетов» и «иссидонян» (Кури Э. Еще два неизвестных произведения Константина Манасси // Византийский временник. 1905. Т. XII. С. 94.197).

Критопл, германцами — Александр, по происхождению лангобард, но очень преданный ромеям и делам василевса. Всеми же предводительствовал Иоанн по прозванию Ангел. Узнав об этом и о том, что войско ромеев наступает, военачальник Гильельма, осаждавший Антр и разорявший тамошние земли, со всем войском пришел оттуда в город Малфет, достаточно [хорошо] защищенный. Ромеи же решили покорить крепость Воск, подвластную тому Ричарду, укрепленную и почти неприступную. Там он из расточительного честолюбия выращивал в особых условиях всякого рода зверей, на которых легко бы мог охотиться, когда захочет.

Итак, взяв нескольких своих [воинов], Дука отправился для осмотра. Когда они приблизились, из крепости вышли смельчаки и, атаковав их в лоб, четырех ранили; пали и двое из них. Завязалась рукопашная схватка. Но ромеи, собравшись, с доблестью отразили врагов. В этом бою проявили храбрость как большая часть ромеев, так и двое массагетов. Схватка на этом и закончилась.

(Иоанн Дука разбивает лагерь у Воско.)

Ряд византийских источников указывает на недвусмысленную атрибуцию этнонима: массагеты византийцами прямо отождествлялись с абасгами (Ioannis Tzetzae *Historiae*, V, 587; XII, 893; Ioannis Tzetzae *Comm. Lucophron.* 887), т. е. абхазцами, а также — аланами (Nicephori Gregorae *Historia Byzantina. Vonnac*, 1829. Т. I. P. 34.1), или албанцами (Zonarae *Hist.* XI, 24) — жителями кавказской Албании. Неоднозначность этих атрибуций объяснима неточностью этнических дефиниций византийцев в отношении трех последних кавказских народностей. Кавказцами, вероятно, были и упоминаемые здесь Киннамом «массагеты», участвовавшие в военных действиях вместе с «ивирами». Не исключено кавказское содержание термина «массагеты», которым названы гости (наряду со «скифами») Михаила Айофеодорита (*Horna K. Eine unedierte Rede des Konstantin Manasses // Wiener Studien. Wien*, 1906. Bd. 28. S. 182.320—321). Вместе с тем в других случаях в текстах XII в. возможно понимание «массагетов» как тюркских кочевников Придунавья (*Regel W. Fontes.* Т. I. Fasc. 2. P. 332.22; Nicephorus *Basilica Orationes et Epistolae / Ed. A. Garzya. Lipsiae*, 1984. P. 90.23; Nicetae *Choniatae Orationes et epistolae / Rec. J. L. van Dieten. Berolini et Novi Eboraci*, 1972. P. 150.14—22). По Ч. Бранду, это аланы (*Brand Ch. Deeds.* P. 115), по Ж. Розенблюм (*Rosenblum J. Jean Kinnamos.* P. 220) — «казаки» (скорее всего, автор имела в виду «казахов») или «туркмены».

[1160 г.]

(Подготовка Мануила I Комнина к походу на иконийского султана Кылич-Арслана II.)

Такое войско собрал [василевс] с востока, с запада же он вел лигурийских всадников, вызвал архижупана Далматии с его силами и взял наемников — скифов¹ и многих из тех племен, что обитают вокруг Тавра².

[1161 г.]

[Успешно завершив поход на иконийского султана Кылич-Арслана II, после удачных переговоров с ним Мануил I Комнин возвращается в Константинополь.]

Узнав, что скифы³ перешли Истр, чтобы совершить набег на ромеев, [Мануил] свернул с дороги, ведущей в Византий, и отправился к переправе около города Авида. Там лежит приморский городок Фракии, получивший название, как я думаю, от афинского полководца Каллия⁴. Переправившись там, [василевс] устремился на скифов. Однако еще не успел он достичь Истра, как те, услышав о приближении ромеев, быстро собравшись, ушли.

¹ Куманы-половцы.

² «Скифы вокруг Тавра» — иносказательное в Византии наименование «тавроскифов», т. е. печенегов (до нач. XII в.), половцев, а также русских.

³ Куманы.

⁴ Очевидно, Галлиполи (ИБИ. Т. 14. С. 247, прим. 6), совр. Гелиболу.

Каллий — имя нескольких представителей знатного афинского рода, восходившего к Триптолему; род этот по наследству владел званием факелоносцев в Элевсинских мистериях. Один из наиболее известных Каллиев — афинский политик, зять Кимона, заключивший мир, названный впоследствии его именем, в Сузах в 448—449 г. с Артаксерксом I. Этим миром и завершились греко-персидские войны (Encyclopedia Antiky. Praha, 1974. S. 284; Lexikon der Antike. Leipzig, 1972. S. 273). Другой Каллий, получивший известность в античной литературе, — знаменитый афинский богач, упоминаемый Платоном («Протагор», 337 D) и Ксенофонтом («Пир»), — был внуком первого.

Книга 5

[1164 г.]¹

¹ Описываемый Киннамом сбор венгерским королем Стефаном (Иштваном) III войска для войны с Мануилом происходил в 1164 г. По отношению к Венгрии Мануил в 60-е годы продолжал политику отца — Иоанна II, только более агрессивно и ставя перед собой более масштабные задачи. Его действия фактически сводились к расчленению страны путем вмешательства в ее внутренние дела с последующим возможным присоединением отдельных частей к Византии (*Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. S. 319—320.*)

Поводом для вмешательства Византии во внутренние дела Венгрии стала смерть венгерского короля Гезы II (Византијски извори. Т. 4. С. 56. Смерть датируется 31 марта 1162 г.; у Й. ван Дитена — 31 мая 1162 г.: *Nicet. Chron. Hist. / Rec. J. L. Van Dieten. Bd. 1. S. 126.65; 127.95.* В старой литературе приводится дата смерти Гезы — 1161 г.: *Ковачевић Л. Неколика питања о Стефану Немање // Глас Србск. Кралевск. Акад. 1900. Књ. 58 С. 19; Васильевский В. Г. Союз двух империй. С. 94—95; Аиастасиевић М. Отац Немањин. Београд, 1924. С. 19; Јуречек К., Радонић Ј. Историја Срба. Т. 1. С. 144).*

Византия начинает оказывать помощь деньгами и оружием братьям Гезы — Иштвану (Стефану) IV и Ласло (Владиславу) против Иштвана (Стефана) III — сына и наследника Гезы. Следствием этого стала длительная война с переменным успехом в первой половине — середине 60-х годов XII в. (см.: *Lamma P. Comneni e Staufer. Vol. 2. P. 21—123.*) Обе стороны пытаются привлечь к себе германского императора и богемского короля.

В 1164 г. был заключен договор, который давал большие преимущества Византии. Брат Иштвана III — Бела, признанный наследником престола и получивший Кroatию и Далмацию, был послан в Константинополь (*Dölger F. Regesten. Bd. 2. № 1545; Šišić F. Povjest Hrvata za kraljeva iz doma Arpadovića. Zagreb, 1944. S. 80 ff.*). Но для осуществления преимуществ этого договора Византии потребовались новые войны. Последовали большие дипломатические и военные приготовления (в русле этих событий, возможно, следует рассматривать и посольство Мануила Комнина на Русь).

В результате венгеро-византийских войн Далмация, Кroatия, Босния и область Срема попадают под византийский скипетр (1167 г. Ср.: *Šišić F. Povjest Hrvata. S. 91.*) Дочь Мануила была выдана за венгерского наследника Белу (в византийских источниках известен под именем Алексея), которому в Византии дается высокий титул деспота. После смерти Иштвана III Мануил возводит его на венгерский престол.

Киннам следующим образом описывает борьбу за венгерский престол между Стефаном III и Стефаном IV, предшествующую войне 1164 г. Геза II вопреки венгерским законам (203, 11—13) завещал престол не братьям, а сыну Стефану (III). «Гунны», т. е. венгры, после смерти Гезы воспыльзовались этим и передали власть брату Гезы — Владиславу (II); другому брату, Стефану (IV), досталась область Урум (15—21).

После смерти Владислава (211, 14: это произошло 14 января 1163 г.; иначе в кн.: *Chalandon F. Les Comnène. Vol. 2. P. 473—475*) власть перешла Стефану IV. Но «гунны», недовольные им, свергли его (16—19); он восстановил власть с помощью Византии. Стефан III при поддержке «гунов» сверг Стефана IV в июне 1163 г. (другая дата — 1162 г. — в кн.: *Chalandon F. Les Comnène. Vol. 2. P. 474—475*). Стефан IV бежал в Браничево или Белград (Cinn. 212, 6—7; Nicet. Chon. 127, 87—89).

Мануил решил присоединить Венгрию, лежащую в середине западных земель (214, 21—23). Он выдал свою дочь Марию за Белу — младшего брата Стефана (III), сына Гезы (214, 23—215, 5). «Гунны» согласились на брак, причем за Белой (названным в Византии Алексеем) осталась данная отцом ему земля (215, 6—11), т. е. Срем, Хорватия, Далмация. Таким образом, со второй половины 1163 г. Мануил перестал поддерживать непопулярного Стефана IV.

В 1164 г. «пеонский король» (т. е. Стефан III) напал на «наследственную землю» Белы-Алексея; а Стефан IV возвратился через Анхил в Венгрию (216, 17—21). Вследствие обострения борьбы в «Гуннии» Мануил, оставив (в 1164 г.) в Киликии войско и совершив поход в Малую Азию, направился снова к Дунаю, преодолев Саву, достиг Титела, поставив перед собой цель: восстановить наследственный удел Белы и помочь в беде Стефану (IV) (Cinn. 217, 2—8). Василевс послал Андроника Кондостефана и выручил Стефана (8—11). Сам же из Титела пошел навстречу Стефану III (11—12). Стефан III, не имевший сил, достаточных для противостояния Мануилу, сначала обошел границы Венгрии, затем, собрав из пограничных районов войска, направил их на ромеев.

Наиболее распространенная датировка этих событий (с последующим после них договором) — 1164 г. (*Huber A. Geschichte des Österreichs. Gotha, 1885. Bd. 1. S. 303; Moravcsik Gy. A magyar tortenet bizanci forrasai. Budapest, 1934. 192. o.; Györfly G. Das Güterverzeichnis des griechischen Klosters zu Száva-Szentdemeter (Sremska Mitrovica) aus dem 12. Jh. // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1959. T. 5. Fasc. 1—2. S. 29*). Другие датировки (1163 г. — *Фрейденберг М. М. Труд Иоанна Киннама. С. 37—38; Dölger F. Regesten. Bd. 2. № 1452; 1162 г. — Гранић Ф. Војводина у византијско доба // Војводина I. Нови Сад, 1939. С. 105*) не обоснованы.

(Послание Мануила I Комнина венгерскому королю Стефану III, готовящемуся к войне с Византией.)

⟨...⟩ Так написал василевс; он же [Стефан]¹, как сказано, собрал свое союзное войско из аламан² и скифов, живущих у Тавра³, а также поставил в свой строй и народ чехов⁴, по-

Никита Хониат не сообщает об этом походе; о походе Мануила в Венгрию в 1165 г. см. у византийского риторa XII в. Михаила Глики (*Krumbacher K. Michael Glykas // Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Klasse der Kaiserl. Bayrischen Akademie der Wissenschaften. 1894. Bd. 3. S. 447—451*; ошибочная датировка 1161—1166 гг. в кн.: *Византијски извори. Т. 4. С. 72, прим. 180*; исправлено в кн.: *Dräseke J. Zu Michael Glykas // Byzantinische Zeitschrift. 1896. Bd. 6. S. 60—62*). В. Г. Васильевский (*Византийский временник. 1899. Т. VI. С. 531—533*) датирует 1163—1164 гг. Ф. Клаич (*Klaič F. Poviest Hrvata. Т. 1. S. 166—167*) датирует мирный договор, последовавший за этим конфликтом, 1163 г. (*Јуречек К., Радонић Ј. Историја Срба. Т. 1. С. 145*; ср.: *Dölger F. Regesten. Bd. 2. № 1455; Chalandon F. Les Comnène. Vol. 2. P. 478—480; Kap-Herr H. von. Die abendlandische Politik. S. 79—81; Huber A. Geschichte des Österreichs. Bd. 1. S. 361—363; Paulova M. Die tschechisch-byzantinischen Beziehungen und ihr Einfluß // Byzantinoslavica. 1958. Т. 19. S. 199*).

О походе 1164 г. см.: *Moravcsik Gy. Pour une alliance byzantino-hongroise // Byzantion. 1933. Т. 8. P. 555 sq.*; *Dölger F. Ungarn in der byzantinischen Reichspolitik // Archivum Europae Centro-Orientalis. 1941. Т. 8, Н. 3/4. S. 5 ff.*

¹ Т. е. венгерский король Стефан (Иштван) III (1162—1173 гг.). Для уточнения локализации событий можно привлечь лишь сведения о передвижениях Мануила в этом районе.

² Т. е. германские силы.

³ Скорее всего, кочевые, вероятно половецкие, племена (см. *Фрейденбергер М. М. Труд Иоанна Киннама. С. 37, прим. 88*). Однако в XII в. «скифами у Тавра» византийцы называли и русских (*Бибиков М. В. Византийские источники. С. 61 и след.*). В таком случае не исключено участие русских дружин в византино-венгерских войнах этого периода (ср.: *Бибиков М. В. Древняя Русь и Византия в свете новых и малоизвестных византийских источников // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 296 и след.*). Таким же образом этот этноним интерпретируется и Ч. Брандом (*Brand Ch. Deeds. P. 165*).

⁴ Т. е. армию богемского короля, который со времени Второго крестового похода, когда он поддерживал Конрада III, был вассалом Мануила (*Cinn. 223*). Ср.: *Vincentius Pragensis. Annales // Monumenta ger-*

скольку их архонт¹ пришел к нему со всеми силами. (*Предыстория создания антивизантийской коалиции.*)

[1165 г.]²

(*Несмотря на грозное послание Мануила I Комнина, венгерский король Стефан III готовится к отвоеванию Зевгмина, что вызывает стремление василевса возвести на венгерский престол Стефана IV.*)

maniae historica. Scriptores. Vol. 17. P. 681. Он выполнял и роль посредника между Мануилом и Стефаном (Иштваном) III в переговорах.

¹ На стороне Стефана III в войне участвовал чешский (богемский) король Владислав II (1140—1173): *Vincentius Pragensis. Annales seu Chronicon Boemorum ab a. 1140—1167* / Ed. Fontus Rerum Bohemicarum. Prag, 1874. Bd. 2. S. 454—458. Венгерский двор был близок с чешской династией, а сам Стефан III способствовал его брачному союзу с домом галицкого князя Ярослава (*Грот К. Я.* Из истории Угрии. С. 3—2; *Hotman B.* Geschichte des Ungarischen Mittelalters. Berlin, 1940. Bd. 1. S. 396; *Chalandon F.* Les Comnène. Vol. 2. P. 477—478). О союзе Стефана с чешским королем см. также: *Annales Pregelenses* // *MGH SS.* Vol. 3. P. 121.

² Византийское посольство Мануила Комнина на Русь описано Киннамом в связи с событиями византино-венгеро-русских политических взаимоотношений в середине 60-х годов XII в. и, очевидно, должно рассматриваться в комплексе этих вопросов.

Рассказ о посольстве Мануила включен Киннамом в такой контекст. Венгерский король Стефан III снова отнял Срем у Византии и поставил под угрозу Зевгмин (Cinn. 231, 6—232, 12). Эти события датируются 1165 г. (*Dölger F.* Regesten. Bd. 2, № 1462; *Klajić F.* Povjest. T. 1. P. 167; *Chalandon F.* Les Comnène. Vol. 2. P. 481; *Moravcsik Gy.* A bizánci forrasok. 192, 1). Император Мануил I направил Стефану III грозное послание (Cinn. 231, 8—21), но, несмотря на угрозы, Стефан не изменил своих действий. Мануил тогда отчетливо представил себе неизбежность войны и вновь захотел возвести на венгерский престол Стефана IV (Cinn. 231, 21—232, 3).

В это время и направилось посольство Мануила Комнина на Русь (Cinn. 232, 3—236, 9). Таким образом, все эти события датируются 1165 г. Другим аргументом в пользу этой датировки служит упоминание в приводимом фрагменте Андроника Комнина. В старой литературе (*Терновский Ф.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси. Киев, 1876. Ч. 2. С. 38; и др.) и в основанной на ней более поздней (напр.: *Приселков М. Д.* Русско-византийские отношения IX—XII вв. // *Вестник древней истории.* 1939. № 3. С. 108) фигурирует дата посольства — 1164 г., связанная с устаревшей датировкой всего хода византино-венгерской кампании.

А Мануил, который возводил свой род к Комнинам¹, прибыл к народу тавроскифов², чтобы напомнить их архонту³ о соглашениях, в [верности] которым он давал клятву василев-

¹ По Кап-Херр (*Kap-Herr H. von. Die abendlandische Politik. S. 143*), это сам византийский император Мануил I Комнин. К. Я. Грот (Из истории Угрии) опроверг это заключение, но своего мнения не высказал. С. П. Шестаков (Византийский посол на Русь Мануил Комнин // Сб. в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913. С. 381) предположил, что этот Мануил — сын Андроника, который, по Никите Хониату (*Nicet. Chron. 129, 40*), помог отцу бежать из тюрьмы. Г. Вернадский считал эту датировку невозможной, ибо сыну Андроника в это время не было и двадцати лет (*Vernadsky G. Relations byzantino-russes au XIIe siecle // Byzantion. 1927—1928. T. 4. P. 271*), с чем согласился и В. Мошин (*Мошин В. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. // BS. 1950. T. 11. С. 50, прим. 21*). Не мог византийский посол быть сыном Андроника Комнина и потому, что в таком случае вряд ли это посольство смогло бы выполнить главную задачу — нейтрализовать влияние Андроника (*Sinn, 232, 7*) (см.: *Фрейденберг М. М. Труд Иоанна Киннама. С. 41*).

Скорее всего, здесь имеет место первое (и единственное) упоминание этого лица, на что указывает и формула его «представления» автором читателю: «(...) возводил свой род к Комнинам». Интересно к тому же, что эта фраза в точности повторяет выражение Никифора Вриенния о Мануиле Эротике, являющееся началом 1-й книги его «Исторических записок» (*Nicephore Bryennios. Histoire / Ed. P. Gautier. Bruxelles, 1975. P. 75.1*).

² Обычное для византийцев, в том числе и в XII в., наименование русских (*Бибиков М. В. Византийские источники. С. 46*). Хотя Киннам не указывает место, куда прибыл Мануил, можно думать, что под «архонтом» тавроскифов подразумевается правящий в Киеве князь.

Характерно употребление термина «этнос», нередко применявшегося в византийской традиции по отношению к язычникам (или вообще к «варварам»), в связи с русскими.

³ Термин, обычно прилагаемый византийцами (наряду с титулами «филарх», «тегемон», «первенствующий» и т. д.) к иноземным правителям: болгарским царям, сербским господарям, чешским, венгерским, польским королям и т. п. Здесь, очевидно, имеется в виду великий князь, правивший в Киеве. В это время киевский стол занимал Ростислав Мстиславич (1154—1168 гг.).

су¹, а также чтобы укорить² его за дружбу с Иерославом³ — правителем Галицы⁴. Ибо Иерослав не только вообще нару-

¹ Это замечание важно осмыслить с учетом характера византино-киевских отношений той поры. «Видимо, намечалось сближение Византии со смоленско-киевским великим князем, который опасался усиления Суздаля. Так, киевский посол Гюрята Семкович, ехавший в 1164 г. в Византию договариваться о возвращении митрополита Климента, встретил в Олешье императорского посла, который вез нового митрополита Иоанна. В послании император Мануил просил Ростислава принять этого ставленника и подкрепил свою просьбу богатыми дарами («присла цесарь дары многы Ростиславу: оксамиты и паволокы и вся узорочь разноличная»). В летописи здесь дефект, но из всего повествования Киннама мы знаем, что император искал помощи против Венгрии и союзной с ней Галичины» (*Паушто В. Т.* Внешняя политика. С. 193).

² Византия стремилась расколоть связи Киева с Галичем, с которым в это время были у империи противоречия как в Нижнем Подунавье, так и в Венгрии (*Паушто В. Т.* Внешняя политика. С. 194: «Киевский князь будто бы обещал императору помочь против Венгрии» (*Грот К. Я.* Из истории Угрии. С. 329 и след.). Ростислав согласился принять Иоанна (ПСРА. Т. 2. Стлб. 522), который умер в 1166 г., но в венгерской войне заметного участия не принимал и с Галичем (который поддерживал связь с Черниговом) сохранил дружбу. Впрочем, с Византией он остался в мире и (совместно с Галичем и Черниговом) содействовал охране русской торговли с ней от половецких набегов» (ПСРА. Т. 2. Стлб. 526. 1167 г.; Стлб. 528. 1168 г.).

³ Галицкий князь Ярослав Осмомысл (1153—1187), сын князя Владимирко Галицкого. Сильный, могучий правитель разросшегося к этому времени княжества (см.: *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и древнерусские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 508 и след.). Столица княжества, г. Галич, впервые упомянута в 1141 г. (ПСРА. Т. 2. Стб. 308). Территория княжества оформилась в середине XII в.: о Галицкой земле упоминается в 1152 г. при князе Владимирке. Галицкое княжество простиралось на обширном пространстве между Днестром, Саной, Средним Подунавьем, находясь на перекрестке важнейших торговых путей и будучи важным экономическим центром Руси, в частности по добыче соли; см.: *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985.

⁴ Термин «гегемон» соответствует княжеской титулатуре иноземных властителей в византийской терминологии. «История» Киннама выделяет Галич из прочих русских земель. Интересно, что в западноевропейской историографии Галицкое княжество также выделялось среди государств Европы: Кадлубек называет Галицкое княжество «regnum» — «королевством» (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные

шил союз с ромеями¹, но принял и удостоил милостью Андроника² — о котором теперь мы расскажем подробнее, — бежавшего из тюрьмы во дворец, где содержался, я думаю, девять лет³ до того, как перейти к нему⁴.

средневековые источники. М., 1990. С. 93, 106, 131—132); ср. *Паушто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

¹ «Заинтересованное в галицком союзе против Венгрии византийское правительство в эти годы заключило какой-то договор с Ярославом, о нарушении которого и идет речь в послании Мануила князю Ростиславу.

Следовательно, утверждение Ярослава Осмомысла на Дунае (Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 29—31; в пределах Галичины находились и Баян Родна: ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 778; см. также: Там же. Стлб. 497) и его сближение в 1159 г. с Венгрией не на шутку беспокоило империю» (*Паушто В. Т.* Внешняя политика. С. 195).

² Севастократор Андроник Комнин, будущий император Андроник I (1183—1185), узурпировавший власть и затем свергнутый. Сын севастократора Исаака Комнина — брата василевса Иоанна II (см.: *Сюзюмов М. Я.* Внутренняя политика Андроника Комнина // Византийский временник. 1957. Т. 12; *Jurewicz O.* Andronik I Komnenos. Warszawa, 1971). С. П. Шестаков (Византийский посол. С. 366—381) выводил свою аргументацию о значении роли галицкого фактора в русско-византийских отношениях этого периода из того факта, что Андроник был сыном севастократора Исаака и русской княжны, дочери галицкого князя Володаря, следовательно, родственником Ярослава Осмомысла.

³ М. М. Фрейденберг (Труд. С. 41), считая, что Андроник был посажен в тюрьму в 1154 г., датирует прибытие его на Русь 1163—1164 гг. В таком случае эта дата сходится со свидетельством Ипатьевской летописи под 1164 г. Никита Хоният сообщает только, что Андроник просидел в тюрьме «достаточное время» (106, 87). Передатировка О. Юревичем бегства Андроника из тюрьмы на позднюю осень 1158 г. (*Jurewicz O.* Aus der Geschichte der Beziehungen zwischen Byzanz und Rußland in der zweiten Hälfte des 12. Jh. // Byzantinistische Beiträge. Berlin, 1964. S. 336) основана на передатировке, в свою очередь, императорского послания Мануила — не начало 1155 г. (см.: *Dölger F.* Regesten. Bd. 2. № 1397; *Chalandon F.* Les Compiègne. Vol. 2. P. 408, n. 3), а декабрь 1158 г. Й. ван Дитен осторожнее принимает весь срок с начала 1155 до осени 1158 гг. в качестве возможного периода свершения этих событий.

⁴ Итак, можно видеть, что «отмеченное выше беспокойство Византии по поводу утверждения Ярослава Осмомысла на Дунае и его сближения с Венгрией особенно возросло, когда, по сообщению Ипать-

(*Рассказ о бегстве Андроника Комнина из константинопольской тюрьмы.*)

Вот так Андроник, бежав из темницы, пришел к тавроскифам. Нам же следует вернуться к тому, о чем шла речь.

Тот Мануил¹ пришел к Примиславу² как по названным [причинам], так и с целью привести оттуда вспомогательное

евской летописи о рассмотренных нами событиях, в 1164 г. в Галич «прибеже из Царьграда братан царев кир Андроник».

Ярослав Осмомысл оказал ему отличный прием и дал ему несколько городов «на утешение» (ПСРА. Т. 2. Стлб. 524: 1165 г.); Андроник заседал в княжеском совете и охотился на диковинных для него зубров (Nicet. Chron. 333, 52). В Константинополе ходили слухи, что он набирает «скифскую» конницу. Исследователи считают, что Андроник знал русский язык (см.: Nicet. Chron. 132, 19—30; *Шестаков С. П.* Византийский посол. С. 375; *Jurewicz O.* Andronik I. S. 340—341). Галицко-венгерско-половецкий союз страшил Мануила. Византийской дипломатии стоило многих усилий восстановить мир с Ярославом: эти усилия Киннам маскировал, утверждая, что Ярослав в невежественной простоте своей легко порвал с Иштваном III и обещал всяческую помощь ромеям (см.: Cinn. 235—236, где Ярослав фигурирует, вероятно, как Примислав).

Действительно, галицко-византийское примирение состоялось, судя по тому, что около 1165 г. Мануил прислал в Галич за Андроником в качестве послов двух митрополитов, зовя его на родину; Ярослав же со своей стороны отправил с Андроником (ставшим затем правителем Киликии) епископа Кузьму и знатных мужей (ПСРА. Т. 2. Стлб. 524; ср.: *Frances E.* Les relations russo-byzantines au XIIe siècle et la domination de Galicie au Bas-Danube // BS. 1959. Т. 20. P. 50—62). Когда в Венгрии королем стал Бела III, отношения Византии с ней улучшились, а Галичины — ухудшились.

Итак, правительству Мануила I Комнина с помощью, очевидно, рассматриваемого во фрагменте посольства, удалось сохранить киевско-византийский союз, а галицко-византийский разрыв, вероятно, ценой каких-то уступок — предотвратить» (*Пауто В. Т.* Внешняя политика. С. 195—196).

¹ Византийский посол — Мануил Комнин. Вопреки мнению Х. Кап-Херр (*Kap-Herr H. von.* Die abendländische), он не идентичен императору Мануилу I Комнину.

² Существуют различные предположения относительно того, какого именно князя здесь имеет в виду Киннам. С. П. Шестаков (Византийский посол. С. 379—381) предложил следующее понимание: Примислав-Первослав (Первослав) — по аналогии с другим

Примиславом-Первославом — сербским династом, упомянутым Киннамом в другом месте (Cinn. 204, 2; о нем см.: Византијски извори. Т. 4. С. 56, прим. 138). «Первослав» понимается как Ярослав, согласившийся выставить вспомогательное войско (235, 1); из этих отождествлений делается вывод о дружественных отношениях между Византией и Галичем около 1165 г. вопреки распространенному суждению об ухудшении византино-галицких отношений при Ярославе.

Однако во всей этой цепи идентификаций очевидны натяжки; нет необходимости и в предлагаемых С. П. Шестаковым конъектурах, существенных для доказательства его построений. Аналогичный перевод имени, правда, сербского жупана — «Прибислав», что представляется сторонникам отождествления более близким к звучанию «Първослав» (ИБИ. Т. 14. С. 247, прим. 11), — опирается на возможность одинакового написания в рукописи минускульного письма букв «μ» и «β», а отсюда — и вероятной путаницы. Однако в Cod. Vat. gr. 163 (единственной рукописи сочинения Киннама), на л. 254 ясно читается *Primisthlabos* (ср.: *Babos F. Adalekok Kinnamos Szovegtortenetehz. Budapest, 1944. S. 11*). Аналогичная ситуация и с чтением топонима *Kiama* (Киев).

М.М. Фрейденберг, отказавшись от попыток поиска морфонологических соответствий имени, считает возможным видеть в Примиславе Мстислава Изяславича Волынского (ср.: *Гром К. Я. Из истории Угрии. С. 330; Vernadsky G. Relations. P. 271*). Эту гипотезу обосновал В. Мошин (Русские на Афоне. С. 53), зная, что Мстислав Волынский — один из самых крупных русских князей, занявший киевский престол после смерти Ростислава в 1169 г. К тому же этот князь был связан с Византией: он дважды оборонял от половцев византийских купцов на Днестре. М. В. Левченко (Очерки. С. 489) не делает попыток определенных объяснений, просто говоря, что «Примислав — один из князей Тавроскифии». Ф. Дэльгер в регестах византийских императорских актов посольство к Примиславу (Первославу «Русскому» (*Dölger F. Regesten. Bd. 2. № 1459; ср.: Cinn. 232, 3, 235, 1*) отличает от посольства к Ярославу Галицкому (*Dölger F. Regesten. Bd. 2. № 1461; Cinn. 235, 7*).

Имея в виду возможность указанных атрибуций, следует учесть, что в византийских текстах имена русских князей передаются подчас в очень искаженной форме, что не позволяет проводить обоснованных идентификаций на основе звуковых сопоставлений. Так, например, Иоанн Скилица (конец XI в.) сообщает: «скончались архонты родов Несислав и Йерослав, и был избран править росами родственник скончавшихся Зинислав». Исходя из имеющегося текста сочинения Киннама, наиболее вероятна идентификация Примислава с Ярославом Галицким. Однако возможная порча текста не позволяет давать твердое обоснование этому предположению.

войско для ромеев¹. Ему было предписано² переговорить о помощи и с самим архонтом³ Тавроскифской страны Росиславом⁴. И он, действительно, добился цели⁵. Чрезвычай-

¹ Необходимость высокого посольства на Русь для получения военной помощи свидетельствует о равноправии Византии и Галича в политических вопросах, отсутствии вассальной зависимости в это время Руси от империи, так как сюзерен получал в свое распоряжение военные силы подданных династов автоматически — без специальных посольств.

² Отметим различие в толковании данного пассажа. Карпов (Краткое обозрение. С. 260) переводит: «был от него посол также к Ростиславу», т. е. подразумевается наличие еще одного посла, кроме Мануила Комнина. Контекст повествования, его дальнейшее содержание не позволяют предположить это.

Ч. Бранд (*Brand Ch. Deeds*. P. 177) понимает фразу иначе: «Он (т. е. Мануил Комнин. — М. Б.) был отправлен к нему (т. е. к Примиславу. — М. Б.) и к Ростиславу».

Наш перевод основан на учете редупликации в предложении союза *kai*: при понимании Ч. Бранда такое его употребление необходимо.

³ «Архонтами» византийская традиция называла, в частности, иноземных правителей, в том числе и русских князей. В данном пассаже термин «архонт» заменяется в близком контексте термином «первенствующий» (Cinn. 235, 4, 236, 8). Вряд ли следует считать недоразумением, как это делал К. Я. Грот, упоминание в трех разных местах одного и того же князя. Очевидных противоречий в этом нет.

⁴ Великий князь киевский Ростислав Мстиславич (1154—1168 гг.). По сообщению Киннама (236, 3), именно он клятвой подтвердил свое согласие оказать Византии помощь в действиях против Венгрии. Итак, отношения Киева с Византией, натянутые в начале правления Ростислава, впоследствии улучшились.

Относительно греческого написания имени этого князя следует отметить, что наличие или выпадение *t/th* в сочетаниях *st/sth* было факультативным. Ср. написание имен русских князей в рукописях сочинения Скилицы.

⁵ Подробности этого посольства известны из русской летописи (Ипатьевская летопись под 6672 г.: ПСРА. Т. 2. Стлб. 92). Заключенный договор, в частности, обуславливал порядок назначения митрополита в Киеве, военную помощь для империи.

См.: Грот К. Я. Из истории Угрии. С. 327 и след.; Шестаков С. П. Византийский посол. С. 371, прим. 4; Kap-Herr H. van. Die abendländische Politik. S. 82; Chalandon F. Les Comnène. Vol. 2. P. 482; Пауымо В. Т. Внешняя политика. С. 194).

но обрадованные, что такого [высокого] посла отправил к ним василевс, они обещали выполнить все, что угодно василевсу.

Василевс не обошел поэтому вниманием и Иерослава¹; различными уловками он возбудил его против Стефана², направив ему следующее [послание]³: «Мы не уподобимся тебе в недружелюбии, которое ты без всякой нужды явил по отношению к нам, когда пренебрег словами и договорами, в которых ты клялся прежде. Я ставлю [тебя] перед лицом [твоего] бесчестия, [поскольку] ты сам рискуешь оказаться совершенно обещенным. Знай, что ты отдаешь замуж свою дочь⁴ за короля пеонцев⁵ — человека злонравного и ужасно ненадежного в помыслах, ибо он никогда и никак не внимал ни праву, ни истине. А человеку, чуждому как естеству, так и законам, я считаю, легко сделать все, во что бы он ни был вовлечен. Итак, да не женится Стефан на твоей дочери! Да не совершит по отношению к ней ничего имеющего законные [основания]! Если же женится, то будет с ней связан не более, чем как с распутницей. Ибо тот, кто так погрешил по отношению к ва-

¹ Ярослава Осмомысла Галицкого.

² Венгерский король Стефан (Иштван) III.

Как указывалось, посольство Мануила к Ярославу Галицкому в регестах Ф. Дэльгера фигурирует отдельно от переговоров с «Примиславом» (ср.: Густынская летопись — 6673 г.).

М. Д. Приселков (Русско-византийские отношения IX—XII вв. // ВДИ. 1939. № 3. С. 108) рассматривает это посольство в двух планах: как стремление императора Мануила, готовившегося к войне с Венгрией, втянуть в войну Ростислава Киевского, и как задачу возвращения Андроника, «искавшего помощи у половцев». При этом исследователь считает, что удалось только последнее. Однако киевский князь все-таки обещал василевсу помощь в борьбе против Венгрии, хотя и не принимал, видимо, в ней активного участия (*Пауто В. Т.* Внешняя политика. С. 194). О политических же намерениях Андроника Комнина относительно куманов у нас нет никаких свидетельств.

³ *Dölger F.* Regesten. Bd. 2. № 1461. См.: *Гром К. Я.* Из истории Угрии. С. 327 и след.; *Шестаков С. П.* Византийский посол. С. 375; *Fejer G.* Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus et civilis. Budae, 1829/1838. P. 7, 1, n. 114; *Chalandon F.* Les Comnène. Vol. 2. P. 482—483.

⁴ По Киннаму (260, 21), русская княжна в 1166 г. была еще в Венгрии.

⁵ Т. е. венгерского короля Стефана (Иштвана) III.

шей державе, не постыдившись недавно данные клятвы обр-
ратить в шутку, — подумай, как бесчеловечно поступит он по
отношению к тебе!»

Выслушав эти слова с какой-то варварской простотой¹,
Примислав тотчас же был убежден и на зятя стал коситься,
как на врага, и согласился помогать всеми силами ромеям в
войне против него².

Есть в Тавроскифской стране город по имени Киама³, кото-
рый превосходит все другие города, воздвигнутые там, и яв-

¹ Безыскусность, простота, бесхитрость — один из топов описания «варварского» мира у византийцев (см.: Бибииков М. В. Пути имманентного анализа византийских источников по средневековой истории СССР // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 104—105). Идущие от античных времен представления об экзотической чистоте человеческих отношений, идиллическом миролюбии и беззаботной веселости (из авторов XII в. см.: Никита Хониат — Nicetae Choniatae orationes et epistolae / Rec. J.L. van Dieten. Berlin; Novi Eboraci, 1972. P. 196. 18 sq.; Михаил Хониат — *Lampros Sp.* Michael Akominatou tou Choniatou Ta sozomena. Athenai, 1879. Т. 1. С. 99.31—100.3; Евстафий Солунский — *Tafel Th. Eustathii Thessalonicensis Opuscula.* Amsterdam, 1964. P. 64.6 sq., 75. 8 sq.) стали компонентами описательного «этнического портрета» «варварского» мира в византийской историографии и риторике.

² Итак, отношения Византии как с Киевом, так и с Галичем в результате посольства Мануила Комнина упрочились (см.: История Византии. Т. 2. С. 353). «Свидетельством дружественных связей Византии с Русью в это время является быстрый рост числа русских монахов на Афоне. В 1169 г. афонский протат уступает русским большой запустевший монастырь Солунцев (Солунца) со всеми его владениями, сохранив за русскими и обитель Ксилурга. Монастырь Солунца, или Русский монастырь св. Пантелеймона, скоро стал одним из крупнейших монастырей Афона и в течение многих веков играл важную роль в развитии русско-византийских и русско-греческих связей» (Бибииков М. В. Афонские акты IX — начала XIII в. как источник по истории народов Руси и Северного Причерноморья: (Материалы и метод. вопросы) // Проблемы социально-экономической истории СССР. М., 1977. Ч. 2. С. 192 и след.).

³ Киев. Предложенная специалистами поправка к чтению — Киава или даже Киова, что могло быть ближе к русскому произношению, основана на возможном одинаковом написании минускульных «β» и «μ». Однако в рукописи отчетливо читается «Киава», так что оснований для пересмотра текста нет.

ляется митрополией этого народа¹, так как сюда прибывает и архиерей из Византии². У города есть и другие привилегии

М. Д. Приселков интерпретировал утверждение Киннама, что Киев является главным русским городом, таким образом, что это заявление отражает несведомленность Византии в политической ситуации на Руси, уже переживавшей период раздробленности. Следует, однако, заметить, что Киннамом отражена и борьба отдельных княжеств за гегемонию в это время (напр., Галицкого и Киевского). Одновременно Киннам или его информатор как раз верно определили не только политическую, но и престижную функцию владения в XII в. киевским столем, за который шло ожесточенное соперничество русских князей.

¹ Античное значение термина «митрополия» (город — основатель колоний) сохранялось и в византийский период.

Однако наиболее характерно для греческого языка византийского периода значение этого слова как технического термина, обозначающего церковную область (управляемую митрополитом), в которую входило несколько епископий — также церковных округов.

В данном случае возможна контаминация значений: церковный центр (что особенно важно для Византии, пославшей в Киев иерархов из Константинополя) и столица (наиболее общее, нетехническое значение слова) объединились в данном случае (ср.: *Понне А.* Русская митрополия Константинопольской патриархии в XI столетии // *Византийский временник.* 1968. Т. 28. С. 85 и след.; *Ропфе А.* *Ránstvo i kosciol na Rusi w XI wieku.* Warszawa, 1968).

Ч. Бранд подчеркивает в переводе — «(церковная) столица» (*Brand Ch.* *Deeds.* P. 178), Ж. Розенблюм переводит просто «столица» (*Rosenblum J.* *Jean Kinnamos.* P. 153).

² Киевская Русь находилась под супрематией константинопольского патриархата, в соответствии с чем на Русь из Константинополя управлялись митрополиты-греки (*Щанов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 164 и след.). Из 24 известных на Руси митрополитов X — начала XIV вв. 22 были греками (*Ропфе А.* // *Podskalsky G.* *Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus'* (988—1237). München, 1982. S. 282—301; *Понне А.* // *Щанов Я. Н.* Государство. С. 191 и след.).

В середине XII в. проблема русско-византийских церковных отношений в связи с постановлением иерархов из Византии приобрела особую остроту (*Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский и Лука Хрисоверг: (Из истории русско-византийских отношений XII в.) // *Византийский временник.* 1962. Т. 21. С. 29—50; *Он же.* «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. // *Византийский временник.* 1963. Т. 23. С. 23—46; *Он же.* Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // *ВВ.* 1965.

старшинства¹. Так вот, правитель этой страны² и сам стал союзником в войне против Стефана, решение о чем подтвердил клятвами.

Пока это происходило, король аламанов Фредерик³ понял, что василевс решительно противодействует ему на Западе, и,

Т. 26. С. 190—218; Паушто В. Т. Внешняя политика. С. 190—193; *Vod-off V. Un «partie theocratique» dans la Russie du XIIe siècle? (Remarques sur la politique ecclésiastique d'André de Bogoljubovo) // Cahiers de civilisation médiévale. Poitiers, 1974. Т. 17. Р. 193—215; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 130—133; Hurwitz E. Prince Andrej Bogoljubskij: The Man and the Myth. Firenze, 1980. Р. 29—32).*

¹ Киннам выражает представление о Киеве как о столице всего Древнерусского государства. Аналогом греческого термина «митрополия» может служить его древнерусская калька «матерь городов русских», приложимая к Киеву

² В данном случае, очевидно, Ростислав (см.: Левченко М. В. Очерки. С. 483—487).

³ Германский император Фридрих I Барбаросса (1152—1190), который, еще будучи герцогом швабским, участвовал во Втором крестовом походе. Действия Фридриха в Южной Европе логически вытекали из всей прежней захватнической политики Штауфенов в этом регионе. «Почти половину своего царствования Фридрих I Барбаросса провел в войнах за установление господства над городами Ломбардии. В авантюристических проектах германского императора важное место занимала Византия — «маленькая Греция», как пренебрежительно именовал Фридрих I уцелевшие части Восточноримской империи. Его придворный историограф Оттон Фрейзингенский в биографии Фридриха I, приходявшегося ему племянником, упоминает, в частности, о том, что государь неоднократно называл себя «владыкой мира» и открыто заявлял о своем твердом намерении раздвинуть границы Германской империи до пределов старой Римской империи (Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. С. 175—176).

В отношениях с Византией в середине 60-х годов XII в. важное значение имели связи с германским императорским домом волинского князя. «У Изяслава был союз с чешским королем Владиславом II, вследствие которого русские и чехи вместе с немцами Фридриха I действовали в венгерско-византийской войне 1164 г. против Византии. Более того, в 1165 г. король Владислав представлял на венгерском съезде покровительству Фридриха I русского князя (MGH SS. Vol. 20. Р. 501), может быть, одного из вассалов Галича либо Волыни, а возможно, и

прекратив распри, заключил союз с ромеями¹ и сам поклялся василевсу вступить в войну против Стефана.

Не решились остаться в стороне от этой кампании ни Эррик², который был женат, как неоднократно говорилось, на племяннице василевса Феодоре³, ни неисчислимое войско скифов⁴ и сербов, подданных ромеев; тогда и султан⁵ в соответствии с соглашением послал союзные силы. Отовсюду была собрана мощная армия.

В то же время и Владислав⁶, один из династов в Тавроскифской стране⁷, с детьми, женой и всеми своими людьми добровольно перешел к ромеям⁸. Ему была отдана

молодого суздальского князя Всеволода Юрьевича, возвратившегося из византийской ссылки» (*Пауито В. Т. Внешняя политика. С. 219*).

¹ Создавая около 1165 г. коалицию против Стефана III, Мануил заключил соглашение с Фридрихом Барбароссой. Этот союз не только нейтрализовал германские силы от возможной поддержки Венгрии, но и дал возможность Византии привлечь к войне со Стефаном силы многочисленных союзников Фридриха I.

² Генрих Язомиргот Бабенберг, маркграф, с 1156 г. — австрийский герцог. Брат германского императора Конрада III, с которым он участвовал во Втором крестовом походе.

³ Генрих Австрийский был мужем племянницы Мануила — Федоры (дочери Андроника Комнина и Ирины Комнины). Он женился в 1148 г. в период пребывания крестоносцев Конрада III в Константинополе.

⁴ Обычно считается, что это печенеги (*Chalandon F. Les Comnène. Vol. 2. P. 483, n. 2*), события датируются началом 1164 — концом 1165 гг. (Византийски извори. Т. 4. С. 7, прим. 194). К. Я. Грот (Из истории Угрии. С. 337) видит в этих «скифах» кочевников-наемников. Возможно, что ими были куманы.

⁵ Сельджукский султан Иконийского султаната (Рум) — Кылич-Арслан II.

⁶ М. М. Фрейденберг (Указ. соч. С. 42) отмечает, что личность Владислава не известна (ср.: *Левченко М. В. Очерки. С. 485*). По мнению Е. Ч. Скржинской (доклад в Ин-те истории СССР АН СССР 4 апреля 1974 г.), Владислав является перепутанным в источнике Мстиславом.

⁷ Т. е. русских князей.

⁸ В XII в. известны случаи, когда русские князья приходили к византийскому двору и становились подданными императора, получая при этом в удел определенные земли в Византии. Такими были и Василько и Мстислав Юрьевичи.

земля у Истра¹, которую некогда² василевс дал пришедшему

При этом характерно, что, несмотря на то что русский элемент, по всей видимости, в составе варяжского корпуса с конца XI в. сокращается (*Васильевский В. Г.* Труды. Т. 4. С. 354; ср.: *Янин В. Л., Литаврин Г. Г.* Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв. // История СССР. 1970. № 4. С. 40—42), как раз ко времени Комнинов относятся сведения о ряде знатных русских эмигрантов, поступавших на службу к василевсам. Олег Святославич, проживший несколько лет на Родосе, не должен быть включен в категорию приближенных византийского императора: его пребывание в Византии — ссылка, а не служба (*Паушто В. Т.* Внешняя политика. С. 85). В историографии широко распространено представление, что Олег был женат на гречанке Феофано Музалонисе (*Янин В. Л.* Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965. Вып. 2. С. 76—88).

Иоанн Русский, протосеваст, известен по печати XI—XII вв. (*Laurent V. La collection C. Orghidan.* Paris, 1952. № 69). В 1129 г. великий князь Мстислав Владимирович сослал в Византию пять половецких князей, но они, по-видимому, пробыли там недолго (*Паушто В. Т.* Внешняя политика. С. 187, 337). Иван Ростиславич Берладник, искавший спасения от Ярослава Осмомысла, поселился при Мануиле I в Солуни, где был, по-видимому, отравлен в 1162 г. (ПСРА. Т. 2. Стлб. 519). Феодор, названный в надписи на энколпии (скорее всего XII в.) русским из царского рода (*Lampros Sp.* Но *Markianos kodix II.* 1531. № 254). Возможно, что к числу княжеских эмигрантов должна быть отнесена и княгиня Ксения Брячиславна, похороненная в церкви Даниила Столпника в Македонии (*Антоний.* Книга Паломник // Православ. Палестинский сборник. 1899. Т. 17. Ч. 3. С. 36). Наконец, Юрий (Георгий), сын Андрея Боголюбского, муж грузинской царицы Тамары, которая развелась с ним и изгнала его из Грузии. Он прибыл в Константинополь осенью 1187 г. (см.: *Мурадян П. М.* К хронологии некоторых событий в Грузии и Армении конца XII в. // Вест. Матенадарана. 1969. Т. 9. С. 125—134; ср.: *Еремян С. Т.* Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках // Науч. труды Ереван. ун-та. 1946. Вып. 23. С. 403—419), провел некоторое время в византийской столице, а затем попытался вернуться на грузинский престол, сначала при поддержке византийцев, затем — атабека Азербайджана.

¹ П. Нэстурел (*Nasturel P. Ş. Valaques, coumans et Byzantins sous le regne de Manuel Comnène* // *Byzantina.* 1969. Т. 1. Р. 184) считает, что земли русским князьям в середине XII в. давались где-то в устье Дуная, если не на Буге или в южной Молдавии.

² По Ипатьевской летописи, эти события произошли в 1162 г. (ПСРА. Т. 2. Стлб. 321; ср.: Там же. Стлб. 520).

Василику¹, сыну Георгия², который среди филархов³ Тавроскифской страны обладал старшинством.

(Союз с венецианцами, направляющими ромеям флот.)

[1165 г.]

(Во время венгерской кампании Мануил I Комнин идет к Дунаю, где происходит столкновение у Зевгмина с войсками Стефана III.)

Таково было положение дел⁴, когда прибыли лазутчики ромеев с сообщением о приближении великого войска⁵: можно было видеть, как пыль поднимается высоко в воздух. А

¹ После того, как в 1162 г. суздальский князь Андрей Боголюбский (1155—1174 гг.), сын Юрия Долгорукого, решительно расправился с «передними» мужами своего отца, выслал свою мачеху и ее сыновей — Мстислава и Васильку, своего брата Всеволода и племянников — Ростиславичей и (вторично) епископа Леона (ПСРА. Т. 2. Стлб. 520), все эти люди, видимо, сблизилась с противной партией и мешали политике Андрея. Они отправились в Византию, где Мануил дал («дасть царь») Васильку четыре города «в Дунае», а Мстиславу — «волость Оскалана» (ПСРА. Т. 2. Стлб. 321; Т. 25. С. 72).

² Т. е. Юрия Долгорукого (ок. 1090—1157). Князь Ростово-Суздальский, с 1155 г. — великий князь в Киеве. Сын Владимира Мономаха (*Творогов О. В. Рюриковичи // Русск. лит.-ра. 1990. № 2. С. 164.*)

³ Юрий Долгорукий рассматривался в Константинополе как надежный союзник Византии (*Chalandon F. Les Comnène. P. 414—415.*) «Став великим князем, ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий вернул русскую церковь (после изгнания Изяславом греческих митрополитов) под византийское верховенство. Однако через несколько лет после его смерти греческий митрополит был снова изгнан из Киева. Киевский князь Ростислав отказался в 1164 г. принять нового греческого митрополита. Лишь с помощью богатых даров Мануил I смог заставить Ростислава уступить» (*История Византии. Т. 2. С. 352.*)

⁴ События, предшествовавшие рассматриваемым здесь, Киннамом излагаются следующим образом. После взятия венграми Срема в 1165 г. сообщается об отравлении Стефана IV (239, 15—21). Оно произошло 13 апреля. Тогда Мануил, узнав об этом, пошел туда. В июне 1165 г. (240, 8) отправился из Сердики (совр. София; см.: *Тивчев П. За участието на българите във византийската войска. С. 90*) к Дунаю (о дате См.: *Византијски извори. Т. 4. С. 80, прим. 210*). Здесь произошла стычка при Зевгмине, после которой византийские дозорные увидели приближение союзного венгерского войска во главе с королем (Стефаном III). Итак, события разиваются летом 1165 г.

⁵ Т. е. армии венгерского короля Иштвана (Стефана) III.

один из славных гуннов¹, по имени Васас², перешедший на сторону ромеев, утверждал, что недалеко находится король пеонцев³, который ведет и другое, превосходящее по численности войско, а также скифов⁴ вместе с тавроскифами⁵; он говорил, что вернулся к ним, кроме того, со всем войском и династ чехов⁶.

¹ Гуннами Киннам называет венгров (*Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 235*).

² См.: *Ibidem*. По мнению специалистов, греч. «Васакос»; соответствует венг. *Vasas* — Вашаш (*Gyoni M. Magyarasag. S. 78; Moravcsik Gy. Symbolai eis ten cheirographon paradosisin. P. 313*).

³ Т. е. венгерский король Стефан (Иштван) III (1162—1173 гг.).

⁴ Обычно считается, что это — печенеги (Византијски извори. Т. 4. С. 82, прим. 217) или куманы (*Грот К. Я. Из истории Угрии. С. 341—342; ИБИ. Т. 14. С. 55, прим. 1*).

⁵ Очевидно, русские. Как известно, «заяв венгерский престол, Иштван III вел борьбу против Византии, сохраняя союз с Вольнью и продолжая сближение с Галичем. К этому времени распался союз двух империй, и поэтому, очевидно, вольнские воины наряду с немцами Фридриха I Барбароссы и чехами короля Владислава II и сражались успешно в это время на стороне Иштвана III против Византии (*Шестаков С. П. Заметки к стихотворениям Codicis Marciani // Византийский временник. 1923—1926. Т. XXIV. С. 50; Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.). Прага, 1935. Т. 1. С. 88*), тогда как послы другой, суздальской, группировки находились в ставке Мануила» (*Пашуто В. Т. Внешняя политика. С. 179*).

⁶ Чешский король Владислав II (см.: *Cinn. 223; 226; Otto Fris. II de Gest. Frid. С. 40; Radenicus 1.3. С. 13; Aeneas Silvius, Historia Bohem. С. 24. ср.: Guntherus 1.6 Ligii: «Lableslaus»). О его связях с Русью говорит тот факт, что в свое время, возвращаясь из Второго крестового похода в 1148 г., Владислав II ехал из Византии через Русь («per Ruziam»: *Vincenti Pragensis Chronica // Fontes Rerum Bohemiarum. Praha, 1874. Т. 2. P. 418*), видимо, через Киев, где правил вольнский князь Изяслав (*Пашуто В. Т. Внешняя политика. С. 184*).*

Дальнейшие судьбы византино-венгерских взаимоотношений были определены победной для Византии битвой при Зевгмине (*Cinn. 245 f.*), в результате которой город был взят, за чем последовало присоединение Срема и всей Далмации. После этого Мануил возвратился в Константинополь, оставив в Далмации Никифора Халуфу, получившего наместничество от Иоанна Дуки.

Книга 6

[1166 г.]¹

(Вновь разгорелась византино-венгерская война. Лев Ватац наносит венграм удары со стороны Причерноморья.)

[Василевс] же, стремясь нанести и второй удар [по противникам]², вновь послал против них войско, приказав откуда-нибудь сверху обрушиться на гуннов, живущих у тавроскифской страны³. Командовали этой армией Андроник Лапард, Никифор Петралифа и многие другие. Во главе же был Иоанн Дука, о котором я уже часто упоминал. Пройдя

¹ Разгоревшаяся снова в 1166 г. византино-венгерская борьба рисуется Киннамом следующим образом. Стефан III, нарушив мир, послал Дионисия (бачский жупан? См.: Византијски извори. Т. 4. С. 89, прим. 249) отвоевать Срем. Удачной для Дионисия оказалась стычка с византийскими войсками дуки области Михаила Гавры и Михаила Враны. Бегство ромеев продолжалось вплоть до Зевгмина, Мануил I Комнин предпринял ответные меры (259, 23 и след.): послал с войском к Дунаю Алексея Аксуха (сына великого domestika Иоанна Аксуха) и протостратора Алексея-Белу. А Лев Ватац с отрядом «влахов» (260, 8; см.: *Stanescu E. Les «Blachoi» de Kinnamos et Choniates // Revue des Études Sud-Est Européennes. 1971. Т. 9. № 3. P. 585—593; Nasturel P. Ş. Vlachobalcanica // Byzantinisch-Neugriechisches Jahrbuch. Bd. 22. S. 221—248)* был направлен для нападения на Венгрию со стороны причерноморских земель. Алексей, решивший сразу же переправиться через Дунай, привел в страх венгров; Лев Ватац совершал карательные операции: угнав множество скота и проч., вернулся к императору. Тогда Мануил и решил напасть на пограничных с Русью венгров.

К. Я. Грот (Из истории Угрии. С. 354—356) относил эти события к ранней осени 1166 г. В других работах принята другая дата — 1167 г. (см.: *Hotan B. Geschichte. Bd. 1. S. 399; Moravcsik Gy. Bizanc es a Magyararsag. S. 82; Chalandon F. Les Comnène. Vol. 2. P. 486—487; Јуречек К., Радонић Ј. Историја Срба. Т. 1. С. 146; Klaić N. Povjest Hrvata u ranom srednom vijeku. Zagreb, 1971. Bd. 1. S. 169).*

О хронологии событий см. также: *Racz J. Bizanci koltemenyek Manuel, czaszar magyar hadjaratairol (Magyar-gorog tanulmanyok 16). Budapest, 1941. P. 122; Moravcsik Gy. A magyar turtenet bizanci forrasai. Budapest, 1934. P. 201; Ферлуза Ј. Византијске војне операције против... С. 157—165.*

² После удачных действий Льва Ватаца, византийского полководца.

³ Т. е. у русской границы.

долгий и тяжелый путь и миновав совершенно незаселенные земли, они вскоре вторгаются в гуннскую страну¹; часто встречая многолюдные деревни, захватывали богатую добычу; многих перебили, а еще больше взяли в плен.

(*Посредничество австрийского герцога Генриха в примирительных переговорах в Сердике между Мануилом I и Фридрихом I Барбароссой.*)

¹ Стремясь дать ответный удар, Мануил направил одно войско от Срема, другое (под командованием Лапарда и Петралифы) — с задачей проникнуть в Венгрию через Русь. К. Я. Грот (Из истории Угрии. С. 360) считает, что поход должен был проходить по совр. Молдавии, Буковине и Северной Трансильвании. Ср.: *Nasturel P. Ş. Valaques*. P. 181.

После 1167 г. военные действия в Венгрии прекратились (см.: История Византии. Т. 2. С. 326). Венгрия капитулировала, Сирмий, Хорватия и Далмация — все спорные территории — оставались за империей. Венгерская церковь признала супрематсию Константинополя. Византия должна была получать ежегодную дань, а венгерская знать выдавала заложников как гарантию своей покорности (таковы условия мирного договора в речи ипата философов Михаила: *Browning R. A New Source of Byzantine-Hungarian Relations in the XIIth C. // Balkan Studies*. 1961. Vol. 2. P. 180 sq.). Но нельзя точно определить, относятся ли эти условия к договору 1165 г. или 1167 г. К первой дате склоняется П. Вирт (*Wirth P. Das bislang erste literarische Zeugnis für die Stephanskronen // Byzantinische Zeitschrift*. München, 1960. Bd. 53. S. 79 f). Об эпиграмме см.: *Moravcsik Gy. Subsidia Byzantina*. Amsterdam, 1957. P. 297—299.

Эррик¹, возвращаясь домой², когда оказался в Пеонии³, склонил Стефана⁴, прогнавшего тавроскифянку⁵, жениться на своей дочери-девице⁶. Так и случилось.

(*Венгры вновь намерены отвоевать Сербию.*)

[1167 г.]⁷

¹ Австрийский герцог, маркграф Генрих Язомиргот был посредником во время примирительных переговоров в Сердики между Фридрихом I Барбароссой и Мануилом с целью организации новых походов на Венгрию. По Киннаму, эти переговоры были синхронны с походом Иоанна Дуки (261, 12), т. е. оба события датируются 1166 г.

² Из Сердики (совр. София) после исполнения посреднической миссии.

³ Т. е. в Венгрии. Генрих Язомиргот, как и чешский король Владислав II, с самого начала противились проектам германского короля Фридриха Барбароссы объявить войну Венгрии (*Васильевский В. Г. Труды. Т. 4. С. 64, 66*) как союзнице враждебной Гогенштауфенам Сицилии (*Otto Fris. Gesta Friderici I, lib. II, cap. 3 // MGH SS. Scriptores. Vol. 20. P. 414*).

⁴ Венгерский король Иштван III (Стефан III).

⁵ Т. е. дочь Ярослава Галицкого. Как сказано выше, Стефан III, заняв престол, вел борьбу против Византии, сохраняя союз с Волынью и продолжая сближение с Галичем (*Пашуто В. Т. Внешняя политика. С. 179*). К этому времени распался союз двух империй, и волынские войны сражались на стороне Стефана III против Византии (Cinn. 242—243), тогда как суздальцы были на стороне Мануила. В этой обстановке возник даже проект женить короля на дочери Ярослава Осмомысла, которая в 1164—1165 г. ездила в Венгрию. Но из-за интриг Мануила I брак расстроился (см.: Cinn. 235—236; ср.: *Грот К. Я. Из истории Угрии. С. 331, 363*). См.: *Homan В. Geschichte. Bd. 1. S. 396*.

Существующие русский и французский переводы (Краткое обозрение. С. 29; *Rosenblum J. Jean Kinnamos. P. 169*) дают несколько иной смысл фразы: «убедил (...) прогнать тавроскифянку и взять в супружество дочь его», т. е. эти акты представляются одновременными, что неверно.

⁶ О женитьбе Стефана III на дочери Генриха см.: *Continuatio Zwetlensis prima / MGH SS. Vol. 9. P. 538 (1166); Continuatio Claustroneoburgensis, II // MGH SS. Vol. 20. P. 492*.

⁷ Разоблачение описываемого во фрагменте заговора Алексея Аксуха и пострижение его произошло в то время, когда Мануил был в Сердики в 1167 г. (Cinn. 265, 14). От неудавшегося заговора эти события отделяются, по Киннаму, небольшим промежутком времени (269, 14). На этом основании сам заговор относят к весне 1167 г. (ср.: *Nicet. Chron. 143, 65*). См.: *Тивчев П. За участието на българии във византий-*

(Попытка антиимператорского заговора Алексея Аксуха.)

Отряд скифов¹, находившихся у ромеев в качестве союзного [войска]², сначала был весьма обеспокоен по поводу жалования; затем удалось договориться. Но протостратор³ в частном разговоре деньгами склонил сделать вид, что они возвращаются к себе домой, а с наступлением полночи беззвучно напасть на палатку василевса и приступить к делу. Это решение и было принято. Но какой-то мальчик из его прислужников в палатке, когда узнал о заговоре, поспешил к евнуху

ската войска през периода на византийското иго (1018—1185) // Ист. преглед. 1963. Т. 19. № 1. С. 90; *Chalandon F. Les Comnène. Vol. 2. P. 489.*

¹ Скорее всего, здесь имеются в виду куманы (половцы), которые как раз в это время усиливали свою внешнеполитическую активность, в массе своей вытеснявшиеся из севернопричерноморских степей (см.: *Плетнева С. А. Половецкая земля. С. 275 и след.; Она же. Половцы. С. 146 и след.*).

² Участие половецких сил в качестве вспомогательных отрядов — отличительная черта военно-политической истории половцев в этот период (*Бибиков М. В. Византийские источники. С. 121 и след.*). Мануил, по описанию Киннама, отправился для оказания отпора венграм, вступившим в Срем. С этой целью, вероятно, и были приглашены куманские силы.

³ Алексей Аксух. Он в 1158 г. возглавлял экспедицию в Италию (*Latta P. Comneni e Staufer. Vol. 2. P. 176, n. 1*). Он был также стратигом-автократором в Киликии в 1165 г. (*Cinn. 227, 17—18*). Очевидно, он является тем протостратором Алексеем, который был послан против венгров в 1166 г. (*Cinn. 260, 3—5*).

Он был одним из богатейших вельмож (*Nicet. Chon. 143, 65*); под Константинополем ему принадлежали проастии (*Cinn. 266, 5—6*). Обвиненный в заговоре, он был пострижен в монахи.

Фоме¹, который тогда был самым преданным василевсу² человеком, и сообщил ему о замысле. Тот же передал все василевсу, а затем представил и мальчика. Василевс не хотел поверить сказанному, пока утром скифы без всякой причины не начали уходить. Их он смог удержать обещаниями, а за Алексеем отправил, чтобы его схватили, и скоро несчастный оказался в тюрьме.

(Суд над Алексеем Аксухом с последующим его пострижением в монахи.)

[1167 г.]³

¹ В Византии роль евнухов была очень значительна. Евнухи занимали духовные посты: епископов, митрополитов, даже патриархов. Но особенно много их было в императорском дворце, среди ближайших служителей императора и императрицы. В IX—XI вв. неоднократно фактическое управление государством попадало в руки видных евнухов (см.: *Guilland R. Les eunuques dans l'Empire byzantin: Etudes de titulature et de prosopographie byzantines // Etudes byzantines. 1943. Vol. 1. P. 197—238; Idem. Fonctions et dignités des Eunuques // Ibid. 1944. Vol. 2. P. 185—225; 1945. Vol. 3. P. 179—214; Idem. Etudes de titulature byzantine: Les titres auliques réservés aux eunuques // Revue des Études Sud-Est Européennes. 1955. Vol. 13; 1956. Vol. 14; Idem. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin: Les titres auliques des eunuques: le protospathare // Byzantion. 1957. T. 25—27 1958. T. 28.*

² Очевидно, Фома являлся так называемым «месадзоном» (*Beck H.-G. Der byzantinische «Ministerpräsident» // BZ. 1955. Bd. 48. S. 310*) Мануила — своего рода «премьер-министром». Г.Г. Бек. *Ibidem*) утверждает, что месадзон занимал высшие посты в служебной иерархии, в результате чего император предоставлял ему большие полномочия, превосходившие возможности других чиновников. Г. Вейсс же полагает, что основой могущества месадзонов в Византии являлось не осуществление ими определенных служебных функций (которые и не были никогда твердо закреплены за месадзоном: этот «титул» не был связан с определенным кругом должностей), а приближенность к самой личности императора (*Weiß G. Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. München, 1973. S. 216. Anm. 352*).

Ч. Бранд переводит иначе («который пользовался тогда высшим расположением императора»: *Brand Ch. Deeds. P. 202*), пренебрегая известным противопоставлением византийских этических категорий «преданность» и «благорасположение». Первое понятие связано с отношением вассала к сюзерену, второе — властителя к подчиненному.

³ Приводимое описание построения византийского войска перед знаменитой битвой у Землина (Зевгмина) 8 июля 1167 г., окончив-

(Византийский военачальник Андроник Кондостефан строит войско перед решающей битвой с венграми у Зевгмина.)

[Андроник Кондостефан] вывел из лагеря войско ромеев в полном вооружении. Построено оно было следующим образом. Он приказал скифам¹ и большей части персов² идти вместе с немногочисленными всадниками, которые сражаются копьями; затем по обеим сторонам следовали фаланги ромеев.

шейся полным разгромом венгров и тем самым положившей конец византино-венгерским войнам 60-х годов XII в., поставлено Киннамом в связь с предыдущими событиями. После поражения Никифора Халуфы и его пленения у Сплита (Cinn. 263, 5) в 1166 г. Мануил, узнав об этом, возвратился в Константинополь с намерением весной следующего года выступить в новый поход. Зиму василевс провел в Константинополе (Cinn. 263—264). После 9 апреля 1167 г. выступил к Филиппополю (265, 5), где принял послов из Венгрии. Переговоры ничем не закончились; василевс тогда отправился в Сердику, где собрал войско (Cinn. 265). Затем послал войска на Сирмий (270, 1), среди военачальников которых находился и Андроник Кондостефан.

После описания данного построения следует рассказ о битве, повлекшей бесчисленные жертвы, пленении византийцами пятерых жупанов и т. п. Полный разгром венгров, по словам Киннама, завершил войны с Венгрией (274, 22).

Все события происходили в 1167 г. (*Jureček K., Radonič J.* Историја Срба. Т. 1. С. 146; *Krumbacher K.* Michael Glykas. S. 419; *Dölger F.* Regesten. Bd. 2. № 1472; *Stiernon E.* Notes de titulature. P. 89; *Грот К. Я.* Из истории Угрии. С. 370), т. е. в году, на котором обрывается повествование Киннама.

Битва у Зевгмина (Землина) произошла в день Прокопия — 8 июля 1167 г. (*Šišić F.* Povjest Hrvata. P. 88). В старой литературе фигурирует дата — 1168 г. (*Грануш Ф.* Војводина у византијско доба // Војводина I. Нови Сад, 1939. С. 104; *Marczali H.* Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Agraden. Berlin, 1882. S. 134).

¹ Скорее всего, куманы (Византијски извори. Т. 4. С. 97, прим. 272; может быть, и печенеги). См.: *Грот К. Я.* Из истории Угрии. С. 374; *Hohlweg A.* Beiträge. S. 73—74.

² Турки-сельджуки.

«Тимарион»

Анонимная сатира в форме диалога «Тимарион» создана в первой половине — середине XII в. Попытки идентифицировать автора с Феодором Продромом, Николаем Калликлом, Никифором Васиlaki, Михаилом Италиком не признаны пока верифицированными, хотя некоторые из аргументов убедительны. В подражание Лукиану византийский сатирик описывает путешествие некоего Тимариона в загробный мир, где тот встречает множество персонажей как прошлого, так и византийской эпохи (например, императора Феофила или писателя Михаила Пселла). Описание в начале сочинения Солунской ярмарки дает живую картину византийских реалий. Сообщение этой части о том, что «города Эвкинского Понта сначала посылают свои товары в Византию и лишь затем обогащают ими ярмарку» (55, 155—157), позволяет усматривать свидетельство о торговле в Византии южно-русских купцов.

Изд.: Romano R. Pseudo-Luciano Timarione. Napoli, 1974.

Пер.: Полякова С. В., Феленковская Т. В. Византийский сатирический диалог. Л., 1986.

Лит.: Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. II. München, 1978. S. 151—154; Baldwin B. The Authorship of the Timarion // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 77. 1984. S. 233—237; Кирилличников А. И. Тимарион или об его страданиях // ЖМНП. 1903. Вып. 36. Март. С. 1—15; Бибинов М. В. Византийские источники о Руси и Кавказе. СПб., 1999 (2-е изд. 2001). С. 135.

ТЕКСТ

(перевод С. В. Поляковой, Т. В. Феленковской)

V. День святого Димитрия — такой же большой праздник, как Панафеинеи в Афинах или Панионии в Милете;

это — величайшее македонское торжество, и стекается на него народ не только тамошний, македонский, но всяческий и отовсюду: греки из разных областей Эллады, мисийские племена, населяющие земли вплоть до Истра и пределов Скифии, кампанцы, италийцы, иверы, луситанцы, кельты из-за Альп¹. Коротко говоря, даже побережье Океана посылает молящихся поклониться этому святому — так велика его слава по всей Европе.

VI. Если же тебя, мой любознательный друг, интересует, что было внутри этих палаток, что я увидел, спустившись с холма, — то представь себе — все на свете, что создается руками ткачей и прях, все решительно товары из Беотии и Пелопоннеса, все, что торговые корабли везут к грекам из Италии. Немалую долю вносят также Финикия, Египет, Испания и Геракловы столпы, славящиеся лучшими в мире коврами. Все это купцы² везут прямо в древнюю Македонию и Фессалонику; города же Евксинского Понта, посылая сначала свои товары в Византий, оттуда украшают ярмарку: множество вьючных лошадей и мулов доставляют из Византия их товары. Все это я увидел позднее, когда спустился.

¹ Мисийцы — болгары, Скифия — земли причерноморских кочевников и Руси.

² «Гости-сурожане» русских летописей.

НИКИТА ХОНИАТ

Родившийся в малоазийских Хонах (антич. Колоссах) ок. 1155 г. Никита Хониат (в старой литературе иногда ошибочно называвшийся Акоминатом) довольно рано, в девятилетнем возрасте, вместе со своим старшим братом — будущим известным ритором и афинским архиепископом Михаилом — оказывается в Константинополе, где получает образование, а затем постепенно начинает продвигаться по лестнице государственной службы. После пребывания в Пафлагонии в начале 80 гг. в качестве чиновника фиска при Алексее I Комнине (1180—1183) он становится императорским секретарем. В этой же должности уже позже он участвует в дунайских походах императора Исаака II Ангела в 1187 г. В 1188—1189 гг. Никита занимает высокий пост в финансовом ведомстве, а в 1189 г. — императорского наместника в Филиппополе (совр. Пловдив). При Исааке Ангеле он дослужился до чина грамматика при логофете дрома, затем стал судьей вила (1190—1191), эфором и, наконец, логофетом геникона и даже логофетом секретов, — титул, по распространенному мнению, идентичный в то время высокому чину великого логофета (фактически — главы кабинета правительства). Находясь на вершине власти почти десять лет (примерно с 1195 до февраля 1204 гг.), Никита, однако, не принадлежал к категории вершителей судеб государства, не был и доверенным советником василевса. События захвата Константинополя крестоносцами в апреле 1204 г. имели для писателя губительные последствия. Потеряв все имущество, он вынужден был спасти себя и свою семью, взяв с собой лишь рукописи своих сочинений, в Селимврии. Затем, в 1206 г., ненадолго вернувшись в Константинополь, он отправляется в Никею, где оказывается вновь в придворном кругу императора Феодора I Ласкаря, хотя активной политической роли не играет. В Никее же Никита Хониат и скончался примерно между 1215 и 1217 гг.

Прижизненный успех, помимо государственной службы, риторю принесло литературное творчество: его речи и письма, адресованные императорам, описывающие политические события современности, отличались содержательностью и совершенством стиля. Он сочинил стихотворный эпиграммический по случаю свадьбы императора Исаака и Маргариты Венгерской (ок. 1185 г.), и вместе с тем — 27 книг церковного трактата «Догматическое всеоружие, или Сокровище православия». Подлинной вершиной его творчества стало историческое сочинение.

«История» Никиты Хониата совмещает в себе обобщающие монографии о правлении Иоанна II, Мануила и Андроника Комнинов и императоров из семьи Ангелов (1118—1206 гг.) с рассказом о собственных переживаниях, злоключениях, взлетах и падениях: в судьбе автора как бы концентрируется судьба государства, а жизнь империи состоит из сотен жизней отдельных людей. Так, падение Константинополя в 1204 г. представляется крушением Византийской империи, оно же стало и крушением личной судьбы писателя.

Записки Никиты Хониата о пережитом, обобщенные в историческом повествовании о судьбах империи его поры, — плод многолетнего труда, начатого еще молодым наблюдательным писателем и продолжавшегося им затем неоднократно вплоть до зрелого возраста. Описав события византийской истории после смерти Алексея I Комнина вплоть до латинского завоевания столицы, Никита Хониат затем, узнав о поражении латинян в Болгарии через год после их триумфа в Константинополе, продолжил повествование. В сохранившемся тексте оно доведено до похода Генриха против болгар в 1206 г. с приложением рассказа о памятниках искусства Константинополя, пострадавших от крестоносцев. Если начальные книги «Истории» писались с использованием сочинений предшественников — Киннама, Евстафия, то начиная с 80-х гг. (времени начала работы автора над историографическим сочинением), исторический материал передается на страницах повествования из первых рук.

Немало в историческом сочинении Никиты Хониата и свидетельств о Руси. Так, сообщается, что венгерский король Геза II (в 1151 г.) оказал помощь своему родственнику (князю Изяславу Мстиславичу) в войне с «соседними Росами» (92, 49), т. е. с Владимирком Галицким, ибо Галицкая Русь считалась сопредельным с Венгрией княжеством.

Много говорится о Руси и в связи с эпопеей бегства Андроника Комнина (будущего императора) из тюрьмы вплоть до его возвращения в 1165 г. из «Галицы» (129, 28). «Галицей» же Никита Хониат называет одну из «топархий росов», которых еще считает «гиперборейскими скифами» (129, 29—30). Описываются обстоятельства бегства Андроника в Галич, его арест «влахами» по пути, хитрости беглеца, благодаря которым ему удастся избежать опасности и добраться до Галича (130, 81—131, 9). Весь последний год перед возвращением в Византию Андроник находился при дворе «правителя Галицы» (132, 20), участвуя с ним в совместных пирах и охотах. Вновь вспоминает Никита Хониат о странствиях Андроника в связи с рассказами о злодеяниях его, когда он стал императором (1183—1185): писатель напоминает (подразумевая, конечно, еврипидову трагедию о Ифигении) об обычае тавроскифов убивать иноземцев (312, 2—4), а ниже замечает, что страсть к зверствам и крови Андроник позаимствовал у народов, среди которых странствовал по свету. Пребывание Андроника на Руси нашло отражение и в его быту: палаты последнего императора из рода Комнинов имели настенные росписи с изображением диковинного зверя, водящегося в «Тавроскифии» — зубра (333, 52—53), русское название которого Никита Хониат воспроизводит в греческой транскрипции. И после свержения с престола в 1185 г. Андроник вновь пытается бежать к «тавроскифам» (347, 39; 348, 63) — на Русь.

Вновь к Руси повествование Никиты Хониата возвращается в связи с сообщением о нашествии болгар и куманов ок. 1200—1202 гг. Помощь Византии оказал, напав на половцев, правитель Галицы Роман, вняв мольбам архипастыря, т. е. митрополита (или епископа) на Руси (522, 28—29). Тем самым росы проявили себя как «христианнейший народ». Примерно этим же временем Никита Хониат датирует и на-

чало княжеских междоусобиц на Руси, когда Роман обогрил свой меч в родственной крови, одолев властителя «Киавы» (т. е. Киева) Рюрика (523, 45). Однако пример братоубийственной вражды «тавроскифы» получили именно из Константинополя, замечает историк (532, 17), намекая на обстоятельства прихода к власти в Византии Алексея III Ангела (1195), затем — возвращения Исаака II вместе с сыном Алексеем IV Ангелом (1203) и их окончательного низвержения Алексеем V Дукой Мурзуфлом (1204).

Изд.: Nicetae Choniatae Historia / Rec. J.-P. van Dieten. Berolini et Novi Eborace, 1975.

Пер.: Никиты Хониата История / Пер. под ред. В. И. Долоцкого, Н. В. Ченцова. СПб., 1860—1862; Никита Хониат. История. Рязань, 2003. Т. 1—2.

Лит.: Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. Bekker. Bonnæ, 1835; *Успенский Ф. И.* Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874; *Он же.* Образование Второго болгарского царства. Одесса, 1879; *Васильевский В. Г.* Труды. Л., 1930. Т. 4. С. 76—79; *Neumann C.* Griechische Geschichtsschreiber und Geschichtsquellen im zwölften Jahrhundert. Leipzig, 1888. S. 103—105; *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства в XII веке (1141—1173). Варшава, 1889; *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 91—93, 281—286; *Chalandon F.* Les Comnène, II: Jean Comnène (1118—1143) et Manuel Comnène (1143—1180). Paris, 1912. P. XXII—XXXIV; *Златарски В. Н.* Кога Никита Акомитан произнесе речта си по случай брачния съюз на Исаака Ангела с маджарската принцеса; История на българската държава през средните текове. София, 1971. Т. 2. С. 522—523; *Grecu V.* Autour du De Siguis de Nicétas Choniate // Revue des études byzantines. 1948. Vol. 6. P. 58—66; *Idem.* Nicétas Choniates a-t-il connu l'histoire de Jean Cinnamos? // Revue des études byzantines. 1949. Vol. 7. P. 194—204; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1983. Bd. 1. S. 444—450; *van Dieten J.-L.* Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. Berlin; New York, 1971; *Idem.* Noch einmal über Niketas Choniates // Byzantinische Zeitschrift. 1964. Bd. 57. S. 302—328; *Grabler F.* Das Zitat als stilkmittel bei Niketas Choniates // Akten des XI.

Internationalen Byzantinistenkongresses (1958). München, 1960. S. 190—193; *Idem.* Niketas Choniates als Redner // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistischen Gesellschaft. 1962—1963. Bd. 11—12. S. 57—78; *Καждан А. П.* Еще раз о Киннаме и Никите Хониате // *Byzantinoslavica*. 1963. Т. 24. Р. 4—31; *Он же.* Роберт де Клари и Никита Хониат // *Европа в средние века. Экономика, политика, культура.* М., 1972. С. 294—299; *Он же.* Книга и писатель в Византии. М., 1973; *Cutler A.* The De Signis of Nicetas Choniates. A Reappraisal // *American Journal of Archaeology*. 1968. Vol. 72. P. 113—118; *Jurewicz O.* Andronikos I. Komnenos. Amsterdam, 1970; *Vasilikopoulou A.* Ἀνδρόνικος ὁ Κομνηνὸς καὶ Ὀδυσσεύς // Ἐπετηρὶς Ἐταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1969—1970. Т. 37. (ΛΣ.) 251—259; *Fatouros G.* Textkritisches zum Geschichtswerk des Niketas Choniates // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1977. Bd. 26. S. 119—124; *Досталова Р.* Византийская историография (Характер и формы) // *Византийский временник*. 1982. Т. 43. С. 31—33; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 429—441; *Бибиков М. В.* Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 197—206; *Он же.* Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 136—155, 199—261; *Князький И. О.* Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003; *Καждан А. П.* Никита Хониат и его время. СПб., 2005.

«ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ»

(перевод под редакцией В. И. Долоцкого и Н. В. Ченцова)

1. На пятом году царствования Иоанн выступает в поход против скифов¹, которые стали опустошать Фракию, уничтожая хуже саранчи все, что ни встречалось. Собрав ромейские войска, он вооружился как можно сильнее, не только потому, что неприятелей было почти бесчисленное множество, но и потому, что варвары выказывали надменность и с хвастовством смело и сильно наступали. К тому же он, кажется, вспомнил, что потерпел прежде, когда ромейским скипетром вла-

¹ «Скифы» — печенеги.

дел Алексей Комнин и когда занята была Фракия и опустошена большая часть Македонии. Сначала, употребив военную хитрость, император отправляет к скифам послов, которые говорили на одном с ними языке, чтобы как-нибудь склонить их к договору и отвратить от войны всех или по крайней мере некоторых из них, так как они разделялись на многие племена и отдельно раскидывали свои шатры. Заманив к себе этим способом некоторых из их начальников, он оказывал им всяческую любезность, предложил роскошное угощение, очаровал и обворожил их подарками, состоявшими из шелковых одежд и серебряных чаш и сосудов. Отуманив и расстроив такими ласками умы скифов, он решился, нисколько не медля, вывести против них войско и вступить с ними в сражение, пока они находятся еще в нерешительности и склоняются то туда, то сюда, то есть — и думают заключить с ромеями союз вследствие сделанных им обещаний, и хотят отважиться на войну, как уже прежде привыкшие побеждать. Итак, поднявшись из пределов Верои, где стоял лагерем, он в сумерки нападает на скифов. Тогда происходит страшная свалка, и завязывается ужаснейшая из когда-либо бывших битв. Ибо и скифы мужественно встретили наше войско, наводя ужас своими конными атаками, метанием стрел и криками при нападениях, и ромеи, однажды вступив в бой, решились сражаться, с тем чтобы победить или умереть. При этом и сам император, имея при себе друзей и определенное число телохранителей, всегда как-то являлся на помощь там, где была опасность. Между тем скифы, руководимые одною нуждою, изобретательницею всего полезного, из предосторожности ухитрились во время этой битвы вот на что. Собрав все повозки, они расположили их в виде круга и, поставив на них немалое число своего войска, пользовались ими, как валом. Вместе с тем, оставив между ними косые проходы, они, когда теснимы были ромеями и принуждены были бежать, уходили за повозки, как за крепкую стену, и оттого не подвергались невыгодам бегства, а потом, отдохнув, опять выходили оттуда, как бы через открытые ворота, и мужественно сражались. Таким образом, эта битва была почти настоящим штурмом стен, внезапно воздвигнутых скифами среди открытого поля, и оттого

ромей напрасно истощались в усилиях. Тогда-то Иоанн показал своим подданным образец мудрости, ибо он не только был умный и находчивый советник, но и первый исполнял на деле то, что предписывал военачальникам и войскам. То было дело необыкновенное и свидетельствовало о его великом благочестии. Когда неприятели всею массою напали на ромеев и с особенною отвагою вступили в бой, и когда ромейские фаланги изнемогали, он, став пред иконою Богоматери и с воплем и умоляющим видом взирая на нее, проливал слезы, более горячие, чем пот воинов. И бесплодно было это его действие: напротив, он тотчас же облекся силою свыше и прогнал войска скифские, как некогда Моисей простираем рук рассеял полчища амаликитян. Взяв телохранителей, которые защищаются длинными щитами и заостренными с одной стороны секирами¹, он несокрушимою стеною устремляется на скифов. И когда устроенное из повозок укрепление ими было разрушено, и оттого бой сделался рукопашным — враги опрокидываются и обращаются в бесславное бегство, а ромей смело их преследуют. Тогда тысячами падают эти обитатели повозок, и лагерь их разграбляется. Что же касается до военнопленных, то их оказывается бесчисленное множество, равно как и тех, которые добровольно отдались из любви к пленным единоземцам, так что из них в одной западной ромейской провинции составлены были целые селения, от которых небольшие остатки существуют еще и доселе. Немалое также число их включено было в союзные когорты, но еще более значительные толпы, взятые войском, были проданы.

Одержав столь знаменитую победу над скифами и достигнув такого великого торжества, Иоанн воздает благодарение Богу, учредив в память этого события и во свидетельство благодарности так называемый у нас «печенежский праздник» (...). Между тем и сам император спустя немного времени отправился в поход с войском. На пути при первой же встрече он прогнал скифов, которые, перейдя Истр, опустошали области при горе Гем, — и, выступив из Филиппополя, пошел прямо в Кефалинию (...).

¹ Имеется в виду варяго-русский наемный корпус императорской гвардии.

⟨...⟩ А сам император, узнав, что властитель Сербии снова злодействует на границах и поступает хуже прежнего, так что заключил даже союз против ромеев с соседними пеонцами¹, с пренебрежением выступает против них с небольшою частью войска, полагая, что они не в состоянии с ним бороться. Но они выказали неожиданное сопротивление и мужественно встретили предстоящую войну, получив весьма сильное вспомогательное войско от гуннов². В это-то время и Иоанн Кантакузин, вступив в бой с варварами и сражаясь до того, что и сам наносил и принимал удары, — потерял пальцы на руках, подвергшись нападению целой толпы сербов. Да и сам император имел единоборство с архижупаном³ Вакхином, — человеком богатырского телосложения и с сильно развитыми мышцами рук. Вакхин ударил императора в лицо и разбил вдребезги опущенную железную сетку шлема, закрывавшую глаза его, а император пронзил мечом его руку и, этим лишив его возможности сражаться, взял его живым в плен. Когда же наконец и здесь ромеев озарил блеск победы, и варвары рассеялись, подобно тучам, и после неблагоприятного начала война окончилась весьма счастливо, — император, еще не стерши с лица пыли после прежнего сражения и еще покрытый горячим потом, идет войною против угров. Он ставил им в вину то, что они помогали сербам, и хотел воспользоваться отсутствием их защитника, так как король угров⁴ был тогда вне отечества и сражался с соседними росами.

⟨...⟩ В это же время и скифы⁵, переправившись через Истр, стали разорять ромейские крепости, лежащие на этой реке. Против них выслан был некто Каламан. Но он неудачно повел войну против скифов и потерпел совершенное поражение; полки его были разбиты и потеряли много храбрых людей, да и сам он умер от полученных им смертельных ран. А скифы, разграбив по своему обыкновению все, что попадалось им на пути, и навьючив лошадей добычей, отправились

¹ «Пеонцы» — венгры.

² Также венгры.

³ Это древний титул владельца Сербии.

⁴ Геза II (1141—1161).

⁵ Куманы (половцы).

в обратный путь. Для них ничего не стоит переправа через Истр, они легко выходят на грабеж и без труда возвращаются назад. Оружие их составляют: колчан, повешенный сбоку на поясе, кривой лук и стрелы. Некоторые, впрочем, употребляют и копья и ими действуют на войне. Один и тот же конь и носит скифа во время тягостной войны, и доставляет пищу, когда разрезают его жилу, а если это кобылица, то, говорят, она удовлетворяет и скотской похоти варвара. Для переправы через реку скифы используют кожаные мешки, наполненные соломой и так хорошо сшитые, что в них не проникает ни малейшая капля воды. Скиф садится верхом на такой мешок, привязав его к конскому хвосту, кладет на него седло и все военные принадлежности и таким образом, пользуясь при переправе конем, как судно парусом, легко переплывает через всю ширину Истра.

⟨...⟩ В это же время возвратился в отечество и Андроник, снова бежавший из заключения и проживавший в Галице. Галица — это одна из топархий, принадлежащих росам, которых называют также гиперборейскими скифами. А убежал Андроник вот каким образом. Он притворился больным, и ему назначен был в услужение молодой комнатный слуга из иноземцев и притом плохо знавший наш язык. Этому слуге — так как только ему одному и был доступен вход в тюрьму — Андроник поручает унести потихоньку ключи от дверей башни в то время, когда стражи, порядочно подвыпив, уснут после обеда, и с этих ключей сделать из воска точный отпечаток, так чтобы он во всем соответствовал подлиннику и вполне походил на него. Невольник исполняет приказание и приносит Андронику слепки ключей. Андроник поручает ему показать их своему сыну Мануилу и сказать, чтобы он как можно скорее приказал сделать из меди такие же ключи, и кроме того — чтобы в амфоры, в которых приносится ему к обеду вино, положил льняные веревочки, клубки ниток и тонкие шнурки. Когда это приведено было в исполнение — замки ночью отпираются, темница без труда открывается и Андроник, при содействии невольника, который помогал ему в этом деле, получив от него подарок, — выходит с веревками в руках ⟨...⟩. Достигши Меливота, он садится здесь на приготовленных

для него лошадей и бежит прямо в Анхиал¹. По прибытии сюда; [он] открывается Пупаке, который первый, как я уже сказал, взшел на лестницу на острове Корифо, — и, получив от него съестные припасы на дорогу и проводников, отправляется в Галицу. Но когда Андроник считал уже себя вне опасности, так как уже скрылся от преследований и достиг пределов Галицы, куда стремился, как в спасительное убежище, тогда-то именно он и попадает в сети ловцов. Влахи, предупрежденные молвою о его бегстве, схватили его и опять повели назад к императору. Не имея для себя ни в ком ни спасителя и избавителя, ни друга-защитника, без оружия, без слуги, этот изобретательный человек опять нашел себе пособие в своей хитрости. Чтобы обмануть тех, которые вели его, он притворился, будто страдает поносом, часто сходил с лошади и, отойдя в сторону, готовился к отправлению естественной нужды, отделялся от спутников и оставался один, как будто его действительно беспокоил понос. Много раз он делал так и днем и ночью и наконец обманул своих спутников. Однажды, поднявшись в темноте, он воткнул в землю палку, на которую опирался в дороге, как человек больной, надел на нее хламиду, наложил сверху шляпу и, таким образом сделав нечто похожее на человека, присевшего для отправления естественной нужды, предоставил стражам наблюдать вместо себя за этим чучелом, а сам, тайно пробравшись в росший там лес, полетел, как серна, освободившаяся от тенет, или птица, вырвавшаяся из западни. Когда стражи увидели наконец его проделку, они бросились бежать вперед, полагая, что Андроник следует тому же направлению, по которому шел прежде. Но он обратился назад и другим путем направился в Галицу. (...) Что же касается Андроника — он принят был правителем Галицы с распростертыми объятиями, пробыл у него довольно долго и до того привязал его к себе, что вместе с ним и охотился, и заседал в совете, и жил в одном с ним доме, и вместе обедал.

Между тем император Мануил считал бегство двоюродного брата и удаление его из отечества личным для себя бесче-

¹ Город во Фракии, на берегу Черного моря, ныне известный у греков под именем Анхиало и Ахело, а у турок — под именем Кенхис.

стием. К тому же ему казалось и подозрительным долговременное его отсутствие, так как ходили уже слухи, что он собирает многочисленную скифскую конницу с намерением вторгнуться в ромейские пределы. Поэтому он признал делом, как говорят, первой важности — возвратить Андроника. С этой целью он приглашает его оттуда и после дружеских уверений с той и другой стороны действительно принимает странника в свои объятия...

⟨...⟩ А одного, бывшего в числе писцов Алексеевых, по имени Мамала, он [Андроник] отделил и отложил на последнее лакомство. Итак, он приготовил его, столько различных приправ приложил к нему, что оно достойно было никакого иного гостя, а только одного Андроника, годилось быть на трапезе Эринний¹ и на пире завистливых тельхинов — лакомство, какого никогда не готовил самый искусный повар. Именно он приказал сжечь этого человека на ипподроме. И от был разведен огонь, и пламя его далеко разливалось по воздуху на ристалище, все равно что в той халдейской печи, которую семь раз разжигали нефтью и хворостом. Привели юношу, у которого только что стала показываться борода и щеки покрылись первым пухом, — в узах и нагим, каким он вышел из материнской утробы и в первый раз увидел свет Божий. Сжигатели обступили его, как жертву, и длинными острыми шестами стали толкать его в самую середину огня. Но он, при приближении к огню, чувствуя боль и, как человек, питая естественную любовь к жизни и все еще как бы надеясь избежать уже неминуемую смерть, то бросался прямо на обращенные против него шесты, считая боль от этого легче, чем мучения в огне и на углях, то, вверженный сжигателями в самую середину огня и объятый пламенем, быстро, как змея, огромным прыжком выскакивал из костра. И такое зрелище продолжалось довольно долго и доводило зрителей до слез. Наконец он, выбившись из сил, упал навзничь, и лютей огонь, охватив его тело, вскоре пожрал его. Только смрад, поднимаясь кверху, заражал окружающий воздух и, разлетаясь, был нестерпим для обоняния прохожих. Какое лютое по-

¹ Эрин(н)ии — античные богини возмездия; Тельхины — синоним кудесников и оборотней.

жарище! Какое всеожжение, вожделенное для демонов! О жертва тельхинов! О вполне бесовское приношение! О вонь смрада, которую обоняет не Господь, но сонм Эринний и злодей Андроник! Слыша, что древние приносили в жертву волон и служили божеству курением, он не захотел следовать их примеру, но, как видно из его дел, имея душу более безжалостную, чем самые лютые когда-либо бывшие люди, решил, по своей злобе, приносить в жертву людей, презрев христианские законы, которые заповедывают скорее спастись, чем губить душу, и объявляют целый мир недостойным ее. Какой безумный Камбис¹, или жестокий Тарквиний², или Эхет³ и Фаларис⁴ — эти дикие и зверские люди сделали что-нибудь подобное? Кто из тавроскифов, у которых положено законом убивать чужеземцев и обычаями которых заразился этот много скитавшийся старик, так свирепствовал над своим пленником? А чтобы показать, что казнь была не без причины, но что она вызвана действительным преступлением, Андроник сжег вместе с Мамалом какие-то книги, в которых будто бы говорилось о будущих императорах и которые Мамал, как говорили, читал Алексею и тем возбуждал в нем желание царствовать(...).

(...) Наконец [Андроник] построил возле храма Сорока мучеников великолепные палаты, которые должны были служить для него помещением, когда он приходил в церковь. Не имея возможности расписать в них живописью или изобразить мозаикой дела, недавно им совершенные, он обратился к тому, чем занимался до воцарения. Таким образом, живопись представляла конскую езду, псовую охоту, крик птиц, лай собак, погоню за оленями и травлю зайцев, пронзенного копьем кабана и раненого зубра (этот зверь больше сказочного медведя и пестрого леопарда и водится преимущественно у тавроскифов), сельскую жизнь с ее палатками, наскоро приготовленный обед из пойманной добычи, самого Андроника, собственными руками разрубающего на части

¹ Древнеперсидский царь.

² Древнеримский царь.

³ Мифический жестокий царь Эпира.

⁴ Тиран Акраганта.

мясо оленя или кабана и тщательно его поджаривающего на огне, и другие предметы в том же роде, свидетельствующие о жизни человека, у которого вся надежда на лук, меч и быстрое коня и который бежит из отечества по своей глупости или по добродетели⟨...⟩.

⟨...⟩ Когда же толпа разнесла ворота, называемые Карейскими, и ворвалась во дворец, Андроник обратился в бегство. Сняв с ног пурпурные сапоги и, как сумасшедший, сбросив с шеи крест, эту давнюю свою охрану, он надевает на голову варварскую шапку, которая, оканчиваясь острием, похожа на пирамиду, и снова вступает на царскую триеру, на которой приехал в Большой дворец из Милудийского дворца. Возвратясь опять туда же и взяв с собой двух женщин — Анну, бывшую в браке с императором Алексеем, а после его смерти, как уже сказано, вышедшую замуж за Андроника, и любовницу Марантику, которая недурно играла на флейте и которую он страстно и до безумия любил, как не любил и Димитрий Полиоркет Ламию, взятую в плен, после победы над Птоломеем, на острове Кипре, — Андроник поспешно отправился в намеченный путь. Предположил же он бежать к тавроскифам, потому что все ромейские области, как и владения других народов, считал для себя небезопасными ⟨...⟩.

⟨...⟩ Между тем Исаак, прожив немало дней в Большом дворце, переезжает во Влахернский дворец и здесь получает известие об аресте Андроника. Взят же был Андроник таким образом. По пути во время своего бегства он приезжает в Хилу в сопровождении немногих слуг, бывших при нем еще до воцарения, и с двумя взятыми им женщинами. Жители того места, видя, что на нем нет никаких царских украшений, но что он, как беглец, спешит переправиться к тавроскифам и что его никто не преследует, и не осмелились и никак не сочли возможным задержать его ⟨...⟩.

⟨...⟩ Виновники зла — предводители мятежного войска, то есть Петр и Асан — со всей своей изменнической дружиной, подобно упоминаемому в Евангелии стаду свиней, устремившемуся в море, бросились в Истр и, переправившись через него, соединились с соседними скифами¹. К сожалению, импе-

¹ Куманами.

ратор, при совершенном отсутствии всякого сопротивления имея возможность обойти всю Мисию¹ и поставить гарнизоны в тамошних городах, из которых многие лежат вдоль Гемаи и большая часть которых, или даже почти все, построена на крутых скалах в заоблачной высоте, не сделал ничего подобного, но, предав огню хлебные скирды и польстившись на притворное раскаяние явившихся к нему влахов, немедленно поворотил в обратный путь, оставив все дела там еще далеко не разрешенными, так что он только возбудил в варварах еще большее презрение к ромеям и еще более их одушевил (...).

(...) Между тем Асан², с толпой своих варваров переправившись через Истр и соединившись со скифами, набрал там по мере надобности многочисленное союзное войско и потом опять возвратился в свое отечество — Мисию³. Найдя ее совершенно очищенной и оставленной ромейским войском, варвары ворвались в нее с большим шумом, как будто привели с собой из Скифии целые полки демонов. Теперь они уже не довольствовались тем, чтобы охранять свою собственную независимость и удержать господство над одною Мисией, но решились учинить как можно больше вреда ромеям и соединить Мисию и Болгарию в одно владение, как это было давно когда-то. Впрочем, может быть, дело кончилось бы и благополучно, если бы император опять сам выступил против мятежников. К сожалению, он отложил свое личное участие в войне против них до другого времени и вверил командование войском своему дяде по отцу, севастократору Иоанну (...).

(...) II. Между тем василевс, жалея, что в первый свой поход против мисийцев не распорядился их страну надлежащим образом и возвратился из нее с такой поспешностью, как будто его по пятам преследовал неприятель, даже не оставив в ее крепостях ромейских гарнизонов и не взяв у неприятеля благонадежных заложников, теперь опять решился идти в Мисию. Не теряя времени, он выступил из столицы с неболь-

² Вариант: τὴν ὄλην ζαγοράν, — «все Загорье», т. е. Балканы.

³ Асень, болгарский аристократ, возглавивший вместе с братом Петром восстание в 1185 г. против византийского господства.

⁴ Вариант: в отечество свое, — Загорье.

шим войском, какое при нем было, так как получил известие, что мисийцы уже не рыщут только по горам и холмам, но, усилившись наемным скифским войском, спустились к окрестностям Агатополя и страшно опустошают их, принося «Термерово несчастье»¹. Между тем по призыву его собиралось и остальное войско. Император хотел противопоставить неожиданному и быстрому нападению варваров столь же быстрый отпор, надеясь, что и врагов удержит, и в своих возбudit живейшую готовность следовать за собой в этот второй поход против влахов, если сам первый немедленно поднимет против них оружие и сядет на бранного коня ⟨...⟩.

⟨...⟩ Итак, император, взяв с собой около двух тысяч отборных воинов, хорошо вооруженных и снабженных добрыми конями, выступил из Таврокома против неприятеля один, приказав обозу и обозной прислуге следовать в Адрианополь ⟨...⟩.

⟨...⟩ Наконец, мы заметили и ясно увидели неприятельское войско — так как и я был здесь, состоя при императоре в должности младшего секретаря. Мгновенно скифы и влахи, поручив добычу отдельному отряду, с тем чтобы он пробирался кратчайшей дорогой и поспешно продолжал путь до самых гор, сомкнулись и храбро встретили натиск ромейской конницы, сражаясь своим отечественным обычным способом. Обыкновенно они бросаются на противников, осыпают их тысячами стрел и ударяют в копья, но через короткое время меняют нападение на бегство и начинают заманивать неприятеля в погоню за собою; потом вдруг поворачиваются лицом к наступающим, бросаются на них быстрее птиц, рассекающих воздух, и вступают опять в бой, всякий раз с новым мужеством и с большей против прежнего отвагою. Повторив этот маневр и теперь много раз, так что ромеи стали уже явно ослабевать, они оставили его потом, обнажили мечи и со страшным воинственным криком, быстрее мысли, бросились на ромеев и начали косить без разбора — и нападавших, и обращавшихся в бегство. По всей вероятности, скифы, снискав великую славу, действительно посмеялись бы в этот день над нами, и мы были бы преданы на позор народу зверскому, если

¹ Поговорка, означающая вполне заслуженное наказание (Термеры — город в Кариин).

бы не подоспел на помощь сам император, имевший при себе еще совершенно свежую фалангу, и если бы громкий звук труб прибывшего отряда, гул медноустых рогов, огласивший поле сражения, и вид драконовых изображений, развевавшихся по ветру на древках копьев, не увеличили в их уstraшенном неожиданностью воображении численности нашего войска. Таким образом, вырвав тогда кое-что из неприятельской добычи, словно из звериных челюстей, император направился после битвы назад к Адрианополю, оставив дорогу, по которой предполагал идти. Но так как варвары не успокаивались, то он опять поворотил на дорогу, которую перед тем оставил. В самом деле, ему удалось при Веррое остановить набеги скифов и мисийцев, как благодаря помощи людей опытных в военном деле, так и благодаря своим личным распоряжениям. Тем не менее варвары, хотя боялись ромеев и везде обращались в бегство, где только появлялся император, однако всякий раз украдкой снова принимались за свои дела, вторгаясь где-нибудь как будто с целью дать битву и заставляя там ожидать своего нападения, а между тем в действительности нападая совсем в другом месте и всегда имея какой-нибудь успех. Когда император спешил к Агатополю, чтобы там остановить их набеги, они грабили селения вблизи Филиппополя. Как скоро он направлялся к месту, которое от них страдало, они тотчас устремлялись туда, откуда уходил император. Их набегами управлял один из упомянутых мною братьев, Асан, человек необыкновенно ловкий и в затруднительных обстоятельствах чрезвычайно находчивый (...).

(...) Так как дела на Западе становились между тем все хуже и хуже, и влахи вместе с команами постоянно производили разорительные и опустошительные набеги на ромейские области, то император снова предпринял поход против них. Действительно, пройдя мимо Анхиала, он обходом проник в Гем; но скоро уверился, что не в состоянии будет совершить что-нибудь достойное царского присутствия в войске, и решил кончить поход в два месяца (...).

(...) Именно, желая прекратить набеги и грабительства владхов, действовавших в союзе со скифами, и будучи глубоко поражен тем, что Алексей Гид и Василий Ватац — из которых

первый был главою восточных войск, а последний западных, — сразившись с неприятелем близ города Аркадиополя, не только не получили никакого перевеса, но Гид едва спасся позорным бегством, потеряв лучшую часть своего войска, а Ватац погиб со всею армией, император решился сам, под личною своею командой, открыть наступательную войну против врагов ⟨...⟩. Между тем Асан большую и лучшую часть своего войска разместил по разным частям в засады. Не предвидя этой стратегической тонкости и хитрости, Исаак¹ с таким неистовым пылом устремился на врагов, как будто несомненно должен был победить и обратить их в бегство. Поэтому, когда наконец вошли в дело отряды, бывшие в засадах, он, как бы накрытый со всех сторон сетями, потерял большую часть своего войска и в заключение сам был взят в плен скифами. После этого неприятель, как лев на стадо, безбоязненно бросился на добычу и грабеж, так как ромеи уже не сопротивлялись, но все, кто еще не пал в битве жертвою меча, со страхом обратились в бегство и сколько можно поспешнее укрылись в городе Серрах. Взятый севастократора в плен скиф всячески старался укрыть его от взоров Асана, соблазняясь корыстною надеждою, что если ему удастся увести его от влахов в свою сторону, то император ромеев заплатит за него большой выкуп. Но так как разнеслась молва, что взят в плен полководец, то после тщательного розыска севастократор был найден и представлен Асану. Так кончилась эта битва ⟨...⟩.

⟨...⟩ Действительно, этот человек² очень много потрудился в окрестностях Филиппополя; он был драгоценной оградой для ромеев против своих родичей, которые в союзе со скифами производили постоянные вторжения в ромейские области, опустошая все на пути, и самым деятельным помощником царю в тех редких случаях, когда царь решался сам вступить в поле. Но кто в состоянии исчислить все набегии скифов и влахов в каждую пору года, или рассказать, какие ужасные злодеяния они производили? Пустынность всей страны поблизости к Гему и разорение Македонии и Фракии, конечно,

¹ Исаак II Ангел, византийский император (1185—1195).

² Иванко, брат Петра и Асена, ставший болгарским царем под именем Калоян (1197—1207).

лучше всяких памятников с надписями и яснее всякой истории свидетельствуют о том, что там совершалось ⟨...⟩.

⟨...⟩ После того, отправившись в предстоявший путь, император уехал в Кипселлы, имея в виду сделать что-нибудь для блага городов фракийской области, приведенных в бедственное положение нашествиями влахов и скифов ⟨...⟩.

⟨...⟩ Не успевши совершенно оправиться от болезни и еще не имея силы стоять на ногах, император¹ выступил в поход и отправился в Кипселлы со всеми необходимыми запасами для войны. Между тем, пока он был болен, скифы с частью влахов, прийдя из-за Истра во Фракию, в самый день ежегодного воспоминания мученика Христова Георгия произвели опустошительное нападение на беззащитные окрестности городов Месины и Чурула. Как известно было, варвары хотели и условились с проводниками напасть прежде всего на Куперий (местечко, лежащее по соседству с Чурулом, где совершался в это время праздник в честь мученика и обыкновенно собиралось огромное стечение народа). Но так как с утра лежал по земле густой туман, то большая часть варваров, потерявши настоящую дорогу, сбилась совсем в другую сторону и ушла на взморье к самому Редесту; так что только небольшой отряд их вторгся в Куперий. Поэтому они не успели проникнуть в храм и принадлежавшие к нему пристройки. Собравшийся на празднество в честь мученика народ, видя, что лучше принять поскорее какие-нибудь меры, нежели обречь себя на страдание, ничего не делая, собрал наскоро телеги, огородил ими храм и таким образом укрыл себя от прямого, непосредственного нападения варваров, а известно, что скифы и доселе избегают непривычной для них осады укреплений, полевых ли, или городских, — что они одним натиском, подобно бурному вихрю, бросаются лицом к лицу на противников и потом обыкновенно отступают к себе назад. Что же касается тех, которые, оставив храм, хотели спастись бегством в город Чурул, то все они поголовно были пленены варварами, не успевши достигнуть чурульской крепости. Между тем, без всякого сомнения, никто из них не попался

² Алексей III Ангел (1195—1203).

бы в плен, если бы один негодный лохмотник¹, пришедший сюда из Антигонова монастыря за сбором во время праздника подаяний, доставил по назначению предписание, которое послал с ним начальник здешней местности Феодор Врана. Запрещая стечение народа в Куперий, Врана уведомлял о предполагаемом вторжении сюда скифов и предлагал богомольцам на выбор одно из двух — или послушаться его приказаний и избегнуть всякой опасности, или не слушать их и идти навстречу верной смерти. Но его доверенный посол — человек, совершенно отрехшийся от мира, прервавший все связи с светом и добровольно облекшийся в рубище Христово, — опасаясь в случае, если народ рассеется, не до считаться в своем сборе статира меди, заложил письмо в пазуху и спрятал его, как будто во тьме, под своим черным плащем; в то же время он уверял всех — как будто корысть, любостыжание и пройдошество особенно изощряют дар пророческого предвидения, — что бояться нечего и что слухи вообще, часто искажая истину, не дают верных известий. Таким образом, скифы собрали большую добычу и возвращались назад. Узнав о возвращении их, ромейское войско, составлявшее гарнизон Визии, пересекло им дорогу. Оба войска встретились, и наше одержало верх: скифы, потеряв многих убитыми, были обращены в бегство; значительнейшая часть их добычи отнята обратно. К сожалению, наше торжество продолжалось недолго, потому что природная, безумная и неудержимая никакими обстоятельствами жадность ромеев уничтожила победу. Совершенно предавшись грабежу и расхищению того, что везли скифы, ограбивши ромейские селения, ромейское войско дало возможность пораженному и обращенному в бегство неприятелю снова начать битву и затем принуждено было в свою очередь само спастись бегством.

III. <...> В это время вторглись скифы². Настоящее нашествие их было огромнее и ужаснее всех прежних. Разделившись на четыре отряда, они прошли всю Македонию, нападая даже на укрепленные города и гористые местности; так что про-

¹ Вариант: «<...> Один негодный и нечестивый монах Антигонова монастыря, пришедший сюда за сбором <...>».

² Т. е. куманы.

ники в гору Ган, разграбили многие монастыри и перебили монахов. В общем ужасе никто не решался оказать им сопротивление, потому что на их стороне было большинство, и приходилось сражаться, не щадя своей жизни ⟨...⟩.

III. ⟨...⟩ В следующий год влахи вместе с команамы опять произвели нашествие на ромейские владения и, опустошив самые лучшие области, возвратились обратно, не встретив нигде сопротивления. Может быть, они подступили бы даже к земляным воротам Константинополя и устремились против самой столицы, если бы христианнейший народ русский и стоящие во главе его князья, частью по собственному побуждению, частью уступая мольбам своего архипастыря, не показали в высшей степени замечательной и искренней готовности помочь ромеям, приняв участие в них, как народе христианском, каждый год несколько раз подвергающемся нашествию варваров, пленению и продаже в рабство народам нехристианским. Именно Роман¹, князь Галицкий, быстро приготовившись, собрал храбрую и многочисленную дружину, напал на коман и, безостановочно прошедши их землю, разграбил и опустошил ее. Повторив несколько раз такое нападение во славу и величие святой христианской веры, которой самая малейшая частица, каково, например, зерно горчичное, способна представлять горы и передвигать утесы, он остановил набеги коман и прекратил те ужасные бедствия, которые терпели от них ромеи, подавая таким образом единоверному народу неожиданную помощь, непредвиденное заступничество и, так сказать, Самим Богом ниспосланную защиту. Сверх того загорелись тогда распри между самими этими тавроскифами; а именно, этот же самый Роман и правитель Киева Рюрик² обагрили мечи в крови своих единоплеменников. Из них Роман, как более крепкий силою и более славный искусством, одержал победу, причем также истребил множество коман, которые помогали в борьбе Рюрику, составляя сильнейшую и могущественнейшую часть его войска ⟨...⟩.

¹ Роман Мстиславич, князь Волынский (с 1171) и Галицкий (1199—1205).

² Рюрик Ростиславич Смоленский, великий князь Киевский (1173; 1180—1182; 1194—1202; 1205—1207).

⟨...⟩ Потом названные нами сыновья Неемана¹, забыв братскую любовь, поссорились и сами между собою и, начав междоусобную распрю, вошли в один разряд с теми братьями, о которых мы не так давно сказали, что властолюбие и испорченность нравов подавили в них все естественные чувства природы: Волк, одержав перевес, лишил Стефана престола и изгнал из отечества. Так пример братоубийства, показанный в Царьграде, сделался как бы образцом, моделью или даже общим правилом для всех концов земли; так что не только персидские, тавроскифские², далматские, как теперь, или несколько позже паннонские государи, но и владетельные лица разных других народов, обнажив мечи против единокровных родственников, наполнили свои отечества убийствами и мятежами!

⟨...⟩ В то время как ромеи, заняв Адрианополь и Дидимотих, держались в этой стороне, пользуясь значительным подкреплением влахов, Иоанн³ привел собственные полки и почти бесчисленное вспомогательное войско из скифов, стараясь всеми мерами скрыть от латинян многочисленность своего ополчения. Между тем Балдуин⁴ и трое других главных вождей (так как граф Сен-Поль уже скончался и погребен был в Манганском монастыре, в склепе севасты Склирены), получив известие о восстании ромеев, немедленно выслали войско для возвращения восставших городов к повиновению. Таким образом, Визия и Чурул смирились и возвратились к прежней покорности. Но город Аркадиополь оказал сопротивление. При приближении латинского войска все зажиточные и порядочные обыватели выбрались из него; между тем ночью вступили в него ромеи, для которых он был родиной, со своими союзниками. Приблизившись к городу, латиняне сначала сделали роздых, оставаясь в вооружении и отдельными отрядами производя наблюдение над городскими стенами; но на рассвете, увидав, что ромеи не держатся ни строя, ни каких

¹ Сербский жупан Стефан Неманя.

³ Русские князья.

⁴ Калоян, имевший союзниками половецких (куманских) войнов.

⁴ Один из лидеров Четвертого Крестового похода, затем — латинский император (1204—1205).

бы то ни было правил военного порядка, что они даже не вполне достаточно вооружены, построились и приготовились к битве, несколько отступив от стен. Смело выступили против них ромеи, приписывая робости их осторожное отступление, бросились за городские ворота и завязали с неприятелем битву; к сожалению, после недолговременной борьбы они принуждены были обратиться в бегство. Тогда открылось печальное и жалкое зрелище: не давая пощады никому и рубя все мечом, латиняне упоили землю кровью, и никто из павших не удостоился погребения. Впрочем, этим только и ограничилось в своих действиях передовое латинское войско, не смея простираться далее; потому что со всех сторон окружали его ромеи и влахи с частью скифов, занимавшие также город Адрианополь, куда все стекались как в спасительное убежище. В марте месяце выступил сам помазанный на царство Балдуин с графом Людовиком де Блуа и вслед за ними — венецианский дож Генрих Дандуло, каждый со своими собственными отрядами. Подступив к Адрианополю и расположившись около него лагерем вне выстрелов, на следующий день они приблизили войска к стене и поставили орудия. Так как, однако, осажденные защищались крепко, то в продолжение значительного времени латиняне, при несокрушимой прочности стен, ничего более не успели сделать, как только стреляли и в свою очередь сами были обстреливаемы. Наконец, они придумали поднять основы стен рычагами и таким образом неожиданно вдруг потрясти самые стены. С этой целью они начали подкапываться под них, сколько было возможно, издали: земля незаметно выносилась из подкопов; самые подкопы подпирались подставками из сухого леса, и работа шла быстро при множестве рук. Со своей стороны ромеи против них также вымышляли средства к спасению города. Но не прошло еще достаточного числа дней в этой подземной борьбе, как подоспел Иоанн. Немедленно отрядив часть скифского войска, он приказал сделать нападение на стада скота для продовольствия и табуны лошадей, которые паслись на лугах около латинского лагеря, желая такого рода стратегическим опытом изведать характер неприятелей и приемы их военных действий. Едва только появился скиф-

ский отряд, как латиняне, с неистовою быстротой взявшись за коней и копья, неудержимо бросились на скифов, которые, в свою очередь, поворотив тыл, пустились в соответственно быстрое отступление, стреляя назад и в то же время не забывая бежать вперед. Латиняне сильно гнались за ними, желая их настигнуть; но, разумеется, ничего не могли сделать, гонясь за войском легковооруженным и быстролетным. Тем и кончилось тогда это дело. После того Иоанн расположился со своим войском в оврагах, засел в ущелья, прикрылся холмистыми возвышенностями, стараясь, чтобы противники не заметили его присутствия, и выслал еще более значительный отряд скифской дружины, бывшей под предводительством Коцы, для вторичного нападения на латинский лагерь, приказав ему действовать по-прежнему и возвращаться назад к месту, где было расположено войско, тою же дорогою, какую возвращался прежде. Как только латиняне опять увидели скифов, поспешно и мгновенно вооружившись, они бросились на них, потрясая копьями, с еще большей стремительностью, чем недавно перед тем, и преследовали их еще далее. А так как скифы, почти нестреляя назад, подвигались вперед чрезвычайно скоро, потому что при всей легкости вооружения неслись на конях, отличавшихся особенной быстротою бега: то латиняне не заметили, как далеко увлеклись своим преследованием, и по неведению попали в те места, где были устроены силки, засады, западни. Сами усталые от усиленного преследования, с явно уже обессилевшими своими конями, они очнулись среди свежих скифских войск и были сдавлены со всех сторон; потому что скифы обступили их совершенно кругом. Бой сделался рукопашным. Подавляя их своею многочисленностью — так как каждого обступило несколько человек, — скифы стаскивали их с седел, рубили шеи им, жестоковыйным, косами, душили их арканами, рвали на части их коней. Налегши своей массой подобно черной и густой туче, они не оставили латинянам ни малейшей возможности ни продолжать сражение в боевом порядке, ни отступить. Так пала самая отборная часть латинского войска, знаменитая силою своих копьев. Пал и граф Людовик де Блуа. Балдуин был взят в плен и отправлен в

Мисию: там его привели в Тернов¹, заключили в темницу и заковали в цепи до самой шеи. Между тем главный источник всех зол и первовиновник всех бедствий ромейского народа, венецианский дука Дандуло, собравшийся на битву после всех, узнав от беглецов о поражении войска, немедленно поворотил коня и понесся в лагерь. Как только наступила ночь (сражение происходило вечером), он приказал осветить палатки и развести как можно более огней, чтобы показать, что еще не все войско истреблено и что латиняне не боятся сражения: но в первую же перемену ночной стражи поднялся и ускакал в приморский город Редест. Соединившись там с Генрихом, родным братом Балдуина, только что возвратившимся из Атрамиттия² с троянскими армянами, помогавшими ему в войне, оттуда он возвратился в Византий, страдая животом и половыми членами от быстрой верховой езды на протяжении многих парасанг.

В это время ромеи, остававшиеся в Константинополе, дрожали от страха, еще чувствуя подле своей груди присутствие обнаженных латинских сабель и видя разграбление своих имуществ, которому без всякой достаточной причины подверглись они, по удалении Балдуина из города, двадцать пятого числа месяца марта восьмого индикта шесть тысяч семьсот тринадцатого года. Мы сами, живя тогда еще в Силиврии, думали также, что наступают уже последние времена, только что не собственными глазами видя совершившееся по соседству с нами избиение семейства Даонитов и смотря на следы убийц, которые с мечами в руках вторглись в Силиврию, чтобы расхитить наши котомки и рублища. Итак, двенадцатого числа месяца апреля, седьмого индикта, шесть тысяч семьсот двенадцатого года Царьград был взят латинянами; а пятнадцатого числа того же месяца восьмого индикта латиняне были побеждены скифами. Но что же далее? Другой бич, гораздо более тяжелый и многобедственный, заблестал теперь над ромеями. Мстя за ромеев и в то же время, по-видимому, враждуя против них, Иоанн мисийский отдал на разграбление

¹ Город В. Тырново в Болгарии («Мисии»).

² Византийские города Редесто на побережье Мраморного моря и Атрамиттий в М. Азии.

скифам все близкие к Византию пригороды, платившие дань латинянам. Тогда открылось нового рода ужасное бедствие, необычайное и превосходившее всякое наказание Божие. Одну и ту же землю, одних и тех же людей измождали два народа, нападая то оба вместе, то один после другого. Скифы при нападениях опустошали все, что ни попадалось, и иногда, после бичевания, вешали отличавшихся красотой пленников, принося их в жертву своим демонам; латиняне также, ожесточенные восстанием против себя ромеев и поражением, понесенным от скифов, свирепствовали против ромеев несколько не менее. Наконец не осталось ни одного места, где бы можно было найти спасение и убежище. Твердая земля была исполнена беспредельных зол и казалась гибельнее самой погибели; а на море повсюду разъезжали однопалубные латинские суда, разбойничая и грабя все, что ни шло куда бы то ни было <...>.

<...> Между тем Иоанн воротился в Мисию для устройства своих дел и через небольшой промежуток времени, наказав там изменников страшными казнями и новоизобретенными родами смерти, решил начать непримиримую, убийственную и беспощадную войну с ромеями, говоря, что он не в силах долее выносить их коварство, вероломство и ежеминутную переменчивость. В неукротимой злобе он выслал поэтому необозримые рои скифских войск, соперничавшие своею многочисленностью с количеством весенних цветов. Одни из них в необыкновенном множестве окружили Адрианополь. Другие подступили к Русию, вызывая на битву латинский гарнизон этого города. То был отборный отряд латинского войска, состоявший из великанов ростом и героев военного ремесла под начальством Тери¹, весьма знаменитого и уважаемого вельможи. Как только латиняне узнали от лазутчиков о месте расположения скифского войска, немедленно они двинулись туда со всею поспешностью; но скифы, предупредив их нападение, скрытно заняли другое место, лежавшее ближе к Русию, и, когда латиняне после своих поисков возвращались уже назад, неожиданно сами напали на них. Внезапность их появления привела в трепет латинское войско, и их многочис-

¹ Коннетабль Романии Тьери де Текремонд, латинский вельможа.

ленность грозила ему самыми гибельными последствиями: при всем том завязалась упорная битва. Обе стороны сражались с одинаковым мужеством; наконец после отчаянного сопротивления латиняне почти все поголовно были истреблены. Пока здесь происходило это сражение, другие многочисленные и воинственные отряды скифов нахлынули на Апрос. Быстро или, лучше сказать, без сопротивления овладев несчастным городом, скифы разрушили его до основания; народонаселение же его частью истребили, частью увели на продажу в рабство, закрутив пленникам руки за спину, частью предали сожжению. На их стороне была победа, это правда; но бесчеловечно было пользоваться так своими победами!

После описанного жаркого сражения скифы, двинувшись по направлению к морю на Редест, встретили по дороге Феодора Врану¹, который вел в Орестиаду посланный туда отряд латинян, и обратили его в бегство вместе со следовавшим за ним войском. Затем они взяли Редест приступом, жителей обратили в рабство, а самый город сравнивали с землей, переняв от влахов непримиримую вражду к нам и передавая ее от детей к детям, из века в век. Отсюда с тем же неудержимым жаром они пошли на Перинф, из Перинфа — в Даоний, уничтожая страшною силою своего напора всякую мысль о сопротивлении, взяли в плен поголовно все народонаселение этих городов и стены их разрушили до основания. Но не одно только взморье испытало на себе действие бурной храбрости скифских дружин и сопровождавшего их отряда влахов, которые с заступами и ломами в руках нападали преимущественно на стены городов. Все местности, удаленные от моря, сделались теперь в равной степени жертвою тех же, или еще больших, бедствий без всякой пощады со стороны победителей; так как вообще люди, вырвавшиеся из долговременного рабства на непривычную свободу, не знают никаких границ в своих действиях и никогда не думают о том, что в свою очередь и они могут опять попасть в беду, — возносясь без меры случайными удачами и оборотом счастья в их сторону, они совершенно забывают прежнее и надменно, нагло, буйно увлекаются настоящим. Таким образом Аркадиополь, Месина,

² Византийский полководец.

Чурул бедственно кончили свое существование, и все деревни, села, все, что некогда подлежало управлению этих городов, равно как все, что принадлежало к округу самого города Константинополя, все это попало на переделку в скифские руки. Наконец гибельный ураган разразился и над жителями города Афиры. Сначала афирцы согласились со скифами на денежный откуп, и уже прибыли к ним со стороны скифов сборщики золотой монеты. Но вечером того же дня подошла к городу часть латинского отряда, бывшего с Враною под Редестом. Жители с радостью немедленно приняли эту горсть войска, надеясь, что она останется в городе и вступит в битву со скифами; однако около первой перемены ночной стражи латиняне выступили отсюда далее, стараясь укрыться и убежать от скифов, хотя при всем том не достигли цели, потому что под самым Ригием¹ наткнулись на другие, шедшие впереди их скифские отряды и в самом непродолжительном времени после того поголовно все были истреблены. По удалении латинян скифы без ведома своих сборщиков денежного откупа среди ночи перебрались через городские стены, овладели воротами и с обнаженными мечами, со страшным криком бросились на жителей, которые большей частью еще спали и потому не имели достаточно времени, чтобы найти спасение в бегстве. Век надобно оплакивать целыми потоками слез то, что совершалось потом в продолжение этой ночи. Не только все взрослые без различия пола были истреблены или в качестве пленников обращены в рабство; даже грудным младенцам не было пощады: как юную травку, или как нежный цветок, скосили их эти безжалостные люди, нисколько не чувствуя, до какой степени оскорбляет природу и попирает законы человеческие тот, кто простирает свою злобу за пределы победы и власти над врагами. Еще более жалко тех несчастных, которые надеялись спастись, бросившись к пристани: овладев берегом и не внимая ничьим мольбам, победители частью изрубили их мечами, частью увели к себе назад, частью заставили пуститься вплавь по воде и утонуть в ее волнах. Немногие только спаслись, успев сесть на корабли. Иные, не попав на сходни, поскользались о нижние части

¹ Совр. г. Реджио в Италии.

бортов и также погибали в море. Так ужасен и так безысходно губителен был этот погром, кончившийся почти совершенным истреблением всех жителей города! После того, рассыпавшись по всей стороне толпами и отдельными отрядами, варварское войско, подобно страшной буре или лесному пожару, развеяло и испепелило все, что встречало на своем пути. Не осталось решительно ни одного места, которое было бы не отыскано и не разграблено. Из городов же сколько-нибудь более важных и по своей значительности способных рассчитывать на сопротивление только Визия и Силиврия уцелели от разорения и разрушения скифами; да и они избежали общей участи только потому, что, при всей неприступности своего местоположения, были обнесены еще чрезвычайно крепкими стенами и, кроме того, оберегаемы латинским гарнизоном. Совершенно упав духом при таких успехах неприятелей, итальянцы забились в Константинополь, как в пещеру, и все свое внимание обратили на приготовление средств чтобы выдержать осаду, разделив с этою целью между собой городские стены со стороны материка на участки и предоставив ромеям полную свободу выселяться из города, куда угодно. Между тем скифы довольно долго еще оставались в окрестностях Константинополя: часто они подступали к самым стенам, завязывали битву — иногда даже для показания своего мужества и, можно прибавить, счастье, которое им сопутствовало в этих случаях, в самом небольшом числе врвались в так называемые романовские ворота и истребляли оберегавшую их стражу, но затем немедленно отступали назад. Наконец они опять всем войском ушли обратно в свою сторону, гоня перед собою пленников целыми стадами, как каких-нибудь животных, а лошадей и разного другого домашнего скота — такое неисчислимое множество, как неисчислимы звезды небесные.

После того Иоанн с прекрасным и многочисленным войском выступил сам в поход. Прежде и более всего желал он покорить Адрианополь и овладеть Дидимотихом, считая завоевание этих городов достойною наградою за всю войну и в то же время видя в нем осуществление своего желания совершенно выгнать ромеев из Фракии и обратить ее в жилище

одних диких зверей. Итак, он стал лагерем близ Дидимотиха. Находя, что возвышенное местоположение города представляет непреодолимые трудности для его завоевания, Иоанн решил отвести в сторону реку Эвр, которая, огибая крепость, посредством тайных водопроводов снабжала водою жителей. В то же время, установив орудия, он старался пробить ту часть стены, где, по его соображению, она не могла быть совершенно недоступна усилиям осаждающих и куда расстояние позволяло долетать тяжелым камням из орудий. С своей стороны осажденные, желая умиловить Иоанна, приносили ему различные извинения, уверения в преданности, изъявления в покорности — мало того, с высоты своих укреплений провозглашали его своим царем, обещали платить подати и давали согласие усердно исполнять все, что он ни прикажет, умоляя только избавить их от необходимости видеть его в своем городе. Но все это еще более разжигало его неистовство и злобу. Он решительно отвергал все предложения и, упорно настаивая на сдаче крепости как на единственном условии примирения, с прежним ожесточением продолжал осаду, страшною силою огромного размера камнететных орудий разрушая стены, пробивая углы башен и ниспровергая их вершины. Между тем осажденные обнесли стены загородками и палисадником, укрыли их крепкими кожами, чтобы выстрелы из орудий, падая на них, теряли в их упругости силу своего действия. Таким образом, когда Иоанн на время прекращал битву, тогда они со смиренным видом и кроткими речами играли роль преданных и представлялись покорными; а когда он, спешив с коней храбрейшую часть своего войска, приказывал своим с головы до ног закованным в железо латникам идти на приступ в проломленные в стенах бреши или готовился придвинуть к стенам всходные машины и повсюду расставлял в боевом порядке остальное войско, тогда и они, сбросив маску покорности, принимали храбрую воинскую осанку и, сколько доставало сил, отражали нападение, полагая в защите стен всю свою надежду и не щадя ничего для их обороны, — наносили неприятелю под влиянием отчаяния и одушевления столько же вреда, сколько терпели от него сами, и ознаменовывали себя подвигами отваги и му-

жества. Долго тянул варвар эту осаду; но наконец ушел назад в Мизию. С одной стороны, безуспешность охладила его порывы, как недостаток горючего вещества укрощает силу пламени; с другой — встревожила его переходившая из уст в уста и распространившаяся повсюду весть, что скоро должен был придти на помощь осажденным отлично обученный военному делу отряд латинского войска. В это самое время скончался мирною смертью патриарх Иоанн Каматир, после бесприютного странничества поселившийся в Дидимотихе.

Действительно, итальянцы без всякой враждебности охотно приняли приглашение ромеев, которые звали их в Орестиаду и Дидимотих. Они надеялись таким образом поправить свои обстоятельства; потому что прежде считали все свои надежды на эти города окончательно разрушенными. Выступив из Константинополя, они сначала расположились близ Афиры, потом вступили в Силиврию, где пробыли несколько дней, и оттуда, запасшись съестными припасами, прибыли в Адрианополь.

Справедливо можно сказать, что никогда не видел того глаз, не слышало того уха, и не приходило то на сердце человеку¹, что совершили скифы и влахи во время этих нашествий. Обширные, знаменитые и многолюдные до той поры города, красивые подгородные села, отлично обработанные поля и луга, цветущие сады, изобиловавшие плодородием от орошения постоянными ручьями, высокие дворцы, великолепные, артистически отстроенные и расписанные разноцветными красками терема, бани с удобствами всякого рода, обремененные плодами виноградники, обильные жатвы хлебов и тысячи других предметов, произращаемых в разные времена года, которые радуют землю и делают нашу жизнь на ней приятной, сладкой и многожеланной, — все это по истреблении народонаселения сделалось теперь жилищем одних ежей и диких животных. Если бы кто-нибудь мог окинуть это одним взглядом, то, конечно, проникшись величайшей скорбью и ударяя себя в грудь, с слезами на глазах сказал бы, что видит разрушение вселенной или по крайней мере возобновление того состояния мира, когда Бог повелел произрасти из недр

¹ 1 Кор. 2:9.

земли зелени, траве и всякому растению, сеющему семя по роду своему и по подобию, а человека, чтобы пользоваться всем этим, еще не было. Где найти мне для своего языка такое богатство выражений, чтобы их достаточно было для подробного и полного перечисления стольких бедствий? Или откуда взять голос довольно громкий, чтобы передать описываемое в слух отдаленных потомков? Как несчастен писатель, который, подобно мне, принужден говорить о таком бесчисленном ряде несчастий и переполнять свою речь описаниями страданий своих и своих соотечественников! В состоянии ли кто-нибудь с совершенным равнодушием смотреть на памятники побед, подобные тем, которые воздвигнуты нашими неприятелями? В древности победители, по чувству человечности и нежеланию хранить воспоминание о вражде навек, устраивали победные памятники из дерева или из небольших камней, с той целью, чтобы они, простояв несколько времени, исчезали потом, как свидетельства и залогов не дружбы, но вражды и кровопролития. А варвары, которым нас теперь предал Бог в наказание, оставили следом своих побед над нами развалины городов и повсеместное запустение. Но им этого было мало. Они непременно хотели достигнуть самого крайнего верха жестокости — упиться кровавой свирепостью, — и вот, когда кто-нибудь из них умирал, естественной ли смертью или на войне, то, закапывая вместе с умершими боевых коней, на которых те ездили, луки с тетивами, обоюдоострые мечи, в те же могилы зарывали они живыми и пленных ромеев. Кто мог тут выкупить, кто мог спасти несчастных? Так варвары не знают ни меры, ни границ бесчеловечия! Когда обрушились на нас все эти страсти, все эти невиданные и неслыханные ужасы, были пасхальные дни девятого индикта шесть тысяч семьсот четырнадцатого года. Таким образом, всякое место, куда приходил какой-нибудь скифский отряд, одновременно с пением победных гимнов Церкви оглашалось горьким стенанием побежденных — вопли, крики и рыдания заглушали гул праздничный, и между тем как верные воспевали опустение гробов, разрушение ада, восстание из мертвых, целые города сонмами погружались в преисподнюю или в страшные и мрачные селения ада. Тут влекут в

плен; в другом месте грабят; здесь брошены на улице малые дети; там режут дряхлых стариков; но у кого найдется столько сил для горя и рыданий, чтобы достаточно оплакать все это и оросить слезами? Недаром же и, уж конечно, не случайно перед нашествием скифским налетели на поля Фракии огромные стада воронов и грачей — одни с севера, другие с юга, — встретились между собою в одном месте, сразились, и вороны, взяв верх, прогнали прилетевших с юга грачей <...>.

<...> Так шли дела. Между тем Амарриг¹, вступив на престол, получил известие от своих соплеменников, оставшихся в Орестиаде, о новом нашествии влашских и скифских войск, которые, разорив Дидимотих, подступили к самому Адрианополю с намерением овладеть им если не силою, то коварством. Он не побоялся многочисленности врагов, не остановился при мысли о прежних неудачах в войне с ними; но смело выступил опять в поход, дав себе слово выручить из беды оставленных под начальством Враны своих соплеменников и защитить остаток ромеев, которые теперь снова бежались в близкие к Константинополю пригороды. Когда он подступил к Адрианополю, влахи пришли в трепет при одном виде латинян, хотя латиняне не стали и не сделали ни ростом выше, ни душою храбрее против прежнего, но сохранили только среди всех неудач свое обыкновенное мужество и искусство в военном деле. Узнав о бегстве неприятелей, Амарриг преследовал их до Крина и Вореи², потом, пройдя через Агатополю, расположился лагерем в Анхиале и, после многих подвигов, которые доставили ему и деньги, и людей, и целые стада скота, не потерпев никакой потери, без всякого урона возвратился назад и прибыл в Константинополь.

¹ Амальрих I, король Иерусалима.

² Города Фракии.

Михаил Вадимович Бибииков

BYZANTINOROSSICA
Свод византийских свидетельств о Руси
Нарративные памятники

II

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор Н. Поселягин

Оригинал-макет подготовлен А. Вигилянской
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 27.05.2009. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Усл. печ. л. 33. Тираж 800. Заказ №

НП «Рукописные памятники Древней Руси»
№ госрегистрации 1067746430102
Phone: 95-171-95 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1 (Метро «Парк культуры»)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev47@gmail.com